

С. Д. БАРАНОВ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОСИ)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА
(Институт Наследия)

Баранов Сергей Дмитриевич

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОСИ)

Москва
2024

УДК 93
ББК 60
Б24

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

*Зорин А. Л., доктор философских наук, профессор;
Огороков А. В., доктор исторических наук;
Гуцалов А. А., кандидат философских наук*

Баранов С. Д.

Б24 Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси) / Баранов Сергей Дмитриевич. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 578 с. : ил. — DOI 10.34685/t6525-0373-3517-i. — ISBN 978-5-86443-460-4.

В монографии рассматривается цивилизация народов Восточной Европы и России как особый единый предмет исследования: методологические и исторические подходы к определению и исследованию данной цивилизации; состав народов и государств, входящих в неё, место в классификации цивилизаций; история возникновения и основные исторические формы; антропологический, психологический личностный тип и тип общества; особенности мировоззренческой и философской оптики, времени и пространства, зрелая форма данной цивилизации на примере восточноевропейского социализма (1917–1991); осевой характер цивилизации Восточной Европы, её возможное будущее в контексте отношений с глобальной западной цивилизацией и другими цивилизациями. Автор использует междисциплинарный подход, формулируя собственную оригинальную теорию отдельных цивилизаций как крупных этнических типов человека и общества на основе критического анализа основных теорий цивилизаций. Основой для сборки исследования выступают духовная антропология и историософия в рамках русской философской персоналистической традиции. Формулируется и обосновывается теория об особом, осевом типе личности, носителями которого являются народы Восточной Европы. Вместе с тем используются эмпирические данные и факты различных исследований, преимущественно на материале России и восточнославянского ареала. Монография рекомендована специалистам в области философии, культурологии и социальной теории, экспертам и специалистам, интересующимся темами российской и славянской цивилизации.

УДК 93
ББК 60

© Баранов С. Д., 2024
© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024

ISBN 978-5-86443-460-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

К целостной постановке проблемы восточноевропейской цивилизации	7
---	---

Введение

Понятие цивилизации. Методологические замечания по теории отдельных цивилизаций	13
---	----

РАЗДЕЛ 1

Основные подходы к цивилизации России и Восточной Европы

1.1. Истоки концепций панславизма и Русского мира: этногенетические построения о происхождении славян.....	48
1.2. Славизм: славянофильство и панславизм.....	65
1.3. Византизм и неовизантизм, православная цивилизация	89
1.4. Евразийство	121
1.5. Русизм и россиянство: русская цивилизация, российская страна-цивилизация, Русский мир, остров Россия.....	130
1.6. Советизм. Цивилизация реального социализма.....	139
1.7. Гиперборейство и цивилизация Севера	143
1.8. Западничество и европейничанье: Восточная Европа — вариант Запада, особая часть Европы	151

РАЗДЕЛ 2

Границы цивилизации Восточной Европы в социальных науках: состав, периодизация истории; этническая, языковая, антропологическая, религиозная целостность и разнообразие; достижение политической и культурной зрелости, географические и хозяйственные особенности

2.1. Соотношение цивилизации Восточной Европы с другими индоевропейскими цивилизациями.....	160
2.2. Состав народов и государств восточноевропейской цивилизации.....	165
2.3. Предыстория Северной Евразии. Вместо пролога: Номо borealis / «Человек северный»?.....	179
2.4. «Горит восток зарёю новой». Праиндоевропейский массив на границе Европы и Азии: новый тип человека и начало осевой эпохи	188
2.5. Разделение Запада и Востока Европы на начальном этапе расселения индоевропейцев, возникновение двух ветвей индоевропейцев в Европе	212

2.6. Общность культур шнуровой керамики и боевых топоров — первая форма восточноевропейской цивилизации (IV тыс. — начало II тыс. до н. э.)	237
2.7. Праславянский период и праславянский язык. Прародина славянства (II тыс. до н. э. — 500 г. н. э.)	248
2.8. Экспансия и расселение славян в эпоху Великого переселения народов (V–X в. н. э.): цивилизационное значение. Славянизация всей Восточной Европы	261
2.9. Крещение славянства — восточное христианство и осевая эпоха славян. Кирилло-мефодиевский проект: от этнического к цивилизационному	269
2.10. Государства и империи Восточной Европы: созревание цивилизации	291
2.11. Климат и материальные особенности человека Восточной Европы	307
2.12. Цивилизация восточных европейцев в свете физической антропологии	318

РАЗДЕЛ 3

Тип личности и общества Восточной Европы

3.1. Тип личности восточноевропейцев и его отличия от западного и азиатского типов людей	333
3.2. Как структурируется и поддерживается социальная личность восточноевропейцев	346
3.3. Как строится общество Восточной Европы: первичные структуры нижнего, среднего и верхнего уровня	355
3.4. Лингвистическая реконструкция основных свойств славянского общества: собственность, свобода, общее и индивидуальное. Их исторические истоки в размежевании славянства и Запада	375
3.5. Подчинённая роль рациональности, отвратимость судьбы и позитивная загробная жизнь в славянской традиции	379

РАЗДЕЛ 4

Мировоззренческая оптика восточноевропейской цивилизации

4.1. Системы самоописания (мировоззренческие оптики) цивилизации Восточной Европы	389
4.2. Русская философия соборного персонализма XIX–XX вв. как попытка построения цивилизационной оптики	399

РАЗДЕЛ 5

Реальный социализм как развитая форма восточноевропейской цивилизации. Зрелость или прелюдия к сверхчеловеческому?

5.1. Социализм — формация или цивилизация?	411
5.2. Социализм — развитая цивилизационная форма Восточной Европы	417

5.3. Основные черты восточноевропейской социалистической цивилизации.....	434
5.4. Изменение типа осевого человека при социализме и создание человека нового типа — «советского человека» — «гомо советикуса»	444
5.5. Культура и цивилизационные формы социализма как вечного строительства. Между минимализмом и мегалитизмом	447
5.6. Почему социализм победил в Восточной Европе?.....	448
5.7. Социализм в раннеиндоевропейском обществе как образ мифологии славянства: посмертный мир языческого славянства и комплекс «народного православия».....	451
5.8. Социализм от социализма в Восточной Европе — до СССР. Социалистические формы и предтечи в Старой России.....	453
5.9. Социализм как реальный антикапитализм и анти-Запад — смысл идеи мировой революции.....	455
5.10. «Социальное, слишком социальное». Социализм как зрелое человеческое общество в чистом виде, «человек советский» как «чистый» человек на развитой стадии	457

РАЗДЕЛ 6

Историософия Восточной Европы. Время, пространство, поворот в будущее мировой Оси

6.1. Время и пространство восточноевропейской цивилизации	462
6.2. «Мировая ось» и полицентричный мир	476
6.3. Родовая травма и окончательная мутация Запада — главная внешняя проблема Восточной Европы (Опыт антизападной историософии).....	487
6.4. Футурология ЦВЕ. Поворот Восточной Европы к себе: каким он будет?.....	499

Заключение.....	509
-----------------	-----

Использованная литература	517
---------------------------------	-----

Приложения

Приложение 1. Словарь имён	539
Приложение 2. Краткий словарь терминов.....	554

Аннотация

О книге С. Д. Баранова «Цивилизация Восточной Европы» (цивилизация Оси)	574
---	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВЕЦ — восточноевропейская цивилизация.

ЦВЕ — цивилизация Восточной Европы, то же, что и восточноевропейская цивилизация (ВЕЦ). Не путать с термином — сокращением ЦВЕ (Центральная Восточная Европа).

ВЕ — Восточная Европа.

ЗЕ — Западная Европа.

РФ — Российская Федерация.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

ЕС — Европейский союз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

К целостной постановке проблемы восточноевропейской цивилизации

*Проблематика, цели, практическая значимость,
актуальность работы*

К какой цивилизации принадлежат Россия и соседние с ней государства? Как точно определить нашу цивилизацию? Вопрос до сих пор остаётся дискуссионным и, увы, не нашёл удовлетворительного ответа, о чём свидетельствует разбор направлений в разделе 1. Как и вопрос о самом понятии цивилизации.

Многие цивилизации претендуют на особое срединное положение в мире: Китай с древности себя считает срединным государством, страны Запада — основой мировой цивилизации; Д. Уилкинсон вывел понятие срединной цивилизации, объединяющей Запад, Ближний и Средний Восток, Восточную Европу; последней в ней отведено лишь скромное место. И это неслучайно: концепт оси истории присутствует в оптиках многих цивилизаций, а их всестороннее влияние в мире даёт для этого некоторые основания. Об этом говорят и теории осевого времени и оси истории, вообще единства исторического процесса, многочисленные мессианские построения. Почему же тогда славянская Восточная Европа с Россией наиболее выражает идею мировой Оси, претендуя на особое место? Для этого есть много антропологических, исторических, мировоззренческих и геополитических обстоятельств, которые образуют ключ к данной проблеме и анализируются в данной научно-философской авторской монографии.

Эта книга — о восточноевропейской цивилизации славян и соседних народов как особом социальном, психологическом и культурном типе человека и их отличии от других цивилизаций как типов людей. Цель этой работы — самоидентификация, создание правдивой и научно обоснованной и философски глубокой картины о себе.

Что мы знаем о самих себе? Каковы точные границы нашей цивилизации во времени и пространстве? Каковы человеческие черты её носителей? Как мы сами понимаем время, пространство и историю? Цивилизация Восточной Европы давно, ещё в глубокой древности, вышла за рамки славянства, включает другие родственные и не очень народы ареала и содержит в самом объекте мощную надэтническую составляющую. Мы строим свою историю, культуру, видим в этом зеркале себя.

«Кто правит Восточной Европой, тот властвует над Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот властвует над Мировым Островом. Кто правит Миро-

вым Островом, тот властвует над Миром»¹, — утверждал в критическом для России и Восточной Европы 1919 году геополитик Х. Дж. Маккиндер в работе «Демократические идеалы и реальность», в которой он развил теорию осевой зоны и раздвинул её границы на Восточную Европу. Речь не только о материально-геополитическом «сердце истории», но и о духовном и социальном сердце, которое можно также назвать осью истории. О нём эта книга. Конечно, Восточная Европа не единственная ось истории, — это достояние всех людей и цивилизаций, в том числе и осевых; но Восточная Европа — она живое место доступа к ней.

Восточной Европой управляет тот, кто определяет вектор развития восточноевропейской цивилизации. Вектор пытались определять византийские ромеи, затем германские католики и крестоносцы, российские цари, коммунистические лидеры СССР и, наконец, западные американские глобалисты. Сегодня этот многоликий и противоречивый регион мира вновь в эпицентре столкновения цивилизации. Россия фактически добровольно-принудительно ушла из той части Восточной Европы, которая находится за пределами её нынешних границ, ограничившись провальной газовой и торговой дипломатией и формальными культурными связями, оставив её Западу и местным русофобским националистам, включая и ближайшие и близкородственные народы. Результат очевиден — мы столкнулись с враждебным геополитическим окружением. Это плод ложных целей и теорий, призывавших к самоустранению из Восточной Европы и из собственной этнокультурной природы. Интеллектуальный и политический слой России забывает свои корни, занявшись конструированием искусственных «островных» идентичностей из набора разрозненных исторических фактов. Но есть ли у него и у Восточной Европы собственное цивилизационное лицо? И каково оно на самом деле? Актуальность работы огромна — Россия и её население сегодня фактически выдавливаются из своего родного восточноевропейского ареала на северную и восточную периферию и одновременно из внутреннего самосознания своей коллективной самости.

Целью настоящей работы и ответом на поставленные вопросы является построение философско-гуманитарной концепции цивилизации Восточной Европы. Будучи, по сути, мировоззренческой, поставленная цель выходит за рамки сугубо научного знания в сферу философии, религии, идеологии. Главной задачей является не трактовка материала и источников по ВЕ, а создание нового целостного видения темы и предмета, выходящего за рамки стереотипного и обыденного понимания. Основным методом является мыслительное конструирование, для которого науки дают лишь основу.

Данная работа является попыткой систематического развития темы восточноевропейской цивилизации, набросок которой был сделан в далёком уже

¹ *Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction.* Washington, DC, 1996. P. 105–106. Цит.: *Грачев М. Н. Хрестоматия по геополитике: учебное пособие.* Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 102. URL: <http://grachev62.narod.ru/geopolitics2019/chapter08.html#s0> (дата обращения: 02.02.2024).

2011 году². Эта работа — философское и научное изложение собственной теории цивилизации России и Восточной Европы, выражающей, прежде всего, концепцию автора и результаты его исследования. Он счёл нужным подкрепить её ссылками на основные направления и источники решения проблемы цивилизационной принадлежности России и Восточной Европы, при необходимости прибегая к мнениям профессионалов в дисциплинах и направлениях для создания научной картины предмета. Междисциплинарное обоснование построенной философско-гуманитарной концепции цивилизации Восточной Европы является одной из задач работы, которая распадается на ряд обязательных подзадач: этнологических, исторических, антропологических, культурологических, философских и социологических. Организация материала также подчиняется этой задаче и цели работы, поэтому она является выборочной, включающей наиболее существенные моменты из наработанных в научных дисциплинах и субдисциплинах, а не логике внутри привлекаемых данных дисциплин.

Работу можно рассматривать как современную версию теории славянской цивилизации Н. Я. Данилевского, но с учётом подходов и достижений последних 150 лет, истекших после выхода знаменитой «России и Европы» (1869). Конечно же, автор далеко не во всём следует за Данилевским, критически относясь к его конструкциям и используя самостоятельную методологию. С точки зрения методологии книга имеет как эмпирическую обществоведческую направленность междисциплинарного исследования цивилизации — единичного предмета и объекта, так и направленность теоретическо-философскую, выстраивающую соответствующую мировоззренческую оптику, без которой, конечно же, сложно исследовать цивилизацию. Однако создание удовлетворяющей современным требованиям теории цивилизации — ещё одна научно-философская проблема, которую решает монография в процессе создания методологического инструментария с минимально приемлемым обзором основных теорий цивилизаций во Введении.

Разделы монографии

Теоретическое введение содержит формулировку авторской методологии отдельных цивилизаций и развёрнутое определение понятия цивилизации применительно к практическому исследованию одной из конкретных цивилизаций. Раздел 1 посвящён критическому анализу основных мировоззренческих платформ (7) в подходе к цивилизации ВЕ. Это продолжение методологического анализа введения, но уже не теорий цивилизаций вообще, а именно цивилизации ВЕ и России с позиции их мыслителей — взгляд на предмет изнутри их традиции, что совершенно необходимо, чтобы избежать случайных конструкций идентичностей извне (*ad hoc*), которых, увы, много в поле цивилизационного дискурса.

² Баранов С. Д. Цивилизация Восточной Европы: структурные черты, прошлое, настоящее [Электронный ресурс] // РНЛ. 12.05.2011. URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/05/02/vostochnoevropayskaya_civilizaciya_strukturnye_cherty_proshloe_nastoyawee/ (дата обращения: 01.03.2023).

Раздел 2 включает междисциплинарный анализ предмета ЦВЕ и его контекста, в котором главную роль играет история её становления как славянского этнического и языкового типа, поэтому материал раздела изложен преимущественно в историческом порядке с добавлением некоторых особых частей. Смысл раздела — сформировать этнологические и временные границы и рамки ЦВЕ как типа человека и общества в истории и социальных науках. Раздел 3 — ключевой в монографии, так как в нём формируются представления о типе личности и общества ЦВЕ и следующим из этого выводам применительно к её культуре на примере конкретного анализа и сравнения с другими типами. Раздел 4 даёт представление о мировоззренческой оптике ЦВЕ и её формах, прежде всего о типе философии, вытекающих из особенностей человека. Раздел 5 посвящён критическому анализу социалистической формы ЦВЕ как этапа достижения зрелости и оригинальности и является продолжением изложения версии её истории. Раздел 6 «вписывает» ЦВЕ в мировой исторический процесс через определение её как разновидности осевой цивилизации и, соответственно, осевого времени и пространства, понятия мировой оси и её места в современности, и различий с историческим Западом и предполагаемого будущего. В заключении подведены некоторые итоги и указаны достижения работы. В приложениях представлен аппарат: список источников, именной и понятийный словари по теме, облегчающие понимание смысловых единиц сложноструктурированной работы.

Основная гипотеза исследования

Восточноевропейская цивилизация, или цивилизация Восточной Европы, — это малая европейская цивилизация, находящаяся как бы «в тени» Большого Запада, тем самым примыкающая к его цивилизации, но не сливающаяся с ним. Особенность ЦВЕ в том, что она производит свою особую культуру и антропологию, которая в целом родственна западноевропейской, но притом отличается от неё столь существенно, что можно говорить об особой цивилизационной ветви.

Основная гипотеза состоит в том, что тип личности, общества и мировоззренческой оптики России и Восточной Европы в целом образует единый антропологический, цивилизационный, исторический и культурно-мировоззренческий тип, который в наибольшей степени, по сравнению с другими, выражает основу человека вообще; выступает своеобразной духовной, исторической осью для мира наряду с другими сходными типами людей, не претендуя на замену всего многообразия цивилизаций и человеческих типов, а также власть над ними. Будучи наиболее последовательным вариантом осевых цивилизаций из ныне существующих, ВЕЦ названа также «Цивилизацией оси». В какой-то мере автор постарался проникнуть в сущность осевых цивилизаций и понимания оси истории как источника реальной, а не искусственно навязанной всеобщности цивилизаций, как в случае с ВЕЦ. Отсюда вытекают и гипотезы о единстве истории и самосознания восточноевропейских народов, их отличиях от других ветвей человечества, похожих черт общественного устройства, близости с базовым раннеиндоевропейским типом человека и общества.

Что значит осевая цивилизация? По своему определению любая цивилизация шире своего исходного этнического исторического типа и даже стремится к всеобщности. В противном случае она не выполнила бы роль объединяющего типа. В фазе цивилизации этнический тип дорастает до реализации своей всеобщности — то есть до производства и использования черт и форм культуры, которые могли бы быть приложены к другим цивилизациям, людям других этнических групп и семей. Мировая цивилизация как модель человека вообще существует лишь через отдельные модели всеобщности, которые предлагают разные цивилизации. Так, Запад предлагает свою модель «человека вообще» и общественного устройства устами своих учёных, идеологов, правоведов, но это скорее западная модель для всех с рыночной экономикой, демократией, правами человека, рациональными нормами. Для какой-то азиатской цивилизации, напротив, всеобщей мировой типологической идеей человечества является его род или клан, определяющий его жизнь и её смысл. Нет типологической идеи человека вообще, есть конкретные человеческие индивиды и их объединения в живые типы — цивилизации, то есть реальные общества людей одного типа, реализующих свою общую типовую природу через общество-цивилизацию, и при это показывающих свою всеобщность как абсолютность бытия. Как совместить общее цивилизаций между собой, не уничтожая их и не подгоняя под одну? Это возможно в понятии осевой цивилизации и осевого типа человека, открытого к пониманию других, к которому стремится и цивилизация Восточной Европы, не прибегая к однозначной трактовке с позиций одной из религий или философий. В той мере, в какой отдельная цивилизация является осевой, выполняет функцию оси для мира, она обладает всеобщностью.

Что позволяет обосновать данную гипотезу об осевом характере именно ЦВЕ? Изначально, с момента возникновения, ЦВЕ была формой общества и человека, сочетающего черты коллективизма и индивидуализма, рациональности и сверхрациональности. В итоге её носители создали ряд оригинальных государств и обществ, отличающихся от цивилизаций Запада и Востока. Была создана и своя оригинальная славянская и восточноевропейская восточнохристианская культура, которая выражает религиозную направленность данного типа человека. В ходе истории ВЕ происходит рост внутреннего богатства содержания, своеобразия форм и внешней мощи восточноевропейской цивилизации, которые проявились в полной мере лишь за последние сто лет. Разве не об этом свидетельствует, например, опыт советской социалистической («коммунистической») цивилизации 1917–1991 гг.? Ведь социализм СССР и Восточной Европы — это особая, новая цивилизационная реальность, которую определяют как альтернативную версию развития человечества, проникшую и в другие цивилизации (подробнее об этой теории см. раздел 5).

Самое крупное научное направление, посвящённое сегодня и в предыдущие столетия Восточной Европе как единому явлению, это по-прежнему, увы, лишь часть лингвистики — славистика. «По остроумному наблюдению современного исследователя (Соколянский, 2004. — С. Б.), “никаких других оснований, кроме сугубо лингвистических, для выделения славяноведения в особую науку мы не имеем: нет единого государства, отсутствует стойкое единство геополитических

интересов, нет единой культуры, религии и т. д.»³ Действительно, славяне никогда не входили в состав одного государства, никогда, если не считать доисторического “единства в язычестве”, не составляли и конфессионального единства: часть славян приняла христианство по западному, часть — по восточному обряду, некоторые из них в дальнейшем стали протестантами, а некоторые перешли в ислам»⁴, — пишет А. И. Изотов, один из авторов пособия по старославянскому языку, одному из продуктов и инструментов славянской восточноевропейской цивилизации. В самом деле, есть ли основания для изучения славян как единого целого, кроме языка? Что роднит славян с близкими соседями из других языковых групп и даже семей? Мы знаем, что так рассуждали многие критики и оппоненты славянской идеи, видя в языке и крови лишь пустое формальное наследие давно минувших дней. Это действительно проблема, на которую многократно указывали мыслители; попытка решить её содержится в данной монографии. Автор рассматривает данную работу как звено непрерывной кирилло-мефодиевской традиции, которая пишет мировоззрение на родном языке славян и в какой-то мере создаёт предпосылки для решения этого вопроса.

Но за славяноведением стоит нечто большее, чем просто язык, — исторически сложившийся тип человека и общества. Собрание новейших и старых данных из разных дисциплин: славистики, истории, археологии, этнологии, этнографии, популяционной генетики, физической антропологии, социальной антропологии и социологии, этнопсихологии, философии, богословия и религиоведения, геополитики и экономической географии, политологии и многих областей за пределами и на грани науки, показывает, что есть основа для изучения Восточной Европы как целостного цивилизационного феномена. Каждая из этих дисциплин может являться дверцей к славянскому и, шире, включающему другие народы, — восточноевропейскому цивилизационному типу человека и общества. В XIX — начале XX века такой «дверцей» была славистика. Однако сегодня их более десятка. Славянство — особый тип человека, пусть и далеко не идеальный, но за которым, возможно, яснее просматривается «всечеловек», о котором писали мыслители. И одно это предположение оправдывает данное исследование. Работа посвящена народам Восточной Европы — большей части Северной Евразии, их собственной самости, по отдельности и в целом. Хотя монография посвящена всей Восточной Европе в её широком составе и, по возможности, использует её материал, основой для работы послужил материал России, Русского мира и восточного славянства, который был доступен автору. Речь, конечно, не о русских как таковых, а как о более рельефных представителях данного типа.

³ Изотов А. И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: учебное пособие. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 11–12. Цит.: URL: http://istina.msu.ru/media/publications/books/645/99d/1482066/staroslav_komp.pdf (дата обращения: 02.02.2024).

⁴ Там же.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятие цивилизации.

Методологические замечания по теории отдельных цивилизаций

Понятие «цивилизации» может быть определено только в соотношении со всеми науками о человеке.

Ф. Бродель. Грамматика цивилизаций

Цивилизация как крупный тип человека и общества. Духовная и физическая стороны личности

Что такое цивилизация? Цивилизация — междисциплинарное и философское понятие, призванное устранить ряд отраслевых ограничений и предоставить общую палитру весьма различающихся человеческих обществ. Оно является обобщающим понятием по отношению к понятиям в экономике и политике, геополитике, истории, антропологии, языкознании, культурологии, этнопсихологии, этнологии, философии, религиоведении, поэтому оно часто непонятно с узкоцеховых позиций. Цивилизация, как и многие другие предметы цельного знания, открывается с позиций единой социальной науки о человеке, которая только и может считаться настоящей гуманитарной наукой. Сформулируем базовое определение цивилизации исходя из междисциплинарного подхода.

Цивилизация — устойчивый тип человека и общества, образующий самовоспроизводящийся во времени социально-исторический организм. Данное понятие цивилизации сформулировано автором самостоятельно. Разобщить понятия человека и общества практически невозможно, так как они образуют целое: на структуру личности непосредственно влияют общественные отношения, в которые она вступает, а общество представляется наподобие коллективной личности (сверхличности), обладающей волей. В таком варианте понимания цивилизация неотделима от человека и общества на всех этапах их развития и не может быть внешним фактором. «Цивилизация возникает вместе с обществом и с появлением первых технологий. На Земле — с палеолитом... Это б_ы_т_и_е_о_б_щ_е_с_т_в_а... в отличие от бытия биологического вида. Лем понимает термин “цивилизация” в широком, “космическом” смысле... Такое понимание вполне оправдано. Сейчас, когда человек выходит в космос, когда начат поиск космических цивилизаций, такое употребление этого термина, пожалуй, напрашивается само собой. Да и вряд ли можно “обвинить” автора в том, что он ввел это употребление. Он попросту им воспользовался, а до него термин “цивилизация” в том же смысле употребляли другие авторы, например

И. С. Шкловский»⁵, — так комментировал взгляды польского писателя-фантаста и мыслителя С. Лема российский писатель и переводчик В. Ф. Широков. Сходной точки зрения на цивилизацию как на определённое общество в его бытийной основе, на любом его историческом, даже на самом первичном этапе, придерживались также и другие авторы, помимо С. Лема: Ф. Конечный («О множественности цивилизаций», 1935), И. С. Шкловский (на которого ссылается Лем). Это говорит о том, что понимание цивилизации как бытия общества уже имело широкое хождение в научных и литературных кругах в XX веке, хотя и не стало каноническим. На наш взгляд, данное понятие неотделимо от множественности цивилизаций — полицентричности мира, в которой различное в разных регионах мира бытие общества является данностью науки. Но типовое бытие общества понимается не только и не столько в экономическом, а в широком культурно-антропологическом смысле.

Цивилизация представляет собой не общее, отвлечённое, производное, а единичное, экземплярное, эмпирическое понятие, определяющее экономику, общество, культуру, а также их отношение к сверхъестественному — трансцендентному. Она несводима к типам, матрицам культуры, религиям, геополитическим субъектам и международным союзам. Цивилизации существуют в конкретных разновидностях и формах, образующих не просто искусственно выделенный тип, а его живое воплощение, каковыми могут быть только люди. Цивилизация, понимаемая в качестве типа человека и общества, представляет собой квинтэссенцию понятий наук об обществе и человеке, их наиболее общее родовое понятие. Оно даёт конкретное ёмкое представление об антропологической сути данного общества. В качестве такового цивилизация представляет собой не отвлечённую сконструированную категорию, а первичный социальный факт, с которым сталкиваются люди в том или ином обществе в качестве целого.

В типе человека ключевую роль играет тип личности, особенности её структуры, тесно связанные со специфическим социальным устройством коллективов и сообществ, с социальным и физиологическим метаболизмом (обмен веществ с природой, немонетарные аспекты экономики), с внешним телом человека (физическая антропология, родство), передаваемыми наследственно. Всё же главное в типе личности — внутреннее пространство «Я», структурируемое мистическими прообразами (здесь как раз сказывается влияние религии), а не только внешними типовыми социальными связями со значимыми другими. Однако структура личности и её проявление в обществе определяются главными связями с другими людьми, её социально-психологической оболочкой, через которую проявляется скрытая архетипическая структура. Следовательно, изучение цивилизации требует в качестве важнейшего инструмента изучение типичного отношения человека с социальной группой, моделирования присущей данной цивилизации схемы отношений личностей, их дистанции, имеющих для этого культурных образцов (см. раздел 3).

⁵ Бирюков Б. В., Широков В. Ф. О «Сумме технологии», об эволюции // Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968. 608 с. Цит.: URL: <http://lib.ru/LEM/summa/summtitl.htm> (дата обращения: 02.02.2024).

Цивилизация, как и «Я» в сердцевине личности, дана как непосредственный факт. Внутри «Я», как внутри цивилизации, есть противоречивые компоненты разного происхождения. Но все перечисленные социальные, духовные и социобиологические ступеньки мысли имеют значение для определения цивилизации, дополняя друг друга. Посему свои цивилизации могут быть и у коренных малочисленных народов Севера, исчисляющихся парой сотен тысяч человек, и у миллиардных стран Запада, Индии, Китая. Однако цивилизация может быть на стадии этнического культурно-исторического типа, в котором она содержится в свёрнутом состоянии. Но содержание цивилизации не сводится к этническим и страновым группам, на которые она опирается, их особенностям жизни.

Чрезвычайно важное значение для исследования цивилизации имеют национальная психология, культурология и антропология, поскольку отличия типов личностей состоят в их психологической структуре и структуре оболочки из социальных связей и окружения, разных у разных народов. Поставлю ударение именно на внутренней структуре, соотношениях психических функций, «Я» и других «Я» как форме, в которой воплощается дух-воля, а не на второстепенных качествах, которые сами по себе являются внешней частью психологической структуры.

Фактор центрального значения структуры личности в цивилизационном процессе впервые достаточно в полной мере показал Н. Элиас на материале формирования западной личности в Средневековье через усиление роли Сверх-Я и рациональности и индивидуализма-«индивидуации» и многообразия внешних рационально контролируемых связей индивида с другими («О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования», 1939)⁶. Наука Запада по образу и подобию своей цивилизации предложила целерациональную модель индивида (М. Вебер, К. Маркс и др.) в качестве образца и точки отсчёта. Однако есть и другие базовые модели описания, среди которых главную роль играет крайняя клановая коллективистская модель общества, где главным фактором личности выступают коллективные сверхрациональные чувства и установки.

Существенные отличия национальных характеров часто можно интерпретировать не как различия наций, а как различия цивилизаций, то есть в тех случаях, когда нации — типичные представители разных цивилизационных типов, которыми обладают целые группы родственных наций. К примеру, важны психологические отличия не немцев и русских как двух народов самих по себе, а немцев как представителей западной цивилизации с высокой степенью развития её качеств и русских как ярко выраженного варианта восточноевропейской славянской цивилизации.

Если же мы будем фиксировать внимание на особенностях именно данной нации, то мы попадём под влияние второстепенных качеств, отличающих её от других в той же цивилизации; так, например, отличать русских от поляков и сер-

⁶ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. Т. 1: Изменение поведения в высших светских кругах Запада. М., СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.

бов, и по отношению к действительно важным цивилизационным различиям они будут выглядеть скорее курьёзно, представляя их не в лучшем свете. Не очень продуктивны попытки выделять психологию русских в общеевропейском контексте, который нужно по определению понимать как внешний контекст западной цивилизации. Между тем для славян и западных народов общий контекст — раннеиндоевропейский, с которым только и можно сравнивать оба типа, то есть с общим предком (подробнее о типах личностей см. в разделе 3).

*Персонализм и личностное мышление как методология цивилизаций:
множественность личностей и типов личностей
как основа множественности цивилизации*

В реальности этнические типы человека не существуют иначе, как отдельные экземпляры, и сам тип является экземпляром; этот экземпляр — цивилизация как коллективная сверхличность. Иными словами, это не просто результат типологизации, а некий архетип. Психология в западных критических философских теориях считалась чем-то внешним по отношению к сущности предмета, который виделся в чистом, идеальном состоянии, очищенном от субъективных факторов (феноменология, кантианство, позитивизм, марксизм), однако в персонализме она приобретает метафизическое значение. Исходя из понимания цивилизации как типа личности и общества, которые имеют свою духовную основу и превосходят социобиологический этнический тип, мы можем утверждать, что философской основой теории цивилизаций как типа человека и общества может быть только персонализм, причём коллективистского (соборного) типа, — философия, согласно которой мир состоит из духовных личностей и личностноподобных монад. Остальные подходы к определению, будь то объективный идеализм общественных идей, лежащих в основе культуры, или теория социальных систем, не позволяют понять суть цивилизации.

Типу личности, «Я», соответствует определённый «код» цивилизации, который представляет собой реальный прообраз (прототип), понятный её носителям, однако скрытый внутри человека в негативной (апофатической) форме шифра, присущей духовным явлениям⁷. Люди данной цивилизации усваивают данный прототип (или группы прототипов) в ходе формирования своей личности. Однако внутри своей личности непосредственно действуют не коды, а сами люди. Цивилизационный код проявляется во внешних образах продуктов культуры, её героев, и воспроизводится в опоре на них. Но не сводится к ним. Цивилизационный код представляет собой образ реального единичного существа (идеалреализм, по Н. О. Лосскому⁸), а не общую идею, так как идеи полностью вторичны

⁷ См.: Баранов С. Д. Тайнопись цивилизации. Код доступа в будущее России // Русские коды / Под ред. В. В. Аверьянова. М.: Наше завтра, 2022. С. 44–92. Цит.: URL: <https://izborsk-club.ru/20615> (дата обращения: 02.02.2024).

⁸ См.: Лосский Н. О. Мир как органическое целое. М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 170 с. Цит.: URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/11/21/27.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

по отношению к ним. П. А. Флоренский, впрочем, считал, что идеи у Платона — реальные единичные существа, «лики» («лицо лица»)⁹.

В ходе общественного процесса устанавливается определённая культурно-социальная система (культурно-ценностная суперсистема, по П. Сорокину), которая позволяет воспроизводить тип человека в опоре на коды, несмотря на текущие обстоятельства жизни общества и истории, иногда и периодически, вопреки им, по принципу «вызов — ответ» (А. Тойнби), проявляя свою цивилизационную творческую волю в сопротивлении вызову. Но система не главное в цивилизации, это всего лишь инструмент, «машина».

Ведущим качеством личности в персонализме является воля, понятая как личностный дух, в отличие от волюнтаризма; именно цивилизационная воля, воля к творению своего типа человека и общества. Пробуждение воли — необходимое качество цивилизации и человека как её творца, ничто другое не может её заменить в создании и поддержании любых цивилизаций. Цивилизация в её развитии с точки зрения простейшего элемента — это волевой акт. Из волевых актов слагаются личности и их типы, как и типы общества. Цивилизация — прямое действие типологической воли людей в истории, определённой конфигурации воли в типе человека.

Даже понимание цивилизацией самой себя, её самописание, является волевым актом, вырывающим из обыденности. Природа цивилизации при любых операциях с цивилизационным содержанием требует волевого перехода, обретения способности к творению самого себя и, как следствие, сверхсистемности, сверхрациональности, внеисторичности, множественности, несводимости одной цивилизации к другой. Данные качества применительно к индивиду или группе достигаются лишь пробуждением воли и обращением к трансцендентным прообразам, с которыми человек сличает себя в ходе цивилизационного творчества. Следовательно, духовное начало личности не только воля, но и вера, и интуиция — духовное видение других единиц, точнее, единство этих функций. Творцы цивилизаций, как правило, обладают этими развитыми функциями.

Исходя из персоналистского понимания цивилизации, можно утверждать, что главной формой культуры, позволяющей и воспроизводить цивилизацию, и описывать её в системе мировоззренческого самописания, является религиозный культ, из которого, собственно, и происходит культура. П. А. Флоренский считал религиозный культ центром культуры и философии как место встречи с прообразами как с трансцендентным цивилизации (отношение к трансцендентному). Соответственно, все системы мировоззренческого самописания в современном мире так или иначе связаны со жречеством в прямом (священство религий) или переносном смысле (философы, идеологи, лидеры, медиакраты, гуманитарии, деятели культуры и искусства — это жрецы или подобны жрецам). Сценарии продуктов духовных сословий неслучайно в значительной доле подобны сценариям или сюжетам культового действия (литургии) определённых религий. Хотя часто всё это хорошо замаскировано в профанном слое культуры.

⁹ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли. Ч. 4. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. 621 с.

Сами цивилизации как волевой процесс строительства личностями своего общества, таким образом, представляют собой как бы коллективные сверхличности (симфонические личности, по Л. П. Карсавину¹⁰), в которых суммируется тип личности её носителей. Это некая живая реальность личностного творчества. Цивилизации — это своего рода коллективные сверхличности, которые так же единичны и неповторимы, как и личности входящих в них индивидов (чего мы не можем наблюдать в технологиях, идеях и культурных формах, которые заимствуются народами друг у друга). Объяснить, почему цивилизации существуют долго и люди разных времён в рамках одной цивилизации похожи в течение тысячелетий, иным способом просто невозможно. (Подробнее о персонализме в мировоззренческой оптике ВЭЦ см. в разделе 4.) Таким образом, мы имеем стройную рабочую аналитическую схему: «трансцендентное (прообраз личности) — воля — личность — человек — коллектив — общество — популяция — народ — группа народов — цивилизация».

*Цивилизации и культура: культура
как форма реализации и поддержания человеческого типа.
Второстепенность культуры по отношению
к человеческому типу*

Конечно же, культура не может выступать в роли прямого транслятора цивилизации, это как бы внешнее материализованное и обезличенное проявление цивилизации, форма поддержания её воспроизводства. Определять цивилизацию как развитую культуру ошибочно, в противном случае цивилизации бы не сохранились долго и их просто не стало бы вместе с масштабными культурными заимствованиями цивилизаций друг у друга. Культура — всего лишь формы развития и самовоспроизводства цивилизации. Так мыслит «человек культуры», который искажённо смешивает культуру, её формы и человека (на самом деле скрыто воспроизводя западноцентристский подход). Но ни ценности, ни культура не являются духовностью человека как таковой. Человек не сводится к формам. Устойчивый тип человека при благоприятных условиях может воспроизводить и развивать богатство форм культуры, но при отсутствии человека определённого типа богатство оригинальных форм не может быть произведено, а только импортировано. Культурные формы, будучи оригинальными или, напротив, вторичными, служат средством для воспроизводства и развития типа человека и общества в конкретных единичных индивидах и обществах. Таким образом, культура вторична по отношению к личности и её структуре, социальной оболочке и коллективам. Если личность в её социальном типе находит это полезным для своего воспроизводства, то она заимствует культуру у других цивилизаций или у соседей по своей цивилизации, если не находит — то отвергает её. Но без культурных форм цивилизация не способна воспроизводиться, поэтому она включает в себя культуру как образцы действия человека.

¹⁰ См.: Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. LXXIII, 325 с.

Две линии в определении цивилизаций: культура и общество

В задачи данной работы, нацеленной на эмпирический предмет, ЦВЕ, не входит разбор существующих теорий отдельных цивилизаций, который, возможно, стал бы предметом для ещё одной монографии. Всё же считаю необходимым отметить основные направления их представителей. В целом в XX веке к определению цивилизации сложились два разных пересекающихся подхода (отметим сразу, что оба они недостаточны и односторонни):

1) культурно- и религиозноцентрическая линия *Шпенглер — Тойнби — Хантингтон*, опирающаяся, как на двигатель истории, на культурные типы и на их основу в крупных так называемых мировых религиях или в их конфессиях (или ответвлениях религий) — то есть на типовое отношение обществ к трансцендентному. В рамках культуроцентрического подхода цивилизация не рассматривается как конкретное общество, а скорее как идеальный тип (прототип) культуры, который иногда называют культурным или ментальным «кодом»¹¹;

2) социо- и этноцентрическая линия *Данилевский — Гумплович — Конечный — Сорокин — Бродель — Элиас*, опирающаяся на общества и типы самоорганизации, сложившиеся на национальной основе.

Оба подхода не отвергают и не исключают друг друга, но это принципиально разные подходы. Например, Н. Я. Данилевский писал о культурно-исторических типах, имея в виду всё же скорее общественные и личностные типы народов, а не типы религий. П. Сорокин и Ф. Конечный (цивилизация как тип организации общества) оставались на западной культуроцентрической основе, только в отношении не религий, а организации общества, внутри которого должна лежать какая-то культурная система. Своеобразным резюме этих линий в западной социальной мысли стала полемика Сорокин — Тойнби, в которой культуроцентрическая линия была подвергнута критике¹².

Однако оба подхода забыли («опустили») главное — человека, сведя его к культуре и обществу. Истина цивилизаций находится где-то посередине между этими позициями — культурой и обществом, а точнее в третьем месте — в личностном коллективном мире, в типе личности и её общественной психоментальной организации народов. Позиция П. А. Сорокина гораздо ближе к развиваемой в данной работе теории цивилизации как крупного типа человека и психоментальной основы общества, чем линия Тойнби — цивилизации как типа культуры, идей, ценностей (что не исключает явления последних в личностном и социальном типе). Полемику Тойнби — Сорокин и последствия

¹¹ Попытку дать реальное определение цивилизационного кода как скрытого личностного прообраза, а не мнимое, метафорическое, как в указанных теориях, автор этой работы предпринял в докладе Изборскому клубу в опоре на теорию символов-шифров К. Ясперса. См.: *Баранов С. Д.* Тайнопись цивилизации. Код доступа в будущее России // Русские коды. С. 44–92. Цит.: URL: <https://izborsk-club.ru/20615> (дата обращения: 02.02.2024).

¹² *Уилкинсон Д. П.* Сорокин против цивилизационной теории А. Тойнби / Пер. Ю. И. Семёнова // *Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М.: Современные тетради, 2003. 776 с. Цит.: URL: https://sceptsis.net/library/id_1080.html (дата обращения: 02.02.2024).

этой полемики в научном и философском сообществе следует рассматривать как крупный шаг вперёд в теории цивилизаций. Сорокин отвергал теории цивилизаций как неких культурных типов, нередко искусственно сформулированных их авторами. Он рассматривал содержание цивилизаций как реальные социальные объекты. П. А. Сорокин рассматривал цивилизации как культурные суперсистемы общества, основывающиеся на главных ценностях и социальных группах, сформировавшихся по разным признакам и типам, в том числе этническим, языковым, государственным, но не совпадающие с ними. Но цивилизации — явления иного порядка, чем социальная и этническая группа. Цивилизации, по сути, развивающиеся мегасистемы, обладающие сверхсистемным свойством по отношению к группам и системам общества, — такой вывод можно сделать из анализа его работ¹³. Критический анализ Сорокина существенно обогатил и уточнил взгляды на цивилизацию как по методологической линии Данилевского, так и Тойнби.

В целом различия между подходами А. Тойнби и П. Сорокина также можно считать не слишком большими, хотя и заметными (культурный и социокультурный, религиозный и социальный), так как они находятся на одном полюсе — полюсе культуры. Всё же подход Сорокина помог скорректировать культуризм и религиозицизм Тойнби в плане приземления к реальным объектам общества, поэтому его можно назвать культурно-социологическим.

Кроме того, минусом подхода Сорокина, как и вообще системного подхода, является то, что слово «система» (или «суперсистема»), особенно в культурном плане, представляет собой абстракцию, в отличие от человека и его типа. Социальная система — своего рода мёртвая машина, созданная и управляемая людьми (привилегированными группами людей), ни что иное, но не само общество. «Выдвинутые П. Сорокиным критические положения заставили многих “цивилизационщиков” (включая самого А. Тойнби) более строго определить теоретические основания цивилизационного подхода, в результате чего эта теория всё больше стала “уходить” из сферы философии истории и философии культуры в область исторической социологии, общей культурологии, социокультурной истории и компаративистики», — указывает Б. С. Ерасов в комментарии к работе Д. Уилкинсона о споре Сорокина и Тойнби¹⁴. Собственно, это призывал делать и Ф. Конечный во «Множественности цивилизаций», считая, что исследо-

¹³ См. подробнее о критической теории цивилизаций у П. Сорокина: Зюев Н. Ф. Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза // Философия и общество. 2004. № 3 (36). С. 143–155. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/253079/#_ftn11 (дата обращения: 02.02.2024); Алалыкин-Извеков В. Н. Феномен цивилизации через призму научных воззрений П. А. Сорокина // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 93–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsvivilizatsii-cherez-prizmu-nauchnyh-vozzreniy-p-a-sorokina/viewer> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁴ О различиях подходов П. Сорокина и А. Тойнби к теории цивилизации и их споре см.: Уилкинсон Д. П. Сорокин против цивилизационной теории А. Тойнби / Пер. Ю. И. Семёнова // Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней).

вание цивилизаций как системы организации общества является эмпирическим социально-историческим исследованием, что не исключает необходимости философских построений. Ф. Бродель считал, что общество и цивилизация неразделимы, фактически это одна и та же реальность (один объект?)¹⁵.

Культуроцентрическое определение цивилизации как исторически сквозных собственных или перенятых культурных типов является типичным западноцентрическим определением цивилизации, основанным на раздутом западном рационализме, оккупирующим всё, личность и социум, как сумма технологий, понятий и ценностей, норм и ограничений, заменяющим всю социальную структуру и её внутреннюю «организацию». Культуроцентрическое определение цивилизации — западная цивилизационная оптика, сконцентрированная на инструментах власти над обществом, обладающая как сильной стороной, состоящей в этой технологичной власти над формами и пластичности, так и в слабой — поверхностностью. Культуроцентрическое определение цивилизации в итоге является ошибочным и приводит к ускользанию сути цивилизации и её носителей. На деле же культурное понятие цивилизации выполняет роль глобального империалистического инструмента навязывания и поглощения («слияния и поглощения»). Избавиться от диктата западного культуроцентризма в социальных науках очень сложно, высок риск быть непонятым и непринятым. Однако отказ от него в теории и практике исследования цивилизаций неизбежен. Поэтому мы вынуждены пойти на пересмотр определения цивилизации Н. Я. Данилевским как развитой формы культурного типа в направлении приведённого выше антропологического и социального определения, типа личности и общества, в котором культурной типологии отводится своё скромное место как их инструмента.

Концепция ставшего столпом западной социальной мысли в США П. А. Сорокина может служить примером яркого западноцентрического определения цивилизации как рационалистической культуры, культуры как системы понятий: «Человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счёте есть не что иное, как мир понятий, застывших в определённой форме и в определённых видах»¹⁶. По сути, у П. А. Сорокина проявляется сведение всей сложности мира цивилизаций как организмической, социобиологической, так и сложности духовной к миру понятий.

Цивилизации на ранних этапах развития своего типа предстают и даже длительное время фигурируют в истории как археологические культуры, что случилось и с восточноевропейской цивилизацией вплоть до 1000 г. н. э. В археологии базовым понятием является «культура», идентифицируемая на основе ископаемых остатков. Но она не всегда даёт понятие, какому народу и человеку она принадлежит, и нередко её ключевые маркеры, например керамика или орудия, являются второстепенными. «Pots are not people» — «Горшки — не люди» (в переводе с англ.) — методологический принцип, утвердившийся в археологии с середины XX века. Он означает автономию единицы исследования в археоло-

¹⁵ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; М.: Весь мир, 2008. С. 45.

¹⁶ Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 528.

гии — ископаемых культур, маркируемых, как правило, керамикой, — от определения человека и общества, пользовавшихся данными артефактами.

Нередко культуры одной общности принадлежат носителям из разных народов и даже цивилизаций в силу заимствований, моды, торговли, военного и политического влияния. Так, культуры из общности «Латен», происходящие из кельтского ареала Центральной Европы, соответственно западной цивилизации, были в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. распространены в Восточной Европе среди славян и балтов, относящихся к восточноевропейской цивилизации, в силу своего технически превосходящего характера. Масштабные заимствования с Запада в последующие эпохи не делали различные народы мира западными, в лучшем случае вестернизированными, подчас весьма поверхностно. Не только «горшки — не люди», но и идеи и культурные ценности — тоже не люди, а лишь «ментальные горшки» на кухне образа жизни.

Цивилизация и ценности. Что стоит за ценностями? Ценности против религии?

Нередко в основу цивилизации кладут ценности. Основывать цивилизацию на каких-либо ценностях ошибочно, так как сами ценности — вторичная конструкция западной цивилизации, впавшей в нигилизм, вынужденная полагать и разрушать ценности в соответствии со своей волей к власти (М. Хайдеггер «Европейский нигилизм»¹⁷). К сожалению, широко распространился другой подход. Ценности положил в основу цивилизаций как суперсистем П. А. Сорокин, видя в них эмпирическую предметность цивилизационного исследования, ведь ценности всегда можно сделать предметом опросов, рассуждений, анализа. «Нигилизм — не только процесс обесценивания верховных ценностей, не есть он и просто изъятие этих ценностей. Уже вкладывание этих ценностей в мир есть нигилизм», — писал Хайдеггер об операциях с ценностями. «Каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности» (Ф. Бродель)¹⁸. Но что стоит за ценностями, которые всего лишь инструмент? Очевидно, тип человека и его духовный прообраз. Ценности вторичны и основываются на типе человека и общества, на их прообразах. В незападных цивилизациях основополагающие начала имплицитны и не рассматриваются как ценности, или инструмент оценки, или опорная точка зрения. Философия ценностей и попытка строить на них понимание цивилизации, как показал Хайдеггер, — «лишь ускользание от нигилизма и отказ заглянуть в приоткрываемую нигилизмом пропасть»¹⁹.

Ценностный подход, или аксиология, — одна из разновидностей западной философской оптики. Понятие ценностей создано довольно поздно, в конце XIX века, одним из направлений западного философского мейнстрима — неокантианством. Причём теория системы ценностей играла роль центральной

¹⁷ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Ницше и пустота / Сост. О. В. Селин. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 1–26.

¹⁸ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 7.

¹⁹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм... С. 144.

категории неокантианства, определяя всю архитектуру данной цивилизационной оптики. Этимология ценностей восходит к рыночной экономике и товарно-денежным отношениям, в рамках которых возможна оценка и переоценка. Время господства неокантианства было недолгим, неокантианство утратило господствующие позиции в западной философии. Тем не менее, говоря о цивилизации, стало хорошим тоном писать о ценностях вслед за неокантианством. Теория ценностей как инструмента рационального манипулирования внедрилась в социальные науки и, что важно, как в социальную теорию, так и в практику эмпирических исследований, получив некую непререкаемость в вопросах исследования устройства социума.

Само по себе ценностное мышление есть имплицитный продукт западного нигилизма и связано с количественной оценкой стоимости по аналогии с капиталистическим рынком, который и есть экономическая причина нигилизма. Когда автор говорит о «ценностях цивилизации» — это симптом отсутствия мысли и желания исследовать суть вопроса, ссылка на несуществующее. Обычно разговор о ценностях ведут безбожники, чтобы заменить ими неприятную тему религии, тем самым совместив свою позицию с религией. Недаром в вышеприведённом произведении Хайдеггер объединяет трактовку ницшевского высказывания «Бог мёртв» с вопросом о европейском нигилизме, историей Запада и анализом понятия ценностей и ценностного подхода. Сходный с хайдеггеровским разбор «ценностей» Запада проделал и русский философ Л. И. Шестов за десятилетия до Хайдеггера. Опираясь, кстати говоря, и на Ф. Ницше. Позднее этот разбор Шестов довёл до цивилизационного обобщения в работе «Афины и Иерусалим», в которой он противопоставляет христианскую веру западному мышлению. В отличие от Хайдеггера, Шестов углубляется в суть вероисповедных вопросов, и этот анализ ясно показывает, что христианство и основы западной цивилизации — разные, даже противоположные предметы, которые лишь совместились в силу разных причин на определённом промежутке истории Запада (примерно 300–1900 г. н. э.).

*Цивилизации и религии. Религия, сверхъестественное
существо и человеческий прообраз как цивилизационный код.
Несостоятельность теории цивилизаций как религий*

Итак, цивилизация — это устойчивый тип человека как социального, биосоциального и духовного существа. Типу человека и общества присущ определённый образ жизни, практики, неповторимо своеобразный набор практик. Идеи всегда оказывают меньшее влияние, чем яркий пример образа жизни, даже в любом отдельном артефакте культуры. Все великие идеи производны от обозначаемого ими образа жизни. Религии и мировоззрения прежде всего формируют образ жизни и тем самым тип человека. Но насколько религии охватывают всё население и перестраивают его образ жизни и человеческий тип? Противоречат ли они типу, или сживаются с ним? Я против того, чтобы путать цивилизации с религиями, хотя, религии и создают устойчивую почву для формирования типа человека. Религии относятся в основном к потусторонней реальности человека,

а цивилизации описывают земную реальность человеческих обществ. Изучая цивилизации, мы имеем дело с земным, а не трансцендентным.

Но и земные материальные общества не могут избежать трансцендентного, которое находится за пределами данного общества как социобиологической системы или организма и сверхсистемно. Трансцендентное включает в себя код — мистический прообраз сверхъестественных существ, на основании которого строится и человеческая личность.

Насколько тип человека и даже образ его жизни подвержен воздействию религии? Религия меняет земное бытие и земную сторону среднего статического человека лишь частично, да и не ставит цель полной замены его бытия, производя это лишь у полностью отдавшихся ей индивидов. Таков феномен «обожения» в христианских цивилизациях, которые остаются всё же земными и этническими, но значительная часть людей в их популяциях частично или даже в преобладающей степени уподобляется образу Христа.

Во всяком случае именно профанно, то есть неадекватно своей сути, понимая религия как земная культура — удобный аналог цивилизации, позволяющий провести её границы по признаку конфессиональной принадлежности и международной политической позиции конфессий, благодаря чему они легко могут «сесть в лужу». Отождествление и подмена религии и цивилизации неправильны прежде всего с точки зрения самой религии. Ведь в христианстве самом по себе нет западного и восточного христианства, а есть единая Вселенская церковь. Зато они есть в теориях цивилизаций и в истории, в том числе в истории религии.

В связи с чем часто на ум приходит пример С. Хантингтона, который отнёс западных украинцев к другой, нежели восточные украинцы, цивилизации. Якобы потому что они католики! «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по её центру вот уже несколько столетий»²⁰, — писал С. Хантингтон. Но всем, кто изучал данный вопрос о конфессиях на Западной Украине, известно, что западные украинцы никакие не католики, в том числе и униаты, и даже униатство там не везде преобладает. Оно преобладает только в Галичине, и то относительно. К сожалению, эту недостоверную информацию повторяют и российские авторы.

Хантингтон, хотя он упоминает и наследственно-биологические черты, не признаёт их особо значимыми для определения цивилизаций, ошибочно выдвигая религию на первое место, что ведёт его к подобным вышеуказанному неизбежным досадным провалам уже в трактовке фактического материала: «Ключевые культурные элементы, определяющие цивилизацию, были сформулированы ещё в античности афинянами, когда те убеждали спартанцев, что они не предадут их персам. Кровь, язык, религия, стиль жизни — вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других не-греков. Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия, и на это и делали акцент афиняне. Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...

²⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 18.

Существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы по физическим признакам. И все же нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация. В частности, самые распространённые миссионерские религии, христианство и ислам, охватывают людей многих рас. Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи»²¹. Здесь Хантингтон пытался свести противоположную его собственной точку зрения к теме расы, то есть к абсурду. Хотя раса — коррелирует цивилизации, пусть и далеко не всегда совпадающий в отдельных людях и группах, но мы видим всё же 1-2-3 расы в основе цивилизаций.

У С. Хантингтона сложно найти стройное определение цивилизации, хотя бы и на основе религии, — в конечном счёте оно, как и у большинства учёных современников, сводится к культуре: «Цивилизация, таким образом, — наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов»²². Это крайняя степень культурантропоцентризма, однако совмещённая с подходом к цивилизации как к обществу. С. Хантингтону не удалось или не захотелось установить ту самую корреляцию культуры и наследственности, о которой он упомянул в связи с древними греками, в результате чего его схема стала приводить к неправильным частным выводам, которые очевидны на примере украинских униатов или недоучёта иранской шиитской цивилизации внутри исламского мира.

Впрочем, книга С. Хантингтона в большей степени о цивилизационных конфликтах, о политике как борьбе государств и геополитических центров в связи с цивилизациями, чем о собственно цивилизациях, и это нужно учитывать при оценке его выводов. Это книга о борьбе Запада с другими цивилизациями и об их борьбе друг с другом. Однако без установления истинной природы каждой из цивилизаций невозможно правильно исследовать их конфликты. Цивилизации непосредственно не борются друг с другом, это делают их политические и геополитические структуры. В общем, книга «Столкновение цивилизаций» была своего рода введением для западного политического класса в цивилизационную проблематику.

Этническая социобиологическая основа цивилизаций как типа человека и роль потустороннего духовного прообраза

Цивилизации предполагают не только рассуждение о культуре, но и анализ биологического аспекта типа человека и общества как серьёзного фактора, который нужно принять во внимание, исследуя цивилизации, хотя и не в аспекте прямого материалистического детерминизма. Устраняя ошибку С. Хантингтона и других исследователей, можно сказать, что цивилизация тесно связана с социо-

²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 18.

²² Там же.

биологическим происхождением её носителей, его двоякой социобиологической и духовной природой, которая, конечно, не вечна и неизменна, а испытывает трансформации, например, под воздействием христианства, изменяющего и саму его социобиологическую природу, но преодолевшего в целом тварную природу человечества. Однако «внутренний человек» любой цивилизации изначально несёт в себе тот или иной личностно-подобный прообраз, который передаётся по наследству при зачатии, но вместе с тем формируется под воздействием общества значимых других и образов культуры. Об этом довольно много писал О. П. Флоренский, считая главным вопросом философии отношение индивида и рода, общего и частного, в работах «Об историческом познании», «Вещь и личность»²³. Это есть и главный вопрос теории и практики цивилизации. Личностноподобный прообраз «уточняется» трансцендентными прообразами («кодами») той этнической группы, цивилизации и культуры, в которой он вырастает. Это могут быть самые разные прообразы, в том числе языческого и тотемного типа, но все они носят духовный характер и непосредственно не видны обычному человеку. Поведенческий код в определённых важных критических ситуациях личной и общественной, характерный для данного народа, который часто называют цивилизационным или культурным кодом, — всего лишь фрагментарная и внешняя часть целостного «кода» — прообраза.

Жизнь общества и человека часто рассматривается в классических европейских теориях в виде триады, чем-то напоминающей гегельянский метод: биологическое — социальное — духовное, «снимающее», преодолевающее друг друга. Не исключение и цивилизации. Согласно натуралистическим воззрениям в социальной теории, социальное также является более высокой формой биологического, то есть конкуренции особей за жизненные позиции внутри популяции. Социальность, таким образом, оказывается всего лишь промежуточной сферой между биологической и духовной жизнью, хотя и с высокой степенью автономности и самоорганизации.

Отрыв от биологического начала в социуме достигается за счёт духовного и в основном за счёт религиозной веры как первичной формы духовности. Без духовности социальность — всего лишь форма биологической жизни и конкуренции. Только стоящее выше духовное делает биологическое социальным, или социобиологическим. Если духовное начало (прообраз) в ходе воспитания минимизировано и преобладает социальное либо сам прообраз звероподобен, то такой человек становится биосоциальным существом, в жизни которого преобладает «животное» начало, но встроено в жизнь общества.

Как правило, средний человек ведёт себя в обществе «как животное», но по общественным (а не «антиобщественным», что часто ассоциируется с «животным») поведением, но антиобщественное лишь тёмная, маргинальная, осуждаемая сторона социобиологического) правилам и схемам биологической реализации, хотя и с использованием человеческой психики, мышления и других функций примитивной духовности, а также социальных форм и технологий, среди которых главными являются технологии социального господства. Этническая жизнь,

²³ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли. Ч. 4. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 (2).

жизнь больших популяций и народов, является в большей степени социобиологической, то есть нацеленной на их физическое выживание и воспроизводство, которые обеспечиваются поддержанием господства их представителей в своём ареале или сфере общества. Однако социобиологическая жизнь народов ещё не есть цивилизация, а лишь её подчинённая основа.

Попытка сделать социальность самоценностью и тем более отождествить с духовностью, не говоря уже о попытке удалить самостоятельную духовность из социальности (гуманизм, социализм), является дорогой нигилизма и ведёт в конце концов в социобиологию. Это касается и сщепления религии с интересами социума, этноса и его выживания, прежде всего таких форм религии, как язычество и шаманизм, тесно связанных с одной этнической популяцией. Но не исключением оказалось и социалистическое общество Восточной Европы, в котором из-за идеологии марксистского исторического материализма социальное оказалось на первом месте и привело к рассвету борьбы индивидов друг с другом (см. далее раздел 5).

Все религии выходят за пределы социального и биологического в потустороннее, но лишь немногие мировые религии достигают универсальности за пределами популяций и их родства. Большинство религий привязаны к определённым национальностям и даже родоплеменным общностям.

Христианство полностью выходит за пределы человеческого как социобиологического и меняет человеческую природу, тип человека и цивилизацию. Но лишь в той мере, в какой они её восприняли, а эта мера никогда не бывает абсолютной применительно к земным обществам и большинству людей. И христианизация народов, цивилизаций и их индивидов никогда не была полной и абсолютной и зависела от индивидуальной веры. Тему богоизбранности народов в историософии нужно воспринимать именно в контексте меры их реальной духовной трансформации человеческого типа, а не формальных рамок принадлежности к той или иной религии и её ветви.

Что входит в социобиологическую основу цивилизаций?

1. Наследственные линии больших популяций, показывающие биологическое родство народов в рамках цивилизационных линий, транслирующие физический тип человека (расу, физическую антропологию), особенности образа жизни в данных географических условиях и связанные с ним поведенческие коды. Современная популяционная генетика нашла подтверждение этим линиям родства и их связи с этносами; на очереди — установление статистических связей генетических меток родства (аллелей гаплогрупп) с расовыми признаками. Особенно важно, что эти линии маркируют не столько отдельные народы, сколько *большие массивы родственных народов*, похожие на цивилизации по своему объёму, в том числе и Восточную Европу, прямо подтверждая теорию цивилизаций и славянской цивилизации Н. Я. Данилевского и других сторонников этнической и расовой основы цивилизаций. Исходя из разной социобиологической основы, мы видим, что цивилизаций по определению много вследствие того, что много и крупных этнических типов (но не религий!).

2. Особенности метаболизма данного общества с природой в экономических, социальных и бытовых практиках — обмена с окружающей средой, как

персонального, так и микро- и макроэкономического, тесно связанные с климатическими и географическими условиями. Они оказывают огромное влияние на функционирование и закономерности миров-экономик и мир-систем. В Восточной Европе это прежде всего фактор сурового холодного климата наряду с некоторыми благоприятными чертами, большие расстояния и свободные пространства с богатством ресурсов, высокие издержки из-за указанных двух факторов, ведущие к определённым экономическим стратегиям (экстенсивность, своеобразная интенсивность, коллективизм), что, конечно же, распространяется не на весь ареал восточноевропейской цивилизации в равной мере (в меньшей степени на Балканы и Центральную и Восточную Европу), но является её изначальным родовым типологическим свойством человека, его поведения.

3. Формы конкуренции внутри популяций и стран и между популяциями с иноплеменными человеческими популяциями. Разные типы людей и их этнические группы конкурируют друг с другом, пытаются подчинить друг друга или избавиться от чужого доминирования.

Все вышеизложенные аргументы отклоняют возражения против теории этнической основы цивилизаций как якобы игнорирующей духовность.

Инструментарий выделения (идентификации) особой цивилизации и её места в типологии цивилизаций (определение типа)

Исходя из вышеизложенного определения цивилизации как типа человека и общества и его социобиологической основы, единственным надёжным инструментарием выделения наличия самой цивилизации в действительности (возможности удостовериться, что это не мнимый конструкт) и её места в типологии цивилизаций является этноязыковая классификация народов, семей и групп. Языковые группы с большой вероятностью обозначают приблизительные границы особого типа человека, общества и культуры. Родственные языковые группы иногда обозначают одну цивилизацию: например, романская и германская, палеобалканская. Языковые семьи указывают на несколько родственных цивилизаций. Иногда речь идёт о разновременной идентификации цивилизаций или исторических вариантов и форм одной и той же цивилизации. В таком случае истинным будет решение в пользу идентификации главной цивилизации, объединяющей несколько других, синхронно или в разных эпохах, с похожим типом человека и языками. Языки — посредники в передаче цивилизационного и культурного кода, формирующего образ человека и его отношений.

Религиозные, географические, политически-государственные, геополитические, социально-экономические, технологические, социально-укладные и формационные классификации такой возможности не дают и могут служить вторичным вспомогательным средством, хотя и важным. В первую очередь это помогает правильно соотнести страны и народы с иной языковой группой или даже семьёй с их соседями. Это касается принадлежности к ЦВЕ ряда народов уральской и алтайской семей, давно интегрированных в ВЕ.

Говоря о более сложном инструментарии, следует использовать шкалу многосоставной переменной (индекса): общество — индивид, индивидуализм —

коллективизм, индивид — семья и ряд подобных. Это критерий оценки скорее не количественный, а качественный, поскольку он позволяет понять особенности структуры типа личности по отношению к человеку Запада и обществам коллективистского, кланового типа, которые менее и почти не затронуты осевыми процессами и вестернизацией. Общества осевого (соборного типа), к которым относится с некоторыми поправками ВЕ, занимают среднюю позицию на шкале: индивид — группа. Данный подход используется ниже в разделе 3.

Цивилизации и геополитические центры и империи.

Проблема понятия государств-цивилизаций

Понятие цивилизаций, согласно Ф. Броделю, тесно связано с отдельными географическими и культурными пространствами²⁴ и так или иначе несёт на себе отпечаток географии и геополитики, которые позволяют идентифицировать цивилизации на мировой карте. При выделении цивилизации речь идёт не только о социально-психо-типологической (месте на схеме этнических человеческих типов), но и о пространственной локализации типа человека и общества на карте, с которым мы её соотносим. Не все этнические типы, не все народы, даже многочисленные, формируют особые цивилизации. Они представляют лишь этнические или национальные подтипы или вариации одной цивилизации, в формах которой они развиваются. Именно в этом смысле говорят о «французской цивилизации» или о «крито-микенской цивилизации», «византийской цивилизации», «кельтской цивилизации» и других подобных конструктах. Они представляют лишь национальный культурный срез цивилизаций под определённым углом зрения, характеризующий тот или иной народ. Национальные подтипы цивилизаций в отдельных государствах, их появление и исчезновение обеспечивают богатство и устойчивость цивилизационного типа за счёт вариативности, на что указывал Н. Я. Данилевский²⁵.

Понятие государства-цивилизации сформировалось в постсоветской России в кругах обществоведов, близких к Институту философии РАН. Большую роль в этом сыграла сотрудница данного учреждения В. И. Спиридонова и её коллеги²⁶. Оно обозначает крупное имперское государство: «Понятие государства-цивилизации является своевременной и адекватной заменой понятия империи»²⁷,

²⁴ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 39.

²⁵ Здесь и далее ссылки на текст работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» даются по изданию: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Родная страна, 2017. С. 119.

²⁶ См.: Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 124 с. Цит.: URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2016/spiridonova/Spiridonova.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

²⁷ Там же. С. 7. Также на с. 49 авторы прямо отождествляют понятия империи и государства-цивилизации: «Иными словами, между российским пониманием (и практикой) империи и концептом “государство-цивилизация” нет существенных, сколь-нибудь значимых различий», что является методологической ошибкой, поскольку понятия «империя» и «государство-цивилизация» имеют разные смыслы и значения. Как, скажем, даже «государство» и «империя».

которое предположительно по контексту совпадает по объёму с собственной отдельной цивилизацией (но так ли это на самом деле? И как много есть в мире на самом деле таких стран, совпадающих по объёму с цивилизациями?). Согласно мнению В. И. Спиридоновой, Р. И. Соколовой, В. Н. Шевченко, термин получил признание после употребления его в популярной работе М. Жака «Когда Китай правит миром: конец Западного Мира и рождение Нового мирового порядка» (2008)²⁸. В ней термину «государство-цивилизация» применительно к Китаю посвящена глава 7. Аргументация в пользу введения этой терминологической характеристики М. Жака, обратившегося к единству великой истории, культуры, государственности и географии Китая, хотя и убедительна, но недостаточна с академической точки зрения.

Основным и часто единственным и «беспорным» примером эмпирической интерпретации и подтверждения термина «государство-цивилизация», совпадающего с границами государства, выступает Китай, хотя и в отношении него могут быть контраргументы.

Какова бы ни была этимология, формирование термина тесно связано с попыткой определения гораздо более широким кругом патриотически настроенных обществоведов и политэкспертов России крупных незападных стран в качестве особых цивилизаций, поскольку это удовлетворяло запрос на их глубинный суверенитет и полицентричность мироустройства и создание простой и понятной альтернативы идеологии «западнизма». В первую очередь — именно позиционирования России как государства-цивилизации независимо от наличного и исторического состава. Тем самым построение терминологии связано с определённой идейной платформой «русизма», Русского мира и Острова Россия (см. подробнее далее 1.5) как попытки построения варианта суверенной политической идеологии российского постсоветского правящего класса в условиях потери влияния на более широкий круг стран-соседей в ВЕ и Евразии в целом, и давления Запада, буквально «выдавливания» им России оттуда. Есть сторонники этого подхода в сходных кругах и за пределами РФ (например Китай), которые хотели представить свои страны как особые цивилизации, повысив их «символическую капитализацию» бывших «периферийных империй», борющихся за расширение своего цивилизационного, экономического и геополитического ареала. Термин «государство-цивилизация» сформирован по логическому образцу сомнительного западного политологического термина «государство-нация» (хотя и противопоставляется ему как нечто якобы принципиально иное, альтернатива западному национализму, некоторыми авторами, в частности тем же М. Жаком²⁹, что отнюдь не очевидно, поскольку в КНР идёт ускоренное формирование единой этнической нации за вычетом сравнительно малочисленных окраин), произво-

²⁸ Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ... С. 28.

²⁹ Там же. С. 29–30, 37, 48. Авторы цитируют определение М. Жака: «государство-цивилизация — большое многонациональное государство, объединённое не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплементарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы».

дящего риторическую взаимоподмену и необоснованное логическое смешение этнического (нация) и политического (государство) в духе конструктивизма, ведущего к эвфемизации слова. Так произошло и с «государством-цивилизацией», но к смешению, помимо государственного и культурно-матрично-цивилизационного смысла, добавилось и национальное в смысле отдельной русской или российской нации в объёме страны (но не этнической семьи народов). По значению и смыслу термин «государство-цивилизация» близок к «стране-цивилизации», хотя между ними есть серьёзные смысловые различия и неточности, поскольку государство — это далеко не всё общество страны, а в значительной мере управленческий аппарат (искусственная машина, система правящего слоя), а в некоторых случаях «государство — это Я», то есть выражается в личности монарха. Всё это опять-таки следствие слишком «свободного» софистически-идеологического и журналистско-публицистического конструирования терминов философии и науки.

Из того что этнические и языковые семьи и крупные (особенно мировые) религии и их ответвления (конфессии), как два основных контрастных к другу фактора цивилизаций, формируют цивилизации, состоящие из нескольких охваченных ими государств, следует заключение, что государство-цивилизация одного народа — скорее исключение или даже нонсенс в истории. На поверку цивилизация включает группу разных народов и государств со своими историческими судьбами. Конечно, из этого умозаключения могут быть исключения, тем более если речь идёт о таких исключительных по самобытности и влиянию странах, как Россия или Китай. Но имеют ли место они на самом деле?

Попытки видеть везде государства (страны) — цивилизации связаны с неправомерным отождествлением лишь одного самостоятельного геополитического и геоэкономического центра цивилизации с цивилизацией. А цивилизационный центр и цивилизация — это разные явления. Крупных центров цивилизации может быть несколько. Историческая вероятность полицентричности уже внутри одной цивилизации очень высока. Это норма, так же как и сама полицентричность цивилизаций в мире, поскольку каждое окрепшее государство стремится к формированию своей национальной цивилизационной культуры, но от этого не выпадает из общего ареала цивилизации этнической группы. Внутри одного имперского государства может быть несколько цивилизаций — крупных этнических человеческих и общественных типов — в их разнообразном сочетании. Так было, в частности, в СССР, Российской империи и отчасти имеет место в РФ.

Фактор цивилизационного суверенитета государства и его актуальные географические границы не всегда являются критерием границ цивилизации, поскольку не он определяет эти границы, а человеческий тип, общество и культура. Однако из политических соображений подчёркивания суверенитета и величия государства, достижения идеологических выгод, авторы часто игнорируют саму тему реальных границ цивилизации, поскольку последнее видится второстепенным в реальной политике. Сходная ситуация, в частности, сложилась с концепцией российской или русской цивилизации, которую некоторые идеологи пытаются представить как отгородившееся государство-цивилизацию в ситуации вынуж-

денной геополитической и военно-блоковой изоляции России от остальной Восточной Европы, искусственно устроенной Западом.

Причина цивилизационного изоляционизма российской идеологии, проявившегося в концепте государства-цивилизации, вероятнее всего, в хроническом дефиците суверенитета и реальной власти российского государства и реакции политического класса России на агрессию Запада, с которой сложно бороться за фактическими сузившимися границами постсоветской России; попытка для начала сконцентрироваться в своём ядре, за которой должна стоять какая-то более перспективная и широкая стратегия.

Исдержками данного подхода может быть отказ от активной стратегии в Восточной Европе и от мировоззренческого понимания природы собственной цивилизации с заменой её набором произвольно сконструированных черт, якобы подчёркивающих для неискущённого читателя «особенности» цивилизации России. (См. подробнее далее в данном разделе, а также в 1.5.)

Нельзя не остановиться на соотношении геополитики и исследования цивилизаций. Рассматривая цивилизации в ключе практической политики, всегда велик соблазн использовать их объяснительный принцип для крупных международных конфликтов, апеллируя к посредничеству терминов геополитики. Триада «цивилизация — субъект геополитики — субъект мировой политики» выстраивается в мышлении политологов. Смещение рассуждений о геополитике, международных альянсах и конфликтах с цивилизационными разломами — свойство многих работ и мыслителей прошлого — стало, к сожалению, общим местом и говорит о поверхностных моделях объяснения либо сознательных подменах.

Однако ссылки на цивилизационную принадлежность могут оказаться объяснительным принципом, который ничего не объясняет в политике. Подобные синкретические конструкции сигнализируют о крупных методологических недостатках, ставящих под сомнение их выводы. С точки зрения методологии отождествление международных союзов и геополитических субъектов с цивилизациями является некорректным, так как это величины разного порядка и разной дисциплинарной принадлежности: геополитики, истории, политологии — с одной стороны, и философии истории, исторической этнологии, истории — с другой.

Например, неправомерно отождествление западной цивилизации с Евро-союзом, НАТО, или восточноевропейской цивилизации с Варшавским блоком, СЭВ, Российской империей, Евразией. Народы одной цивилизации могут оказаться в силу разных причин в геополитическом блоке другой цивилизации, что мы видим на примере восточноевропейских стран — членов НАТО и ЕС. Иногда разные цивилизации присутствуют в одном государстве: например, Австро-Венгрии, большинство подданных которой не принадлежало к западной цивилизации подобно австрийским немцам, а относилось к типу восточноевропейской цивилизации. Тем не менее существует прямая взаимосвязь между геополитическими центрами и цивилизациями, поскольку первые выражают их политическую волю и творчество.

Цивилизации по своей природе полицентричны внутри и вовне, как указывалось чуть выше. В ходе развития и достижения цивилизационной зрелости

народы стремятся к формированию своих независимых геополитических и экономических центров и империй, которых, как правило, в одной цивилизации создаётся несколько. Они вступают в борьбу друг с другом за доминирование в своей географической зоне и в зоне интересов.

Принадлежность к одной и той же цивилизации отнюдь не всегда ведёт к кооперации и гармонии её независимых центров. Часто между ними идут длительные ожесточённые войны, как между Францией и Англией в Средние века и Новое время, Францией и Германией. Кроме того, чтобы иметь возможность и ресурсы расширить своё внешнее влияние на мировой арене, один из центров пытается подчинить другие и использовать их для внешнего влияния. Цивилизации по своей природе универсальны и стремятся к глобальному влиянию, навязыванию своей системы и культуры другим. Но борьба разных цивилизаций иногда начинается внутри одной цивилизации между её разными центрами. Разные формы одной цивилизации навязывают себя не только другим цивилизациям, но и друг другу через доминирование одного центра над другим.

В чём тогда смысл цивилизации, если в ней нет и, очевидно, не будет единства? Единство цивилизации необходимо понимать как единство в противоречиях и конфликтах как внутри цивилизации, так и с другими угрожающими цивилизациями и вызовами. Цивилизация представляет собой структурированное сообщество людей и коллективов одного или сходного типа. Между ними имеют место отношения как конкуренции, так и кооперации. На макроуровне это государства или даже союзы государств, империи, включающие другие государства как «матрёшку». Однако выживание этого типа в целом осуществляется вопреки борьбе индивидов, групп и государств друг с другом, иногда через победу сильнейшего или наиболее терпеливого, уживчивого, реализующего наиболее подходящую программу. Особенность цивилизации как типа в том, что она представляет собой программу объединяющего всех образца человека, общества и культуры, его примирения. Цивилизация — модель единства и сборки, вопреки варварству как раздору, некий антропологический, реально-поведенческий, а не абстрактно-нормативный порядок. Если говорить терминами А. Тойнби, то цивилизация — конструктивный ответ на вызовы раздора. Однако эти образцы бывают разными, нередко противоречивыми. Это диалектико-историческое понимание цивилизации вопреки априорно-мистическому. Бывает и так, что цивилизация в своём типе предлагает модель единства за счёт кого-то, кого нужно принести в жертву. Так устроена западная цивилизация, у которой в человеческом типе и его операциональном коде заложен механизм создания жертв для утилизации в цивилизационном порядке. Политика, как следует отсюда, как борьба за власть внутренне присуща цивилизации, но не политика и её структуры (государство, армия) определяют цивилизацию, а позитивный образ человека и коллектива. С точки зрения персонализма первичен он, а не обстоятельства борьбы всех против всех и средства её замирения и разрешения, как в западной парадигме общества после Гоббса. Война не есть образ цивилизации, это образ политики.

Рассмотрим эту ситуацию на примере борьбы центров в Восточной Европе, её основной, северной части. В XI–XIII веках шла борьба между Польшей, Русью

и Венгрией за западнорусские земли. В XIV веке в северной части ВЕ боролись Польское королевство, Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское, помимо западных рыцарских орденов и государств. Польша и Литва поглотили часть русских земель. Но позднее, в XVI веке, борьба привела к поражению, потере территорий и к ликвидации самостоятельности ВКЛ. В XVI веке в борьбу за доминирование в Восточной Европе вступили Речь Посполитая и Русское царство, которая к началу XVIII века закончилась победой Российской империи и впоследствии ликвидацией Речи Посполитой. После Первой мировой войны Польша вступила в борьбу с РСФСР за Украину и Белоруссию. Борьба закончилась разделом и ликвидацией Польши согласно пакту Молотова — Риббентропа в 1939 году. После Второй мировой войны в 1945 году СССР установил контроль над всеми государствами Восточной Европы и навязал им форму социалистической цивилизации ЦВЕ и советской империи, одновременно дав возможность создания своих малых центров. Однако Югославия, приняв форму цивилизации, создала свой геополитический центр ЦВЕ. Польша в 2020 году вступила в конфликт с Россией за доминирование над Украиной и Белоруссией, ожидая принесения их в жертву и утилизации, как и России в целом, жертвы для Запада. Как мы видим, в этой ситуации Россия в лице своих исторических государств смогла предложить более совершенный и сильный образ цивилизации и исторически победила западные государства и государства-конкурентов внутри ЦВЕ, вопреки некоторым поражениям от Польши и ВКЛ XIII — начала XVII в. и от Германии и Польши в 1917–1920 гг.

Империя как развитая форма государства является единицей, сердцевиной геополитического центра, без которого невозможны ни союзы, ни геополитическое объединение. Империя — иерархическое государство, включающее в себя или контролирующее разные народы и государственные образования. Тем самым любая империя, даже самая простая, — это *развитая политическая форма определённой цивилизации*, стремящаяся к выражению универсального стремления любой цивилизации как самовоспроизводящегося социально-природного макрокосма. Крупная империя стремится править своей частью мира, который понимается в рамках её мировоззренческой оптики как «цивилизованный мир», а остальные части мира как населённые «варварами», не соответствующими уровню человека как цивилизационного типа.

Империя стремится к раздвиганию своих границ, к передаче себя народам как своей, так и других цивилизаций (*translatio imperii*). Однако передача некоторых свойств империи как политической и юридической, хозяйственной формы и даже её цивилизационного человеческого типа и религии, её идей, приобщение к ним, далеко не всегда означает вхождение другого народа в её цивилизацию и даже в передающую империю, поскольку *translatio* не может сразу изменить человеческий тип с его культурой. Такова, например, историческая ситуация Византийской империи и Руси и славянства. Многие империи не преследовали цель включения «варваров» в свою цивилизацию, изменение их типа, а лишь цель влияния на них в своих интересах.

Наибольший интерес представляют собственные империи данной отдельной цивилизации, логика их развития, по которой можно понять логику развития

и поведения её человеческого типа (и, отчасти, наоборот). Империи представляют особую, *более сложную ступень организации общества*, и притом не всегда благоприятную к отдельным людям, в этом отношении их логика превосходит логику обычного человеческого типа и не всегда выводима из него. Часто они выступают угнетателями и эксплуататорами чужих народов и своих собственных, но иногда они создают условия для духовного прогресса и свободы носителей своей цивилизации.

Степень развитости империй сильно влияет на цивилизационное развитие данного общества и на уровень самой цивилизации, прежде всего его управляющего и волевого блока. Империи в XX веке, по словам А. Зиновьева, достигли уровня «*сверхобщества*», широкой массовой верхушки, надстроенной над обществом («человеяником», который у Зиновьева аналог этнической базы цивилизации), хотя зачатки сверхобществ были и древних империях. Прежде всего, это имперские элиты той же Древнеримской империи и многонациональные закрытые тайные союзы.

Цивилизации и миры-экономики

Мир-системный и мир-экономический анализ, введённый школой Анналов, стал своего рода версией цивилизационной теории как теории типов. Вместе с тем следует избегать прямых отождествлений цивилизации с таким глубоким явлением, как миры-экономики и, шире, мир-системы, основывающиеся на мирах-экономиках. Экономической основой или, наоборот, проявлением развитого состояния крупнейших цивилизаций может служить собственный мир-экономика³⁰, скрепляющий пространство цивилизаций торговыми и производственными связями и структурирующий его на несколько неравноправных зон. Такой мир-экономику или несколько перетекающих миров-экономик представлял собой Запад. Первоначально им уже была, согласно Д. Энтони, индоевропейская цивилизация степей уже в конце III тыс. до н. э. и эволюционировала более четырёх тысячелетий вплоть до описанной И. Валлерстайном «Современной мировой системы» глобального капитализма, сложившейся в XV–XVII веках.

Ф. Бродель следующим образом определяет мир-экономику: «Мир-экономика... затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определённое органическое единство»³¹. Несмотря на глобализацию и доминирование глобальной мир-системы, историк не исключает сохранения миров-экономик наряду с Западом, «существовавших всегда», согласно Ф. Броделю, например России, Китая, Индии, Ирана.

³⁰ Термин «мир-экономика» в смысле крупной автономной части хозяйства мира сформулировал историк школы Анналов Ф. Бродель, отталкиваясь от немецкого *die Weltwirtschaft*, английский вариант — *world-economie*.

³¹ Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3: *Время мира*. М.: Прогресс, 1992. С. 14.

К сожалению, Ф. Бродель относил Россию XX века к западной цивилизации³². В отличие от исторически ограниченных экономических ареалов, выполнявших роль миров-экономик в какой-то отрезок истории, пусть даже весьма длинный (например, Средиземноморье), устойчивые миры-экономики сохраняются тысячелетиями до настоящего времени, что позволяет считать их экономической основой цивилизаций, существенным образом связанной с процессами обмена с природой — метаболизма определённого типа человека.

С учётом тенденций к «глобализации» — созданию экономических макрорегионов мира в XXI веке — ряд крупных государств или их союзов могут создать автономные миры-экономики со своими рынками. Пока они представляют собой большие внутренние рынки с набором основных отраслей и финансовых институтов с ярко выраженными социальными и географическими и климатическими особенностями экономической деятельности.

Восточная Европа, кроме территорий Центра и Востока России — Российской империи, входила в западные миры-экономики начиная с культур Латена и провинциальных римских культур V в. до н. э. — IV в. н. э., демонстрирующих торговлю, технологические заимствования у народов Запада и проникновение их носителей. «В XVII веке восточная граница европейского мира-экономики проходила на востоке Польши; она исключала обширную Московию. Последняя была для европейца краем света»³³. Таким образом, Восточная Европа хотя и находилась под политическим и экономическим влиянием Запада, тем не менее Россия имела собственный мир-экономику, который периодически расширялся на Запад и на Восток.

Цивилизация, общественно-экономическая формация и уклад. Мировая история как процесс цивилизаций

Существует ли цивилизация как предмет на самом деле? Не химера ли она консервативного сознания, навеянная метафизическими и историософскими конструкциями?

Цивилизационный подход не противоречит подходу историческому: цивилизации такой же развивающийся предмет, как и остальные социальные явления, обладающие как внутренней, так и внешней логикой движения (отнюдь не как биологический организм, а как общество), и существуют во взаимосвязанном мире, в социальной динамике. Цивилизации встроены во всеобщую историю, однако всеобщая история вовсе не является единым гегельянским циклом, перемалывающим и «снимающим» цивилизации на поворотах мировой спирали. Стоит ли напоминать о том, что границы между цивилизациями не абсолютны и вполне прозрачны, а сами цивилизации, как и их носители и очаги, не вечны? Марксистская наука как комплекс идеологического и пропагандистского производства в СССР и ряде других стран пошла по пути со-

³² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 40.

³³ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. С. 19.

крытия и игнорирования цивилизаций в истории, так как этот взгляд нарушал тотальность идеологии интернационализма и глобализма, построенного на культе социальности и предписаний будущего человечества. Культ социальности в науках и праве является разновидностью идеологии западного сверхобщества и вестернизации.

Ф. Бродель прямо предлагал рассматривать «цивилизации как экономические уклады» и «общественные формации»³⁴, хотя между ними существенная понятийная разница. Далее он писал, что цивилизация исторически едина, проходя через цепь укладов и формаций: «нечто такое, что, будучи рассмотренным через совокупность экономических укладов и общественных формаций, продолжает существовать, лишь слегка меняясь время от времени»³⁵. Цивилизации — более устойчивые сквозные структурные единицы истории, чем формации, общества, и тем более уклады. Вообще, понятие социально-экономической формации является более спорным, чем цивилизации, поскольку, по сути, точно известны только две формации в масштабах мира: капиталистическая и первобытно-общинная; остальные локальны, а цивилизаций много. Также довольно много и социально-экономических укладов.

Социально-экономические формации возникают в определённых цивилизациях. Формация не может возникнуть неожиданно и повсюду вне особенностей данного общества и его уклада. Исходя из этого, цивилизационный подход в историософии не противоречит и правильно понятому марксистскому формационному подходу. Хотя он и заставляет скорректировать представления о социально-экономических формациях в соответствии с фактами, что адепты формационного подхода не всегда считают приемлемым. Первоначально в период появления как формации, так и цивилизации — это уклады, которые являются наиболее динамичными этническими или социальными частями других цивилизаций или старых форм цивилизаций. Но скоро уклады «перерастают» этнические рамки и охватывают значительную часть цивилизационного пространства и переходят в пространство и в миры-экономики других цивилизаций, хотя между ними существенная понятийная разница. Впоследствии отдельные уклады преобразуются в формации, охватывающие значительную часть человечества. Таким образом, формации изначально развиваются как цивилизации, а затем и через цивилизации, — что было бы странно, если бы они повсеместно действовали, помимо них, каким-то непонятным прямым образом.

Социально-экономические формации в таком случае нельзя понимать узко, как способ производства или одну из его форм, что делалось марксистами применительно к капитализму, рабовладению, феодализму и социализму. Когда социально-экономические уклады превращаются в формации, речь всего лишь о логических ошибках поспешного обобщения. Так, сомнительными являются феодальная и рабовладельческая формации, поскольку они не обладали всеобщностью. Но рабовладение и феодализм вполне можно рассматривать

³⁴ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 45, 48.

³⁵ Там же. С. 63.

как варианты широко распространённых укладов. Зато можно попытаться выделить общинную формацию, возникшую в ходе неолитической революции в раннеземледельческих цивилизациях и существовавшую до капитализма, а в некоторых странах — и при развитом капитализме. На смену капитализму в XX–XXI вв. постепенно приходит социалистический уклад, активнее развивающийся в незападных цивилизациях, возможно, и даже вероятно, образующий новую формацию.

*О динамике, жизненном цикле цивилизаций и глобализации
(методологические замечания)*

Жизненный цикл цивилизаций является открытым: цивилизация может жить и развиваться бесконечно. Это отражение осевой природы мира, ведь цивилизация — это бесконечные оси — лучи развития. Закономерности цикла развития касаются в основном периода становления, когда цивилизация существует в виде этнического культурно-исторического типа. Иногда период становления, когда сам предмет, цивилизация, существует в «свёрнутом» виде, затягивается на тысячелетия. Многие этносы не выходят из этого подросткового периода, оставаясь в нём бесконечно, либо поглощаются другими цивилизациями. Но он, объект, уже есть, это не предшествующая стадия, а сама цивилизация, поскольку есть тип человека, а он и определяет наличие цивилизации. Н. Я. Данилевский называл цивилизацию короткой зрелой стадией развития культурно-исторического типа, его расцветом и началом «плодоношения»³⁶. Цивилизации предшествуют «этнографический» период и период утверждения типа³⁷.

Оценка уровня развития той или иной цивилизации носит исключительно качественный характер и может строиться на показателях: оригинальности по отношению к другим цивилизациям, многоплановой сложности её культурного и человеческого типа, типа социальной организации, многообразии культурных образов и форм (степени «цветущей сложности», К. Н. Леонтьев), механизмов самовоспроизводства типа человека и культуры, волевой творческой энергии, а не власти над людьми и природой, ресурсов, техники, потребления и комфорта, предметов, количественных показателей экономики и тому подобное. Как мы видим, эти показатели зависят от динамики цивилизации, от той точки цикла, в которой она находится, который может быть открытым, то есть не необратимым. Поэтому часто развитие цивилизации может иметь черты упадочности, когда преобладает количество благ и упрощение человеческого типа. Хорошим, хотя и косвенным показателем является преобладание в популяциях носителей пассионариев или субпассионариев, согласно Л. Н. Гумилёву. Главным показателем развития, исходя из определения цивилизации как коллективного типа человека и общества, служит оригинальность, сложность и волевая осознанность и одухотворённость социального строя и жизни, а не какие-то достижения науки, культуры, быта, градостроения, продолжительность жизни, уровень по-

³⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа... С. 125.

³⁷ Там же.

требления. Но их можно считать лишь косвенными показателями, зависящими от оценки.

Очевидно, нужно согласиться с автором «России и Европы», что цивилизация полностью складывается в период зрелости, когда этнический тип достигает стадии цивилизации как сверхэтнической организации личности, общества и культуры, претендующей на универсальность, в перспективе на глобальность. Следует различать: а) первичную зрелость достижения цивилизации; б) развитую цивилизацию. Как уже указывалось, признаком достижения цивилизацией первичной зрелости являются государства и империи со значительными городскими центрами, а также надэтнические религии и формы духовной культуры, которые делают цивилизацию полностью самостоятельной «для себя», одновременно «заметной» и для других цивилизаций благодаря своему воздействию на них. На стадии цивилизации этнический тип превращается в «магнит» для других этнических групп, образуя центр кристаллизации сложного общества именно благодаря духовной компоненте культуры и организации. Но достижение надэтнических черт в надстройке и культуре, преодоление этнографической узости раннего этапа развития и существования типа не ведут к утрате или размыванию самого этнического типа человека. Без него надэтнические формы превращаются в мираж и ведут к кризису.

Славянская восточноевропейская цивилизация достигла стадии первичной зрелости в IX–XI вв., после и вследствие пассионарного взрыва, приведшего к расселению славян на территории всей Восточной Европы и ассимиляции ими различных народов, когда произошло «утверждение» типа (см. далее раздел 3) и появление письменности, появление многотысячных столиц и сети из множества укрепленных городских поселений (так называемая Гардарика). Однако полная зрелость славянского типа наступает только в XIX–XX вв., когда ВЕ достигает состояния зрелой цивилизации, создав культуру крупных сложноорганизованных городов и свой тип социальной организации — социализм. Для сравнения, Запад в своей ранней античной форме достигает второй стадии полной зрелости уже в эпоху эллинизма и Римской империи, когда появляются сложные социальные и технологические системы и мегаполисы, но теряет её с падением античности, за исключением Византии. Возникает тип развитого человека — римлянина (ромея) и эллина, обладающего большим творческим потенциалом в разных сферах. Новый Запад достигает вторичной зрелости лишь в начале Нового времени с появлением капитализма, колониальной системы и человека Нового времени, буржуа, на 2–3 века раньше славянства, которое приблизилось к нему лишь в XIX веке.

Второй момент в закономерностях развития цивилизаций — кризисные ситуации. Иногда в ходе череды кризисов наблюдается явный внутренний упадок цивилизации, очевидно, ведущий к её окончательному падению. Признаками кризиса цивилизации, её подтипа, являются депопуляция, снижение рождаемости, разложение духовной культуры, преобладание гедонизма, военная и политическая слабость. Таких примеров в истории довольно много. Увядание и гниение не являются неизбежными, они вызываются свойствами самой цивилизации, её человеческого типа. Иногда их вызывает внешнее воздействие.

На поверку мы видим, что они касаются не цивилизаций вообще как крупных типов человека, а их национальных подтипов или государств, которые оказались тупиковыми перед лицом своих соперников как внутри цивилизации, так и соседних иных цивилизаций. Тупиковые варианты исчезают или поглощаются, передавая свои достижения другим. Не исключено увядание и большой цивилизации.

Примером окончательного увядания подтипа цивилизации является исчезновение Византийской империи как самобытного раннего варианта западной цивилизации, возникшего на этнической основе палеобалканской группы и античной Греции. Процесс увядания Византии был довольно сложным и растянутым на всю её историю, что говорит об относительности самого процесса увядания, сменяемого периодами подъёма. Увядание греческого античного типа человека началось уже в II–III вв. до н. э. в эллинистический период и продолжилось в поздней Римской империи одновременно с древнеримским типом. В V–IX вв. произошло некоторое обновление Византии за счёт вливания внешних этнических сил (славяне, народы Малой Азии), христианизации, изменения организации общества, ухода от античного варианта цивилизационных форм. Однако прежний тип и кризисные явления сохранились. В результате внутреннего перерождения Византия в конце XII века оказалась в зоне риска политического уничтожения, что и произошло с 1200 г., достигнув конечной точки в 1453 г. с падением Константинополя. Частично византийская цивилизация как подтип западного типа человека сохранилась в истории в виде современной греческой нации (и во многом благодаря ей в османский период). Пример увядания и падения Византии говорит о том, что византийская цивилизация отнюдь не равна восточнохристианской и православной формам цивилизации, которые сохранились и даже развились после её кончины в других странах ВЕ. Проблема заложена в социально-этническом типе греков-ромеев, который не смог выдержать имперского бремени на стыке геополитических разломов (см. ниже 2.5 о палеобалканской группе народов).

Не следует путать периодический, иногда циклический кризис цивилизации с окончательным падением, что случается, скорее, вследствие внешней агрессии. Часто мы видим именно кризис, который является предпосылкой дальнейшего развития либо увядания в зависимости от коллективного цивилизационного выбора.

В завершение темы добавим, что автор данной монографии отвергает органицистскую теорию этноса и цивилизации как якобы растущего и стареющего организма по аналогии с особью как необоснованную и ненаучную попытку переноса биологических закономерностей на общество и тип человека. В частности, теории антропогенеза Л. Н. Гумилёва и цикла жизни культурно-исторически типов Н. Я. Данилевского. Ничто не доказывает наличия этих циклов, а прогноз теоретиками цикличности будущего полного «заката» цивилизации (например, Европы у Шпенглера и Китая у Данилевского) нередко посрамляется дальнейшим ходом истории. Социобиологический подход не означает использование случайных необоснованных построений в духе органицизма. Так же как и поиск логики истории и историософии не означает историцизм.

Если мы берём биологическую сторону вопроса, которая не единственная и не главная, то цивилизации как тип человека правильнее рассматривать как «подвиды» человека или «популяции», которые в биологическом мире отнюдь не обречены следовать неуклонному порядку роста и увядания, а стремятся к экспансии, самоутверждению, своеобразию по отношению к другим типам людей. Возражение против органического циклизма было выдвинуто П. Сорокиным в отношении теории цивилизаций А. Тойнби и его предшественников, например Н. Данилевского. Цивилизация — явление более высокого порядка, чем социобиологическая общность, подчиняющаяся духовным действиям воли, поэтому она не подчиняется циклам, действующим по принципу необходимости.

Однако законы социобиологической необходимости усиливают своё фатальное влияние на судьбу цивилизации, если ослабляется воля её носителей, которая, в свою очередь, привязана к вере как источнику духовных функций для людей, в том числе и источнику самой воли, поскольку воля земного человека сопряжена с трансцендентными прообразами и их актуализацией. В противном случае «включить» волю, тем более волю цивилизационную, сложно. В таком случае «включается» закон завершения цикла жизни и увядания цивилизационного культурно-исторического и этнического типа. Его воздействие имеет обратную негативную привязку к действию цивилизационной воли. Если воля «включится», увядание и его цикл будут «разорваны».

Можно предположить, что отдельные цивилизации исчезнут в результате глобализации: экспансии одной цивилизации либо слияния разных цивилизаций в одну. Но можно возразить, что в результате сравнения цивилизаций как типов людей мы наблюдаем, что интенсивные процессы культурного и хозяйственного заимствования, экспансии, коммуникации и роста одних цивилизаций отнюдь не ведут к их гибели или даже сужению их пространства. Под натиском глобализма западной цивилизации цивилизации Китая, Индии, Ирана, арабского мира, Восточной Европы никуда не делись, сохраняют и даже усиливают своеобразие, отправляя его «на экспорт». Растёт численность их носителей. В другом варианте поглощения цивилизации и их носители могут быть физически уничтожены, но пока они есть, они проявляют себя и свою волю к жизни в тех или иных формах.

Возьмём наш предмет — восточноевропейскую цивилизацию, традиционно находящуюся под сильным воздействием западноевропейской. С момента её появления 4000 лет до н. э. в виде «шнуровых» культур предков славян и балтов до нынешнего времени резко выросла территория — от части Восточно-Европейской равнины она распространилась на большую часть осевой зоны Евразии (в XVII–XIX вв. — в России, Сибирь), Юго-Восточную Европу и часть Центральной Европы (в VI в. — расселение славян). По мере ускоренного развития Запада усилилось различие восточных и западных европейцев — в культуре, религии, экономике, психологии. Казалось бы, в XIX–XX вв. влияние заимствований с Запада Европы и западного глобализма было огромным. Представители Запада даже провели ликвидацию государственности Российской империи в ходе революции 1917–1920 гг. Однако оригинальность и мощь восточноевропейцев неожиданно

и резко усилились в форме советской социалистической цивилизации СССР и Варшавского блока. Кроме того, советская цивилизация была экспортирована и «привита» в Восточной и Юго-Восточной Азии, Африке и даже Америке. Сегодня наблюдается пробуждение цивилизационной воли России. Можно предположить, что соответствующий ответ на западную глобализацию произойдёт и в обозримом будущем.

Цивилизации неуклонно стремятся к наращиванию своеобразия и мощи, избавляясь от враждебных ценностей и влияний. Лишённая недостатка смертности отдельного человека, цивилизация имеет возможность длительной перспективы сохранения своей основы и смены форм. Магия образа жизни и типа человека поистине заразительна и самоутверждающа! Часто отмирание и гибель форм и разновидностей цивилизаций принимают за их конец. Цивилизация как комплексный социобиологически-духовный объект хотя и напоминает органические черты, живёт по другим закономерностям, подчиняющимся свободе воли и коллективного действия, а не просто законам биологического роста. Тем самым их динамика не ограничена рамками жизни, а представляет собой динамику индивидуальной и коллективной воли как проявления вечности во времени истории. Циклы цивилизаций — циклы коллективной воли.

Ось истории как единство разных цивилизаций в истории

История представляет собой причудливое сочетание векторов и осей разных цивилизаций. Несмотря на всю множественность цивилизаций, история имеет некоторую ось, которая позволяет говорить о единстве истории, но не о её запрограммированности и предопределении. Ось имеет духовный характер и способствует повторяемости и преемственности, однако она не означает отсутствие изменения самой формы движения и развития, а также фактор особых путей истории отдельных цивилизаций, которые в разной мере и по-разному её выражают. Ось истории может быть выражена и понята по-разному. Вероятно, причина в том, что она негативна, скрыта от сознания обычного человека, не знающего сроков, ни начала, ни конца истории. Это интуитивная и трансцендентная данность, которая выражена в важнейших событиях истории цивилизаций. Она представлена как многообразные цивилизационные мифы религий. Для полноценного изучения цивилизаций необходимо цивилизационное плюралистическое и децентрализованное мышление, которое основывается на принципах самоценности и самостоятельности цивилизаций и носителей и человеческого типа, их равноправия и неодинаковости. Стоит ли говорить, что данный подход не очень приветствуется в нигилистической научной методологии, в том числе и марксизме, склонном к материалистическому редукционизму? Осевые цивилизации, их история и природа не выражают непосредственно ось истории как непререкаемый факт, а проливают на неё некоторый свет.

*Цивилизация: от единичного к множественному.
Эволюция понятия и ход истории*

Чтобы понять логику цивилизационного подхода, предпримем краткий экскурс в историю понятия цивилизации. Общий вектор цивилизации — её «плюрализация», то есть превращение во множественное число. Подробный анализ теории и историографии понятия цивилизации выходит за пределы данной монографии, он проделан в ряде источников³⁸.

Определение «локальная» как синоним отдельных цивилизаций не очень удачно, так как цивилизации охватывают большие ареалы, выходящие за рамки локальных и региональных пространств. Но самое главное в том, что по своей природе цивилизации универсальны, то есть стремятся к образованию своего отдельного мира и его распространению на весь мир, даже если они охватывают небольшую часть людей, «макрокосмы» небольших народов и государств. Но это глобальность не всеобщая, а с точки зрения их жизненного мира и истории.

Первоначально цивилизационное направление мысли — продукт западно-европейского Просвещения XVIII века. Понятие цивилизации как свойства гражданства в эпоху Просвещения противоположно понятию варварства или естественного состояния в широком социальном и более узком историко-географическом смысле. Впервые понятие «цивилизация» в значении, приближённом к современному, было использовано во французском языке В. Р. де Мирабо в работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1757). Позднее оно конкретизировано в «Рассуждениях о цивилизации» (1768). Понятие цивилизации означало развитие добродетелей, в широком смысле, вместе с тем несло риски античеловечности, разложения общества. Кстати, уже у Мирабо интерпретация цивилизации содержала религию как первый фактор, что предвосхищает последующие религиозноцентричные (культуроцентричные) подходы к цивилизациям. В английском языке понятие цивилизации введено А. Фергюссоном в работе «Опыт истории гражданского общества» (1767), а уже в 1772 году попало в словарь С. Джонсона.

Первоначально слово «цивилизация» означало одну, по умолчанию, западную цивилизацию, или то, что совместимо с ней и противостоит «варварству» как единый процесс просвещения и прогресса. По сути, речь шла об этноцентричном и нормативистском определении, хотя и наделённом всеобщим смыслом. В первой половине XIX века, после первичного кризиса просветительской идеологии, сопряжённого с романтизмом и политической реакцией и Священным союзом, понятие «цивилизация» стало употребляться во множественном числе как «цивилизации», то есть другим народам европейские мыслители и учёные перестали отказывать в праве на оригинальность цивилизации. «Не случайно само представление о цивилизации не как об общем понятии, отражающем идеалы разума, просвещения и прогресса, а во множественном числе, применительно к от-

³⁸ При исследовании этимологии понятия «цивилизации» обычно ссылаются на работу Е. Бенвениста «Цивилизация. Дополнения к истории слова» (1954). *Старобинский Ж.* Слово «цивилизация» // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 110–149. Цит.: URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Civilization-3.html> (дата обращения: 02.02.2024).

дельным странам возникло только в 1819 г., когда идеал цивилизации пришлось “делить”. И до этого многократно мыслители разных стран ассоциировали идею “цивилизации” с реалиями собственной страны — с культурно-поведенческим аспектом прогресса для Франции (Вольтер, Кондорсе) и социально-экономическим развитием для Англии (Фергюсон). Но теперь предстояло объяснить, в чём именно цивилизации Англии, Франции, Германии, России сходны или отличаются одна от другой?»³⁹. Идея цивилизации как единого универсального понятия развивалась в духе европоцентризма в первой половине — середине XIX в. в широко известных работах Ф. Гизо, Г. Т. Бокля, Д. С. Милля. Но и столетие спустя, в первой половине XX века, это смешение ещё присутствовало в работах маститых историков. Историк-эволюционист Г. Чайлд, который, что примечательно для нашей темы, наряду с Э. Вале является прямым предшественником курганной гипотезы о восточноевропейской степной прародине индоевропейцев, в 1920-е годы в начале работы «Арийцы. Основатели Европейской цивилизации» (1926) употребляет оба значения слова «цивилизация»: и как множественные цивилизации, и как цивилизация — синоним прогресса. «Прогресс человечества от состояния дикости к цивилизации неразрывно связан с прогрессом абстрактного мышления»⁴⁰. То есть цивилизация, с одной стороны, привязывается к западному рационализму, с другой — связывается с деятельностью его носителей — духовных сословий. О единой цивилизации писал фантаст Г. Уэллс.

Научные представления о множественности цивилизаций и их борьбе сложились в середине XIX века как новый европейский тренд, совпадавший со становлением эмпирических социальных наук, учитывавших реалии этнокультурного многообразия человечества и биологического разнообразия людей и живых организмов, а также их конкуренции. Наиболее систематически они были изложены Н. Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» (1869) в его теории культурно-исторических типов. Взгляды Данилевского находились в русле развития европейской науки, и в этом плане они не были уникальными, уникальной была сама форма концепции и славянская цивилизационная оптика. Предшественниками и возможными источниками комплексной концепции Данилевского называют упоминавших понятия разных цивилизаций, порождённых разными типами, Ш. Ренувье («Учебник древней философии», 1844), А. Гобино («Опыт о неравенстве человеческих рас», 1853), Г. Рюккерта («Учебник мировой истории в органическом изложении», 1857). В частности, Ю. Семёнов утверждал, что «в работе французского философа Шарля Ренувье (1815–1906) “Руководство к древней философии” (1844), по-видимому, впервые появился термин “локальная цивилизация”. Среди этих цивилизаций Ш. Ренувье выделяет первичные, вторичные и третичные»⁴¹. В любом случае данные теории не имели такой сте-

³⁹ Ионов И. Н. Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. Вып. 40. М., 2012. С. 32–33.

⁴⁰ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2008. С. 11.

⁴¹ Семёнов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). Цит.: URL: https://scepisis.net/library/id_1080.html (дата обращения: 02.02.2024).

пени разработанности и последовательности, как теория Данилевского. В том же русле находится и теория младшего современника Н. Данилевского Л. Гумпловича о борьбе рас («Der Rassenkampf», 1883), под которыми понимаются не только и не столько физико-антропологические расы, сколько семьи народов.

Кризис западной цивилизации, разразившийся в первой половине XX века и сопровождавшийся возрождением старых цивилизаций и становлением новых незападных цивилизационных проектов (СССР, пробуждение Востока, новый Китай, Турецкая Республика), привёл к дальнейшему пересмотру западнцентризма и утверждению «многополярной» теории цивилизаций. Постепенно идея отказа от европоцентризма прокладывала себе дорогу. С точки зрения влияния, но не содержания разных цивилизаций, которое было уже ранее, ключевой фигурой для развития цивилизационной теории стал О. Шпенглер, соединивший идеи кризиса Запада («Заката Европы», 1918) и множественности цивилизаций как типов культуры.

Польский историк Ф. Конечный (1862–1949), старший современник А. Тойнби, опубликовал труд с говорящим в плане методологии названием: «Множественность цивилизаций» (1935)⁴², в котором он, впрочем, в характерной польской традиции со времён концепции сарматизма относит Россию к туранской цивилизации. Теория Ф. Конечного отчасти напоминает теорию культурных типов О. Шпенглера (подробнее о теории Конечного см. статью о нём в Приложении 1).

Понятие «цивилизация» в современном научном смысле как отдельной цивилизации ввёл в оборот британский историк А. Тойнби в вероятной опоре на взгляды О. Шпенглера. Позже оно распространено С. Хантингтоном на геополитику. Но даже А. Тойнби, ставший автором современных научных взглядов на цивилизации и прямым предшественником теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, писал одновременно и о единой цивилизации («Цивилизация перед судом истории»), и о разных цивилизациях и их столкновении⁴³. В частности, он сформулировал византистскую концепцию российской цивилизации в главе «Византийское наследие России»⁴⁴. В основу её положена якобы приверженность России византийскому тоталитаризму. Большую роль в доработке этой культуроцентрической версии цивилизационной теории сыграли П. Сорокин, углубивший в ней именно западные черты рационализма (термин «культурные суперсистемы»), Д. Уилкинсон (термин «срединная цивилизация» как видоизменённая теория синкретической глобальной цивилизации Запада и Ближнего и Среднего Востока, поглощающей другие).

Весьма значителен вклад в цивилизационную теорию и практику исследований цивилизаций Ф. Броделя и в целом школы Анналов. Даже в 1960-е годы путь утверждения теории множественности цивилизаций, вопреки обскурантизму западнцентрического колониального мышления, оказался непростым. «Зна-

⁴² См.: *Koneczny F. On the Plurality of Civilizations // Polonica Series, № 2. Ed. by Jędrzej Giertych. L.: Polonica Publications, 1962. 348 p.*

⁴³ См.: *Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник. М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996. 477 с.*

⁴⁴ Там же. С. 105–114.

менитая «Грамматика цивилизации»⁴⁵ Ф. Броделя была опубликована в 1963 г. как раз в процессе смены парадигмальных основ науки и образования, но уже в 1965 г. её изъяли из программ, а потом и из продажи. И только в 70-е гг. XX в. «Грамматика...» была опубликована вновь и вошла в программу изучения (не последнюю роль в этом сыграли события 1968 г., которые повлияли на общественное сознание и историческое мышление). Труды по теории цивилизаций повлияли на последующие поколения историков не только во Франции, но и вообще на Западе, заняв, наряду с трудами английского историка А. Тойнби, место фундамента современного социального знания»⁴⁶, — указывают авторы сборника о советской цивилизации. Бродель в главе «Перемены в методологии» придал цивилизации статус междисциплинарного понятия всех социальных наук⁴⁷ и попытался дать её операциональное определение через широкий спектр базовых понятий смежных социальных дисциплин. Многие из частных определений по перечислению, чем является цивилизация, прямо «наводят» на понятие цивилизации как антропологического и социального типа, хотя напрямую нигде это автором не формулируется. В целом синтезирующую теорию цивилизаций Ф. Броделя, изложенную в «Грамматике цивилизаций», на наш взгляд, нельзя назвать ясной и чёткой, особенно касательно определения понятия цивилизации, хотя она представляет собой крупный шаг вперёд после Н. Я. Данилевского. В идеале исследовать цивилизации должна единая социальная наука.

Западные авторы стремились к подстройке цивилизационной теории под западный же рационалистический и культуросцентрический мейнстрим мышления, приданию ей приемлемого вида, к её «кастрации», а не к её радикальному углублению, к трактовке цивилизаций как историко-культурного, а не базового антропологического феномена. Хотя антропологический поворот в отношении истории цивилизации совершался, о чём свидетельствуют работы Н. Элиаса («О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования» (1939)) и историков школы Анналов («Грамматика цивилизаций» Ф. Броделя).

Но и после отказа от идеи единой цивилизации речь шла больше о развитии «цивилизации» как общечеловеческого багажа достижений, соответственно, говоря о той или иной цивилизации, искали в них общие свойства и достижения, как правило, материальные или закреплённые материально, которые можно сравнить с другими по общей шкале: письменность, архитектура, литература, государственность, земледелие, храмовые комплексы. Из-за унифицирующего, скрытого западноцентристского подхода особенности, которые и делают цивилизации отдельными цивилизациями, а людей — особыми типами, ускользали от внимания учёных. Многие авторы, в XIX–XX вв. писавшие по теме цивилизаций, имели в виду под цивилизациями прежде всего совокупность так называемой

⁴⁵ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций...

⁴⁶ Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства): коллективная монография / Под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. С. 251. Цит.: URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2022/01/Sbornik_Kefeli.pdf (дата обращения: 02.02.2024).

⁴⁷ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 38.

высокой культуры, как правило, городской, государственной, религиозной, выступавшей как образец достижений данного народа, государства, традиции — например, работа Д. Уилкинсона «Цивилизация как городское общество». Однако цивилизация есть и сельской местности, а многие города были весьма похожи на сельские поселения. Отсюда, в частности, становится понятным, почему религия использовалась в качестве удобного всеобщего критерия выделения и классификации цивилизаций — как некий фокус высокой культуры.

Философское исследование и моделирование множественных цивилизаций в XX веке подхлестнула литература о внеземных цивилизациях: как научная фантастика, фэнтези, так и попытки научного и научно-популярного изучения этой темы. Открылась огромная лаборатория по поиску будущего, которое на Западе всё больше склонялось в русло трансгуманизма. Фантастика во многом построена на противопоставлении и сопоставлении диаметрально различных цивилизаций. Она окончательно поставила крест на единичности цивилизаций и их статичном восприятии. Появились и такие отрасли знания на грани фантастики, как футурология. Цивилизации — отныне это во многом проект будущего, научно-технический и футуристический проект, то есть проекция цивилизационной воли.

Схема 1. Смысловое поле анализа цивилизаций (факторы)

1. Тип человека (тип личности и антропологический тип) — 2. Тип общества — 3. Система обществ — 4. Культурные комплексы — 5. Религии, мировоззрения, прообразы — 6. Панидеи — 7. Сообщества, народности, языковые группы, суперэтнос — 8. Миры-экономики, миры-системы — 9. Геополитические центры — 10. Международные союзы и конфликты — 11. Социально-экономические уклады и формации — 12. Ход и разделы истории и исторического времени, типы исторического процесса — 13. Процесс действия коллективной исторической воли.

РАЗДЕЛ 1

Основные подходы к цивилизации России и Восточной Европы

1.1. Истоки концепций панславизма и Русского мира: этногенетические построения о происхождении славян

Таковы были искони славяне, древние просветители Европы, долгие страдальцы чужеплеменного своеволия, брахманы Запада, но брахманы не мудрствовавшие, а бытовые...

А. С. Хомяков. Семирамида

Рассмотренные легенды формировались и функционировали как результат коллективных усилий славянских хронистов и учёных, творческое мышление которых несло в себе сильный заряд традиционного мифологического сознания.

*А. С. Мильников. Картина славянского мира:
взгляд из Восточной Европы*

В данном разделе речь идёт о мировоззренческих платформах мысли, которые объединяют разные течения и совершенно разных идейных лидеров, не сводясь к небольшим временным группам мыслителей и идеологов. Автор данной работы насчитывает семь таких платформ, среди которых главную роль играет платформа этнического самосознания славян именно как группы народов, если следовать данному во введении определению цивилизации как крупного этнического типа человека.

В силу процессов славянского расселения VI–VIII вв. единственным фактором, объединившим всю Восточную Европу в относительное целое, стало славянство. Панславизм и славянская цивилизация — идеология общеславянская, она не связана с каким-либо одним славянским народом или кругом авторов, а естественно вырастает из славянской культуры, передаваясь от одного народа к другому. Она образует одну из основных мировоззренческих платформ Восточной Европы.

Были ли актуальными различия востока и запада Европы в древности? Или оно продукт позднейшего конфессионального и государственного размежевания? Отличие славян от народов как Запада, так и Востока осознавалось русскими (и другими славянами) уже в древности. Оно не связано ни с формированием средневекового Запада, ни с конфессиональным различием православия и католичества, но восходило к началу систематического письменного творчества славянских народов на базе собственной письменности, кругу последователей Кирилла и Мефодия.

Несмотря на всю разрозненность политической и духовной жизни народов, принадлежавших к разным регионам восточноевропейской цивилизации, между ними существовали духовные токи и солидарное осознание единства происхождения. Обычно выделяют первое, второе и третье южнославянские влияния на языки и религиозную культуру восточных славян, Западной и Северо-Восточной Руси, а также обратные влияния Западной Руси на церковную литературу Балкан, а также русское влияние на новоболгарскую литературу.

«...Факт проникновения древних русских произведений к сербам и болгарам может быть хронологически отнесён к определённом периоду — концу XII — первой половине XIII века. Этим в истории русско-южнославянских связей фиксируется особый период русского влияния на славянские Балканы в промежутке между древнейшим периодом болгарского влияния на Русь в X–XI веках и вторым южнославянским влиянием в XV веке»⁴⁸. Предполагается также наличие западнославянского литературно-языкового влияния из Чехии, где несколько веков сохранялись традиции славянской письменности и богослужения на славянском языке, на русский язык и литературу в X–XII вв., в частности на концептуальное вступление Повести временных лет.

*Повесть временных лет об отличии народов Запада и Востока
и общем индоевропейском и славянском происхождении:
Иафетово колено*

На различие западных и восточных народов в Европе, то есть внутри европейской части «колена Афетова», индоевропейцев Европы, или западных и северных индоевропейцев, указывал ещё св. Нестор Летописец в самом её начале Повести временных лет (1112). В середине перечисления указаны народы Восточно-Европейской равнины восточные и часть западных славян, балты и финны, которые объединены в одно целое: «в Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской»⁴⁹.

В конце перечисления основного, южного и восточного, массива, отдельно после слов «Афетово же колѣно и то», перечисляются народы Западной Европы: «варяги, шведы, норманны, готы, русь, англѣ, галичане, волохи, римляне, немцы,

⁴⁸ Мошин В. О периодизации русско-славянских литературных связей // Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.) Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). М.: Языки русской культуры, 2002. С. 806–807. Цит.: URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/19_tom/Moshin/Moshin.pdf (дата обращения: 02.02.2024).

⁴⁹ Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 10.

корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым»⁵⁰.

По всей видимости, различие Запада и Востока внутри европейского ареала было хорошо известным, как и то, что славяне относятся к европейским народам, а не к восточным, как бы сейчас сказали, «евразийским» (колено Симова) или южным (колено Хамово). В число яфетических народов включались также азиатские индоевропейцы Западной Азии: армяне, скифы, сарматы, мидийцы, а также финны и угры, народы Кавказа. И только после базовой классификации народов в ПВЛ идёт речь о славянах и их племенах. Св. Нестор опирался, вероятно, не только на церковные или греческие классификации и установки, но и на взгляды верхнего класса Русской земли, сложившиеся в то время на основе торговых, культурных и военно-политических контактов с другими славянскими государствами. То, что западные по происхождению народы языковой группы кентум упоминаются в отдельном ряду, говорит в пользу понимания разделения индоевропейцев. В ПВЛ содержатся два ключевых столпа восточноевропейской цивилизации: отдельное происхождение славян и верность Новому Завету. Сведение племенной традиции к отдельным прародителям (Иафету, Хаму, Симу) напоминает понимание их как духовно-исторических типов человека, выполняя одновременно роль привязки истории славян к библейской трактовке истории, которая была в Европе основной в эпоху Средневековья. Славяне занимают место среди народов, относящихся к новому, «яфетическому» типу человека, соответствующему христианскому типу. Какова была цель построения яфетической теории? Яфетизм играл роль приспособления растущего этнического самосознания народов Европы к Библии и в целом к христианской традиции как продукту ближневосточной цивилизации, вписывания истории раннесредневековых народностей в мировую библейскую историософию, подключения к «осевому» времени.

*Балканские (или моравские) истоки
всеславянской концепции Повести временных лет
и древнеславянских летописей из других стран*

Балканы и придунайские страны играли роль первых интеллектуальных центров славянства, обязанных своим появлением кирилло-мефодиевской традиции. Соответственно, эти территории и рассматривались их авторами как центры расселения славянства, что в дальнейшем послужило основой для ошибочной дунайско-балканской версии прародины славян. В раннюю эпоху славянской письменности выдвигались балканоцентристские теории происхождения славян и европейских народов, объединяющие все три ветви славян. Балкано-дунайские

⁵⁰ Повесть временных лет. С. 10. Под «русью» здесь имеется в виду германское население Рустрингии на территории нынешней Голландии, не связанное с Русской землёй в левобережье Днепра, хотя были малодоказательные попытки связать его через варягов с происхождением этнонима «русь». Корлязи — подданные Каролингов, галлы и германцы. Галичане, Волохи — румыны — относятся также к западным народам. Урмане — норвежцы. Славянские, балтские и финские племена упоминаются в ПВЛ отдельно от них.

гипотезы происхождения славян появлялись до последнего времени⁵¹. Сходной позиции придерживался В. В. Седов, считая, что славяне произошли из одного общеевропейского массива с западными народами, локализованного на Среднем Дунае, и только потом поселились на славянской прародине к северу от Карпат⁵².

Подробно дунайская версия изложена в Повести временных лет, что позволяет предполагать, что в эпоху после расселения и крещения славян в X–XII вв. она доминировала в славянском мире. Приведём полностью цитату ПВЛ об этногенезе славян, которая и отражает позицию её балканского или моравского источника («паннонского фрагмента ПВЛ»): «От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норрики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Моравы и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот ещё те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне. Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами... И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской»⁵³.

Согласно текстологическому анализу А. А. Шахматова и Н. К. Никольского, ПВЛ в начальной части цитирует фрагменты утраченного западнославянского документа, названного Шахматовым «Сказание о преложении книг на словенский язык» (898 г.?), созданного в Моравии в рамках кирилло-мефодиевской школы, ориентированной на Дунай, Балканы и Византию: «Н. К. Никольский обратил внимание на то, что всеславянская идеология этой части памятника не согласуется с идеологической установкой летописца, который основание русского государства связывает с норманнами, а просвещение и христианизацию восточного славянства с Византией. В противоположность этому — основная тенденция “Сказания” показать, что племя полян, от которого пошла Русь, связана с судьбой западных славян, чехов, моравов, поляков, притом связано не только общим происхождением, но и общностью письменности, возникшей в Моравии, и единством христианской веры... В Моравии должна была создаться теория дунайской прародины славян, о которой говорится во вступительной части летописи, так

⁵¹ См.: Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2002. 488 с. Говоря о соответствии мифов о происхождении славянства современным данным науки, можно отметить следующее. В действительности Дунай до VI в. несколько тысячелетий был центром расселения западных народов, что исключало изначальное проживание там славян как потомков восточного массива, которые вынуждены были довольствоваться более северными территориями (см. об этом далее 2.5, 2.8).

⁵² См.: Седов В. В. Славяне в древности. М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. 343 с. Цит.: URL: <https://arheologija.ru/sedov-slavyane-v-drevnosti/> (дата обращения: 02.02.2024).

⁵³ Повесть временных лет... С. 11.

же, как и упоминание, что «Норици суть Словене»⁵⁴, — делает вывод В. Мошин. Таким образом имеет место как западнославянское, так и южнославянское влияние на крупнейший древнерусский памятник.

«Общая цель «Сказания» — утвердить тезис о единстве славян и их первоначальном проживании на Дунае»⁵⁵, — считает Н. Малиновска. «Дунай... приобрёл как в народной, так и в учёной славянской традиции практически сакральный статус, способствуя интеграции различных славянских групп в единое этническое целое»⁵⁶. По её мнению, к раннему документу эпохи Святополка Моравского, в котором появилась доктрина «Славянской земли», помимо русской ПВЛ, восходят и аналогичные концепции других древнеславянских документов разных периодов и государств: Летописи попа Дуклянина (XII в., Балканы), Хроники Галла Ананома (XII в., Польша), «Венгерско-Польской хроники» (XIII в., Венгрия). «Королевство славян Святополка стало своего рода образцом, архетипом сильного славянского государства с могущественным правителем, и именно из этого образца в идейном плане исходили последующие славянские политические концепции»⁵⁷. Малиновска упоминает любопытный факт, что епископ Адалберт Пражский (конец X в.) вынашивал идею создания общеславянской федеративной империи, включавшей западнославянские и югославянские народы, как автономную часть Священной Римской империи и противовес Германии⁵⁸. Идеи единого славянского государства связаны с созданием сильных славянских государств и империй, выходом славян на мировую арену и вступлением славян в осевую эпоху, а славянского, восточноевропейского типа — в фазу первичной зрелости «цивилизации».

Польские, балканские и малороссийские авторы XV–XVII вв. об общем происхождении славян

«Сарматизм» и сходные с ним Роксоланская и Мосохова концепции стали мировоззренческой историософской платформой Восточной Европы на момент вхождения её в Новое время — первой парадигмой общеславянской мысли это-

⁵⁴ Мошин В. О периодизации русско-славянских литературных связей // Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.). Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 815. Под «грамотой» имеется в виду результат кирилло-мефодиевского проекта — славянская письменность и литературный язык. Провинция Норик находилась в нескольких сотнях километров к юго-западу от места обитания славян и могла быть одним из первых регионов их расселения в V веке. Первоначально заселена кельтами и иллирийцами.

⁵⁵ Малиновска Н. Regnum Sclavorum Святополка как источник средневековых славянских концепций Склавинии // Петербургские балканские славянские и балканские исследования. 2017. № 1 (21). С. 24. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regnum-sclavorum-svyatopolka-kak-istochnik-srednevekovyh-slavyanskikh-kontseptsiy-sklavinii/viewer> (дата обращения: 02.02.2024).

⁵⁶ Там же. С. 25.

⁵⁷ Там же. С. 33.

⁵⁸ Там же. С. 28–29.

го периода. Балканско-дунайская версия прародины славянства была заменена польскими авторами на сарматскую, связанную с Восточно-Европейской равниной. По территории равнина, располагавшаяся к востоку от Вислы, соответствовала «Сарматии» в позднеримско-византийской и средневековой терминологии. К XVI веку культурная и геополитическая значимость Дуная и Балкан как центра славян значительно снизилась, между тем значение Восточно-Европейской равнины, Польши и Руси выросло, что также способствовало отказу от балканско-дунайской версии. Ось Восточной Европы, да и Европы в целом, переместилась к северу.

Первоначально теория сарматского происхождения славян была связана с западными источниками (Германия), поскольку там появилось первое упоминание об этом, но вероятно имело место и славянское влияние на них. Затем, с XIII века, она появилась в польских источниках. Теория сарматизма формулировалась в трудах Я. Длугоша («Польская хроника», 1480), М. Меховского («Трактат о двух Сарматиях», 1517), М. Кромера («О происхождении и деяниях поляков», 1555), М. Бельского («Хроника всего света», 1550), М. Стрыйковскийского («Хроника польская, литовская, жмудская и всяя Руси», 1582). Версия сарматизма стала настолько доминирующей, что её даже разделяли балканские авторы, в частности далматский автор первой истории славянства М. Орбини, который хотя и перенёс изначальную прародину славян ещё дальше в Скандинавию, но при этом сохранил Сарматии как вторую зону их расселения.

Поздние сословные версии польского сарматизма распространяли сарматское происхождение только на шляхту, противопоставляя его славянскому либо туранскому происхождению простолюдинов Речи Посполитой, прежде всего восточных славян. Теория туранизма, которая затем использовалась польскими и украинскими националистами против русских и в конце концов попала в русское евразийство, появилась, вероятно, как сословная деградация польского сарматизма. Теория сарматизма как мнимого происхождения шляхетского сословия от сарматов оказала большое влияние на самоидентификацию польского и западнорусского правящего класса как «восточного», альтернативной самоидентификации западноевропейского феодального класса. Сарматизм послужил обоснованием республиканско-шляхетской политической системы Речи Посполитой.

Появление «сарматской» версии происхождения народов Восточной Европы обусловлено интересами западных и восточных славян и геополитическими интересами Польши и, шире, всей Речи Посполитой, претендовавшей на имперскую гегемонию в Восточной Европе, а также тем, что Польша стала ведущим интеллектуальным центром Восточной Европы, тесно связанным как с западом, так и с русским востоком.

«Сарматская» версия, к которой «пристёгивались» сарматы, не имеющие прямого отношения к славянству, в отличие от балканско-дунайской версии, в целом географически соответствует современной исторической версии происхождения и первоначального расселения славянства. Поэтому она явилась шагом вперёд в научном понимании восточноевропейско-евразийской прародины предков славян и связи их со степными индоиранцами.

Сарматская версия родины славян означала перенос акцента этногенетических версий на территорию Руси и восточных славян, что воздействовало на многочисленные позднейшие исторические и философские теории и литературные образы вплоть до нашего времени, так или иначе обращающиеся к теме связи славян и степных иранцев.

Обратимся к текстам историков и обозначим общеславянский процесс осмысления сарматизма в различных странах славянского мира. Гипотеза происхождения руссов от сарматского племени роксалан (Сарматская гипотеза) впервые была выдвинута именно М. Меховским в его работе «Трактат о двух Сарматиях» (1517): «Нам остаётся сказать о Сарматии Европейской, — пишет он. — Первой тут перед нами лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией»⁵⁹, — констатирует А. Берсенеv. «Меховский, видимо, вслед за Повестью временных лет возводит происхождение славян к Иафету: “славяне произошли от Иавана, сына Иафета”». Происхождение славян от Иафета ложится в основание разрабатываемой им сарматской гипотезы. Напомним, что позднее некоторые авторы, использовавшие сарматскую гипотезу — как русские, так и польские — возводили происхождение славян к другому сыну Ноя — Симу. Как отмечает Д. Карнаухов, Меховский первым среди историков открыл Европе славянский Восток, его произведения «на долгое время становятся единственным широкодоступным источником исторических сведений» о России — прежде всего в Польше, но и в Европе в целом»⁶⁰.

В наше время теория Меховского будет отчасти опосредованно использована в современных российских теориях древнерусской народности (в узком смысле) в Левобережье Днепра, а также теории донского «Русского каганата» как одного из предшественников древнерусского государства, согласно которым этноним «русь» заимствован у алан (последней группы степных иранцев, сменивших сарматов в Восточной Европе).

Если Ян Длугош считал, что древние источники к сарматам относили как русских, так и поляков, то Матвей Меховский отделял Россию-Роксоланию от Московии. А. Берсенеv отмечает, что польские историки были в большинстве сторонниками общего происхождения славян от Иафета и даже Мосоха в соответствии с традицией ПВЛ, хотя некоторые считали, что московиты происходят от Сима. У части польских авторов того времени лишь некоторые предпосылки дальнейшей дискриминационной теории туранизма великороссов.

«В сочинениях поляков Матвея Меховского, Бернарда Ваповского, Лукаша Гурницкого, в книге чешского писателя Даниэля Адама из Велеславина говорилось о том, что все славяне — “люди одного языка и одной крови”. “Славянская тема” стала модной у польских поэтов, и их некоронованный король — Ян Ко-

⁵⁹ См.: Берсенеv А. Польские корни идеологии русского единства [Электронный ресурс] // andreybersenev. Живой журнал. 2015. 21 марта. URL: <http://andreybersenev.livejournal.com/18721> (дата обращения: 11.11.2018). См. также: Берсенеv А. Польские этногенетические гипотезы происхождения славян и концепты этнополитического доминирования в ареале славянства // Суть времени. 2015. № 145. 16 сент.

⁶⁰ Там же.

хановский с гордостью говорил о своей “славянской музе”, но особенно сильно идея славянской общности зазвучала в это время у южнославянских писателей. Далматинец И. Цриевич, задранин Ю. Баракович, хорват А. Андрашевич прославляют славянский народ, простирающийся “от Ледовитого океана до Адриатического и Каспийского моря”, а Адам Бохорич утверждал даже, что славяне рассеяны “по большинству частей света, если не по всему миру”. Наиболее отчетливо идея славянского единства была высказана Винко Прибоевичем в речи “О происхождении и успехах славян”, — писала И. Гольдберг⁶¹.

«Мысль о происхождении славян из Руси встречается в XVI–XVII вв. не только у Кромера, но и в трудах южных славян — И. Цревича и Ф. Вранчича, в речах чеха Иоанна Матвея Судетского и во многих других сочинениях, вплоть до русского хронографа XVII в., утверждавшего, что “истинный столп языка словинского в московстей земли”»⁶².

В дальнейшем русскими мыслителями центр тяжести теории сарматизма был перенесён с Южной и Западной Руси на Москву, чему послужила Мосохова гипотеза, выдвинутая поляками Б. Ваповским и М. Бельским в XVI веке. Что любопытно, почти одновременно с появлением в Северной Руси концепции «Третьего Рима» в конце XV — начале XVI века. «Едва ли первым в польской исторической мысли версию о Мосохе выдвинул Бернанд Ваповский (1456–1535)»⁶³. На него ссылались Стрыйковский и Бельский⁶⁴. Но в наиболее последовательном виде она сформулирована Ю. Крижаничем: «Весьма вероятно, что возникновению этой версии способствовал рост могущества русского государства, благодаря чему “политическое значение Москвы стало распространяться ретроспективно на старые времена”. Но никто до Крижанича не придавал этой версии столь завершённой и логически стройной формы, а главное — никто не делал из неё столь решительных выводов о будущих судьбах славянства. Теория о “русском происхождении” славян явилась для Крижанича одним из основных моментов, определивших содержание его плана национального возрождения славянства — плана, в котором главная роль отводилась России как предполагаемой всеславянской отчизне, призванной, по мнению Крижанича, быть и в будущем оплотом всех славян»⁶⁵.

Конкретизацией мысли о восточноевропейской славянской части афетова колена является статья из киевского «Синописа» (1674) И. Гизеля и его предшественника Ф. Сафоновича, игравшего роль учебника истории для русских на основе восточноевропейской исторической мысли XV–XVI вв. Позднее этот текст использовал историк-славянофил И. Е. Забелин. «Показательно и то, что

⁶¹ Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Русская литература XI–XVIII вв. среди славянских литератур. Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIX. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 380.

⁶² Там же.

⁶³ Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII вв. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. С. 25.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича... С. 55.

при перечислении европейских народов и государств синоптик выстраивает закономерную очерёдность: сначала следует территория Византии, затем “Славяне, Русь, Москва, Польша, Литва”, затем “ближнее зарубежье” славянских народов, и лишь потом в хаотичном беспорядке страны и народы Западной, Северной и Южной Европы»⁶⁶, — отмечают О. Я. Сапожников и И. Ю. Сапожникова. Таким образом, мы видим в «Синописе» формирование новой восточноевропейской традиции интерпретации славянской истории в Киеве с ориентацией на Москву. Очевидно, что перечислением в одном ряду славяне ставятся в позицию равенства Византии как цивилизации и одновременно вводится тема преюмства славян по отношению к ней, что служит попыткой автора «Синописа» соединить славизм и византизм, который приобрёл к тому времени в Российском государстве статус господствующей идеологии.

Для нас важно отметить вслед за автором статьи «Польские корни идеологии русского единства» А. Берсеневым именно факт общности западно- и восточнославянских идей славянского происхождения, выраженный в библейской апокрифической форме⁶⁷. А. Берсенева обозначает как «триединую» концепцию этногенеза, скомпилированную киевскими русофилами: «В Киевском “Синописе” приведены три этногенетические концепции происхождения славян: Роксаланская, Сарматская и Мосохова, причём первая из них подчинена второй, а вторая третьей (чтобы угодить Москве?). Согласно Сарматской гипотезе все славяне произошли от племени руссов, которых “Синопис” возводит к доисторическому племени Роксолан, которые, в свою очередь, произошли, в зависимости от источника, либо от Сима (сына Ноя), либо от Иафета (другого сына Ноя). Заметим, что это различие библейского происхождения весьма существенно... Мосохова гипотеза утверждает происхождение всех славян от Мосоха (Москвы), младшего сына Иафета. В соответствии с данной гипотезой, московские земли являются древней прародиной всех славян, а москвиты ведут прямую линию родства от князя Мосоха, что естественно устанавливает их первостепенное право на соби́рание русских земель.

Однако все эти этногенетические гипотезы не были сформулированы летописцами Московского царства. Они были созданы усилиями польских историков эпохи Возрождения. Впоследствии они были использованы Киевским православным братством, которое вело борьбу не на жизнь, а на смерть с наступлением католицизма на земли Малой Руси после заключения Брестской церковной унии (1595 г.). Именно члены Киевского братства на основании разработанных поля-

⁶⁶ Сапожников О. Я., Сапожникова И. Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). М.: Европа, 2006. С. 18.

⁶⁷ Берсенева А. Польские корни идеологии русского единства [Электронный ресурс]. URL: <http://andreybersenev.livejournal.com/18721> (дата обращения: 11.11.2018). Он считает: «Видимо, именно Бельским была впервые выдвинута Мосохова гипотеза. Однако некоторые современные исследователи указывают, что Бельский основывался на более ранней незавершённой рукописи Бернарда Ваповского (1456–1535), который ещё в 80-х годах XV века якобы писал: “Поляки, чехи, болгары, словены и прочие русы происходят от Мосоха или Москвы, сына Иафетова, и вышли из краёв Московских”. Впрочем, версия о выдвижении именно Ваповским Мосоховой гипотезы до сих пор остаётся спорной, поскольку его рукопись не сохранилась».

ками этногенетических гипотез происхождения славян создали идеологию воссоединения земель бывшего Древнерусского государства под Московской державой. А после Переяславской Рады (1654 г.), присоединившей киевские земли к Москве, эти гипотезы были положены в основание идеологии расширения Российской Империи на западные славянские земли»⁶⁸.

Панславистские идеи с самого начала могли сочетаться не только с полонистскими, балканоцентристскими, киевоцентристскими, но и с московистскими позициями, что подчёркивает их универсальность в качестве восточноевропейской цивилизационной платформы. Из трёх приведённых средневековых этногенетических мифов славянства (Роксаланская, Сарматская и Мосохова концепции) Мосохова гипотеза оказывается наиболее точной с научной точки зрения, так как славяне имеют более раннее и отдельное от сарматов и вообще от иранских племён происхождение.

Панславистская историософия М. Орбини

Следующим шагом в славянской цивилизационной самоидентификации был переход от теорий сарматизма к более комплексным построениям славянской истории. Одним из основоположников систематически изложенного исторического панславизма может по праву считаться аббат-бenedиктинец из Далмации Мавро Орбини (Орбинич), написавший первую историю славянства на основе 320 источников, в том числе и непосредственно предшествующих ему работ польских авторов (1601)⁶⁹. Книга Орбини была вскоре запрещена Ватиканом. Через 100 лет она была переведена и издана в Петербурге в сокращённом виде по приказу Петра I в 1722 году и в дальнейшем имела распространение на Балканах. Орбини создал своего рода панораму славянской цивилизации, не называя её «цивилизацией» прямо. Орбини при создании панславистской истории использовал те же польские источники, которые несколькими десятилетиями позже оказали влияние на содержание киевского «Синописа». Предшественником Орбини выступил также В. Прибоевич, произнёсший речь «О происхождении и успехах славян» в Ховре (Далмация, 1525, опубликована в 1532 г.), который, однако, придерживался балканской, точнее иллирийской теории прародины славян.

В связи с большой значимостью содержания работы М. Орбини перечислим содержащиеся в ней основные идеи об истории славянства с позиций современной науки:

1. История славян недооценена из-за пристрастия историков других народов — противников славян и из-за того, что у славян своих историков не было, в свою очередь из-за того, что они занимались войной и жили в суровых условиях северного климата. В основном речь, конечно, шла о представителях западных народов, умалчивающих о деяниях славян. Этноним славян от слова «славные».

⁶⁸ Берсенева А. Польские корни идеологии русского единства...

⁶⁹ Орбини М. Славянское царство: происхождение славян и распространение их господства / Пер. с итал. и предисл. Ю. Куприкова. 3-е изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 574 с.

2. Славяне являются старейшим родом индоевропейцев, происходящим от сына Ноя Иафета (по роду занятий воина), расселившихся в Сарматии (Восточно-Европейская равнина). Старейшим родом славян являются московиты («великороссы»), живущие на изначальной родине славян в Сарматии, в которую и входила Московия. Русские и московиты — примерно одно и то же. Орбини комплиментарен к Русскому царству со столицей в Москве.

3. Славяне родом из Скандинавии, хотя расселились туда через Сарматию, и являются самым северным европейским народом. Таким образом, Орбини поддерживает гиперборейскую версию прародины славянства.

4. Орбини смешивает славян с германскими народами, захватившими Запад в период крушения Римской империи: готами, остроготами, вандалами, визиготами, бургундами, свевами и другими, приписывая славянам их достижения. Он мотивирует это тем, что основную массу готов составляли славяне, а германцы лишь дали готское имя. Возможно, эта в целом неподтверждённая идея отражает то, что славяне находились в тени кельтских археологических культур Запада, которые они освоили через германцев, вторгшихся в их земли (готы, бастарны). Славянские и балтские культуры I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. в Восточной Европе трудноотличимы от германских, по утверждению ряда специалистов.

Интересно, что в качестве подтверждения славянства вандалов Орбини приводит сравнительный словарь вандальских, славянских и русских слов, которые действительно говорят в пользу отнесения вандальского языка к славянским языкам, если словарь, конечно, соответствует реальному языку вандалов. Так складывается историософская оппозиция — взаимодополнение «славяне — германцы» как двух крупнейших этнических групп Новой истории.

5. Орбини относит к славянам иранские народы Сарматии: скифов, сарматов, алан, подчёркивая их родство со славянами и особенно с русскими. Под аланами он понимает вообще иранские народности Евразии⁷⁰, ведущие традиционный древний образ жизни индоевропейских кочевников. Но ко времени написания книги аланы истреблены «на своей родине в Сарматии», как писал Орбини. Это отражает их общее происхождение от ветки R1a и последующее вхождение части алан в состав древнерусской народности.

6. Орбини относит к славянам балтские народы: литовцев, пруссов, ятвягов, что отражает их общее происхождение от общности культур шнуровой керамики.

7. Орбини относит к славянам туранские народы: финно-угров, авар, что неверно, но в его понимании отражает общеевразийскую тенденцию, к которой он был склонен.

8. Орбини необоснованно считает славянами иллирийцев, живших до нашествия славян на Балканы в начале VII в. н. э. Иллирийцы — западный народ палеобалканской языковой группы, поэтому они не могли иметь общий со славянами язык. Орбини выступает продолжателем идей умеренного иллиризма.

⁷⁰ Орбини М. Славянское царство: происхождение славян и распространение их государства... С. 158.

9. Описывая качества славян, которые он называет вслед за другими авторами, он перечисляет их неприхотливость, выносливость, силу, воинственность, солидарность, подвижность в передвижении и охвате пространств, вместе с тем рассеянность проживания и политическую разрозненность. Среди религиозных верований — отсутствие веры в судьбу.

10. Сравнивая с другими воинственными народами, Орбини указывает восходящий путь славянства в истории: одни лишь славяне удерживают «в своей власти» территории, захваченные во времена великого переселения народов, сохраняя в них «свое предание, имя и язык»⁷¹.

По мнению А. Л. Гольдберг, книга Орбини была шагом назад от трудов Кромера и Кохановского, стремившихся придать изучению истории славянства более научный характер. И тем не менее при всём его несовершенстве, труд Орбини, содержащий много материала о славянских связях в давние времена, «способствовал распространению идеи о единстве всех славян»⁷². На самом деле заслуга Орбини сводится к созданию масштабной славянской историософии и фиксации некоторых узлов раннеславянской истории.

Концепция объединения славянства Ю. Крижанича

Первая полная практическая концепция объединения славянства и построения славянской цивилизации создана католическим интеллектуалом Юрием Крижаничем (1618–1683)⁷³. Она предвосхищает многие позднейшие построения панславизма и славянской цивилизационной теории. До него речь шла скорее об общих корнях и общей истории славян. Оказав ограниченное влияние при жизни автора, работы Ю. Крижанича обрели второе рождение 200 лет спустя, во второй половине XIX века, совпав с расцветом панславизма и славистики.

Крижанич — сложная фигура, оказавшаяся на перекрёстке борьбы Запада и Восточной Европы, католичества и православия: он, вероятно, был тайным агентом Ватикана, призванным оказать влияние на царя Алексея Михайловича и привести к подчинению ему православной Церкви в России (Ватикан мог воспользоваться панславистской идеологией для продвижения унии)⁷⁴, из-за чего в течение 16 лет панславистскую теорию он развивал уже в «мягкой» ссылке в Тобольске. Вместе с тем Ю. Крижанич пытался выстроить свою собственную игру вокруг идеи объединения славянства, навязав её русскому царю. В этом

⁷¹ Орбини М. Славянское царство: происхождение славян и распространение их господства... С. 170.

⁷² Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Русская литература XIX–VIII вв. среди славянских литератур. Труды отдела древнерусской литературы... С. 379.

⁷³ По Крижаничу существует обширная библиография на русском и других языках. См.: Дианова М. В. Идея славянского единства в воззрениях Юрия Крижанича и её последующие сторонники // Вече. 2018. № 30. С. 68–79; Голенкова З. Т. Славянские идеи Юрия Крижанича // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 7–21.

⁷⁴ См.: Епифанов П. П. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 18–36.

смысле он был в определённой мере искренен в своих панславистских построениях. Деятельность Крижанича на примере его жизни вскрыла основные противоречия идеи объединённого славянства, которые были ещё не заметны в текстах предшествующих польских и балканских авторов. Она показала, что реализация славянской цивилизации на практике, предполагающей объединение славянских народов и опору на мощь России, упирается в противоречия католической и православной частей славянских народов, недопустимость для большинства православных народов унии с Римом, различие интересов Российского государства и русского народа и юго-западной части славян и католичества. В дальнейшем обнаруженные Крижаничем проблемы славянской и, шире, восточноевропейской цивилизации проявились в полной мере.

В отличие от предшественника М. Орбини и ряда других — польских, балканских, чешских авторов, Ю. Крижанич строил концепцию славянства на реалистической основе, а не на этногенетических мифах, используя научный подход и предлагая пути её реализации, что делает его автором скорее уже Нового времени и первым учёным-славистом. «Крижанич мечтал написать “Историю славян” и одним из первых подверг критике свидетельства русских летописей о призвании на Русь варягов, а также популярную в Западной Европе легенду о происхождении славянских народов от трёх братьев — Чеха, Леха и Руса»⁷⁵, — считал П. Епифанов.

Крижанич отрицательно писал о Речи Посполитой как о «Новой Вавилонии», которая не может быть центром славянства и Восточной Европы, отстаивая идею отдельной русской православной цивилизации, хотя и в союзе (унии) с Римом. Проект славянской цивилизации, сложившийся в варианте польско-литовской полукOLONиальной периферийной и политически неустойчивой магнатско-шляхетской империи, живущий жестокой эксплуатацией крепостных в качестве сырьевого придатка европейского мира-экономики, оказался неудачным и неустойчивым, поэтому Крижанич его отверг.

Реальной альтернативой могло быть только набирающее силу Русское царство. Однако оно, несмотря на принятую на себя миссию православно-христианской империи всех русских, было пока не готово к миссии объединителя славянства ни духовно, ни геополитически, ни культурно.

В своих панславистских построениях Крижанич исходил из собственной политической философии, которую он изложил в «Политике» (1663–1666). Исторической основой стала идея происхождения славян с территории России, согласно которой русские являются предками остальных славян. Отчасти это соответствует действительности и продолжает польские теории сарматизма и Мосохову теорию. Крижанич приводит мнение Кромера о том, что «все те народы произидоша из Руси», а затем развивает и углубляет версию о «русском происхождении» всех славян. По мнению Крижанича, «измедже всех народних предиллов (славян) наистарите и остальним всим зачално ест льудство и име Руско»⁷⁶.

⁷⁵ См.: Епифанов П. П. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 18–36.

⁷⁶ Крижанич Ю. Граматично исказанје об Руском језику (1666). М.: В Университетској Типографији, 1859. С. 49. Цит.: Дианова М. В. Идея славянского единства в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники... С. 72.

Заслугой Крижанича является и широко употребляемый ныне термин «чужебесие» (с отдельной главой об этом нелицеприятном феномене), который обличал склонность славян к заимствованиям, ведущим к цивилизационным псевдоморфозам. Крижанич был противником и греческого влияния на славянство, и копирования новогреческих обрядов, и книг как причины Раскола — «грекобесия» как разновидности чужебесия. Крижанич считал ошибочным для России присваивать «сомнительную славу Третьего Рима», в том числе и термин «царь», герб с двуглавым орлом, потому что они происходят от Рима.

Крижанич создал проект общеславянского литературного языка, который был бы понятен всем славянам под названием русского языка, хотя это и не был русский язык в чистом виде. Это частично реализованный проект общеславянского языка, очищенного от внешних (неславянских) заимствований⁷⁷. «Начиная с 1659 г. большинство своих произведений Крижанич писал именно на этом “всеславянском” языке, используя попеременно то латинский, то кириллический алфавит. Хотя создание литературных произведений на искусственно сочинённом языке было очень трудным делом, Крижанича эта задача не утратила, ибо он был твёрдо убеждён в необходимости создания “всеславянского” языка, доведённого до наивозможного совершенства. Недаром он писал, что “языка совершенность есть само потребноорудие к мудрости, и едва не становито ея знамя”»⁷⁸.

Фактически, как указывают исследователи⁷⁹, Крижанич занимался усовершенствованием уже имеющейся русской версии общеславянского языка, церковнославянского, прямого наследника, старославянского кирилло-мефодиевской традиции, с добавлениями из русского разговорного и других языков, что было правильным ходом с его стороны для решения поставленной задачи. Это его важнейший вклад в развитие славянской цивилизации.

Основным врагом и источником негативных влияний на славян Крижанич считал германские народы и их культуру, что в целом правильно, так как германские народы, включая англичан и голландцев, были главным этническим носителем цивилизации Запада и главным агрессором (как считал двумя столетиями позднее и Н. Я. Данилевский). Крижанич рекомендовал максимально изолироваться от германцев как наиболее сильного врага славян, что соответствовало реалиям натиска на Восток. В этом может также просматриваться интерес Ватикана. Политическим центром славянского объединения Крижанич видел Русское царство и русского царя (однако в союзе с Ватиканом), что очень напоминает архитектуру всемирной теократии, предложенной В. Соловьёвым. В дальнейшем схема объединения славян под властью монархии Романовых повторялась в построениях панславистов вплоть до проекта К. Крамаржа.

⁷⁷ См.: Межславянский язык, портал, посвящённый практике межславянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://steen.free.fr/interslavic/history.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁷⁸ Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича... С. 69.

⁷⁹ Запольская Н. Н. «Объяснение сводное о письме славянском»: графико-орфографические опыты Крижанича // Тверская рукопись Юрия Крижанича / сост. И. Г. Воробьёва, В. М. Воробьёв. Тверь: Изд-во сатори, 2008. С. 196.

Однако хорватский учёный не предполагал объединения славянских народов в одну империю, что соответствует политическим и этническим реалиям как его, так и сегодняшнего времени. Большую роль Крижанич придавал освоению ресурсов России, прежде всего Сибири, что блестяще проявилось в XX веке, поскольку славянская цивилизация должна была получить ресурсы для развития⁸⁰.

По мнению Н. Н. Запольской, «изучение трудов Крижанича и сопоставление их с книгами его предшественников убеждают в том, что его сочинения явились новым, более высоким этапом в развитии идеи славянского единства, издавна вошедшей в литературу всех славянских народов»⁸¹. Чем вызваны такие достижения Крижанича? Он соединил с геополитическими и историческими интересами и запросами главного имперского государства славян, Русского царства, результаты западноевропейской, южнославянской и западнославянской мысли.

Панславизм был поддержан Петром I в целях расширения внешнеполитического влияния Российской империи за счёт привлечения к сотрудничеству и на службу представителей славянских народов, обоснования особой роли России в мире, усиления влияния в православных странах. Об этом свидетельствует миссия Саввы Рагузинского и связанные с ней перевод на русский и издание в России «Славянского царства» М. Орбини. Как указывал западник-панславист Пыпин, «Пётр Великой понял важность русско-славянских отношений. Отыскивая между западным славянством людей, годных для русского просвещения. Открывая связи с Чёрной-Горой. В его деятельности видят черты самого настоящего панславизма»⁸². В дальнейшем после Петра I, в связи с немецким засильем и усилением западнического влияния в дворянской и бюрократической верхушке, идеология панславизма была более чем на столетие забыта.

*Тень эпохи Просвещения на карте Восточной Европы:
появление концепции Восточной Европы
в западной общественно-политической мысли XVIII в.
как цивилизационного инота*

В то время как в среде интеллектуалов западного и южного славянства уже к концу XVI века сложились целостные представления о славянском мире, Западная Европа пребывала в плену крайне схематических представлений о Вос-

⁸⁰ См.: Янин Е. П. Юрий Крижанич и его концепция рационального природопользования в России // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2018. № 7. С. 3–34.

⁸¹ Запольская Н. Н. «Общий» славянский литературный язык (XVII–XIX вв.). (Типология лингвистических представлений): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 388. Цит.: URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/obwij-slavjanskij-literaturnyj-jazyk.html> (дата обращения: 02.02.2024).

⁸² Цит.: Ерасов Б. С. (сост.) Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 1999. С. 74–75.

точной Европе. Представление о Восточной Европе и её границах сложилось в среде западных интеллектуалов в середине XVIII века почти одновременно с понятием цивилизации. Истоки его происхождения проследил культуролог Л. Вульф: в книге «Изобретая Восточную Европу» «Вульф убедительно показывает, что в представлениях Запада того времени Россия, Польша, Венгрия, Чехия принадлежали к одному “цивилизационному ареалу” Восточной Европы»⁸³.

По мнению Л. Вульфа, большую роль в осознании категории Восточной Европы сыграл Ж. М. Вольтер, поделивший Европу по новому принципу, не в координатах «юг-север», а «запад-восток»: «Как и множество других выдающихся идей эпохи Просвещения, концепция Восточной Европы обязана своим рождением Вольтеру. Его пресловутый интерес к России вылился в панегирическую “Историю Российской империи в царствовании Петра Великого”, два тома которой вышли в 1759 и в 1763 годах... Тем не менее карта Восточной Европы сложилась в сознании Вольтера гораздо раньше. В 1731 году, следуя своей нашумевшей “Истории Карла XII” за шведским королём в его завоевательных походах, философ описал Польшу и Россию, Украину и Крым, чья концептуальная общность только складывалась. Его сочинение перевели на многие языки и многократно переиздавали»⁸⁴. Примечательно то, что особенность Восточной Европы Вольтер осознал, работая над историей одной из цивилизационных войн Запада против неё, в ходе которой Запад в лице Швеции стал проигравшим, а Восток, победив Запад, в лице России воспринял многие черты западной цивилизации. На самом деле, по мнению Вульфа, Вольтер не изобретал искажённый образ Восточной Европы, а, создавая концепцию, продолжил традицию западных путешественников — авторов книг о ней, уже сформировавших этот образ. Восточная Европа виделась западным авторам-путешественникам как дикий мир, где заканчивалась цивилизация.

«Из книги явствует, что Сталин в Ялте вовсе не “крал” у Запада часть этого ареала, а Черчилль с Рузвельтом не предавали Центральную Европу уже потому, что в их представлениях её просто не было. Автор доказывает, что та линия на карте Европы, по которой прошёл “железный занавес”, “чудесным” образом — а на самом деле вполне закономерно — совпала с глубоко укоренёнными на Западе уже без малого два столетия представлениями о границах континента»⁸⁵, — характеризует работу Вульфа рецензент. И заключает: «На самом деле проведённая Черчиллем линия “от Тётина на Балтике до Триеста на Адриатике” была нанесена

⁸³ *Миллер А. Л.* Вульф. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 548 с. Цит.: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=196028&r=1> (дата обращения: 02.02.2024).

⁸⁴ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения...

⁸⁵ *Сидоров И.* Рецензии: Л. Вульф. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 16.06.2003. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izobretaya-vostochnuyu-evropu-karta-civilizaczi-v-soznanii-epohi-prosveshheniya/> (дата обращения: 17.09.2023).

на карту и осмыслена ещё два столетия назад, во времена его знаменитого предка, воинственного герцога Мальборо. “Железный занавес” пришёлся как по мерке, и тот факт, что раскол континента на две части, на Западную и Восточную Европу, восходит к другому периоду интеллектуальной истории, был почти забыт или намеренно затушёвывался»⁸⁶.

Сегодня среди восточноевропейских политиков, интеллектуалов и их западных пестователей мы видим ту же тенденцию «затушёвывания» особенностей Восточной Европы. Роль восточноевропейской цивилизации для европейского Запада — «конституирующего иного» (Л. Вульф), своего рода точка отталкивания Запада для взгляда на себя самого. Но вполне реального геополитического соперника. ВЭЦ закрыла путь для западноевропейской цивилизации на восток, к богатствам Евразии и её центра, тем самым ограничив её возможности и время существования. Она стала хранителем Евразии и поэтому постоянным объектом угроз в виде различных *Drang nach Osten*. Сегодня позицию западного интеллектуального сообщества о Восточной Европе формируют экспертные политологические журналы типа «Восточная Европа» (*Osteuropa*), специализирующиеся на развёрнутых субъективных политических оценках, в равной мере как создающих мифы, так и их развенчивающих в координатах «авторитаризм-демократия»⁸⁷.

При этом сохраняется консенсус о границах и о составе Восточной Европы, сложившихся в XVIII веке, несмотря на попытку выделения «Центрально-Восточной Европы» группой польских и французских историков. В цивилизационном отношении Центральной Европы не существует, тем более нет и «Центрально-Восточной Европы». А есть Восточная Европа как некое большое целое, раздираемое политическими, межнациональными, этноконфессиональными, экономическими противоречиями. К сожалению, работа Л. Вульфа является скорее исключением.

В чём значение упомянутых выше славянских этногенетических теорий для цивилизации ВЕ? К началу XVIII века сложился взаимосвязанный круг славяноцентричной исторической мысли, охватывающий Польшу, Киев, Москву, Петербург, Дубровник, Прагу. Они создали круг коллективных представлений о славянах и территориях их проживания как особой части мира со своей историей, судьбой, которые в дальнейшем легли в основу платформы славизма и славянофильства. Многие из них оказались вымыслом. Но мифологические сказания сменились на научные данные и философские доктрины, которые в дальнейшем игнорировать было невозможно. Перейдём от этногенетических построений славян к собственно доктринам славизма.

⁸⁶ Сидоров И. Рецензии: Л. Вульф. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 16.06.2003. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izobretaya-vostochnuyu-evropu-karta-civilizaczii-v-soznanii-epohi-prosveshheniya/> (дата обращения: 17.09.2023).

⁸⁷ См.: Журнал Восточная Европа [Электронный ресурс] // *OSTEUROPA*. URL: <https://zeitschrift-osteuroopa.de/> (дата обращения: 17.09.2023).

1.2. Славизм: славянофильство и панславизм

На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоем.

Н. Я. Данилевский. Россия и Европа

Панславизм

Сбудется ли это пророчество Данилевского о славянском единстве? Если да, то как сие будет возможно? В конце книги автор постарался дать ответ на этот вопрос.

Во всяком случае стремление к объединению славян существует давно. Панславизм возник задолго до русского славянофильства и сам по себе являлся лишь частью общеславянского национального самосознания, развивавшегося много веков после славянского расселения и формирования национальных государств и народностей славян. Славист и византолог Ф. Дворник в работе о совместной истории славянства отмечал, опровергая ответственность русских за панславизм: «Идея славянского единства отнюдь не зарождается, как это принято считать, в XIX веке среди русского панславистского движения. Она жила с самого начала в истории славянских народов на протяжении Средних веков вплоть до Нового времени. Очевидно, что этот фактор оправдывает трактовку истории всех славянских народов как общности»⁸⁸.

Идеи панславизма и славянской взаимности образовали своего рода необходимую питательную среду для возникновения идеи славянской цивилизации. Восточноевропейский панславизм и русское славянофильство с точки зрения методологии изучения восточноевропейской цивилизации можно рассматривать как единое направление — славизм, хотя исторически и политически сторонники этого круга идей очень разнообразны и даже трудно совместимы.

По мере роста национального самосознания и национализма славян в первой половине XIX века в Российской империи и ряде других государств возникли концепции исторической и культурной общности славян. Данные концепции не являлись официальными и носили альтернативный характер. Носителями её были представители великороссов, малороссов, русин, чехов, словаков, сербов, хорватов, болгар, национальная самоидентификация которых отличалась от национальности их государственной верхушки. Например, в России Романовы, в частности Николай I, потомки немецких родов, немецкие императоры Австрии, турецкие султаны на Балканах — все они исключительно отрицательно относились к идеям политического панславизма, видя в нём угрозу существующей надэтнической верхушке элиты. По утверждению А. Н. Пыпина, «...панславизм по своему происхождению был естественным следствием национального возрождения славянских племён с конца прошлого столетия. Его политическая будущность темна; настоящее неопределённо, как неустановившееся брожение национальной стихии в пле-

⁸⁸ Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 15.

менах..., но как стремление славянства создать себе политическое существование, скрепить междуплеменные отношения в прочную нравственную и политическую солидарность, — панславизм имеет за собой полное право»⁸⁹. Иначе говоря, по мысли Пыпина, панславизм имеет смысл преимущественно как политическая сила (геополитическая форс-идея). Однако будет ли она востребована — большой вопрос, то же можно сказать и сегодня, спустя полтора века.

К моменту возникновения специфически русского явления славянофильства в 1830–1840-х гг. панславизм уже был популярным в кругах славянской интеллигенции в Восточной и Центральной Европе и даже введён сам термин «панславизм», а с революцией 1848 года панславизм стал политической революционной идеологией, направленной против Австро-Венгерской, Прусской, Османской империй. Термин «панславизм» ввёл Я. Геркель в работе «Основы всеобщего славянского языка» (1826), содержащей идею единого панславянского языка. Наличие такого современного языка, конечно, облегчало бы формирование единой славянской цивилизации. К началу формирования московского и затем общероссийского славянофильства вышел уже трактат Я. Коллара «О литературной взаимности славян» (1836) — крупнейшее произведение панславизма, считавшего основной культурно-объединительную и литературно-языковую функцию панславизма — «литературный панславизм», в отличие от политического. Поддержка идеи славянской взаимности ещё не означала приверженности идее политического или историософского панславизма.

А. Н. Пыпин в книге «Панславизм в прошлом и настоящем» называет исследователей славистов: Шафарика, Востокова, Шлейхера, Миклошича, Срезневского, Гануша, Эрбена, Штура, Котляревского, Афансаева, Буслаева, Палацкого, Мациевского, Богишича⁹⁰, а также Венелина и Погодина (автора записок министру народного просвещения о панславизме 1839 и 1842 годов, одного из ранних славянофилов). Своего пика панславизм достиг в памфлете Л. Штура «Славянство и мир будущего» на немецком языке (1851), в котором подчёркивалась особая роль России. Литературный панславизм, не выдвигающий прямых геополитических требований, ближе всего к культурному и цивилизационному самосознанию славян, однако в своей реальной форме панславизм находился в поверхностном националистическом и внутривосточном пласте борьбы за права славян в Австрийской империи.

Для реализации идей панславизма славистами выдвигались и описывались, составлялись различные проекты создания современного им межславянского языка — языка межнационального общения славян, который мог бы также послужить и языком цивилизации⁹¹. В статье Л. П. Рупосовой в диахроническом плане рассматриваются попытки создания искусственных алфавитов и искусственных

⁸⁹ Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом настоящем / Пыпин А. Н. М.: Книга по Требованию. М., 2021. Репринт Издания 1913 года. Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / А. Н. Пыпин; С предисл. и примеч. В. В. Водовозова. [Санкт-Петербург]: Колос, 1913. V, [3]. С. 52.

⁹⁰ Там же. С. 50.

⁹¹ См.: Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 1. С. 51–56.

языков как средства общения всех славянских народов (русский язык Ю. Крижанича, славянская пазиграфия Е. Копитара, всеславянский алфавит А. Ф. Гильфердинга), использование мёртвых языков (старославянский М. Маяра), вторичных (славянский Г. Свободы), региональных (русский адаптированный М. Карамена). Решается вопрос функционирования естественных языков в качестве межславянских (русский Л. Штура; русский, польский, чешско-словацкий, иллирский Я. Коллара). Этот проект так и не был осуществлён, а представители славянских народов были вынуждены общаться между собой на западных языках (немецком, французском, английском). Правда, во второй половине XX века в Восточной Европе было широко распространено изучение русского языка в школах. Сегодня существует проект, объединяющий усилия и варианты по формированию межславянского языка общения путём сближения практик межславянского общения носителей крупнейших национальных языков и создания культурных продуктов на нём, который представляет практический и научный интерес⁹².

В католических странах славизм и панславизм функционировали как национал-просветительские доктрины. XVIII век был периодом вызревания панславизма вместе со славянским национализмом из предшествующих доктрин общего происхождения славян в рамках околотибейского историософского мышления. На повестке дня стояла новая светская форма осознания этого единства. Многие панслависты были также одними из первых националистов среди своих народов, встраивая их самосознание в реалии эпохи модерна и европейского капитализма. Поэтому славянофильство в качестве международного проекта было обречено на неудачу и существовало как своего рода мимолётное веяние.

Панславизм и славянолюбие у представителей западных и даже южных славян носили западнический характер, то есть не предполагали выделения славянства из общеевропейской истории и цивилизации, и были нацелены на нужды национализма или частичного культурного обособления, позволяющего выйти из-под прямого ассимиляторского управления германских народов, а на Балканах — угнетения турками, и из-под влияния византизма Константинопольского патриархата. Сторонники идей славянской взаимности допускали возможность тактического объединения и солидарности славян в борьбе за создание и укрепление национальных государств, но отнюдь не предполагали противопоставление себя Западу. Идея славянства, правда, не могла ещё соревноваться с тотальной системой западного цивилизационного сознания. Тем не менее склонность к оригинальному творчеству цивилизации проявлялась у носителей идей панславизма. Вспомним основателя стиля модерн А. Муху с его «Славянской эпопеей»⁹³, в том числе картинами «Славяне на прародине»

⁹² См.: Межславянский язык, портал, посвящённый практике межславянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://steen.free.fr/interslavic/history.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁹³ См.: Муха А. «Славянская эпопея» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltoslavica.org/forum/index.php?showtopic=10840> (дата обращения: 14.09.2023). См.: Подборка работ А. Мухи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wikiart.org/ru/alfons-mukha> (дата обращения: 14.09.2023).

и «Первобытные славяне, между туранским кнутом и готическим мечом». На самом деле ситуация между готическим Западом и туранцами имела место для славян уже не в первобытный период, а в период Средневековья после расселения славян. Особенно символична последняя картина эпопеи «Апофеоз истории славянства», в которой угадывается связь с навеянными социалистическим мессианством произведениями советского искусства. А. Мухе удалось создать современный славянский художественный стиль, выражающий мировоззрение славянства. Но такой стиль создали и русские художники XIX–XX вв.: Репин, Васнецов, Нестеров, Врубель.

Вестернизированная политическая и интеллектуальная элита малых и средних славянских народов была вынуждена бороться за независимость, да и просто за самосохранение в замкнутом пространстве ЦВЕ и ЮВЕ, и не могла позволить себе роскошь глобального цивилизационного самоопределения как часть русского образованного дворянства и духовенства. В этом причина того факта, что славяне настороженно относились к панславистским и иным притязаниям со стороны России и русских и легко предавали их в пользу общих врагов, ставших вдруг в одночасье друзьями в силу геополитической конъюнктуры. В свою очередь, российские патриотические мыслители с недоверием относились к панславистам из славянских народов. Тем не менее идеи общеславянской идентичности прокладывали себе дорогу.

К 80-м годам XIX века, после освобождения Россией Болгарии от турецкого владычества в результате Русско-турецкой войны 1878–1879 гг., которая чуть не закончилась падением Стамбула, так или иначе панславизм вышел из состояния литературы и местного национализма и превратился в одну из панидей, меняющих мир. Геополитик К. Хаусхофер даже включал панславизм в число влиятельных геополитических международных форс-идей, «которые возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, — выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою» («Панидеи в геополитике», 1931)⁹⁴. К началу Первой мировой войны идеи панславянской солидарности захватили широкие круги славянской интеллигенции во многих странах. А. Гитлер в «Майн Кампф» (1925) считал славянство наряду с еврейством главным врагом немецкого народа и, шире, «германской расы», рассматривая его как некое целое. Он концентрированно выразил общее мнение немецкой правой политической мысли до и после Первой мировой войны, а также антиславянских кругов из других стран Европы, которые вынашивали мечты об этноциде славян. Данные свидетельства и ряд других говорят в пользу того, что славянство оценивалось его врагами в качестве особой опасной силы, объединение которой под одним руководством — лишь вопрос времени. Однако возникла проблема субъектности: кто, какое государство возьмёт на себя роль создателя единой славянской цивилизации, объединив культурный и политический панславизм?

⁹⁴ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 254–255.

*Русское славянофильство
как выразитель идеологии славянской цивилизации*

Говоря о месте русского славянофильства в формировании идей особой восточноевропейской цивилизации, правильнее считать его одним из специфических национальных течений — участников общеславянского культурно-идеологического движения. Но не панславизму вообще, и в частности не русскому либеральному панславизму, и не «квасному» национализму, а именно консервативному православному славянофильству мы обязаны появлением доктрин особой славянской цивилизации. Славянофильство из всех течений русской мысли XIX — начала XX в. больше всех приблизилось к идее восточноевропейской цивилизации как особого человеческого типа, базирующегося на славянстве.

В дальнейшем русское славянофильство превратилось в сквозную платформу, влияющую на идеологию как России, так и всей Восточной Европы, независимо от взглядов ранних славянофилов. Так, «славянофилом-ленинцем», «славянофилом-большевиком», в отличие от «старых славянофилов», публично называл себя в 1945 году И. В. Сталин, приступая к запуску проекта славянского восточноевропейского союза в архитектуре послевоенной Европы на приёме чехословацкой делегации во главе с Э. Бенешем. Иными словами, славянофилами, признающими ведущую роль России и русского типа человека (при сохранении равноправия), могут быть в некотором приближении как православные монархисты, так и большевики-сталинисты, и народники, и либералы. Позиция славянофильства повлияла на идеологию «нового славянского движения» под контролем СССР (1941–1962)⁹⁵.

Исследователь славянофильства Н. И. Цимбаев подчеркнул различия панславизма и классического славянофильства в русской общественной среде XIX века: «Как явления общественно-идейной жизни России славянофильство-славянолюбие и истинное славянофильство были принципиально отличны... Истинному славянофильству постоянно приписывали такие характерные для славянофильства-славянолюбия черты, как ненависть к Западу (у Киреевского!), политический обскурантизм, панславистские идеи... Для истинных славянофилов не были характерны выступления с позиций панславизма»⁹⁶. Однако данная точка зрения, закрепившаяся в историографии славянофильства и во мнении части российского консервативного сообщества со времён работ философов Серебряного века по переоценке славянофильского наследия, к сожалению, в направлении западничества и глобального всеединства не соответствует действительности. Либо, по крайней мере, сильно преувеличена.

⁹⁵ См.: Зайцев А. В. Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 годах: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 404 с. Цит.: URL: http://www2.rsu.ru/binary/2641506_64.1664278566.49454.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

⁹⁶ Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 45, 47.

М. Ю. Досталь в специальном исследовании соотношения славянофильства и элементов панславизма⁹⁷ приводит следующие аргументы в пользу общеславянских подходов славянофилов первого поколения, которые подтверждают наличие тенденций к панславизму и явной славянской взаимности, поэтому мы цитируем их полностью:

«1) Известное высказывание А. И. Кошелёва о том, что, хотя название “славянофилы” “не выражает сущности нашего движения”, “мы всегда были расположены к славянам и стремились быть с ними в сношениях, изучали их историю и нынешнее положение” (Понятно, что идеи славянофилов были гораздо шире славянской взаимности).

2) Славянофилы “второго плана” совершили длительные поездки в славянские страны (А. Е. Попов, Д. А. Валуев, В. А. Панов, В. Ф. Чижов, Н. А. Ригельман) и оставили многочисленные работы по этой теме; эти разыскания учтены основными теоретиками славянофильства в ряде своих работ (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков).

3) А. С. Хомяков отводил ключевое место славянам в своей историософии в “Семирамиде” как представителям восточного, иранского племени (что пересекается с ранними идеями яфетического и сарматского происхождения славян).

4) В гегелевской идее избранного народа, выражающего развитие духа, славянофилы заменили немцев на славян и русских (В. Ф. Чижов), противопоставив их (И. В. Киреевский).

5) Стихотворения А. С. Хомякова панславистской направленности “Орёл”, “Не гордись перед Белградом”, “России” (“Борись за братьев крепкой бранью”), стихотворения Ф. И. Тютчева.

6) Признание исключительной роли России как лидера славянского мира — общее мнение славянофилов, которое потом воспроизведёт Н. Я. Данилевский.

7) Неопубликованная статья К. С. Аксакова “Россия и запад” (1854), в которой он обосновывает необходимость освобождения славян от Турции с последующим предоставлением им самоопределения. То же, в статьях в журнале “Русская беседа”.

8) Статья И. С. Аксакова в первом номере газеты “День” об историческом названии, нравственном праве и обязанности России по освобождению славян от османского ига.

9) Воззвание “К сербам” А. С. Хомякова и ещё 10 видных деятелей славянофильства (Лейпциг, 1860), в котором единственной освободительной силой признаётся “сплочённость и братолюбие славян”. Данный документ, который был философским завещанием А. С. Хомякова, свидетельствует о том, что значение идей славянской общности в творчестве ранних славянофилов возросло».

То, что уже раннее славянофильство находилось на пути к всеобъемлющей научно обоснованной доктрине восточноевропейской славянской цивилизации,

⁹⁷ Досталь М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских представлениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 90–91. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanskiy-mir-i-slavyanskaya-ideya-v-filosofskih-postroeniyah-i-praktike-rannih-slayanofilov/viewer> (дата обращения: 14.09.2023).

подтверждает его дальнейшая эволюция в следующем поколении, в петербургском круге славянофилов, на примере творчества Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Киреева, О. Ф. Миллера, Н. Н. Страхова.

Несмотря на русскую и славянскую оригинальность, славянофильство нельзя рассматривать в отрыве от общеевропейских процессов, в которых они пытались определить место для России. По мнению Н. А. Бердяева, занимавшегося переоценкой наследия ранних славянофилов в рамках проекта «Пути», «Славянофильство входит в общий поток мировой истории... Нельзя отрицать и того, что славянофильство входит в мировое движение “романтической” реакции начала XIX века против рационализма XVIII века. Но эта романтическая реакция, которая была не только романтической, но и реалистической, не только реакцией, но и прогрессом, в каждой стране принимала форму национально-своеобразную... Германский народ осознал себя в романтическом движении. То же было в Польше, в её мессианском движении, родственном мировому романтизму»⁹⁸. Славянофильство стало своего рода попыткой реализовать мировоззренческую задачу консервативной «немецкой идеологии» в германской философии (романтизм и классическую философию истории), но на русской почве и с русской православной спецификой. Для создания теории особой славянской цивилизации, пусть и в более узком, в русско-православном виде (позднее известном как «Русский мир»), необходим был собственный философский синтез, строящийся на незападных идейных компонентах, и отрицание европейской цивилизации, которые и оказались под силу русским славянофилам. Вместе с тем для решения этой задачи славянофилам нужно было дистанцироваться от узкого национализма, реакционного охранительства, либерально-западнического прогрессизма.

Следует отметить, что в России XIX века наряду со славянофильством существовал и панславизм других направлений, который не всегда сочетался с консервативным славянофильским мировоззрением и, наоборот, мог сочетаться даже с умеренно либеральными западническими и революционными взглядами, имея разные оттенки, вплоть до масонских лож и тайных обществ 1810–1820-х гг. («Соединённые Славяне», 1818–1825, Киев; «Кирилло-Мефодиевское братство» украинских националистов Кулиша, Костомарова, Шевченко). Таким был, например, сторонник революционного панславизма и анархизма М. А. Бакунин. Данный факт говорит скорее в пользу трактовки панславизма как универсальной внутренней и внешней мировоззренческой платформы России, вопреки господствующему западничеству абсолютистской бюрократической верхушки, чем как некоего сомнительного идейного «веяния» фрондирующих московских помещичьих верхов николаевской эпохи. Состав кружка ранних славянофилов говорит о том, что это был круг творцов российской цивилизации (Погодин, Гоголь, Аксаковы, Киреевские, Хомяков, Самарин, Кошелев, Черкасский, Тютчев, Валуев, Языков).

⁹⁸ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. АСТ-Москва: Хранитель, 2007. С. 234–235.

В 1860–1870-е годы панславизм был широко распространён в обществе, объединяя лиц носителей мировоззрений различных оттенков, став скрепляющим их идеологическим элементом русского культурного национального самосознания. Им интересовались как либералы, так и неославянофилы. В частности, приведём примеры работ: с одной стороны, либерала А. Н. Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878)⁹⁹, в том числе главу «Русский панславизм»; с другой стороны, консерватора неославянофила А. А. Киреева «Сближение славян» (1885). Влияние панславизма на российское общество достигло высокого уровня после проведения второго «триумфального» Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге в 1867 году. В связи с активизацией балканской, «восточной», политики Российской империи, подготовкой и горячей фазой русско-турецкой войны за Балканы у русского панславизма появилась практическая политическая почва и сфера приложения своих сил.

Коренным отличием русского славянофильства от панславизма был не только его дворянский сословный характер, ориентация на Россию и русских — восточных славян, отказ от либерально-западнического панславизма, но и приоритет православия в трактовке восточноевропейской цивилизации, что сближает его с византизмом (см. ниже), несмотря на ряд существенных отличий, которые позднее проявились более отчётливо: «Славянофильство довело до сознательного, идеологического выражения вечную истину православного Востока и исторический уклад Русской земли, соединив то и другое органически»¹⁰⁰. Иначе говоря, фактор славянской этничности оказался равновесным, а в каком-то смысле самодовлеющим по отношению к византизму, в частности у поздних славянофилов и Н. Я. Данилевского, в отличие от византистов, например К. Н. Леонтьева, которые всегда стремились принизить, «смирить» славянский этнический фактор.

А. С. Хомяков в личном письме к Ю. Ф. Самарину (1845) открестился от консерватизма: «Надобно сказать всем, что они (т. е. принципы) так же далеки от консерватизма в его нелепой односторонности, как и от революционности в её безнравственной и страстной самоуверенности»¹⁰¹. Позицию славянофилов можно удачно охарактеризовать современным термином «динамический консерватизм». Ранее славянофильство не вписывается в позднейшую парадигму «консервативной революции». Славянофильство является вариантом «мягкого» фундаментализма, ориентированного на перемены в соответствии с древними свойствами цивилизации: «Мы будем продвигаться вперед... воскрешая древние формы жизни русской», — писал Хомяков¹⁰². Таким образом, славянофильство может быть охарактеризовано как «динамический консерватизм»¹⁰³ и «тради-

⁹⁹ См.: Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом настоящем... С. 73–105.

¹⁰⁰ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков... С. 235.

¹⁰¹ Письмо А. С. Хомякова Ю. Ф. Самарину. 1845. Цит.: Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века... С. 164.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Точный термин В. В. Аверьянова, директора института динамического консерватизма, выражающий суть основного направления русской цивилизационной мысли.

циониализм», родственный скорее консервативно-революционному направлению правых XX века, чем охранительству, но всё же за рамками революционного процесса.

*«Иранство» и «кушитство»,
славяне как «бытовые брахманы Запада» у А. С. Хомякова*

Конкретизируя тему славянской цивилизации у ранних славянофилов, обратимся к двум ключевым терминам философии А. С. Хомякова — «иранству» и «соборности». Центральное место в цивилизационных построениях ранних славянофилов заняла историософия их духовного, идейного и коммуникативного лидера А. С. Хомякова. Славянофильству нужен был труд, который бы давал видение истории мира в целом с позиций славянской цивилизации. Такой труд был создан, несмотря на некоторую незавершённость, — «Семирамида (Исследование истины исторических идей)¹⁰⁴, известный как «Записки о всемирной истории» (1837–1852). Речь в нём именно об идеях и идейном значении фактов истории. «Семирамида» А. С. Хомякова — часть длительного процесса формирования общеславянского мировоззрения. В нём можно найти отдалённую преемственность и к ранним славянским польским и балканским теориям в духе сарматизма (в широком смысле) и яфетизма (яфетических народов, наследующих духовный тип от части потомков Ноя). Он был построен на культурном, духовном и историческом противопоставлении иранизма и кушитства — двух ветвей человечества, примерно соответствующих индоевропейской и афразийской ветвям (раннеземледельческой), которые представляют диаметрально разные пути истории и способы существования, которые, однако, могут пересекаться и меняться местами в историософской иерархии в зависимости от того, какой дух у них побеждает, иранский или кушитский.

Однако из признания Хомяковым частичного духовного приоритета народов других, помимо индоевропейской, языковых семей и приоритета христианской духовности в истории вообще не следует отказ от линии первичной значимости для него славянства и «иранства», тем более в пользу «всеединства» и признания равнозначности Запада, как это пытались доказать позднейшие мыс-

¹⁰⁴ См.: Хомяков А. С. Семирамида (Исследование истины исторических идей) // Хомяков А. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Московский философский фонд, Изд-во «Медиум», 1994. 586 с. Цит.: URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/mesto-yazyka-slavyanskogo-v-seme-indoevropejskoj.htm> (дата обращения: 14.09.2023).

О названии и редактировании работы Хомякова см.: Гранин Р. С. Структурирование текста «Семирамиды» А. С. Хомякова в процессе формирования традиции её издания // Вестник славянских культур. 2009. № 4. С. 35–47. Р. С. Гранин во избежание путаницы делает вывод относительно названия этой системообразующей книги Хомякова: «возможно весь корпус работы А. С. Хомякова обозначить как “Исследование истины исторических идей” (или просто ИИИИ). Название же “Семирамида” в силу его мистического очарования можно закрепить собственно за первой мифопоэтической частью произведения (вместо не вполне выразительного самаринского “Записки о всемирной истории”»).

лители, вставшие на путь фальсификации мысли Хомякова ради своих групповых и личных целей и пристрастий¹⁰⁵.

Если западные народы поражены синкретизмом с кушитством (греки, римляне), то восточные индоевропейцы, прежде всего славяне, верны духу иранизма: «Рассматривая славян как великую отрасль едино-божников и духопоклонников, иранцев...»¹⁰⁶ — писал Хомяков в ключевом фрагменте «Семирамиды» — «О месте языка славянского в семье индоевропейской».

На уровне метафизики иранизм соответствует монотеизму, духовности, творению, свободе, апполонизму, а кушитство — пантеизму, детерминизму, материализму, панлогизму, поклонению миру (в извращённом западном духе), мегалитизму, дионисизму («кушитское поклонение стихийной неволе сохранялось в таинствах Диониса»), скрытности, символу Семирамиды как торжества преодоления кушитства изнутри кушитских народов¹⁰⁷. Иранизм определяется именно религией монотеизма и поклонения духовным сверхъестественным существам. Учитывая, что термин «иранство» в XX столетии начинает звучать как «арийство»¹⁰⁸ (эти слова происходят от одного корня, эндо- и экзоэтнонима индоевропейских народов), можно сказать, что историософия А. С. Хомякова представляет собой своеобразную славянскую «ариософию» (философию арийства), но понятую не в узком этническом смысле индоевропейцев-арийцев, а как общечеловеческое и общеисторическое духовное,

¹⁰⁵ Целью искажения идей А. С. Хомякова и ранних славянофилов в целом как в направлении западничества, либерализма и глобализма, так и в противоположном направлении — пирамидально-иерархического церковного фундаментализма (специфического коллективизма) являлась, на наш взгляд, попытка встроить его в разрабатываемые авторами различные версии идеологии российского политического мейнстрима. В обоих случаях неслучайно, с целью подстроиться под власть имущих, мишенью фальсификаций оказывалась этническая компонента («народность», «национальность» в идейной триаде), которая объявлялась якобы ложной и «узкой», — славянство, русскость, индоевропеизм, которая вела к кастрации славянофильства. Такие попытки предпринимались и в периоды «конца века» XIX в. (Соловьёв), Серебряного века (Бердяев), советского марксизма (Цимбаев) и расцвета постсоветского фундаментализма (Хоружий).

¹⁰⁶ Хомяков А. С. Семирамида (Исследование истины исторических идей). Цит.: Хомяков А. С. Семирамида [Электронный ресурс]. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/mesto-yazyka-slavyanskogo-v-seme-indoevropejskoj.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁰⁷ Ассирийская богиня Семирамида у Хомякова — символ Вавилона, Изиды, цивилизации Великой Богини, кушитства в мировой истории и в усвоивших кушитство цивилизациях, сочетающих в себе противоположные начала — голубицы и воительницы. Её можно рассматривать как символ победы над кушитством изнутри. См.: Гранин Р. С. Символика «Семирамиды» А. С. Хомякова // Человек: образ и сущность // Гуманитарные аспекты. 2018. № 4 (35). С. 159–160.

¹⁰⁸ Гранин Р. С. Символика «Семирамиды» А. С. Хомякова... С. 144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-semiramidy-a-s-homyakova/viewer> (дата обращения: 14.09.2023). «Термин “иранский” является устаревшей формой термина “арийский”, например, в редакторском комментарии к предисловию: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Т. I–VIII. М., 1904–1914 — уже используется современный термин “арийский”».

культурное и религиозное начало, проявляющееся и у некоторых народов других языковых семей (например, у семитской — у Израиля), и в истории в целом.

«Иран, как мы уже сказали, основал своё верование на другом начале, на предании о свободе или на внутреннем сознании её. Кушитов мы должны угадывать, иранцы сами себя высказывают. Первое место между их показаниями, по древности, определённости и простоте, занимают писания народа израильского; второе бесспорно принадлежит брахманизму, несмотря на бессмысленную примесь других религий; наконец, третье ясно выраженное понятие о свободе нравственной заключается в книгах, приписанных Зердушту», писал А. С. Хомяков о трёх основных проявлениях «иранства» в древней истории — Библии Ветхого Завета, брахманизме, зороастризме¹⁰⁹. Иранизм является цельным, открытым, лишённым синкретизма, кушитство — смешанным, тёмным, мутным. Последнее свойство кушитства, синкретизм, напоминает современную ситуацию постмодерна.

Термин «иранство» у А. С. Хомякова, перерастающий свой этнический смысл, близок по смыслу к термину «осевое» в последующих концепциях «осевого времени» А. Вебера и К. Ясперса. Сегодня правильнее называть эту линию традиции не по языковым семьям, а «осевой» традицией. Аргументом в пользу осевой трактовки «иранства» А. С. Хомяковым может служить то, что он относит к ранним очагам «иранства» те государства и их традиции, которые соотносились с осевым временем его теоретиками (конфуцианство, брахманизм, зороастризм, пророков Израиля, Эхнатона в Древнем Египте). Хомяковым предпринята попытка проследить чистую духовную линию в истории до христианства и после его распространения. При этом различные центры цивилизаций осевой традиции могут быть в противостоянии друг с другом.

Между прочим, исходя из вышесказанного, теория А. С. Хомякова не предполагает преемственности «иранских», в том числе славянских империй, от империй «кушитских» и «синкретических» (например, России от Древнего Вавилона и Древнего Египта, Древнего Рима и эллинистической Древней Греции, как это пишут в школьных учебниках). Во всяком случае, одобрительного отношения к этому преемству как синкретизму, так же как и единства некоей мировой «традиции» вообще, у него не просматривается.

Это, в свою очередь, отнюдь не означает, что в «иранской» традиции не может быть преемства духовной традиции от народов других языковых групп, которая является по духу «иранской», и единства истории и Церкви, например от ветхозаветного Израиля и Иерусалима. Таким образом, славянофильская историософия Хомякова имеет вполне конкретную этническую привязку, в рамках которой, однако, автор оставил за собой широкую свободу сопоставления двух духовных начал мировой истории в различных религиозных, государственных, культурных, хозяйственных сторонах.

¹⁰⁹ Хомяков А. С. Семирамида (Исследование истины исторических идей). Цит.: Хомяков А. С. Семирамида [Электронный ресурс]. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/kushitstvo-i-irakizm.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

Отсюда складывается и сложная историческая оценка места славянства, подобная ироничной оценке образа «Семирамиды», с которой А. С. Хомяков, возможно аллегорически, соотносит славянство, как, впрочем, и всё человечество: «Таковы были искони славяне, древние просветители Европы, долгие страдальцы чужеземного своеволия, брахманы Запада, но брахманы не мудрствовавшие, а бытовые, не сплотившиеся нигде в жреческую касту, не образовавшие нигде сильного государства, но хранившие в форме мелких общин или больших семей предания и обычаи человеческие, принесённые ими из своей иранской колыбели. Осуждённые на тысячелетние страдания, вознаграждённые поздним величием, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на них не лежала вина человекообразной веры и искажения высокой духовности иранской, исчезнувшей перед сказочными вымыслами и житейским направлением славянского ума»¹¹⁰. Славяне предстают трагическими носителями светлого духовного иранского начала в отношении окружающего мира, в том числе западных народов.

Это одно из наиболее интересных и мировоззренчески значимых мест во всей «Семирамиде». Что имел в виду А. С. Хомяков, называя славян «бытовыми брахманами Запада» в вышеприведённой цитате? Славяне являются на уровне своей первичной социальной организации носителями священнического, духопоклоннического культового начала, которое преобладает в их антропологическом строении и цивилизации, даже в простейших общественных ячейках, а не только в верхних духовных сословиях. Отсюда и особый «осевой» тип цивилизации и просвещения, противоположный западному, рационалистически и технологически «профанному».

Более того, будучи «брахманами», славяне выступают «просветителями Европы» в отношении западных народов, а именно активными носителями духовного иранского («арийского») начала. Высокая русская культура второй половины XIX–XX в. и её «жрецы», интеллигенция, взяли на себя такую мировую миссию, и отчасти она признана. Но речь у лидера славянофилов не о светской духовности вообще, а о её религиозном культивировании, которое, собственно, позволяет говорить именно о «брахманах». Однако, в отличие от варны брахманов в Индии, общая численность которой примерно 75 млн чел. (5% населения), славяне не были изолированной «жреческой кастой» среди других каст (имеют некастовое устройство), а представляют собой открытую цивилизационно-этническую общность.

При этом «славяне-брахманы» выдвинулись на Запад и живут среди западных народов и их западной цивилизации, но имеют общую прародину с брахманами и иранцами в ареале индоиранского расселения, которая и дала им духовное священническое начало — «высокую духовность иранскую», а отнюдь не западное или какое-либо иное (ближневосточное?) просвещение. Речь идёт об общем происхождении не со всеми индийцами, а именно с брахманами, поскольку в Индии только они (и кшатрии?) имеют общее происхождение со сла-

¹¹⁰ Цит.: Хомяков А. С. Семирамида [Электронный ресурс]. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/semiramida/mesto-yazyka-slavyanskogo-v-seme-indoevropskoj.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

вянами (что сегодня подтверждается маркерами популяционной генетики, поскольку славянский маркер R1a присущ в Индии в основном потомкам большей части брахманов и кшатриев по мужской линии; см. подробнее далее). Итак, по А. С. Хомякову, славянин в быту, точнее в своём наличном здесь-бытии, — это священник, носитель духовной практики. И в этом секрет «позднего величия» славян (славянских империй и их влияния на историю?). Однако священническая роль славянами во многом утеряна из-за человекообразной веры (язычества?), «житейского направления ума» (бытовой практичности в ущерб культу) и «сказочных вымыслов» (языческой мифологии?), что и сделало славян уязвимыми перед трагической судьбой — не способными изменить свою трагическую судьбу, опираясь на волевое духовное начало свободы («предание о свободе, внутреннее сознание её»).

Заблуждался ли лидер славянофилов в отношении духовной силы индийских брахманов и зороастрийцев, которых он ставил по этой силе на второе место после пророков древнего Израиля? Имели ли они какое-то влияние на славян? Являются ли славяне священниками духа? Не есть ли это его собственный миф? Ответить удовлетворительно на этот несправедный круг вопросов здесь невозможно. Однако он чётко сформулировал основу славянской цивилизации.

А. А. Фролов так реконструировал понимание А. С. Хомяковым особого места славян и России в истории: «Деятели новоевропейского периода истории являются западноевропейские народы и славяне. Их противопоставление начинается с различий в народном характере: агрессивность, воинственность, аристократизм европейцев и смирение и миролюбие славян. С ними тесно связаны различия в отношении к другим народам: идея всемирной империи и римской государственности, унаследованная романо-германцами, и славянская восприимчивость к чужому. Восприимчивость к чужому как положительная характеристика означает способность понять умственный склад и культуру других народов... При этом восприимчивость к чужому ни в коем случае не означает соединения собственной культуры с другими культурами и её вырождения в противоестественный примитивный синкретизм. Благодаря своим качествам славяне оказались способными воспринять христианство в истинной форме (православие). Народы же Западной Европы исказили сущность христианства (католицизм и протестантизм).

А. С. Хомяков считал Россию естественным лидером славянского мира, так как благодаря связи с восточными иранцами (в частности, с Индией) она более других сохранила связь с общеиранской культурной традицией. Кроме того, именно она из всех славянских народов является наиболее самобытной... в смысле наименьшей испорченности кушитскими примесями, порождающими синкретизм»¹¹¹.

Россия была во времена Хомякова, и остаётся ныне, единственным крупным славянским государством, способным выражать общие интересы, заключённые в «иранской» природе славянства, по Хомякову, её непроявленной

¹¹¹ Фролов А. А. Историософия славянофильства: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков // История философии. № 9. М.: ИФ РАН, 2002. С. 31–32.

свободы, а не узконациональных интересов отдельных славянских народов, нередко понятых в кушитском, эгоистическом духе. Поэтому Россия — своеобразная модель Восточной Европы. (А кто, если не Россия? Польша, Чехия, Сербия, Венгрия, Болгария?) Этой схемы автор данной монографии придерживается в своей работе.

«Семирамиду» можно считать одним из отечественных источников этнически ориентированной концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, ко времени формулирования которой (1868–1869) работа А. С. Хомякова была уже издана (1860). Сущность типа, по Данилевскому, состоит в его духовной основе. Славянский тип является вариантом иранской ветви. В славянофильстве сходятся две логические линии: метафизика и реальная этничность.

Соборность славянофилов и славянский тип личности и общества.

Отличие соборной системы личности и общества от пирамидально-иерархической

Наряду с разделением иранства и кушитства, другая крупная идея А. С. Хомякова — идея соборности как принципа организации вселенской христианской Церкви выражает и принцип внутренней организации как личности человека, так и общества в восточноевропейской цивилизации, поскольку Церковь воспринималась как идеальная форма общества и источник жизни личности. Соборность не только и не столько политический и не богословско-канонический принцип, сколько естественный баланс между личностью и коллективом, в том числе и внутри самой личности между я индивида и социальной сверхличностью: «свободное органическое единство». «Соборность — опытный концепт, и то, что мы называем “учением Хомякова о соборности”, есть, главной и важнейшей частью, не построенная теория, а изложенный опыт»¹¹², — по утверждению С. С. Хоружего. Он считал, что соборность не является искусственным отвлечённым конструктом, это практика жизни и мышления Хомякова.

Этимология термина «соборность», отсылающая к вселенской, «кафолической» (в переводе с греч. «соборной») Церкви и Вселенским соборам, а также к «собору» (главному храму), связана с пониманием русской восточнохристианской цивилизацией определённой структуры мироздания. «Собор выражает идею собрания, не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого

¹¹² Хоружий С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви // Богословские труды. Сборник тридцать седьмой. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 167–168. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/homakov_o_sobornosti (дата обращения: 02.02.2024). С. С. Хоружий дал трактовку понятия соборности А. С. Хомякова в духе собственного учения синергийной антропологии — разновидности неовизантизма, которая противостоит трактовкам Хомякова авторами Серебряного века в западническом и соловьевском духе. Для трактовки соборности Хомякова у Хоружего характерен крен в сторону церковного коллективизма и подчинения сверхличности Бога («экклезиология соборности»).

соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве»¹¹³, — писал А. С. Хомяков.

Соборность как духовный и социальный принцип у А. С. Хомякова имеет не только церковно-метафизический и мистический, то есть экклезиологический («екклезиология соборности», по выражению С. С. Хоружего¹¹⁴), но и историко-антропологический смысл, который понятен в контексте выше проанализированной основной историсофской идеи Хомякова в «Семирамиде». «... Человеческая ценностная природа является соборной и как таковая неизменна и вечна, что животворно зафиксировано в раннем христианстве... Христианство представляет собой итоговый синтез многотысячелетней мифологической эволюции потенциальной соборности как процесса формирования реального соборного самопонимания человека»¹¹⁵, — так трактует В. И. Холодный единство соборности и иранства у А. С. Хомякова в соответствии с её «внутренним смыслом». «“Церковь” и “соборность” являются синонимами “иранства” и выражают предельный его смысл, то есть его божественную духовную природу»¹¹⁶. Было бы странно, если бы соборность не сочеталась с другим столпом мировоззрения философа — теорией иранства. Но в то же время Хомякову нельзя приписывать этнизацию «соборности» как принципа цивилизации. Вместе с тем соборность как вселенскость не имеет ничего общего с культурным синкретизмом — глобализмом. Соборность не является внешним искусственным единством и принуждением к единству. Игнорирование соборности в пользу иерархии пирамиды означает дань кушитству и кушитской традиции, если пользоваться терминологией Хомякова. К сожалению, соборность христианства нередко трактуется идеологами православной цивилизации в пирамидально-кушитском варианте доосевой традиции как государственно-бюрократическое юридическое единство.

Среди работ ранних славянофилов, в которых содержится идея оригинальной цивилизации и типа человека в России, следует отметить программную статью И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852): «Россия, отделившись духом от Европы, жила и жизнью отдельною от неё. Англичанин, Француз, Итальянец, Немец никогда не переставал быть Европейцем, всегда сохраняя притом свою национальную особенность. Русскому человеку, напротив того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться с образованностью Западной; ибо и наружный вид, и внутренний склад ума, взаимно друг друга объясняющие

¹¹³ Хомяков А. С. Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита / Хомяков А. С. Соч.: 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд, Изд-во «Медиум», 1994. С. 242.

¹¹⁴ Хоружий С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви... С. 167–168. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/homakov_o_sobornosti (дата обращения: 02.02.2024).

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ О связи категорий соборности и «иранства» у А. С. Хомякова см.: Холодный В. И. Поисковая аксиологическая метафизика. Ч. 1. Синтез традиционного и соборного понимания истории. М.: НИУ МГСУ, 2016. 324 с. Цит.: http://www.oiskovaya_aksiologicheskaya_metafizika_chast_1_sintez_traditsionnogo_i_sobornogo_ponimaniya_istorii_film (дата обращения: 02.02.2024).

и поддерживающие, были в нём следствием совсем другой жизни, проистекающей совсем из других источников... Начала просвещения Русского совершенно отличны от тех элементов, из которых составилось просвещение народов Европейских...»¹¹⁷. Киреевский называет и три основных отличия Запада, среди которых упоминает и насильственное складывание народов: «Эти три элемента Запада: Римская Церковь, древнеримская образованность и возникшая из насильственных завоеваний государственность, были совершенно чужды древней России»¹¹⁸. Впоследствии фактор ненасильственности сыграет большую роль в определении Н. Я. Данилевским отличий восточноевропейского типа от типа западного европейца.

Часто три элемента ошибочно трактуются российскими идеологами как основы (скрепы) русской цивилизации: византийская, то есть римская церковь; византийская (греческая и римская) образованность, внешняя по отношению к народу государственность, заимствованная извне, либо от завоевателей, либо от Византии и Рима. В отличие от таких трактовок, И. В. Киреевский возводит русское просвещение напрямую к Священному Писанию и учению Отцов Церкви. Другим важнейшим фактором отличия Запада от России он считал рассудочный формализм и отсутствие целостности, разорванность западного человека, идущие от римских традиций и проникшие в западную церковь.

Важно отметить, что в данной статье И. В. Киреевский отмежевался от византизма как идейной платформы (см. о византизме далее), указав на пагубные последствия внедрения его институтов и обновлённых обрядов в России в XV–XVII вв. Воздействие византизма на русскую жизнь, по его мнению, было по сути тем же, что и западное — формализм и рационализм, что, в принципе, верно по отношению к византизму как разновидности западной культуры, испытывавшей влияние формалистической государственно-правовой культуры Древнего Рима. Но в целом ранние славянофилы были скорее сторонниками православно-византистской ориентации русской культуры в противоположность Западу, что выделяет славянофилов на фоне широкого поля панславистов.

Н. П. Ильин в своём труде «Трагедия русской философии», оценивая последние работы Киреевского, писал (ссылаясь на вышеупомянутую работу Н. И. Цимбаева) о сходных с критикой Запада аргументах критики византизма философом-славянофилом: «...Киреевский отмечает два наиболее значительных проявления этого “неравновесия”: церковный раскол, связанный с исправлением богослужебных книг, и, что особенно интересно, чрезмерное увлечение византийскими формами светской и церковной жизни: “частные юридические постановления Византии не только изучались, но и уважались наравне почти с постановлениями общецерковными”. А то, что такой взгляд на допетровскую Россию не был для Киреевского каким-то преходящим настроением, показывают его “Отрывки”, где он пишет совершенно определённо: “Стремление к внешней

¹¹⁷ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М.: Наука, 2014. С. 285–334.

¹¹⁸ Там же.

формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках, дает повод думать, что в первоначальном направлении русской образованности произошло некоторое ослабление гораздо прежде Петровского переворота. Когда же мы вспомним, что в конце XV и в начале XVI века были сильные партии между представителями тогдашней образованности России, которые начали смешивать христианское с византийским ... то мы поймём, что в это самое время и, может быть, в этом самом стремлении и начинался упадок русской образованности»¹¹⁹. Таким образом, византийское начало воспринималось И. В. Киреевским как противоположное русско-славянскому.

Ранним славянофилам (Хомякову, Киреевскому, Аксакову, Самарину, Кошелёву и др.) по разным причинам не удалось полностью реализовать проект формирования концепции восточноевропейской славянской цивилизации. Этот проект был в большей степени заявлен и очерчен, чем реализован. Здесь сказались и слабость научного подхода первых славянофилов, и зависимость от византизма и даже западничества, неблагоприятные политические и цензурные ограничения. Однако его появление в России в последующем было неизбежным.

Теория славянской цивилизации Н. Я. Данилевского

Своё первое последовательное выражение в русской социально-философской мысли подход славянской цивилизации нашёл уже в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурно-политические отношения Славянского мира к Германо-романскому»¹²⁰ (1869), где было дано развёрнутое обоснование общеславянского культурно-исторического типа как оригинального и принадлежащего только славянству. Н. Я. Данилевский в молодости принадлежал к революционному сообществу петрашевцев, но затем изменил взгляды на более консервативные, сохранив радикальный дух историософии. Идеи славянской цивилизации можно рассматривать скорее как революционно-консервативные или фундаменталистские идеи будущего, но не как реакционные и не охранительные. Они характеризуют большинство славянофилов. Их нельзя рассматривать и как проявления либерально-консервативного глобалистского универсализма или русского национализма.

Основными частями цивилизационной теории Н. Я. Данилевского были: 1) теория культурно-исторических типов и цивилизаций, возникающих на их основе как развитая стадия этого типа; 2) теория славянского культурно-исторического типа; 3) теория западного или европейского романо-германского культурно-исторического типа. Вместе они составляют единое целое и направлены именно на утверждение славянского культурно-исторического типа как основы для русской политики и социальной практики. Именно теория славянского культурно-исторического типа и его цивилизации, изложенная в главе 17 «России и Европы», стала главным открытием Данилевского. Вместе с тем она не была

¹¹⁹ Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 605 с. Цит.: http://www.hrono.info/statii/2005/ilin_moskvam0.php (дата обращения: 02.02.2024).

¹²⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа...

его главной научной целью, — таковой являлось изучение борьбы славянского и западного (германо-романского) типов.

Теория Н. Я. Данилевского остаётся до сих пор одной из самых сильных теорий отдельных цивилизаций в мире и превосходит теории Шпенглера, Тойнби, Сорокина, Хантингтона и других авторов. В отличие от работ западников и византистов, «Россия и Европа» строилась на фактологической базе и ясной научной логике, исходящей из данных различных дисциплин и различий крупных этнических семей. Подход Данилевского разительно отличается от произвольных культурологических и религиоведческих построений перечисленных авторов, которые связывали цивилизации с религиями и государствами. Он относит славян к одной из семи ветвей арийских племён, которые выявились в ходе развития индоевропеистики. Здесь Данилевский следует традиции Хомякова из «Семирамиды» и вместе с тем магистральной линии западной мысли XIX века на этнизацию обществоведческого мышления. Теория Н. Я. Данилевского с поправками, отдельными исключениями и дополнениями в силу своей сохранившейся по сей день актуальности может быть взята за одну из основ методологии данной работы.

Подробнее теория и исследование славянской цивилизации и общая цивилизационная теория Н. Я. Данилевского проанализированы автором монографии в отдельной статье¹²¹. Основные черты исследования славянской цивилизации, по Н. Я. Данилевскому: 1) полнота и верность теории славянской цивилизации Данилевского; 2) христианская религиозность; 3) внутренний этнический дух; 4) четырёхосновность (богатство и гармоничность сфер культуры славянской цивилизации); 5) молодость славянского культурно-исторического типа, только вступающего в фазу цивилизации; 6) обособленная природа славянской цивилизации (особая ветвь индоевропейской семьи, что блестяще подтвердилось популяционной генетикой и историей); 7) общинность экономики как основа социального устройства; 8) ненасильственность и терпимость наряду с военным характером; 9) общеславянский союз как федерация; 10) Царьград как столица всеславянского союза и важность восточного вопроса для славянства; 11) враждебные отношения с западной цивилизацией в силу типологического различия и несовместимости. Как видим, мы имеем дело с комплексной теорией.

Надо признать, что Н. Я. Данилевскому, несмотря на развёрнутую политико-историческую аргументацию и установленную уникальную «четырёхсоставную», в отличие от других типов, природу славянского типа, не удалось подробно раскрыть цивилизационные свойства славянства. Более того, он относит расцвет славянской цивилизации в будущее, которое и раскроет её черты: «Начав с общих историко-философских соображений, я спустился, таким образом, в область частного, политического, указывая на тот путь, которым Россия и Славянство ведутся и должны, наконец, привести к осуществлению тех обещаний, которые

¹²¹ См.: Баранов С. Мировой первопроходец. К 150-летию выхода «России и Европы Н. Я. Данилевского» [Электронный ресурс] // Изборский клуб. URL: https://izborsk-club.ru/16559#_ftn64 (дата обращения: 15.09.2023).

даны им их этнографической основой, теми особенностями, которые отличают их в числе прочих семейств великого арийского племени»¹²².

Н. Я. Данилевский пророчески указывал на вероятность в будущем самобытного социально-экономического устройства славянства, чем прозорливо предугадал грядущий коммунизм СССР и социалистическую систему в Восточной Европе. Хотя система ничего нового не дала миру ни в религии, ни в философии, умеренно новаторствовала в политике (советская власть и партократия), но в социально-экономической сфере действительно была оригинальной: «Эта-то здравость общественно-экономического строя России и составляет причину, по которой мы можем надеяться на высокое общественно-экономическое значение славянского культурно-исторического типа, имеющего ещё в первый раз установить правильный, нормальный характер той отрасли человеческой деятельности, которая обнимает отношения людей между собою не только как нравственных и политических личностей, но и по воздействию их на внешнюю природу, как источник человеческих нужд и потребностей, — установить не отвлечённую только правомерность в отношениях граждан, но реальную и конкретную»¹²³. Социализм действительно создал такую общественно-экономическую систему отношений.

Теорию славянского культурно-исторического типа и цивилизации, которая является развитой плодоносящей стадией развития типа, Данилевский строил, отталкиваясь от черт романо-германского типа. Иначе возникает путаница и впечатление вторичности славянского типа по отношению к западным типам (романо-германскому, древнеримскому, древнегреческому). Нужно было провести их размежевание.

Среди черт западного типа Данилевский отмечает насилие в различных сферах жизни, которое он связывает с индивидуализмом и рационализмом в единое целое: «Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность (Gewalt-samkeit). Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему»¹²⁴.

Но концепция Н. Я. Данилевского была слишком жёсткой и последовательной не только для западников, но и для славянофилов, византистов и националистов, и воспринимается так до сих пор. «Даже сами главные представители хомяковского старого славянофильства очень долго при жизни Данилевского почти не упоминали о нём. Только один серьёзный голос Н. Н. Страхова одиноко и мужественно звучал в его пользу с самого начала появления книги “Россия и Европа”. Все другие небольшие и невнимательные разборы, заметки об этом шедевре или “катихизисе” славянофильства в начале 70-х годов были пусты, легкомысленны, пожалуй, даже и довольно глупы. Таков, между прочим, и пу-

¹²² Данилевский Н. Я. Россия и Европа... С. 544.

¹²³ Там же. С. 570.

¹²⁴ Там же. С. 209.

стейший отзыв Щебальского в “Русском вестнике” Каткова»¹²⁵, — сочувственно и пронизательно писал К. Н. Леонтьев. Но другой она и не могла быть по своему месту в русской мысли (а она вообще радикальна, склонная к крайностям)! Данилевский воспринимался как внутрirosсийский политический публицист, между тем как речь шла о масштабной радикальной философской и научной концепции.

Теория славянской цивилизации как зрелого этапа развития славянского культурно-исторического типа Н. Я. Данилевского стала концентрированным выражением взглядов узкого, но идейно влиятельного неославянофильского и почвеннического круга, в который он входил (Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский, славист В. И. Ламанский, историк К. Н. Бесстужев-Рюмин, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков, славист и индоевропеист А. Ф. Гильфердинг)¹²⁶ и который хотя и не имел большой поддержки в элите и обществе, но представлял определённую довольно широкую часть образованного слоя со славянофильскими и русофильскими настроениями. Этой небольшой, но духовно влиятельной группе удалось (во многом благодаря Достоевскому и героям его произведений), наряду с ранними славянофилами, навязать российскому и мировому обществу мнение об определённом человеческом и культурном типе, который с 1880-х гг. стал ассоциироваться с русскими и славянами.

Концепция Срединного (греко-славянского) мира В. И. Ламанского

Наиболее близко к целостному научному представлению о восточноевропейской цивилизации, а не просто как о славянской этноязыковой общности, подошёл В. И. Ламанский (1835–1914), завершив плеяду славянофильских мыслителей дореволюционной России. В. И. Ламанский, в отличие от Н. Я. Данилевского, был профессиональным славистом, что помогло ему создать своё научное обоснование теории восточноевропейской цивилизации. На примере Ламанского можно сказать, что к началу XX века в России уже сложилось представление об оригинальной цивилизационной природе славянства и его соседей, которое смогло преодолеть ограниченность как славянофильства, так и западничества, и византизма, и азиатчины (протоевразийства).

В работе «Три мира Азийско-Европейского материка» В. И. Ламанский объединил славянские, православные и евразийские народы в одну цивилизационную общность: «характер, тип» и «мир» под названием «Срединного мира», или «греко-славянского». «Этот тип и характер довольно резко отличает эти страны от собственной Европы и от собственной Азии»¹²⁷, «отличный от Запада, и от

¹²⁵ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьёв против Данилевского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/94180/read-vladimir-solovev-protiv-danilevskogo-konstantin-leontev/~3> (дата обращения: 14.09.2023).

¹²⁶ Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2001. 418 с.

¹²⁷ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка: посмертн. (второе) издание учеников автора с портретом его / под ред. и с предисл. Г. М. Князева. Петроград: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. С. 3. Цит.: <https://elib.rgo.ru/safe/view/123456789/231158/1/MTM3OTlfVHJpIG1pcmEgQXppaXNrby1FdnJvcGVpc2tvZ28gbWF0ZXJpa2EgcG9zbWVydG4ucGRm> (дата обращения: 14.09.2023).

Востока, в постоянном антагонизме и с тем, и с другим»¹²⁸ (идея сходная с идеей борьбы Восточной Европы с Западом Данилевского, Страхова и других). Концепция Среднего мира как Восточной Европы и зависимой от неё части Евразии в работах Ламанского стала не просто этнической славяноцентристской, а именно цивилизационной концепцией, включившей и народы других этнических групп и семей, обладающие тем же цивилизационным типом. В его работе мы видим значительное углубление подхода к миру-цивилизации: такие признаки, как религия, антропология, этническое родство и геополитика (политическая география), сливаются в одно целое, в котором доминирует тип человека как итоговый продукт развития. Напомним, в приближении к определению цивилизации именно как типа человека Ламанский, бесспорно, один из первых, кто стал им пользоваться в науке и философии. В итоге панславистская доктрина с присоединением фактора православия и византизма переходит у Ламанского уже в восточноевропейско-евразийскую, что говорит, прежде всего, о зрелости взглядов на Восточную Европу. «3) Средний мир, то есть ненастоящая Европа и ненастоящая Азия»¹²⁹. «Культурно–Средний мир — греческий..., этнологически этот мир по-преимуществу славянский»¹³⁰, здесь нельзя не видеть влияния византизма на Ламанского в преувеличении роли греческих заимствований. Но Средний мир включает и народы Восточной Европы, принадлежащие к другим языковым семьям и вероисповеданиям: «Финны почти исключительно и безраздельно принадлежат одному Среднему миру»¹³¹.

В пользу именно восточноевропейской трактовки русской и, шире, славянской цивилизации Ламанским свидетельствует его высказывание: «...Средний мир и в этнологическом и в историко-культурном отношении, при всех своих отличиях от собственной Европы и собственной Азии, находится в гораздо более близком сродстве с первою, чем с последнею. Это мир арийский, индоевропейский и христианский по преимуществу, из 170 милл. душ более 150 милл. христиан и не менее 140 миллионов индо-европейцев»¹³². Таким образом, срединный мир Ламанского всё же скорее европейский, хоть и «ненастоящая Европа», что приближает его к понятию Восточной Европы или особого типа европейца, отличного от западного и даже антагонистичного западному. Хотя Ламанский относил к «Среднему миру» и чисто евразийские и неиндоевропейские народы, он всё-таки относил их к миру с определяющей восточноевропейской идентичностью, восходящей в основном к славянству как главной индоевропейской группе в «Среднем мире».

Поскольку идеи Ламанского очень важны для понимания восточно-европейско-евразийской идентичности, остановимся на них подробнее. Цивилизационные контуры Восточной Европы обозначены Ламанским по сумме трёх важнейших признаков: происхождения, вероисповедания и географического единства.

¹²⁸ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 56.

¹²⁹ Там же. С. 19.

¹³⁰ Там же. С. 56–57.

¹³¹ Там же. С. 55.

¹³² Там же.

«Эти земли для России или единоверные и единоплеменные вместе, или только единоверные, или только единоплеменные... В этом смысле эти земли нельзя отрывать от России, как нельзя азиатскую Россию отрывать от европейской»¹³³.

Утверждение Ламанского, что западное католическое славянство относится к типу России, а не Западной Европы, говорит в пользу панславистской трактовки и выходит за рамки византизма. Ламанский защищает и те славянские народы, которые были носителями национализма и панславизма, противоречащие интересам России, стараясь уйти от узконаправленной трактовки западно- и южнославянского национализма как явного зла. «Мы не умеем в должной мере ценить ту громадную пользу, которую принесли России западные и южные славяне своею борьбой с германизмом и сохранением свой речи и народности»¹³⁴. При этом он даёт понять, что, вопреки нашим желаниям и потребностям, западные и южные славяне ведь и не могут полностью подчиниться русской геополитической и культурной матрице. Тем не менее они остаются в рамках одной с нами цивилизации. Эти мысли Ламанского очень актуальны в сегодняшних условиях, когда наше отношение к другим народам Восточной Европы подчинено враждебности, навязанной нашим отношениям с Западом.

Ламанский уделяет много внимания фактам морально-исторического доминирования авторитета Российской империи начиная с Петра I, среди народов Восточной Европы, подчинённых другим империям: славян, мадьяр, волохов. В них ему видится будущая миссия России как объединителя Восточной Европы в самостоятельное целое. Но при каких обстоятельствах и благодаря кому это произойдёт, он, конечно, не мог предвидеть. В этом контексте он упоминает панславистов — словака Яна Коллара, словенцев Валентина Водника и Лингарта, чеха Гавличека, словака Людевита Штура (памфлет Штура «Славянство и мир будущего», издан Ламанским в русском переводе): «Плодотворное влияние имели на древнюю русскую литературу древняя моравско-паннонская, болгарская и сербская письменность». Не забывает он и «новейшее литературное движение южных и западных славян и труды их корифеев: Добровского, Капитала, Шафарика, Юнгманна, Палацкого, Линде, Левеля, Караджича, Миклошича и проч.»¹³⁵. К сожалению, вместе с тем отнесение Кавказа и Малой Азии к «Среднему миру» сближает позицию В. И. Ламанского с евразийством и с византизмом, включавшим народы Кавказа, особенно христианские, в одну с русскими и греками цивилизацию. Как мы видим, цивилизация Среднего мира Ламанского с центром в Восточной Европе коренным образом отличается от позднейшей теории срединной цивилизации Уилкинсона, расположенной между Западом и Средним и Ближним Востоком

Название «Средний мир» связывает В. И. Ламанского с евразийством, возможно, позаимствовавшим у него свои идеи. Ламанского всё же вряд ли стоит считать евразийцем. Он и в современной российской идеологической историографии оказался вне евразийского геополитического тренда и вне доктрин

¹³³ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка... С. 21.

¹³⁴ Там же. С. 23.

¹³⁵ Там же. С. 21.

неовизантизма и поэтому был незаслуженно отодвинут на задний план, в отличие от К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского.

Разбирая различные подходы к цивилизационному делению Евразии, В. И. Ламанский обращает внимание читателей на теорию А. Л. Шлёцера, делившего Европу и европейскую историю на северную и южную по Эльбе и Дунаю. Согласно этой теории, славяне относятся к северным народам, а романо-германцы — к южным. Сибирь с её коренным азиатским населением А. Шлёцер включил в «северную историю». Таким образом, традиционная для европейского географического мышления линия раздела «юг — север» становится разделом «запад — восток», то есть Юг Европы постепенно в рамках этой системы координат становится глобальным Западом, а Север Европы — Востоком, то есть Восточной Европой. Несмотря на создание Шлёцером антирусской теории норманизма, Ламанский называет его в качестве одного из источников влияния на российскую историографию, который, вероятно, косвенно, через полемику, усиливал в ней панславистскую и славянофильскую доктрины. «Нельзя не признать правоту Шлёцера, согласно которому западные народы Европы являются народами скорее южными, — от греков до англичан и германцев, — если их сравнивать со славянами, конечно. За Эльбой и Дунаем “кончался мир, известный древним”»¹³⁶, то есть западным народам античности, оставившим историографию. То, что оказалось за рамками привычного мира для древнего западноевропейца, в историографию не попало. Формирование концепции Восточной Европы как особой реальности происходило и в трудах западных путешественников в опоре на концепцию славянской земли: «А огромное пространство земли, занятое славянами вместе с инородцами, албанцами, волохами, мадьярами, финнами, литовцами, прозывая её одним словом: Славиею, Славениею или Славониею»¹³⁷, — ссылается Ламанский на немецкого путешественника Феликса Фабера.

В. И. Ламанский фактически первым создал концепцию многонациональной Восточной Европы и России как единой цивилизации и составил полный перечень относящихся к ней народов, которым мы можем пользоваться с некоторыми оговорками (в разделе 2).

Стремясь под влиянием византизма обосновать единство греко-славянского мира, В. И. Ламанский особо упоминает о «явно ложном мнении Реклю и некоторых других французов, соединяющих греков в один мир с латинской расою»¹³⁸. В качестве аргумента Ламанский приводит вражду греков с латинянами в Средневековье. Несмотря на то что, вопреки мнению Ламанского, греки, во всяком случае древние греки, действительно относятся к одной расе с латинской, если иметь под этим происхождение и общий внешний облик; иными словами, позиция Реклю сегодня нашла подтверждение. Сегодня мы видим греков в единстве с Западной Европой. Однако прав и В. И. Ламанский, что вопрос о цивилизационной принадлежности греков непросто и включение их сегодня в состав западного мира может быть только условным. Ламанский, кстати, в этой

¹³⁶ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка... С. 24.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 75.

критической сноске о Реклю говорит о единстве со славянским миром только «средних и новых греков», умолчав про древних греков.

В. И. Ламанским в работе «Изучение славянства и русское национальное самосознание» (1867) была развита теория самопознания народа. Речь идёт о конструировании оптики цивилизационного самоописания. И, как считает С. Лобанов: «Ламанскому также по праву принадлежит особое словоупотребление термина “самопознание”, используемого затем А. А. Шахматовым и утвержденного евразийцем Н. Трубецким. Таким образом, помимо историософской линии (Тютчев — Данилевский — Страхов, Леонтьев), от славянофилов к евразийцам ведёт также и “академическая” линия: Ламанский — Шахматов, Трубецкой»¹³⁹. В. И. Ламанский придал славянофильской историософии эмпирическую научную основу.

Таким образом, опираясь на концепции Данилевского и Ламанского, можно сказать, что концепция восточноевропейской цивилизации на славянской этнической основе к началу XX века уже вполне сложилась. Мысль о том, что славянофильство как направление мысли завершилось вместе со старой Россией XIX века, не соответствует действительности. Оно просто получило новое универсальное качество комплексной историософской, этнологической и геополитической теории.

Конечно, славизм, как и другие платформы, обладает рядом недостатков, на которые указывали (и до сих пор указывают) его критики: недостаточность узкой этнической платформы славянского типа, изоляционизм и отказ от христианского универсализма как необходимого признака цивилизации, проблемы в выстраивании общей цивилизационной платформы с народами других этнических групп. Они должны были быть преодолены, чтобы славянофильско-панславистская платформа продолжила своё развитие. Что и было предпринято рядом авторов следующих поколений мыслителей.

В начале XX века традиции славянофильства совершенно по-новому продолжила группа, объединившаяся вокруг издательства «Путь» (С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, М. К. Морозова, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов и др.). Они популяризировали труды славянофилов и поставили вопрос о религиозно-философском синтезе русского славянофильства и западничества на основе восточнохристианской теологии и философии как пути развития цивилизации России. Показательно название работы Эрн «Время славянофильствует» (1915) о конфликте славянского и германского миров. Однако в целом проект синтеза славянофильства и западничества в либерально-христианском варианте «Пути» оказался неудачным. Сходная ситуация была в попытке общественного движения неославизма в первые два десятилетия XX века, опиравшегося на умеренные либерально-консервативные круги, видевшие славянофильский и панславистский проект как взаимодействие самоопределяющихся славянских народов в общем буржуазно-демократическом русле развития Европы. Славянская цивилизация возможна лишь как радикальный последовательный проект нового общества

¹³⁹ Лобанов С. Владимир Ламанский — теоретик славянского единства [Электронный ресурс] // Православие.ру. 11.08.2003. URL: <https://pravoslavie.ru/archiv/lamanskiy.htm> (дата обращения: 14.09.2023).

и мировоззрения. Большевики-западники, в свою очередь, повторили «синтез наоборот» радикального западничества и выхолощенного славянофильства в социалистической цивилизации СССР. Тем не менее им удалось реализовать славянский проект на деле. В дальнейшем путь славянофильства и панславизма стал возможен лишь как путь творчества универсальной цивилизации, порвавшей с современным глобальным западным обществом. Некоторые его контуры — в заключительном разделе книги.

1.3. Византизм и неовизантизм, православная цивилизация

Именно в Греции, и больше нигде, связываются в один узел все нити мира.

Г. П. Федотов. Судьба и грехи России

Раскольники наши считают себя более византийцами, чем членов господствующей Церкви.

К. Н. Леонтьев. Византизм и славянство

Тема русского византизма включает в себя целый ряд аспектов, в том числе исторических, богословско-философских, библиографических явлений разных времён¹⁴⁰. Во второй половине XIX века в русской, а также болгарской и сербской церковной архитектуре, наряду со странами Запада, сложился не-византийский стиль на базе заимствования стиля крестово-купольных храмов, который ассоциировался с русским национальным и славянским стилем. Он используется до сих пор. Ещё ранее сложился русско-византийский стиль. Византизм стал комплексным культурным явлением, вплетённым в славянофильство и панславизм.

Под обобщающим термином «византизм» я предлагаю понимать целый ряд нередко взаимно противоречащих идейных явлений и течений в России и ВЕ, так или иначе связанных с пониманием в первую очередь наследия греческого мира в период примерно 300–1900 гг. н. э. Несмотря на различия, они образуют некую общую мировоззренчески связанную платформу в понимании цивилизации России и ряда государств ВЕ. К ним можно отнести:

- теории преемства православной цивилизации России и некоторых других стран от Византии, а также исторической миссии по её сохранению (доктрина «Третьего Рима», «Удерживающего» и подобные), их можно назвать первичным византизмом;
- «книжную справу» XVII в. патриарха Никона, царя Алексея Михайловича и других реформаторов по греческим образцам и её идеологию грекофильства;
- русский интеллектуальный неовизантизм XIX–XX вв. (Леонтьев, софиология, Флоровский и др.);

¹⁴⁰ Подробнее о теме русского византизма см.: Баранов С. Русский византизм. Критический очерк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grso.ru/articles/russkij-vizantizm-kriticheskij.html>. 28.07.2022 (дата обращения: 01.03.2023).

- русский культурный и научно-гуманитарный византизм в позднем СССР и постсоветской России (теории рецепции, трансляции, трансплантации византийской культуры, академик Лихачёв, Хоружий и др.);
- новейший идеологический и церковный византизм постсоветской России 1990–2020-х гг. (Панарин, Окара, о. Тихон (Шевкунов) и др.);
- русский эллинизм, ориентированный в первую очередь на усвоение наследия языческой древнегреческой цивилизации (наряду с православной), например платонизма, и её смешанных с ближневосточными культурных форм (Федотов, Сидаш и др.);
- научно-философские трактовки цивилизации России как православно-византийской, в том числе известными западными авторами (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон), нередко некритически принимаемые российскими авторами за научную истину.

*Византизм как духовная философия:
два лика византийской традиции, Запад и Антисапад*

Чтобы разобраться в византизме, необходимо разобраться в его метафизической основе. Будучи укоренённым в православной персоналистской метафизике и мистических вероисповедных практиках православия (исихазме и других), неотделимый от восточной церкви византизм представляет собой чрезвычайно интересное явление, свойственное, правда, в основном русскому миру. Византизм — это прежде всего тип православной духовности, практического духовного мировоззрения, которое находится в области веры; без него византизм не имел бы никакого значения.

Историк русской мысли Г. В. Флоровский назвал в путеводителе по русской философии — работе «Пути русского богословия» — противоречие византизма и славянских национальных черт важнейшей сквозной чертой древнерусской культуры. Причём византизм представлял у него «пневматическую», духовную, дневную сторону, а русские черты — душевную, ночную (различение пневматики и психики восходит к гнозису)¹⁴¹. При этом Г. В. Флоровский относил к византистам не только сторонников государственнической и имперской идеологии, но и их оппонентов, в частности «нестяжателей», — продолжателей традиции исихазма, обладавших, впрочем, яркой национальной спецификой, никак не обусловленной византийскими заимствованиями. К идеологии византизма скорее могут быть отнесены иосифляне, если и не в вопросе о монастырской собственности, то в основных государственных вопросах, например божественности власти русских царей. В действительности не все влияния византийской культуры на русскую могут быть отнесены к феномену русского византизма, который представляет собой чёткую мировоззренческую линию, ориентированную на подражание византийской цивилизации.

¹⁴¹ См.: Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

Сам Г. В. Флоровский был последовательным сторонником актуального византизма и на первой странице своей знаменитой работы утверждал, что «отрыв от патристики и византизма был главной причиной всех перебоев и неудач в русском развитии», а далее: «в этом отрыве от греков завязка и существо Московского кризиса культуры», «кризис византийской культуры в русском духе»¹⁴². Это сказывалось и на его интерпретации фигур: он относил св. Феодосия Печерского к грекофилам. Что ж, ничего удивительного в том, что основатель монашества на Руси следовал греческой традиции. Но в установочных тезисах Флоровского видна попытка дискредитировать и удалить этнический компонент русской цивилизации. Его комплиментарная позиция по отношению к византизму была обусловлена попыткой осуществления неопатристического богословско-философского синтеза на основе мистической линии византийского богословия и создания целостного философского мировоззрения русской цивилизации, следующей из византийской традиции. Позднейшие сторонники неопатристического синтеза в русской философии (например, С. С. Хоружий¹⁴³) вынуждены были становиться на позицию византизма, попадая в эту ловушку неоправданного поспешного обобщения, распространяя синтез в философии на основе святоотеческой традиции и монашеской традиции исихазма на всё русское общество и его культуру, чего, конечно, не могло произойти в действительности. Исихазм был делом монашеского меньшинства. Между тем исихазм, который положен в основу трактовки неопатристического синтеза (сам по себе этот подход к русской философии довольно симпатичен), был явлением позднего кризисного периода Византии, корни которого можно отнести скорее к Ближнему Востоку, чем к Византии, и далеко не доминировал в жизни клонящейся к закату империи, представляя собой альтернативу западной цивилизации.

То, что исихазм был принесён на Русь из Византии, не говорит о перенятии всей византийской цивилизации, а, возможно, даже наоборот, — о её критическом к ней отношении, поскольку исихазм был духовным ответом на кризис византийской цивилизации. Ясно, что по духу и программе иосифляне — сторонники византистской системы. Г. Флоровский, ознакомление с трудами которого стало обязательным пунктом для всех изучающих русскую мысль, создал базу для причисления к византизму всего православного Предания, а вместе с ним — всей традиции русской православной культуры. Данный взгляд является ошибочным, поскольку далеко не всё Предание восходит к Византии, а восходя к эллинизированному Ближнему Востоку, по духу является ближневосточным,

¹⁴² Флоровский Г. В. Пути русского богословия... С. 13.

¹⁴³ См.: Хоружий С. С. Неопатристический синтез и русская философия [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/4061506/horuzhij-s.s.-neopatristscheskij-sintez-i-russkaya-filosofiya> (дата обращения: 17.09.2023); Хоружий С. С. Концепция неопатристического синтеза на новом этапе [Электронный ресурс]. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/11/hor_neopatr_new_etap2013.pdf (дата обращения: 17.09.2023); Хоружий С. С. Исихазм как стержень православной духовности [Электронный ресурс]. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/11/hor_neopatr_new_etap2013.pdf (дата обращения: 17.09.2023); Хоружий С. С. Очерки синэргийной антропологии. М.: Ин-т синерг. антропологии: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 407 с.

хотя и греческим по языку. Исходя из этой конструкции, византизм становится синонимом православного духа, между ними ставится знак равенства. «Нет, не от греческого засилья страдала и пострадала русская богословская мысль, но именно от неосторожного и небрежного прерыва эллинистических и византийских преданий и связей», — писал Г. Флоровский в завершении «Путей русского богословия»¹⁴⁴, имея в виду скорее всего это отождествление. Но византизм следует отличать от любви к православной и вообще к византийской традиции в России, это именно последовательная позиция в *translatio imperii*, превращении её или хотя бы отдельных сфер жизни в реинкарнацию Византии. Показательно, что именно профессионалы-византологи осознавали искусственность этого подхода. Противоположное мнение высказывал С. С. Аверинцев, считавший, что у России и Византии два разных типа духовности¹⁴⁵, причём у Византии тип правовой, рациональный, властный, что соответствует чертам Запада. В мистицизме восточнохристианской культуры Россия пошла дальше Византии.

*Русский эллинизм и его ограниченность.
Противоречия эллинизма и византизма по А. Ф. Лосеву*

Иногда влияние Византии в России рассматривается как передача сокровищ наследия эллинистической цивилизации. Такую точку зрения высказывал известный религиозный мыслитель эмиграции Г. П. Федотов в работе «Россия, Евразия, Византия» (1934), сформулировавший доктрину эллинизма как восприятия древнегреческого и эллинистического культурного наследия от Византии. Истоки этой доктрины лежат, вероятно, у авторов русского Серебряного века и их зарубежных предшественников и аналогов с культом дионисизма/аполлонизма, платонизма, античности и отражают реальную преемственность цивилизации Византии от древнего греческого мира. По всей видимости, этот тезис был глубоко укоренён в западной и русской мысли. А. А. Войтенко так описывает ход и мотивы мысли Федотова как смеси эллинизм/византизм, которые можно назвать типичными для русской интеллигенции и западных учёных: «Федотов говорит, что “Византия представляет органическое, глубокое соединение эллинизма с восточными элементами”. Федотову было важно вернуть Россию обратно на Запад через общий для Византии и Запада культурный фактор “эллинизма”. Отсюда, как нам представляется, и происходят все его рассуждения о русских как о непокорных, но всё же детях Византии, о культурном преемстве Русью наследия Византии и менее радикальные (чем в других статьях) его высказывания об империи ромеев»¹⁴⁶. Несмотря на неприятие византизма сторонниками эллинизма,

¹⁴⁴ Флоровский Г. В. Пути русского богословия...

¹⁴⁵ Аверинцев С. С. Русь и Византия: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим. Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2008. С. 316–318.

¹⁴⁶ Войтенко А. А. «Перед богом справедливости». Антивизантизм Г. П. Федотова // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 3 (27). С. 55. Цит.: URL: <https://vestnik-historicalsciences.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/2/2021/08/152.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

эллинизм следовало бы отнести к разновидности византистского мировоззрения на природу цивилизации России и отчасти ЦВЕ. Эллинизм содержит явную связь с неоязыческим ренессансом Европы с Возрождения и до XX в., что оправдывается его якобы движением к Христианству, или «христианами до Христа». «В глубине христианской Греции-Византии живёт Греция классическая, созревающая ко Христу»¹⁴⁷, — писал Г. П. Федотов. «Но безумием было бы думать, что духовная жизнь России может расти на “диком корню” какой-либо славянской или туранской исключительности... Именно в Греции, и больше нигде, связываются в один узел все нити мира»¹⁴⁸, — аргументировал позицию эллинизма Г. П. Федотов в духе низкопоклонства перед греческой цивилизацией и столь характерного для западников неверия в автохтонные истоки ЦВЕ.

Современный философ Т. Г. Сидаш¹⁴⁹ идентифицировал явление восприятия греческого наследия от Византии византизма как «русский эллинизм» в своём одноимённом сборнике. Хотя Т. Сидаш вполне в традициях византизма считает «русский эллинизм» неким всеобъемлющим влиянием на русскую культуру от Крещения Руси до второй половины XVII века («до Никона»), недаром его интервью опубликовал византистский портал «Катехон»; тем менее Сидаш развивает критический взгляд на византизм в связи с Расколом как на «византийскую прелесть», «грекобесие», ставшее, по сути, подражанием «падшему» народу, в который впал патриарх Никон. Греки и восточные патриархи, присутствовавшие на соборе 1667 года, не могли быть нравственным ориентиром в исправлении суждений о Боге, содержащихся в Предании. Именно нравственное подражание современным им грекам, а не собственно книжную Справу, уже фактически производившуюся ко времени Раскола несколько десятилетий, хоть и не столь грубо и радикально, философ считает причиной Раскола, возлагая вину на Никона и самих греков, участвовавших в церковной реформе и придавших ей степень «грекомании». Неприемлемый для русского общества факт послужил и причиной быстрого преодоления византизма в опоре на современную западную (латинскую) традицию уже в конце XVII века, по мнению данного автора. В XVIII–XIX вв. византизм утратил значение государственной идеологии и сохранился лишь как подчинённая составная часть православно-самодержавной концепции. Собственно, в таком виде он попал к славянофилам и оказался востребованным в 1870-е годы вместе с активизацией балканской политики России, но также наряду с панславизмом. Поднять на щит грекофилию и византизм в чистом виде были способны решиться лишь такие единичные оригиналы, как К. Н. Леонтьев.

Под философией «русского эллинизма» Т. Г. Сидаш понимал христианский платонизм, который, согласно ему, является вариантом рационализированного христианства. Основным источником восточной патристики как основы идео-

¹⁴⁷ Федотов Г. П. Судьба и грехи России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 64–65.

¹⁴⁸ Там же. С. 65.

¹⁴⁹ Сидаш Т. Г. Русский эллинизм // Сидаш Т. Г. Избранные статьи: в 2 т. Т. II. СПб.: Квадривиум, 2016. 1102 с.

логии византизма и православного образа жизни для Древней Руси выступает, по мнению Т. Г. Сидаша, св. Иоанн Златоуст, поскольку произведения остальных отцов Церкви были известны на Руси лишь точечно. Однако именно в понимании платонизма как части византийской православной традиции состоит ошибка. Платонизм суть западная доктрина, противоречащая мистике и вере христианства. Если вообще допустить возможность использования такого сочетания, ибо платонизм и христианство мало совместимы. Платонизм есть западный рационализм, квинтэссенция духа западной цивилизации. Ошибочно платонизм иногда выдаётся поверхностными идеологами за всеобщую философию духа. Христианство преимущественно по форме ближневосточный продукт, ближневосточная культура с вселенским и даже надмирным содержанием, без ближневосточной культурной формы его сложно воспринять, будучи на позициях западного рационализма. Восточная Европа и Россия по отношению к ним — это особый, третий вариант, нашедший в христианстве своё, близкое, но отнюдь не «платоническое».

По мнению А. Ф. Лосева, напротив, эллинизм как языческое мировоззрение и православная византийская духовность суть два противоположных и даже антогонистических мировоззрения. В этом плане очень интересны высказывания А. Ф. Лосева, приводимые А. И. Сидоровым в предисловии к «Антропологии св. Григория Паламы» архимандрита Киприана (Керна): «А. Ф. Лосев рассматривает “эллинское язычество” и “византийское Православие” как “два до последней глубины противоположных друг другу культурных типа”. И “примириться им невозможно без самоубийства; и приходится им убивать друг друга, друг друга анафематствовать”. В рамках такого непримиримого противоречия двух “культурных типов” А. Ф. Лосев анализирует борьбу св. Григория Паламы и исихастов с Варлаамом и его последователями. “...как типы устройства жизни, как *социальные единицы* они могут только анафематствовать и расстреливать друг друга” (Что, кстати, и происходило)»¹⁵⁰. Можно добавить, А. Ф. Лосев с «аттической солью» назвал платоновский античный идеализм бесплодной «мистической педерастией»¹⁵¹. Любопытно, что вопреки этому самого А. Ф. Лосева в массе искажённо воспринимают как «эллиниста»; возможно, благодаря его просветительству в сфере античного и возрожденческого философского наследия. Поэтому обосновать системообразующее влияние эллинизма на русское православие, по-видимому, не получится. Если иметь в виду, что Русь в лице части духовенства и верхушки и усвоила тип византийской духовности, то это будет «линия Паламы» (исихазма), а не «линия Варлаама», которая была ей чужда, хотя это может не касаться части представителей верхушки русского общества.

¹⁵⁰ Сидоров А. И. Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // Арх. Киприан (Керн). Антропология Св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 452 с. Цит.: URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/54/19/page02.htm> (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁵¹ См.: Лосев А. Ф. Учение Платона об идеях в его систематическом развитии // Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.

*Византия как Запад.
Византизм как раннее квазизападничество*

Однако какова реальная суть позиции византизма по отношению к Восточной Европе? Византия в западной и российской науке рассматривалась как отдельная оригинальная цивилизация. Соответствует ли это фактическому месту Византии в истории? К какой цивилизации относилась сама Византия? С высоты современного видения корней и истории Запада вряд ли стоит доверять устоявшимся стереотипам о некоей исключительности Византии и вырывать её из общей истории Южной Европы. Прежде всего, следует учесть, что цивилизационная принадлежность Византии — это вариант империи Запада, продолжения Римской империи на древнегреческой этнической почве. Греки, особенно в доосманский период, — западный народ, всегда очень сильно отличавшийся от восточноевропейцев, а в особенности русских. Долговечность Византии во многом предопределена наличием византийской нации, одной из первых наций в мире, сложившейся на греческой и родственной грекам малоазийской этнической основе, а не включением народов других цивилизаций («многонациональность») в «один котёл», которое скорее привело бы к разрушению.

Позднейшие термины «Византия», «Византийская империя» и «византизм», не имеющие прямого отношения к обозначаемому ими историческому объекту, не должны вводить в заблуждение. В течение всего периода существования Восточной Римской империи термина «Византия» не существовало. Вместо него была Ромейская (Римская) империя. Так, В. А. Чудинов отмечает: «Впервые ромейское государство назвал Византией немецкий историк Хиеронимус Вольф в 1547 году, а широкое употребление название “Византия” приобрело лишь в XIX веке в рамках научного направления византистики»¹⁵².

Введение термина «Византия» было обусловлено попыткой западных интеллектуалов обозначить особенности Восточной Римской империи, не вписывающиеся в готическую, феодальную или буржуазную концепции Запада. Отсюда и негативная нагрузка термина «византизм», обозначающего тип политического режима, построенного на дворцовых интригах вокруг императора. Византия — разновидность, пусть и своеобразная, западной цивилизации, напрямую наследующая античный греческий и отчасти римский мир. Следовательно, сторонники византизма — западники, пусть и в православно-греческом варианте. Данный вердикт нельзя признать однозначным, но логика такова. Несмотря на масштабные заимствования, Русь не стала Римской империей, равно как и Болгария, Сербия, Моравия.

Поэтому, когда перед языческими монархами Восточной Европы стоял вопрос выбора христианской веры между Константинополем и Римом, это был выбор между двумя западными вариантами заимствования. Так ли уж они противоположны? Фактически византизм — это компромиссный вариант запад-

¹⁵² Чудинов В. А. Начало книги И. Деретича об истории сербов и русов [Электронный ресурс] // В. А. Чудинов. 27 сентября 2014 года. URL: <http://chudinov.ru/deretich/> (дата обращения: 17.09.2023).

ничества для Восточной Европы, опирающийся на традицию, альтернативную по отношению к Просвещению и западноевропейскому капитализму. Реальная противоположность Запада и Византии существует лишь на том духовном уровне, где проявляется «линия Паламы» (отсюда исихазм столь важен для русской православной идентификации), но отнюдь не во всех аспектах. Считается, что для русских характерно преувеличение отличий Православной греческой и Римско-католической церквей, особенно в ранний период.

Византия, будучи в эпоху расцвета развитой разновидностью западной цивилизации, к эпохе своего заката, к концу XII века, стала заметно отличаться от растущей Западной Европы, а к XVII–XVIII векам стала восприниматься на Западе как другой, восточный мир, как самостоятельная цивилизация, к тому же прекратившая своё существование под османским владычеством. Падение Византии в 1453 году подвело черту под старым Западом и было признаком (фактором) наступления Нового времени.

Византия существенно отличалась от феодализма и раннего капитализма Южной и Западной Европы, а по мере становления развитого капиталистического общества эти различия стали бросаться в глаза. Тем не менее нет никаких оснований отделять Византию от современного ей западного мира поздней античности, раннего и зрелого Средневековья, который всё больше проникал в Византию в последние периоды её жизни уже в качестве колонизатора.

С позиций же носителей восточноевропейской идеологии, таких как К. Н. Леонтьев, важно было найти яркий и сильный образ развитой цивилизационной альтернативы, отличающейся от предлагаемого западного пути. Других альтернатив, кроме Византии, для современников XIX века просто не было. Таким образом, византизм становился своего рода символом респектабельной традиции, с которой в конечном счёте и Запад вынужден будет считаться как со своим неотъемлемым наследством. В действительности же византизм, как мы видим, представляет собой «холостой ход по кругу», или мнимую альтернативу западничеству для Восточной Европы. Такой альтернативой в действительности явилось православие как вариант приобщения к Вселенской церкви, верность которому как традиции далеко выходит за рамки византизма и представляет собой уже самостоятельную восточноевропейскую христианскую традицию.

Византия и славянство: геополитические враги?

Империя ромеев на протяжении веков являлась геополитическим врагом и жестоким завоевателем славян. Равно и славяне рассматривали Византию как своего противника. Применительно к Руси Византия выступала как источник претензий на верховенство в Церкви и интриг при назначении киевских и московских митрополитов и патриархов. Славян и ромеев различали разный стиль жизни, социального устройства и тип человека.

Объектом конкурирующих притязаний Византии и славянских монархий выступали долина Нижнего и Среднего Дуная, Северное и Западное Причерноморье, Балканский полуостров, что делало отношения обеих сторон непримиримыми, ибо интересы славян угрожали самому существованию Византии.

Прежде всего, речь идёт о завоевании и порабощении Византией южно-славянских государств Болгарии, Македонии и Сербии в X–XII вв. Для Византии южнославянские государства превратились в колониальную периферию, объект эксплуатации и порабощения, эллинизации, — и это уже после Крещения южных славян! Византия в XII веке проводила систематическое уничтожение славяноязычной культуры и письменности Болгарии и Македонии. В дальнейшем это не могло не сказаться на отношении южных славян к византийскому наследству и, в частности, к вопросу о конфессиональном подчинении Константинопольскому патриархату, который стал одним из «камней преткновения» для русских византистов (вопрос об автокефалии Болгарской церкви).

В предыдущий период VII–VIII вв., период расселения и завоевания Балкан славянами, славяне также рассматривали Византию как геополитического врага, и не только предки южных славян, но и восточных. Византия выступала противником древнерусского государства и в качестве союзника Хазарии, и в качестве строителя каменных крепостей по Дону против вероятного славянско-аланского государства в Левобережье Днепра.

Древнерусское государство вело активные военные действия на Дунае и в Чёрном море, совершая нападения на окрестности Константинополя (походы Олега, Игоря). Святослав даже рассматривал вопрос о переносе столицы на Дунай (Переяславец, Доростол), что было вторжением на территорию, которую Византия считала своей, несмотря на наличие там Болгарского царства. В период после завоевания Византией Болгарии Русь во главе с князем Владимиром вела войны с Византией в Тавриде (Крыму). До этого Русь закрепились в Босфоре Киммерийском (Керчи). Значительная часть богослужебной литературы и священников пришла на Русь после Крещения не из Византии, а из Болгарии, из Преслава на кириллице и Македонии из Охрида на глаголице (от школы Климента Охридского). Оба центра были тесно связаны между собой.

Хотя ситуация после мирного договора Владимира и Крещения Руси в 988 году изменилась и мирные связи Руси и Византии расширились, вряд ли можно говорить о полноценном цивилизационном симбиозе восточных славян и Византии. Отношения Руси с Западом в X–XII вв., а также с западными славянами, подчинёнными Риму в церковном отношении, не уступали отношениям Руси и Византии, а превосходили их по своей интенсивности. В качестве свидетельства приводятся династические браки киевских князей, из которых 27 приходится на католические страны, в том числе 13 на Польшу и Венгрию, и только 3 на Византию, 3 — на половцев. Первой крупной церковью в Киеве была Десятинная, а церковной десятины в Византии не существовало, эта правовая норма заимствована Русской церковью у католиков. Сама форма этого храма напоминала длинные базилики, которые в Византии в то время уже не строились, а были крестово-купольные храмы. Есть ряд других примеров, показывающих, что Русь не была преимущественно зависима именно от Византии, а также и от других стран Запада и славянских народов, передававших переработанный западный опыт.

С начала XIII века Византия окончательно утратила роль мирового торгового и культурного центра и стала протекторатом средневекового Запада в лице Латинской империи, крестоносцев, итальянских республик. Завершающим негатив-

ным для единоверцев славян и валахов аккордом Византии стала Флорентийская уния и предательство православия, которые и предопределили избирательное отношение к византийскому наследию со стороны набирающей силу восточно-европейской цивилизации. Критерием селекции выступал объединяющий славян и греков духовный фактор укрепления православного вероисповедания, а если речь шла о материальном или формальном в церковных делах, то в ход шло соответствие критериям славянской цивилизации. Примером цивилизационных различий является создание и существование монастырей на Афоне по национальному признаку, прежде всего славянских и греческих.

*Византизм после Византии:
«рождение» Третьего Рима в России*

В разные эпохи русский византизм проявлялся в разных формах и личностях. В. А. Бачинин в работе «Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма» назвал следующих представителей византизма в русской мысли: Филофей, Иосиф Волоцкий, Иван IV, Сильвестр, патриарх Никон, Филарет Московский, А. Хомяков, К. Леонтьев, К. Победоносцев¹⁵³, которые противостояли «русскому протестантизму». Не со всеми фигурами можно согласиться, но в целом они укладываются в державную схему византизма.

До второй половины XV века византизм как система взглядов на Руси ещё не сложился. Можно говорить о некоторых попытках заимствования форм культуры, символов, ритуалов, церковной традиции и богослужебной культуры и частично литературы, за которыми стояли определённые мировоззренческие мотивы, которые можно истолковать как восхищение Византией или частью её цивилизации. Вообще византизм как восточноевропейское мировоззрение, основанное на преемстве Второго Рима, не был характерен для Древней Руси X–XIV вв. (как и вообще для славянского мира), хотя отдельные его проявления, возможно, имели место (Софийские соборы в Киеве, Полоцке, Новгороде, заимствования права, влияние исихазма). Однако высказывалось и другое мнение. В частности, его высказывал Г. П. Федотов. Он говорил о том, что максимального уровня влияние цивилизации Византии на цивилизацию Руси достигало в древнерусский домонгольский период (до туранского влияния), совпадавший с последним взлётом Византии, до её погрома крестоносцами. Согласно Федотову, появилась и идеология византизма в лице Митрополита Иллариона («Слово о Законе и Благодати»), Кирилла Туровского и Климента Смолятича. Отнесение данных мыслителей к византистам может быть только условным, с натяжкой, поскольку они просто выражали православное учение (сам Г. П. Федотов, будучи «эллинистом», по большинству работ и идей принадлежал к антивизантистам, прежде всего из-за неприятия доктрины Третьего Рима, антизападни-

¹⁵³ Бачинин В. А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма (Очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 363 с. Цит.: URL: <http://uuchurch.ru/vizevangelizm.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

ческого пафоса византизма, а также приписываемого им греческой патристике монофизитства)¹⁵⁴.

Однако византийская культура как православие осваивалась на Руси постепенно: по мере развития цивилизации и образованности её пласты оказывались востребованными. Появление и развитие византизма как мировоззрения восходят к периоду после падения Византии — зрелой Московской Руси — Российского царства второй половины XV — третьей четверти XVII в. Спротивление претензиям Византии на гегемонию в православном мире и осмысление её падения переросли в подражание ей. В течение двух веков заметен рост влияния идеологии византизма на государственное устройство, прежде всего на содержание артефактов письменной культуры, внедрение заимствований из византийского права. После падения патриарха Никона и масштабного Раскола влияние византизма снижается. А начиная с Петра византизм — это уже альтернативная культура «глубинной» России.

Сегодня, как и в Средневековье, существует своего рода самоидентификационный миф о византийском наследии Руси как составной части идеологии византизма. Ранее миф касался наследования императорской власти великими князьями московскими и обоснования вселенской миссии Москвы как столицы Вселенской церкви и империи. Москва вынужденно вступила в символическую тяжбу за византийское духовное наследство в ходе борьбы за самостоятельность и своё место в картине истории.

*Формирование византизма на Руси
(Пахомий Серб, Прохор Сарский, митрополит Зосима,
Досифей Топорков, Филофей Псковский).
Византизм в доктрине Третьего Рима*

Первоначально московский византизм, под влиянием которого происходила рецепция византийского права, фиксируется в трактате неизвестного автора «Слово... на латыню» 1461–1462 гг. как обоснование автокефалии Русской церкви перед фактами Флорентийской унии и падения Константинополя. Согласно Б. М. Клоссу, «Слово... на латыню» по существу является манифестом нового православного царства, или, как выразился митрополит Иона, «православного великого самодержавства». Обоснование автокефалии Русской церкви и мысль о перемещении центра православного христианства в Москву являются стерж-

¹⁵⁴ Войтенко А. А. «Перед богом справедливости». Антивизантизм Г. П. Федотова // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 3 (27). С. 54, 58. Цит.: URL: <https://vestnik-historicalsciences.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/2/2021/08/152.pdf> (дата обращения: 17.09.2023). Войтенко цитирует статью «Три столицы» (1926), где Федотов даёт трактовку высокой роли Византии в цивилизации Древней Руси: Федотов Г. П. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). 2-е изд. Paris: Умска-press, 1988. С. 54. Также автор статьи приводит раздел «Формула византизма» последней книги Федотова «Русская религиозная духовность», где «Русское и византийское христианство характеризуется им как два разных явления» (с. 58). Там Федотов назвал трёх византистов Древней Руси: Климента Смолятича, Кирилла Туровского и Илариона Киевского.

невыми темами произведения»¹⁵⁵. (Это был год накануне вступления на великокняжеский стол ключевой фигуры — Ивана III.) Василия II автор «Слова» Пахомий Серб именуется императорским титулом «царь» («великодержавный Русский царь»), восходящим к традиции Рима и Византии. Для Москвы XV века было важным преодоление диссонанса между мощью сложившейся северорусской империи, намного превзошедшей все остальные великокняжеские империи Руси, и глубоко провинциальным формальным статусом Московского княжества, почти равным какому-нибудь Тверскому княжеству. Позиция византизма обосновывала права на династическое преемство московскими великими князьями титула византийских императоров в легенде о шапке Мономаха в «Сказании о князьях Владимирских» (время появления обоих предположительно 1498–1527 гг.), являющимися прямыми потомками Владимира Мономаха через Юрия Долгорукого. Впрочем, особенность власти византийских императоров не предполагала обязательного наследования императорского титула через потомков, поэтому даже в случае если бы эта легенда была правдой, она бы значила не больше, чем средство влияния на межгосударственный статус русских царей, на тот момент ещё Великих князей.

В дальнейшем византизм получил развитие в доктрине Третьего Рима, в которой он уже приобретает более последовательный характер. Создателем концепции «Москва — Третий Рим» предположительно является митрополит Зосима. Он провозглашает Москву Новым Константинополем, одновременно подчёркивая, что Константинополь является Новым Римом. Доктрина появляется в предисловии к «Изложению Пасхалии» 1492 года в преддверии 7000-летия мира (с ним были сопряжены драматические ожидания кончины мира во всём христианском мире), которая, предположительно, связана с кругом митрополита Зосимы, обвинённого в более поздних текстах в тайном участии в ереси жидовствующих, если только текст Пасхалии принадлежит ему, а не другим авторам, которые так или иначе передали его в митрополию (по другим версиям, наиболее вероятный автор Пасхалии 1492 года епископ Прохор Сарский, авторство которого считается в современных исследованиях наиболее вероятным¹⁵⁶). Это первая прямая формулировка доктрины. В 1492 году ожидался конец времён, эта дата поставила вопрос о смысле времени и его продолжении, после того как конец света не состоялся. По сути, вопрос об истинном осевом времени — концепции истории и его проекции на текущую историю России и Церкви. Рождение византизма было своего рода ответом на кризисную духовную ситуацию и на её еретические трактовки. В известной мере доктрина Третьего Рима была антивизантийской.

Формирование доктрины Третьего Рима проходило в конце XV — начале XVI века на фоне борьбы двух политико-идеологических группировок: сторонников Софьи Палеолог, ориентирующихся на католический Рим и Запад (вариант католической контрреформации и включения России в Запад), и сторонников

¹⁵⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.

¹⁵⁶ Там же.

ереси «жидовствующих» (московско-новгородской), ориентирующихся на Юго-Восточную Европу и антисистемную идеологию каких-то направлений иудаизма или радикальных сект богомильского типа (специфический радикальный вариант реформации). Обе идеологии, стремившиеся к влиянию на создающуюся Российскую империю, были чуждыми России и Восточной Европе. Обе придворные партии в той или иной мере могли прикрываться в своей деятельности внешними византийскими атрибутами, которые уже вошли в символический код Русского царства: сторонники Софьи Палеолог — родством с последними византийскими императорами, а упомянутый сторонник ереси «жидовствующих» митрополит Зосима — формальной поддержкой доктрины «Москва — Новый Рим» от имени своей кафедры. Третьим путём и альтернативой обеим группировкам и стал настоящий духовный византизм нестяжателей и иосифлян. Палеолог была лишь символом византизма, который не давал великим князьям никаких династических прав, фактически же за ней стояла проватиканская позиция, прямо противоположная претензиям русского византизма на наследие Второго Рима и первенство перед Первым Римом.

«Мировое положение Российского государства осмыслено в Русском хронографе, составленном в 1516–1522 гг. “великим старцем” Досифеем Топорковым. Всемирная хроника доведена до 1453 г., до падения Византийской империи, и представлена как история смены мировых монархий. В финальной части переплетены судьбы Византии, южнославянских народов и Руси. Таким образом, трудами автора Пасхалии 1492 г. Прохора Сарского и составителя Хронографа Досифея Топоркова создана теория о Русском царстве как преемнике Византийской империи, о перемещении центра православного мира в Москву, которая под пером митрополита Симона стала называться Новым Римом»¹⁵⁷. Таким образом, идеи Москвы как преемника Византии были распространены и до Филофея как ответ на мировоззренческие и политические вызовы второй половины XV века. Доктрина была связана с интересами укрепления правящей династии и превращения её в императорскую, а Великого княжества Московского в Русское царство, что соответствовало реальным размерам сложившегося государства. На этот же период приходится и появление легенды о шапке Мономаха и обновлённого варианта данной инсигнии, переделанной из золотоордынского подарка, а также начало использования двуглавого орла — герба Константина Великого в качестве герба московских царей. Византизм воспринимался своими адресатами не как абстрактная идея, а как реальные фигуры и символы, привязанные к определённым лицам правящей династии, без которых он вообще не имел бы политического значения.

Позиция первоначального византизма получила своё полное оформление в доктрине «Москва — Третий Рим» Филофея Псковского. Некоторые исследователи считают, что она заимствована из Болгарского царства (1186–1393), из концепции Тырново как его столицы и преемника Константинополя в ходе второго южнославянского влияния на русскую литературу: «Общепризнано, что

¹⁵⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.

Филофей назвал Москву Третьим Римом под болгарским влиянием, в частности под влиянием болгарского перевода Хроники Константина Манассии, называющего Тырново “новым Царьградом”. П. Н. Милюков сформулировал эту гипотезу следующим образом: в благодарность за помощь, оказанную южным славянам Москвой, те наделили её званием “нового Царьграда” и “Третьего Рима”; таким образом, основной источник измышлений Филофея обнаруживается в болгарском переводе Хроники Манассии, который он должен был использовать при составлении Хронографа Русского редакции 1512 г. П. Н. Милюков считает её автором Филофея. Мы признаем значительное влияние южных славян на формирование московской идеологии, но в том, что касается Филофея, если отставить гипотезу Шахматова относительно Хронографа 1512 г., этот тезис кажется нам ошибочным в силу различных причин. Нет необходимости объяснять появление нашей формулы у Филофея влиянием болгарской хроники, достаточно неопределённо называющей Тырново “новым Царьградом”. Ведь уже в 1492 г. митрополит Зосима официально присвоил титул “нового Константина града” Москве», — указывает Д. Стремоухов¹⁵⁸.

Тырново или поднимающаяся Москва — города, далёкие от уровня мировой столицы, поэтому эти аналогии с Царьградом звучат довольно смешно. Концепция Тырнова была прагматической, поскольку Болгарское царство претендовало на близлежащие византийские территории и на сам Царьград.

Для Руси концепция уподобления Москвы Риму стала мегаидеей, далёкой от политических реалий византийского наследия. Несмотря на отделённость от земель бывшей Византии, русские довели югославянскую альтернативную Византии идею Тырнова как Третьего Рима до масштабов крупной геополитической и историософской идеи. Причём дальнейший рост геополитических масштабов идеи был не ограничен и зависел только от военно-политической мощи России. Рано или поздно она должна была приблизиться к границам империи ромеев, что и произошло в конце XVIII века с созданием Новороссии как нового южного варианта Российской империи.

Но идея русского византизма появилась именно благодаря межславянскому взаимодействию, а её перспективы основывались на построении славянской империи из разных восточноевропейских народностей православного вероисповедания. Реализация идеи Третьего Рима была невозможна без славянской взаимности.

Нужно отметить, что политическая доктрина Третьего Рима как *translatio imperii* Рима стала общим местом политической идеологии Европы. Кроме России XV–XVI вв. и второй половины XIX в., была принята на вооружение многими государствами Запада, Болгарией, Сербией и Османской империей в разные периоды их истории, но именно в те моменты, когда их правители строили новую империю и остро нуждались в легитимации своих глобальных притязаний. Теория Третьего Рима — смысловая конструкция западного типа,

¹⁵⁸ Стремоухов Д. Москва — Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Пер. И. И. Соколовой. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 437–438. Статья подробно раскрывает тему возникновения доктрины.

призванная показать связь новой империи именно с историей Запада, поскольку количественно её использование явно преобладает как раз на Западе. Позднее в Европе возобладали уже идея преемства германских империй друг другу, а не Древнему Риму и Византии: Священной Римской империи германского народа, Второго и Третьего рейха. США рассматривали себя как наследника Древнего Рима, активно используя символику (Капитолий, Сенат). В этом плане русская доктрина Третьего Рима в её чисто политической составляющей не оригинальна как продукт заимствования из мировоззренческих оптик западного типа, пусть и через Восточную Европу.

Вместе с тем она обладает своими специфическими чертами, а именно православным эсхатологизмом и ролью царя как Катехона, что и придаёт ей глубокое метафизическое значение, отличающее её от остальных вариантов. В частности, в послании Филофея Псковского Мисюрю Мунехину как мотив для преемства Москвой роли Катехона проводится идея о духовном падении, духовной смерти западных христианских империй, которые тем не менее продолжали существовать в действительности: «вся христианская царства приидоша в конец». Если это не так, то доктрина значительно проигрывает.

Однако для Руси эти царства уже духовно умерли. Москва как бы отмежевалась от мира западных государств, противопоставив себя им на почве защиты христианства. Всё это очень символично применительно к периоду начала XVI века — начала Нового времени, перехода к модерну, которое как система исчисления времени не признаётся автором доктрины. Москва как Третий Рим остаётся в другом веке — другой временной оси, чем колониальный капиталистический Запад. Это осевое время с момента создания мира, которое не завершено. Ключевыми идеями раннего русского византизма являлись божественная природа царской власти и миссия царя как Катехона, главной миссией которого была борьба с Антихристом и его приближающимся царством — Новым временем, модерном или так называемой современностью, в которой события находятся в одном времени независимо от их духовного статуса и отношения к вечности.

Вместе с тем доктрина «Москва — Третий Рим» является типичной доктриной Нового времени и эпохи Реформации, поскольку опирается не на авторитет традиции, а на фактор изменившихся обстоятельств и на собственную позицию национального самосознания русских, по аналогии с лютеранством как самосознанием германских наций, хотя и в оппозиции к нему. Применительно и к доктрине Третьего Рима, и ко всему корпусу русского византизма можно сказать, что они имеют большое значение для самоопределения восточноевропейской цивилизации не как узкополитическая, а именно как православная метафизическая доктрина, инкорпорированная в политическую и религиозную практику.

Важнейшими проявлениями идеологии византизма в политике Руси являются венчание на царство Иван IV (Грозного) в 1547 г., в соответствии с которым он стал считаться наследником титула римских императоров («царя» наряду с «государем»), а также введение Патриаршества на Руси в 1589 году. Высказывались предположения, что автором идеи «царства» был сам юный Иван Грозный наряду с митрополитом Макарием. Поэтому можно сказать, что ему были не чужды идеи византизма, связанные с обожествлением царской власти и введением её

руководящих функций по отношению к Церкви, хотя он относился к греческой православной традиции скептически: «Вера моя русская, а не греческая», — говорил Грозный папскому легату Поссевино¹⁵⁹. Таким образом, византизм выполнял подсобную роль для идеологии Ивана Грозного.

Высшим закреплением византизма как официальной идеологии Русского царства стало включение формулы «великое Российское царствие, Третьей Рим» в Уложенную грамоту Константинопольского патриарха при учреждении Патриаршества на Руси при Фёдоре Иоанновиче в 1589 году. Она завершила создание опирающейся на византизм институциональной модели имперской светской и духовной власти «царь+патриарх», независимой от каких-либо внешне- и внутривосточных обстоятельств жизни Русского государства. Оба института самодостаточны и образуют единое целое. Россия стала в самосознании русских как бы империей «свыше», осевой империей в вечности. Таким образом, можно сказать, что в течение XVI века программа-минимум византизма, намеченная в конце XV века, была реализована: перенята патриаршая и императорская власть, введена автокефалия Русской церкви, создано самодержавное имперское государство. Здесь происходит отрыв доктрины русского византизма в собственную мировоззренческую оптику от статуса заимствованной псевдоморфозы. Это оказало огромное влияние на последующие судьбы самоопределения русской государственности как богоизбранной, от первых Романовых до Сталина.

Программой-максимум византизма было перенесение власти русских царей на все православные страны Восточной Европы, которую византисты попытались реализовать уже в XVII веке вместе с объединением древнерусских земель Южной и Западной Руси. Для этого была необходима культурная унификация: книжная и богослужебная на общей греческой основе, прежде всего для русского ареала, в котором использовался русский язык. Для этого была начата первоначальная Книжная Справа.

Умеренный византизм в духе начала XVI века с доктриной Третьего Рима стал основой для кружка «ревнителей благочестия». Однако из-за усилившегося в ходе Справы влияния греческого духовенства византизм всё больше приобретал уже не политически-историософскую и моралистическую форму, а форму грекофильства и заискивания перед греческим духовенством, являвшимся поставщиком культурного материала для византистской традиции и стороной, удостоверяющей его аутентичность. Это было необходимо для реализации широкой имперской программы Руси, которая становилась для московских царей геополитически неизбежной из-за борьбы за доминирование в Восточной Европе с Речью Посполитой и Османской империей. Нужно было подстраивать православную культуру Москвы под особенности православной культуры возвращаемых земель. Произошёл раскол византизма на ранний (узкий, «московский») и зрелый (широкий) варианты. Хотя, по сути, это единый мировоззренческий комплекс, разделение которого было трагическим.

¹⁵⁹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. [Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1–10. Т. 10]. Санкт-Петербург: 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1851–1871.

*Византизм патриарха Никона и его особенности:
самоубийственная грекофилия*

Концептуальную определённую и дальнейшее развитие византизм получил в работах реформаторов Церкви при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче, видевших в греческих канонах вариант, альтернативный западной модернизации, и путь к оформлению восточноевропейского блока во главе с Россией — покровительницей православия. И патриарх Никон («по вере и мыслям я грек», говорил он), и царь Алексей Михайлович стали ключевыми фигурами зрелого широкого русского византизма.

Патриарх поддержал формулу доктрины «Москва — Третий Рим», опираясь на достижения предыдущего века — Уложенную грамоту. Это оформлено как «Известие об учреждении Патриаршества в России» в Кормчей. Но Никон развил её в формулу, которую можно было бы назвать «Москва — Новый Иерусалим». Формула византизма изменилась по сравнению с ранней русско- и москвоцентричной и критичной к грекам доктриной Третьего Рима: теперь к наследникам Рима относились греки и все народы, придерживающиеся православия. Тем самым современные греческие клирики были реабилитированы в качестве авторитетного источника церковного Предания. Византизм патриарха Никона противоречит изначальной установке доктрины «Москва — Третий Рим» о том, что падший Второй Рим больше не обладает святостью и не может иметь приоритета над Русью в вероисповедных делах. В ходе реализации церковной реформы он столкнулся с результатом сильного антигреческого и эсхатологического влияния первоначальной доктрины византизма на умы великороссов и постарался обойти её смысл. Вместе с тем Москва попыталась построить преемство напрямую от Иерусалима, расширив идейную историческую базу доктрины за пределы истории Рима и Византии и поставив себя в равную позицию с ними по отношению к ближневосточным истокам христианства.

Слова Никона о том, что он греческой веры, прямо противоречат сказанным за 100 лет до того словам Ивана Грозного о русской вере. Возможно, оба риторически преувеличивали свои позиции. Как ни странно, миф о византизме и его русском воплощении ассоциируется с блеском форм поздней древнерусской культуры эпохи Алексея Михайловича, её московскими луковичными куполами разноцветных храмов (которых не было в Византии), и «бытовым исповедничеством», мегапроектами перенесения святых мест на Русскую землю Иверского Валдайского и Воскресенского Новоиерусалимского монастырей. При этом забывают, что за церковными реформами и блеском позднего византизма скрывается зияющая трагедия Раскола.

Никоновский византизм был реакцией на западническую проголландскую политику правительства реформаторов под руководством Морозова и Милославского¹⁶⁰. Вместе с тем византизм Никона носил революционный обновленческий характер, направленный на реформу Русской церкви путём книжной Справы

¹⁶⁰ См.: *Нефёдов С. А.* Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 22–52.

по новогреческому образцу, сложившемуся в условиях кризиса и распада Византии в поствизантийской греческой общности внутри Османской империи. Исправление нравов городских прихожан (бытовое исповедничество?) и книг «ревнителями» было своеобразной линией консервативной революции сверху в ответ на попытки модернизации в духе Нового времени. Она была направлена в числе прочего на ликвидацию остатков общинного славянского языческого уклада в жизни великороссов, не соответствующих нормам православного культа (или пуританизма в духе протестантской этики?). Церковную реформу вполне можно рассматривать как часть модернизационных реформ в середине XVII века, осуществляемых путём внешних заимствований.

Доктрина византизма в России изначально формировалась на основе сопоставления церковного опыта и правил с греческими образцами, то есть в работах, которые исполняли и обсуждали правильные заимствования у греков. Исходя из этого факта, что правщики вынуждены сверяться с подлинником, не могло быть речи о равноправии русской и византийской культур. Хотя, исходя из цивилизационной позиции, Россия должна была бы по собственной воле на свой страх и риск выступить законодателем новых канонов в соответствии с древней традицией христианского Востока и заставить принять их греков, тыкая их же в собственных предшественников. Но под влиянием византизма и геополитических планов, а также интеллектуальной слабости всё получилось наоборот.

Слишком раболепный византизм, следующий его новейшим западным мутациям, не понравился многим русским, ориентирующимся на собственную традицию, и вызвал Раскол, сторонники которого, в свою очередь, опирались на более ранние идеи русского византизма — «Третьего Рима», иосифлянской монархии и исихастского нестяжательства.

К. Н. Леонтьев отмечал, что старообрядцы опирались на свою версию византизма: «Даже раскол наш великорусский носит на себе печать глубокого византизма. За мнимую порчу этого византийского православия очертилась часть народа на Церковь и правительство... Раскольники наши считают себя более византийцами, чем членов господствующей Церкви»¹⁶¹. Это подтверждает, что византизм в XVII веке уже представлял собой для русских некую общую мировоззренческую платформу, которая действовала независимо от текущего отношения к грекам. С точки зрения историософского содержания Раскол — это конфликт двух исторически разных версий византизма — раннего, образца XV–XVI вв., и позднего. Однако за этим содержанием стоит рост национального самосознания и запрос на собственную версию христианского мировоззрения, которая и сложилась у старообрядцев.

До эпохи Никона грекофильство и низкопоклонство перед греками не были характерны для русских, в том числе и носителей умеренного византизма в духе доктрины Третьего Рима. Показательна критика греческого снобизма в «Преннии с греками о вере» (1650) клирика-дипломата русского книжника Арсения Суханова, представляющего собой развёрнутую славянскую антивизантист-

¹⁶¹ Леонтьев К. Византизм и славянство // Леонтьев К. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 49.

скую концепцию, исходящую от участника спора игумена-сербя, напрямую соприкасавшегося с ними. В споре центральное место занимает версия миссии свв. Кирилла и Мефодия, якобы выступавших против греков. Здесь мы видим солидарную общеславянскую позицию, восходящую к основам славянской письменности и культуры.

Эта яркая антигреческая трактовка кирилло-мефодиевской традиции, в которой греки IX века предстают хуже современных им римлян в качестве носителей имперского шовинизма, в тексте «Прений» проявилась непосредственно: «Да тот же игумен говорил: греки де горды и нам сербом из давних веков ненавистны. Как де мы сербы и болгары крестились, и государи де наши посылали к ним греком, чтоб оне нам преложили книги на словенской язык; и оне де нам отказали, ненавидя нас и чтоб им греком у нас быть во властех. И как де Бог дал им Кирила философа, родился от отца болгарина, а от матери грекини, и навек грамоте греческой и латынской и словенскому языку, и тот де Кирил ходил в Царьград, докладывал, чтоб ему поволители сложить словенскую грамоту. И они де ему не поволители и запретили. И он де ходил в Рим к папе Андреяну благочестивому, и папа де ему благословил. И как де Кирил грамоту словяном сложил, и греки де много искали, где б сыскав ево, убить».

И Кирил де, то сведав, укрывался в дальних словянах, что ныне живут под цесарем, и там де и преставился; и папа де повелел мощи его взять в Рим и погреб ево в Риме в церкви святых апостол. А брата де его Мефодия папа Андреян поставил епископа в Паннонии, иже ныне те словяне под цесарем и в Венграх. Да и до сех де мест нас ненавидят греки, что мы по словенским книгам чтем, и архиепископа, и митрополитов, и епископов и попов своих имеем; а им де хочетца, чтоб все оне у нас владычествовали. И тое де ради гордости греки и царство своё потеряли, и в церковь де оне на конех ездили и причастие, сидя на конех, принимали»¹⁶².

Основное резюме полемиического сочинения, обращённого к грекам: «Не гордитесь и не называйте себя источником»¹⁶³, то есть Византия не выступает в качестве источника Веры, а таковым является ближневосточное еврейское сообщество, сложившееся вокруг апостолов. Данный факт являлся очевидным для всех лиц, осведомлённых в христианском Писании и Предании. Записка А. Суханова была подана царю за два года до того, как Никон стал патриархом и начал реализовывать противоположную ей грекофильскую программу. Но она не «сработала» из-за пропагандистской и политической силы византизма как неизбежной внешней схемы модернизации.

Помимо очевидных международно-политических, общерусских национально-интеграционных и внутрицерковных организационных целей, окрашенная в византийские цвета политика Никона преследовала цель консолидации

¹⁶² Суханов А. Прения с греками о вере. Цит.: Богданов А. П. Прения с греками о вере: текст автографа Арсения Суханова 1650 г. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 80–99. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28783 (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁶³ Там же.

духовенства и дворянства и укрепления его позиций в борьбе с появившейся прозападной прослойкой (Морозовы и Милославский), отсюда и попытка поставить патриарха наравне с царём, опираясь на византийскую доктрину симфонии императорской и патриаршей власти. Если позволить себе говорить языком исторических аналогий, то ближайшим аналогом реформ Никона можно считать католическую контрреформацию на Западе, преследующую цель модернизации и укрепления церковной организации.

Патриарх Никон оказался между западниками, возглавляемыми царём, в том числе и православно-византийской ориентации, составившими «разбойничий собор» 1666–1667 гг., и массовой оппозицией низов, в том числе и городских, ушедших в Раскол, и частью старого боярства, иными словами, традиционной Россией. Византийская схема, казалось бы, обречённая, по мысли её авторов, на успех благодаря поддержке сверху и канонической традиции, тем не менее стала инструментом острейшего политического и мировоззренческого конфликта и причиной падения своего вождя. Такова судьба всех искусственных схем, базирующихся на прямых иностранных заимствованиях. То, что, по мысли никонианских византистов, должно было стать опорой цивилизационной оригинальности России в борьбе с западными протестантскими влияниями, оказалось отвергнуто массой населения именно по причине цивилизационной чуждости новогреческого опыта для Восточной Европы.

Согласно конспирологической версии, не исключено, что наши византисты XVII века, прежде всего патриарх Никон да царь, слабо разбиравшиеся в цивилизационно-политических противоречиях и богословских текстах на других языках, стали орудиями, а затем и жертвами хитроумной политико-идеологической диверсии католиков либо протестантов, понимавших, что Книжная Справа не будет принята народом и частью верхушки и приведёт к расколу. Возможно, как раз с этим связана и провокация — отмечающаяся исследователями нарочитая «порча» смыслов при переводе некоторых важных мест в богослужебных книгах. На смену никонианам-византистам пришли западники из Киево-Могилянской академии.

Об особенностях лидерской психологии патриарха Никона как носителя византизма, которые можно назвать «чужебесием» и деятельным стремлением переделывать на иноземный лад, не вполне понимая его содержание, точно высказался неовизантист Г. В. Флоровский в «Путиях русского богословия»: «Никон принадлежал к числу тех странных людей, у которых нет лица, а только темперамент, а вместо лица идея или программа¹⁶⁴. Но в нём была воля, историческая находчивость, своего рода “волезрение”. Поэтому он смог стать крупным историческим деятелем, хотя и не был великим человеком... Конечно, не обрядовая реформа была жизненной темой Никона. Она была ему подсказана, она была

¹⁶⁴ Какова была «программа» Никона? Построить на Руси копии зарубежных священных и имперских центров и тем самым Святую Русь в наглядном, буквальном виде. Для этого и строились «монастыри-копии», которые в понимании духовной философии византизма, конечно же, были частью присутствия на Руси реальных метафизических Иерусалима и Афона. То же и Рима, Царьграда. Изначально программа заключала изъясн: подражательность и попытку обрести святость через неё.

выдвинута на очередь уже до него... Начать с того, что он не знал по-гречески, и так ему никогда не научился, да вряд ли и учился. Греческим он увлекался извне. У Никона была почти болезненная склонность всё переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии всех и всё переделывать по-немецки или по-голландски»¹⁶⁵ (болезненная грекофилия. — С. Б.). «При всём том никоново грекофильство отнюдь не означало расширение вселенского горизонта. Здесь было немало новых впечатлений, но вовсе не было новых идей»¹⁶⁶. Фактически реформой руководили странствующие архиереи и книжники — греки. Греки же и одобрили отстранение Никона на соборе 1667 года, половину участников которого составляли греческие епископы. Навязчивая грекофилия привела Никона к крушению его карьеры и жизненного пути вопреки высоким замыслам строительства Нового Иерусалима на Руси, перечёркиванию мнимой «симфонии» царской и патриаршей властей, а также к многочисленным жертвам и духовным ранам русского народа. То, что написал неовизантист Г. В. Флоровский о Никоне и его мотивах, — это приговор византизму как идеологии.

Византийский миф о симфонии властей

Ключевая роль в византизме как доктрине определённой цивилизации, возлагается на Православную церковь и самодержавную монархию, объединённые в целостную систему общественного устройства принципом симфонии. Симфония является продолжением именно византийской богословской метафизики, что делает её обязательной. Теория Юстиниана о взаимоотношении власти императора и церковной власти изложена им в Шестой новелле: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство и царство. Первое служит делам божеским, а второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие»¹⁶⁷.

Однако была ли симфония на практике? Скорее всего, нет — и в самой Византии, где Церковь была материально подчинена государству, а императоры в среднем пребывали на троне не более пяти лет, и уж точно симфония не наблюдалась в России, за исключением короткого периода влияния Никона на Алексея Михайловича.

В вопросе о принципе «симфонии» главным для нас является не гармония и не политическая эффективность византийской модели, может быть, и мнимая, а вопрос о теократии как системе цивилизации, основанной на культе, то есть сам принцип духовности власти. Это непреходящий принцип, который имеет большое значение в будущем.

¹⁶⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия... С. 90.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Избранные Новеллы Юстиниана / В. А. Сметанин, введ. ст., пер., комм. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 340 с.

Рим первый, второй или третий?

Церковь — это и есть цивилизация, согласно византизму. Вопрос о византийском наследстве — во многом вопрос о главенстве в Православной церкви, её соотношении с Римско-католической церковью, о роли Константинопольского патриархата. Сегодня он обострился в связи с претензиями на власть со стороны Константинопольского патриархата, попыткой разрушения и переподчинения себе Украинской православной церкви Московского патриархата. Это, пожалуй, самое уязвимое место византизма, тем более что православие — это главный и к тому же единственный реальный аргумент всей «утлой» конструкции византизма.

Расхождение позиций о цивилизации проявилось в вопросе о главенстве Вселенской церкви в споре трёх крупнейших представителей трёх направлений цивилизационного самосознания — Данилевского (славянофильство), Леонтьева (византизм) и Соловьёва (западничество). Если двое первых выступали за главенство Константинополя, то Соловьёв склонялся к единству под сенью кафедры св. Петра.

К. Н. Леонтьев писал, критикуя В. С. Соловьёва с позиций византизма: «Широкое основание духовно-церковной пирамиды — общее; вершина её должна быть в Риме, по мнению г. Соловьёва... Зачем я пойду в Рим за Соловьёвым? Мне ни для личного спасения, ни для процветания нашей отчизны этого не нужно»¹⁶⁸. Любопытно, что соловьёвская конструкция является пирамидальной, притом вершина её внешняя, на Западе. Истина изречения о том, «что все пути (западника) ведут в Рим», осознанная Соловьёвым, вовсе не устраивала сторонников цивилизационной исключительности России.

Можно быть чадом Православной церкви и активным сторонником торжества православия, но при этом не обязательно быть византистом, хотя и в вымышленном «доморощенном» значении этого слова. Явные недостатки византизма как идеологии стали для В. Соловьёва как противника этатизма и сторонника теократии римского типа особой мишенью. Несмотря на пересечение соловьёвской софиологии с византизмом, как и общей с византистами ориентации на римское наследие, отношение В. С. Соловьёва к Византии и византизму как модели цивилизации было сугубо отрицательным (как, впрочем, и к славянофильству). Поэтому было бы странным считать его продолжателем линии славянофилов, как и антизападнических концепций вообще. Оно выражено в работе «Византизм и Россия» (1896) и строится на критике обрядоверия и культа государства как якобы столпах Византии.

Справедливо осуждая формализм византийского государства, полную зависимость патриархов от императора, отсутствие нравственной христианской государственной идеи, рабовладение и другие нравственные пороки, В. С. Соловьёв приписывает византийцам якобы ложное понимание христианства, от которого

¹⁶⁸ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьёв против Данилевского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/94180/read-vladimir-solovev-protiv-danilevskogo-konstantin-leontev/~3> (дата обращения: 17.09.2023).

и пала Византия, по его мнению. В чём оно состояло? «Вместе с православием она (Русь. — С. Б.) получила и церковный византизм, т. е. известный традиционализм и буквализм, утверждение временных и случайных форм религии наряду с вечными и существенными, местного предания наряду с вселенским»¹⁶⁹. В. Соловьёв видел византийские истоки пороков государственного устройства и на Руси, тем самым разделяя тезисы византистов о заимствованиях государственного устройства, которые он называл «вавилонско-византийским деспотизмом», что было удобным средством для риторической дискредитации оппонентов.

«Этот существенный и характерный для византизма церковно-государственный строй был если не причиною, то главным условием искажения самой царской власти в Восточной империи, — её превращения из христианской в “Навуходоносорову”, а следовательно — и рокового крушения Византии»¹⁷⁰, — говорил западник В. С. Соловьёв. Он очень чутко нащупал уязвимую пятую византизма, которую он называл «буквализмом», а на самом это было чужебием, платформой для чужебесия, то есть поклонением греческим авторитетам в ущерб истине христианства, на примере конфликта патриарха Никона и старообрядцев, которых одинаково обвиняет в буквализме: «Дело в том, что прямые их противники — патриарх Никон и его единомышленники — стояли и стоят вовсе не на точке зрения вселенского христианства, а так же, как и старообрядцы, на точке зрения {местного буквализма,} но только не московского, а прежнего византийского. Известны слова патриарха Никона: “по роду я русский, но {по вере} и мыслям — грек”. Если можно быть {по вере греком,} вместо того, чтобы быть просто христианином, то отчего же не быть по вере русским? {Старая русская вера} не должна иметь силы перед всемирною христианскою верой, но перед {старою греческою верой} она во всяком случае имеет равные с тою права»¹⁷¹. Трудно не согласиться с В. С. Соловьёвым в проницательной оценке слабых мест русского византизма.

Принятие православия оказало заметное влияние на путь цивилизационного развития России, а также Балкан, Карпат, Румынии, Грузии, однако оно не привело к автоматическому заимствованию византийской цивилизации как западного варианта. Тип человека остался другим. Славянин не стал ромеем. Так же как и ромей не стал идеальным христианином, оставаясь земным человеком, греком. То, что ряд народов из одного ареала придерживается православия и принадлежит к одной общей цивилизации, не значит, что эта цивилизация именно православная, а тем более византийская, хотя, бесспорно, верность православию как одна из важнейших характеристик присутствует. Не следует смешивать веру как путь личного спасения с комплексом коллективного земного бытия, хотя вера

¹⁶⁹ Соловьёв В. Византизм и Россия // Владимир Соловьёв. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1999. 860 с. Цит.: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Sol_VizRoss.php (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика [Электронный ресурс]. М.: Вехи, 2004. Цит.: URL: <http://www.vehi.net/soloviev/spor/index.html> (дата обращения: 17.09.2023).

его преобразует. В этом смысле православие преобразовало прежнюю биосоциальную природу значительной части людей восточноевропейской цивилизации, а в конечном счёте и всё общество в целом. Произошло преобразование где-то к концу XV века, когда общество на Руси стало действительно православным, а в системе государственного устройства, по крайней мере в Московской Руси, утвердилась монархия, напоминающая византийские принципы, но не более чем в отдельных моментах.

Греческое и византийское влияние в восточнославянских землях ограничивалось в основном кругом отношений, связанных с Православной церковью, церковной живописью, храмовым строительством, богослужебной и теологической литературой. Но и в них через некоторое время от Византии сохранялись только каноны, общие принципы и дух вероисповедания, а формы начинали меняться. Переводная литература светского характера и отдельные технологии сильного влияния на культуру Руси не имели.

Из двух основных византийских традиций высокой культуры, аскетической и гуманистической, на Русь перешла только традиция аскетическая. Носители гуманистической, в частности античной, традиции в Восточную Европу, и в особенности на Русь, из Византии не проникали и соответствующей восприимчивой культурной среды не создавали. В аскетической традиции византийской православной культуры собственно западное содержание христианства было минимизировано, а ближневосточное проступало более рельефно. Это и привело к тому, что на Руси сложился собственный вариант православной культуры, в которой византийское содержание было скорее ближневосточным новозаветным.

Отрицать коренное влияние православия на тип человека не приходится (об этом см. в разделе 2). Однако насколько влияние православия было передачей именно византийской цивилизации, а не ближневосточного содержания? И насколько оно отличалось от влияния христианства из соседних западнославянских стран того времени? Гуманистическая греко-римская традиция, позднее ярко проявившаяся в европейском Возрождении, не соответствовала славянскому типу человека и отвергалась. Кирилло-мефодиевская традиция была уже собственно славянской традицией, и из каких бы очагов она ни распространялась, южного (Преслав), юго-западного (Охрид), западного (Моравия) или восточного (Киев), она ориентировалась на славянский тип личности, чуждой гуманистическому комплексу самодостаточности. Поэтому те элементы византийской культуры, которые действительно перенимались в Восточной Европе, относились к одной из заострённых и трансформированных традиций. Однако, например, трактовка целей кирилло-мефодиевской традиции В. М. Живовым содержит обратное: «В замысел св. Кирилла и Мефодия входило не просто просвещение славян, но формирование самостоятельной славянской христианской культуры, славянской христианской общности»¹⁷².

¹⁷² Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры на Руси // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь) / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 586–617. Цит.: URL: https://historicus.ru/osobennosti_retseptsii_vizantiiskoi_kulturi_v_drevnei_rusi/ (дата обращения: 17.09.2023).

*Самодержавие Руси — своё или из Византии?
Типологические отличия монархии России и Византии*

Вторым после православия фактором, подтверждающим правоту византизма, обычно называют подобное византийскому политическое устройство и монархию Руси. Данный довод носит сугубо идеологический характер и всерьёз в исторической науке не рассматривается, поскольку очевидно отличие монархий Руси и Византии и отсутствие их фактической исторической связи. Обычно возражения по поводу передачи традиций монархии сводятся к тому, что монархия в Византии, Руси и других восточнославянских странах отличалась по своему типу. Власть византийских автократоров-базилевсов отличалась от классической наследственной самодержавной монархии. Большинство базилиевсов избирались (утверждались формально) народом или его представителями, а порядок престолонаследования не был определён. «С 383 по 717 г. н. э. двадцать восемь человек носили титул (назовём его условно, в силу разнобоя в терминологии) императора, а позже ещё и василевса, из которых только шесть не заняли престол в порядке избрания»¹⁷³.

Между прочим такая схема передачи власти, которая могла совершаться довольно часто в случае отстранения или смерти, в том числе насильственной, императора, что и имело место в Византии, не соответствовала славянофильским воззрениям И. Аксакова, настаивавшего на устранении народа от власти и государственных дел в пользу самодержца. Таким образом, византийская монархия несла черты демократического института римского западного типа и отличалась как от великокняжеских монархий, так и от царизма Московского царства, а также и от южнославянских монархий. Конечно, византийская монархия эволюционировала в направлении наследственной, но это не было её родовой чертой.

Кроме типологических доводов против заимствования Москвой византийской монархии, приводятся также: различие идеи власти — вместо формальной охранительной идеи Катехона как гаранта порядка — идея правды, и тот факт, что московские цари не считали себя наследниками власти византийских базилиевсов, поскольку были полностью самостоятельными в плане происхождения своей власти.

Софиология — побочная дочь византизма

Очень часто установки и тезисы византизма образуют лишь формальную логическую связь с реальным наследием Византии и её господствовавшими формами. Одним из таких проявлений византизма в русской культуре и мысли является софиология, созданная В. Соловьёвым и его последователями в начале XX века, прежде всего С. Булгаковым. Представляя, по сути, ближневосточную и мало-

¹⁷³ Андреев Н. Ю. Природа власти византийского василевса и московского царя: было ли прямое заимствование? [Электронный ресурс] // Школа-конференция молодых учёных ИРИ РАН. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=56> (дата обращения: 17.09.2023). Ссылка в этой цитате на: Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 43–57.

азийскую гностическую ересь, чуждую духу и букве официального византийского православия, осуждённую Отцами Церкви и Вселенским собором, софиология тем не менее рассматривалась как возвращение к наследию Восточной церкви. На самом деле речь шла о псевдовизантийском мифе, основанном на формальной связи с традицией строительства на Руси вплоть до XVII века кафедральных Софийских соборов по аналогии с Софией Константинопольской и изображать Софию — Премудрость Божию как универсальный принцип мироустройства. (Вопрос о реальных причинах появления софийских соборов опустим, так как он требует особого исследования и связан с влиянием матриархальных культов в греческом мире.)

В софиологии же София в соответствии с гностическими верованиями (валентинианством) еретически представлялась как личное существо, благодаря которому был создан космос, в действительности, однако, отсутствующее в христианском вероучении. Связь софиологии с Византией только в том, что гностическая ересь Софии была распространена на территории периферийных провинций ранней Византийской империи и соседних с ними стран, а Церковь вела с ней борьбу как вне, так и внутри своих рядов. До сих пор софиология как псевдовизантистский миф представлена в истории русской философии как якобы ведущее её направление на начальном этапе развития русской философской мысли.

К. Н. Леонтьев — основатель русского неовизантизма

В XIX–XX вв. византизм возродился в России как специфическая интеллигентская идеология неовизантизма. Своеобразным и наиболее ярким представителем рефлексирующего неовизантизма явился К. Н. Леонтьев и группа его немногочисленных последователей, названных «гептастилистами»¹⁷⁴. Несмотря на то, что К. Н. Леонтьев был одним из немногих русских и восточноевропейских мыслителей, которые чётко и последовательно выразили идеи византизма, тем не менее круг идей византизма в России развивался в основном без его влияния. Но именно у Леонтьева схематизированная Византия выступает опорной точкой мысли и реакционным общественным идеалом, на которые можно опираться, двигаясь во времени, пророчествуя и историософствуя, оценивать свысока происходящее и покрытое мраком будущее.

Образцом подхода русского византизма является следующее суждение К. Н. Леонтьева в начале «Византизма и славянства»: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные резкие, понятийные начала и свои определённые в истории последствия»¹⁷⁵. Однако в данном случае К. Н. Леонтьев имеет в виду под византизмом не идеологию русского византизма, к последовательным адептам которой он сам относился, а свойства византийской цивилизации и её светское культурное восприятие.

¹⁷⁴ См.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

¹⁷⁵ Леонтьев К. Византизм и славянство... С. 19.

В работе «Византизм и славянство» Леонтьев очень строго развёл оба фигурирующие в заглавии понятия, причём цивилизационную оригинальность он придал именно византийству, а не славянству, которое как склонное к влиянию национализма западного типа выступило даже своего рода противоположностью византийства. «Основы нашего, как государственного, так и домашнего, быта, остаются тесно связаны с византизмом»¹⁷⁶. Употребляемые Леонтьевым термины «Восток» и «Восточный вопрос», «анатолизм» также тесно связаны с византийским наследием и Константинополем как альтернативой Западу. Но если Византия и «восток», то «Восток Запада».

Очень характерными для византистов высказываниями являются следующие его суждения: «Соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил ещё бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе...»¹⁷⁷. Иными словами, по мнению К. Н. Леонтьева, Руси было нечего противопоставить византийской культуре. «Нравится ли нам это или нет, худо ли это византийское начало, или хорошо оно, но оно единственный надёжный якорь нашего не только русского, но и всеславянского охранения»¹⁷⁸. «Славизм, взятый во всецелостности своей, есть ещё сфинкс, загадка. Отвлечённая идея византизма крайне ясна и понятна... Мы знаем, например, что византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определёнными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов... Знаем наклонность византийского нравственного идеала в разочаровании во всём земном, в счастье...»¹⁷⁹.

При этом К. Н. Леонтьев, как всесторонний мыслитель, признавал факты, противоположные его теории: и собственную оригинальность славянства и его реальность как «племенной совокупности», и тот факт, что Византия являлась продолжением Запада в лице Римской империи, однако не признавал Древний Рим собственно Западом, а считал его особой «римско-эллинской цивилизацией» в соответствии с типичными мнениями современных ему историков. Особенности Византии по сравнению с Древним Римом и Древней Грецией Леонтьев видел в первую очередь в том, что она была первым в истории христианским государством. Славянство, по его мнению, несмотря на непохожесть на других, всё же не было достаточно оригинальным, чтобы считаться цивилизацией: «С самого начала истории нашей мы видим странные комбинации реальных общественных сил, вовсе не похожие ни на римско-эллинские, ни на византийские, ни на европейские»¹⁸⁰. Суммируя современным языком рассуждения Леонтьева, следует сказать: у той части славянства, которая связана с византийской традицией, без византизма отсутствует высокая культура, которая могла бы считаться цивилизацией. То есть, оставаясь языковой и родственной семьёй, славяне не представляют собой носителей цивилизации помимо вклада византизма.

¹⁷⁶ Леонтьев К. Византизм и славянство... С. 23.

¹⁷⁷ Там же. С. 80.

¹⁷⁸ Там же. С. 20.

¹⁷⁹ Там же. С. 62.

¹⁸⁰ Там же. С. 44.

Византизм и славянофильство

Будучи разновидностью «сквозной» идеологии, византизм оказал влияние и на конкурирующие течения. Некоторых идей византийства придерживались славянофилы, в частности его основоположник А. С. Хомяков. Хомяков считал византийское православие, верное раннему христианству, высшим выражением духа «иранства» и соборности. Но славянофильство — особая позиция, в целом альтернативная византизму в вопросе о русской цивилизации. В отличие от византистов, в частности К. Леонтьева, ранние славянофилы, несмотря на идилическое отношение к Древней Руси, не были ни консерваторами, ни реакционерами, а выступали за постепенное изменение существующего строя в соответствии с традициями народа.

Византизм часто сочетается с консервативными и реакционными взглядами и является вариантом охранительной идеологии для реалий западного олигархического государства, отсылающей к мифу о давно ушедшем якобы гармоничном обществе Византии. По сути, это вариант реакции на современные общества в опоре на достаточно обширный и уважаемый объект, каковым и может рассматриваться Византия. Византизм представляет собой разновидность «чужебесия», или гетерономии — подчинения чужим правилам. Со ссылкой на П. А. Флоренского В. А. Бачинин утверждает, что соединение византизма и западничества в практике государственного строительства Российской империи послепетровского периода привело к специфическим феноменам, например «полицейству», управлению обществом и его совершенствованием посредством полицейского режима и внедрения предписаний сверху, основанным на идее непогрешимости имперского государства. Такая линия подмены общественного и политического процесса бюрократическим дирижизмом и нормативной зарегулированностью просматривается и в современной России, часто оправдывая это ссылками на миссию Удерживающего.

Известный специалист по славянофильству Н. И. Цимбаев указывает на отличие позиции славянофилов от сторонников византизма: «Славянофилы всегда отрицали теорию каноничности, божественного происхождения царской власти»¹⁸¹, что фактически ставит их как вне доктрины византизма, так и любых концепций сакрализации земной власти. Более того, можно сказать, что русские славянофилы, подобно западно- и южнославянским панславистам, разделяли либерально-демократические и отчасти «западнические» по объективному значению убеждения. «Это всё, конечно, остатки современного “европеизма”, и в этих случаях его (К. Леонтьева. — С. Б.) мысль действительно “пресмыкается” и даже бессильно бьётся в либерально-эгалитарных силках. Но кто же в то время был от этих силков свободен? И Катков, и Хомяков, и Аксаков, и Самарин — все так или иначе были ослеплены и запутаны в них! Катков полжизни был полулиберальным европейцем»¹⁸². Как мы видим, «проклятье западничества» не оставляло славянофилов. Возможно, Леонтьев был прав, славянофильству было нелегко

¹⁸¹ Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века... С. 73.

¹⁸² Там же.

найти точку отрыва от общеевропейской цивилизации. Однако славянофилам это удалось, а византистам нет.

«И много, очень много с этой точки зрения фальшивого и необдуманного можно найти, к сожалению, в книге Данилевского. Сюда ещё относится его доверчивое славянолюбие в тесном смысле, его вера в само племя славянское; тогда как нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того получужого, преимущественно восточного (а кое в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие византийского (Восточного) христианства (Православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в православное *intus-susceptio* властной и твердой немецкой крови и т. д. тем больше в нас, славянах, будет физиологической примеси и чем больше в то же время религиозного единства между собой и бытового обособления от Запада, — тем лучше»¹⁸³, — писал он. Как мы видим, согласно К. Н. Леонтьеву, единство происхождения славянства отнюдь не является залогом обособления от вредоносного Запада, наоборот, чистота славянской крови ему не нравилась. Леонтьев требует обособления от славянства и в смысле образа жизни, и в смысле трансцендентном, внемировом, которое он видел в православии, и в смысле даже разбавления крови всяческими примесями.

Научные схемы культурного византизма: трансляция, рецепция, трансплантация, по Д. С. Лихачёву, или аккультурация?

Неовизантизм стал идеологией интеллигенции и пустил глубокие корни в гуманитарных науках, выполняя в историософских воззрениях роль культурной оболочки над «дикими этническими “смесями” славян и туранцев». В связи с латентностью и имплицитностью идеологии современного византизма всеобъемлющее заимствование Русью византийской культуры (научнообразно «трансляция», «трансплантация», по Д. С. Лихачёву) считается чем-то самим собой разумеющимся.

Виднейшим учёным советской эпохи, обосновавшим масштабные культурные заимствования из Византии, позволяющие говорить о единой цивилизации с Русью, был академик Д. С. Лихачёв: «Культурное воздействие Византии в славянских странах проявлялось в формах трансплантации византийской культуры и её отдельных памятников и явлений. Влияние в общем — это явление, как мы уже сказали, более позднее. Оно представляет собою воздействие, приводящее к изменению уже сложившихся форм и содержания. Влиянию предшествует и затем сопровождает его трансплантация»¹⁸⁴. «Влиянием» Д. С. Лихачёв считал уже Книжную Справу XVII века. Под воздействием общекультурного авторитета

¹⁸³ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьёв против Данилевского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/94180/read-vladimir-solovev-protiv-danilevskogo-konstantin-leontev/~3> (дата обращения: 14.09.2023).

¹⁸⁴ Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 254 с.

Лихачёва догмат о византийских заимствованиях в древнерусской культуре стал общим местом, хотя реальная историческая оценка их объёма в культуре в целом не проводилась. Даются ссылки и указания на конкретные, но частные факты заимствований, не позволяющие построить общую картину даже в отдельной области культуры. Отдельные заимствования очевидны, но вряд ли их можно распространять на целые области культуры, такие как литература, и тем более культуру народа в целом. Кстати, по сходной схеме, которую с точки зрения логики можно назвать необоснованным (поспешным) обобщением, строятся, в частности, попытки С. С. Хоружего свести русскую православную культуру к влиянию исихазма.

Тезис Д. С. Лихачёва хотя и был принят значительной частью позднесоветской интеллигенции, вызвал сложную реакцию в научной среде среди специалистов. Показывая односторонность такой точки зрения, в противоположность Д. С. Лихачёву В. М. Живов отрицал теорию трансплантации византийской цивилизации: «Очевидно, что при этих условиях ни о каком сходстве византийской и русской культуры говорить не приходится; тем более невозможно говорить о тождестве. Культура Киевской Руси не повторяет и не трансплантирует современную ей византийскую культуру, а усваивает один её изолированный фрагмент и даже в этом фрагменте существенным образом переставляет смысловые акценты»¹⁸⁵. Речь идёт даже о «фундаментальном несхождении византийской и русской культур». Е. И. Мартынова и Л. А. Шумихина предложили для византийского наследия Руси компромиссный термин «двусторонняя аккультурация»¹⁸⁶. Она приводит к созданию собственной культурной идентичности, но с сохранением жизни прежних культурных образцов в новом контексте. Таким образом, тезис Д. С. Лихачёва о переносе византийской традиции в литературе не является достаточно обоснованным и не позволяет подвести под византизм научную базу, хотя бы даже только в сфере высокой культуры, и должен восприниматься как конкретно-научная гипотеза. На сегодняшний день отсутствие достаточной научно-исторической базы византизма в истории культуры Древней Руси очевидно, если, конечно, не иметь в виду под византийской трансплантацией принятие самого христианства.

Современный византизм — патриотический миф или отражение в зеркале западных мыслителей?

Какова современная версия мифа о византийском наследстве? Сегодня официально признанным в России, на Балканах, да и в западном интеллектуальном сообществе, стал взгляд, согласно которому после Крещения Руси в России и её прилегающих территориях, а также других государствах Восточной Европы ут-

¹⁸⁵ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры на Руси // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). Цит.: URL: https://historicus.ru/osobennosti_retseptsii_vizantiiskoi_kulturi_v_drevnei_rusi/ (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁸⁶ Мартынова Е. И., Шумихина Л. А. Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации (на артефактах художественной культуры и письменности Киевской Руси) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). 154.

вердилась православно-византийская цивилизация, которая определяет её культуру и по сию пору. К православной цивилизации, в соответствии с логикой данной теории, относят все народы, у которых среди религиозных конфессий доминирует православие, в том числе и у греков. У многих наших патриотических российских современников, как и у К. Н. Леонтьева, византизм стал своего рода элементом коллективного патриотического мифа, но при этом совершенно упускается из виду, что заимствование цивилизации дезавуирует тезис о цивилизационной самостоятельности России. Однако он позволяет поднять значимость церковного руководства, а власти — увеличить древность культуры государства, прикрепив престижного предшественника — империю ромеев. Византизм можно видеть и в позиции современной Русской православной церкви, её предстоятеля патриарха Кирилла, который включил его как ключевой элемент в доктрину «Русского мира» и назвал славян до Крещения варварами, правда с оговоркой, что они варварами никогда не были¹⁸⁷. Артефактом византизма служит известный фильм владыки Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок» (2008), прямо восходящий к «Изложению Пасхалии» митрополита Зосимы. Существует «Византийский клуб» и его портал «Катехон» (А. Малер). Ряд современных авторов определили цивилизацию России как православную, то есть часть семьи народов, исповедующих православие (А. Панарин¹⁸⁸, А. Окара¹⁸⁹). Последний, кстати, известен своей антироссийской проукраинской позицией — византизм может быть и антирусским. Идеолог Русского мира Н. Нарочницкая в рецензии на вышеназванный фильм владыки Тихона прямо озвучила рафинированный тезис византизма: «Россия должна знать, что Византия — наша праматерь»¹⁹⁰, при этом, кстати, со ссылкой на тезис А. Тойнби.

В заключение темы русского византизма нельзя не отметить и то, что популярность византистской трактовке русской цивилизации как объяснительной

¹⁸⁷ Точная цитата речи Патриарха Кирилла в интервью Телеканалу «Россия» (2010), которая позволяет понимать его речь в том числе и в переносном, ироническом по отношению к византизму смысле, то есть уводит от примитивной интерпретации его слов: «В каком-то смысле мы Церковь Кирилла и Мефодия. Они вышли из просвещённого греко-римского мира и пошли с проповедью к славянам. А кто такие были славяне? Это варвары, люди, говорящие на непонятном языке, это люди второго сорта, это почти звери. И вот к ним пошли просвещённые мужи, принесли им свет Христовой истины и сделали что-то очень важное — они стали говорить с этими варварами на их языке, они создали славянскую азбуку, славянскую грамматику и перевели на этот язык Слово Божие. Эта традиция настолько глубоко живёт в нашей Церкви, что для нас все народы равны, среди них нет варваров. Потому что для кого-то и мы были некогда варварами, хотя на самом деле варварами никогда не были». Патриарх Кирилл. Интервью телеканалу «Россия» (2010) [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. 22.09.10. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1280323.html> (дата обращения: 14.09.2023).

¹⁸⁸ См.: Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 541 с.

¹⁸⁹ См.: Окара А. Н. В окрестностях нового Константинополя. Восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосопорядка // Свободная мысль. 2012. № 1/2 (1631). С. 157–172.

¹⁹⁰ Нарочницкая Н. Споры вокруг Византии // Российская газета. 2008. № 26. 7 февр.

модели истории России со второй половины XX века придали такие широко известные западному и отечественному читателю авторы, как А. Тойнби и С. Хантингтон. Хантингтон позаимствовал у Тойнби и теорию столкновения цивилизаций, и византистскую концепцию цивилизационной принадлежности России, да и сам религиозно-конфессионально-ценностный подход к определению цивилизации. В свою очередь, с большой вероятностью, А. Тойнби позаимствовал византистскую схему русской цивилизации у О. Шпенглера (из его магического типа культуры, к которому принадлежала, по его мнению, Россия и Византия вместе с Ближним Востоком), а последний — от русских византистов и авторов, объединявших Россию с Византией в один тип. Научная и философская слабость этих схем очевидна.

Вот что Тойнби писал о российском византизме: «...В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента... В таком тоталитарном государстве византийского типа Церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам советского государственного управления»¹⁹¹. Здесь очевидна явная смысловая подмена цивилизации с целью выстроить искусственную схему русской истории. Это касается и всего византизма.

После раскола РПЦ с греческими церквями в 2010-е гг. по проблеме автокефалии Украинской православной церкви и экуменического приоритета Константинопольского патриархата, отказа РПЦ от участия в Критском соборе в русской православной иерархии наметился отказ от современной общей идеологии византизма как общеправославного проекта в пользу самостоятельного глобального расширения Русской церкви (Русского мира), создания экзархатов и миссии на всех континентах. Русская церковь мыслит себя как Церковь глобальная, что естественно для цивилизационного института, в качестве которого позиционирует себя её руководство.

Психологической основой византизма, как и западничества, и в какой-то мере евразийства, служит неверие в собственные силы народов ВЕ по причине глубинного недоверия им и страха перед этими силами, происходящими из каких-то групповых или личных мотивов авторов этого направления. Заимствования извне приобретают маниакальный характер «палочки-выручалочки» в строительстве цивилизации. В итоге можно сказать, что в России и православных странах ВЕ сложились собственные варианты восточнохристианской цивилизации, которые лишь использовали культурные заимствования из Византии как материал для их строительства. Византизм стал односторонним идеологическим выражением этого факта.

¹⁹¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории: избранное. М.: Айрис Пресс, 2010. 521 с.

1.4. Евразийство

Мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские!

П. Н. Савицкий. Евразийство: опыт систематического изложения

Евразия: материк или личностный тип?

Крупнейшим оригинальным течением русской цивилизационной мысли XX века является евразийство, пришедшее на смену славянофильству, западничеству и византизму. Евразийство обозначило новый этап историософского мышления, связанный с дальнейшим отходом от европоцентризма и славянофильства и пересмотром православной, русофильской и славянско-этнической концепций цивилизации России.

Под евразийцами обычно понимают шесть классических евразийцев: Николая Трубецкого, Льва Карсавина, Петра Савицкого, Георгия Вернадского, Романа Яacobсона и Петра Сувчинского. Последовательно идеи евразийства изложены в сборниках «Евразийство: опыт систематического изложения» (1926) и «Евразийство (формулировка 1927 года)» и в работе Н. С. Трубецкого «Наследие Чингисхана». Евразийцы сформулировали понятие евразийской цивилизации как центральный продукт своего доктринального мышления. Иными словами, концепция евразийской цивилизации как типа человека и общества — неотъемлемый продукт основной доктрины раннего евразийства. В последующие периоды после завершения раннего евразийства сформировались ещё несколько более компромиссных вариантов этой платформы — позднесоветское неоевразийство Л. Н. Гумилёва и его последователей, а также новейшее постсоветское евразийство РФ и СНГ.

Для понимания особенности подхода евразийства нужно отметить его геополитическую направленность — оно базируется на понятии и образе Евразии — объективно существующей комплексной географической реальности. Географическая реальность определяется у евразийцев как «месторазвитие» (П. Н. Савицкий). Ранее евразийство и часть неоевразийцев исходят из того, что Евразия в узком смысле (без Запада и Центра Европы и Южной и Юго-Восточной Азии), как специфическая осевая часть Азии, является и особой цивилизацией, то есть представляет особый евразийский тип человека. «Евразия — это Россия» — широко распространённый тезис евразийцев. Что он значит помимо политико-географического понятия?

Доктрина евразийцев выходит далеко за пределы геополитики в интересующую нас область истории цивилизаций — это подтверждает и фокус на личности, и комплексность подхода. Позиция евразийцев, по их собственным словам, основывается на типе человека, соотносимом с цивилизацией (культурно-историческим миром): «Идея и понятие личности занимают центральное место в мировоззрении евразийцев. Они вносят его также и в проблемы философии истории. Культуру и культурно-исторические миры они понимают как особого

рода «симфоническую личность»¹⁹². Культура и её мир, конечно же, не может считаться личностью, это её продукт и средство, — здесь мы наблюдаем смешение трудносовместимых смыслов. Подчеркнём только, что Россию — Евразию евразийцы воспринимают не просто как тип личности, а как живую «коллективную личность» или «межнациональный лик» (Н. С. Трубецкой, 1927)¹⁹³. Они утверждают непрерывность её существования. Так, в идеологию евразийства входит метафизика русского персонализма в крайнем коллективистском варианте Л. П. Карсавина, в котором личность возможна только как часть сверхличности, одной из разновидностей которой является симфоническая личность социальных общностей¹⁹⁴. Евразийство оказывается не просто политико-идеологическим, а самобытным философским течением. Это большое достижение евразийства по сравнению с социально-историческими теориями западного происхождения, которое методологически соответствует подходу настоящей монографии, где цивилизация понимается как тип человека, обладающий свойствами коллективной личности, то есть не абстрактный тип как набор свойств и отношений, а как живой общественный организм, строящийся на системе духовных прообразов, которые и поддерживают тип.

Но удалось ли евразийцам обосновать единый тип человека Евразии? Вообще возможна ли такая постановка вопроса? Несмотря на декларируемую особую реальность Евразии как предмета евразийства, у основоположников евразийства прослеживаются корни в позднем славянофильстве, в частности связи с концепцией В. И. Ламанского о «трёх мирах», таким образом приближая евразийцев к восточноевропейской концепции «срединного мира». По сути, речь идёт о том же самом объекте, как и у славянофилов, — о Евразии, но в другом объёме понятия, без Центральной Восточной Европы и Балкан, и перевернутой по-другому в своём смысле, на манер устройства советской империи — СССР, где русский славянский народ как бы «утоплен» среди других народов Евразии. Так, П. Н. Савицкий писал в программной статье «Евразийство как исторический замысел»: «Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом и во многих других смыслах. Это третий мир Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время соразмерный»¹⁹⁵. У В. И. Ламанского же он называется почти дословно: «Средний мир, то есть ненастоящая Европа и ненастоящая Азия»¹⁹⁶. Как мы видим, есть в наследии евразийцев и своеобраз-

¹⁹² Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 99.

¹⁹³ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 3–4. Цит.: URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10075510> (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁹⁴ См.: Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения: в 2 т. Т. 1.

¹⁹⁵ Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел...

¹⁹⁶ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: типо-хромолит. А. Траншель, 1892. С. 3.

ная концепция Русского мира как симбиоза евразийских народов под контролем русского государства.

Туранский переворот во взгляде на Евразию

П. Н. Савицкий, вспоминая о теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, предлагает ввести ещё один тип — евразийский (помимо славянского). Евразийский культурно-исторический тип — ключевой момент, Рубикон евразийства, который отмежевывает его от славянофильства и предшествующей традиции. Нередко евразийство считают вариантом или продолжением славянофильства и византизма, но это не имеет ничего общего с действительностью. Более того, пытаясь избавиться от наследия славянофилов, славянский тип культуры и личности евразийцы считали фантомным, что понятно с точки зрения необходимости обоснования ими евразийского типа, отличного от славянского и туранского. «Славянский характер» и «славянская психика» — мифы... Не существует и общеславянского физического антропологического типа. «Славянская культура» — тоже миф»¹⁹⁷, — писал Н. С. Трубецкой, ставя эти базовые для славянофильства понятия в кавычки, по сути, занявшись разрушением концепции Н. Я. Данилевского или того ствола, на котором, собственно, как показано выше, и «сидели» евразийцы.

Славист С. Трубецкой ради обоснования евразийства даже договорился до следующего, явно противоречащего фактам утверждения: «Более того, славяне принадлежат к разным этнографическим зонам»¹⁹⁸. Точнее, к каким-то «многопризнаковым районам» с народами других языковых семей. Хотя в этих районах очевидно доминирование славянства. Здесь мы также видим произвольное преобладание в мысли евразийцев географического фактора над этническим. Но если славяне принадлежат к разным этнографическим зонам, то евразийские народы разных языковых семей разве тем более не принадлежат к различным и этнографическим и просто географическим зонам? Например, Центр России и Средняя Азия? Это явные смысловые подтасовки, направленные на создание скороспелого мировоззренческого продукта.

Единой евразийской цивилизации не существует. В Евразии соседствуют разные цивилизации, влияющие друг на друга и в чём-то схожие, но скорее различные. Так и в цивилизации России и Восточной Европы есть ярко выраженные евразийские черты, но это не значит, что у них одна общая цивилизация с тюркскими и кавказскими народами, коренными народами севера, финно-угорскими народами, до их втягивания в восточноевропейскую и советскую культурную и государственную среду.

Евразийство — это игра с переосмыслением одного и того же объекта, России, приписывание другого означающего тому же означаемому — за счёт заимствования нового означающего у туранских народов. При объективном рас-

¹⁹⁷ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре... С. 3–4. Цит.: URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10075510> (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁹⁸ Там же.

смотрении концепций евразийства обращают на себя внимание многочисленные натяжки и нестыковки с фактами. Русские — скорее европейский народ, в Восточной Европе более «европейский», чем типичные евразийские народы, такие как, например, казанские татары, которые, впрочем, тоже восточные европейцы.

«Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом»¹⁹⁹, — отмечал Н. Трубецкой. Нельзя не признать, что в рамках симбиоза восточных славян и «туранцев» (финнов, угров и европейских тюрков) в Российской империи, а затем и СССР образовался довольно большой евразийский сегмент народов. У них сочетаются как исконные черты азиатских культур, так и восточноевропейской индоевропейской культуры. Причём у некоторых из них корни синтеза довольно глубоки и восходят к периоду глубокой древности. Часть из них оказалась с русскими в одной цивилизации — восточноевропейской. В контексте древнейшей истории восточноевропейской цивилизации интересна догадка П. Савицкого о сочетании у русских окраинно-приморского, оседло-земледельческого и степного кочевого типов, хотя, впрочем, последнее никак не связано с тюркским влиянием, а является изначальной индоевропейской чертой (см. далее раздел 2).

Одной из не соответствующих действительности посылок евразийства было туранское происхождение части русских и смешанный характер русского этноса. Она была изложена в работе Н. С. Трубецкого «Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры)». Утверждалась не только культурная и географическая связь с тюркскими этносами, но и родственная: «Связь русских с “туранцами” закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в жилах русских, несомненно, течёт, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь»²⁰⁰. П. Н. Савицкий подчёркивал наличие смешанного славяно-туранского происхождения у русских: «мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские»²⁰¹, — писал он.

При внимательном рассмотрении евразийство представляется не таким уже оригинальным русским продуктом, а скрыто зависимым от зарубежных доктрин, в частности польских, которые, однако, были повернуты «во славу» русских и доведены до уровня яркого позитивного учения. Современные исследования антропологии, генетики и древней истории не подтверждают ни смешанное происхождение большинства русских, ни тем более тюркские корни, которые вообще не найдены»²⁰². К сожалению, нашим современным специалистам по популяционной генетике пришлось опровергать эти вымыслы. Как, впрочем,

¹⁹⁹ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология / Рос. АН, Ин-т философии; Ред.-сост. Л. И. Нюкова, И. Н. Сиземска. М.: Наука, 1993. С. 91.

²⁰⁰ Трубецкой Н. С. Верхи низы русской культуры (Этническая база русской культуры) // Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания... С. 31.

²⁰¹ Савицкий П. Н. Евразийство. Опыт систематического изложения [Электронный ресурс] // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 14. URL: https://booksafe.net/read/savickiy_petr-kontinent_evraziya-198005.html#p13 (дата обращения: 30.09.2023).

²⁰² См.: Балановская Е. Б., Балановский О. П. Русский генофонд на русской равнине. М.: Луч, 2007. 416 с.

и нам, анализирующим евразийство, вместо того чтобы строить позитивную картину цивилизации России. Авторы фундаментальной монографии «Русский генофонд» сделали следующие сугубо отрицательные выводы относительно влияния азиатского генофонда на русский. «...Влияние народов алтайской семьи на восточноевропейский генофонд ограничивается лишь зоной их расселения ...и практически не прослеживается даже на смешных территориях»²⁰³ (то есть влияние в ВЕ имеет место только на генофонд татар, чувашей, башкир). «Однако доля восточно-евразийских гаплогрупп в русском населении составила лишь 2%... Почти столь же малую, что и генофонде поляков... Поэтому монголоидный компонент у русских оказывается не просто нулевым, но даже с отрицательным знаком»²⁰⁴. «Русский генофонд является типичным европейским генофондом»²⁰⁵ (точнее «восточноевропейским», как писали сами авторы).

История Руси и России не даёт фактов массового смешения тюркских народов и русских в одних популяциях — речь может идти о периодических военных или хозяйственных контактах. Расовый состав русских не имеет прямого влияния алтайских народов в основных антропологических зонах европейской части России, хотя есть ограниченное влияние уральское, о чём писали физические антропологи по результатам Русской антропологической экспедиции. Эпикантус — важнейший признак монголоидной расы — у русских полностью отсутствует²⁰⁶.

У русских и ряда уральских и тюркских народов ВЕ (татары, чувашаи) есть общие расовые черты и варианты палеоевропейского и уральского типа, что есть свойство русской части Восточной Европы в целом. Мифы и предрассудки о доминирующих татарских и финских корнях и примесях у русских, хотя они, по данным современной науки, не соответствуют действительности (мужские гаплогруппы алтайского происхождения N1 и N3, переданные через финнов и угров, составляют у русских всего 20%, а тюркских нет вовсе), тем не менее повлияли на благоприятную почву для евразийства.

Можно говорить об ограниченном, хотя и типичном цивилизационном симбиозе славян и алтайских народов в некоторых контактных зонах, и он происходит на базе восточноевропейской цивилизации советского и русского типа (Татарстан, Башкортостан, Северный Казахстан, Калмыкия, Бурятия, Якутия), ранее в истории России местами такого симбиоза были лесостепные пограничные регионы юга Восточно-Европейской равнины от Днепра до Дона с XII (иногда и ранее) до XVII вв. Почва для евразийства как философии смешанной славяно-алтайской идентичности есть, но она ограничена рядом регионов России и соседних государств и не может претендовать на всеобщую концепцию цивилизации России, тем более Евразии. Скорее он и говорит в пользу совместимости двух разных цивилизационных типов в рамках общих евразийских свойств обоих.

²⁰³ *Балановская Е. Б., Балановский О. П.* Русский генофонд на русской равнине. М.: Луч, 2007. С. 240.

²⁰⁴ Там же. С. 296.

²⁰⁵ Там же. С. 297.

²⁰⁶ Там же.

Возможные пути влияния туранского мифа на российское общество и евразийцев исследовал А. Д. Каплин в докладе по поводу идеологии современного Евразийского союза²⁰⁷. Возможно, татарский (туранский) миф Ф. Духинского («Основы истории Польши и других славянских стран, а также истории Москвы» в 3 т., 1858–1861) о происхождении великороссов распространяли как раз прожжённые западники и русофобы, которые любили поговорить, как западник В. И. Ленин, в негативном ключе об «азиатчине». Весь советский период миф о татарских и финских корнях русских поддерживался в среде массовой «образованщины» СССР и излагался как аксиома «русскости», отделяющая их от остальных европейцев. Организационные возможности для деятельности Ф. Духинского по распространению туранского мифа предоставил российский, польский и европейский политик-русифоб и распространитель антироссийского панславизма А. Чарторыйский. Среди активных распространителей туранского мифа в русской среде А. Д. Каплин называл: западников К. Кавелина, В. Стасова, В. Миллера, идеологов украинского национализма П. Кулиша, Ю. Бартошевича, М. Грушевского, Д. Донцова; в литературной среде поэтов А. Блока, М. Волошина, Н. Рериха и других²⁰⁸. Теория туранизма была доведена до крайности расистами-украинофилами и распространена на различия групп восточных славян.

По сути, евразийцы строили основание своей идеологии на посылах идейных противников России середины XIX века, когда возник спрос на русофобию, поскольку ранние польские авторы XV–XVI вв. считали русских Московской Руси славянами по происхождению и не стремились к их «туранизации» (см. 1.1), хотя подобные идеи возникали в польской среде, культивировавшей сарматизм. Однако евразийцы опираются на него уже как на некое общее мнение в образованной среде русского общества в начале XX века, хотя это просто продукт польско-западной диверсии. Сыграли роль и ряд других подобных факторов, которые способствовали использованию «туранского мифа», например преувеличенное евразийцами культурное влияние Азии на Россию и её строй, ориентация на большевистскую идеологию поворота к Азии от мировой революции в Европе, «изначальную интенцию евразийства в целом — претензию на участие в идеократической власти в СССР»²⁰⁹, пожелание ранних большевиков-троцкистов, выступавших заказчиками евразийского проекта ради развала белой эмиграции, принизить роль русского народа. Евразийцы в итоге фактически стали платными идеологическими агентами большевиков, получив средства на издательскую деятельность и гонорары, в частности Сувчинский, Карсавин, Мирский на издание

²⁰⁷ См.: Каплин А. Невспоминаемые предшественники евразийцев и их критики (или ещё раз о «мнимом «туранизме» русских»). Доклад на конференции «Идеология Евразийского Союза» (Санкт-Петербург, 15 мая 2012 г.) [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 25.05.12. URL: https://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspominaemye_predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_o_mnimom_turanizme_russkih/ (дата обращения: 14.09.2023).

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018. С. 235.

газеты «Евразия» через видного троцкиста Г. Л. Пятакова (См.: Колеров М. А. «О любви евразийства к СССР: письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову» (1927), Письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову (1927))²¹⁰. Эти обстоятельства предопределили внутреннюю противоречивость евразийства, склонность к необоснованным идеологическим конструктам и его недолговечность и неустойчивость. К началу 1930-х гг. евразийство менее чем за 10 лет существования сошло с идейной авансены, чтобы взойти на неё в постсоветском СНГ через Н. Назарбаева в 1994 г. с его идеей Евразийского союза ради решения сугубо прагматических вопросов за счёт России и другие подобные фигуры.

Следует упомянуть и об одном специфическом вкладе цивилизационного мышления евразийства. Евразийцы первыми начали говорить применительно к России о «многонациональном народе», «единстве многонародной евразийской нации», что стало штампом постсоветской национальной политики РФ и напрямую заимствовано из багажа евразийства. Правда, Н. С. Трубецкой писал об «общеевразийском национализме» в то время, как позитивное значение слова «национализм» табуировано в СССР и постсоветской России. Но разве может быть общий национализм у разных наций и государственных образований? Патриотизм — да. Вместе с тем евразийцы выступали против панславизма, пантуранизма, панисламизма, логично считая эти панидеи конкурентами евразийству.

Неоевразийство и цивилизационная многоликость Евразии

Несмотря на крах проекта раннего евразийства и крупные проблемы с научной, теоретической и фактической базой, евразийство обрело второе дыхание в поздний советский и постсоветский периоды. Наиболее развёрнутым и концентрированным продуктом позднего евразийского подхода к цивилизационной идентичности служат многочисленные работы Л. Н. Гумилёва, которые правильнее называть популярной историософией Евразии. Представление о евразийской цивилизации имеет у Л. Н. Гумилёва несколько смыслов и значений, среди которых последователи выделяют русско-евразийскую цивилизацию и просто цивилизацию Евразии как сумму общих черт разных этносов и суперэтносов, вызванную географическими и историческими причинами: «...стало ясно, что исторические закономерности развития середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон имеют общие черты, точнее, свою специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от “Запада”, и от “Востока”»²¹¹, — писал он в очерке «Из истории Евразии», где пытался описать структурирование этноисторического объекта «Евразия».

В определении цивилизации Л. Н. Гумилёв гораздо более реалистичен, чем евразийцы 1920-х гг., искусственно соединявшие народы разных цивилизаций в одну в угоду своей наскоро сшитой концепции. Гумилёв писал в поздних работах о разных цивилизациях и человеческих типах Евразии. Аналогом цивили-

²¹⁰ Колеров М. А. Археология русского политического идеализма... С. 233–235.

²¹¹ Гумилёв Л. Н. Из истории Евразии // Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экоспрос, 1993. С. 71.

зации у позднего Л. Н. Гумилёва выступает «суперэтнос» или даже «метаэтнос», причём он писал о множестве суперэтносов, шести или семи на территории бывшего СССР: Российском православном (соответствующем нашему понятию восточноевропейской цивилизации без Балкано-Карпатского региона и ЦВЕ), западно-католическом, степном (тюркском), циркумполярном (коренные малочисленные народы севера и якуты, «которые сегодня почти полностью вошли в российский суперэтнос»), кавказском²¹².

Л. Н. Гумилёв и К. П. Иванов справедливо отмечали, что «утверждать, что на территории нашей страны складывается или уже сложился один суперэтнос (а тем более метаэтнос), — значит вводить в заблуждение и научное сообщество, и тех ответственных лиц, от которых зависит принятие решений в национальной политике»²¹³. Таким образом, Л. Н. Гумилёв признавал множественность цивилизаций в СССР и выступал противником их искусственного слияния, хотя применительно к РФ в общем-то очевидно абсолютное преобладание русского — российского суперэтноса.

Несмотря на признание факта размежевания славянского православного и тюркского суперэтносов, в теориях Гумилёва роль славянофильских идей значительно ниже по сравнению с евразийством Савицкого и Трубецкого, зато выше роль пантюркистских идей. Туранизм проложил себе более прямую дорогу. Славянство выступает в историсофских очерках Л. Н. Гумилёва лишь в исторических эпизодах и в Западной Евразии. Евразийство в такой редакции в значительной мере является неким средним конструктом «азиатства», которое оно и приписывает русским, в отличие от европейцев Западной и Центральной Европы.

В отличие от евразийства 1920-х гг. и его коммунистического аналога в советской национальной и азиатской политике, в частности Н. Устрялова, Л. Гумилёв создал обширную историческую базу евразийства и оказал влияние на наших современников, в результате чего идеи евразийства приобрели популярность и солидность в глазах политического класса РФ и некоторых соседних тюркских постсоветских государств и государственных образований, которые ориентировались на возвышение тюрков, но с сохранением мира с русскими (Назарбаев, Акаев, Шаймиев). Евразийство в своей наличной исторической форме, опирающееся на стратегии соседства и симбиоза восточноевропейцев с азиатскими народами, можно рассматривать как продукт распада восточноевропейской советской идентичности в пользу соседей, что не отрицает огромную геополитическую ценность евразийской форс-идеи для русских, но не в качестве своей цивилизационной или национальной идентичности. Скорее евразийская идентичность в таком виде подходит для наших партнёров из тюркского мира.

Идеи неоевразийства, или постевразийства, поддержанные президентом РФ В. В. Путиным, президентом Казахстана Н. Назарбаевым, секретарём Евразийского союза С. Ю. Глазьевым и рядом российских идеологов, например А. Г. Дугиным, инициировавшим движение и партию евразийства в РФ и СНГ под лозун-

²¹² Гумилёв Л. Н., Иванов К. П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. С. 168, 170–171.

²¹³ Там же. С. 168.

гом «Евразия превыше всего!»²¹⁴, стали своего рода официальным мейнстримом и пустили широкие корни как в политическом классе, так и в академической и экспертной среде. Может ли Евразия служить высшей ценностью для России? Показательной является работа И. Б. Орловой «Евразийская цивилизация» (1998), в которой Россия рассматривается как её центр²¹⁵. В противном случае, если Россия не будет рассматривать Евразию по своему образцу, она вынуждена будет следовать в русле цивилизации других этнических групп Евразии. Если Россия — центр своего мира, то к чему тогда Евразия? Это главное противоречие евразийства, которое не нашло теоретического разрешения в идеологии и философии и практической политике в отношении стран Средней Азии — членов Евразийского союза, где среднеазиатские государства тянут одеяло на себя. Оно проявляется в преднамеренном по типу идеологического эвфемизма (или всё же нет?) смещении в термине «Евразия» разных предметов под одним названием, — то, что В. Л. Цымбурский академично назвал «омонимией»²¹⁶. Думать, что представители туранских народов примут это за чистую монету, смешно.

Евразийство видится как эффективный инструмент политики России по сохранению части советского наследства, показавший свою действенность и респектабельность, в отличие, скажем, от идей панславизма. Евразия создана и подерживалась около 2 тысячелетий не тюрками и туранцами, а индоевропейцами около 2000 лет до н. э. Евразийство в стиле Гумилёва — всего лишь одна глава из нескольких в истории Евразии (IV–XVI вв.), которая была закрыта русскими в конце XVI в. с разгромом Сибирского ханства. Проблема евразийской историософии Л. Н. Гумилёва та, что и у многих других авторов по российской цивилизации: смешение понятия цивилизации с другими объектами — суперэтносами, географическими регионами (субконтинентом), историческими процессами, ведущее к тому, что единое понятие евразийской цивилизации оказывается пустым, несмотря на богатство евразийских черт как таковых. Хотя, как показано выше, идеолог неоевразийства постарался отмежеваться от представления ранних евразийцев о единстве цивилизационного пространства Евразии.

Сегодня Евразия как геополитическое целое — преимущественно продукт Восточной Европы, поэтому правильнее говорить о евразийской подгруппе и ряде подгрупп восточноевропейской славянской цивилизации, хотя, конечно, евразийские подгруппы есть и в других цивилизациях, тюркско-исламской цивилизации, например. Без России как варианта восточноевропейской цивилизации нет Евразии как целого. Попытки с помощью туранской версии евразийства привлечь под курс России тюркские государства Средней Азии и тюркские народы довольно иллюзорны; они участвуют в евразийской интеграции только по мере своих интересов.

Сегодня в интеллектуальных и политических кругах существует не только евразийство как течение, но и некий постсоветский миф о евразийстве как

²¹⁴ Дугин А. Г. Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 26.

²¹⁵ См.: Орлова И. Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М.: Норма, 1998. 275 с.

²¹⁶ См.: Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

о великой доктрине. Вместе с православным византизмом и доктриной Русского мира евразийство составляет современную идеологическую триаду российского истеблишмента. В патриотической и компрадорской западнической среде идеи евразийства подвергнуты серьёзной критике. В научной же среде не выявлено никаких признаков существования единой Евразии в этническом, суперэтническом и цивилизационном отношении — в том смысле, в каком она трактовалась евразийцами как симбиоз народов. Евразию можно трактовать в геополитическом смысле как осевую зону или коридор, а также как продолжение Русского мира и вместе с ним восточноевропейской цивилизации, которые, однако, не охватывают всю Евразию даже в её узком смысле, а лишь её северную зону. В силу климатических, географических, исторических условий народы Северной Евразии обладают некоторой схожестью и совместимостью друг с другом, а политические, экономические и культурные процессы — некоторой похожестью и целостностью. Это и позволяет говорить о феномене Евразии. Но цивилизационного единства в Евразии не было и нет — она всегда была перекрёстком цивилизаций. Следовательно, сухой остаток евразийства — вспомогательная концепция для поиска общих точек соприкосновения в контактных зонах Евразии. Евразийство как концепция требует радикального переосмысления российским гуманитарным и политическим сообществом в направлении учёта реализма и национальных интересов России, а также большой Евразии в целом.

Всё вышесказанное не отменяет отдельные большие научные, философские и идеологические достижения евразийцев и тот факт, что евразийство является оригинальным течением и обладает высокой политической ценностью. Евразийство вносит важный географический «континентальный» штрих в понимание цивилизации России и ВЕ в целом, без которого её уже сложно представить. Но на роль базового определения цивилизации оно не подходит.

1.5. Русизм и россиянство: русская цивилизация, российская страна-цивилизация, Русский мир, остров Россия

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебе наблюдала хотя.

В. Хлебников. Россия забыла напитки...

Методологический анализ термина «государство-цивилизация»

В последние десятилетия цивилизацию России часто рассматривают как уникальное государство-цивилизацию. Его можно назвать «русизмом» или «россияцентризмом». Такой подход к цивилизации России стал мейнстримом

и общим местом политического дискурса. Концепцию русской цивилизации как сильно урезанной в пространственных, временных и национальных границах можно рассматривать как важную попытку самоопределения русских и других народов РФ в условиях враждебного русофобского окружения. Проанализируем, насколько она удачна и каковы её истоки.

Сначала рассмотрим платформу русизма — российской цивилизации с точки зрения методологии. Отдельное государство-цивилизация — смысловая конструкция, которая логически использует тавтологию, то есть определение цивилизации страны через наличие в данной стране хоть какой-то особой цивилизации: «цивилизация страны есть цивилизация». Если вы относите к стране цивилизацию, то само наличие цивилизации не означает, что это единственное число, а не общее свойство всех стран иметь цивилизацию, в том числе цивилизацию с оригинальными чертами. Истоки этой ошибки восходят к указанной выше проблеме единства/множественности цивилизаций в мире, проявившейся в западной мысли, когда цивилизация трактуется как набор свойств цивилизованности, а не как неповторимый тип человека. Тавтологичность как самообоснование, впрочем, является одной из логических черт идеологического дискурса вообще.

Представление о множественности цивилизаций ведёт к дроблению цивилизаций на национальные и государственные единицы. Однако дробление понятия конкретной цивилизации не может производиться бесконечно, иначе придётся признать наличие отдельных цивилизаций даже в самых маленьких государствах типа Латвии, Эстонии, Абхазии, Люксембурга и т. д. Иначе говоря, то, что любая страна имеет определённую оригинальную цивилизацию и цивилизаций много, не значит, что эта цивилизация имеет место только в этой стране, а в других обязательно иные.

Спорной является сама конструкция страны-цивилизации, поскольку страна и цивилизация — это предметы с разными смыслами, государственно-политическим и общественно-антропологическим. Их проблематично объединять. Если эта страна обладает цивилизацией, не следует, что цивилизация есть эта страна. Эти единичные понятия не являются синонимами.

Фактически на примерах сложно обосновать наличие стран-цивилизаций. Обычно приводят пример подхода к КНР как к очень крупной стране-цивилизации, но он не повторяется на примерах других государств. Например, говоря о цивилизации Индии, мы имеем несколько разных крупных государств с разными цивилизационными комплексами. Может быть, цивилизация изначально существовала в виде нескольких государств. Кроме того, Китай некоторые «цивилизационщики» объединяют в одну восточноазиатскую цивилизацию с соседями из-за схожести типа человека и общества (с Японией, Кореей, странами Индокитая).

Также используется и ошибка операций с объёмами понятия. А именно, если верно суждение, что «любая страна обладает какой-то отдельной цивилизацией», то, однако, из этого не следует суждение, что «эта цивилизация есть только в этой стране и она только эта страна». Хотя вариант совпадения страны и цивилизации возможен, но спорен и применим не ко всем государствам, даже к крупным. По

объёму понятия цивилизация России далеко не совпадает как с цивилизацией Восточной Европы, так и славянской цивилизацией (см. раздел 2 о составе стран и народов цивилизации), с православной цивилизацией и даже с Русским миром, хотя Россия и является крупнейшим самостоятельным и наиболее оригинальным цивилизационным центром ЦВЕ. Из того, что Россия — главный центр ЦВЕ, не следует, что Россия не относится к одной цивилизации с Польшей, Болгарией, Словакией, Украиной и другими государствами Восточной Европы, также представляющими собой центры восточноевропейской цивилизации. Данные приёмы тавтологии и подмены объёма понятия относятся к софистической политической риторике пропаганды, рассчитанной на малоискушённую аудиторию, не способную или не желающую уловить логическую ошибку и сравнить с другими вариантами ответов. Такие рамки исследования философско-логически некорректны. Всё это усугубляется незрелостью цивилизационной теории и нечёткостью самого понятия.

Если говорить о методологическом значении концепта русской (российской) цивилизации, то подход к цивилизации России как государства-цивилизации имеет как плюсы (жёсткая определённость и независимость от цивилизационной и геополитической позиции других государств), так и минусы (неправильное определение самой цивилизационной принадлежности России через нацию и слишком узкое понимание типа человека). Согласно такому подходу, в обмен на исключительность мы получаем сужение цивилизационной базы и программы России, вопреки намерениям использующих его авторов и спикеров, которые хотели бы подчеркнуть её самодостаточность и грандиозность. Величия России он не прибавляет. Избавиться от объединения с Западом тоже не особо помогает, поскольку Россия зависает между Западом и Востоком, что характерно для подхода западников.

Поэтому геополитических задач, которые, возможно, хотели бы возложить на него его сторонники, подход государства-цивилизации не решает. Из-за слабой философской и социологической проработки идеологический заряд стреляет мимо цели. К сожалению, формирование внешней политики и идеологии РФ вместо фундаментальных разработок экспертов именно по самому предмету стратегии опирается либо на мнения дилетантов, либо на мнения лиц, сознательно «подсовывающих» сомнительные ответы, либо на людей, озвучивающих повестку благодаря статусу, но не обладающих достаточным мировоззренческим кругозором.

Чем же всё-таки мотивировано введение в обиход государства-цивилизации? Концепт русской (российской) цивилизации — это попытка компромиссного подхода к цивилизации России, так как цивилизацию России, исходя из её уникальности страны-цивилизации, можно трактовать как угодно — на потребу любым симпатиям: и как европейскую (для западников, тем более у власти), и как славянскую (для славянофилов и натовистов), и как евразийскую (для евразийцев), и православную (для православных), и русскую (для русских национал-патриотов), и российскую (для сторонников многонациональности). На деле идёт конструирование искусственной мозаичной цивилизационной российской идентичности из фрагментов этих подходов и отдельных событий (Крещение Руси,

Победа 1945 года). Некоторые политтехнологи считают, что это как раз и нужно от «цивилизации» для целей пропаганды, но это глубокое заблуждение, поскольку это не более чем поверхностная картина исходного типа личности. Иными словами, понятие государства-цивилизации пригодно скорее для пропаганды, чем для философии, науки и идеологии. Для идеологических целей оно подходит в меньшей степени в силу указанной уязвимости и узости, поскольку идеология отличается от пропаганды большей устойчивостью и логической связанностью.

Теория исторической России как государства-цивилизации стала формой проявления крепнущего цивилизационного сознания патриотической части элиты и интеллектуального сообщества в противовес глобалистским химерам предшествующих десятилетий, своего рода идейной высотой, закреплённой по итогам национально-патриотического подъёма второй половины 1990–2000-х гг. Такой подход лёг в основу академических монографий и учебников²¹⁷, хотя мы имеем дело лишь с исторически временной ситуацией, сложившейся после геополитического разгрома Западом советского блока в 1991 году. Одна из крупных объединяющих работ О. А. Платонова «Русская цивилизация»²¹⁸ (Институт Русской цивилизации), в которой он совмещает истоки русской и славянской цивилизаций. Справедливости ради надо сказать, что О. А. Платонов — также и лидер панславянского движения, который провёл в Москве очередной юбилейный всеславянский съезд в 2017 году, автор и публикатор многочисленных работ славянофильской направленности. Различными группами в 1990–2020 гг. была создана и внедрена доктрина Русского мира (см. подробнее наст. раздел ниже). Наконец, в результате в марте 2023 года «особое положение России как государства-цивилизации», «цивилизационная общность Русского мира» внесены в текст новой Концепции внешней политики РФ²¹⁹.

Концепция России как государства-цивилизации, очевидно, удобна для российской элиты в её нынешнем состоянии, к 2020-м годам в целом вынужденно покинувшей русло прозападной политики и западнической идеологии. Причина

²¹⁷ См.: Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 121 с. Цит.: URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2016/spiridonova/Spiridonova.pdf> (дата обращения: 14.09.2023); Харин А. Н. История мировых цивилизаций: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 392 с.; Багдасарян В. Э. Россия как государство-цивилизация [Электронный ресурс] // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11 (дата обращения: 15.09.2023); Фурсов А. И. Будущее русской государственности: НАЦИА? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? [Электронный ресурс] // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.russiatoday.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkoj-gosudarstvennostinaciya-civilizaciya-inoe.html> (дата обращения: 10.03.2016); Якунин В. И. Россия — это государство-цивилизация [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479>. 2012.09.28 (дата обращения: 30.09.2015).

²¹⁸ Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.

²¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 31.03.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 14.09.2023).

её удобства в следующем. С одной стороны, она связывает цивилизацию и интересы государства в одно целое, повышая его номинальную значимость и самостоятельность (на деле, конечно, этого не происходит, поскольку для влияния важно лидерство страны в своей цивилизации, а не изоляция), с другой — выводит Россию из крупных цивилизационных групп, в которых она в нынешнем состоянии вряд ли может быть лидером. Очевидно, что в странах цивилизации ВЕ Россия по итогам постсоветской эпохи оказалась в полной изоляции, а в начале 2022 года просто изгнана оттуда Западом. В Евразии Россия тоже вряд ли станет цивилизационным лидером в отношении стран иных цивилизаций.

Замыкание в узком национальном кругу и отказ от поиска собратьев по цивилизации являются своего рода признаками кризиса русского цивилизационного мышления, да и русского цивилизационного проекта в целом, который очень чётко обозначился в роковые 1990-е годы. Выход из кризиса виделся в «замыкании в себе» и возведении собственных узконациональных и даже политических черт в цивилизационные («островизация»). После грандиозного крушения в 1990-е годы, разочаровавшись в советском коммунизме, панславизме, православном единстве, начинают говорить о замкнутой островной системе русского народа. Тем самым, сводя цивилизационные изыскания к термину русская цивилизация, русская цивилизационная и историософская мысль оказывается загнана в узкий национальный и даже поднациональный коридор, учитывая урезанный характер границ РФ. Это продуцирует также и неверные геополитические решения по уходу России из Восточной Европы как якобы цивилизационно чуждой и относящейся к Западу. В мотивации введения концепта «страны-цивилизации» сыграло свою роль и недоверие постсоветского политического класса к бывшим странам социалистического блока, где к власти были приведены элиты из когорты ставленников Запада и даже русофобов, а также нелюбовь части российской элиты к славянской идее и славянской этничности вообще.

Отказавшись от «журавля в небе» славянской цивилизации в пользу «синицы в руках» государства-цивилизации, Россия сама рубит сук, на котором выросла её цивилизация, в пользу роста иллюзорной смешанной идентичности и намеренно отказывается от цивилизационной интеграции со славянством в пользу провальной «газопроводной дипломатии и геополитики». Типичным примером провальности изоляционной цивилизационной политики России в Восточной Европе (речь не об уступках влиянию Запада) является затяжной углубляющийся украинский кризис 2014 года, в который втянулись и другие страны Восточной Европы, оказавшиеся на стороне киевского режима. Одна из причин в том, что узкая русская цивилизационная парадигма не воспринимается как общеславянская. Тем самым мы выполняем западную программу по изоляции России в Восточной Европе и ликвидации большой славянской культуры в её странах.

Доктрина Русского мира

К вариантам концепции государства-цивилизации относится доктрина «Русского мира» РПЦ и российской власти, островная концепция «Острова России», а также предшествующие им взгляды почвенничества и славянофильства. На

протяжении 1990–2010-х гг. предпринимаются настоячивые попытки превратить идею русской цивилизации в официальную доктрину России, однако сделать это сложно, поскольку цивилизация русских базируется на более широких основаниях, чем одна, даже большая нация. Научная же обоснованность и правомерность термина «русская цивилизация» вызывают большие сомнения. В отличие от, скажем, Китая, применительно к которому можно, хотя и небесспорно, говорить об отдельном государстве-цивилизации с чёткими историческими, географическими и этническими границами, Россия не имеет такого размежевания с Восточной Европой и остальной Евразией. Для «русскоцентричных» концепций цивилизации характерна идея эксклюзивной избранности русского народа (концепт богоизбранности), обладания особой правдой и безусловного морального превосходства, что является, конечно же, иллюзией.

Чтобы избежать очевидной узости националистической морали, иногда авторы прибегают к расширительной трактовке принадлежности к русскому этносу, распространяя, например, русскость на всех украинцев, при этом имея в виду принадлежность к одной цивилизации, что не одно и то же. Иногда к русским относятся вообще все лица из разных народов, близкие русским по духу, культуре и ценностям, что неточно и иногда фактически неверно. Здесь наблюдаются попытки логических операций слияния объёмов разных по смысловой сфере понятий, в частности нации и цивилизации, чтобы создать идеологическое вероучение вслед за отмеченной выше тавтологией.

Примером подхода русской цивилизации служит доктрина «Русского мира», введённая в широкий публичный оборот Патриархом всея Руси Кириллом в ноябре 2009 года. «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир — от киевской купели крещения. Русский мир — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»²²⁰. Приведённый фрагмент говорит о достаточно чётком понимании патриархом границ цивилизации «Русского мира», совпадающих с канонической территорией Русской православной церкви, которая, в свою очередь, совпадает с территорией распространения позднесредневековой русской идентичности. А та определялась в основном принадлежностью к православию.

Следует отметить, что первоначально, до внедрения РПЦ в постсоветский период, доктрина Русского мира в 1990-е гг. разрабатывалась в кругах, далёких от православия (П. Щедровицкий, С. Градиловский, Г. Павловский, Е. Островский и др.), которые, возможно, отрабатывали запрос на искусственное сужение

²²⁰ Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. Официальный сайт Московского Патриархата. 08.09.2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 17.09.2023).

цивилизационной идентичности и сведение её к границам РФ как крупного осколка исторической России и к российским диаспорным структурам в других странах. Речь шла о встраивании России в глобальный мир через русский язык и культуру и подстраивание русской цивилизационной культуры под глобальный мир. Важно было «оседлать» и разросшееся русское национальное движение. По сути, это был замаскированный под национальную цивилизацию вариант западной трактовки Русского мира. И лишь в дальнейшем она была скорректирована и дополнена патриотами-традиционалистами. В коллективной работе Изборского клуба (с участием автора) со своей трактовкой доктрины Русского мира говорилось: «...в кругу экспертов идёт спор о том, кто впервые сформулировал концепт Русского мира в его современном звучании. Существует распространённая точка зрения, что решающий вклад в этот концепт был внесен группой “методологов”, в первую очередь П. Щедровицким (сыном и в определённой мере идейным наследником создателя методологической школы Г. Щедровицкого), который в конце 90-х годов предложил ни много ни мало “доктрину Русского мира”, достаточно широко обсуждавшуюся. Что же предложили методологи? Суть этой доктрины заключалась в том, что после крушения советской цивилизации возможно строительство нового единства не на цивилизационном, а на культурно-языковом уровне — “Русский мир” рассматривался как мир русскоязычных диаспор. Даже основной проект “щедровитян” в это время получил символическое название “Русский архипелаг”. Это обосновывалось, в частности, тем, что почти половина русских оказалась за границами РФ. Другие участники дискуссии предлагали метафору “острова-России” как убывающей исторической величины, уменьшающегося геополитического пространства, которое окружают агрессивные “проливы”-лимитрофы, растущие вокруг русской земли (В. Цымбурский)»²²¹. Рассматривая данный круг лиц, использовавших старую идиому «Русский мир» (так назывался журнал в конце XIX в.), трудно отделаться от мысли, что идея «острова»-цивилизации была искусственно вброшена в идейное пространство на смену славизму, византизму, советизму и евразийству, а затем подхвачена массой вторичных интерпретаторов и преподавателей, тиражирующих её в учебных пособиях. В дальнейшем нам оставалось иметь с ней дело как со свершившимся государственным фактом.

Позднесредневековая русская идентичность ещё не имела характера нации, а относилась к нескольким народностям и группам, следовательно, её можно назвать термином Гумилёва «суперэтнос». Русский суперэтнос позднего Средневековья, маркированный этнонимами с корнем «рус», был лишь частью ареала восточноевропейской цивилизации, возможно, более самостоятельной политически и экономически, и более оригинальной, чем другие. Однако он не был изолирован от других славянских народов и питался в том числе их достижениями в критически важных сферах. Выделение русской цивилизации из контекста

²²¹ Проханов А., Аверьянов В., Дугин А., Кобяков А., Платонов О. и др. Доктрина Русского мира / сост. В. В. Аверьянов. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016. 640 с. Цит.: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/10269/> (дата обращения: 14.09.2023).

Восточной Европы антиисторично, хотя Русский мир выражает особенности Восточной Европы наиболее ярко и последовательно. Иначе говоря, претензии русских на отдельную, полностью особую цивилизацию чрезмерны, но более адекватны в роли цивилизационного ядра Восточной Европы, сплотившегося в одну нацию.

Каковы прямые предшественники концепции русской цивилизации? Иногда на эту роль видят ранних славянофилов, однако полностью подтвердить и опровергнуть эту гипотезу нельзя, так как законченной концепции цивилизации у них нет, за исключением «русского просвещения» (синоним культуры), «иранства» и ряда других положений. Во всяком случае предпосылки в их мировоззрении именно к узкорусской трактовке цивилизации, по сравнению с панславистской, были. Но это, скорее, суженный до широкого русского понимания вариант славянской трактовки (восточнославянский) цивилизации. Позиции славянофилов и неославянофилов в определении цивилизации как русской, и как славянской, и как православной наследнице Византии, часто сочетались друг с другом и тяготели к определению России как исключительного и поэтому отдельного варианта славянской цивилизации.

Вероятным автором, или, лучше сказать, философской повивальной бабкой, понятия «русской цивилизации» можно считать философа-почвенника Н. Н. Страхова, явно обозначившего его в статье «Роковой вопрос»²²² (1863) по поводу польского вопроса вскоре после Польского восстания. Но главный вопрос статьи — вопрос наличия особой русской цивилизации. В своих размышлениях Страхов, кстати, явно ссылается на идеи Киреевского об особой русской образованности, высказанные десятилетием ранее. Статья Страхова строится на утверждении, что поляки являются носителями и миссионерами западной цивилизации в Восточной Европе, и это являлось одним из мотивов восстания против России. Страхов предполагает вторичность польской цивилизации по отношению к Западу, в которой «не было никакой самобытности и потому она не могла слиться в крепкое целое с народным духом»²²³. Можно сказать, что Страхов прав и не прав по отношению к цивилизации Польши, у которой были и свои оригинальные славянские черты. Следовательно, русские имеют другую самобытную цивилизацию, отличную от поляков, хотя не вполне оформившуюся и не успевшую дать высокую культуру, которую можно было бы противопоставить польскому культурному экспансионизму. «Не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твёрдая, наша русская цивилизация»²²⁴, — писал Страхов. Вопрос о русской цивилизации ставится им как бы дискуссионно, в сослагательном наклонении. «Роковой» характер вопроса, по Страхову, был в способности русских выработать собственную цивилизацию или хотя бы её дух, то есть «русские духовные силы»; следовательно, польский вопрос был переведён на русский вопрос, а русский вопрос

²²² Страхов Н. Н. Борьба с западом / Составление и комментарии А. В. Белова; Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 37–49.

²²³ Там же. С. 46.

²²⁴ Там же. С. 45.

увязан с вопросом о собственной цивилизации, логика которой, в свою очередь, ведёт носителей идеи русской цивилизации к изоляционистской позиции по отношению к восточноевропейским народам, не желающим следовать за русскими. Тем самым сокращается и сама возможность для создания исторической, культурной и географической основы для собственной цивилизации. Сужение цивилизации до Русского мира — роковое решение. Конечно, Н. Н. Страхов не единственный источник доктрины, скорее его работа — иллюстрация этого хода мысли.

Доктрина «Острова Россия»

Одной из теорий, осмысляющих положение России 1990-х с точки зрения цивилизации и геополитики, была и теория государства-цивилизации В. Л. Цымбурского, изложенная в работе «Остров Россия» (1993) и серии других работ²²⁵, оказавшая некоторое влияние на эволюцию взглядов либерально-консервативной интеллигенции конца 90-х — начала 2000-х, позднее оформившейся в расплывчатое сообщество национал-демократов (либеральная версия национализма). В. Л. Цымбурский писал: «Россия являет с XVI в. напряжённое совмещение паттернов “острова” и “хартленда”... Конституирует российскую геополитическую идентичность, как мы видели, прежде всего паттерн “острова”»²²⁶. У Цымбурского речь эксплицитно шла более о геополитической роли России, чем о цивилизационной, однако очевидно, с учётом широты рассуждений этого автора о всех сферах жизни общества применительно к идентичности России, что в концепции «острова» подразумевалась также и она. Концепция «Острова» подавалась как якобы патриотическая альтернатива внешнеполитическому предательству режима западников Ельцина — Гайдара, пытавшихся втянуть РФ в западные блоки или имитировать возврат к советской империи СНГ, однако таковой не являлась, а закрепляла за Россией геополитическое фиаско.

«Островная концепция» В. Л. Цымбурского пока победила на государственном уровне в виде утверждения в документах государственного планирования о России как государстве-цивилизации. Однако если не отказ от неё, то пересмотр её неизбежен, поскольку Россия, являясь осью материка Евразии, не может проводить изоляционистскую внешнюю политику острова, отказываясь от претензий на единую цивилизацию с соседями, прежде всего в ВЕ. «Островная» политика угрожает самому существованию современной России, сводя её к границам XVI–XVII вв., не говоря уже о мировоззренческих издержках. Кроме того, концепция Острова России прямо противоречит всем взглядам из истории геополитики на её геополитическое положение: Остров, океан — Запад; материк,

²²⁵ См.: Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с. Цит.: URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/symbur.htm> (дата обращения: 14.09.2023).

²²⁶ Цымбурский В. Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6.

мировая суша — Россия. Хотя Россия, конечно, не претендует на весь материк, из этого не следует островной характер её цивилизации. Россия не является талассократическим островным империалистическим хищником типа США, Великобритании и Японии в прошлом, или, скажем, полисов Древней Греции, или Венеции и Генуи Средневековья.

Помимо островной концепции цивилизации-государства, или союза государств, подчинённых России, В. Л. Цымбурский использовал идею так называемого лимитрофа, или государств с расколотой цивилизационной и геополитической идентичностью, в целом чуждой России. Однако в лимитроф включаются и другие государства: Украина (в границах 1991 года!), Белоруссия, страны Прибалтики. Лимитрофность как концепция смещения не объясняет природу цивилизации тех стран, которые оказались в пограничных зонах, они всё же принадлежат к определённой цивилизации. В целом мы видим реинкарнацию идей русской (российской) цивилизации как признание постсоветского статус-кво после поражения и развала СССР.

1.6. Советизм. Цивилизация реального социализма

Мы были не русские, были советские,
Выбрали ценности мы европейские.
И бросьте амбиции ваши имперские.
К. П. Дорошенко. Мы были не русские

Современная цивилизационная определённость России и русских часто рассматривается как советская или постсоветская социалистическая цивилизация СССР и советского блока, причём нередко как их сторонниками, так и противниками. Она пришла на смену предшествующей русской, славянской, православно-византийской цивилизации, органично интегрировав её черты, либо, наоборот, разрушив их. Во всяком случае после 1917 года Россия рассматривается с цивилизационной точки зрения уже как социализм либо смесь социализма с другими цивилизациями.

Такой подход к реальному социализму с позиций самого реального социализма, по нашему мнению, удобнее назвать «советизмом», хотя советизмом принято было назвать идеологию приверженности советской социалистической цивилизации. Но именно позиция приверженцев советского социализма, отмежевавшихся от Старой России, наиболее точно передаёт дух этого подхода. Ведь они преемники строителей нового мира — нового «эона» истории, который обнулil предшествующую цивилизацию. (О самой цивилизации социализма см. далее в разделе 5. Здесь даётся только описание платформы советизма.)

Пророчества панславистов и Н. Я. Данилевского о новом славянском устройстве общества парадоксальным образом сбылись вместе с предвидениями А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского в виде системы реального социализма, прежде всего в СССР. Действительно, социалистическая система доказала оригинальность восточноевропейской цивилизации. Идея о том, что советский строй представляет собой особую цивилизацию, возникла на Западе довольно

рано: уже в 1936 году вышла книга С. и Б. Уэбб «Советский коммунизм: новая цивилизация?»²²⁷.

Советизм как мировоззренческая платформа — особое явление, не сводимое к безраздельно господствовавшей в СССР официальной идеологии марксизма-ленинизма, хотя и строящееся на его основе. В методологии и идеологии советизма есть своя логика. И она действительно продиктована в первую очередь логикой левого мышления западного типа. Левое мышление склонно рассматривать цивилизацию как этап или уровень развития определённого общества со своими особенностями. Исходя из материалистического и глобального подхода левых к истории, цивилизация при социализме претерпевает необратимые качественные изменения, что кардинально отличает её от предшествующего общества данной страны и от цивилизаций других стран. Социализм является фокусом общественного и научно-технического прогресса. Однако российский советизм обладает чертами не только левого, но правого мировоззрения консервативно-революционного и националистического толка, что отмечено в ярлыке «красно-коричневые», представляя собой своеобразное почвенничество и народничество с мифом о золотом веке при СССР.

Несмотря на большое количество работ разного типа о советском социализме, понимание особенности и глубины этого явления сложилось не сразу, и даже ещё в 1930–1950 гг. мы его, такое понимание, в марксистской литературе не наблюдаем. Сами архитекторы реального коммунизма в Восточной Европе, такие как В. Ленин (в проектировании), И. Сталин, Л. Троцкий, Н. Хрущёв, Л. Брежнев, равно как и философы-теоретики марксизма, оперировали исключительно формационным, а отнюдь не цивилизационным подходом. Фактически они находились в парадигме мышления западнизма о единой мировой цивилизации. Согласно ленинской, сталинской, да и другим моделям марксизма, мир един, и различия определяются разными стадиями развития — общественно-экономическими формациями.

В западном научном сообществе сложился целый сегмент по комплексному изучению цивилизации советской России — советология, что вполне справедливо, принимая во внимание масштабность объекта исследования. Однако советология в основном сосредоточилась на эмпирических фрагментарных исследованиях и прикладной тематике, редко поднимаясь до масштабных обобщений, хотя некоторые из них, как Р. Пайпс и С. Коэн, являются весьма пронизательными.

Для описания и моделирования коммунистического общества в СССР была создана квазинаучная дисциплина — «научный коммунизм» и ряд других подобных субдисциплин: «политэкономия социализма», «история КПСС», «исторический материализм», «научный атеизм». Из всего спектра социалистической советской идеологической продукции наиболее адекватной коммунистической цивилизации идеологией является сталинизм и поздний марксизм-ленинизм 1960–1985 гг. Суть данной цивилизации в её становлении выражает именно сталинизм как сумма наследия и практики И. Сталина и его идеологов, поэтому

²²⁷ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм — новая цивилизация? Т. 1, 2. М.: Государственное социальное и экономическое издательство, 1937. 1045 с. Цит.: Сидней и Беатрис Уэбб. М.: Книга по Требованию, 2011. С. 409–410.

в постсоветскую эпоху предпринимаются многочисленные попытки реабилитации сталинизма, правда, часто выражающие лишь его формальную и методическую сторону. Сталинизм стал своего рода ключом к советизму.

Сталинизм подвергался многократной критике как якобы неистинная, аномальная и извращённая тоталитарная форма социалистической идеологии и практики, отказавшаяся от «истинного» марксизма-ленинизма. За представлением о советском обществе как о социальной аномалии, продукте утопии или архаизации стоит нежелание и бессилие понять советский социализм как закономерный вариант восточноевропейской цивилизации, как результат эволюции восточноевропейского типа человека. Принципиально выгодное положение названных дисциплин в том, что в них соответствуют друг другу реальный предмет, его моделирование и методы описания.

Г. Маркузе в работе «Советский марксизм. Критический анализ» писал о «новой рациональности» советской коммунистической теории, имевшей функцию «обозначения и руководства определённой практикой», которую он назвал «советским реализмом»²²⁸. Похоже на термин «социалистический реализм», обозначающий направление и стиль в культуре СССР. Советский марксизм был оптикой реальной социалистической цивилизации в том виде, в каком она уже сложилась, а не марксизма вообще. Маркузе как теоретик неомарксизма очень точно уловил этот момент, что речь идёт не о советской разновидности марксизма вообще, а об оптике другой особой цивилизации, которую назвал «протосоциализмом». СССР выработал своеобразную оптику марксизма-ленинизма, в которой классический западный марксизм выступал чем-то вроде цивилизационной псевдоморфозы.

Ключевым вопросом научного коммунизма являлось формирование нового типа человека (культурная революция и последующее коммунистическое воспитание) и создание социальных форм его жизни (коллективизация, индустриализация, советизация), что подходит под понятие особой цивилизации. Советский реализм с элементами романтизма стал основой платформы позднего постсоветского советизма, который в значительной мере «разошёлся» с марксизмом, в понимании Маркузе. Сторонники советизма рассматривают себя и советских людей реального социализма как «новых» людей коммунистического будущего, образ нового человека — главное в культуре соцреализма. Новый человек соцреализма очень напоминает своими чертами, да и прообразом, «осевого человека». Он и является базой для политических и цивилизационных суждений сторонников советизма, а не догмы марксизма. В отличие от материализма классического марксизма, сторонники советизма могут быть агностиками и даже православными, и одновременно марксизма — сторонниками синкретизма разных направлений.

Более или менее объективный анализ советской социалистической цивилизации начался поздно. Только работы А. Зиновьева и С. Кара-Мурзы позволили перенести трудноразрешимый вопрос о советском наследии из явно устаревшей и неадекватной современной реальности марксистской «формационной» плоскости в национал-патриотическую цивилизационную, при этом оставаясь на левосоциалистических позициях. Тем не менее вопрос о наследии советской со-

²²⁸ См.: Marcuse H. Soviet Marxism: a critical analysis. N. Y., 1958. 271 p.

циалистической цивилизации так и остался неразрешённым и используется как пропагандистский миф. Работы А. Лазаревича «Советия» (2001), А. Синявского «Советская цивилизация: культурная история» (1990, на английском) также развили подход к социализму как к отдельной цивилизации. Основоположителем цельной и оригинальной концепции «советской цивилизация» и её «коммунизма как реальности» является философ А. Зиновьев. Правда, термин «советская цивилизация» упоминался Ф. Броделем в учебнике «Грамматика цивилизаций» (1963)²²⁹. Само понятие советского типа человека и общества сформулировано А. Зиновьевым в рамках его диссидентской активности ещё в период расцвета реального социализма и поэтому существенно отличало его от других критиков советского социализма как российского, так и зарубежного происхождения, начиная с Л. Троцкого, Н. Бердяева, М. Джиласа и др. Зиновьев изначально отказался от идеологических штампов и поверхностных подходов в оценке реального коммунизма. Советская цивилизация представляется как принципиально новая в истории человечества, создавшая тип «советского человека», основанный на коммунальности. Тип человека социалистического (коммунистического, в терминологии Зиновьева) описан в работе «Homo soveticus». Однако наиболее полное критическое и вместе с тем позитивное осмысление советской цивилизации проведено им уже в 2000-е годы после краха СССР, что заставило по-другому относиться к масштабу этого мыслителя.

Своеобразное развитие просветительно-рационалистический подход к советской социалистической цивилизации получил в работах С. Кара-Мурзы, прежде всего двухтомной историко-философско-публицистической «Советской цивилизации» (2001), которая представляет собой исторический обзор двух основных этапов развития советской цивилизации — до 1945 года и после 1945 года. Работу в целом можно рассматривать как похвальную эпитафию социализму, если не учитывать то, что автор одним из первых систематически поставил вопрос о цивилизационном статусе советского социализма. Согласно С. Кара-Мурзе, советский социализм является более перспективной альтернативной моделью Просвещения по сравнению с капитализмом²³⁰. С. Кара-Мурза видит советскую цивилизацию как совершенно особую, хотя и парадоксально являющуюся продолжением цивилизации, ранее существовавшей в России, хотя он и, отдавая дань традиции, ссылается на некий вымышленный «крестьянский общинный коммунизм» в дореволюционной России, а также патернализм. Общинный коммунитаризм и патернализм, по его мнению, уживались в советской цивилизации с просветительством. В одной из многочисленных работ он говорит уже о «русской цивилизации», которую он опять-таки видит под углом советской. Подобные конструкции оказались несколько эклектичными, что не пропустили мимо внимания левые критики Кара-Мурзы. Подобная трактовка Кара-Мурзы, направленная на перевод советского строя из формационно-революционной в цивилизационно-консервативную плоскость,

²²⁹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций... С. 36.

²³⁰ Кара-Мурза С., Осипов Г. СССР — цивилизация будущего. Инновации Сталина. М.: Эксмо, Яуза-пресс, 2010. 282 с.

сочетаемая с критикой марксизма, вызвала острую неприязнь у других адептов советского строя и ортодоксальной левой мифологии. «Советская цивилизация» Кара-Мурзы была названа «искусственно созданным мифом». Сходные с просветительской точки зрения на советскую цивилизацию как мутацию западной на базе левой атеистической просветительской идеи А. Мартов и В. Рошин приводят из философско-публицистической работы А. Лазаревича²³¹. Никакой органической связи с русской цивилизацией данные авторы не видят. А. Лазаревич видит две базы советской цивилизации — советский народ как особую общность и ценности социализма, включая атеизм. Атеизм рассматривается Лазаревичем как инструмент создания советского народа и социалистической цивилизации: «История советской страны есть история борьбы советской цивилизации с древними доиндустриальными культурами, в первую очередь с русской культурой»²³².

В постсоветской России сторонники концепции советской цивилизации констатируют её разрушение. Однако черты советского человека прочно укоренились и сохраняют своё значение, поэтому вряд ли уместно отрицать факт посмертного существования советской цивилизации. Другое дело, что было бы неправильно советскую цивилизацию в угоду идеологическим симпатиям и антипатиям вырывать из общего исторического ряда восточноевропейской цивилизации. Мы же видим, наоборот, что советский опыт подтверждает существование Восточной Европы как отдельной оригинальной цивилизации. Трактовка советских феноменов, кажущихся беспрецедентными, весьма успешно может производиться в контексте восточноевропейской истории.

1.7. Гипербореиство и цивилизация Севера

Но ни вплавь, ни впешь
Никто не вымерил дивного пути
К сходу гипербореев —
Лишь Персей,
Водитель народа...

*Пиндар. Пифийские песни
(«Персей Гиперборейский»)*

Идея Севера противоположна идее Центра.

Г. Джемаль. Ориентация — Север

Географические предпосылки гипербореиства

Гипербореиством можно назвать систему взглядов различных авторов, определяющих цивилизацию определённых частей Евразии прежде всего как изна-

²³¹ См.: Лазаревич А. Советия. Размышления о происхождении, истории и будущем советской цивилизации, её нынешнем кризисе и путях выхода из неё [Электронный ресурс]. М., 2001. URL: http://technocosm.narod.ru/k2f/Sovietia_1.htm (дата обращения: 14.09.2023).

²³² Там же.

чально северную или цивилизацию примордиального Севера²³³. Гиперборейство распространяется как на западную цивилизацию, так и на восточноевропейскую и ряд народов Севера, Сибири и Америки.

Но восточноевропейской цивилизации, прежде всего русским, принадлежит приоритет как наиболее масштабной общности Севера. Действительно, восточноевропейская цивилизация является самой северной из современных крупных цивилизаций по климату (зимние температуры), расположению, природе, расовым типам, этнопсихологии (см. подробнее 2.11). К ней относятся самые северные в мире крупные города (Норильск, Мурманск, Архангельск), обширные регионы с постоянным населением, крупные промышленные районы, магистрали, морские пути (СМП), аграрные комплексы. Экспансия на Север как со стороны России, так и Запада (США, Канада, Норвегия, Дания) продолжается. В Евразии к северным народам относится и часть народов многочисленной алтайской (туранской) языковой семьи, привыкшей к континентальному климату с большим холодным периодом (монголы, буряты, якуты, тувинцы, татары, башкиры, казахи, киргизы и др.). Арктическая зона становится ареной раздела сфер влияния Запада и России. Освоение и поддержание ресурсных кладовых полезных ископаемых и коммуникаций требуют соответствующих северных качеств человека.

Привычка к жизни на севере, в условиях холодного климата с отрицательными температурами, является существенной характеристикой человеческого типа большинства народов и людей ВЕЦ, включая и расовые особенности, и культуру, и экономику с высокими климатическими производственными издержками, определяющими её качественный, а не монетарно-количественный тип, противостоящий денежно-капиталистической цивилизации, а также «энергетический» (ориентированной на добычу избытка энергии) и промысловый тип хозяйства. Вместе с тем ВЕЦ нельзя назвать преимущественно арктической или бореальной цивилизацией, поскольку большинство населения относится и тяготеет по своему образу жизни к умеренной зоне. Здесь северные особенности действуют как частичный фактор человеческого типа.

Северному человеку, согласно представлениям гиперборейцев, отчасти подтверждающимся на практике жителей Севера и Сибири, присущи выдающиеся личные моральные и психологические качества: выносливость, терпение, идеализм, самостоятельность, сдержанность, рациональность, индивидуальность, взаимопомощь, чувство справедливости, религиозная автономия, сила воли, стержневая «вертикальность» личности вместо иерархизма. «Индивид на Севере превыше всего ценит свободу и носит моральный закон в себе. Он действует как автономное существо, руководствуясь собственным пониманием справедливости. Ему наплевать, что думают “все”: духовная суверенность позволяет ему

²³³ Подробный обзор авторов по теме современного гиперборейства см.: *Беляков А., Матвейчев О.* Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 436 с. Цит.: URL: https://matveychev.ru/wp-content/uploads/2019/02/Matveychev_Hiperborea_obrez_123_200.pdf (дата обращения: 14.09.2023). Данная работа содержит справочный обзор по сторонникам гиперборейства и их мнениям, но, увы, не подходит к теме северной цивилизации.

связаться со своим Богом напрямую, минуя посредника в лице всевозможных “традиционных религий”... Социальность здесь рождается спонтанно из межличностного притяжения. В ситуации, когда поблизости нет спасателей, полицейских, врачей, психологов, священников и т. п., каждому приходится отвечать за всё. Человек на Севере просто обязан быть сильным, умным, добрым, ответственным, всесторонним — “изначальным”²³⁴, — отмечает теоретик современного российского гиперборейства В. Штепа. Социальными принципами являются децентрализация и свобода пространства: противоположность господствующему центру, откуда вытекает склонность к сепаратизму, а также специфический антиглобализм и антиимпериализм. Последнее, особое свободное общее пространство, отличает и восточноевропейскую цивилизацию от Запада. Однако данные серьёзные факторы выступают лишь внешними предпосылками мировоззрения гиперборейства, которые непосредственно не имеют отношения к его содержанию идейному корпусу. Весь этот круг взглядов можно назвать северным мышлением, «абстрактным» гиперборейством, в широком смысле слова противостоящим разновидностям реального гиперборейства как узких специфических мифологических доктрин, исключая других платформы.

*Северная Прародина —
главный концепт-миф гиперборейства и его философские корни*

Главным тезисом и маркером принадлежности к гиперборейству является не вывод из фактов современной северной цивилизации и её прямых предшественников (бореальный язык и т. п.), а концепт гипотетической фантастически-мифологической арктической прародины северных ветвей человечества, которая не имеет под собой доказательной основы и строится на цепочке взаимосвязанных, но научно несопряжённых допущений. При этом главным допущением является фактор катастрофического изменения климата и наличия на Севере в период существования Гипербореи мягкого климата, без которого трудно представить развитую цивилизацию. Мягкий климат, в свою очередь, обесценивает северный характер цивилизации в гиперборействе, поскольку Север перестаёт быть Севером и становится Югом или умеренной зоной, не отличающейся от современной зоны ЦВЕ; но это не смущает сторонников гиперборейства.

Второе, ещё более бездоказательное, ничем не подтверждаемое допущение — наличие высокоразвитой цивилизации — предшественницы остальных разнотипных цивилизаций по всему миру, вопреки данным исторической науки («арктическая гипотеза»). «Некогда на Севере нашей планеты существовала Прародина единого человечества, единого языка и Культуры. Спасаясь от всемирного природного катаклизма, уцелевшие её обитатели расселились по разным местам Земли, образовав различные страны, народы, языки», — в первых строках излагаются главные основы гиперборейства его видным представите-

²³⁴ Штепа В. Северный ветер. Новая цивилизация как национальный проект // Политический класс. 2006. № 9. Цит.: URL: <http://home.onego.ru/~inache/sever/boreas.html> (дата обращения: 14.09.2023).

лем В. Н. Дёминым²³⁵. Всё это делает гиперборейство заведомо маргинальным течением из сферы фолк-истории и заставляет принимать его тезисы исключительно на веру по принципу: если человек одобряет, то с ним можно разговаривать на эту тему. В целом позиция гиперборейцев ведёт к дискредитации самой темы северной цивилизации. Вместе с тем, несмотря на фантастичность и узость, гиперборейство претендует на роль синтезирующего, якобы недостающего звена для других альтернативных идеологий и доктрин: индоевропеизма (ариософии), белого расизма и нацизма, славизма, финно-угорского этнонационализма, евразийства, разных доктрин фолк-истории и конспирологии, сводя их в одно целое.

Гиперборейство имеет своих предшественников в лице греческих, римских и византийских историков, указывавших полуфантастические сведения о народах севера Евразии — Гиперборее. Концепция Гиперборее (страны «за Бореем» — северным ветром) первоначально сложилась из смутных представлений древнегреческих, позднеантичных и средневековых романских авторов о далёких и малоизвестных им территориях северной и средней части Восточно-Европейской равнины, Скандинавии — Фенноскандии, Северного Урала и севера Западной Сибири (Геродот, Страбон, Плиний Старший, Прокопий Кесарийский), которые затем повторялись в Новое время (карта Меркатора). Однако ранние письменные представления о Гиперборее несли представления как о родственной территории, в частности, связанной с культом Аполлона (главе солярно-зодиакального культового пантеона), проживании счастливых и сильных людей, что отчасти коррелирует с золотым веком и индоевропейской прародиной в Приуралье и на Средней Волге, память о которой смутно сохранилась у древних греков.

Они отражали тот факт, что средиземноморская ветвь западных народов, довольно быстро продвинувшаяся в развитии цивилизации и привыкшая к южному климату, воспринимала народы, живущие к северу и северо-востоку от привычного им ареала, как нечто диковинное. В эту картину вписывались и сведения о славянах, балтах, финнах и соседях — германцах. С античности существовало указанное Шлёцером (и Ламанским) деление Европы на Север и Юг, которое выражает опять-таки представление южных античных авторов о двух цивилизационных мирах.

С этим связано и то, что первый историк славянства, хорват Мавро Орбини, предложил систематическую версию происхождения славян из Скандинавии (1601), обобщив высказывания древних историков, а также сведения о скандинавском происхождении части германских народов (готов, вандалов и других), которых он относил к славянам. Важно отметить, что Орбини считал, что до прародины в Скандинавии славяне и те, кого он к ним относил, сначала прошли через Сарматия — Восточную Европу. Но именно в Скандинавии они размножились и окрепли, сформировались как тип человека. Так Орбини попытался соединить теорию сарматизма с гиперборейством.

²³⁵ Дёмин В. Н. Гиперборейский ликбез [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <https://ss69100.livejournal.com/5359681.html> (дата обращения: 03.03.2020).

Данные взгляды подготовили почву для весьма специфического подхода, который восходит к праворадикальной мистике, оформившейся в XIX веке. Это гиперборейская или нордическая теория, представляющая русских как прямого наследника и ярко выраженный тип северного европейского человека со своей расой, физиологией и религией. Центральным моментом гиперборейства является псевдоисторическая концепция вымышленной арктической прародины индоевропейских народов, располагаемой гораздо дальше к северу и гораздо старше в исторической дистанции реальной исторической прародины индоевропейцев на Средней Волге, а именно от Скандинавии до Таймыра, являвшейся высоко-развитой цивилизацией.

Представления о гиперборейском золотом веке продолжали существовать и развиваться и к концу XIX века вылились в концептуальную мифологическую форму. В частности, работу У. Ф. Уоррена «Найденный рай на Северном полюсе» (1885). Он собрал ссылки на многочисленные мифологические повествования разных народов об арктическом, по мнению его, Уоррена, Эдеме. Очевидно, речь идёт о попытке интеграции мифологии разных цивилизаций в западную рамку. У. Уоррен обратил внимание на то, что Север является осевой зоной мира — центром вхождения земной оси. «По его мнению, легенды всех древних народов содержат недвусмысленные указания на Северный полюс как прародину всех людей планеты. Таковы, в частности, кочующие сюжеты о “мировой горе”, “пупе Земли” и “срединном древе”, являющемся мифическим выражением идеи земной оси, венчающей “вершину мира”, — с полярно-осевой доктриной сопряжено и представление о цикличности исторического процесса», — отмечают А. Беляков и О. Матвейчев важную часть полярной доктрины Уоррена²³⁶.

Нужно отметить, что гиперборейство вызывало растущий интерес в течение XX века в связи с ростом политической географии и геополитики, выдвинувшей на первое место вопрос о географической «оси истории», «осевой зоны» (Челлен, Хаусхофер), очевидно, связанной с Евразией, во многом Северной Евразией и возможно Северным полюсом. Интерес к гиперборейству как части идеологии мирового западного господства подстёгивала и политическая воля к исследованию, захвату и освоению Арктики — процессам, продолжающимся до сих пор. Можно прогнозировать, что в России интерес к гиперборейству по мере возвращения и углубления России в Арктику будет расти, хотя в настоящее время идейные поиски мировоззрения Севера рассматриваются как излишние, маргинальные и отданы на откуп либо мифологическому гиперборейству, либо сепаратизму. Без соответствующего мировоззрения и идеологии воспитать такое население будет сложно.

Ф. Ницше связал тему Гипербореи со своей главной темой сверхчеловека, а также темами Антихриста и воли к власти, придав Гиперборее популярность именно в качестве одного из символов своей философской доктрины, а её носителей, «представителей аристократических рас», вместе с собой назвал «гиперборейцами»²³⁷. Гиперборея приобрела черты философского мифа. Посте-

²³⁶ Беляков А., Матвейчев. О. Гиперборея: приключения идеи... С. 145.

²³⁷ Там же. С. 153.

пенно после Ницше гиперборейство через ряд авторов вошло в мировоззренческий корпус формирующегося нацистского проекта²³⁸. В силу ряда исторических и мировоззренческих причин гиперборейство было интегрировано в западно-европейскую крайне правую, альтернативную глобальному просвещенческому капитализму нацистско-фашистскую континентальную парадигму (Г. Вирт, Ю. Эвола, А. Розенберг).

Эта парадигма известна под именами «Инициации», «Примордиальной традиции». Р. Генон в статье «Атлантида и Гиперборея» одним из первых противопоставляет гиперборейскую традицию западному атлантизму: «...исток Традиции следует искать только на полюсе, а полюс, как известно, не является ни восточным, ни западным. Как и в предыдущей статье, мы настаиваем на том, что Север и Запад являются совершенно различными ориентациями. Лишь в эпоху, весьма далекую от Первоначала, местопребывание Примордиальной Традиции могло перемещаться и в другие регионы — как на Восток, так и на Запад, причём в одни периоды это были западные регионы, в другие — восточные. И во всяком случае верно то, что в последний раз таким местопребыванием стал Восток и уже задолго до времён, называемых “историческими”»²³⁹.

Условно реалистическую основу доктрины гиперборейства составляет так называемая арктическая гипотеза происхождения индусов-ариев и других индоевропейских народов, которую связывают с работой Б. Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах» (1903)²⁴⁰. Научным содержанием работы Тилака, имеющим сегодня только историографическую ценность, является происхождение арийских индийских родов с юга Западной Сибири и Приуралья, что допускает знакомство их с полярными природными астрономическими явлениями и практиками жизни, отражёнными, по мнению Тилака, в Ведах. Если древние арийцы — предки верхних индийских каст — и не проживали севернее широты современных российских городов Кургана или Ульяновска, то наверняка некоторые их военно-торговые экспедиции могли регулярно проникать в соответствующие приполярные территории Урала. Тилак также указывал на родство санскрита с русским языком, что сегодня объясняется просто принадлежностью славян и индоариев к одной большой восточной индоевропейской ветви, маркируемой гаплогруппой R1a (см. далее), а не наличием древней полярной цивилизации.

Базовые для отечественного гиперборейства работы о близости славян и индоариев были написаны пропагандисткой арктической гипотезы в СССР и постсоветской России индологом Н. Р. Гусевой²⁴¹. Они строятся на убеждениях о существовании на севере древней сверхцивилизации, носителями которой являлись предки индоевропейцев. Все эти свидетельства, их достоверная часть, вполне укладываются в признанную ныне концепцию понтийско-каспийской

²³⁸ *Беляков А., Матвейчев О.* Гиперборея: приключения идеи... С. 160–170.

²³⁹ *Генон Р.* Атлантида и Гиперборея // Генон Р. Традиционные формы и космические циклы. М.: Беловодье, 2004. 300 с.

²⁴⁰ *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах / Пер. с англ. Н. Р. Гусевой. М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2001. 525 с.

²⁴¹ *Гусева Н. Р.* Русский Север — прародина индославов. М.: Вече, 2010. 320 с.

прародины, изложенную в курганной теории, которую Гусева, Жарникова и другие игнорировали, поскольку курганная теория сводит на нет их усилия по пропаганде арктической прародины и показывает её ненаучность. Ранняя северная предыстория народов Северной Евразии говорит скорее в пользу доктрины евразийской зоны как некоего разнородного контактного пространства, объединённой условиями обитания в Евразии с изначально холодным ледниковым климатом.

Специалистами по мифологии обнаруживается также некоторое сходство древней базовой мифологии у евразийских народов из различных языковых и антропологических семей (индоевропейской и алтайской), которое трудно объяснить позднейшими заимствованиями. Скорее всего, они предшествуют солярно-зодиакальной мифологии индоевропейцев, сформировавшейся вместе с праиндоевропейской общностью. По всей видимости, существует некая историческая база для имевших место в XX веке попыток объединить гиперборейство и евразийство на общей североевразийской основе.

Позицию современных российских гиперборейцев сформулировал один из активных пропагандистов В. Дёмин, организовавший безуспешные экспедиции по поискам остатков северной цивилизации на Кольском полуострове по следам экспедиции А. В. Барченко 1920-х гг., которая была своего рода попыткой интеграции темы гиперборейства в ранний большевизм. Дёмин писал: «Гиперборея не просто социокультурный феномен. Гиперборея — это ещё и мировоззрение. Можно даже сказать — философия. Именно гиперборейское идейное наследие в преломленном и символизированном виде дошло до наших дней в виде мифологии Золотого века»²⁴². Взгляды Дёмина и Гусевой можно назвать постсоветским возрождением традиционного гиперборейства на рынке российской мировоззренческой продукции. Вариант приближённой к науке гиперборейской теории происхождения славян создан А. А. Клёсовым в опоре на ДНК-генеалогию²⁴³.

Другое направление можно назвать неогиперборейством. Маститым пропагандистом гиперборейской теории западного типа в 90-е годы выступал А. Г. Дугин на страницах журнала «Элементы» и в издательстве «Арктогея» (наряду со своей версией евразийства), а затем и в отдельной книге²⁴⁴, в которой ключевую роль играет концепция Г. Вирта. В дальнейшем А. Г. Дугин дополнил трактовку гиперборейства евразийством, пытаясь парадоксально соединить её с евразийством в качестве альтернативы Западу, несколько поменяв «вектор Борей» на более восточный. Однако, как показывает недавний Манифест Великого Про-

²⁴² Дёмин В. Н. Дивный остров счастливых людей [Электронный ресурс] // yperboreaia.org. URL: <http://www.yperboreaia.org/demin32.asp> (дата обращения: 03.03.2020).

²⁴³ См.: Клёсов А. А. Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории» [Электронный ресурс] // «Академия Тринитаризма». М., Эл № 77-6567, публ. 18039, 21.05.2013. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111146.htm> (дата обращения: 14.09.2023); Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов: Очерки ДНК-генеалогии. М.: Самотека; МИД «Осознание», 2014. 648 с.

²⁴⁴ См.: Дугин А. Г. Знаки Великого Норда. Гиперборейская теория. М.: Вече, 2008. 320 с.

буждения (2021)²⁴⁵, направленный против трансгуманистического ковидобесия и обращённый к западным консерваторам, мыслитель опять попытался совместить темы Севера и западного традиционализма. Среди других авторов по теме Гипербореи следует отметить работы других мыслителей московского «Южинского кружка» Г. Джемаль (трактат «Ориентация — Север»²⁴⁶, содержащий тезисную метафизику гипербореи) и Е. Головина (большое эссе «Приближение к Снежной Королеве»²⁴⁷). Философию гипербореи применительно к России пытался развивать философ В. Штепа («Третий Север», «Северный ветер. Новая цивилизация как национальный проект»²⁴⁸ и другие работы), предложивший для неё «гиперборейский выбор» национальной экономической и политической стратегии на основе опыта Новгородской Республики. Гипербореи присуща претензия на преодоление противоречий идеологии Запада и Востока вообще и славянофильства и западничества в частности (Г. Джемаль, В. Штепа). Это также проявление попытки создания из гипербореи сквозной мировоззренческой платформы, до чего оно всё-таки недотягивает и может лишь играть роль существенного элемента другой платформы. В целом в работах неогиперборейцев Джемаль и Штепы и других предприняты попытки сделать гиперборею философски независимым от принятия/непринятия вымышленного концепта прародин — Гипербореи, в который могут поверить только экзальтированные или малограмотные поклонники.

В заключение отметим, что по целому ряду положений реальное, а не «абстрактное», узкое гипербореиство во всех его разновидностях выступает мировоззренческим антиподом и жёстким конкурентом других идейных платформ цивилизации Восточной Европы: славянофильства, евразийства, византизма, советизма, «островного» и имперского Русского мира. Это антихристианство, неоязычество, сепаратизм северных регионов, субъективизм и иллюзорность бытия (ориентация на миф как антипод реальных научно и фактически обоснованных идеологий), индивидуализм, антиимпериализм, сетевой децентрализм, вымышленная Гиперборея как псевдоисторический предтеча, претензия на создание квазирелигии и ряд других, например постмодернистский дискурс гипербореиства. Объективно гипербореиство относительно ближе всего к западничеству, хотя, бесспорно, это явление иного рода.

Для нашего исследования существенно то, что, несмотря на доминирование антинаучной фантастики и абсурда, гиперборейский миф отсылает к некоторым существенным чертам истории и предыстории славянства и русского народа и народов Восточной Европы в целом. Всё это заставляет мыслителя задуматься

²⁴⁵ См.: *Дугин А. Г. Манифест Великого Пробуждения* [Электронный ресурс] // Катехон. 03.03.2021. URL: <https://katehon.com/ru/article/manifest-velikogo-probuzhdeniya> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁴⁶ *Джемаль Г. Ориентация — Север* // Волшебная гора. 1997. № VI. URL: <http://www.fatuma.net/text/djema-orient12> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁴⁷ См.: *Головин Е. Приближение к Снежной Королеве*. М.: Арктогея-Центр, 2003. 480 с. Цит.: URL: <http://evrazia.org/FTP/golovin1.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁴⁸ *Штепа В. Северный ветер. Новая цивилизация как национальный проект*. Цит.: URL: <http://home.onego.ru/~inache/sever/boreas.html> (дата обращения: 03.03.2023).

о том, что за мифами скрывается нечто большее, чем просто мифы и отрывочные сведения о Севере Евразии и его народах. Возможно, нас ещё только ждут какие-то открытия северной працивилизации, пока что мифической. На данном этапе развития философии и науки адекватный подход к гиперборейской проблеме — даже на уровне правильной постановки самого вопроса — не найден. Никакого явного ключа к загадке Севера пока нет.

1.8. Западничество и европейничанье: Восточная Европа — вариант Запада, особая часть Европы

...Чужебесие — это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ. Мы слишком доверчивы к чужеземцам и позволяем им в нашей стране делать всё, что они хотят. Все наши беды из-за того, что мы слишком много общаемся с иноземцами и слишком много им доверяем.

Ю. Крижанич. Политика

Болезнь эту... приличнее всего... назвать европейничаньем; и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего Славянства, заключается в том, будет ли эта болезнь иметь такой доброкачественный характер.

Н. Я. Данилевский. Россия и Европа

Мы живем на востоке Европы — это верно, и, тем не менее, мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей...

П. Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.

М. Ю. Лермонтов. Родина

Западничество правит Восточной Европой и Россией

Восприятие Восточной Европы как промежуточной лимитрофной зоны между Европой и Азией, или между Западом и Россией как Евро-Азией, основывается на западной платформе, которая отрицает первородность и оригинальность славян и других групп ВЕ и пытается как-то с этой позиции объяснить особенности восточноевропейских народов. Культура ЦВЕ предстаёт неким странным кентавром, где голова и шея — Европа, а туловище — Азия. Такая позиция не является отстранённой, она плод корыстной заинтересованности.

Западничество — это консолидированная идеология правящего класса и бюрократии России с XVIII века, выражающая его экономические, бытовые и мировоззренческие устремления, в то время как вышеперечисленные нами направления носят характер либо альтернативных, представленных лишь наиболее патриотичной его частью, либо даже маргинальных. Поэтому западничество

выступает консолидированной государственно-правовой идеологией, противостоящей народной идеологии, однако в некоторых случаях допускает с ней компромиссы и использует её. Пожалуй, это одна из самых распространённых систем взглядов на Восточную Европу и Россию. Если отвлечься от русского западничества как специфического явления культуры русских верхов Старой России, то мы увидим, что западничество — всеобщее явление Восточной Европы, характерное и для других восточноевропейских стран.

Россией в большинстве случаев правят «западники» — от Алексея Михайловича и Петра I до Александра II. Западники часто более масштабные фигуры, соответствующие размерам осевой цивилизации и русской истории. Таковым был император Пётр Великий. Были они и до Петра I (Годунов, Морозовы, Милославские, Голицыны). Последние Романовы, Александр III и Николай II, не были западниками, однако они вынуждены были придерживаться общих западных установок бюрократической элиты, сформированных до них.

Большевистские правители, за исключением Сталина, а именно Ленин, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Горбачёв, исходили из западных установок марксизма. Сталин исходил из пагубности западной модернизации и ориентировался на собственную славянофильскую модель России и Восточной Европы. Сталин как создатель цивилизации социализма, пожалуй, после Ивана Грозного, — единственная цивилизационная по масштабам фигура из числа не-западников. Постсоветское руководство России является убеждёнными западниками, видящими себя наследниками линии Петра, хотя и относятся к Западу с глубоким недоверием.

Западничество рассматривает Россию и страны Восточной Европы как часть Запада, часть Европы, но только несколько своеобразную или недостаточно цивилизованную, которая подлежит модернизации, реформам и вестернизации, но при сохранении своеобразия. Большинство интеллектуалов Восточной Европы за пределами Русского мира воспринимают свой народ и остальные народы и страны не более как специфическую часть большой Европы, в которой ведущая роль принадлежит народам и странам западной цивилизации и олицетворением которой является Евросоюз. Основанием для этого служит общее индоевропейское происхождение и длительное соседство ЦВЕ и Запада.

Правящий слой, занимающий центристскую позицию между народом и прозападными и антисистемными слоями меньшинства, сформирован как западный по своим государствообразующим идеям, хотя его состав может быть собран из людей самого разного склада, этнического и цивилизационного психотипа: специфических русских и представителей других российских народов. После того как большевики сменили петербургскую «пронемеченную» бюрократию, засилья «немцев», то есть выходцев из стран Запада, их потомков и почитателей, в России нет. Вместо них состав из представителей и потомков указанных народов.

Попытки воссоздать правящий слой из чистых прозападных компрадоров в 1990-е годы не получились из-за внутренней государственной несостоятельности антисистемных прослоек и нежелания брать ответственность за государственный корабль на себя, возложив её на центристскую бюрократию. Однако прогосударственная центристская позиция российской бюрократии и аффилированной с ней олигархии не значит, что у бюрократии России отсутствует

ментальная ориентация на Запад и западную модернизацию. Просто это доброкачественное западничество. Если следовать метафоре Н. Я. Данилевского, западничество («европейничанье»), имеющее две разновидности, злокачественную и доброкачественную²⁴⁹, подобно гигантской опухоли пытается «раздуть» цивилизацию Восточной Европы за счёт заимствований культуры Запада.

Западничество в обеих разновидностях опасно: оно одержимо манией практического делания и переделывания цивилизации за счёт накопления чужого заёмного материала, которое заменяет им адекватную самоидентификацию, — ощущение реальности своего личного цивилизационного «Я». Строительство цивилизации стран Восточной Европы западниками с помощью западных заимствований приводит к созданию псевдоморфоз (по О. Шпенглеру) — внешних форм культуры, общества, черт личности, которые осложняют проявления внутреннего содержания, заставляя подражать содержанию внешнему, «имитировать» внешнее содержание, часто механическим бездуховным путём. Проблема «доброкачественного» западничества не в том, что оно, как Ф. Бродель или Д. Уилкинсон причисляют Россию и Восточную Европу к Западу или как злокачественное западничество пытается подчинить их колониальному диктату Запада, а в том, что оно в процессе создания псевдоморфоз внутри ЦВЕ производит бесконечную подмену идентичности восточных европейцев (так называемый бесконечный тупик, если использовать эту удачную метафору Д. Е. Галковского). Это тупик не только России, Восточной Европы, но и тупик личный, прежде всего тех, кто раздвоился в западнической парадигме.

Создать собственную оригинальную цивилизационную идеологию данный конгломерат лиц просто не способен — он довольствуется гибридными вариантами западничества и других идеологий типа евразийства, византизма, русизма. Истинным мотивом западничества выступает глубокое недоверие элит своему народу и страх перед ним как перед цивилизационной реальностью и желание заменить его на другой более удобный искусственный рационально управляемый по западному образцу «народ», нежелание делиться с ним ресурсами, которые были бы больше тех, чем он сейчас имеет. Самым главным является недоверие к народному типу личности и хроническое недовольство им из-за того, что этот тип не удовлетворяет его потребности — не соответствует цивилизационному стандарту Запада. Более того, недовольство вызывает даже сам цивилизационный код — личностный прообраз, заложенный в народе и лежащий в основе его типа.

Эти настроения системной элиты всячески подогревают антисистемные группы, которые предлагают себя элите в качестве союзника именно перед лицом мнимой или реальной угрозы большого народа. Отсюда все корни либерально-монетаристской и славянофобской идеологии, а также различных форм нацизма и фашизма, как таковые чуждые восточноевропейской цивилизации. Западники видят себя своего рода реалистами в сложностях управления «недостаточно культурными» странами, которым открыты негативные черты народа. Но всё это не более чем «просветительская» идеологическая игра.

²⁴⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа...

Западнические схемы объяснения оригинальности Восточной Европы (и в большей степени России) сводятся к следующим вариантам: 1) концепция промежуточности между Европой и Азией (нечто среднее); 2) концепция отставания и недоразвитости России и Восточной Европы и необходимости из западной модернизации — вольтеровская теория эпохи Просвещения, которая потом использовалась либералами и левыми; 3) концепция туранизма русских и части Восточной Европы (финские и татарские корни); 4) концепция неопределённости, невыраженности и непонятности культурно-исторического типа и, вследствие этого, тупиковости, неудачности его исторического пути.

Среди западнославянских и югославянских авторов западниками можно считать сторонников развития славянских народов в рамках западных государств и блоков: австрославистов, сторонников иллиризма, концепции Центральной Восточной Европы, или авторов более широкой славянской автономии внутри большого Запада, как Т. Г. Масарик. На сегодняшний день в славянских государствах преобладает западническая позиция в духе Т. Масарика, изложенная им в работе «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России» касательно вопроса о славянстве и России (русского вопроса). Т. Г. Масарик отказывал России в лидерстве из-за самодержавия и теократии, мистицизма, большевизма (тех черт, которые как раз русским славянофилам и сторонникам особой цивилизации, в том числе и либеральным, представлялись важными)²⁵⁰. Он сознательно дезавуировал русско-славянофильскую версию славянской цивилизации по всем основным позициям: самодержавная империя, универсальный русский человеческий тип («Всечеловек Достоевского... шовинист»²⁵¹), роль Церкви и теократии. Однако были и другие славянские политические мыслители, действовавшие в западническом русле, тем не менее считавшие антизападную оригинальность России важной для славянства: лидеры Чехословакии Т. Крамарж и Е. Бенеш²⁵².

Ярким образцом западнического подхода к цивилизации Восточной Европы является концепция польского историка — теоретика цивилизаций Ф. Конечного, выраженная в работе «О множественности цивилизаций» (1935)²⁵³,

²⁵⁰ См.: Егорова К. Б. Т. Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции» // К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно, М. Э. Маликова. СПб.: Петрополис, 2010. Цит.: URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=F02MzmkI30M%3D&tabid=10459> (дата обращения: 03.09.2023).

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

²⁵³ *Koneczny F. On the Plurality of Civilizations / Polonica Series. № 2. Ed. by Jędrzej Giertych. L., Polonica Publications, 1962. P. 194. «Turanian civilisation reached Ruthenia and Muscovy through Mongolian and Tartar influences. The military camp organisation which finally crystallised in obligatory State service under Ivan III, began with the Khazar centuries. In Russia a mixed civilisation developed, but with a background which always remained Turanian. The Turanian mark lasts to this day».* Книга содержит много интересных положений о теории и методологии исследования цивилизаций. Следует отметить, что Ф. Конечный также автор «Истории России».

которая содержит достаточно оригинальную теорию цивилизаций, основанную на различении частного и государственного права и ряда других признаков. Цивилизация России определяется им в типичном для польских шовинистов духе концепции туранизма. Туранская цивилизация утвердилась на Руси и в Московии благодаря тюркским и монгольским влияниям, которые вполне реально могли сформировать цивилизацию («российство») согласно тому определению цивилизации, которое использовал автор («Цивилизация — это система, согласно которой организована общественная жизнь»²⁵⁴), хотя в действительности общественная жизнь Москвы не была организована по монгольским или тюркским правилам. Определение «система организации» отражает поверхностный ход мысли о цивилизации. Польшу и другие страны западной части Восточной Европы Конечный относит к западной или латинской по происхождению цивилизации. Польша вместе с Восточными Кресами на западе Украины и Белоруссии выступает у него форпостом Запада на востоке. Наоборот, Россию он относит к туранской цивилизации (алтайских народов), отрицая не только западный, но и византийский характер цивилизации русских (москвитов), но признавая её смешанность.

Здесь Ф. Конечный, несмотря на свою научную компаративистскую основательность, выступает прямым последователем явно искусственной доктрины туранизма русских Ф. Духинского, выражавшей взгляды польских националистов-руссофобов и их западных покровителей. Кстати, и Византийскую цивилизацию, оставившую своё влияние в Восточной Европе, Конечный считал промежуточной между Западом и туранской цивилизацией²⁵⁵, что совершенно не соответствует фактам. Влияние подобных теорий о Восточной Европе между Западом и Азией на умы как западно-, так и восточноевропейской публики огромно. В них в Восточной Европе и славяне, в том числе и поляки, теряют своё цивилизационное лицо в пользу Запада и Востока. Отчасти его можно проследить и в русском евразийстве, позиция которого исходит из тезиса о преобладании «наследия Чингисхана» в российской цивилизации, хотя при этом славянское или смешанное происхождение русских не отрицается, в то время как западные славяне относятся евразийцами к Западу.

Западничество как своеобразный патриотизм и признание особенностей родины

«Люблю отчизну я. Но странную любовью. Не победит её рассудок мой», — писал в «Родине» М. Ю. Лермонтов. Это любовь «вопреки» западническому разуму. Такова любовь к России патриотов-западников. С позиций других оптик, славянофильства, это действительно странное чувство. Западничество зачастую не является таким простым феноменом сознательной вторичности и зависимости,

²⁵⁴ *Koneczny F.* On the Plurality of Civilizations... P. 112.

²⁵⁵ *Ibid.* P. 196. «Byzantium, theoretically closer to Latin civilisation, in practice must be placed alongside Turanian» («Византия, теоретически ближе к латинской цивилизации, на практике явно туранская»).

наподобие духовного компрадорства, как может показаться на первый взгляд, и оно многими нитями связано с концепциями самобытного происхождения восточноевропейской цивилизации. Компрадорство и принадлежность к неокOLONИАЛЬНОЙ администрации Запада в качестве духовных менеджеров в странах Восточной Европы всего лишь одна разновидность позиции западничества. Другая разновидность — культурно-бытовое западничество, которое состояло в подражании культуре, моде и использовании в быту языка тех западных государств, которым подражал западник: галломания (Франция), англломания (Англия), германофилия (Пруссия и другие немецкие государства). Западники объединялись в соответствующие престижные сообщества, например Английский клуб в Москве XIX века. В эпоху Петра благодаря его позиции популярной и престижной была голландская культура. В России была распространена мода на Италию и жизнь в ней. В советскую эпоху с 1950-х годов популярной стала мания ориентации на массовую культуру США.

Многие западники выступают за сохранение политической и экономической самостоятельности и культурной самобытности России и других стран Восточной Европы, но всё же отрицают её как отдельную цивилизацию, считая их просто неотъемлемой частью семьи европейских народов. Делается это даже подсознательно, поскольку вопрос об отдельной от Запада цивилизации даже не ставится. Западники могут испытывать неприязнь к современному им капиталистическому Западу и критиковать его, как А. Герцен, но при этом не видят ему альтернативы даже в тех оригинальных чертах России, которые они одобряют (поддерживая общинный коллективизм, как Герцен, например).

Неприязнь к Западу и критичность к нему сама по себе не является признаком того, что перед вами незападник (возможно, это просто левый/правый радикал, ведь его сознание раздвоено и он просто принуждаем самим разумом быть западником в соответствии с давлением западнической среды и неизбежности западных заимствований).

Так, многие славянофилы, например И. В. Киреевский, тем более панслависты, были сначала западниками. Западниками были и русские националисты, например М. Н. Катков. Национализм вообще скорее западное мировоззрение, ибо, согласно националистам, главное различие состоит в нации, а не в цивилизации, которая едина у всех.

Западничество пыталось по-своему осмыслить причины цивилизационной оригинальности Восточной Европы. Известно, что западники 1830–1850 гг. дружили с ранними славянофилами и обменивались с ними своими мыслями и мнениями. В какой-то мере они представляли собой единый процесс кристаллизации русского самосознания, ибо без официального и революционного западничества не было бы и славянофильства в Российской империи.

Западничество как психическая болезнь раздвоения личности

Раздвоение личности для западников, которые всё же задавались вопросом об отдельной цивилизации, — идея полной исторической цивилизационной оригинальности эстетически неприятна и непереносима, она является источни-

ком жестокого когнитивного диссонанса, который в классическом виде описан П. Я. Чаадаевым в «Философических письмах»²⁵⁶.

Диссонанс выступает мотивом этого манифеста западничества. Философические письма Чаадаева могут рассматриваться как опыт переживания психотравматических последствий когнитивного диссонанса от трагического осознания цивилизационной особенности России, которое выразило и психическое состояние раздвоенности самого автора, которого власти николаевской России подвергли психиатрическому дезавуированию: но не столько за западничество, а скорее за сомнения в том, что Россия идёт правильным западническим путём николаевской бюрократии и Священного союза. Западничество представляет собой идеологию раздвоения личности и психического расстройтва правящего класса и тех, кого он «заражает» ею.

Общей философской основой западничества является рационализм и объективизм в различных его формах, который уповает на линейность, одинаковость и единство истории, её идеальный замысел и стержень, в которой имеет значение подражание и преемственность к великим магистральным предшественникам, а собственная оригинальность не имеет значения и выявляется как бессмысленность.

«Запад как наследник античного мира представляет собой всё прошлое и настоящее человечества. Поэтому ненависть к Западу тождественна ненависти и недооценке по отношению к свободе мысли, праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации вообще», — патетически писал русский философ-неокантианец Б. В. Яковенко²⁵⁷. Выходит, Запад равен цивилизации всего человечества.

Анализируя западничество, если речь не идёт об откровенных компрадорах, мы упираемся в сформулированную С. Хантингтоном проблему «западническо-славянофильского дуализма» или «разорванности» сознания русской элиты, отсюда и характеристика русской цивилизации как «разорванной», которая, конечно же, может привести к неврозу и невротическим бредовым конструкциям. К сожалению, цивилизационный невроз стал невольным достоянием многих в 1990-е годы: «По отношению к центральному вопросу идентичности Россия в 1990 годах явно оставалась разорванной страной и западно-славянофильский дуализм оставался “неотъемлемой чертой... национального характера”»²⁵⁸, — справедливо писал С. Хантингтон в конце параграфа о России. Как ещё не приговор для России, но как постановка проблемы звучит диагноз Хантингтона: «Разорванная страна, напротив, имеет у себя одну господствующую культуру, которая соотносит её с одной цивилизацией, но её лидеры стремятся к другой

²⁵⁶ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 801 с.

²⁵⁷ Яковенко Б. В. История русской философии. М.: Республика, 2003. С. 98–99. Цит.: Богданов А. В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. 2008. № 3 (51). URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/130216/#_ftn4 (дата обращения: 03.09.2023).

²⁵⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 211.

цивилизации»²⁵⁹. То есть элиты России, по его мнению, стремятся к цивилизации западной, исповедуя западничество, вопреки совсем иной коллективной самоидентификации, чтобы подтвердить в глазах Запада свой элитный статус. Российская, вообще восточноевропейская цивилизация не является «разорванной», как определял её С. Хантингтон, но, напротив, вполне гомогенной. «Разорванными» являются западники. Между тем история свидетельствует, что цивилизационные различия Запада и Востока Европы не уменьшаются, а, наоборот, нарастают, вплоть до последних лет.

О разорванности русской цивилизации писал и А. Тойнби в рамках помещения её между Западом и Востоком. С одной стороны — практичность, власть и реформы, с другой — психическая болезненность. Западничество можно считать болезнью роста в Восточной Европе, которая излечивается по мере взросления.

Раскол русской свободомыслящей интеллектуальной среды на западников и славянофилов в 1830–1840-е годы было лишь внешним проявлением и осознанием духовного раскола противников и сторонников западной модернизации, который существовал как минимум с середины XVII века, когда он приобрёл форму серьёзной трагедии раскола старообрядцев и новообрядцев.

Российское западничество разнообразно, его спектр весьма широк: от искренне сомневающихся мыслителей, как Пётр Чаадаев, через либералов, до экуменистов-гностиков, как Владимир Соловьёв. Типичный западник, если не считать выдающихся оригиналов, — интеллигент, либерал, просвещённый чиновник олигархии. К западникам принадлежали и многочисленные поклонники революционных и социалистических доктрин: декабризма, революционного демократизма, анархизма, толстовства, марксизма и даже народничества, настаивавшего на особом пути к социализму и сохранении крестьянской общины. Их кумирами были западники-революционеры: А. Герцен, Н. Огарёв, В. Белинский, Н. Чернышевский, А. Добролюбов, Д. Писарев. Хотя перечисление западников занимает не менее полстраницы, концептуальных западников, пытавшихся ввести Россию и Восточную Европу в западную парадигму, не так много: Б. Чичерин, Т. Грановский, Д. Милютин, Н. Милютин, С. Соловьёв, В. Соловьёв, К. Кавелин, П. Струве, П. Милюков. Западнические взгляды могут парадоксально сочетаться с неприязнью к Западу и пониманием его тупиковой эволюции, как у А. Герцена.

Если мы возьмём «домовую» версию социального устройства русского крестьянского общества К. Кавелина, сближающую, по их мнению, русское крестьянство с европейским и вообще западным, то увидим, что домовое устройство присуще всем индоевропейцам в той или иной мере и народам других семей тоже. Констатацию подобных черт в русской истории нельзя рассматривать как опровержение наличия собственной цивилизации, равно как и республиканский строй Новгорода и Пскова, вечевой строй в других землях Руси, «градских старцев» и многие другие черты самоуправления и самоорганизации.

Это верно даже и в отношении народников — сторонников сохранения крестьянской славянской общины в России и реализации русской версии со-

²⁵⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 87.

циализма, так как они не воспринимали восточнославянскую цивилизацию как данность, хотя и видели в некоторых её консервативных проявлениях предпосылки для социализма. Позднее эта особенность западного мышления русских левых радикалов сыграла важную роль в оформлении советской социалистической цивилизации, её специфики. В силу указанной особенности русское западничество, начиная с Петра I, просветителей типа Новикова, Радищева и Чаадаева и заканчивая Лениным, нелогично рассматривать как опровержение наличия собственной цивилизации, так как эти деятели и мыслители так или иначе признавали факт особости России и её восточноевропейских территорий.

Вообще индивидуальная и коллективная эволюция русских западников вплоть до 2000-х годов показывает, что они, вопреки первоначальной негативной интенции, нацеленной на переделку и унификацию строя России, вынуждены были учитывать её цивилизационные особенности.

Мы завершили обзор основных подходов к цивилизации Восточной Европы. По итогам раздела ни одно из проанализированных выше в данной главе направлений мысли нельзя считать полноценной основой научной концепции восточноевропейской славянской цивилизации. Их нужно рассматривать только в единстве, в синтезе доктрины нового качества. Предпосылки для объединения направлений мысли даёт история восточноевропейской цивилизации, изложенная в следующем разделе.

РАЗДЕЛ 2

Границы цивилизации Восточной Европы в социальных науках: состав, периодизация истории; этническая, языковая, антропологическая, религиозная целостность и разнообразие; достижение политической и культурной зрелости, географические и хозяйственные особенности

2.1. Соотношение цивилизации Восточной Европы с другими индоевропейскими цивилизациями

*Современные индоевропейские цивилизации — четыре варианта
(западная, восточноевропейская славянская, иранская, индийская)
и их этноязыковая основа*

Вписать восточноевропейскую цивилизацию в мировую историю — непростая задача. Для этого необходимо изучить границы предмета — исторические и антропологические рамки цивилизации Восточной Европы. Контекст истории, этногенеза, языка, расы, природной среды и климата, заимствований, первичных культурных и политических общностей играет существенную роль в понимании цивилизации. Но не определяет её. История здесь присутствует лишь как контекст для обоснования особого типа человека и создаёт научную основу её понимания, но ещё не сам тип, о котором пойдёт речь далее, в следующих главах.

Как говорилось выше, в научном, а не только в философско-идеологическом смысле понятие цивилизации как крупного типа человека и общества строится на этнической основе и принадлежит к этническому ряду понятий, как и понятия: народность, этнос, нация, племя, суперэтнос, субэтнос, этногруппа и т. д. Выделить цивилизацию из этнического ряда объектов невозможно — в противном случае это ведёт к построению эфемерных конструкций и типологий на почве религий, государств, блоков, наспех собранных идентичностей с произвольным набором черт, чем занимается политический конструктивизм. Однако при следовании этноязыковым классификациям возможны отклонения и дополнения. В отличие от перечисленных этнологических понятий, цивилизация значительно шире и выходит далеко за этнические рамки, образуя надэтническую антропологическую, социальную и культурную структуру, что делает возможным принадлежность к цивилизации лиц, групп, этносов с другой этничностью, но только

в случае их перехода к этой цивилизации. Но именно перехода как усвоения цивилизации в своём социальном и антропологическом типе, а не просто формального подчинения политической общности и её культурным символам: империи, геополитическому блоку, власти церковной структуры, например Ватикана или Фанара, США и НАТО и др.

Этнической научной основой выделения цивилизации Восточной Европы и её человеческого типа служит принадлежность к одной из четырёх ветвей индоевропейцев, которые в науке классифицируются по принципу групп индоевропейской языковой семьи. Основой культуры и сознания общества и индивида, и одновременно их главным средством служит язык. Поэтому язык является простейшей культурной и психической субстанцией и непосредственной формой цивилизации. Однако цивилизация намного превосходит язык, поэтому гипотеза о языковой основе и границах цивилизации ВЕ — это общее рамочное утверждение, которое нужно ещё доказать, опираясь на весь массив материала истории, культуры и антропологии, что мы и попытаемся проделать. Другим ограничением привязки понятия цивилизации к этноязыковой группе служит историчность самой цивилизации. Лишь на этапе возникновения и ранних этапах своего развития отдельная цивилизация привязана к своей этнолингвистической базе, но по мере развития и культурной универсализации она может передаваться и другим этнолингвистическим группам, которые, однако, усваивают её в смешанном со своей собственной цивилизацией виде.

Одна из гипотез данного исследования состоит в том, что осевому времени и осевому типу человека среди других цивилизаций наиболее соответствует восточноевропейская цивилизация, хотя соответствие далеко не полное. Прилагательное «осевая» применительно к цивилизациям означает духовно-историческую характеристику каждой цивилизации, показывающую её место в определённом видении мировой истории, соответствии её направленности. Все четыре индоевропейские цивилизации имеют осевое происхождение, то есть восходят к осевой эпохе и осевому типу человека, но являются осевыми в разной мере. Это привело к тому, что личностный тип носителей этих цивилизаций характеризуется индивидуализацией и рационализацией. Она присуща и людям Запада, и славянам, и персам, и индусам. Однако в разной степени: ВЕ, Иранский мир, Индия показывают умеренную индивидуализацию, сохранение общинности. В иранской и индийской цивилизациях индивидуализация присуща далеко не всем группам общества, субэтносам, а в основном верхним слоям.

Индоевропейцы являются творцами основных культурных, технологических и социальных форм, доминирующих в последние столетия как в мире западной цивилизации, так и ряда других цивилизаций. История и культура, и, как следствие, цивилизации ряда крупных ареалов планеты евразийского и американского континентов сформированы в основном индоевропейскими народами. Вместе с тем вклад других этноязыковых групп в цивилизации индоевропейских народов весьма велик, и как соучастников формирования, и как источника заимствования. Поэтому ошибочно считать индоевропейцев-арийцев некими демиургами и учителями мира. Скорее, их можно считать неутомимыми маниакальными борцами за власть над мировым пространством и природой, которые придали

лишь направление развитию цивилизаций. Но факт остаётся фактом: мир развивается по их лекалам, несмотря на всё своё многообразие. В этом своеобразный секрет, который можно раскрыть как осевой тип человека, обладающий магией привлекательности. Необходимо понимание причин различий цивилизации Восточной Европы и трёх других индоевропейских цивилизаций.

Индоевропейские народы делятся по суммарному антропологическому типу, в том числе по генетическому, расовому, языковому, культурному, конфессиональному маркерам на четыре большие географические группы, связанные общим происхождением:

1. Западные индоевропейцы — «германо-романцы», греки (Центральная, Западная, Южная Европа, Северная Америка, Австралия, «белая» и богатая часть верхушки Латинской Америки) — носители западной цивилизации (очень приблизительно 1 млрд чел., «золотой миллиард», что лишь частично соответствует распределению «золотого миллиарда» в населении Земли, хотя бóльшая часть его пока проживает в странах Запада).

2. Народы восточноевропейской цивилизации (ВЕЦ или ЦВЕ) — индоевропейцы Восточной Европы и России — славяне и балты, а также примыкающие к ним группы, впитавшие под их влиянием и влиянием православия и других разнообразных факторов восточноевропейскую идентичность, — венгры, румыны, молдаване, албанцы, финны, ассимилированные русскими восточные финны и другие народы (300 млн чел.)²⁶⁰.

3. Иранцы (ираноязычные народы) Центральной Азии: персы, таджики, пуштуны и другие афганцы, курды и ряд других народов (около 130 млн чел., в том числе Иран — 85 млн минус тюркское население, Афганистан — 37,5 млн, Таджикистан — 9,5 млн, и курдские общины в Ираке и Турции).

4. Индийцы — индоевропейцы Южной Азии — индийцы, говорящие на индоарийских языках, пакистанцы, бангладешцы и другие индоевропейские народы или национальные группы Азии, связанные происхождением и языком с индийцами-ариями. Он похож в этом плане на Восточную Европу, включающую неиндоевропейские цивилизации: финно-угорскую и часть тюркских народов (алтайскую). Индийская цивилизация весьма разнородна и представляет собой несколько человеческих типов-цивилизаций, сохранившихся благодаря кастовому строю как в разных государствах, так и внутри них, например в Индии (дравидские штаты). Индийская цивилизация — самая многочисленная по составу носителей цивилизация в мире — более 1,85 млрд чел, в том числе: Индия — 1,423 млрд, Пакистан — 236 млн, Бангладеш — 171 млн, Шри-Ланка — 22 млн, частично отнесённый к индийской цивилизации Непал — 30 млн. Неарийский

²⁶⁰ Численность населения стран и регионов мира указана здесь и далее на основе данных Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН за 2022 год. См.: World Population Prospects 2022: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950–2100 [Электронный ресурс] // population.un.org («Total Population, as of 1 July (thousands)»). United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Retrieved 17 July 2022. URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx) (дата обращения: 11.09.2023).

(дравидский) компонент в генезисе индийской цивилизации весьма велик и, возможно, даже преобладает, однако большинство населения стран и регионов субконтинента относится к условно индоевропейской цивилизации по языковому признаку. В научных классификациях 3-ю и 4-ю группы индоевропейцев относят к собственно «арийцам» по принципу принадлежности к носителям иранских и индоарийских языков.

В итоге в современном мире можно выделить следующие синхронные (сложившиеся примерно в одну эпоху бронзы) цивилизации индоевропейского происхождения: 1) западноевропейскую, или просто западную, которая обособлена от трёх остальных по происхождению и языку; 2) восточноевропейскую, славянскую; 3) иранскую; 4) индийскую (арийско-индийский вариант). Четыре индоевропейские цивилизации имеют совершенно разный геополитический, экономический, демографический и исторический вес в мире и разные пути развития, разные духовные типы.

Крайними по типу человека и общества и исторически наиболее влиятельными из них являются Запад и Индия. Славянский и иранский миры занимают по отношению к ним срединное положение и ближе к изначальному индоевропейскому типу человека и общества. В этом отношении они могут служить наиболее сохранившимися образцами аутентичной ранней индоевропейской цивилизации, хотя иранский мир за счёт влияния афразийского субстрата располагается сравнительно ближе по антропологии к индийскому миру, а славянский мир по культуре и антропологии ближе к западному.

Иранская и индийская цивилизации впитали в себя численно преобладающие субстратные элементы раннеземледельческих афразийских цивилизаций Среднего Востока, иногда целые касты и региональные группы. Сохранив арийские языки, структуру личности, элементы культуры у представителей верхних слоёв, они тем не менее усвоили местные расовые и культурно-бытовые типы, проведя их частичную ассимиляцию. В отношении Индии можно говорить даже о преобладании неиндоевропейского типа общества и человека. В индийском кастовом строе законсервировалась доиндоевропейская раннеземледельческая цивилизация. Напрашивается вывод, что индийская культура, даже древняя ведическая, не может выступать мерилем и образцом для Восточной Европы в качестве прообраза ранней индоевропейской цивилизации, как это иногда делается (что не отменяет её в качестве базы для сравнительного анализа в индоевропеистике).

Крупнейшие варианты цивилизаций индоевропейцев восточного, индоарийского крыла — индийская языческая индуистская, индийская исламская суннитская и иранская исламская шиитская с их ответвлениями в других государствах, иранская суннитская (Таджикистан, Афганистан).

Некоторые индоевропейские народы занимают обособленное или промежуточное цивилизационное положение между этими группами, хотя их относят к одной из языковых групп, например армяне, курды, албанцы, осетины (иранская) и другие, не вписывающиеся полностью в названные большие цивилизации.

Цивилизационная оригинальность четырёх цивилизационных ареалов Запада, Ирана, Индии, России и восточного славянства по отношению друг к другу

и к странам иных регионов мира является общеизвестной, что подтверждается по многим направлениям: от языков и религий до социального уклада и особенностей личности и мировоззренческой оптики. Впрочем, есть теории, которые пытаются слить их в одно целое с рядом других (например, срединная цивилизация Уилкинсона). Их сравнительный анализ выходит за рамки исследования.

Для предмета и гипотез нашего исследования существенна, хотя и не фатальна, проблема того, что, несмотря на языковые, менталитетные, политические, исторические различия Польши, Чехии и Германии, Хорватии, Словении и Италии, Венгрии и Австрии, Финляндии и Швеции, границы славянского и, шире, восточноевропейского мира и Запада для многих классификаций не очевидны, как и существование отдельной цивилизации ВЕ внутри Евросоюза. Действительно, в Европе происходят процессы унификации личностного и социального типов разных народов, не говоря уже о культуре. Решить проблему различия цивилизаций можно лишь на пути построения комплексной логики истории и развития этнических типов, которые показывают неслучайность и древность границ вопреки заимствованиям и завоеваниям. Этому посвящена наша работа.

Точнее славян можно назвать даже *центральной или срединной группой* индоевропейцев между восточными и западными группами. Особенность географического положения восточноевропейской цивилизации, как мы видим, в том, что она с самого начала занимает срединное положение между западной (романо-германской и англосаксонской) и двумя восточноиндоевропейскими цивилизациями (индийской и иранской). Промежуточная география в данном случае имеет не просто пространственное, но и антропологическое значение.

Точным будет также и название славян как *северных индоевропейцев*, учитывая преобладание среди славян именно народов восточного славянства, занимающих наиболее северную и холодную часть Восточной Европы. Это создаёт устойчивую антропологическую основу для особого типа человека и отдельной цивилизации Восточной Европы (славян и других близких по этногенезу народов) и Евразии уже с глубокой древности — энеолита.

По естественным историческим, географическим, социобиологическим, а также социальным, политическим, культурным и духовным причинам различия между четырьмя крупными индоевропейскими цивилизациями за последние 4–5 тыс. лет неуклонно нарастали, вопреки противоположным факторам — усиливающемуся торговому обмену, политической экспансии, технологической унификации, колониальной и неоколониальной вестернизации. Главная причина, очевидно, в том, что это разные антропологические типы.

Такие оригинальные цивилизационные феномены, как СССР, современная Индия с 1,43 млрд населения и шиитский Иран (82,5 млн чел.) — очевидное подтверждение этому. Послевоенный Ялтинский мир 1945–1990 гг. был веком расцвета восточных индоевропейских цивилизаций вопреки нарастающему глобальному господству Запада. Сложилась оригинальная система восточноевропейского славянского социализма, Индия обрела независимость от Великобритании, Иран вступил на путь независимого развития. И в дальнейшем восточноиндоевропейские цивилизации России, Ирана и Индии послужат осью многополярной архитектуры мира, разделяющей Запад и Восточную Азию. Выполнение этой

миссии потребует более глубокого понимания общего происхождения восточных индоевропейских народов, сходной антропологической базы их цивилизаций.

Вместе с тем славянскую цивилизацию связывает с иранской и индийской какое-то внутреннее, иногда трудно уловимое духовное и культурное родство, которое утрачено с Западом. Более позднее разделение между собой, а также общность противостояния западной агрессии и его мутациям индоевропеизма как извращения идеала осевого человека, превращающим Запад и мир в целом в среду тотального господства рационализма и вещизма и гонки ускоряющегося времени. Все эти три великие цивилизации, вернувшись к своим истокам, могут выстроиться в одну, вторую евразийскую ось Север — Юг, на концах которой находятся Западная Европа и Индокитай. Следует отметить, что славянский, индийский и иранский миры (восточные индоевропейцы, языки сатем) вместе обладают таким культурным, географическим и ресурсным потенциалом, который способен автономно от других цивилизаций решить вообще все проблемы развития и создать новую архитектуру мира на незападной основе с новой объединённой Евразией (назовём его «Новый Старый Свет»), в котором Западная Европа займёт весьма скромное место. Однако потенциал этот не развит у всех крупнейших государств трёх цивилизаций, включая Индию, Иран и Россию. Запад стремится максимально замедлить приближение этого исторического момента. Осознание этого факта сложилось давно. В современной России оно изложено в проектах «Север — Юг» и «Аркаим»²⁶¹ Изборского клуба по названию одного из уникальных археологических памятников древних индоиранцев на Урале, из которого произошёл исход носителей индоиранских языков на юг.

Для нас в работе о восточноевропейской цивилизации принципиально важен тот вывод, что славяне, в том числе и русские, как наиболее многочисленная и самостоятельная нация славян, являются отдельной ветвью индоевропейцев, восходящей своими корнями к начальной эпохе их расселения, и напрямую не связаны своим происхождением с западными народами или с каким-либо евразийским смешением западных народов с азиатскими.

2.2. Состав народов и государств восточноевропейской цивилизации

ВЕЦ — иная вторая Европа.

География распространения восточноевропейской цивилизации

Восточноевропейская цивилизация — это вторая европейская цивилизация, находящаяся как бы «в тени» цивилизации Большого Запада, примыкающая к его цивилизации, но не сливающаяся с ним. В Европе это проявляется

²⁶¹ Аверьянов В., Багдасарян В., Баранов С., Елисеев А., Калашиников М., Кобяков А., Комогорцев А., Можегов В., Проханов А., Черемных К. Аркаим XXI век — концепция геостратегического усиления России и её союзников. Доклад Изборского клуба под ред. В. В. Аверьянова [Электронный ресурс] // Изборский клуб. 30.12.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23722> (дата обращения: 23.06.2023).

и географически: Западная Европа переходит в Восточную Европу, образуя с ней единое пространство от Дублина до Владивостока. Центральная Европа является продуктом немецкой экспансии. Однако единство Европы является обманчивым: границы славянских и западных народов держатся несколько тысячелетий, слияния не происходит, только вынужденная ассимиляция, которая слегка сдвигает границу то в одну, то в другую сторону будучи границей Германии с Польшей и Чехией, Австрии с Венгрией и Словенией на юге Болгарии, Македонии с Грецией. События XX века с разделом Европы в Ялте 1945 года и современная война на Украине, с 2014 и 2022 гг. в которую втянуты страны Запада, Русский мир и Восточная Европа на разных сторонах показывают, что единой цивилизации Запада и Востока Европы нет и не будет. Европа цивилизационно делится на две части: Западную Европу и Восточную Европу, каждая из которых имеет отличающиеся и даже противоположные типы человека и общества. Имеет место как унификация, так и нарастание отличий этих исторически разных обществ.

Приблизительная численность носителей восточноевропейской цивилизации — около 315 млн чел., в том числе по классификации ООН в Восточной Европе — 292,5 млн чел., а также 25 млн чел. в восточноевропейских странах, которые отнесены по данной классификации к Южной и Северной Европе²⁶². Из них славяне составляют около 270 млн чел. (85 % всего состава ВЕЦ). ВЕЦ по составу в основном славянская цивилизация; исходя из данной статистики, славянская и восточноевропейская цивилизация — синонимы.

Западные народы Европы, относящиеся в основном к германской и романской группам (за исключением греков, чьё положение на оси Восток — Запад сдвинуто на восток), включают примерно 420 млн чел. Это около 58 % населения Европы. Следовательно, ВЕЦ составляет около 42 % из 746 млн чел. — общей численности населения Европы, включая РФ²⁶³. Таким образом, численность восточных европейцев тяготеет к примерно половине численности населения Европы, образуя «вторую Европу», составляющую потенциальную антропологическую альтернативу «первой». Для сравнения, общая численность населения Запада (Западная Европа 420 млн плюс Северная Америка 340 млн чел., и Австралия и Новая Зеландия 30 млн чел., и некоторые верхние группы Латинской Америки в 10–15 млн чел.) несколько более 800 млн чел., что в 2,5 раза больше, чем численность населения Восточной Европы. Как видно из данной статистики, Запад по народонаселению существенно больше, чем Восточная Европа, но всё же порядок сопоставим, чего не скажешь при сравнении численности её населения с численностью населения Индии или Китая.

²⁶² См. по статистике BE: World Population Prospects 2022: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950–2100. population.un.org («Total Population, as of 1 July (thousands)'). United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Retrieved 17 July 2022. Цит.: URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx) (дата обращения: 03.09.2023).

²⁶³ Там же.

Межрегиональный уровень цивилизации Восточной Европы

Численность населения ВЕЦ можно оценить как среднюю по сравнению с другими цивилизациями. Она значительно меньше крупных цивилизаций (Запад — 800 млн, Китай — 1,4 млрд, Индия — 1,4 млрд (+ Пакистан и Бангладеш, Шри-Ланка, итого 1,8 млрд чел.), Латинская Америка — 654 млн, Юго-Восточная Азия — 675 млн чел.)²⁶⁴ и чуть более населения семитского, преимущественно арабского Ближнего Востока — 250 млн чел. (без Ирана и Турции), но в 1,5–2 раза больше тюркской цивилизации (150–200 млн²⁶⁵) и иранской цивилизации (150–200 млн чел.). По своему охвату она не является ни локальной, ни глобальной, как Запад (несмотря на попытку утверждения глобальной социалистической системы из Восточной Европы), ни узким государством-цивилизацией. Ближайшими, хотя и достаточно дистанцированными, по размеру и составу аналогами ВЕЦ являются те же арабская и тюркская цивилизации. Её, как и обе последних, можно было бы назвать межрегиональной, так как она охватывает полностью или частично два и более регионов мира — Восточную Европу и Северную Азию (Сибирь и часть Дальнего Востока). Межрегиональное распространение и стабильно межрегиональный уровень влияния в истории являются типичными для крупных и средних цивилизаций. Межрегиональное влияние связано с растущей численностью и расселением их носителей, проникающих в несколько соседних регионов мира и несущих туда свою модель общества, личности и культуры в опоре на военную, государственную и экономическую силу, в том числе и империи, охватывающие один или два региона, но не являющиеся мировыми.

Глобальное влияние крупных и средних цивилизаций на историю можно назвать ситуативным, то есть имеющим место только в определённые периоды «взлёта» их экспансии, и постоянно присущим скорее только Западу с колониальной эры Нового времени. Для ВЕЦ таким взлётом глобальной экспансии были довольно продолжительные периоды 1812–1917 гг. и 1917–1991 гг. благодаря фактору воздействия империй России и СССР, рост влияния которых в мире постоянно увеличивался и аккумулировал ресурсы других стран и народов ВЕ.

Рассматривая географию и границы ВЕЦ, следует учесть, что речь идёт не о геополитическом и экономическом, а о цивилизационном делении, которые не совпадают между собой из-за того, что геополитическое деление является более подвижным, чем устойчивое цивилизационное деление, в том числе из-за экспансии геополитических центров на территорию чужих цивилизаций, в данном случае геополитических структур Запада на территорию ВЕЦ.

Выделение цивилизации России и славянства из Европы и противопоставление ей, как это полемически попытался сделать Н. Я. Данилевский в «России и Европе», непродуктивно по целому ряду соображений: Русский мир и славянство географически находятся в Европе и вынуждены бороться за своё место

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ См.: Салапагаров А. Численность населения тюркских государств и народов. 06.06.2011. URL: https://www.rizvanhuseynov.com/2011/06/blog-post_8649.html (дата обращения: 03.09.2023).

в ней; русские и славяне являются носителями северного и европейского вариантов человека и цивилизации и представляют его изначальный тип, в отличие от Запада, который скорее мутация этого типа (см. далее); на Западе есть люди, которые похожи на славянский и даже русский вариант человека, последнее — не случайно.

Особенность ВЕЦ в том, что она производит свою особую культуру и антропологию, тип человека, которые в целом родственны западноевропейским, но притом отличаются от них столь существенно, что можно говорить об особой цивилизационной ветви. ВЕЦ не является «разорванной», как определял её С. Хантингтон²⁶⁶, отнеся часть Восточной Европы к Западу по конфессиональному признаку, а, наоборот, вполне гомогенной, хотя и родственной западной цивилизации. Имеет место псевдоморфозная деформация культуры и личности части носителей по западному типу. Славянский и, шире, восточноевропейский тип является целостным, за исключением меньшинств, у которых есть свои особенности (финны, венгры, восточноевропейские тюрки). Феномен СССР и Варшавского блока показал самостоятельность Восточной Европы по отношению к Западной Европе. Ключевым признаком преобладания восточноевропейского типа человека является принадлежность населения к славянской языковой семье, либо к семье балтских языков, либо к семье финно-угорских языков.

Региональное деление и численный состав народов восточноевропейской цивилизации (Центральная Восточная Европа, Юго-Восточная Европа и Русский мир)

География преобладания восточноевропейской цивилизации включает в себя три крупных географических региона, которые мы делим в этнически-цивилизационном плане (Табл. 1):

1) Центральную Восточную Европу — Венгрия, Чехия, Словакия, Польша (64 млн) и страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония — 6 млн), а также Финляндия (5,6 млн). Численность населения — около 65 млн человек²⁶⁷;

2) Юго-Восточную Европу в границах бывшего Варшавского блока и Югославии — балканские государства (Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Северная Македония) и Албания (24,2 млн), Болгария (7 млн), а также Румыния (19 млн) и Молдавия (2,5 млн, примерно половина её относится к Русскому миру, половина тяготеет к Румынии). Численность населения — 54 млн человек²⁶⁸;

²⁶⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 211.

²⁶⁷ World Population Prospects 2022. Страны Балтии в классификации ООН причислены к Северной Европе, что некорректно, поскольку они не связаны с ней ни этнически, ни географически. Отнесение Финляндии к ВЕ может быть спорным, однако она ближе к народам уральской группы и русским, чем к германским народам Скандинавии.

²⁶⁸ World Population Prospects 2022. Большая часть населения ЮВЕ отнесена в классификации ООН к Южной Европе, что совершенно некорректно, поскольку к ней относились традиционно лишь романские страны Средиземноморья и Греция.

3) Русский мир («историческую Россию») в границах бывшего СССР (кроме Литвы, Латвии, Эстонии, в которых Русский мир представлен диаспорно). Русский мир географически включает:

- собственно Восточную Европу в узком географическом смысле Восточно-Европейской — Русской равнины, но без государств Балтии (Прибалтики);
- Урал, Сибирь и Дальний Восток России — азиатскую часть России;
- Северный Казахстан (спорный с алтайско-тюркской цивилизацией);
- регионы Северного Кавказа (в том числе с регионами преобладания кавказского типа человека и общества; см. о нём ниже).

Численность населения Русского мира — около 195 млн человек (в том числе 145 — РФ, 30 — Украина, 10 — Белоруссия, 4 — Казахстан, Молдавия — 1 плюс дальние зарубежные диаспоры 6 млн)²⁶⁹, однако не все его жители являются русскими в национальном смысле.

Как мы видим, Восточная Европа обладает высокой степенью этнокультурного и цивилизационного разнообразия, которое иногда проявляется как национальная, религиозная, политическая и культурная мозаичность. Разнообразие и многоликость — условия здорового и восходящего развития цивилизации, согласно взглядам Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева.

ВЕ состоит из нескольких конфессиональных и национальных зон со своими особенностями и центрами, каждая из которых автономна внутри восточноевропейской цивилизации по отношению к другим. Прежде всего это восточнохристианские (православные) и западнохристианские (католические и протестантские) страны. Христианство продолжает оказывать существенное воздействие на цивилизацию обеих частей ВЕ, чего нет в ряде стран Запада, подвергшихся масштабной дехристианизации. Вместе с тем католичество и протестантизм представляют собой каналы влияния Запада на восточноевропейскую цивилизацию. Христианство в любой конфессии сегодня является скорее фактором сохранения традиционной восточноевропейской идентичности.

В ВЕ имеется также включение крупных исламских групп, которые иногда воспринимаются как иноцивилизационные, хотя ряд мусульманских народов ВЕ представляют восточноевропейский тип человека (казанские татары, башкиры, босняки) и интегрированы в славянский мир.

Имеет место также деление славянского мира на три ветви славянских народов: восточнославянские, которые ассоциируются с цивилизацией Русского мира, поскольку все восточные славяне назывались русскими, западнославянские и южнославянские. Эволюция славянских народов идёт по пути усиления их культурного разнообразия и цивилизационных различий друг с другом, несмотря на объединяющие цивилизационные факторы.

Внутри зон трёх славянских ветвей имеются большие включения неславянских народов различных языковых групп, преимущественно незападных по происхождению (балты, финны, угры, тюрки, албанцы, греки, кавказцы).

²⁶⁹ World Population Prospects 2022.

Таблица 1

**Страновая география распространения
восточноевропейской цивилизации по регионам мира**

Регион мира (5)	Страны (21)	Религиозные конфессии носителей (более 1 млн)	Крупные языковые группы (более 1 млн)
Восточная Европа в узком смысле (ВЕ)	Россия, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия	Православие, католичество, протестантизм, ислам	Славянская, тюркская, финно-угорская, балтская, романская
Юго-Восточная Европа (ЮВЕ)	Румыния, Сербия, Черногория, Хорватия, Словения, Северная Македония, Болгария, Босния и Герцеговина, Албания	Православие, католичество, ислам	Славянская, романская
Центральная Восточная Европа	Польша, Чехия, Словакия, Венгрия	Католичество	Славянская
Урал, Сибирь, Дальний Восток России, Казахстан	Россия, Казахстан	Православие, ислам	Славянская, тюркская
Скандинавия (Северная Европа)	Финляндия	Протестантизм	Финно-угорская

*Зональное этнокультурное деление восточноевропейской цивилизации
(центральноевропейско-балтийская, балкано-карпатская, русско-восточнославянская, русско-евразийская зоны)*

Зональное деление ВЕЦ здесь предпринято автором для того, чтобы лучше показать этнокультурную специфику населения в каждой из них. Оно не совпадает с языковым и политическим делением. Пространство восточноевропейской цивилизации делится на четыре культурно-этнографические (но не географические) зоны, имеющие каждая свою специфику человеческого типа: центральноевропейско-балтийскую, балкано-карпатскую, русско-восточнославянскую, русско-евразийскую.

Таблица 2

**Культурно-этнографические зоны пространства
восточноевропейской цивилизации**

№	Этногеографическая зона	Страны, регионы внутри стран
1	Центральноевропейско-балтийская	Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия
2	Балкано-карпатская	Румыния, Молдавия (без Приднестровья), Сербия, Черногория, Хорватия, Словения, Северная Македония, Болгария, Босния и Герцеговина, Албания, Западная Украина

Окончание табл. 2

№	Этногеографическая зона	Страны, регионы внутри стран
3	Русско-восточнославянская	Россия — центр до Урала без титульных регионов с нерусским титульным этносом, но с включением Карелии и Коми; Белоруссия, Украина — без Западной Украины, Приднестровье (Молдавия)
4	Русско-евразийская	Татарстан, Чувашия, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, северные регионы Казахстана, некоторые регионы Сибири и Дальнего Востока РФ

1. *Центральноевропейско-балтийская часть* включает в себя страны Центральной Восточной Европы (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия), страны Балтии и Финляндию. Особенности этой части — принадлежность к западному христианству, экономическая и ментальная близость к центру Европы, к её «северной» и «западной» частям. В этих странах происходило и происходит активное вы-

Рис. 1. Славянские языки на западе восточноевропейского ареала²⁷⁰

²⁷⁰ Bukkia. Landkarte der slawischen Sprachen in Europa [Электронный ресурс] // Википедия. 5.12.2008. URL: https://av.wikipedia.org/wiki/Файл:Slawische_sprachen.png (дата обращения: 30.01.2024).

теснение и замещение восточноевропейской идентичности глобальной западной или западноевропейской. Тем не менее во всех этих странах сложились группы населения, отстаивающие национальную идентичность в противовес западным соседям, а следовательно, и восточноевропейскую, общеславянскую либо финно-угорскую, компоненту. Элиты некоторых крупных стран этой зоны пытаются занять особое положение в рамках Евросоюза (Вышеградская группа, позиция Венгрии, попытки Польши стать гегемоном, неприятие азиатских мигрантов, зелёной, ЛГБТ-повестки, попытки проведения независимой политики Польши и Венгрии в ЕС), однако в целом это не более чем попытка автономии в рамках общего западного курса. Тем не менее она увеличивает цивилизационную дистанцию с Западом.

Весьма дискуссионным является отнесение Финляндии к восточноевропейской цивилизации. В пользу положительного решения вопроса свидетельствуют финский язык и первоначальная уральская евразийская культура, плохо соотносимые с западноевропейской цивилизацией, косвенное влияние России; против — сильное влияние Запада, протестантизм, исторические связи со Швецией. Финны цивилизационно ближе к славянам, балтам и финно-уграм России, чем к германцам Скандинавии, хотя и заметно отличаются от славян и балтов.

2. *Балкано-карпатская часть* включает в себя государства Балкан и похожей на него части государств и народов, прилегающих к Карпатам, — Румынии, Молдавии, регионы Западной Украины, за исключением Волыни. К ним можно было бы также отнести и Венгрию вместе со Словакией, но они больше тяготеют к группе 1. Венгрия имеет черты балкано-карпатской культуры и сильный евразийский компонент в силу уральского происхождения предков венгров. Вопрос об отнесении Словакии также довольно спорен: скорее она тяготеет к Чехии и Центрально-Восточной Европе.

Исторически в этнокультурном плане Карпаты напоминают Балканы, хотя и имеют ряд отличий. Эта часть Европы также очень похожа на Евразию и иногда демонстрирует более яркие особенности в типе личности и народной культуре по отношению к Западу, чем Россия. Карпаты и Балканы также образуют одну расовую зону с преобладанием представителей южных рас (средиземноморской и динарской), что отличает их от большинства западных и восточных славян.

Между Карпатами и рекой Дунай лежит широкая полоса неславянских государств — Румынии, Венгрии, Австрии, отделяющая южных славян от западных и восточных. Основные с точки зрения территории и населения государства этой полосы, Румыния и Венгрия, принадлежат к восточноевропейской цивилизации. Венгрия относится к восточноевропейской цивилизации благодаря евразийскому происхождению и славянскому влиянию, а Румыния — благодаря православному и славянскому влиянию.

Румыния и Молдавия по происхождению и языку относятся к народам западной ветви (романская; ранее, до романизации языка в составе Римской империи, предки валахов относились к западной палеобалканской группе), однако по типу человека они превратились в типичных восточных европейцев. Австрия — западная страна, но с сильными особенностями восточноевропейского происхождения, наподобие Восточной Германии. Часть населения Австрии (Каринтии)

в прошлом также являлась славянами (княжество Карантания). К восточноевропейской цивилизации с некоторыми оговорками относится и стоящая особняком Албания, являющаяся единственной прямой наследницей иллирийцев, народа палеобалканской группы юго-западной ветви индоевропейцев.

Славянские народы центрально-европейской и балкано-карпатской части в большинстве своём оказались приближенными к центрам западной цивилизации в Византии, Италии, Германии, поэтому они в ещё большей степени попали в тень Запада, их самостоятельность сглажена по сравнению с восточными славянами. Всё сказанное проливает свет на своеобразие их зависимого менталитета и геополитического поведения, тем не менее пока ещё не говорит об их полной западной трансформации. Характерным для них и является страх перед собственной идентичностью, как её обретением, так и потерей.

3. *Русско-восточнославянская часть* включает регионы России, Украины, Белоруссии с преобладанием русской славянской идентичности, включая и большинство регионов Урала и Сибири. К ним относится также Приднестровье в составе Молдавии. Сюда включаются и титульные неславянские или особые регионы России, где удельный вес неславянских народов мал (менее 25%), их значимые доли находятся в различных стадиях русской ассимиляции (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым, Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и ряд других).

Большинство регионов Сибири исключительно и в основном являются русскими, поэтому правильнее их отнести к 3-й части, несмотря на то, что они находятся в глубине Евразии. Особенностью русско-восточнославянской части является преобладание русского языка (*Рис. 1*), православия, базовой восточноевропейской идентичности, историческая связь с этнонимом «русский» и русской государственностью.

Русско-славянская часть является цивилизационным и геополитическим ядром Восточной Европы, а также её наиболее ярко выраженной зоной, поэтому нередко её выделяют в отдельную «русскую цивилизацию», «восточнославянскую православную цивилизацию» (см. выше). В русско-восточнославянской части восточноевропейская цивилизация присутствует в наиболее концентрированном и самостоятельном виде и может рассматриваться в качестве объекта для научной иллюстрации разных аспектов данного понятия.

4. *Русско-евразийская часть* включает территории, заселённые неславянскими народами, в том числе проживающими там совместно с русскими. К ним относятся некоторые регионы Поволжья (Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Чувашия), регионы Северного Кавказа России, Северного Казахстана, некоторые регионы Южной Сибири (Тыва, Якутия-Саха, Бурятия). Вопрос о влиятельности евразийской компоненты в данных регионах и регионах, отнесённых чуть выше к русско-славянской части, является дискуссионным. В Русском мире, как и в целом в Восточной Европе, есть заметная евразийская компонента из народов неиндоевропейского евразийского происхождения, ранее принадлежавших к другим цивилизациям, но постепенно в целом или частично включённых в цивилизацию Восточной Европы. Географически это регионы с наличием или преобладанием народов уральской (финно-угорской), алтайской (тюркской), кав-

казской и иных языковых семей. Евразийская компонента ВЕЦ присутствует практически во всех регионах Сибири и Севера, особенно если там есть коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), тем не менее мы отнесли их к части 3. Они оказывают культурное влияние на русско-славянскую часть на протяжении всей истории, включая лексику, топонимы, бытовые и пищевые привычки, одежду и т. д. Но это не является подтверждением теории «туранизма» и восточных славян.

К восточноевропейской цивилизации в странах ВЕ сегодня относятся и крупные диаспорные группы, которые изначально были носителями других цивилизаций, в частности евреи (ближневосточной) и немцы (западной). Однако благодаря длительному совместному проживанию и ассимиляции идентичность большинства из них изменилась на местную. С восточноевропейской цивилизацией их сближает прежде осевой тип культуры и человека, понятый скорее в мессианском смысле, чем в бытовом. Так, евреи в Русском мире часто носители русской мессианской идеи в различных идейных и культурных вариантах более последовательные, чем русские.

Другие (не восточноевропейские) цивилизационные типы внутри России

В силу национального цивилизационного многообразия Евразии, в России живут носители и других цивилизаций, помимо восточноевропейской. Это народы, которые не относятся к восточноевропейским языковым группам (балтославянская, уральская) и не входят в число народов, тип человека и общества которых сложился в ВЕ в близком соседстве с восточноевропейскими народами, или включил в себя их подгруппы, или в результате ассимиляции. Это представители народов, которые не входят в указанный состав в *Табл. 2* (исключение из этого списка волжские тюрки — татары, башкиры, чувашы, которые сегодня ближе к славянскому типу человека и общества, чем к тюркским народам Азии). К представителям других цивилизационных типов относится ряд народов Сибири (тувинцы, буряты), Северного Кавказа, мигранты — представители народов Средней Азии и Закавказья. Их удельный вес в РФ может приближаться к 15–20 млн человек (около 10–13 % населения РФ). Таким образом, крупнейшая цивилизационная группа, помимо восточноевропейской, — народы алтайской семьи, в частности тюрки, но за указанным исключением татар, башкир, чувашей, а также гагаузов.

Исключение из состава ВЕЦ в общей территории восточноевропейской цивилизации составляют регионы России и Казахстана, имеющие в целом азиатский состав и преобладание азиатских языков. Приближенную к Восточной Европе цивилизационную зону среди представителей азиатских цивилизаций составляет нерусское население Северного Кавказа и Средней Азии: Казахстана и Киргизии. Эти группы образуют своего рода буферную зону, показывающую склонность к политическому и моральному сотрудничеству с Русским миром, постепенно врастающую в него. В результате мы можем констатировать, что данные регионы частично относятся к восточноевропейской цивилизации:

республики Северного Кавказа, Республика Калмыкия, Тыва, Закавказье. Изначально они не входили в неё. Влияние Русского мира и советской социалистической цивилизации образует специфическую культуру, которую можно назвать псевдоморфозой. Тем не менее в данных регионах восточноевропейская цивилизация также распространена и влиятельна, хотя и не доминирует. Степень воздействия цивилизации России оценить сложно, но здесь наряду с языками других групп преобладает другой тип человека и общества, что служит основой для нашей классификации.

На Кавказе, как мы видим, граница ВЕЦ с древности в целом совпадает с границей Европы и Азии, которая пролегает по предгорьям Северного Кавказа. Однако в Ставропольском и Краснодарском краях граница ВЕЦ отодвинута глубоко в горы, как, например, в Сочи, вплоть до вершин Красной Поляны. Краснодарский и Ставропольский края на Кавказе могут быть признаны русско-евразийскими, так же как и некоторые территории республик Северного Кавказа, большинство населения которых относится к другой, кавказской цивилизации, но с сильным влиянием русского варианта восточноевропейской. Они находятся как бы цивилизационно на границе Восточной Европы и Азии. Особенность Кавказа, как и Ближнего Востока, — их многоцивилизационность, которая состоит в том, что на нём соседствуют разные цивилизации. Это перекрёстки цивилизаций, на которых ни одна из цивилизаций не смогла вытеснить другие варианты и их носителей в виде отдельных этнических и религиозных обществ. Это создаёт некоторые объективные трудности в понимании господствующей цивилизации, которые можно успешно разрешить, допустив существование изначального местного цивилизационного типа, в зону которого входят другие цивилизации.

Автохтонные народы Северного Кавказа и Закавказья не являются европейскими и изначально не принадлежали к цивилизации Восточной Европы, как и к западной цивилизации. Их можно отнести к особой оригинальной малой (региональной или даже субрегиональной) кавказской цивилизации, близкой к азиатским типам человека (Ближний и Средний Восток), к азиатским цивилизациям. Основанием этого выделения являются кавказские языки: абхазо-адьгские, картвельские и нахско-дагестанские, между которыми исследователями предполагается разная степень родства и наличие единой истории их носителей, коренных народов Кавказа, уходящей во времена палеолита. Устойчивость и древность этих автохтонных групп говорит в пользу наличия собственного цивилизационного типа человека и общества вопреки различным влияниям из соседних регионов на разных этапах истории. Они имеют другой тип личности и общества, различающийся с восточноевропейским вариантом (и тем более с западным) в силу жёсткого родового коллективизма, который иногда проявляется даже более сильно, чем у некоторых народов Азии. Несмотря на долгую традицию христианства, грузины и армяне (последние, несмотря также на индоевропейский язык) — это также кавказские народы с соответствующей клановой структурой общества и менталитетом. Индоевропеизация в ранние эпохи практически не затронула горный Кавказ, не изменив его этноязыковой состав, в отличие от соседних регионов Малой Азии, Причерно-

морья, Предкавказья, Ирана, Средней Азии. Исключение составляют Армения, аланские территории на Северном Кавказе, в древности греческие колонии на побережье Чёрного моря. Говоря о других факторах, которые способствовали изменению кавказской цивилизации, упомянем тюркизацию Кавказа в более позднюю эпоху нашествий и миграций народов алтайской группы, которая также произошла лишь в некоторых регионах. Часть кавказцев, говорящих на языках алтайской группы, имеют черты алтайско-тюркской цивилизации, прежде всего азербайджанцы.

Включение Кавказа в сферу влияния Русского мира, социализма, российской государственности, общероссийской идентичности привело к укреплению черт восточноевропейской цивилизации на Кавказе и формированию своеобразного промежуточного пояса и широкого круга людей с двойной идентичностью. Однако и она не размыла преобладание кавказских языков. В целом дистанция кавказского типа с восточноевропейским типом человека меньше, чем с западным, что способствует их сближению, в особенности на фоне быстрой трансгуманизации Запада, одинаково токсично воздействующей как на кавказские, так и восточноевропейские общества.

Восточноевропейская цивилизация является главным фактором межцивилизационного объединения народов и групп России, а также всего постсоветского пространства, не пытаясь разрушать и вытеснять другие цивилизационные традиции, мягко «обволакивает» их.

Греция и Восточная Германия — западные группы с некоторыми восточноевропейскими чертами, их соотношение с ЦВЕ

Следует отметить, что ряд соседних с Восточной Европой народов или регионов, относящихся к Западу, тяготеет к восточноевропейской идентичности по причине совместной истории или происхождения части населения. Среди них можно назвать в ареале западноевропейской цивилизации Грецию, земли Восточной Германии — бывшей ГДР. Грецию с современными греками, связанную с Восточной Европой благодаря православной идентичности и вливаниям славянской крови в VII–IX вв., а также постоянной конфликтности по отношению к Западу, и можно считать близкой к восточноевропейской группе. Греция вместе с тем, вопреки распространённому в российском и западном интеллектуальном сообществе мнению, изначально была и остаётся страной Запада по культуре, языку, этническому составу, экономическим связям и политическим ориентациям, которые закономерно привели её в состав Евросоюза и НАТО.

Интересно противоречивое высказывание С. Хантингтона, в котором он цивилизационно отнёс Грецию к Восточной Европе, что «Греция не является частью западной цивилизации, но она породила классическую цивилизацию, которая стала важным источником для западной цивилизации. В своём противостоянии Турции греки всегда ощущали себя защитниками христианства. В отличие от Сербии, Румынии и Болгарии история Греции всегда была тесно переплетена с историей Запада. И всё же Греция также является аномалией, чужаком в за-

падных организациях»²⁷¹. На самом деле данное противоречивое высказывание скорее в пользу отнесения Греции к Западу, чем в пользу исключения из него, так как Греция была ранним, античным и постантичным (византийским) вариантом развитого Запада.

Большое значение при оценке цивилизационной принадлежности имеет принадлежность греков к православию как признак Восточной Европы. Используемая С. Хантингтоном малорелевантная теоретическая схема раздела цивилизации по линии преобладания западного и восточного христианства не предполагает отнесения православной Греции к Западу. В. Ламанский также относил Грецию к тому же цивилизационному миру, что и славян — к срединному. Но в этнической теории цивилизации религиозный признак не является решающим. Греция по своему географическому положению и геополитической роли всю свою длительную историю находилась во взаимодействии с азиатскими и афро-азиатскими народами, а также восточными европейцами. Период пребывания Греции в составе Османской империи с XV по XIX в. привёл к усилению евразийского компонента в психологии и образе жизни греков, которых стали воспринимать на западе как восточный народ наподобие армян или евреев. Весьма разнородный генофонд современных греков показывает неоднократное обновление, в том числе части из них, — на славянский субстрат в VII–IX вв.: на восточноевропейскую — славянскую гаплогруппу R1a приходится 11 %, на западноевропейскую — всего 6 %, на ближневосточную J2 — 24 %, на южноевропейскую I — 15 %. Однако всё же греки — скорее часть западной цивилизации в силу этнического и языкового признака (греческий язык относится к западным языкам), а также традиции национальной культуры.

Восточной Германии (федеральные земли бывшей ГДР), населённой Ossi, иногда приписывают восточноевропейский менталитет, прежде всего связанный с наследием социализма. Об особой идентичности восточных немцев написано много, поскольку она показывает крупные внутренние отличия немецкой нации. Носят ли они этнический характер или это просто региональные и исторические особенности, сложно сказать. Население Восточной Германии имеет в своём составе значительную часть потомков ассимилированных славян и балтов (пруссков и других), о чём свидетельствует высокая доля маркера R1a, а также история немецкой колонизации и ассимиляции славян и балтов как следствие проигранных ими немцам серии цивилизационных войн. Своеобразная прусская и развитая социалистическая идентичность ГДР также отличает восточных немцев, однако в целом пруссачество и социализм ГДР можно считать вариантами западной идентичности с некоторыми восточноевропейскими чертами.

Таким образом, восточноевропейская цивилизация охватывает большую часть Северной Евразии и является в какой-то мере её цивилизационным синонимом. При этом в Северной Евразии сохраняются страны, регионы, районы и диаспоры других цивилизаций, которые нельзя по большей части цивилизационно (по типу человека) отнести к Восточной Европе. Но они составляют меньшинство в Северной Евразии, явно уступая славянству. Поэтому нет смысла

²⁷¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 249.

говорить вслед за евразийцами о некоем цивилизационном гибриде славянства с туранскими и иными народами в Северной Евразии и о Евразии как цивилизации, отличной от славянства. Есть лишь их примесь к славянской цивилизации в отдельных регионах, которые можно объединить в одну евразийскую зону внутри ЦВЕ по принципу наличия в этой четвёртой зоне значимого евразийского (неиндоевропейского) компонента. Этот компонент «усваивается» и ассимилируется Восточной Европой.

Несмотря на этническое разнообразие и сложную историю с переселениями, народы Восточной Европы являются гомогенными в этнокультурном смысле, то есть предпочитают жить в однородных населённых пунктах с представителями своего народа. Если они вынуждены жить в одном населённом пункте смешанно, то они живут в разных его частях разными общинами. Поэтому они плохо воспринимают смешение и иноцивилизационные примеси миграции. В настоящее время «клуб» восточноевропейских народов в целом закрыт и его человеческие ресурсы ограничены. Возможно его небольшое расширение в пределах 3 % общей численности за счёт ассимиляции евразийских народов РФ.

Центры цивилизации Восточной Европы в разные периоды истории

Роль центров цивилизации выполняют государства, а также города со своими агломерациями. Но не любые, а те, которые занимаются строительством культуры, геополитики и экономических укладов, то есть аккумулирующие и реализующие цивилизационную волю, притом имеющую значение для судьбы других центров и иных цивилизаций. Иногда центрами цивилизации являются религиозные центры с их культовой и культурной инфраструктурой. Они появляются по достижении первой или последующих стадий зрелости общества данной цивилизации. Первые центры ВЕЦ появились в IX–X вв. в дунайско-балканской зоне. Это Велеград в Моравии, Преслав и Охрид в Первом Болгарском царстве, Блатноград в Паннонии, с которыми была связана кирилло-мефодиевская традиция. В дальнейшем центрами становятся Киев, Новгород, Переславль-Русский на Руси, Краков в Польше, Прага в Чехии, Буда в Венгрии, Вильно в Великом княжестве Литовском, Дубровник в Далмации, Белград в Сербии. В XVI веке складывается окончательная структура главных геополитических и геоэкономических центров ВЕ: Российское царство (Москва), Речь Посполитая (Варшава), Венгрия (Буда), Валахия. В дальнейшем количество больших и малых центров ВЕ значительно возрастает, образуя густую сеть. В XX веке главными были Россия (Российская империя, СССР, Российская Федерация), Польша, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Румыния, Болгария. ВЕЦ, как и большинство других цивилизаций, полицентрична. В ней существовали разные, не зависящие друг от друга, хотя и связанные центры, которые нередко конкурировали и боролись друг с другом, исповедовали противоположные варианты идеологий и не признающих друг друга христианских конфессий. Это важно обозначить для понимания цивилизации.

2.3. Предыстория Северной Евразии. Вместо пролога: *Homo borealis* / «Человек северный»?

Периодизация истории цивилизации Восточной Европы

С точки зрения возникновения и развития оригинальной цивилизации в истории ВЕ следует выделить следующие периоды (8):

1) отдалённая предыстория ЦВЕ: бореальный массив Северной Евразии верхнего каменного века (30–10 тыс. лет до н. э.) и формирование восточноевропейского варианта верхнего палеолита в приледниковой зоне;

2) предыстория ЦВЕ: возникновение индоевропейцев в мезолите — начале неолита — собственный северный вариант неолитической революции ВЕ (X–IV тыс. до н. э.), альтернативный южному;

3) возникновение и первая форма ЦВЕ: общность культур шнуровой керамики (IV–II тыс. до н. э.) и её отделение от западных индоевропейцев — общности ямных культур, а также от индоиранцев;

4) прабалтославянский период (XX в. до н. э. — V в. н. э.) — ранняя языческая и аграрная форма ЦВЕ, становление антропологического типа ВЕ и ближайших соседей уральской языковой группы;

5) расселение славян в период великого переселения народов и возникновение отдельных ранних народностей и первых империй, переход славянского восточноевропейского типа в фазу первичной зрелости, достижения стадии цивилизации (V–X в. н. э.), формирование традиционной восточнохристианской цивилизации ВЕ, активное осевое время ВЕ;

6) период развития цивилизации в зрелом Средневековье и Новом времени (XI — начало XX в.) на основе восточноевропейского варианта традиционной, преимущественно восточнохристианской цивилизации, народностей и зрелых империй ВЕ; альтернатива новому германо-романскому Западу;

7) восточноевропейский социализм СССР и стран ВЕ (1917–1991) — зрелость ЦВЕ, антикапитализм, возвращение в осевое время;

8) современный период (переходный) под влиянием Запада и поиск собственной исторической линии в XXI в.

В общих чертах данная периодизация истории ЦВЕ совпадает с периодизацией славянской языковой группы и соответствует сложившемуся делению.

Мальчик из Мальты и другие находки Северной Евразии

Как сформировалась удивительная ветвь человечества — Восточная Европа? В истории есть своя логика, восходящая к весьма отдалённым временам, которые следует называть предысторией Восточной Европы.

Когда начинается сама история восточноевропейской цивилизации? Наука позволяет установить этот момент. Предыстория ВЕЦ продолжается до момента появления первой формы современной, непрерывной до наших дней славянской и, шире, восточноевропейской цивилизации в Северной Евразии. Таковой может считаться неолитическая общность культур шнуровой керамики с IV тыс. до н. э.

(см. далее). Всё остальное — предыстория. Предыстория не является историей, предыстория предмета не есть ещё сам предмет. Следовательно, предыстория восточноевропейской цивилизации — не есть сама восточноевропейская цивилизация. Это длительный пролог к её истории, «контекст контекста» Восточной Европы.

Дальняя предыстория славянства и всех индоевропейцев представляет сегодня собой набор отдельных фактов, которые постепенно складываются в некое подобие картины. Она находится пока в стадии формирования, но это не значит, что её нет, и можно позволить любые фантазии. Процесс появления картины предыстории этой ветви человечества ускоряется внедрением новых методов, в частности популяционной генетики. В целом можно сказать, что бореальный человек Европы не является чем-то исключительным и отдельным, это просто особая ветвь на расовом стволе человечества, в той или иной мере родственная двум другим ветвям — восточноазиатской (монголоидной) и ближневосточной (афро-азиатской).

Интерес для нашей темы представляет следующий недавно установленный научный факт. В 2013 году стал достоянием общественности анализ генома четырёхлетнего мальчика, умершего 24 тыс. лет назад на палеолитической стоянке недалеко от села Мальта, находящегося в 100 км к северо-западу от Иркутска на Транссибе²⁷². У него были диагностированы фрагменты генома, характерные для гаплогруппы R у-хромосомы, предшествующей двум главным индоевропейским гаплогруппам — восточноиндоевропейской R1a и западноиндоевропейской R1b. В свою очередь, согласно гипотезе²⁷³ исследователей этого случая, гаплогруппа R отпочковалась от гаплогруппы P, которая считается общей для европеоидов (R) и американских индейцев (Q), кетов и селькупов в Сибири (Q), также, возможно, уральской и частично алтайской ветви в Сибири (N), которая является промежуточной между европеоидами и монголоидами, но, вероятно, также отдельной ветвью Евразии, наряду с арийцами (R1a-R1b) и индейцами (Q).

Относительно более близкой к вышеназванным североевразийским ветвям в гипотезе также предполагается восточноазиатская гаплогруппа O, носителями которой является большинство восточноазиатских народов, например китайцы. Все эти массивы людей верхнего палеолита Северной Евразии с большой вероятностью образуют общее культурное и антропологическое пространство бореального человечества, являющегося своего рода прототипом современной Евразии, не исключено, что с общими чертами культуры, мифологии и протобореального языка. Насколько оно было связанным, покажут дальнейшие исследования. К тому же это пока единичные случаи, которые могут быть расово смешанными.

²⁷² Человек из Мальты [Электронный ресурс] // verenich. 24.11.2013. URL: <https://verenich.wordpress.com/2013/11/24/человек-из-мальты/> (дата обращения: 17.09.2023). Анализ согласно этому источнику проводил датский генетик Рагхавен: «Результаты своих исследований антропологи и генетики опубликовали в журнале Nature (Raghavaan et al. 2013)».

²⁷³ Там же.

Мальчик из Мальты — это самые древние на сегодняшний день останки человека, у которых выявлена вероятная (на основе доступных для извлечения фрагментов ДНК) протоиндоевропейская гаплогруппа R. Можно предположить, учитывая местоположение стоянки, связывающее Восточную и Западную Сибирь, что на ней жили представители самой восточной на тот момент популяции, маркированной мужской гаплогруппой R.

В таком случае, вероятно, основная часть обитала на территории, протянувшейся до позднейшей зоны концентрации индоевропейцев в регионе Волга-Урал — через Енисей, Обь, Западную Сибирь, север Средней Азии. Таким образом, она охватывала всю осевую зону Евразии, которая предполагается географическим ареалом или почвой позднейшей осевой цивилизации.

Следующую оценку находке дали российские антропологи. А. Г. Козинцев (Музей антропологии и этнографии РАН) утверждает общее происхождение для европеоидов-арийцев и монголоидов-китайцев от уральской расы как базовой и как совмещающей и те и другие черты: «Новые факты заставляют вернуться к идее бореального надрасового ствола, выдвинутой Р. Бьясутти [Biasutti 1941: 275]. Объединение европеоидов и монголоидов в пределах этого ствола столь же плодотворно, сколь и непривычно. Если европеоидная и монголоидная расы более родственны друг другу, чем каждая из них — австралоидной, то исчезает трудность, с которой сталкивались те, кто пытался определить место недифференцированных групп Северной Евразии, занимающих промежуточное место между европеоидами и монголоидами. Действительно, если эти группы возникли не только в результате метисации, но и благодаря сохранению предковых особенностей, в чём сейчас можно не сомневаться, и если они относятся к особой протоморфной уральской расе [Бунак 1956], то какое положение последняя занимает в системе евразийских рас? Ответить на этот вопрос никак не удавалось, ибо если европеоиды противостоят монголоидам и австралоидам вместе взятым, то уральская раса, сохраняющая как европеоидные, так и монголоидные черты, оказывается древнее австралоидной, что явно неправдоподобно. Теперь противоречие исчезает, и уральская раса без труда находит себе место в пределах бореального (европеоидно-монголоидного) ствола»²⁷⁴.

Согласно указанной гипотезе, основой для бореальной общности выступал тип человека уральской расы, расовая промежуточность которого является изначальным свойством бореального человека в условиях Северной Евразии, а не результатом позднейшей метисации европеоидов и монголоидов. В качестве подтверждения базовости уральского (или северного палеоевропейского) типа для бореальной общности из сферы культуры В. Напольских, Г. Дзибелем приводится известный уральский космогонический миф о ныряющей утке или другом животном, распространённый от Восточной Европы до Северной Америки. Теперь этот миф Г. Дзибелем связывается с данными генетики. «Благо-

²⁷⁴ Козинцев А. Г. Расовая классификация в сфере новых генетических данных // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 64–71. Цит. по: URL: <http://antropogenez.ru/article/644/> (дата обращения: 03.09.2023).

получно разрешается и конфликт между выводами антропологов, археологов и лингвистов, поскольку генезис уральской расы в значительной мере совпадает с генезисом уральского пранарода [Козинцев 2004]. Отодвигать его формирование далеко вглубь плейстоцена, к чему вынуждала гипотеза восточного (австралоидно-монголоидного) ствола, якобы противостоящего европеоидному, теперь нет оснований»²⁷⁵. Ранее исследователями была выявлена проблема различий между уральским и палеоевропейским типами человека применительно к мезолиту и неолиту Восточной Европы, когда оказалось, что расовый субстрат её дославянского населения принадлежал в основном к палеоевропейской (доиндоевропейской), а не к уральской (финно-угорской) группе. «Y-хромосома МА-1 (МА-1 обозначается мальчик из Мальты. — С. Б.) принадлежит к базальной по отношению к современным западным евразийцев ветви, восходя к точке конвергенции с собственно типичными коренными индейскими Y-хромосомными линиями. По мнению исследователей с Молгена, из имеющихся 41990 снипов на Y-хромосоме позитивными оказались 849, спорными 207, no-call 23622, а сам образец принадлежит к (R)P227+ (R)P280+ (R)P285+ (R1)P231- (R1)P234- (R1)P236- (R1)P245- (R1)P294- (R2)M479-. Образец МА-1 имеет “предковые значения аллеля” в 5 R специфических снипах»²⁷⁶.

Помимо находок из Мальты, для понимания североевразийского происхождения индоевропейцев и ранних связей их предков с народами Евразии также важны сравнения с геномом останков из стоянки Афонтова гора II (17 тыс. лет назад, Красноярск), Усть-Ишим (45 тыс. лет назад, Омская область) и Маркиной горы (Костёнки, Воронежская область, 25 тыс. лет назад). Сравнение, согласно выводу А. Г. Козинцева, показало, что «...положение мальтинца и афонтовца оказывается промежуточным между современными европеоидами, индийцами трёх рас и индейцами и одновременно предковым для всех них, но достаточно далёким от монголоидов»²⁷⁷. Сходство с геномом мальчика из Мальты обнаружено у мужчины с Маркиной горы (Костёнки XIV, Воронежская область, 36–38 тыс. лет назад). «Y-хромосома данного мужчины принадлежит к гаплогруппе С-M130 — той же, что была прежде обнаружена у мезолитического человека из Ла Бранья в Северной Испании. По совокупности аллелей человек из Маркиной горы ближе всего к мезолитическим европейцам (Айвиде в Швеции, Ла Бранья в Испании, Лошбур в Люксембурге), а также к верхнепалеолитическому ребенку из Мальты в Иркутской области»²⁷⁸.

²⁷⁵ См.: Человек из Мальты [Электронный ресурс] // verenich. 24.11.2013. URL: <https://verenich.wordpress.com/2013/11/24/человек-из-мальты/> (дата обращения: 17.09.2023). В. Напольских, особенно «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)».

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Козинцев А. Г. Геном сибирского кроманьонца указывает на связь индейцев с европейцами [Электронный ресурс] // Антропогенез.ру. URL: <http://antropogenez.ru/article/743/> (дата обращения: 14.09.2023).

²⁷⁸ Козинцев А. Г. Расшифрован геном верхнепалеолитического человека со стоянки Костёнки XIV (Маркина гора) [Электронный ресурс] // Антропогенез.ру. URL: <http://antropogenez.ru/article/809/> (дата обращения: 14.09.2023).

Какие выводы следуют из указанной трактовки этой находки?

- Индоевропейский тип людей достаточно древний, что говорит о неслучайности его последующего распространения и цивилизационного доминирования.
- Индоевропейское человечество, позднее создавшее Европу, является североазиатским по месту своего формирования (а не ближневосточным и средневосточным). Это объясняется и тем, что Европа представляла собой ледник с небольшими убежищами, в которых могли жить люди, а Евразия, начиная с Юго-Востока Европы и до Байкала, находилась в более благоприятных условиях.
- Подтверждаются гипотезы о бореальной общности людей («бореальный надрасовый ствол»). Изначально европейское и евразийское человечество формировалось как бореальная евразийская общность, являющаяся предшественником и моделью современной Евразии.
- Дальнейшие различия человеческих типов Северной Евразии, как Западной Евразии (Европы), так и Восточной (не исключено, хотя и пока маловероятно, что, включая и Китай, Восточную Сибирь, Юго-Восточную Азию, Алтай, Тибет, Японию), возникли в ходе развития данных особых цивилизаций.
- Евразия является колыбелью северного европейского человечества так же, и даже в большей степени, чем, скажем, Ближний Восток (Плодородный полумесяц — Египет, Левант, Междуречье). В отличие от семито-хамитского Ближнего и Среднего Востока, в Евразии проживали группы, потомки которых стали доминирующими в очистившейся от ледника Европе.
- Русские, славяне, ряд других народов Евразии — наследники пространства, традиций, образа жизни и антропологических особенностей первоначальной бореальной общности, придающих им особую силу и возможности, а также некоторые существенные общие черты с другими евразийскими народами.

С одной стороны, последние открытия и их анализ генома говорят в пользу панъевразийской версии, с другой стороны, обмен и общие корни арийцев с ближневосточным населением ещё в палеолите в Восточной Европе не исключены и, возможно, более вероятны, чем «арийско-уральско-монгольско-китайская» гипотеза.

Несмотря на плодотворность идеи бореального надрасового ствола, всё же представляется недостаточно обоснованной гипотеза общего происхождения европейцев и восточных монголоидов (гаплогруппа O). Однако большие расовые различия северных европеоидов и монголоидов позволяют пока усомниться в этом, так же как и против этого говорит связь евразийских популяций индоевропейцев (гаплогруппы R) с ближневосточно-западноевропейскими (G, I).

В любом случае для нас важна та гипотеза, которая пока всё больше находит подтверждение, что нордическая индоевропейская ветвь имеет евразийское (сибирско-уральско-восточноевропейское) происхождение, то есть автохтонное для нынешней восточноевропейской, славянской и русской цивилизации.

*«Развитая» Восточная Европа и «отсталая» Западная Европа
в верхнем палеолите*

В доисторический период Евразия и Юго-Восток Восточно-Европейской равнины были территорией, свободной от ледника, пригодной для проживания, географически связанной в своих частях и, как следствие данных факторов, относительно густонаселённой территорией, выступавшей в качестве инкубатора населения для других зон и материков планеты.

В отличие от Евразии, Центральная и Западная Европа в предысторический период была периферийным регионом планеты. Его население в основном проживало в ледниковых убежищах и зависело от циклов оледенений. В отличие от Евразии и Ближнего Востока, Европа не могла быть густо заселена и создать конкурентоспособные в цивилизационном отношении группы населения. Европа зависела от миграций населения из афро-азиатской зоны с юга и юго-востока и из Евразии в Восточной Европе. С точки зрения предыстории Европа является вторичной по отношению к этим двум направлениям. По мнению С. Оппенгеймера, создавшего свою версию эволюционного перехода человечества («Изгнание из Эдема»), «с точки зрения жителей Азии, Европа была труднодоступным полуостровом, простиравшимся к северо-западу от Старого Света, своего рода географическим тупиком. В генетическом, а также в географическом отношении европейцы были побочной ветвью генеалогического древа мигрантов, совершивших исход из Африки. Поскольку первые неафриканцы современного типа появились в Азии, “полуостровная” Европа была более открытым и благодарным восприимчивым всевозможных культурных инноваций и изобретений эпохи Верхнего палеолита, чем жители районов, где эти инновации возникли. С этой точки зрения последняя глава была посвящена развенчанию сложившегося археологически-антропологического мифа о великой революции в области биологии человека, якобы совершившейся в Европе и на Леванте, после чего всё остальное человечество будто бы последовало за “передовыми” европейцами»²⁷⁹. «Выход из Эдема» на юге и создание северных популяций (в условиях более или менее холодного климата) стали важнейшим фактом предыстории человечества в каменном веке. Наоборот, в последующее время, если иметь в виду историю западной цивилизации, отказ от осевой цивилизации, отказ от Севера означает в той или иной мере возвращение назад, на вечный юг, «в Эдем», в тепличные условия, что на деле означает конец европейской и евразийской цивилизации, конец, которого хотелось бы избежать.

Чем подтверждается превосходство Восточной Европы в верхнем палеолите? На востоке Восточной Европы, на территории Центральной России, обнаружены крупнейшие доисторические комплексы, в которых многочисленное местное население проживало тысячелетиями. Это Костёнки (Воронежская область) и Сунгирь (Владимирская область). Общее количество и разнообразие

²⁷⁹ Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. Заселение мира. М.: Экмо, 2004. 640 с. Цит.: URL: http://www.nnre.ru/biologija/izgnanie_iz_yedema/p5.php (дата обращения: 03.09.2023).

доисторических памятников Восточной Европы и Евразии намного больше, чем в Западной и Центральной Европе, что говорит и о большей численности населения и его культурном разнообразии.

В конце палеолита Восточная Европа испытывает наплыв нового населения из Евразии. В последние десятилетия появились и работы о бореальной культуре, позволяющие представить бореальный тип человека: «Приблизительно с начала валдайского климатического минимума (~20 тыс. лет назад) в центре Русской равнины (Среднее — Верхнее Поднепровье, бассейн Десны, Средний Дон) широко распространяются новые культурные традиции. Их носители использовали крупные кости мамонта для сооружения иных конструкций — округлых наземных жилищ. Развалины таких жилищ зафиксированы на ряде восточноевропейских стоянок: Мезин, Межиричи, Добраничевка, Юдиново, Гонцы и Костёнки 11/1а, Костёнки 2 и др. По совокупности радиоуглеродных дат эти памятники датируются в пределах 20–14 тыс. лет назад. Отдельные более древние и более молодые датировки могут быть оспорены. Указанные памятники не обнаруживают прямых связей ни с вилендорфско-костёнковской, ни с другими более ранними индустриями ориньякоидного и граветтоидного облика на территории Восточной Европы. Культуры с округлыми костно-земляными жилищами возникают внезапно, как бы из ничего»²⁸⁰.

Важным является и фактор относительного физического превосходства евразийского и восточноевропейского человека, закалившегося в сложных условиях жизни Евразии вблизи ледника, по сравнению с афро-азиатским населением, массово мигрировавшим в Южную, Центральную и Западную Европу после завершения оледенения с Ближнего Востока. Ситуация верхнего палеолита показывает, почему позднее мезолитическая и неолитическая Европа, стоящая на более высоком уровне материальной культуры, была быстро заселена, подчинена и ассимилирована индоевропейцами из Евразии. То же самое произошло с Малой Азией, Ираном, Индией, частично с Ближним Востоком. Превосходство «бореального человека» в ряде жизненно важных факторов, включая в конечном счёте и культуру, над другими ветвями человечества, хотя и достаточно мнимое в экзистенциально-метафизическом плане, но между тем вполне реальное в социальной власти, является фактором, сформировавшимся в значительной степени уже в доисторическую эпоху.

Данное превосходство может быть описано как психофизически «сильный человек», сильный антропологический тип, если мы, конечно, рассматриваем его при всех прочих равных факторах в своей географической среде обитания. Однако его относительное, а иногда и мнимое превосходство (любое превосходство относительно и ситуативно), в опоре уже на вторичные, социально-

²⁸⁰ Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus*. 2010. № 1. С. 99–136. Цит.: *Синеокий Д. А. Бореальная культура позднего палеолита как свидетельство первой европейской цивилизации*. М.: Флинта: Наука, 2015. 117 с.; См. также: Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства): коллективная монография. Цит.: URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2022/01/Sbornik_Kefeli.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

культурные и технологические факторы, проявилось уже в неблагоприятных и даже вредных для его фенотипа тропических и экваториальных регионах планеты.

Следствие данного психофизического превосходства лежит в осевой культуре Евразии, идущей по пути наибольшего сопротивления, формирующей человека, который действует вопреки относительно неблагоприятной среде, тем самым создавая ось движения человечества по пути преодоления ограниченности природы и его собственного развития. Путём систематического преодоления сопротивления формируется наиболее сильное духовное качество — воля, в которой, собственно, и проявляется творческий компонент психики (согласно Мэн де Бирану, воля ощущается через сопротивление внешнего мира). Наоборот, относительно благоприятная среда (но что можно назвать благоприятным?), как Африка или другой регион, который можно назвать «колыбелью человечества», способствует консервации в вечном детстве (как, впрочем, и любые детские условия способствуют инфантилизации антропологического и цивилизационного типа). Такова логика историософии предьстории. Возможно, утверждение о численном и психофизическом превосходстве населения ВЕ в верхнем палеолите является преувеличенным. Однако тенденция усиления его удельного веса и его влияния в предьстории Евразии имеет место, что позволяет говорить о собственной антропологии, автономной от других частей света.

Бореальные языки

Немалую роль в реконструкции предьстории цивилизации оси играет фактор языковой семьи северного типа, предшествующей праиндоевропейскому языку и прауральским и праалтайским языкам. Само понятие «бореальный праязык» или «бореальная языковая семья» проблематично, поскольку непонятно, какие именно группы на этом языке (языках) говорили и как он выглядел. Тем не менее такие научные конструкции создаются на основе базовой лексики, из нескольких сотен слов и их корней. Наиболее вероятной представляется гипотеза бореального языка Н. Д. Андреева, относящего этот язык к эпохе конца верхнего палеолита — начала мезолита в Евразии. Бореальный язык является предшественником раннеиндоевропейского языка, который, возможно, был ветвью бореального, наряду с двумя другими ветвями, уральской и алтайской. Более того, Н. Д. Андреев считал праиндоевропейский язык центральной ветвью бореального: «Существует целый ряд факторов, заставляющих видеть именно в индоевропейском праязыке историческое ядро бореальной языковой общности. Самым очевидным из этих факторов является то фундаментальной важности обстоятельство, что РИЕ²⁸¹ система базисных элементов плана выражения практически не отличается от общей бореальной, тогда как в двух других ветвях БП эта система подверглась значительным изме-

²⁸¹ РИЕ — сокр. раннеиндоевропейцы.

нениям»²⁸². Гипотеза бореального языка основывается на индо-уральской гипотезе В. Томсена с присоединением к индоевропейскому языку языка алтайских групп, предполагая таким образом общий евразийский язык. Н. Д. Андреев составил 203 слова из двух согласных, общих для раннеиндоевропейской, уральской и алтайской семей.

В отличие от протобореального языка, охватывающего народы Евразии в узком смысле (плюс американские индейцы, мигрировавшие из Сибири), гипотеза бореальных языков С. Старостина и Г. Флеминга (1987) предполагает более широкий охват праязыков, соответствует понятию ностратической семьи, включающей афразийские языки народов Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа. Данная гипотеза может быть распространена на гораздо более ранний период, чем гипотеза о бореальном языке, возникшем позднее, чем бореальные языки, и в другом географическом ареале: не в Евразии, где сложился бореальный язык, а в Южной Азии и Афразии (согласно концепции С. Оппенгеймера), где жили их предки, носители ностратических языков.

Возможно, средним вариантом бореального языка были исчезнувшие языки народов палеоевропейской расы, антропологические комплексы которой вошли в современные расы западных и восточноевропейских народов наряду с нордическими. Палеоевропейская версия (кроманьонцев-европеоидов), живших по всей Евразии, представляется более вероятной расовой и этнической основой для бореального массива, чем единство европеоидов и монголоидов, так как слишком уж велики расовые различия индоевропейцев и алтайцев (не говоря о населении территории Китая); также маловероятно складывание в результате миграций с юга из афразийского ареала. Каким бы широким ни было поле бореальной языковой семьи и их связи и взаимовлияния с южными и восточными языками, можно предположить 15–25 тыс. лет назад среди их носителей вероятного прямого предшественника евразийских народов, прежде всего индоевропейской, уральской и алтайской языковых семей.

В Северной Евразии первоначально сложился основной автохтонный бореальный тип человека — возможная общая или пересекающаяся основа различных северных типов людей, существенно отличающийся от людей других, более южных типов, в их внешней психической, социальной и физиологической форме. У групп этого типа сформировался протобореальный (ностратический) язык. Какая бы схема этногенеза евразийских народов ни подтвердилась наукой, неизбежным было формирование северного человека и общества, которые бы объединили Северную Евразию и Северо-Восток Европы и являлись периодическим источником перемен в соседних регионах.

²⁸² См.: Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. 326 с. Цит.: URL: <http://www.booksshare.net/index.php?author=andreev-nd&book=1986&category=lunguistics&id1=4> (дата обращения: 03.09.2023).

2.4. «Горит восток зарёю новой»²⁸³.

Праиндоевропейский массив на границе Европы и Азии: новый тип человека и начало осевой эпохи

Речь идёт о столкновении двух идеологий, двух общественных и экономических укладов, дополнительно усугублённых жестокими словами.

М. Гимбутас. Цивилизация Великой Богини

Революция неолита: два пути и два этапа.

*Матриархат и патриархат, Земля и Солнце, биомасса и энергия,
земледельческая эволюция и осевая революция*

Завершение ледникового периода совпало со вступлением людей в новую эпоху мезолита и неолита, неолитической революции. К этому времени на севере и юге Евразии существовали различные социальные, расовые и психологические типы, отличия между которыми увеличивались и вели к формированию разных типов цивилизаций. Наряду с трактовкой неолитической революции как технологической, в науке сложилась трактовка её как духовно-материального религиозного процесса — матриархального хтонического культа предков и перерождения как развития и доведения до всеобщей формы культуры в раннеземледельческих обществах более ранней матриархальной хтонической религии. А. Б. Зубов объяснил её так: «Но такое внимание к предкам, родоначальникам, продолжающим помогать живым в их и временных, земных, и в вечных, небесных, нуждах, такое чувство взаимозависимости поколений не могло не отразиться и в организации жизни. Могилы предков, священные реликвии рода, нужно было максимально приблизить к живым, сделать частью мира живых. Потомки должны были зачинаться и рождаться буквально “на костях” праотцов. Не случайно захоронения часто находят под теми глинобитными скамьями неолитических домов, на которых сидели и спали живые. Кочевой образ жизни, характерный для палеолита, вступал в столкновение с новыми религиозными ценностями. Если могилы предков должны быть как можно ближе к дому, тогда или дом должен быть недвижим, или кости переноситься с места на место. Но почитание родящей стихии земли требовало стационарных погребений — зародыш новой жизни, погребённое тело, не мог по мере необходимости изыматься из утробы. И поэтому единственное, что оставалось человеку протонеолита — это осесть на землю. Новый строй жизни был труден и непривычен, но тот духовный переворот, который произошёл в сознании людей около 12 тысяч лет назад, требовал выбора — или пренебречь родом, общностью с предками ради более сытой и удобной бродячей жизни, или связать себя навсегда с могилами предков нерасторжимыми узами единства земли. Некоторые группы людей в Европе, на Переднем Востоке, в Индокитае, на Тихоокеанском побережье Южной Америки сделали

²⁸³ Строка из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

выбор в пользу рода. Они-то и положили начало цивилизациям нового каменного века...

Почему в ряде мест Старого и Нового Света почти одновременно вспыхивает эта новая вера, бесконечно усилившая древнее, как сам человек, почитание живыми своих умерших, заставившая человека отказаться от бродяжничества и обратившая его внимание на чудесную тайну умирающего, возрождающегося и умножающегося зерна? Ответа на этот вопрос, ответа убедительного, палеоантропологи не дают и по сей день. Присущее уже верхнему палеолиту почитание земли в образе беременной женщины в эпоху неолита вполне сохраняется и во многом усложняется. Но суть почитания земли остаётся той же — это благоговение перед стихией, в которую уходит семя жизни и которая возрождает его к новому бытию. В протонеолитическое и неолитическое время растительное семя, зерно, бобовые становятся постоянным и общепринятым символом семени человеческого»²⁸⁴.

Речь идёт о племенах южного, афразийского происхождения на юге Европы, на Ближнем Востоке, Малой Азии, Кавказе, Среднем Востоке, а также тех соседях, которых они охватили ареалом своей культуры или ассимилировали.

Вместе с тем, не без влияния хозяйства культур юга, в неолитическую революцию вступили и племена, которые остались в другой, старой кочевой, духовно-материальной реальности, в частности, население Северной Евразии, образ жизни которых в суровых условиях не способствовал земледелию и матриархальной религии и вёл к другому пути неолитической революции, связанному с кочевническим скотоводством и преобладанием мужского начала, освоением пространства и энергий. Здесь произошёл и ранний отказ от главенства матриархальных культов.

С точки зрения хода всей истории населения Земли новый период включал в себя две крупнейшие фазы:

1) первую (XII–V тыс. до н. э.) — неолитическую революцию: переход к производящему хозяйству и возникновение раннеземледельческих цивилизаций матриархального типа у афразийских народов, распространившуюся в другие регионы, в том числе в Европу и Северную Евразию в целом, но на базе старого, коллективистского сверхличностного типа человека (собственно первый этап считается неолитической революцией);

2) вторую (V–II тыс. до н. э.), в период энеолита, — внутренний кризис первоначальной раннеземледельческой матриархальной цивилизации и экспансия индоевропейской цивилизации нового типа за пределы прародины в регионы раннеземледельческой цивилизации, ускорившие её внутреннее перерождение (Ближний Восток) или просто разрушившие её (Европа, Малая Азия, Центральная Азия). Второй этап — скорее уход от неолита в новое состояние.

Для понимания последующей истории мира и осевой цивилизации в частности решающее значение имеет второй этап. В начале второй фазы революции

²⁸⁴ Зубов А. Б. История религии. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. М., 1997. С. 23–24. Цит. по: URL: https://studopedia.ru/4_58137_obnimayushchiesya-pari.html (дата обращения: 03.09.2023).

общинно-родового общества, в V–III тыс. до н. э., мировая история приобрела совершенно новый вектор, который определяет её до сегодняшних дней. Новый вектор определён расселением и завоеваниями индоевропейцев с их прародины, охватившей к тому времени широкую территорию, имевшую высокую концентрацию и численность индоевропейского населения, что вызвало кризис перенаселения в рамках кочевой культуры хозяйства и толкало к расселению в климатически более благоприятные регионы.

Во второй фазе мы видим два взаимосвязанных процесса — экспансию индоевропейцев и внутреннее перерождение ряда неиндоевропейских обществ в направлении сходных качеств человека. Оба имеют осевую направленность, вводят разные общества в осевое время, ведут к формированию универсального человека, палитры осевых цивилизаций или осевых культур внутри старых цивилизаций, революционизирующих общества первой фазы неолитической революции.

История приобрела другую логику — логику «оси», которая формировала вокруг себя новую цивилизацию в мировых масштабах, учитывая растущее влияние четырёх указанных индоевропейских цивилизаций (западной, восточноевропейской, иранской, индийской) в Евразии. В значительной мере вторая фаза была деянием и тех людей, которых завершение ледниковой эпохи затронуло в максимальной степени, поскольку они, люди Севера, жили рядом с ледником, и изменение суровых условий на более благоприятные было своеобразным шансом для них и фактором резких перемен в их образе жизни. Возможно, осевая революция в её элементарном варианте произошла у индоевропейцев намного раньше и быстрее других обществ, ещё на переходе от мезолита к неолиту, одновременно с первой фазой, собственно, неолитической революцией производящего хозяйства, поскольку учёные фиксируют высокую степень индивидуализации уже в захоронениях раннеиндоевропейских культур, хвалынской и самарской, а в ямных она достигает высокой степени. Осевая революция в широком смысле была совершенно новым явлением с точки зрения устройства человека — человек общинный, родовой, человек коллективной сверхличности сменился человеком-индивидуумом.

Курганная гипотеза индоевропейской прародины — революционный переворот во взглядах на историю Европы и Евразии

Важнейшим вопросом изучения индоевропейских цивилизаций является вопрос об индоевропейской прародине. Откуда вышли предки будущих и современных народов Европы, Америки, Ирана, Индии, части Средней Азии, говорящие на языках индоевропейской семьи? Ответ на него меняет всю концепцию мировой истории, привычную нам по школьным учебникам, где приоритет до сих пор отдаётся цивилизационно иным Египту, Леванту и Месопотамии.

В настоящее время вопрос считается в целом, хотя и с определёнными оговорками, решённым в рамках курганной гипотезы, выдвинутой и обоснованной в своё время М. Гимбутас (Гимбутене), с последующим привлечением данных русских и советских археологов по культурам неолита на территории Восточно-Европейской равнины.

Развёрнутая историософская и социально-философская интерпретация курганной теории является необходимой задачей настоящей работы.

«Порто- и древнеиндоевропейцы, которых я называю носителями “курганной” культуры, пришли — вернее — прискакали, поскольку это были всадники с Востока из южнорусских степей. Их первое соприкосновение с пограничными территориями Древней Европы (Нижнеднепровским регионом и западной частью Черноморского побережья) произошло где-то в середине V тыс. до н. э. Так начался приток в Восточную и Центральную Европу новых народов и влияний, которому суждено было продлиться два тысячелетия»²⁸⁵, — писала М. Гимбутас. Обе возникшие в итоге цивилизации (западноевропейская и восточноевропейская) в их разновидностях были одинаково чуждыми предшествующей Старой Европе.

Современная версия курганной гипотезы индоевропейской прародины и последующего этногенеза индоевропейских народов представлена в монографии Д. Энтони «Лошадь, колесо, язык. Как наездники из европейских степей создали современный мир» (2007)²⁸⁶, построенной на сопоставлении археологических и языковых данных. В начале работы Энтони отмечает, что «родина находилась в степях к северу от Чёрного и Каспийского морей, там, где сегодня находятся Южная Украина и Россия»²⁸⁷. Образование протоиндоевропейского языка как регионального (межрегионального?) Д. Энтони относит к периоду 4000–3500 лет до н. э. Древнейшим индоевропейским языком является анатолийский, возникший предположительно не ранее 4200 лет до н. э., — язык ранней юго-западной группы индоевропейцев, вторгшихся в Анатолию. Скорее всего, праиндоевропейский массив и его язык сформировались ранее 4000 г. до н. э.

«Присутствие domestified лошади в степных культурах было важнейшим ключом для Марии Гимбутас при развитии её курганной гипотезы»²⁸⁸, — указывает Д. Энтони в крупнейшей современной монографии по курганной теории. «Верховая езда изменила ход европейской предьстории»²⁸⁹. Главным техническим изобретением индоевропейцев (одним из немногих, но важным с точки зрения сути цивилизации и её философии) была система повозки лошадь-колесо-ось, находящаяся в ситуации постоянного вращения и движения. Лошадь и повозка с колесом и осью являются важнейшим фактом индоевропейской осевой цивилизации и одновременно её «прасимволом». Основная технологическая инновация и черта культуры ранних индоевропейцев служит и главной метафорой осевых цивилизаций и выражает в максимальной степени их духовно-материальную природу, то есть является повторяющимся действием. Более того, она несёт и структуру времени и истории в осевых культурах.

²⁸⁵ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 387.

²⁸⁶ См.: Antony D. W. *The Horse, The Wheel and Language*. Princeton, 2007. 553 p.

²⁸⁷ Ibid. P. 5.

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 387.

Курганная теория и её подтверждение произвели революционный переворот во взглядах на историю цивилизаций, сместив вектор истории с Юга на Север и с Запада на Восток Европы. Этот переворот противоречит ряду идеологических установок западной научной и социальной мысли как западноцентрического, так и ближневосточного типа, поэтому он всячески замалчивается и ставится под сомнение под различными поводами с целью смягчения и обесценивания его удара по стереотипам массового сознания. Задача объективного исследования, наоборот, довести последствия этого «гелиоцентрического» переворота (буквально, поскольку Солнце было божественным прасимволом культур индоевропейцев и ассоциировалось с колесом, в отличие от Земли) в истории до логического конца.

Основной археологический материал, с помощью которого М. Гимбутас выявлено движение индоевропейцев с предполагаемой прародины (или её географического центра?) в западном направлении, составляют относительно более поздние, сложившиеся уже после появления массива индоевропейцев культуры каспийско-причерноморских степей с курганными погребениями: Раннеямной, Майкопской и Позднеямной. «Появление курганной культуры на территории Древней Европы шло волнами: волна I — ок. 4400–4300 гг. до н. э., волна II — ок. 3500 г. до н. э. и III — после 3000 г. до н. э. Эта хронология отражает развитие не какой-то одной группы, но целого ряда степных народов с общими культурными традициями. Носители курганной I культуры пришли из волжских степей; находившиеся на более высоком уровне культурного развития носители курганной II культуры — из северопонтийских земель, лежащих между Нижним Днестром и Кавказскими горами; носители курганной культуры III — снова из волжских степей. В российской археологии курганная I культура именуется “раннеямной”, курганная II культура — “михайловка I” или “майкопской”, а курганная III культура — “позднеямной” (подразумеваются, конечно, могильные ямы под курганами)»²⁹⁰.

Раннеямным культурам I (вторая половина V тыс. до н. э.) предшествовала энеолитическая хвалынско-среднеднепровская историко-культурная общность (первая половина V тыс. до н. э.), которая стоит ближе других к раннеиндоевропейскому массиву. Подводя итог, М. Гимбутас написала: «материальные остатки первой половины V тыс. до н. э. показывают, что на огромной территории к востоку от Дона, между Средней Волгой, Кавказом и Уралом, существовала единообразная культура. В местах, отстоящих друг от друга на тысячи километров, находят практически одинаковые украшения, инструменты и оружие, что говорит о беспрецедентно быстром обмене между племенными группами. Первые наезды в днепровские степи этих кочевых народов происходили ещё до середины V тыс. до н. э. Чуть позже конные воины курганной I культуры появились в самом сердце Европы»²⁹¹.

Образ кургана, столь известный русским жителям южных регионов России и Украины и не только им, стал ключевым в формулировке правильного

²⁹⁰ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 387–388.

²⁹¹ Там же. С. 389.

решения проблемы индоевропейской прародины в виде «курганной гипотезы». Значительная часть археологических данных для обоснования курганной гипотезы была добыта русскими и советскими археологами, а также археологами балканских славянских государств в ходе раскопок погребений ямных культур, в которых над ямами с погребённым насыпался курган. Таким образом, обоснование курганной гипотезы — это совместный восточноевропейский, в какой-то части и русский, и западный научный продукт.

В социальной сфере важнейшими нововведениями стали отношения «патрон — клиент» и «хозяин — гость», которые позволили реализовать масштабную военно-экономическую и демографическую экспансию. По мнению Энтони, крупный рогатый скот появился у ранних индоевропейцев от неиндоевропейских цивилизаций в результате контактов в Причерноморье, у которых он играл несколько другую роль в хозяйстве, чем у индоевропейцев (не источник мяса, а тягла), и являлся частью религиозного матриархально-хтонического культа (в Индии корова — священное животное).

Теорию Гимбутас, Мэллори, Кортландта, Энтони развил В. А. Дергачёв в книге «О скипетрах, о лошадях, о войне» (2007)²⁹². На основе находок каменных наверший скипетров на маршрутах экспансии индоевропейцев из Причерноморья через устье Дуная Дергачёв идентифицировал тип и социальный облик их

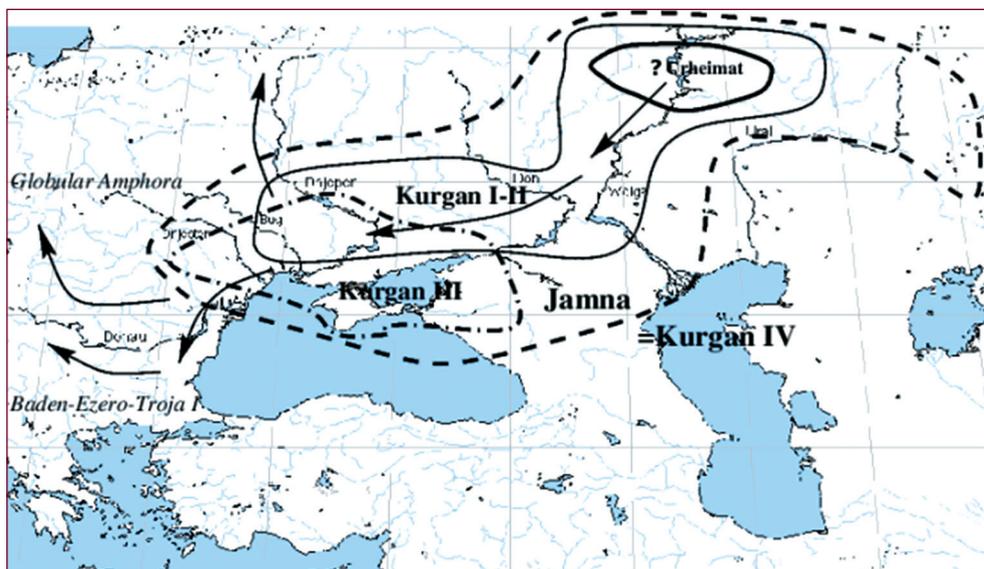

Рис. 2. Первичный ареал расселения индоевропейцев и прародина на Средней Волге (см. на карте надпись нем. «Urheimat»), согласно М. Гимбутас²⁹³

²⁹² Дергачёв В. А. О скипетрах, лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас / Ин-т культурного наследия АН Респ. Молдова, Ун-т «Высшая антропологическая школа». СПб.: Нестор-История, 2007. 486 с.

²⁹³ Kurgan hypothesis [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Kurgan_hypothesis#:~:text=The%20Kurgan%20hypothesis%20\(also%20known,north%20of%20the%20Black%20Sea](https://en.wikipedia.org/wiki/Kurgan_hypothesis#:~:text=The%20Kurgan%20hypothesis%20(also%20known,north%20of%20the%20Black%20Sea) (дата обращения: 30.01.2024).

носителей как знак индивидуальной власти — индоевропейских военных вождей или уполномоченных ими начальников отрядов (в основном это относится к западной и юго-западной ветви индоевропейцев). Этот тип стал образом героя нового общества и получил развитие в последующие эпохи.

Следует отметить, что, несмотря на подтверждение бореального происхождения индоевропейцев, курганная гипотеза имеет мало общего с гипербореизмом (см. выше), относящим их прародину к полярной зоне. Как мы видим, научных фактов, подтверждающих гипотетически бореальную прародину, нет, а природные условия делают полярную прародину невозможной. Что, впрочем, не исключает связи предков индоевропейцев с полярной зоной, равно как и посещение её и пребывание в ней какой-то их части. Кроме того, приледниковые условия жизни предков индоевропейцев и их соседей в конце ледникового периода (11–13 тыс. лет назад) напоминали современную полярную зону Евразии.

Евразия первичнее Европы в происхождении её народов

Вопрос об индоевропейской прародине стыкуется с вопросом о границе Европы и Азии и резко меняет наши представления о них. Ведь европейцы по происхождению — евразийцы. Европа последних трёх-четырёх тысячелетий как цивилизационный феномен исторически имеет северо-евразийское происхождение, который определяет её «код» как осевой цивилизации. Это можно сказать как о западной, так и о восточноевропейской цивилизациях. Слово «Европа» приводит к путанице, поскольку она ассоциируется с Западом.

Был период, когда Европа, кроме самого её востока, была не «западной» и не «восточноевропейской», а матриархально-хтонической цивилизационной зоной выходцев с юга и палеоевропейской охотников-кроманоидов. Старой «европейской» матриархальной и кроманоидной Европы нет уже несколько тысячелетий. Кардинальные различия между староевропейской и индоевропейской цивилизациями не позволяют считать индоевропейские культуры изначально автохтонными для большей части Европы, кроме её крайнего юго-востока — индоевропейской прародины.

В Евразии нет границ между Европой и Азией, но есть границы между цивилизациями, которые периодически сменяют друг друга. Евразия стала одним целым на основе объединения её «осевой зоны» пять-шесть тысяч лет назад. С точки зрения возникновения европейских цивилизаций есть единая Евразия. На деле границы между Восточной Европой и Азией не существует. Она является продуктом позднейшего западного колониального мышления, спроецированного на географию. Такой подход существовал всегда, даже во времена Геродота. Граница Европы с Азией по Уралу и предгорьям Кавказа — это дальний рубеж Запада, который от Геродота перешёл к французским «просветителям» (на самом деле светочам «малого народа»), а от них к российским географам.

Вероятно, литовское происхождение и начало научной карьеры М. Гимбутас, также фактор её интереса к исследованиям славянской и балтской предистории оказались ключевыми в доказательстве восточноевропейского происхож-

дения всех индоевропейских народов. Одно дело — гипотезы предшественников О. Шрадера, Г. Чайлда и Э. Вале, другое дело — их доказательство и воссоздание всей картины исторического процесса. М. Гимбутас — человек и интеллектуал Восточной Европы, мысливший её категориями, её духом. Ф. С. Капица так охарактеризовал ключевой период её творчества: «Перелом наступил в 1956 году, когда Мария Гимбутас опубликовала работу “Предыстория Восточной Европы. Часть I. Культуры мезолита, неолита и бронзового века в России и Балтии”, в которой предложила использовать классификацию типов курганов для определения границ расселения славян. Тогда к ней и приходит заслуженное признание. Позже эту работу сравнят по значению с трудом Ж. Ф. Шампольона, расшифровавшего египетские иероглифы. Мария получает стипендию на четыре года от Национального научного фонда для продолжения своей работы. Весной 1958 года выходит вторая часть её книги “Предыстория Восточной Европы”, в которой она представила полную разработку маршрутов славянских миграций в Европе. Практически одновременно выходит её работа “Древнейшие символы в литовском народном искусстве”, где она показала наличие индоевропейского субстрата в искусстве народов Балтии. По просьбе профессора Р. Якобсона М. Гимбутас подготавливает и начинает читать в Калифорнийском университете курс лекций по ранней истории славян... В 1971 году М. Гимбутас публикует книгу “Славяне”»²⁹⁴.

Сходные с курганной гипотезой трактовки индоевропейской прародины

В рамках восточноевропейско-евразийской концепции можно выделить четыре подхода, которые так или иначе выходят на курганные культуры причерноморско-каспийских степей как на ключевое звено индоевропейского этногенеза:

- 1) Дон — Волга — Северный Кавказ (М. Гимбутас);
- 2) Средняя Азия — Урал (А. В. Гудзь-Марков)²⁹⁵, согласно которой в последникоый период Средняя Азия была колыбелью индоевропейских народов, что не вполне верно, поскольку в Средней Азии, на юге, жили неиндоевропейские народы;

²⁹⁴ См.: Капица Ф. С. Жизнь и труды Марии Гимбутас // Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 221 с.

²⁹⁵ Гудзь-Марков А. В. Индоевропейцы Евразии и славяне. М.: Вече, 2014. 445 с. Ошибочная позиция Гудзь-Маркова состояла в том, что он объединил индоевропейскую скотоводческую и раннеземледельческие цивилизации в одну и разместил бореальный массив у Индийского океана: «Горы Передней и Центральной Азии служили естественным труднопреодолимым барьером для потоков мертвящего холодного воздуха с севера. Благодаря их защите с VIII тыс. до н. э. в районах Иранского плоскогорья, в Месопотамии и на юге Средней Азии начинает развиваться древнейшая из известных нам цивилизаций, имеющая прямую преемственность в современных и исторически засвидетельствованных индоевропейских культурах Евразийского континента, получивших в дальнейшем широкое распространение от Ирландии до Индии и Тихого океана». Цит.: URL: <http://historylib.org/historybooks/Indoeuropeytsy-Evrazii-i-slaviane/4> (дата обращения: 03.09.2023).

- 3) Эльба — Висла — Средний Днепр — Северский Донец в ранний период до VI в. до н. э. (Л. Л. Зализняк²⁹⁶ в опоре на «первую прародину» В. А. Сафронова);
 4) Центральная и Западная Сибирь (А. Бояров²⁹⁷).

Наиболее вероятным в международном сообществе считается «каспийско-причерноморское» расположение индоевропейской прародины²⁹⁸, то есть посередине между вышеупомянутыми четырьмя современными ветвями индоевропейцев: между Нижней и Средней Волгой, Доном, Азовским морем, Северным Казахстаном (Рис. 2). Однако все указанные версии представляют собой похожие на курганную гипотезу варианты, коренным образом не меняющие сам подход к решению индоевропейской проблемы, который можно назвать евразийским, то есть помещающим их прародину на границе Европы и Азии.

Учитывая, что древность праиндоевропейского массива отодвигается далее 5000 лет до н. э., более восточное расположение вероятной прародины индоевропейцев на Южном Урале и за Уралом на более раннем этапе их этногенеза до сих пор не исключено. И возможно, прародина в Приуралье играла не меньшую роль в этногенезе индоевропейцев, чем западная, от Волги до Днепра.

Однако есть и альтернативные курганной гипотезе точки зрения: В. А. Сафронов²⁹⁹, В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе³⁰⁰, О. Н. Трубачёв³⁰¹, Л. С. Клейн³⁰², отстаивавшие другие варианты размещения прародин. Большинство из них построено на игнорировании различий индоевропейских и неиндоевропейских цивилизаций и соответствующих культур. Попытка сведения европейской цивилизации к Центральной Европе, равно как и к Ближнему Востоку, — игнорирование следствий курганной теории и североевразийской версии происхождения индоевропейцев. Однако проблема не только в местоположении прародины,

²⁹⁶ См.: Зализняк Л. Л. Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных [Электронный ресурс] // Генофонд.рф. 02.03.2016. URL: http://генофонд.рф/?page_id=7366 (дата обращения: 14.09.2023).

²⁹⁷ См.: Бояров А. Прародина и происхождение индоевропейцев, финно-угров и тюрков [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/destesaviran/prarodina-i-proishozdenie-indoevropajcev-finno-ugrov-i-turkov> (дата обращения: 14.10.2018).

²⁹⁸ См.: Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. Также см.: Antony D. W. *The Horse, The Wheel and Language*. Princeton, 2007. P. 459.

²⁹⁹ См.: Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.

³⁰⁰ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.

³⁰¹ См.: Трубачёв О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 12–28. Цит.: URL: <http://philology.ru/linguistics3/trubachev-92.htm> (дата обращения: 03.09.2023): «В то время как ряд исследователей разделяет мнение о движении с Востока на Запад как основном направлении индоевропейских племён, мы бы выделили мысль о характерности центробежных распространений из некоторого центральноевропейского ареала».

³⁰² См.: Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. 226 с. Цит.: URL: http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

а в том, что это ведёт к путанице и подмене в философских взглядах на природу цивилизаций и их наследие.

*Противоположность типов обществ индоевропейской
«Новой Европы» и доиндоевропейской «Старой Европы»
и их наследия в мировой истории*

Сам по себе вопрос о различиях старой, доиндоевропейской, и новой, индоевропейской цивилизаций Европы является ключевым для понимания цивилизационного типа человека Запада и Востока Европы, а также источника последующих мутаций западной цивилизации. Значительная часть центров, культур и общин раннеземледельческой цивилизации располагалась в Восточной Европе (Старчево, Кукутень, Винча, Гумельница и др.). Относительно остальной Европы это была большая часть этой цивилизации на европейском субконтиненте и наиболее развитая из её европейских вариантов, поскольку она распространялась через ВЕ из Малой Азии. Без понимания масштаба различий сложно разобраться в перипетиях борьбы религий и философий на протяжении последующих тысячелетий. Вопрос о различиях решён опять-таки в рамках теории матриархальной староевропейской цивилизации и курганной теории патрилокальной индоевропейской цивилизации М. Гимбутас. Её заслуги затрагивают сферу философии мировой истории и выходят далеко за рамки этногенеза индоевропейцев.

Прежде всего речь о матриархальной цивилизации Старой Европы. Староевропейская, матриархальная по системе организации общества и хтоническая по религии цивилизация охватывает период неолита и энеолита Европы и представляет собой в истории Европы лишь ограниченный период в пять-шесть тысячелетий (8000–2500 тыс. лет до н. э.), за исключением анклавов и убежищ на периферии континента, сохранившихся до более поздних времён. Матриархат, патрилокальная система родства, общинный коммунизм, сливающий членов общины в одно целое, и сверхличностный хтонический культ объединены М. Гимбутас в образе Великой Богини-Праматери, которая и является её духовным фокусом. Как показывают находки «Венер», черты матриархальной цивилизации уходят корнями в палеолитическое общество охотников и собирателей, в том числе и бореального массива (стоянка Мальта). Однако свой расцвет оно получило именно в земледельческом неолите как один из вариантов развития производящего хозяйства и общества в целом, в котором женщины заняли особо важную позицию.

Матриархальная цивилизация в рамках неолитической революции охватила все земледельческие регионы планеты и стала своего рода сверхидеей благоденствия земледельческого человечества той эпохи. Земледелие, совмещённое с оседлым скотоводством, давало гарантированное благоденствие, а религия перерождения, совмещённая с общинным коммунизмом, — своеобразный комфорт актуальной вечности, «вечного возвращения». По сути, это замкнутый круговорот. Вместе с тем эта цивилизация была довольно жестокой, что основывалось на биологическом соединении со сверхличностью Великой Богини и её многочисленных воплощениях, или женско-мужских божествах. Личность

человека была встроена в систему циклов плодородия и не представляла собой какой-либо ценности вне его, поэтому его жизнь рассматривалась как жертвоприношение, что буквально практиковалось в культах. Её можно назвать своеобразным «первобытным мистическим коммунизмом», в то время как первоначальная осевая цивилизация — скорее первичный социализм.

С точки зрения философской антропологии раннеземледельческий тип — это «ветхий», то есть старый, «допотопный», если пользоваться библейской терминологией, биологический тип человека, ещё не вступившего на путь создания из себя нового духовного человека и особой человеческой личности, отдельной от общины и рода. Человек в этой цивилизации зооморфен, поклоняется зооморфным богам и богиням в качестве своего прообраза в облике змей, драконов, птиц, коров, быков, находится с ними в мистической связи.

Антропологическая пропасть между земледельцем матриархата и человеком осевого типа, между первой и второй фазами неолитической революции, гораздо глубже и шире, чем пропасть³⁰³ между человеком палеолита и неолита, между охотниками-собирающими и земледельцами с их зооморфными кумирами. Преодоление пропасти социального с биологическим в обществе за счёт актуализации духовного и трансцендентного — суть осевой революции. Размежевание этих типов в какой-то мере не закончилось до сих пор, поскольку осевая революция не окончена, а в современном человеке подчас живёт представитель ветхого типа. Воля его угасает или даже не пробуждена, и он живёт как «сын природы» или социума.

В связи с различными природными и внешними процессами раннеземледельческая цивилизация Ближнего и Среднего Востока около 3500–2500 лет до н. э. вошла в полосу коренных изменений. Внешним фактором стали кочевые патриархальные общества, создавшие угрозу завоевания и уничтожения. Был и внутренний фактор, который заставил отказаться от общинного коммунизма в пользу иерархических государств, управляемых мужчинами-жрецами, с азиатским способом производства. Его можно назвать первой фазой «осевой революции сверху». Вторая фаза осевой революции — это утверждение монотеизма и отказ от старых хтонических культов в Израиле и Египте Эхнатона, отчасти ещё в древнеавилонском царстве Хаммурапи. Она началась ещё с создания древних династий Египта и Вавилона. Однако афразийские общества и смешанные с ними общества сохранили сильнейший отпечаток прежней цивилизации и позднее, иногда и до наших дней, например матрилинейные системы родства. В некоторых из них, например в Вавилоне, осевая трансформация общества так и не произошла. Нараставая технологии производства и средства денежной цивилизации, они остались в прежней духовной парадигме. Вавилон стал олицетворением зла ветхой цивилизации для своих осевых соседей.

Именно как прямое наследие матриархальной земледельческой цивилизации афразийских народов XII–III тыс. до н. э., переданное через ассимилированный индоевропейцами подчинённый субстрат или через ближневосточные народы,

³⁰³ Впрочем, А. Вебер объединял ранних земледельцев и осевых людей их в одного, «третьего человека», хотя и делящегося на людей двух принципиально разных эпох.

следует понимать такие важные духовные явления, как дионисизм, орфизм, пифагореизм, герметизм (двупольный бог Гермес-Тот, олицетворяющий природу), алхимия, астрология, каббала, кобелизм (культ Богинь, в том числе Кибелы), гностицизм, движение катаров, богомилство, масонство, софиология (культ Софии как Великой Богини), нью-эйдж, трансгуманистический гайянизм (Гея — богиня планеты Земля), некоторые индуистские учения (например, переселение душ, карма, каста, майя). Обращение к индийским культам и практикам, которые часто встречаются и на которых строится неориентализм, часто скрывает навязывание доиндоевропейских оккультных практик. Ошибочно они приписывались некоторыми философами и идеологами именно индоевропейцам или осевым восточным цивилизациям. Но к изначальной магистральной индоевропейской традиции аполлонизма, культа Солнца, нацеленного на единобожие, они не имеют отношения.

Поскольку оба типа цивилизации в качестве религиозных символов использовали соответственно Землю и Солнце, которые перешли в астрологию и астрономию (хтоническая цивилизация использовала также Луну), то в последующей истории астрономии борьба двух линий с античности воплотилась в противостоянии геоцентризма и гелиоцентризма, культа Земли и культа Солнца как центров мира, который победил в христианской среде лишь после появления учения славянина Н. Коперника. Однако Солнце в качестве части языческого пантеона присутствовало в хтонических цивилизациях, а Земля — в солярных.

Очевидно, что за геоцентрической парадигмой стояли не столько ограниченность и невежество церковных функционеров, игнорировавших известный к тому времени гелиоцентризм, сколько приверженность многих христиан и учёных церковников матриархально-хтонической традиции, имевшей огромное и всё возрастающее влияние в античном мире в период распространения христианства, особенно в Малой Азии и затем Византии. Под воздействием осевых культур хтоническая традиция претерпевала значительные изменения, инкорпорировалась в осевые культуры, например софиологическая традиция.

Борьба за воплощение в отдельных науках гелиоцентрической парадигмы, сложившейся в религии, а затем в философии, продолжается до сегодняшнего времени. Солнце является источником и символом первичной энергии, движения и развития, Земля же вторична и является символом биологического произрастания. Солнечные культуры динамичны и демократичны, хтонические — иерархичны и пирамидальны. Излишний иерархизм в церкви представляет собой следствие хтонических заимствований в христианской культуре, копирующую под видом «софийности» «земную» иерархию, а не «небесную».

Хтоническая земледельческая цивилизация породила соответствующие культуры, которые являются антиподом осевой цивилизации. У обеих цивилизаций есть соответствующая духовность — тёмная и светлая. А. С. Хомяков подметил разницу двух типов цивилизаций в терминах «иранства» и «кушитства». Когда-то существовали чистые «кушитские» цивилизации. Однако после в результате осевой революции и завоеваний чистых «кушитских» цивилизаций почти не осталось, произошло смешение с «иранством» в разной мере.

Духовные течения — наследники раннеземледельческой хтонической цивилизации возродились в теории и практике трансгуманизма конца XX — начала XXI в. (в широком смысле) Запада, совмещённых с крайней мутацией западного рационализма и атомистического индивидуализма в виде цифрового общества, которая в целом также имеет корни в матриархальных культах. При ближайшем рассмотрении именно они воздействовали на появление культа рационального мышления (культа Разума) в древнегреческой философии и математике и затем перешли к новоевропейскому Просвещению. Точнее, они были сознательно собраны в XVIII веке в просветительском культе Разума (женской богини Разума, как у якобинцев) и поставлены на службу переделке человеческого типа. Культы разума строятся не напрямую на раннеземледельческих культах (хотя встречаются и такие), а на обожевлении раздутой рациональности, представляющей уродливую деформацию базовой личности в западном типе человека, но при этом довлеющим над отдельным человеком в качестве всё той же Великой Богини.

Подмена индоевропейской осевой традиции на традицию хтоническую происходила в европейской культуре давно, начиная с Орфея и античных мистерий. Раннеземледельческая цивилизация — это цивилизация Юга, своеобразного «Великого Полдня» Старого Света, Срединная цивилизация. Современные трансгуманистические попытки восстановления матриархата, внедрения феминизма, гендерного равенства и смешения гендерных ролей, коллективного воспитания детей и соответствующих им культурных форм, например хтонических культов, крайне губительны для индоевропейских народов и ведут к слому и крушению их человеческого типа. Это поздний реванш доиндоевропейской цивилизации, осуществившийся тысячелетия спустя через идеологию тайных обществ, опирающихся на власти глобальной олигархии.

В свете этого гиперборейская индоевропейская метафора «Полдня» как солнечного светлого царства бытия у Ф. Ницше, трактуемого им как вечное возвращение, должна быть изменена на противоположную метафору — полночную, лунную, ибо именно она отражала тёмное хтоническое духовное начало в истории, а белый и золотой цвет был в цивилизации Юга цветом смерти (см. далее цит. М. Гимбутас в *Табл. 3*). Цивилизация Юга осталась как бы в состоянии «Великого Полдня».

К матриархальной раннеземледельческой цивилизации относились: Плодородный полумесяц (Египет, Ближний Восток, Междуречье, Элам — население более 2 млн уже к 4000 до н. э., 10% населения Земли), Юг Средней Азии, часть территории современных Афганистана и Ирана, Индия, Передняя Азия, Закавказье, Южная, Западная и Юго-Восточная Европа (почти вся Европа, за исключением центра и востока Восточно-Европейской равнины). В неё позднее вошли также территории Индокитая и Китая со своими особенностями, где её черты законсервировались на длительный период. В силу определённых причин, бегства её носителей из Центральной Европы в Скандинавию от экспансии индоевропейцев, она оказалась представлена на северо-западе России, в Карелии и Финляндии, уже не связанная с земледелием (хтонические культовые комплексы с сейдами, например гора Воттоваара, представлявшая собой гигантское мегалитическое святилище — жерло Земли — древнего давно потухшего вулкана).

По своим масштабам и наследию культовых памятников (которые ошибочно присваиваются индоевропейцам с целью приписать им чужое величие, в котором они не нуждались) цивилизация Великой Богини в Европе сопоставима с древнейшими синхронными и родственными ей ближневосточными цивилизациями. «Когда примерно в 4000–3500 гг. до н. э. цивилизациями культура достигла урбанистического этапа развития, в её городах, окружённых средними и мелкими поселениями, могло жить до десяти тысяч человек»³⁰⁴, — отмечала М. Гимбутас в книге о матриархальной раннеземледельческой цивилизации.

Изначально в Европе граница между индоевропейским Востоком и доиндоевропейским афразийским Западом проходила где-то по линии Правобережья и Левобережья Среднего и Нижнего Днепра, который разделял разные природные комплексы, благоприятные для кочевых скотоводов Востока (Ямная общность) и земледельцев Запада (Кукутень-Триполье). Это истинная природная граница Европы и Евразии, хоть и достаточно условная.

Борьба цивилизаций кочевников и земледельцев стала первым в истории крупным «столкновением цивилизаций», которое продолжается до сих пор в борьбе указанных выше культурных и политико-мировоззренческих феноменов против осевой цивилизации, за её трансформацию и «сворачивание» в «инклюзивное» тотально программируемое общество.

Противоположность матриархальной и индоевропейской цивилизаций — в типах общества, которая сделала их в конечном счёте исторически взаимоисключающими (антагонистическими), сформулировала Гимбутас: «Древнеевропейская структура общества была прямо противоположна сменившей её индоевропейской. Как свидетельствуют археологические, исторические, лингвистические и религиозные данные, ядром древнеевропейского общества была теократическая храмовая община, управляемая главной жрицей, её братом или дядей и женским советом, имевшим функции руководящего органа. Однако несмотря на то, что в рамках религиозного бытия статус женщины был сакрализован, судя по раскопкам захоронений V и большей части IV тыс. до н. э., в отношениях между полами не было ни диспропорции, ни подчинения одного пола», — писала М. Гимбутас³⁰⁵.

Почитатели неолитического матриархата, актуализировавшиеся в контркультуре Запада во второй половине XX века, считали общество Старой Европы сбалансированным, гармоничным и близким к природе, по крайней мере по сравнению с последующей и индоевропейской цивилизацией. По сравнению с Западом она была как золотой век или Эдем сравнительно с веком железным, если мы смотрим с позиций симпатизантов. Для нашего исследования важна объективная и научно нейтральная оценка различий: «Древнеевропейское общество не знало централизованной организации индоевропейского типа, во главе которой стоял вождь»³⁰⁶. «Кроме того, нельзя ставить знак равенства между

³⁰⁴ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 8. Цит.: URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gimbutas_civ/09.aspx (дата обращения: 03.09.2023).

³⁰⁵ Там же. С. 8.

³⁰⁶ Там же.

этой матриальной цивилизацией, с её ярко выраженной любовью к искусству, и протоиндоевропейской — колыбелью индоевропейских языков — которая, согласно компаративистским работам по индоевропейской лингвистике и мифологии, была патриархальной, патрилинейной, воинственной, подвижной (конной) и имела преимущественно мужской пантеон»³⁰⁷.

Таблица 3

**Противоположность древнеевропейской
и индоевропейской символики (по М. Гимбутас³⁰⁸)**

	Древнеевропейская мифология	Индоевропейская мифология
Чёрный цвет	Цвет плодородия, земли-матери	Цвет смерти, а также Бога смерти и потустороннего мира, который именуется «Чернобогом» (в балтославянской мифологии)
Белый цвет	Цвет кости, а потому символ смерти, которая также связывается с жёлтым цветом, с золотом, янтарём, мрамором и алебастром	Цвет Бога сияющего неба, который также связан с жёлтым цветом, золотом и янтарём
Змей, змея	Безобидная змея — символ человеческой, животной и растительной жизненной энергии; стимулирует и оберегает жизнь семьи и домашних животных; ядовитая змея — воплощение Богини смерти	Символ зла, имеющий особую связь с вихрями; воплощение Бога смерти и потустороннего мира, противника Бога-громовержца
Бык, бугра-ния	Источник жизни, символ возрождения, своими очертаниями сходный с женской маткой	Воплощение Бога-громовержца, символ мужественности и силы
Солнце	Символ регенерации, одно из проявлений Богини возрождения (в кельтских, германских, балтийских и славянских языках солнце женского рода, что является наследием Древней Европы)	Центральный элемент индоевропейской символики: жизнеродный символ, связанный с Богом сияющего неба, который является божеством года и представляет собой рождение солнца, молодое солнце (весну), торжествующее солнце (лето) и старое солнце (осень)
Лошадь	Отсутствует до прихода в Европу протоиндоевропейцев	Священное животное, воплощение нескольких главных божеств: белый или серый конь — Бога сияющего неба, Блинецов и Бога луны; чёрный — Бога смерти и потустороннего мира; кобыла — Богини зари; боги изображаются в виде всадников или стоящими на колесницах, в которые впряжены лошади

С точки зрения цивилизации как типа личности важно то, что главные различия индоевропейской и раннеземледельской цивилизаций состоят не в материальной культуре и общественном и экономическом укладе (типе общества), а в сфере религии, мировоззрения, мифологии, которые являются синтезом ду-

³⁰⁷ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 20.

³⁰⁸ Там же. С. 443.

ховных черт личности человека определённого цивилизационного типа. «Анализ древнеевропейской и индоевропейской символических систем показывает, что эти религии и мифологии оперировали диаметрально противоположными наборами символов, по сей день сохранившихся в европейской мифологии и фольклоре. Я приведу лишь несколько примеров из возможного списка символов (см. выше *Таблицу 3*): они связаны с животными, небесными телами и цветами»³⁰⁹, — резюмировала М. Гимбутас. Речь о разных системах цивилизационных кодов, которые иногда зеркально противоположны. Так, смерть для матриархальных культур была положительным явлением, существовал культ Смерти, которая была одним из воплощений Богини. Судя по археологическим данным и сравнительным исследованиям индоевропейских языков и мифологии, речь идёт о столкновении двух разных идеологий, двух разных общественных и экономических укладов.

В связи с особенностями религии матриархальной цивилизации и её приемников, например Древнего Египта, её отношения к трансцендентному, важно отметить такую черту, как склонность к мегалитическим постройкам-святилищам, создаваемым для хтонических женских культов и буквально сопряжённых с образом женского полового органа, как вместилища для человека, для его перерождения в будущей жизни (культы регенерации). Например, строительство дольменов, пещерных гробниц, позднее пирамид, мавзолеев, зиккуратов, и попытка возрождения их в раннесоветской традиции мавзолея В. И. Ленина и др. Исходя из вышеуказанных различий, можно утверждать, что приписывание мегалитов индоевропейцам, пришедшим на смену мегалитическим культурам Старой Европы, основано на непонимании цивилизационных особенностей и тех и других, хотя не исключено их вторичное или параллельное использование индоевропейцами (например, Стоунхенджа).

В этом смысл огромных трудозатрат и концентрации коллективной энергии для мегалитических построек всех членов общественного организма как мегамшины, а не в труде якобы рабов под властью выделившейся верхушки, которых там не было. В ней состоит идея ближневосточного социализма с азиатским способом производства и магическим типом культуры (по О. Шпенглеру). Управляемые мужчинами ближневосточные цивилизации в несколько трансформированном виде унаследовали ту же хтоническую религию и идеологию регенерации, но уже в гораздо более сложном, «смешанном», мужско-женском варианте. Постепенно они превращались в сложные иерархические кастовые общества с патриархальной или смешанной мужской и женской жреческой властью, но с определёнными элементами социальной динамики, выросшим значением мужчин — воинов и торговцев, обширными торговыми связями. Здесь появились основы денежной и цифровой цивилизации, развитой рациональности (хотя подчинённой магии), многих технологий, протонаук; в частности, алгебры, геометрии, астрономии, которые позднее были заимствованы западными культурами.

Восточноевропейская балтославянская цивилизация вместе с доиндоевропейским субстратом и традициями оседлого земледелия также включила в свою

³⁰⁹ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 443.

прежнюю языческую религию элементы матриархальных культов, которые нашли отражение в искусстве и женских божествах, женской потомственной магии. Особенно сильное влияние было в регионах концентрации субстрата — на Балканах, в Бессарабии и Румынии, Карпатах, Прикарпатье и Правобережной Украине в целом, на Русском Севере, но в той или иной мере оно проявлялось везде. Основным донором традиции Старой Европы для предков славян (восточноевропейская цивилизация) на первоначальном этапе стала культура Кукутень-Триполье в её поздней стадии, непосредственно представленная в очаге возникновения прабалтославянской Среднеднепровской культуры. Позднее это могли быть опосредованные реликты Старой Европы в Карпатах, Балканах, Фенноскандии, переданные по материнской линии, а также палеоевропейские культуры.

Согласно взглядам М. Гимбутас, сочувствовавшей матриархальному коммунизму, уход с мировой арены раннеземледельческих цивилизаций от Инда до Дуная и постепенная замена их «могильщиками» — индоевропейцами и другими кочевниками, формирование обновлённых земледельческих цивилизаций означает конец золотого века истории человечества, до того жившего в колыбели, и начало века железного — века войн, борьбы, конкуренции и раздвоения сознания через рационализацию.

Несмотря на огромные приобретения, золотой век закончился и для самих всё более отдаляющихся друг от друга завоевателей, которые столкнулись с дефицитом ресурсов и конкуренцией и, как следствие, с кровопролитными войнами между собой во второй половине II тысячелетия до н. э. Насилие стало ведущей силой истории, как утверждала М. Гимбутас.

Ранние индоевропейцы: устройство общества, личности, культуры и их связь с позднейшим восточноевропейским славянским типом и социализмом

Что сближало четыре современные индоевропейские цивилизации и сближает их до сих пор? Это изначальный осевой тип человека и общества. Вопрос о ранних индоевропейцах важен для понимания отличий славянской восточноевропейской цивилизации, точнее того пути развития базового индоевропеизма, по которому пошли славяне. Перечислим признаки, которые отличали ранних индоевропейцев от земледельческих народов Запада и Юга.

1. Важнейший признак — индивидуализация, выделение личности как социальной и духовной единицы. Об этом свидетельствует обряд погребения в отдельных могилах с оружием и инвентарём. Чем выше социальный статус погребённого, тем больше его индивидуализация. У погребённого предполагался индивидуальный путь в загробном мире, в отличие от раннеземледельческих культов, где предполагалось растворение в Праматери или в потомках рода. Впрочем, индивидуализация в раннеиндоевропейском обществе не означала индивидуализм. Процессы индивидуализации шли и в других цивилизациях по мере их осевой трансформации, например в том же Древнем Египте.

2. Рациональность. С индивидуализацией личности тесно сопряжена высокая роль в культуре и личности специфической обособленной утилитарной

рациональности, которая отличает индоевропейцев от раннеземледельческих цивилизаций, у которых были гораздо более развиты функциональные рациональные инструменты культуры (геометрия, астрономия, письменность, арифметика, техника, архитектура, агрикультуры, ирригация, право, деньги, финансы). Однако они носили подчинённый характер и были уделом высшей касты. «Особенность» рациональности индоевропейцев в её «обособленности» внутри личности, сначала умеренной, а сегодня у западных народов и самодовлеющей в повседневной утилитарности. Это связано с социальными технологиями господства в обществе и природном мире путём создания мышлением «второй реальности» — объекта, отдельного от субъекта и психических структур (монад) других субъектов-сущест в внутри мира или проекта, которые представляются магическими предметами для людей других культур.

Позаимствовав большинство рациональных инструментов («наук», «искусств») у раннеземледельческих цивилизаций и их потомков (Египет, Междуречье, Элам, Хараппа), индоевропейцы придали им совсем другое, светское, прикладное, несакральное (профанное) значение, возведя в ранг отдельных наук начиная с классической Древней Греции. Посредниками в передаче выступали различные синкретические квазирелигиозные общества типа пифагорейцев.

3. Коневодство, одомашнение лошади, использование её для езды; изобретение колеса, использование повозок для перемещения на дальние расстояния и колесниц для специфической военной тактики в открытых полевых пространствах. Культ коня — вместо культа быка и коровы («Тельца» как символа «кушитского», по А. С. Хомякову, материального благополучия) у раннеземледельческих цивилизаций. Тема коня, колеса, оси, бесконечной дороги, миграций и экспансии тесно связана со структурами индоевропейской технологической объектной и проектной рациональности. Здесь мы видим непосредственный образ «оси» как сквозной для структуры мира, в отличие от статичной «пирамиды» раннеземледельческой цивилизации. В дальнейшем «ось» в западной интерпретации превратилась в бесконечный путь прогресса, готические прямые линии.

4. Тип хозяйства на индоевропейском Востоке был связан с кочевым животноводством, в котором преобладал крупный рогатый скот и коневодство с добавлением мелкого рогатого скота; на раннеземледельческом Западе же — совмещённое с земледелием оседлое свиноводство, крупный и мелкий рогатый скот. В условиях прохладной Восточной Европы животноводство в обоих случаях было важнейшим занятием в хозяйственном укладе, однако в развитых земледельческих цивилизациях оно было менее важным, чем у индоевропейцев. Животноводческая ментальность отличается от земледельческой промысловой активностью, подвижностью и нацеленностью на умножение дохода и эксплуатацию усилением обмена. На Ближнем Востоке в ходе осевой революции ту же ментальность, что и индоевропейцы, распространяли кочевники-семиты, борющиеся с земледельческими культурами. Заимствование крупного рогатого скота и позднее свиней у матриархальной цивилизации. Использование КРС как мяса, а не как тягла для земледелия.

5. Систематическое использование оружия и орудий (в частности, особых нехозяйственных каменных топоров) в военных целях (помимо охоты, хозяйства).

6. Военная мужская организация отрядов завоевателей из молодых мужчин, образующих подвижные сети в пространствах Евразии, прежде всего в евразийском степном коридоре от Урала и Средней Азии до Западного Причерноморья, Дуная и Босфора. Рыцарство как воинская доблесть, образ мужчины-воина и добытчика³¹⁰. Это социальная технология организации защиты и господства над другими народами, которая стала визитной карточкой индоевропейцев, в особенности западных. Ключевое отличие индоевропейцев — определённая гибкая технология социального господства, а не просто техника производства, в которой они первоначально уступали развитым раннеземледельческим обществам.

7. Лидерство князей (царей) и вождей военных отрядов (или представителей князей), которое давало им и их родственникам высокий статус в социальной иерархии и господство над покорёнными. Статус вождей закреплялся особой инсигнией — жезлами с каменной головкой лошади (священного животного) и деревянными ручками, находимыми вдоль путей транзита индоевропейцев на запад (см. В. А. Дергачёв «О скипетрах...»).

8. Транспортные сети и пути с опорными пунктами и факториями по евразийскому степному коридору с целью завоеваний и торговли. Фактории совмещались с поселениями подчинённых неиндоевропейских народов. Наибольшая концентрация факторий отмечается в Причерноморском степном коридоре между Днестром и Дунаем, что говорит скорее о предках западных народов, поскольку предки славян находились севернее. Фактории и пути — второй важнейший индоевропейский ресурс после военной организации. Направленность и смысл транспортных сетей очевиден — проникновение и эксплуатация более развитых и богатых раннеземледельческих цивилизаций Юга и Запада, а не просто расселение и их вытеснение: Ближнего Востока, Междуречья, Инда, юга Средней Азии, Балкан, проникновение на рынки со своими специфическими товарами (лошади, олово, медь). Эти дальние сети были построены уже в поздний период экспансии, однако умение создавать их проявилось уже на прародине. «Мобильность была одной из главных характеристик индоевропейцев»³¹¹. Мобильность не просто свойство общества, а существенная неотъемлемая сторона личности, которая может временно засыпать, а потом актуализироваться.

9. Специфические расовые черты (фенотип) нордической расы в её различных вариантах, иногда со значительными отклонениями. Общая характеристика нордической расы: сила и мощь, выносливость, устойчивость к холоду, сочетающаяся с определённой умеренной утончённостью, в отличие от соседних палеоевропейцев, у которых более грубые черты.

³¹⁰ См. о значении рыцарства в индоевропейской цивилизации до его замены западной буржуазной культурой: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

³¹¹ *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 436.

10. Материальный и архитектурный лаконизм культуры, простота и строгость, устный характер духовного творчества, отсутствие письменности на ранних этапах, простота культов с передвижными простейшими святилищами («портативными»).

Попытка искать богатую разнообразную материальную культуру (или за неимением её придумывать таковую) у ранних индоевропейцев и их бореальных предков, а также славянских потомков, сохранивших древний образ жизни индоевропейцев, вызвана непониманием этого качества, которое скорее следствие силы индоевропеизма, связанного, прежде всего, с внутренним пространством личности, а не с внешними формами коллективной жизни.

11. Патриархат, власть мужчин и патрилокальная система родства, ведущая к индивидуализации, социальной дифференциации и разложению больших семей, появлению института мелкой и крупной частной собственности. Это важно и потому, что среди мигрирующих индоевропейцев преобладали молодые мужчины, вынужденные переселяться в далёкие края и брать, как правило, в жёны местных женщин происхождения неиндоевропейского из матриархальных коллективистских обществ, встраивая их в свою систему.

Это происходило не всегда гладко, и мужчины и женщины в одном браке могли оказываться в разных этнокультурных средах («сегментах») с разными религиями и мировоззрениями и даже с борьбой полов, что оформилось позднее как женские и мужские союзы, а в Древней Греции привело к возникновению такого явления, как традиционная мужская любовь и педерастия, поскольку женщины не могли быть объектом доверительной любви, а лишь средством продолжения рода. По женской линии иногда передавалась хтоническая магия (ведьмовство), которая сохранилась у разных народов, также дионисийские оргиастические культы.

Но на прародине этих явлений, скорее всего, не было, и мужчины и женщины-индоевропейцы жили в гармоничном союзе, в котором у обеих половин был высокий статус, но с подчинением женщины, что передалось впоследствии народам с базовым индоевропейским типом, например славянам. У афразийских народов с реликтами матриархата, напротив, женщины нередко имеют слишком высокий статус, где поддерживается родство по женской линии и доминирование в воспитании детей.

12. Открытость и равенство индоевропейского общества. Для индоевропейского общества характерно отсутствие кастовых и этноконфессиональных перегородок. Открытость, равенство и гомогенность соответствуют типу социализма, каким он был в СССР и в Восточной Европе, и персонализму в духовной сфере. Реальный социализм Восточной Европы — прямой наследник раннеиндоевропейского общества, в котором реализовалось соединение индивидуальной социальной мобильности и коллектива. Равенство сочетается с социальным («классовым») и родовым неравенством и наличием лидерства и вождей, которые со временем могли превратиться в аристократию и, наоборот, уйти со сцены. Однако в антропологическом плане все члены общества считаются равными, различия вызваны личными заслугами и возможностями и функциями в обществе; возможны статусные перемещения из нижних страт в верхние.

13. Умеренный коллективизм и индивидуализм. Система устройства раннеиндоевропейского общества на прародине существенно влияет на представления об индоевропеизме в целом и его философскую оценку. Успех динамичного социального устройства коренится в сочетании личности каждого члена общества, эгалитарности, социальной дифференциации и иерархии, способности интегрировать инокультурные общины, не растворяясь в них. Это система умеренного дифференцированного личностного коллективизма, который в русской мировоззренческой традиции называют соборностью. Он сочетается с социальным расслоением родов и общин и большим различием личных статусов. Согласно Гимбутас, наиболее важными чертами раннеиндоевропейского общества было «наличие домашних животных (в том числе и лошади), подвижность образа жизни и классовое патриархальное общество»³¹². Социальная структура не была окостеневшей, а подвижной, в том числе подвижным было и неравенство, что уравнивало членов общества в конкуренции. Индоевропейская модель вела к усилению социальной динамики и социальных диспропорций и, как следствие, к более сложной поляризованной социально-классовой структуре с высокими и низкими социальными позициями индивидов.

*Несостоятельность кастовой теории в отношении ранних
индоевропейцев. Различия цивилизаций Индии
и Восточной Европы в отношении каст и варн*

Восточная Европа как наследница ранних индоевропейцев и их соседей является примером некастового устройства общества. Не только кастовая система, но система крупных варн общества (под ними понимаются три «варны» жрецов, воинов и крестьян-ремесленников-торговцев, согласно Ж. Дюмезилю, выполняющие три общественных функции³¹³) и соответствующая религия с тремя разрядами богов; мифология и идеология, как существенная черта ранних индоевропейцев и, следовательно, индоевропейцев как таковых, не находит своего подтверждения. Выработывая трёхфункциональную структуру каст-варн, Ж. Дюмезиль и другие индоевропейцы ориентировались на более поздние источники, созданные в новых условиях цивилизационного симбиоза индоевропейской верхушки с завоёванными неиндоевропейскими цивилизациями в период поздней бронзы и начала железного века (Индии, Малой Азии, Персии, Италии, Галлии,

³¹² Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы... С. 435.

³¹³ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. С. 12: «...Основное зерно — трёхфункциональность группы богов... Теология римлян в самой глубокой древности была основана на тех представлениях о мире и обществе, которые на другом конце индоевропейской экспансии — вплотную приближались к представлениям ведийских индийцев и иранцев, обеспечивших в исторической Индии, среди прочего, разделение общества ариев на брахманов, кшатриев и вайшьев... Оказалось возможным вписать сюда и описать и другие фрагменты общеиндоевропейской идеологии». Узкая структуралистская парадигма Дюмезиля оказала влияние на искажённое понимание истоков и духовного кода индоевропейских цивилизаций.

Греции). Кастовость — это результат внешне predetermined эволюции-мутации индоевропеизма.

Реальная кастовость ряда обществ связана не столько с наличием крупных верхних «варн» (священники, воины, торговцы и ремесленники), имеющих аналоги в более поздних сословиях, сколько с сегментацией (по Э. Дюркгейму, «сегментированное общество») общества на десятки более мелких «джати»³¹⁴, вплоть до «неприкасаемых» — изолированных родовых кланов, этнорелигиозных и социально-культурных единиц внутри общества. По сути, сегментированное общество — это общество, состоящее из разных обществ разного этнического происхождения. Именно джати представляют собой реальные касты. Само наличие только варн не означает кастовость. И тем более кастовость джати не может быть спроецирована на ранних индоевропейцев.

Кастовому строю в той или форме, например индийских джати, соответствует определенное мировоззрение, в частности вера в перерождение (переселение) душ, в закон кармы, в осквернение и потерю энергии при прикосновении к представителям других джати. Личность при этом представляет собой воплощение рода и джати. Кастовость чужда эгалитарной системе индоевропейцев, как и вообще осевому мировоззрению. Кастовость — это свойство доиндоевропейских афро-азиатских обществ земледельческого пояса в их развитом виде, для которых характерно кастовое «окостенение» и сегментация родовых общин.

Каста — не арийское, а скорее дравидское изобретение до прихода арийцев, которое, возможно, соответствовало как принцип устройства более раннему родоплеменному строю у большинства народов мира вообще («ветхому человеку», по новозаветной христианской терминологии) и матриархату с матрилинейным родством. Арийцы вынуждены были использовать его как местную данность, чтобы сохраниться в условиях Индии, в том числе и формируя под себя систему варн. Согласно Е. Н. Успенской, у части индологов сложилось мнение, что кастовая организация образовалась на местной индийской почве, а не была принесена ариями: «И. Карве, Р. Тхапар, С. Джаясвал, Д. Гупта [Karve 1961; Thapar 1978; Jaiswal 2000; Gupta 2000] высказывали предположения, что кастовая организация явилась результатом объединения разных социально-экономических моделей, соответствовавших ведической и доарийской автохтонной (дравидской и мунда) культурам Индии. И. Карве говорила: “Союз варны и касты (какой мы наблюдаем в более поздние эпохи. — Е. У.) — это результат объединения двух (социальных) систем, имеющих отношение к двум разным культурам”...»³¹⁵. Согласно выводам Е. Н. Успенской, кастовое общество существовало в Индии до прихода ариев, хотя и имело несколько другую форму: «мне представляется, что идея кастовой сегрегации и капсуляции восходит к доарийским культурным традициям. Похоже, что автохтонные сообщества были сегментированными и состояли из ка-

³¹⁴ Подробнее об индийском кастовом строе и его отличиях от социальной структуры раннеиндоевропейского общества см.: Успенская Е. Н. Антропология индийской касты / Российская акад. наук; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 2010. 557 с.

³¹⁵ Там же. С. 80.

стоподобных образований уже тогда, когда пришли в соприкосновение с ариями. В пользу этого предположения есть несколько аргументов. Кастовое общество и в фазе своего становления, и в период наивысшей функциональности состояло из локализованных сегментов общинно-клановой организации. И сегодня оно сохраняет этот характер. Матрилинейные клановые структуры, практикующие кросскузенные браки, особенно легко сегментируются, так как необходимость поиска брачных партнеров не заставляет их выходить за пределы уже существующих социальных связей; автохтонные этносы Индии отличались практически полным преобладанием матрилинейной филиации и распространённостью кросскузенных брачных обычаев. Для них были характерны магико-анимистические культы, влияние которых на формирование кастового строя очень велико, хотя далеко не все теоретики касты это обстоятельство признают... Выше упоминалось, что многие теоретики касты вслед за археологами считают, что «по Хараппе видно, что дравиды были высокоорганизованными и умели жить кастами» [Ghurye 1969: 237–238]»³¹⁶. Данная система похожа на родоплеменное устройство первобытнообщинных обществ с религией шаманизма, поклоняющейся духу предка или тотема. В индоевропейских обществах эта система была в целом преодолена, хотя и встречался культ рода и рожаниц. Речь идёт о путях диверсификации развития обществ — с родовой структурой или без них.

Индия является примером наиболее развитого и устойчивого кастового общества, наследующего раннеземледельческую матриархальную цивилизацию в причудливом переплетении с арийством в разных долях, в зависимости от каст, наследственных носителей этих цивилизаций (джати). Соответственно, философия и религия Индии являются во многих вариантах неарийской по своему содержанию, несмотря на корни в арийском устном эпосе и мифологии. Индийское общество далеко от того, чтобы считаться образцовым индоевропейским обществом, скорее наоборот, в нём преобладают другие принципы, чуждые индоевропеизму, как мы понимаем его в Европе. Здесь необходим анализ конкретных учений на предмет их соответствия философии каст либо их противоположности. В особенности это касается культов перерождения (кармы, сансары) и идеи иллюзии-видимости (Майи).

Кастовость — свойство вынужденной многонациональности и многоцивилизационности в условиях общества с сильными общинно-родовыми структурами. Образуя единое целое, Индия вместе с тем общество поликультурного и в какой-то мере многоцивилизационного типа, интегрировавшего разные цивилизации и типы человека. (Чего нет в современной России, где реального синтеза цивилизаций не было, а полиэтничность и иноцивилизационность затрагивают не более 10% населения.) Кастовое — общество это мультикультурное, внутренне полиэтничное общество, прообраз современного мультикультурализма, связанного с западным колониальным опытом. Оно чуждо Восточной Европе. Кастовость в чём-то напоминает римские принципы права: «разделяй и властвуй» и «каждому своё», что означает использование разных законов организации по отношению к разным кастам и этнородовым и религиозным группам.

³¹⁶ Успенская Е. Н. Антропология индийской касты... С. 81.

Отсутствие кастовости — это не отсутствие сословности, однако сословность представляет собой воплощение принципа экстерриториального равенства в рамках сословия, чего нет в индийских кастах, внутри которых существуют джати, связанные родством (даже эндогамией), территорией, внутренней субкультурой, неприкасаемостью. Количество основных джати с миллионным составом — десятки.

Более того, можно сказать, что антисистемные тайные общества и ритуалы для избранных, процветающие на Западе в течение всей его истории, и особенно сегодня, — это тоже следствие кастовой идеологии доиндоевропейского и неиндоевропейского (неосевого) происхождения, сопряжённой с хтоническими культурами плодородия, нередко с сексуальной основой. Они сознательно вводятся их творцами для противопоставления антисистемных элит остальным частям индоевропейских обществ в целях господства над ними, создавая псевдоэлитаризм.

Там, где симбиоз с доиндоевропейскими земледельческими цивилизациями не был таким сильным и всесторонним, как в Индии, с длительным взаимным сосуществованием, кастовость всегда была слабо выражена и относительна. Особенно это касается Восточной Европы и славянских обществ, где доиндоевропейский субстрат (Триполье, днепро-донецкая культура — палеоевропейцы, протофинны) был просто ассимилирован с локальным включением некоторых культурных элементов. Общество стало гомогенным, что не исключало соседства с другими народами, и, как следствие, точечным инородным и закрытым для остальных кастовых включений.

Все мужчины — члены индоевропейских общин были воинами и в то же время домохозяевами и пастухами, поскольку стадо было основным богатством, а лошади — частью вооружения. Конечно, какая-то часть была в большей степени воинами-профессионалами или военачальниками, но это не отменяло общую основу войска всех боеспособных мужчин — аналог всеобщей воинской повинности и подготовки в поздние эпохи. Принцип всеобщей мобилизации и воинской повинности и военно-спортивного и патриотического воспитания сохраняется и стимулируется в государствах, озабоченных своей внешней безопасностью. Тем самым они уподобляются раннеиндоевропейским обществам, в которых армия не была отделена от народа. Профессиональная или кастовая армия, в свою очередь, — признак разрушения раннеиндоевропейской гомогенности и мобильности под властью каст мировой олигархии, которая носит преимущественно наследственный характер.

Предводители воинов и князья-вожди могли выполнять жреческие функции, воины, скотоводы и вожди — заниматься торговлей, в том числе и транзитной. Религия ариев была «мобильной», легко отправляемой обычными членами общества, не являющимися жрецами, что не исключало, конечно, появления профессионального жречества, как и шаманизма, в бореальную эпоху. Славянам удалось во многом избежать кастовой «порчи» изначального индоевропеизма, что и предопределило особенность славянской цивилизации среди других индоевропейских цивилизаций, например Запада.

Весь кастовый строй и его мировоззрение крайне чужды социалистическому по своей сути порядку Восточной Европы, предусматривающему схожесть людей, как

чужды и индоевропейскому типу человека вообще, находящему своё соответствие в «новозаветном» типе Ближнего Востока, сложившемуся в результате отказа от кастового строя в ходе осевой революции, завершившейся появлением христианства.

Отказ от кастового строя ориентирован на духовную природу человека как индивидуальной монады, а не на социобиологическую (и особую духовную) природу родового строя как коллективной мистической сверхличности, включающей многих людей (матриархальный раннеземледельческий коммунизм).

Без системы духовного равенства (сопоставимости, но не одинаковости) индивидов невозможно единое общество вне кланов родового типа. Такое общество — результат осевой революции и во многом вклад индоевропейцев в мировую историю. Индоевропейская система эгалитарна, хотя и иерархична и соподчинена, и напоминает структуру социализма.

2.5. Разделение Запада и Востока Европы на начальном этапе расселения индоевропейцев, возникновение двух ветвей индоевропейцев в Европе

Многих, многих людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим!
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане...
Годный для долгих дорог сильный, выносливый конь...

Овидий. Письма с Понта

Ошибочное мнение о средневековом разделении Запада и Востока Европы и истинная причина появления Западной и Восточной Европы в глубокой древности (V тыс. до н. э.)

Как и когда произошло разделение западноевропейской и восточнославянской цивилизаций? Причина обособления и возникновения цивилизации Восточной Европы как второй Европы-Евразии, — историческая мутация — возникновение Запада как особого региона и пути человечества, с которым Восточная Европа оказалась трудносовместимой. Запад с самого начала стал своеобразным «Каином», предавшим первоначальную сущность индоевропейцев, жизнь с которым стала невозможной для многих из родственных индоевропейских народов.

Где и когда возник Запад как цивилизация? В Северной Италии X века, Франции, Германии? Обычно интеллектуалы до XX века относили появление цивилизации Запада Европы к раннему Средневековью, как, например, философ К. Леонтьев, который, конечно же, не был специалистом в истории, но следовал устоявшейся на тот момент в исторической науке точке зрения³¹⁷. Данная точка

³¹⁷ См.: *Леонтьев К.* Византизм и славянство... С. 21. В частности, К. Н. Леонтьев относил начало западной цивилизации к IX веку после распада империи Карла Великого. На самом же деле речь идёт только о возникновении цивилизации Средневекового Запада — хронологической и географической разновидности западной цивилизации. См.: *Гофф Ле Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 372 с.

зрения ныне безнадежно устарела. Разделение Запада и Востока Европы возникло гораздо раньше.

Когда говорят о возникновении Западной Европы, имеют в виду одну из поздних стадий, связанную с готической цивилизацией средневекового Запада и, точнее, с западным капитализмом, который зародился в это время в Северной Италии. В раннем Средневековье произошла смена одной версии западной цивилизации, античной, на другие; ведущая роль перешла от одной западной системы власти, Византии, к другой, к европейскому феодализму и буржуазии, в котором ведущую роль сыграли германские народы или сформированные германцами элиты кельтских народов. Причина фиксации на периоде раннего Средневековья как точке отсчёта западной цивилизации в том, что противостояние Западной и Восточной Европы тогда приобрело характер затяжного межцивилизационного конфликта: растянувшихся на столетия войн германцев и католиков против славян и балтов. Противостояние Востока и Запада Европы стало явным из-за того, что границы Европы кристаллизовались и в ней стало более тесно после широкого расселения славян и славянизации Юго-Восточной Европы и части регионов Центральной Европы. Но причина противостояния лежит в истории гораздо ранее и глубже. Постепенно, по мере роста научных открытий, нижняя граница цивилизационного разделения Запада и Востока Европы отодвигается всё далее вглубь времён, к периоду ямной общности V тыс. до н. э.

Причины, время и место размежевания западных и восточных индоевропейцев в Европе — блокирование западным массивом ямной общности причерноморского степного коридора (V–IV тыс. до н. э.)

Различие цивилизаций запада и востока Европы возникло в момент их разделения в начале IV тыс. до н. э., когда вторая, более мощная волна индоевропейцев двинулась с территории общей индоевропейской прародины «Дон–Волга–Урал–Кавказ» на запад в Европу по южному степному коридору вдоль северо-западного побережья Чёрного и Азовского морей.

И западная, и восточная ветви европейских народов Новой Европы возникли в ходе схожих процессов — захвата и ассимиляции носителей культур Старой Европы — земледельческих матриархальных цивилизаций, а также первобытных охотников и рыболовов, массово расселявшихся с их прародины индоевропейцами. Однако в западном и славяно-балтийском ареалах эти события проходили неодинаково и привели к разным последствиям.

Момент непосредственного «отслоения» западного массива от восточного — переход его в причерноморскую (циркумпонтийскую) зону, включая Западное Предкавказье. В Крыму недавно найдено захоронение индоевропейского вождя с 20 лошадьми, которое датируется VI–V тыс. до н. э. (курган Куль-Оба). Вероятно, это был представитель западного массива.

Запад, как первоначальный проект и явление мировой истории, возник на западных и северных берегах Чёрного моря, где были созданы первые опорные колонии для отрядов индоевропейских кочевников, устремившихся по наиболее удобному пути в регионы процветающих раннеземледельческих цивилизаций: на

запад, по Дунаю на Балканы, в Центральную и Западную Европу, и на юг, через Босфор, в Малую Азию и Междуречье. В конце V — начале IV тыс. до н. э. на северо-западном побережье Чёрного моря уже была создана основа и инфраструктура западной цивилизации для массовой экспансии. Но это было только начало разделения.

Моментом завершения этапа возникновения западной цивилизации следует считать период массового вторжения в Центральную Европу, Балканы и Переднюю Азию из Северного Причерноморья второй волны индоевропейских завоевателей, носителей языков кентум, популяции которых маркировались по мужской линии гаплогруппой R1b в начале — середине III тысячелетия до н. э.

Соответственно, индоевропейцы уже на пороге выхода из Евразии в Европу (где-то между Доном и Волгой) оказались разделены на две группы (Рис. 4):

1) южную и западную, направившуюся вдоль Чёрного моря в долину Дуная; ямную и майкопскую культуры можно квалифицировать как протозападные (массив кентум, R1b), то есть культуры предков западных народов, захватившие степной каспийско-черноморский коридор от Каспия к северу от Кавказа в Южную и Центральную Европу и в Переднюю Азию.

На сегодняшний день методами популяционной генетики на основе анализа останков практически доказана принадлежность большей части носителей ямной культуры (Рис. 3) к западной ветви R1b1, которая определяется в современной Европе субкладом R1b1a2a1 (L51) у мужчин. Причём к западной ветви в широком значении принадлежали даже и восточные ветви ямной общности, например на территории Самарской и Оренбургской областей, что говорит в пользу этой гипотезы (все 7 мужских образцов и разных могильников)³¹⁸. Соотносится ли вся или абсолютное большинство групп ямной общности с протозападным массивом или только часть, пусть и большая, пока неясно;

2) северную и восточную, направившуюся на северо-запад вглубь Восточно-Европейской равнины по бассейну Днепра и далее Вислы на 300 км севернее, чем будущие западные народы (предки балтов и славян), или на восток (предки индоиранцев). Как утверждал крупнейший отечественный исследователь генофонда Восточной Европы О. П. Балановский, «среди изученных мужчин ямной культуры все обладали только гаплогруппой R1b Y-хромосомы, а мужчин шнуровой культуры — гаплогруппой R1a: это плохо согласуется с результатами

³¹⁸ См.: Гаплогруппы Ямной культуры [Электронный ресурс] // 30.01.2019. URL: <https://aquilaaquilonis.livejournal.com/840658.html> (дата обращения: 14.09.2023).

«Отметим, что в отличие от восточного охотника-собирателя с гаплогруппой R1b, жившего ок. 5600 г. до н. э. на поселении Лебяжинка IV на реке Сок в Самарской области, который не принадлежал к субкладу M269, преобладающему у современных европейцев, все семь мужчин Ямной культуры из Самарской и Оренбургской областей рубежа IV и III тыс. до н. э. к этому субкладу принадлежали. Однако они, в свою очередь, принадлежали не к производному от M269 субкладу R1b1a2a1 (L51), преобладающему в Западной Европе, а к его “братскому” субкладу R1b1a2a2 (Z2103), распространённому сейчас в основном в Поволжье. Судя по современному распространению субклада R1b1a2a2, самарские ямники в западной экспансии заметного участия не приняли. Они в основном остались жить на своих местах».

по аутосомному геному о наследовании “шнуровиками” трёх четвертей генома “ямников”»³¹⁹.

Говоря о южной и северной ветвях индоевропейцев, заключил Балановский, «скорее всего, речь может идти о двух параллельных синхронных культурах, что позволяет думать не об из “вертикальной” по времени генетической преемственности, а об их горизонтальном генетическом родстве, то есть о том, что они восходят к некому общему генетическому субстрату, поиск которого ещё предстоит провести»³²⁰.

Причерноморский путь был перекрыт западниками для остальных индоевропейцев, которые принадлежали к восточным родам. Вследствие этого они были вынуждены расселяться либо также на запад, но гораздо севернее Чёрного и Азовского морей, на 200–400 км и более (славяне и балты), либо восточнее — в Центральную Азию (индоиранский мир). Те из представителей ямной общности, кто остался значительно восточнее и севернее Причерноморья, относились к восточным индоевропейцам с последующей группой языков сатем, в том числе предки славян и балтов, проживавшие к северо-востоку от региона Дунай-Днестр. Единой европейской общности, в которую бы входили предки славян и балтов, не существовало.

Южная (западная) группа оказалась в привилегированном положении, и её верхушка получила доступ к богатствам, торговым путям, власти над другими этническими группами. Ямные культуры показывают значительное социальное расслоение с выделением богатых и привилегированных групп и родов, но при этом элементы эгалитарности сохраняются, что характерно для обществ западной цивилизации, — это прослеживается в работах большинства авторов, изучавших этот вопрос. Курганные захоронения авторы делили на три неравные категории, сильно отличающиеся по трудозатратам и богатству предметов. Отдельные авторы настаивали на эгалитарной структуре³²¹. В дальнейшем, по мере продвижения на запад и юг, неравенство в социальной структуре, власть и богатство меньшей части только усилятся и станут своего рода визитной карточкой западной цивилизации, её родовой травмой, а не заимствованием у раннеземледельческих цивилизаций Ближнего Востока, в отличие от кастового строя. В то же время это и необязательная индоевропейская черта.

Не исключено, что северные варианты ямной культурной общности предположительно можно соотнести с предками славян и балтов, которые вошли в состав культур шнуровой керамики (см. подробнее ниже). В поздней фазе среднестоговская культура (дериевская культура, 4350–3750 гг. до н. э.) дала начало шнуровым культурам Среднего Днепра — первой форме восточноевропейской

³¹⁹ Балановский О. П. Генофонд Европы. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2015. С. 305.

³²⁰ Там же. С. 304.

³²¹ См.: Файзуллин А. А. История изучения социальной структуры населения ямной культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Т. 1, № 1. С. 117–126. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-sotsialnoy-struktury-naseleniya-yamnoy-kultury/viewer> (дата обращения: 03.09.2023).

цивилизации. Культура принадлежала тем индоевропейцам, которые остались на Среднем Днепре, на несколько сот километров севернее Чёрного и Азовского морей, к северу от причерноморского степного коридора. Учитывая фактор гаплогруппы R1a, носителями которых являются восточные европейцы и представители культур шнуровой керамики, есть вероятность, что Средний Днепр был заселён восточной частью индоевропейского массива, которая попала туда через Средний Дон из северо-восточной части прародины на Средней Волге — Урале. Можно предположить, что их маршрут пролегал с востока на запад с некоторым уклоном к югу так: территория современных городов Сызрань — Тамбов — Воронеж — Белгород — Полтава — Кременчуг (район Дериевки) — Умань.

Рис. 3. Ямная общность и экспансия предков западных народов³²²

На момент раздела западные и восточные индоевропейцы могли практически не отличаться по материальной и религиозной культуре (раннеямная культура), хотя и принадлежать уже к разным соседним популяциям с разными генетическими метками и разными диалектами праиндоевропейского языка. Поэтому их различия в археологических «курганых» культурах не выступают в качестве признаков разных цивилизаций. Хотя различие было скрытым и несущественным в цивилизационном плане, то есть оно непосредственно не вело к образованию разных цивилизаций, но стало причиной их создания спустя тысячелетия, когда они оказались в разных условиях и перед разным выбором цивилизацион-

³²² Bátor J. Študie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava, Petrus, 2006. Цит.: The Indo-European demic diffusion model, and the “R1b — Indo-European” association [Электронный ресурс] // Indo-European.eu. 26.01.2018. URL: <https://indo-european.eu/2018/01/the-indo-european-demic-diffusion-model-and-the-r1b-indo-european-association/>. (дата обращения: 30.01.2024).

ных путей. Многие тысячелетия раздельного проживания этнических групп с общими предками в несхожих условиях могут привести к формированию разных цивилизаций. Проследим, как процесс разделения цивилизаций Европы происходил далее.

Значение устья Дуная и Северо-Западного Причерноморья как точки кристаллизации западных народов

Первой ключевой геополитической точкой в истории индоевропейских народов Запада является устье (точнее низовье) Дуная. Здесь произошёл выход потоков индоевропейских завоевателей за пределы причерноморско-каспийской прародины — степной зоны. «Ранние волны западных индоевропейцев произошли от миграций Ямной культуры в долину Дуная и предгорья Карпат»³²³, — указывает Д. Энтони. Данное направление движения вызвано торговыми и захватническими интересами индоевропейских кочевников, которые проявились в наиболее развитой зоне раннеземледельческих народов Юго-Восточной Европы и Малой Азии, а также связей с земледельческими цивилизациями Ближнего Востока.

Здесь произошло историческое разделение носителей будущей западной цивилизации на два потока: западный, по долине Дуная, будущих западных народов, и южный — на Босфор, в Малую Азию, Грецию и на Ближний Восток. Это привело в конечном счёте к созданию двух исторически разных вариантов западной цивилизации — ранней древнегреческой античной и более поздней западной романо-германской.

Вариант дальнейшего пути в Малую Азию — Междуречье был, видимо, наиболее многообещающим и богатым, поэтому он и привёл к созданию исторически наиболее ранней развитой разновидности западной цивилизации — хеттской. Основным результатом переселения первой волны, наряду с колонизацией Нижнего Дуная и Северо-Западного Причерноморья, стало создание малоазийской и анатолийской ветви индоевропейцев. Она представлена народами палеобалканской языковой группы. Одними из последних по южному пути пошли предки древних греков и фракийцев.

Уже в ходе первой волны вторжения юго-западная волна индоевропейцев совершила погром культуры Гумельница, а также исторического центра культуры Кукутень, располагавшегося между реками Прут и Серет (который позднее восстановился)³²⁴. По степному коридору вдоль побережья от Нижнего

³²³ Antony D. W. *The Horse, The Wheel and Language...* P. 345. Из числа предков западных народов Д. Энтони только предков германцев отделяет от общей западной «дунайской» ветви (греки, кельты, италики, анатолиецы), объединяя их с предками славян и балтов, расселившихся в северо-западном направлении к северу от Карпат. Скорее всего, данная точка зрения не соответствует данным генетики, языка, и предки германских народов так же относились юго-западному массиву, как это предполагала М. Гимбутас (правда, относя к ним также и славян).

³²⁴ О первой волне миграции см.: Дергачёв В. А. О скипетрах, лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас...

Днепра до Босфора была создана цепь индоевропейских поселений-факторий, служивших базами для переселения и военно-торговых миграций новых групп кочевников с востока (Усатово). В этих факториях и окрестных районах имелось подчинённое аборигенное население, с которыми отношения строились на основе социального неравенства «патрон-клиент»³²⁵. Одной из первых культур западных народов на Нижнем Дунае стала культура чернавод(-э) (4000–3200 гг. до н. э.), которая соотносится с первой волной индоевропейской экспансии на запад и юг (Рис. 7), по М. Гимбутас, и представляла собой гнездо для экспансии на юг (палеобалканская хеттско-греческая группа) и запад (романо-германская группа). Чернаводэ занимает стратегическое положение над дельтой Дуная с юга, на переходе к Чёрному морю.

Для современного Запада сам по себе путь в Европу через Дунай не нужен — это нужно было для предков западных народов. Для России выход к Дунаю через Одесскую область — это выход в центр Европы, на Балканы, и мы, русские XXI века, повторяем здесь путь древних индоевропейцев. Это актуально и по сегодняшний день, когда развернулась борьба вокруг Юго-Востока Украины, на который предъявляет свои претензии НАТО, используя фактор украинского сепаратизма. Восточная Европа как наследник индоевропейской прародины является историко-географической осью Евразии, центральная точка которой находится между Волгой и Уралом. И сегодня это важнейшая точка Восточной Европы, поскольку геополитические процессы будущего проходят по этим точкам прошлого.

Рис. 4. Восточные и западные индоевропейцы во II тыс. до н. э. В центре, у северного побережья Каспия, ярким цветом обозначена индоевропейская прародина, согласно курганной гипотезе³²⁶

³²⁵ Antony D. W. The Horse, The Wheel and Language... P. 342.

³²⁶ Sintashta, the supposed origin of the Aryans [Электронный ресурс] // Wikimedia. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ae/Centum_Satem_map.png (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 5. Южная ветвь западных народов (палеобалканская ветвь языков кентум, R1b)³²⁷

Рис. 6. Анатолийские (хетто-лувийские) языки (по В. Иванову). Часть южной ветки западных индоевропейцев, наряду с греками, троянцами, македонцами, фракийцами, иллирийцами³²⁸

³²⁷ Davius. Paleo-Balkan languages in Eastern Europe between 5th and 1st century BC [Электронный ресурс] // Wikimedia. 14.12.2003. URL: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Paleo-Balkan_languages_in_Eastern_Europe_between_5th_and_1st_century_BC,_according_to_Duridanov.png (дата обращения: 30.01.2024).

³²⁸ Davius. Anatolian [Электронный ресурс] // Wikimedia. 12.09.2010. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Anatolian-rus.jpg> (дата обращения: 30.01.2024).

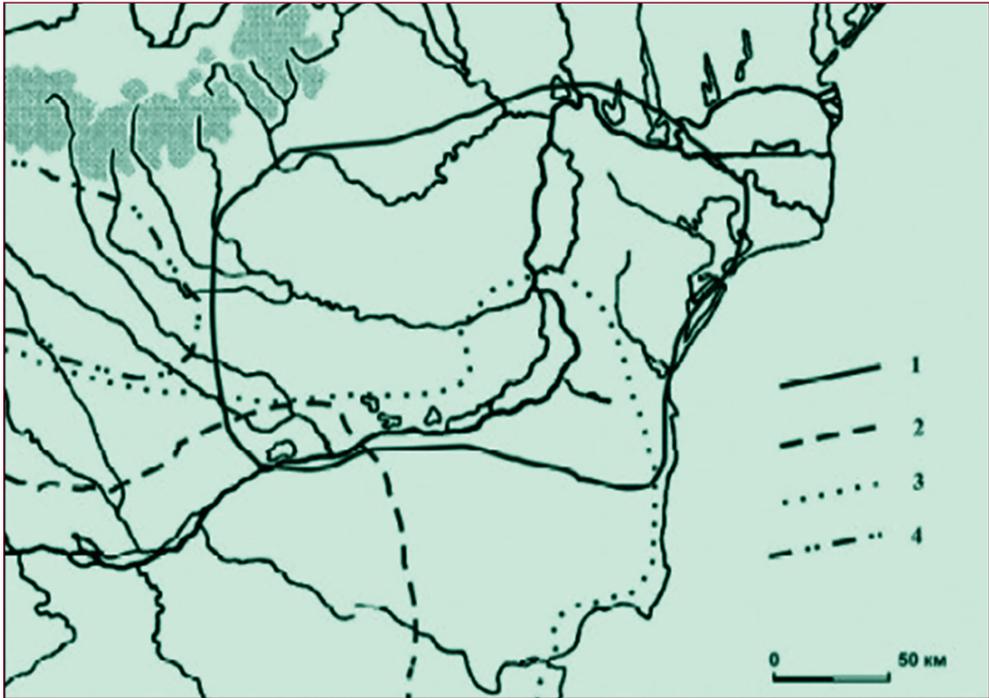

Рис. 7. Культуры Чернатода — ареал кристаллизации первичного западного массива в низовьях Дуная (автор И. В. Манзура)³²⁹

Троя — первоначальный центр западной цивилизации и его исторические наследники

Первоначальный центр западной цивилизации IV–II тыс. до н. э. сложился на основе её южной ветви в Малой Азии, Балканах, Греции, западном берегу Чёрного моря. Он является центром ареала народов палеобалканской языковой группы, в состав которой входили фраке-дакийская, иллирийская, греко-фригийско-армянская³³⁰ (Рис. 5, 6). Вероятной столицей балканско-малоазийской версии западной цивилизации была Троя, контролировавшая стратегический переход индоевропейцев из Европы в Азию на Малоазийском берегу при выходе из Дарданелл. Древнейшие слои открытой Г. Шлиманом Трои относятся к первой половине III тыс. до н. э. Это вторая ключевая точка истории Запада после устья Дуная.

Позднейшая Троянская война XIII в. до н. э. была войной за власть над переходом из Европы в Азию и концом старого индоевропейского порядка в регионе. Описывающая её «Илиада» стала своего рода западной «книгой цивилизации», вокруг исторической интерпретации которой не утихают споры и попытки за-

³²⁹ Источник: Чернатода культуры [Электронный ресурс] // Генофонд.рф. 2015. URL: http://генофонд.рф/?page_id=9513 (дата обращения: 30.01.2024).

³³⁰ *Нерозник В. П.* Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. 248 с. Цит.: URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/205529> (дата обращения: 03.09.2023).

путать логику рождения Запада, посеять сомнение в существовании и происхождении такого центра: «В истории, которую будут учить наши потомки, скорее всего, Троянской войны не будет», — писал Л. С. Клейн в своём исследовании Троянской войны в духе «культуры отмены»³³¹. Однако такой центр, как Троя, должен был быть. Наличие развитой хеттской цивилизации с первой индоевропейской письменностью, подчинение Египта Новой династией фараонов хеттского происхождения с западной гаплогруппой R1b — предков Тутанхамона, в частности реформатора религии на солнечный арийский лад Эхнатона (анализ ДНК мумии Тутанхамона показал эту гаплогруппу плюс письменные источники о родстве фараонов с хеттскими правителями); развитие греческих полисов к моменту Троянской войны; филистимляне в Палестине и ряд других фактов говорят в пользу того, что 3000–1500 тыс. до н. э. в Малой Азии и на проливах сложился уже цивилизационный центр Запада, а не просто пересадочный узел для индоевропейских потоков, или торговый центр Европы и Азии. Геополитическое и историческое значение Трои для Запада было огромным.

На раннем сложении и развитии анатолийской ветки языков кентум основаны ошибочные гипотезы анатолийской (Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984) или балканской прародины индоевропейцев. Её сторонники перепутали коридор экспансии с прародиной. Раннее развитие культуры и письменности в хеттской цивилизации не означает появление прародины, а является следствием экспансии и последующих заимствований культуры и письменности из развитых и древних ближневосточных культур Междуречья, а также устремлённости первичных миграций индоевропейцев на богатый юг, приближённый к Плодородному полумесяцу.

Родственный грекам состав населения Трои-II (2600–2300 до н. э.), Трои-IV (1900–1300 до н. э.) отмечали В. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский (позднее известный также работами по геополитике) в статье «Прагреки в Трое»³³². По мнению этих авторов, Троя была очагом расселения для ахейских греков: «Такой “очаг” “илейских” образований для Эгеиды установить легко: это малоазийский северо-запад от Пропонтиды до верховьев Меандра. Отсюда, по легенде, на Грецию пошли “тевкры”, которые, начиная с Македонии, для нас оборачиваются прагреками или их частью. По-видимому, прав был Меллаарт, утверждавший в знаменитой и многократно упоминаемой выше статье 1958 г., что в Трое и близлежащих территориях в последней четверти III тыс. до н. э. были греки, пришедшие сюда по Юго-Восточным Балканам и далее через Геллеспонт непосредственно перед своим переселением в северную часть мест исторического обитания (юг Балканского полуострова). Разумеется, речь не может идти о всем этническом конгломерате (пра)греков, как предполагает Меллаарт, а о какой-то его части»³³³. Авторы возводят раннегреческий собирательный этноним «ахейцы», «Ахайя»,

³³¹ См.: Клейн Л. С. Троянская война. Эпос и история. СПб.: Евразия, 2019. 192 с.

³³² Гиндин В. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 29–34. Цит.: URL: http://annales.info/mal_az/troy/pragreki.htm (дата обращения: 03.09.2023).

³³³ Там же.

к вероятному названию Трои «Ахиява» как их первоначальному центру³³⁴. «Мы вновь убеждаемся в исторической уникальности Трои в качестве узлового пункта истории различных индоевропейских народов, постепенно со второй половины IV до середины II тыс. до н. э. осваивавших обе стороны Эгеиды и острова этого бассейна. Две тысячи лет, предшествовавшие пожару Трои VIIa, готовили Илион на ту роль, которую он обрел в эпических песнях греков. Лувийский ритуал с мотивом “прибытия от высокой Вилусы ...”, древние образования от основы **Troux-u**Wilu-l*Wiljo- ... в ономастике анатолийских и балканских племён, включая и греков, — всё это приметы исторических процессов, направленных в ту точку, где в конце концов они сгустились в тему Великой Троянской войны. Троя — не место, где разворачиваются события “Илиады”, Троя с её историей — главное действующее лицо этой поэмы»³³⁵, — заключали Гиндин и Цимбурский свои статьи, придавая Трое род культового исторического центра. Уничтожение в итоге войны Трои как первичного торгово-коммуникационного центра цивилизации (чтобы он не мешал им развиваться) коллективными силами растущих греческих полисов стало первым общим цивилизационным актом Запада, который много говорит о его последующей истории.

Первичная малоазийско-балканская западная цивилизация стала экономической, демографической и культурной базой для быстрого расцвета позднейшей античной греческой и эллинистической цивилизации в середине — второй половине I тыс. до н. э., а затем древнеримской и византийской цивилизаций. Греческие полисы возникли уже в тот период и далее развивались целое тысячелетие. Объяснить расцвет классической Древней Греции V–IV вв. до н. э. другими причинами, кроме предшествующей длительной эволюции Запада на протогреческой и родственной ей основе, невозможно. Часто появление классической Древней Греции с её искусствами, философией, наукой, политикой считается неожиданным феноменом, но на самом он результат развития в течение двух тысячелетий и подпитки достижениями культуры более ранних автохтонных цивилизаций, чего не хватало в северной зоне Восточной Европы. Ею же объясняются и последующие эллинистическая и византийская цивилизации. Эта южная, греческо-анатолийская линия западной цивилизации окончательно прервалась вместе с Византией после падения Константинополя в 1453 году, оставив воспоминание в греческой и отчасти армянской нациях, элементах культуры Османской империи. Затянувшееся падение Византии стало агонией четырёхтысячелетней первичной западной цивилизации, поскольку Византия во многом основывалась на потомках этого населения и его социально-экономическом образе жизни. Исходя из этого, древнегреческую культуру, в частности философию, следует воспринимать как характерный продукт и инструмент первичной западной цивилизации, её квинтэссенцию в своей первой развитой форме, без которой мы бы не видели современного Запада. Тема захвата/освобождения Царьграда (Второго Рима)

³³⁴ Гиндин В. А., Цимбурский В. Л. Троя и Пра-Ахиява // Вестник древней истории. 1995. № 3. Цит.: URL: http://annales.info/mal_az/small/praaahh.htm (дата обращения: 03.09.2023).

³³⁵ Там же.

Российской империей («Третьим Римом»), утвердившаяся во второй половине XIX века (как (ранее озвученная и другими странами — претендентами на эту роль), — геополитически всего лишь дальний отзвук Троянской войны за первую столицу Запада на проливах.

Сравнительно лёгкое объединение из разрозненных государств в византийскую греческую нацию в IV–VI вв. н. э. было связано с общим происхождением греческо-ромейского населения из палеобалканской ветви индоевропейцев на Балканах, в Малой Азии и Греции. Эти регионы и были устойчивым ядром Византии. Но начиналась история византийской нации с культуры Чернавода (4000–3200 до н. э.) на Нижнем Дунае и ранней Трои-I (3000–2600 до н. э.). Кризис Византии — это прежде всего кризис ранней, архаичной версии Запада как способа производства и экономического развития полисного типа, состоящего из сети полисов, включая и главный из них «полис полисов» — Царьград.

Некоторые из народов палеобалканской ветви, правда, оказались на периферии западного развития и по образу жизни всё равно напоминали балтославян и ранних индоевропейцев, что позднее в эпоху славянского завоевания Балкан в V–VII вв. н. э. облегчило их ассимиляцию и интеграцию в славянские общества. Это касается гетов, даков, фракийцев, иллирийцев, проживавших к северу от анатолийско-греческой цивилизации. Потомки гетов, румыны и молдаване стали типичными восточноевропейцами. Да и сами греки оказались ближе к славянскому и русскому миру, чем другие западные народы.

Романо-германская (кельтско-германская) ветвь западных индоевропейских народов

Северо-западная ветвь западных индоевропейцев расселилась из степной зоны Причерноморья в долину Дуная, на Балканы и в Центральную Европу в ходе третьей волны экспансии ямной общности (3200–2800 гг. до н. э.). Логика её движения на Запад Европы сформирована тем, что южные территории, через которые пролегал путь на Ближний Восток, были уже заняты предшествующей юго-западной волной, ставшей основой палеобалканских народов. Третья волна ликвидировала крупные очаги земледельческой матриархальной цивилизации в Европе и в последующие столетия привела к формированию новых европейских культур.

Предки современных западных романо-германских народов с языками кентум, маркируемые мужской гаплогруппой R1b, представлены следующими археологическими культурами, соответствующими волнам экспансии: баденской (3700–2800 до н. э.) — первая волна, шаровидных амфор (3200–2800 до н. э.) — вторая волна, колоколовидных кубков (2800–1900 до н. э.) — третья волна. Их продолжением стала протокельтская унетичская культура (1700–1300 до н. э.) и культура курганных погребений (1600–1200 до н. э.), наследниками которых позднее стали культуры полей погребальных урн и Гальштат.

Из группы предков западных народов Д. Энтони только прогерманцев отделяет от общей западной «дунайской» ветви (греки, кельты, италики, анатолий-

цы), объединяя их на начальном этапе движения с предками славян и балтов, расселившихся в северо-западном направлении к северу от Карпат, называя их «носителями северо-западных диалектов». «Германские племена — культура Усатово — вышли до 2800 г. до н. э. через долину Днестра — стратегический коридор в Южную Польшу»³³⁶. Этот сценарий особого пути германцев не исключён, но маловероятен. Скорее всего, данная точка зрения не соответствует данным генетики, языка. Предки германских народов также относились к общему западному массиву и попали на территорию Германии и Скандинавии через Дунай, как это предполагала М. Гимбутас.

В силу консервации в своём типе раннеиндоевропейских черт личности, в историческом плане северо-западная, верхне-дунайско-центральноевропейская (романо-германская) ветвь западных народов в истории Европы оказалась более влиятельной, чем юго-западная, палеобалканская, греческая в частности. Особенно это касается германских народов, занявших вначале самый северный ареал западной ветви (север Германии, Голландии и юг Скандинавии) и вышедших на историческую арену довольно поздно, после крушения Римской империи, почти одновременно со славянами. Но именно германцы стали творцами нового готического Запада, который создал глобальный капитализм и нового человека (Нового времени). Недаром Н. Я. Данилевский в названии европейского германо-романского культурно-исторического типа на первое место ставил слово «германо-». Однако изначально германцы оказались в тени, на северной периферии кельтской цивилизации, занявшей большую часть Западной, Центральной и Южной Европы.

Граница цивилизаций в Центральной Европе: романо-германцы и балто-славяне

Уже в 3000–2300 гг. до н. э. мы видим в центре и на востоке Германии (Тюрингия, Верхняя Саксония) разные популяции индоевропейцев с различными генетическими маркерами R1a и R1b и культурными общностями — шнуровой керамики и колоколовидных кубков³³⁷ (Рис. 8, см. подробнее Табл. 4), и, вероятно, разными путями проникновения туда, в противном случае они бы смешались. Первая из них представляет восточную цивилизацию, вторая — западную цивилизацию Европы, но пока обе находятся в неразвитом виде. Причём памятники носителей культуры колоколовидных кубков располагаются в этом регионе даже восточнее, чем памятники носителей культур шнуровой керамики. Юг Восточной Европы, Дунай, Южные Карпаты и Балканы, Центральная, Западная и Северная Европа изначально выпали из ареала славянской восточноевропейской цивилизации, поскольку были захвачены предками кельтов, германцев, италиков, гетов, иллирийцев, имеющих прямое отношение к ямным культурам. Таким образом,

³³⁶ См.: Antony D. W. The Horse, The Wheel and Language...

³³⁷ См.: Ancient Western Eurasian DNA of the Copper and Bronze [Электронный ресурс] // Ancestral Journeys. URL: <http://www.ancestraljourneys.org/ancientdna.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).

они «отсекли» предков славян от добычи и спасли их от проклятья «вестернизации». Но само по себе разделение на Севере Центральной Европы было уже следствием раннего разделения Востока и Запада около 5000–3500 гг. до н. э. в Северном Причерноморье и на Среднем Дону, о котором говорилось чуть выше. Иначе этноцивилизационное различие Запада и Востока Европы вообще не возникло бы.

Несмотря на более северное расположение культур шнуровой керамики по сравнению с ямными культурами, по мнению О. П. Балановского, «в Северной Европе, как ни парадоксально, генетический вклад представителей ямной культуры гораздо выше, чем в Южной»³³⁸. Северная Европа была освоена наследниками ямной культуры.

Территориальное разделение предков кельтов и германцев (культуры баденская, шаровидных амфор) с предками славян и балтов (культуры

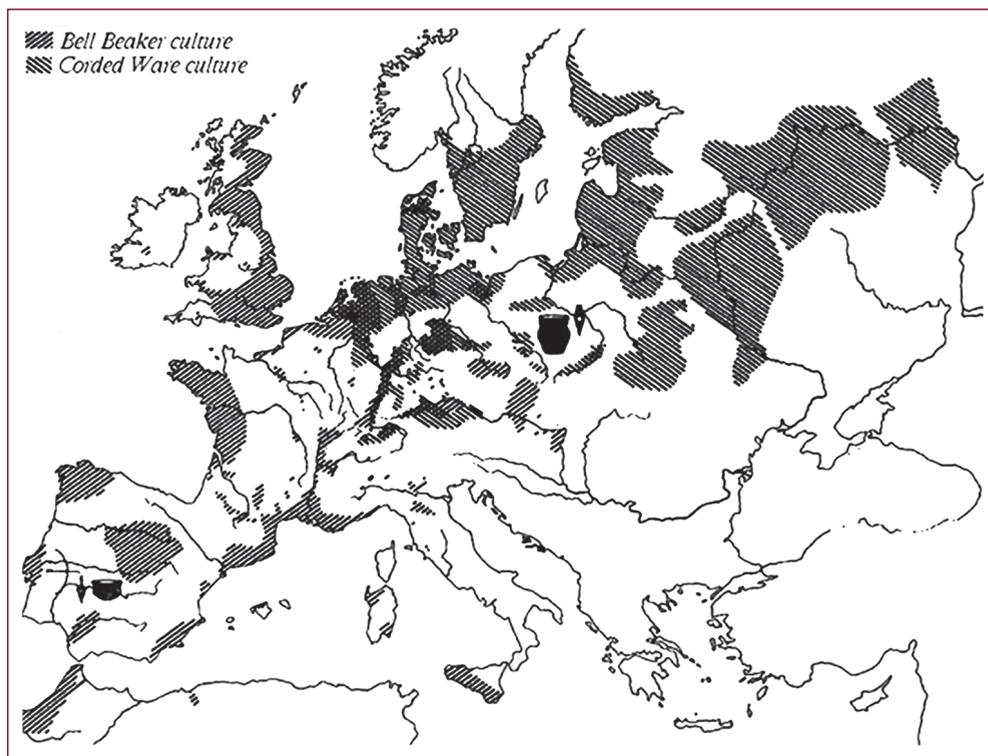

Рис. 8. Предки романо-германцев и балтославян в Европе 2800–1800 до н. э.: культуры колоколовидных кубков (слева — левая штриховка) и шнуровой керамики и боевых топоров (справа — правая штриховка). Видна смешанная зона обеих культур на территории Германии и Голландии³³⁹

³³⁸ Балановский О. П. Генофонд Европы. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2015. С. 305.

³³⁹ Müller J. Franken als Kommunikationsraum — von der Zeit des Gletschermannes bis zum Beginn der Bronzezeit // GERMANICA — Unsere Vorfahren von der Steinzeit bis zum Mittelalter / Freeden U., Schnurbein S. von (Hrsg.). Weltbild, 2006. 518 s.

шнуровой керамики) в северной части Центральной Европы в силу указанного соседства наступило несколько позже, чем их разделение на востоке. Образовалась обширная контактная зона. Часть групп — носителей культур шнуровой керамики, вероятно, вошла в состав прагерманских этносов, чем можно объяснить значительную близость расовых типов, культур и языков славян и германцев. Возможно, протогерманцы усвоили некоторые черты шнуровых культур (скорее всего, и то и другое). В дальнейшем и германцы, и славяне испытывали влияние более развитых западных кельтских культур. Нордическая раса Восточной Европы (славянско-евразийская) и нордическая раса Западной Европы (североатлантическая) окончательно разделились позднее, чем западная и восточная общности. Более позднее разделение нордической традиции, чем раннего индоевропейского массива, обусловило близость славян и германцев по многим признакам. Но её единство не более чем формальное и точечное сходство разных цивилизаций.

Точку глубокого этнокультурного расхождения балто-славян и романо-германцев можно определить не позднее 1800 г. до н. э., когда единое поле шнуровых культур в Центральной и Восточной Европе исчезло и образовались праславянская и прагерманская общности. В дальнейшем их сводят войны на поле брани и культурные заимствования славян с более активно развивающегося Запада (кельтизированные культуры).

Чем отличались первые носители западной и восточной цивилизаций Европы? Не являются ли они иллюзорными? На западе, центре и юге Европы господство и эксплуатация иноплеменных приобрели долгосрочный и устойчивый характер, так как наличие большого количества аборигенных культур и торговля излишками с цивилизациями Ближнего Востока и тёплый климат позволяли это делать, а теснота заставляла вести постоянные войны друг с другом и интенсифицировать освоение ресурсов путём рационализации культуры.

Западные индоевропейцы ушли на запад, центр и юг Европы. Их история стала отдельной историей Запада. Главным свойством предков западных людей стал фактор экспансии, что и обусловило их цивилизационный выбор. Выбор предков цивилизации Восточной Европы состоял в том, чтобы найти компромисс между более благоприятной, расположенной к западу средой обитания, но при сохранении суровых условий, похожих на индоевропейскую прародину, и похожий образ жизни. Несмотря на малые различия в среде обитания, например на границе славянского и германского миров в Центральной Европе, различие этих выборов обусловило духовную типологическую трещину между западом и востоком Европы.

На востоке Европы в балтославянском мире ситуация сложилась иначе — здесь образовались гомогенные общины, усвоившие черты и захватчиков, и побеждённых, вынужденных вести традиционное хозяйство в условиях менее мягкого и более сурового лесного климата. Далее в течение 3 тысячелетий условия жизни славян и балтов были законсервированы в границах проживания между западными народами (германцами и кельтами), кочевниками-иранцами на юге и первобытными финно-уграми на севере и востоке.

Маркер балтославянской мужской гаплогруппы R1a в Европе и его связь с разделением индоевропейских языков на группы сатем (восточная группа) и кентум (западная группа)

На рубеже III тысячелетия н. э. в науке появился ещё один неопровержимый аргумент в пользу восточноевропейского типа человека и цивилизации — её народы объединены системой родства и общим происхождением, маркируемым гаплогруппой R1a Y-хромосомы, преобладающей по мужской линии наследования у восточных и западных славян, балтов и весомо представленной у соседних народов, относимых к восточноевропейской цивилизации (Табл. 5). К ним также относятся финно-угры, подвергшиеся частичной индоевропеизации генофонда (за счёт включения групп потомков завоевателей, доминирующих групп), — у них эта гаплогруппа присутствует в статистически значимой доле, хотя и не на первом месте. Таким образом, единая Европа отсутствовала изначально, а её творцы делились на две части.

Носители западных индоевропейских языков кентум отождествляются с носителями гаплогруппы R1b, а восточных индоевропейских языков сатем — с носителями гаплогруппы R1a. Гаплогруппа R1a считается восточноевропейской, а R1b — западноевропейской³⁴⁰, так как они связаны с целыми комплексами археологических, исторических и лингвистических данных (см. Рис. 9).

В антропологическом плане обе ветви и обе гаплогруппы имеют общее происхождение и связаны с одним и тем же так называемым нордическим типом, представленным в различных географических, смешанных или модифицированных вариантах. В последние десятилетия датировка индоевропейского расселения из прародины по регионам Европы всё более сдвигается в глубь тысячелетий — ближе к послеледниковому периоду. Согласно расчётам популяционной генетики по гаплогруппам, различие восточного и западного массивов индоевропейцев древнее (10 тыс. лет и более), чем время их предполагаемого географического разделения — 4000 г. и даже 5000 г. до н. э. Сдвигаются и датировки найденных останков носителей западной и восточной гаплогрупп на территории Центральной Европы.

В Европе базовым для объяснения происхождения носителей гаплогруппы R1a является «славянский след», что можно считать своего рода современным научным социобиологическим подтверждением концепции славянофильства и панславизма. Существует неопровержимая связь совпадения целых групп признаков: R1a, славянство и славянские и балтские языки, проживание в Восточной Европе, культуры шнуровой керамики, восточноевропейский вариант нордической расы, общинная культура. Всё это не позволяет «вывернуться» и свести происхождение шнуровой общности просто к культурным влияниям ямных культур с юга.

Гаплогруппа R1a в Европе, за исключением ираноязычных народов степного пояса из более восточной части Северной Евразии (тавры, саки, скифы, сарматы, аланы и другие), связана с потомками носителей шнуровых культур — предков

³⁴⁰ *Балановская Е. Б., Балановский О. П. Русский генофонд на русской равнине... С. 297.*

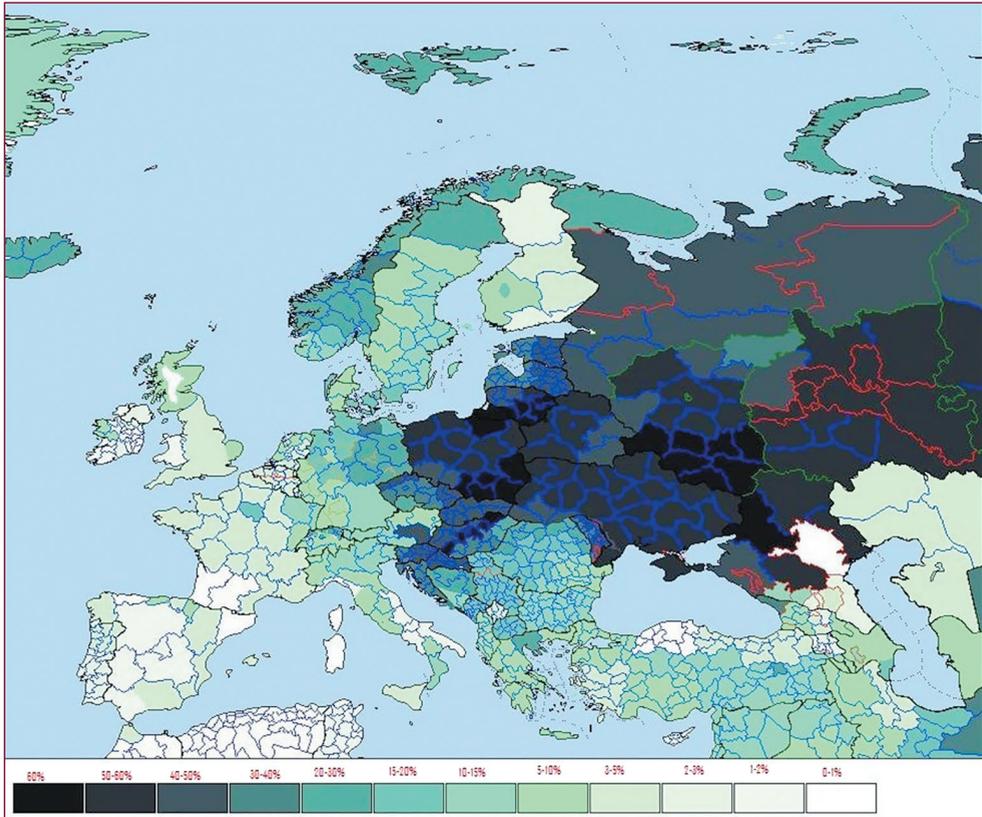

Рис. 9. Восточноевропейский (славянский) «медведь» R1a1 «вгрызается» в Центральную Европу («челюсти»: Чехия, Венгрия, Словения). Структура населения, по данным анализа маркеров генофонда³⁴¹

славян и балтов, которые и распространили её по Европе из Восточно-Европейской равнины (Рис. 9). Важно отметить и то, что гаплогруппа R1a неопровержимо связывает происхождение славян и балтов с восточным, или «арийским», в узком смысле этого термина, массивом индоевропейцев, а именно, индоиранским. В густонаселённой Индии данная гаплогруппа присуща в большей степени потомкам верхних каст, брахманов и кшатриев, в гораздо меньшей степени — вайшьев, которые связываются с завоевателями-переселенцами из евразийских степей, когда-то разошедшимися с предками славян и балтов — носителями культур шнуровой керамики из-за разных направлений расселения. На сегодняшний день доказана принадлежность индоариев к гаплогруппе R1a. Это крупное, но меньшинство Индии, представляющее две верхние касты-варны, которые были носителями санскрита как письменного языка индоариев.

Есть данные анализа ДНК захоронений представителей общности шнуровой керамики, которые определяют их принадлежность к R1a (см. Табл. 4). Из 33 останков общности культур шнуровой в Германии (в основном),

³⁴¹ SOPHIAN. R1A map.jpg [Электронный ресурс] // Wikimedia. 02.06.2009. URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=File:R1A_map.jpg (дата обращения: 30.01.2024).

Швеции, Дании 22 (2/3) относятся к носителям гаплогруппы R1a (при этом по остальным 10 нет информации, иные гаплогруппы практически отсутствуют. Единично встречается западная гаплогруппа R1b у носителей шнуровых культур в Польше, Венгрии, Швеции)³⁴². Зато у представителей соседней и почти синхронной культуры колоколовидных кубков абсолютно преобладает гаплогруппа R1b, что позволяет относить её представителей к западной ветви европейцев.

В дальнейшем это подтверждается и на других исследованиях данных других родственных культур — потомков восточного массива индоевропейцев. У носителей культур Восточной Европы и Евразии, относящихся к предкам индоиранцев (в Евразии к предкам саков, тавров, скифов), также преобладает R1a: Синташта — 2 из 2; срубная — 6 из 13; Андроновое — 3 из 11, что подтверждает изначальное различие ветвей Запада и Востока. Представители индоиранской андроновской культуры были носителями гаплогруппы R1a³⁴³. К данной культурной общности относится знаменитый археологический комплекс Аркаим (Синташта), ставший своего рода общим символом предков индоариев в Евразии. Правда, были и исключения: в полтавкинской культуре преобладают носители R1b, что объясняется миграцией небольшой части западного массива ямной общности на восток.

Таблица 4

Частота гаплогруппы R1a носителей общности культур шнуровой керамики в Центральной и Северной Европе 2700–2000 до н. э. (составлена автором на основе данных. Источник³⁴⁴)

Памятник, страна, датировка	Общее число останков	R1a	Не определены, также R1b
Эсперштедт (Восточная Германия) 2500–2050	17	12	4 — н/о 1 — R1b
Эйлау (Восточная Германия)	10	4	6
Берграйнфельд (Центральная Германия)	2	2	
Виби (Швеция)	2	2	
Дания	2	2	

³⁴² См.: Ancient Western Eurasian DNA of the Copper and Bronze [Электронный ресурс] // Ancestral Journeys. URL: <http://www.ancestraljourneys.org/ancientdna.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).

³⁴³ Keyser Ch., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T. & Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Hum Genet. 2009. № 126. P. 395–410. URL: <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0/> (дата обращения: 23.06.2023).

³⁴⁴ См.: Ancient Western Eurasian DNA of the Copper and Bronze [Электронный ресурс] // Ancestral Journeys. URL: <http://www.ancestraljourneys.org/ancientdna.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).

Таблица 5

Распределение восточноевропейских и западноевропейских народов по маркерам гаплогрупп Y-хромосомы (Балановский О. П., Пшеничников А. С., Сычёв Р. С., Евсеева И. В., Балановская Е. В.³⁴⁵)

Народ	Частота гаплогруппы			
	R1a восточно- европейская	I2 балканская- доиндоевропейская	N1c (N3) финская	R1b западно- европейская
Восточноевропейские народы				
Русские	45	11	16	4
Украинцы	39	20	7	5
Белорусы	53	16	8	7
Поляки	52	14	4	9
Чехи	41	9	1	35
Словаки	24		3	21
Литовцы	41	6	4	24
Латыши	33	4	40	5
Болгары	13			
Румыны	12	40	0	12
Сербы				
Хорваты	23	48	0	3
Словенцы	39			21
Македонцы	35	29	0	
Мордва	13		17	
Карелы, вепсы, ижорцы	25	2	53	
Коми	24		36	
Марийцы	22		40	
Соседи восточноевропейских народов				
Евреи — В. и Ц. Европа	34	0	0	8
Греки	11	8	0	6
Финны	7	61	1	3
Западноевропейские народы				
Немцы	16		1	39
Англичане				
Голландцы				
Датчане	17			36
Норвежцы				
Французы				
Ирландцы				
Шотландцы				
Испанцы	1	0	0	68
Португальцы	1	4	0	45
Бельгийцы	4			59
Шведы	14			20

³⁴⁵ См.: Балановский О. П., Пшеничников А. С., Сычёв Р. С., Евсеева И. В., Балановская Е. В. Y-base: частоты гаплогрупп Y хромосомы у народов мира, 2010 [Электронный ресурс] // Генофонд.ру.

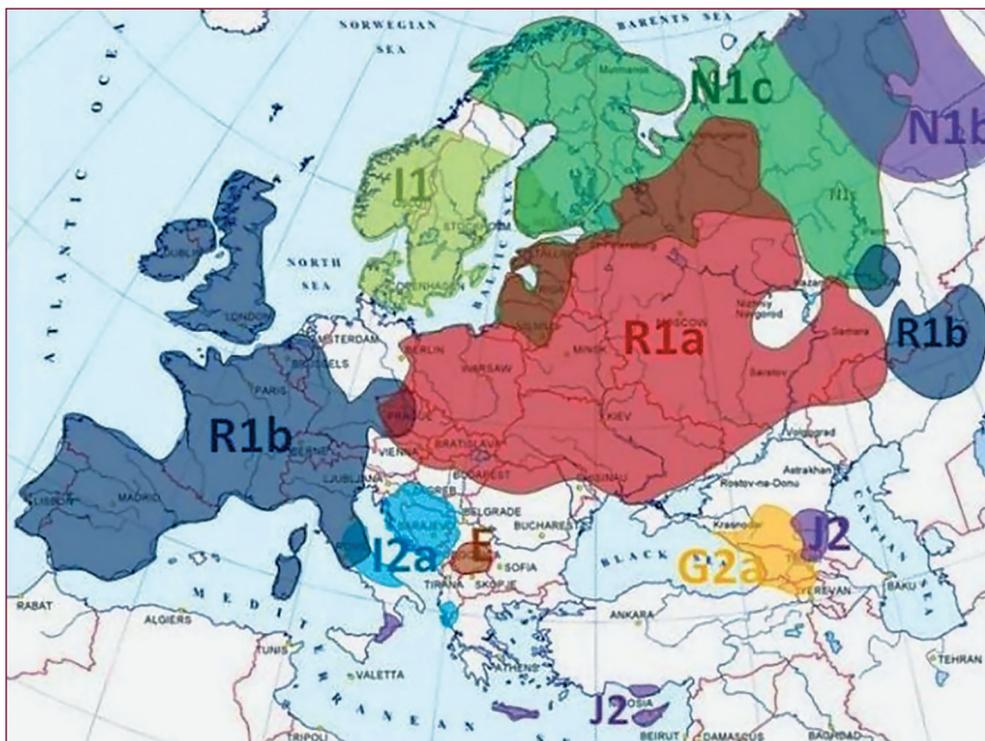

Рис. 10. Маркеры мужских гаплогрупп и границы западной и восточноевропейской цивилизаций в Европе. Выделены территории, где частота гаплогруппы составляет более трети генофонда (> 35%)³⁴⁶

Карта О. П. Балановского (Рис. 10) показывает территориальную структуру современного европейского населения по мужской линии. Её следует трактовать как результат распространения в Европе западной R1b и затем восточной R1a групп индоевропейцев 4500–2500 до н. э., сохранившийся до сих пор в геногеографической структуре потомственного местного сельского населения Европы.

На карте речь идёт об относительном преобладании показателей маркеров: относительное преобладание (> 35 %) маркера гаплогруппы R1a в восточноевропейских популяциях, R1b — в западноевропейских популяциях (две различные ветви индоевропейцев).

Гаплогруппы N1c и N1b маркируют преобладание потомков финского и угорского населения, цивилизационно близкого к восточноевропейскому, но другого. Гаплогруппа I1 маркирует западноевропейское скандинавское население с относительным преобладанием потомков доиндоевропейского субстрата Старой Европы, родственное I2 (палеоевропейцев). Гаплогруппы

³⁴⁶ См.: Балановский О. П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и у-хромосомы: автореф. ... дис. д-ра биол. наук. М., 2012. С. 13. Цит.: URL: http://www.med-gen.ru/ar/ar_Balanovsky.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

группа I2 — восточноевропейское население Балкан с преобладанием потомков доиндоевропейского субстрата Старой Европы из южного балкано-карпатского очага.

Незакрашенные (белые) зоны: север и восток Германии и Голландия — слабо выраженное преобладание западноевропейской гаплогруппы R1b; Балкано-Дунайский регион — преобладание доиндоевропейской I2 (румыны — 40 %) или восточноевропейской R1a1 (македонцы — 35 %) ³⁴⁷. Карта отражает драматический процесс экспансии индоевропейских народов и попыток остатков доиндоевропейских народов (I1, I2, N1c) сохранить себе жизнь и оставить потомство, хотя бы и в качестве субстрата индоевропейских народов.

Схожие результаты дал и анализ О. П. Балановским структуры генофонда по материнской линии, который показал наличие в Европе общеславянского и балтского восточноевропейского кластера (наряду с другими): «Выявленная структура генофонда сводится к трём кластерам. В “приуральский” кластер вошли восточные финно-угорские (марийцы, коми) и тюркские народы (татары, чуваш). В “восточно-европейский” кластер вошли западные и восточные славяне, балты, а также балканские народы. В “северо-европейский” кластер вошли западные финно-угорские народы и северные русские популяции. Таким образом, выявляется генетически гомогенная балто-славянская общность, к которой тяготеют также и балканские популяции (“восточно-европейский” кластер). От этой общности отличаются финно-угорские и тюркские народы Восточной Европы, генофонд которых, в свою очередь, подразделяется на западную и восточную части (кластеры 1 и 3)» ³⁴⁸. При анализе маркеров как мужской, так и женской линий родства нет оснований говорить ни об общеевропейской, ни об общеевразийской общности, к которым иногда приписывают русских в целях обоснования некоторых ложных тезисов как западной, так и евразийской идеологии, призванных доказать родство славян и романо-германцев либо русских и туранцев. Зато можно говорить об общности восточноевропейской.

Итак, с позиций популяционной генетики и геногеографии различие славян и западных народов не является случайным, а служит результатом раздельного проживания и разных историй в течение тысячелетий, что привело к различию типов человека и цивилизаций. Это не просто признак биологического различия — это признак разных способов организации жизни. На основании генетических маркеров родства по мужской линии есть все предпосылки считать общеевропейские «шнуровые культуры» именно первоначальной формой восточноевропейской цивилизации и её первым вкладом в мировую историю и культуру.

³⁴⁷ См.: Балановский О. П., Пшеничников А. С., Сычёв Р. С., Евсеева И. В., Балановская Е. В. Y-base: частоты гаплогрупп Y хромосомы у народов мира...

³⁴⁸ Балановский О. П. Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и у-хромосомы... С. 23.

Лингвистическая близость цивилизаций восточноиндоевропейской группы: группа сатем, русский язык и санскрит

Исследования показывают более тесную наследственную и языковую связь славян и балтов с индоиранцами и их общее происхождение. Помимо происхождения, имело место и длительное соседство славян и балтов с индоиранцами (киммерийцами, скифами, сарматами) в последующие эпохи. Кроме того, частичная ассимиляция восточными славянами их остатков в Восточной Европе — аланов уже в Средневековье. В то же время — значительно большую наследственную и языковую дистанцию славян и балтов с романо-германцами, что говорит о более отдалённом родстве и более раннем разделении предков славян и западных народов³⁴⁹. Несмотря на явную географическую близость к носителям западных языков кентум и наличие кентумных влияний в культовой сфере (О. Трубочёв)³⁵⁰, славяне тем не менее относятся к ветви сатем, распространённой также в Индии, Пакистане, Иране, Афганистане, Таджикистане. Это говорит о высокой сопротивляемости предков славян внешнему воздействию.

Возникновение языков сатем, которые считаются более поздними по сравнению с языками кентум и к которым, возможно, относился праиндоевропейский язык, связано с процессом сатемизации, иногда рассматриваемым лингвистами как независимый от разделения цивилизаций фактор. Но ведь сатемизация могла иметь под собой цивилизационную основу и характеризовать восточный массив индоевропейцев R1a тогда, когда он был ещё достаточно целостным и связанным в восточной степной зоне в то время, как западные народы уже из неё вышли. Отрыв языковых процессов от истории сомнителен.

По вопросу о близости восточнославянских и балтских языков с санскритом и родстве славян с древними индоиранцами имеется длительная библиографическая традиция с середины XIX по начало XXI века, которая не поддаётся попыткам объявить данные выводы маргинальными, или незначительными, или свидетельствующими о позднейшем соседстве.

1. Впервые более тесную близость санскрита и славянских языков, чем санскрита и западноевропейских языков, систематически обосновал славист А. Ф. Гильфердинг в одноимённой работе³⁵¹, написанной под славянофильским

³⁴⁹ Группы сатем и кентум названы от изоглоссы — разного произнесения цифры «100» в санскрите и латыни, одних из наиболее древних письменных языков восточной и западной групп. На этом примере фиксируется, что звуки «с» с тем же корнем характерны для восточных языков сатем, а «к» — для западных кентум. К группе кентум относятся западные исторические (древнегреческий, латинский) и современные языки.

³⁵⁰ Трубочёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 25. В. В. Седов объясняет кентумные лингвистические влияния прежде всего хозяйственным и политическим влиянием кельтов на славян и балтов. См.: Седов В. В. Славяне в древности. Цит.: URL: <https://arheologija.ru/sedov-slavyane-v-drevnosti/> (дата обращения: 03.09.2023).

³⁵¹ См.: Гильфердинг. О родстве славянского языка с санскритским. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1853. 161 с. URL: <https://djvu.online/file/MWESjeKUWhL4B> (дата обращения: 03.09.2023). Гильфердинг также осуществил посмертное редактирование текста «Семирамиды» А. С. Хомякова, многие идеи которой, как указывалось выше, соответствуют лингвистической теории Гильфердинга о связях славянских языков и санскрита.

влиянием. Эти идеи использовали ряд других дореволюционных лингвистов и филологов. Основные выводы Гильфердинга об одинаковости морфологии и фонетики подтвердили индийские учёные.

2. В. И. Абаев в работе «Скифо-европейские изоглоссы» обобщил сравнительные данные и пришёл к выводу о максимальном родстве скифского языка со славянскими; в частности, на основе совпадения зоны произношения фрикативного «г» в славянском ареале с зоной скифских влияний и топонимов в России, на Украине, в Белоруссии³⁵².

3. О. Н. Трубочёв в работе «Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье» поставил вопрос о присутствии индоиранцев в Причерноморье, нашедший отражение в устойчивых топонимах и гидронимах, что говорит о возможной единой популяции их с протобалтославянами, во всяком случае о длительном соседстве³⁵³.

4. Научные попытки обосновать позднее присутствие индоариев в Причерноморье, вплоть до конца скифского времени и начала расселения славян, продолжаются, и их направленность связывается со сравнительной близостью санскрита и русского и других восточноевропейских языков. Репрезентативной иллюстрацией родства славянских языков и языка индусских завоевателей-переселенцев в рамках восточноиндоевропейской языковой семьи сатем служит, например, сравнительная таблица существительных русского и санскрита К. Борисова («Был ли “скифский” язык “иранским”?»)³⁵⁴. Подобные таблицы составлялись и по отношению к западноевропейским языкам, но языковое родство не так велико, что иллюстрируют приведённые в таблице английские переводы этих существительных. К. Борисов в названной выше статье сделал вывод о том, что индоиранская целостность сохранялась в евразийских степях до конца скифских времён³⁵⁵, что свидетельствует в пользу связей «славянские языки — санскрит» и даже их общего происхождения. Вместе с тем факт распространения индоиранцев в Причерноморье и предположительно индоиранский (а не иранский) характер скифского языка кардинально ничего не меняет в отношении праславянского и индоиранского евразийского языков, поскольку славянский мир был уже отдельным от степного иранского или индоиранского мира.

5. В фундаментальной работе «Индия и Россия — лингвистическая и культурная близость» (1982) В. Р. Риши обосновал вывод о том, что близость между русским и санскритом выше, чем между другими языками группы сатем, и по характеру не такова, как, скажем, даже близость санскрита с персидским или

³⁵² Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. С. 43–47.

³⁵³ См.: Трубочёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 318 с.

³⁵⁴ См.: *Borissoff C. Russian — Sanskrit nouns* [Электронный ресурс] // Personal site of Constantine Borissoff. 13.12.2012. URL: <https://borissoff.wordpress.com/2012/12/13/russian-sanskrit-nouns/> (дата обращения: 17.09.2023).

³⁵⁵ См.: *Borissoff C. Was ‘Scythian’ an ‘Iranian’ language?* [электронный ресурс] // Personal site of Constantine Borissoff. 12.02.2013. URL: <https://borissoff.wordpress.com/2013/02/12/was-scythian-an-iranian-language/> (дата обращения: 17.09.2023).

иранскими языками. То есть, по мнению индийских лингвистов, «близость санскрита с русским языком носит более узкий характер, чем с персидским, что говорит о древней связи».

«...И русский, и санскрит принадлежат к группе сатем индоевропейской семьи языков. Это, однако, создаёт у человека неправильное представление о том, что связь между санскритом и русским столь же далека, как и между санскритом и другими индоевропейскими языками. Как будет объяснено в этой главе, связь между этими двумя языками очень тесная, а различие между этими двумя языками настолько незначительное, что, используя слова доктора Сидхешвара Вармы, это не может быть простой случайностью»³⁵⁶. Говоря об узости связи русского и санскрита, речь идёт о близости грамматики и общей лексики: «Многие грамматические правила являются общими для обоих этих языков, и количество слов, общих для этих двух языков, образованных после применения таких общих грамматических правил, может быть ещё больше увеличено. Этого нет, когда мы сравниваем санскрит с любым другим языком, принадлежащим к индоевропейской группе, за исключением иранского и персидского»³⁵⁷. Речь идёт о связи русского языка как одного из наиболее ярких и архаичных наследников праславянского языка с единым праиндоиранским языком. Очевидно, что на месте русского в качестве образца для сравнения мог быть и какой-то другой из славянских или балтских языков, демонстрирующий с санскритом такую же близость, но русский как один из крупнейших и распространённых языков показателен.

6. Существуют также работы самих индийцев, знакомых со славянской лингвистикой, например новая работа «Значимые слова в санскрите и русском»³⁵⁸, указывающая на высокую степень родства обоих языков.

Наиболее близким к санскриту из существующих языков ВЕ считается литовский, поскольку он более архаичный и законсервированный, по сравнению со славянскими языками, и вместе с тем ближе других к общему гипотетическому праиндоевропейскому диалекту. «Исследователей индоевропейских языков особенно удивлял тот факт, что сохранившиеся формы литовского языка сильно напоминают формы древнеиндийского языка — санскрита. Некоторые совпадения действительно поразительны»³⁵⁹, — указывает Л. А. Балыкина.

Большинство перечисленных выше авторов сходятся в том, что русский или литовский языки и санскрит произошли из одного источника, что, в принципе, касается всех индоевропейских языков, но в значительно меньшей степени, без сходства грамматики и фонетики и большего количества лексем, которое имеет

³⁵⁶ *Rishi W. R. India & Russia — Linguistic & Cultural Affinity. Chandigarh, 1982. P. 3. Цит.: URL: http://vedic.su/Vedic/tur/IndiaRussia_Rishi_OCR.pdf (дата обращения: 03.09.2023).*

³⁵⁷ *Ibid. P. 3.*

³⁵⁸ *Cognate Words in Sanskrit and Russian/Indu Lekha. Delhi, Pratibha Prakashan, 2007. xvi, 228 p.*

³⁵⁹ *Балыкина Л. А. К вопросу о значении литовского языка для исследований в области русского языка // Учёные записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 52.*

место между русским и санскритом. В научном плане речь может идти именно о большей степени близости и более позднем общем источнике, а не о взаимном происхождении друг от друга. Вместе с тем славяне и балты несколько тысячелетий живут в непосредственном контакте с западными народами и в схожих с ними географических и климатических условиях, а от восточных родственников отделяют несколько тысяч лет и тысяч километров, что не могло не сказаться на общих различиях. Тем не менее, говоря о повторяемости свойств в группе сатем, исследователи выявили их высокую последовательность в славянских и индоиранских языках, в то время как в балтских языках проявляется сочетание свойств сатем и кентум. Возможно, это вызвано тем, что балтские языки представляют языковые явления более архаичной эпохи, когда массивы носителей кентум и сатем жили рядом, чем славянские. Аналогичные явления смешения обеих групп были и в других древних языках, например армянском. Вместе с тем славянские и балтские языки рассматриваются специалистами как единое явление, а их различия — как внутренние (В. Н. Топоров³⁶⁰).

Языки сатем задают иную ментальность и стиль мышления, чем западные языки кентум, они в большей степени сопротивляются тотальной рационализации и инструментализации, характерной для прогрессирующих технологий господства. Поэтому в них используются кальки и прямые заимствования из западных языков для передачи соответствующих технологий. Однако языки сатем также хорошо применимы для создания различных продуктов мировоззренческой деятельности. Можно предположить, что языки сатем соответствуют раннеиндоевропейской структуре личности и её гораздо более плотной связи со значимыми другими и коллективом (см. ниже о структуре личности восточноевропейцев).

Близость мифологий славян и индоиранцев

Можно привести также вслед за Тилаком и академиком Б. А. Рыбаковым мифологические (религиоведческие)³⁶¹ — четвёртые по значимости доказательства связи славян с индоиранцами. Б. А. Рыбаков сдержан в трактовке степени этих связей: «К иранскому влиянию относят Дажьбога, Стрибога, Хорса и Симаргла. Два первых божества отнесены по признаку содержания в их именах слова “бог”, являющегося заимствованием из иранского. Хорса считают взятым от иранцев потому, что во многих иранских наречиях близкие по звучанию слова обозначают “солнце”; Симаргл, непонятный уже книжникам XI–XIII вв., разъяснился только после работ К. В. Тревер, сопоставившей его с иранским Сэнмурвом, — писал он. — Эта одинаковость или сходность могла возникнуть и в очень отдалённую эпоху конца земледельческого энеолита, когда предки индоиранцев, славян, греков и фракийцев впервые создавали образы патриархальных божеств неба, солнца и посевов... При всей несомненности длительных славяно-скифских

³⁶⁰ Топоров В. Н. Балтийские языки // Языки мира: Балтийские языки / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; [редкол.: В. Н. Топоров и др.]. М.: Academia, 2006. С. 10–50. Цит.: URL: http://www.lituanistica.ru/materials_intresting_toporov.html (дата обращения: 03.09.2023).

³⁶¹ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.

контактов не следует всё же отождествлять славянский пантеон со скифским... Скифская же эпоха с её несомненными контактами праславян с иранцами могла закрепить именно эти, близкие к иранским, формы»³⁶². В целом ситуация слабо изучена и по всей видимости не сводится к четырём наименованиям, на самом деле их может быть гораздо больше, на что указывает сравнительная таблица связанных с язычеством наименований русского и санскрита Н. Гусевой³⁶³. Добавляются также, по крайней мере, такие существа, как Индрик (Индра), Идол (Ид — жертвоприношение), Див (Дива), Мора (Мритью — смерть), Агни (Огонь), Перун (Варуна), Род (Рудра), Ярило (Яр-страстный), Купала (Купапа — солнце) и ряд других лексических связей, указывающих на обозначение потустороннего, всего около 25 лексем. Так что четыре бога из пантеона Древней Руси, приведённые Б. А. Рыбаковым, не показательны и представляют собой поздний более узкий слой язычества, хотя и они имеют свои омонимы в санскрите: Дажьбог (Даक्षा — Солнце, сияющий), Велес (Вала — шерсть скота).

Приведённые доводы говорят лишь в пользу того, что предки славян и восточных европейцев очень рано оказались по восточную сторону разделения индоевропейцев по линии Восток — Запад, что способствовало их цивилизационному обособлению от западных соседей — уже дальних родственников.

2.6. Общность культур шнуровой керамики и боевых топоров — первая форма восточноевропейской цивилизации (IV тыс. — начало II тыс. до н. э.)

Какова была первая историческая форма восточноевропейской цивилизации? Сегодня можно дать ответ — общность культур шнуровой керамики. Более точный момент возникновения восточноевропейской цивилизации как особого индоевропейского типа правильнее связать с зарождением во второй половине IV тыс. до н. э. в бассейне Днепра, Дона, Южного Буга и Западного Буга культур шнуровой керамики, распространившихся на огромной территории от Бельгии и Швейцарии до Приуралья. Общность культур шнуровой керамики и боевых топоров охватила огромную территорию Восточной и Центральной Европы и юг Скандинавии. В Западной Европе она распространилась до Голландии, Бельгии и севера Франции, вторгшись в зону расселения индоевропейских народов западной группы. В Скандинавии они охватили полуостров Ютландию, юг современной Швеции и Финляндии. Как мы видим, культуры шнуровой керамики имеют общеевропейское значение. В отличие от степных волн миграций в Причерноморье, общность культур шнуровой керамики существовала на своих территориях длительный исторический промежуток, переходя в более позднее население.

³⁶² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян...

³⁶³ Гусева Н. Арьи, славяне: соседство или родство? // Древность: Арьи. Славяне. М.: Палея, 1996. С. 80–85.

Каково соотношение культур шнуровой керамики и последующего населения Восточной Европы? Не все носители культур шнуровой керамики вошли в состав восточноевропейских народов. Особенность балтославянского массива в том, что он занимал среди общности культур шнуровой керамики центральное, а не самое западное положение, так как наиболее западные группы этой общности оказались размыты и включены в прагерманский массив. Занимая центральное положение в общности культур шнуровой керамики, на два тысячелетия славяне оказались в изолированном пространстве центра Восточной Европы между границей современных Центральной Польши и Германии, Западной Белоруссии Вольни. Это определило их оригинальность по отношению к народам Запада, которая в дальнейшем усиливалась влиянием степных культур ираноязычных кочевников со стороны Причерноморья.

Какова была судьба носителей шнуровых культур к западу и к востоку от славянского и балтского ареала? Культуры шнуровой керамики оказали заметное влияние на формирование германских народов, часть их носителей вошла в их состав этой западной группы, обусловив наличие R1a в популяциях на уровне 10–20 % по мужской линии.

На востоке Восточно-Европейской равнины зона шнуровых культур простиралась до Приуралья, где были освоены источники меди. Несмотря на то, что ранее эти территории были заняты шнуровыми культурами, прямых потомков мы там не обнаруживаем. Можно предположить, что шнуровики-фатьяновцы и балановцы в бассейне Волги вошли в состав финских этносов в качестве господствующих групп, но в силу малочисленности были ассимилированы. О влиянии шнуровых культур на этногенез финских народов делает вывод В. В. Напольских³⁶⁴. Всё же благодаря влиянию уральские народы приблизились к восточноевропейской цивилизации и отделились от цивилизации древнего бореального типа — уральцев. Подтверждением данной гипотезы является присутствие в составе современных восточнофинских народов РФ значимой доли гаплогруппы R1a — потомков завоевателей-индоевропейцев: мордва — 13 %, карелы, вепсы, ижорцы — 25 %, коми — 24 %, марийцы — 22 %, финны — 7 %. Примером такой культуры может служить дьяковская культура центра России. Как мы видим, ещё в глубокой древности финно-угорский тип сблизился с балтославянским.

Этническая привязка происхождения шнуровых культур была спорной. Ранее даже считалось, что шнуровые культуры западного происхождения³⁶⁵, так как в рамках западнистского мышления приписывать балтославянам их появление в центре, западе и севере Европы казалось неудобным. Однако они возникли раньше западных групп. Затем они относились учёными к единой центрально-европейской общности, включавшей как романо-германцев, так и балто-славян. Споры касаются не только потомков культур шнуровой керамики, но и их предков. Кто преобладал среди них: представители палеоевропейских охотников

³⁶⁴ См.: Напольских В. В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке. Архивная копия от 7 ноября 2017 на Wayback Machine // Арт. 2007. № 4. С. 88–127.

³⁶⁵ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007. 216 с.

(центр и север Восточно-Европейской равнины) или индоевропейских скотоводов-кочевников (юг и восток Восточно-Европейской равнины)? Очевидно, что шнуровые культуры стали новым явлением по отношению к обоим. Среди носителей индоевропейских диалектов это был новый тип, отличный и от западной ямной культуры южных степей, и от восточных индоиранцев, и от их общих предков.

По отношению к предкам западных народов и ямным культурам с их усиливающимся социальным расслоением и колониальной эксплуатацией аборигенов старых цивилизаций культуры шнуровой керамики выступали эгалитарной линией индоевропейской цивилизации (социалистическая линия), в которой социальное равенство и партнёрство индивидов, их общинность проявлялись в большей степени, так как оснований для возрастания богатства за счёт захваченных ресурсов на севере было меньше. Эгалитарная линия ранних индоевропейцев выразилась в ориентации на тип работающего мелкого собственника, имеющего обязательства перед соседской общиной и выполняющего по мере необходимости роль воина и жреца. Тип работающего индивидуального собственника как осевая модель и идеал человека и общества характерен для многих народов, не только потомков шнуровиков, славян и германцев. Однако она постоянно испытывала давление со стороны социального расслоения и богатых родов. Если говорить о различиях последних двух ведущих групп Средневековья и Нового времени, то у славян возобладала общинная модель работающего собственника (условно социальная), у германцев — индивидуалистическая (условно либеральная).

Правильнее считать культуры шнуровой керамики специфической северо-западной ветвью индоевропейского «степного» массива, который распространился на севере параллельно с ямной общностью на юге и остатками предшествующих волн индоевропейцев. В настоящее время утвердилась точка зрения, что шнуровые культуры были созданы отдельной группой индоевропейцев, которые не сводятся к ямной общности Северного Причерноморья (западный массив), хотя и частично имеют с ней общих предков.

Более радикальная точка зрения в том, что основу культур шнуровой керамики создали не выходцы из степей, а потомки палеоевропейского населения Восточной Европы, перенявшие культуру и социальное устройство ранних групп индоевропейцев первой и второй волны (наиболее вероятно, культура шаровидных амфор), проникших на северо-запад от прародины³⁶⁶. Возможно, правильно нечто среднее между обеими точками зрения: смесь потомков степных курганных культур и местного субстрата. Дело в том, что культуры шнуровой керамики распространялись не только военным путём вооружённых скотоводов, оттеснявших и уничтожавших охотников и рыболовов из па-

³⁶⁶ См.: Палеантропология культуры шнуровой керамики [Электронный ресурс] // andvari5. Живой журнал. 11.12.2022. URL: <https://andvari5.livejournal.com/153310.html> (дата обращения: 14.09.2023). (На основе: *Menk R. A SYNOPSIS OF THE PHYSICAL ANTHROPOLOGY OF THE CORDED WARE COMPLEX ON THE BACKGROUND OF THE EXPANSION OF THE KURGAN CULTURES // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8.*)

леоевропейцев и ассимилировавших их остатки, но и как привлекательный образ жизни, хозяйства, человека, необходимый для выживания в сложном мире III тыс. до н. э. Модель шнуровых культур стала основой традиционной сельской культуры общин северной половины ВЕ, которые с определёнными дополнениями и изменениями в направлении увеличения доли земледелия сохранились до революций XX века.

В любом случае речь о новой гибридной группе населения, возникшей в центральной части Восточной Европы, и новой форме цивилизации по отношению к Старой Европе и к индоевропейцам степей. Д. Энтони выделяет предков балтов и славян в отдельную группу, связывая точку первичной локализации со среднеднепровской культурой, ассимилировавшей население позднего Триполья и положившей начало общностям шнуровых культур: «Я убеждён, что культурный гибрид на Среднем Днепре сыграл важную роль в эволюции про-балто и протославянских языковых сообществ после 2600–2800 гг. до н. э.», — подчёркивает Энтони³⁶⁷. Данная точка зрения выдвигалась и советскими авторами³⁶⁸. В настоящее время сроки датировки останков носителей шнуровых культур в Центральной Европе отодвигаются до середины IV тыс. до н. э. В пользу среднеднепровской версии и против центральноевропейской версии зарождения шнуровой общности говорит фактор маркера восточных индоевропейцев R1a, то есть то, что предки её носителей прибыли с востока по одной широте — со Среднего Дона и Средней Волги по лесостепной зоне, минуя Причерноморье.

Особенность гибрида среднеднепровской культуры по отношению к предшествующим культурам в переходе предков славян и балтов (так же как параллельно и части германцев) к оседлой форме скотоводства и с постепенным развитием земледелия. В процессе формирования культур шнуровой керамики (первая форма ЦВЕ) произошёл переход индоевропейцев от жизни в степной и лесостепной зоне к лесной зоне широколиственных и смешанных лесов. «Эти племена оказали значительное влияние на судьбы местного населения, внесли большой вклад в формирование культур целого ряда народов Европы. Расселение скотоводческо-земледельческих племён указанной историко-культурной общности привело к широкому распространению производящих видов хозяйства в среде местного населения, жившего по традициям присваивающего охотни-

³⁶⁷ Antony D. P. *The Horse, The Wheel and Language...* P. 346–347.

³⁶⁸ Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф., отв. ред. *Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. М.: Наука, 1987. 472 с. URL: <https://arheologija.ru/kulturyi-shnurovoy-keramiki-srednedneprovskaya-podkarpatskaya-gorodoksko-zdolbitskaya-stzhizhovskaya/> (дата обращения: 03.09.2023). Авторы перечисляют существовавшие на тот момент версии происхождения шнуровой общности: «Истоки племён культур шнуровой керамики ищут в юго-восточных областях Европы, примыкающих к северному побережью Чёрного моря (Г. Розенберг, П. Глоб, К. Струве, М. Гимбутас, А. Я. Брюсов, В. Н. Даниленко и др.), в лесостепной зоне Правобережной Украины (И. И. Артеменко, И. К. Свешников, П. Н. Третьяков, С. С. Березанская, Н. Н. Бондарь и др.), в области между Днепром и Вислой (Д. А. Крайнов, Р. Я. Денисова и др.), между Вислой и Рейном (У. Фишер, А. Хойслер, К. Яжджевский и др.)». «Карта 3. Распространение памятников культур шнуровой керамики на территории юго-западной полосы лесов и лесостепей Русской равнины и Карпат».

чье-рыболовецкого хозяйства. С появлением на территории Восточной Европы племён шнуровой керамики и боевых топоров начался бронзовый век, приведший к дальнейшим крупным социально-экономическим изменениям в недрах первобытнообщинного строя и появлению новых культур позднего бронзового века»³⁶⁹. По сути, они стали носителями передовой цивилизации в обширных лесных территориях центра и севера ВЕ, которые до этого были заселены охотниками-собираателями. С точки зрения происхождения гибридность шнуровых культур состоит в том, что она объединила три разных цивилизационных типа человека и их социально-экономические уклады: 1) кочевников-индоевропейцев; 2) палеоевропейцев — охотников и собирателей ВЕ; 3) раннеземледельческую цивилизацию выходцев с Балкан и из Малой Азии. Такое объединение создало определённые перспективные преимущества потомкам — наследникам этого типа как носителям созидательного производительного духа наряду с духом военным, что проявилось в позднейшем влиянии славян и германцев на историю Европы начиная с раннего Средневековья.

Важным фактом, проливающим свет на особенности нового праславянского и, шире, восточноевропейского человеческого типа, было включение в формирующиеся славянский и балтский этносы, а также в состав финских народов в качестве субстрата палеоевропейских групп из числа аборигенов Восточно-Европейской равнины, проживавших в лесной и лесостепной зоне со времён мезолита и даже верхнего палеолита. Сведения о них в науке представлены в основном преобладающим массивным балтидным расовым типом, который часто встречается у славян и их соседей (но в целом субстрат представлен не одной, а несколькими палеоевропейскими расами, различающимися по размерам и формам тела). Язык палеоевропейцев не сохранился³⁷⁰. Первой такой ассимилированной палеоевропейской общностью могла быть днепро-донецкая культура, находившаяся на пути движения предков славян на запад с индоевропейской прародины на Средней Волге. Указанная выше исторически одна из первых форм восточноевропейской цивилизации — среднеднепровская культура — как раз и включала ассимилированный днепро-донецкий субстрат наряду с земледельцами Триполья — потомками выходцев из Малой Азии.

Вероятным сценарием формирования шнуровых культур было то, что они вынуждены были осваивать обширные пустые лесные массивы с более прохладным климатом и худшими почвами, где труд не приносил больших выгод и некого было заставлять работать на себя. Одновременно включать в свой этнос остатки других народов, чтобы обеспечить численность и возможность вступления

³⁶⁹ Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф., отв. ред. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР..

³⁷⁰ Напольских В. В. Очерки по этнической истории. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2018. С. 22, 30. См. также: Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 257 с. См. о палеоевропейской группе в Восточной Европе: Напольских В. В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке. Архивная копия от 7 ноября 2017 на Wayback Machine // Арт. № 4. 2007. С. 88–127.

в брак молодых мужчин и воспроизводства общества. Это своеобразная судьба, которую славяне старались изменить всю свою историю и которая сделала их «природными социалистами», умеренными «интернационалистами» и открывателями природных богатств и евразийских пространств («брахманами Запада», по Хомякову).

*Ведущая роль оседлого скотоводства у предков славян
и значение земледелия в условиях лесной зоны*

Формирование культур шнуровой керамики (дериевская культура, среднеднепровская культура) из среднестоговской культуры ознаменовалось переходом к относительно более оседлому варианту скотоводства. У предков славян и балтов произошёл разрыв с полукочевым степным скотоводством, усилилась оседлость, появились земледельческие и земледельческо-скотоводческие модели хозяйства, заимствованные у доиндоевропейских народов (Кукутень-Триполье), хотя склонность к миграциям, кочеванию и военной экспансии также сохранилась. Ведущая роль крупного и мелкого рогатого скота и лошадей в хозяйстве предков славян сохранилась и позволила им в дальнейшем легко передвигаться и расселяться по обширным территориям Евразии. Устройство общества, его социальная и военная организация позволили славянам выжить перед лицом других народов и заселить обширные территории Востока и Запада. Предки славян и балтов были именно скорее скотоводами, чем преимущественно земледельцами в условиях сурового климата Восточно-Европейской равнины, так как даже в 972 году, подписывая договор с Византией, они клялись своими главными богами — Перуном и Велесом, «скотиим богом».

Представление о славянах как исключительно земледельцах представляет собой миф, не имеющий реальных предпосылок в климатических и географических условиях среднего пояса Евразии. Речь идёт о сочетании скотоводства и земледелия, при господстве то скотоводства и промыслов (охота, рыболовство), то земледелия. Ясно, что выжить за счёт преобладающего земледелия славяне просто не смогли бы в условиях холодного климата и лесов. Этот миф восходит к представлениям о южных земледельческих цивилизациях как основе развитой культуры и общей линии прогресса. Отчасти эта линия верна, поскольку земледелие увеличивает гарантированный прибавочный продукт и повышает качество жизни. «Племена шнуровых культур выращивали пшеницу, ячмень, овёс, чечевицу и другие злаки»³⁷¹. Однако земледелие в условиях славянской прародины не столь уж выгодно и служит больше дополнением либо страховкой от голода и симптомом некоей нужды, либо, наоборот, средством создания некоторого избытка и развития производящего хозяйства. Позднейшее преобладание земледелия в конце XIX — первой половине XX века в восточнославянском крестьянском хозяйстве было признаком кризиса аграрной цивилизации и сверхэксплуатации со стороны правящих классов, стре-

³⁷¹ Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф., отв. ред. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР...

мившихся к его насаждению с целью «выжать» как можно больше экспортного прибавочного продукта из земли и крестьян, который могло дать как раз земледелие.

Одновременно с земледелием началось усвоение доиндоевропейской модели животноводства — свиноводства, которое сочетается именно с оседлым земледелием, излишки которого идут на откорм свиней³⁷². В целом предки славян и балтов перешли со степной на европейскую модель животноводства, как и западные народы. Наряду с шнуровой керамикой, другим важнейшим этноопределяющим признаком были каменные боевые топоры специфического военного назначения. Сверлёные, шлифованные каменные топоры использовались не только как боевое оружие, но и как орудие труда в оседлом скотоводстве, в частности для заготовки корма для скота в зимний период в лесной зоне, до того как появились косы. Топоры являлись ключевым инструментом для хозяйственной деятельности в условиях лесной зоны Восточной Европы, связанной с обработкой дерева для строительства и создания других инструментов и предметов, заготовкой фуража из веток (при отсутствии металлических кос), забоя скота, являвшегося основой питания. Следует напомнить, что, как у всех индоевропейцев, у носителей культур шнуровой керамики и боевых топоров ключевую роль играли лошадь и колесо с повозками. Основные символы славянской культуры довольно хорошо уловил советолог-русист Д. Биллингтон, вынеся их в название своей книги «Икона и топор» (1966) применительно к великорусской культуре. Если для этапа XI–XIX вв. для многих славян и восточных европейцев ключевым духовным символом являлся символ православия — икона, то на предыдущем этапе главную роль в материальной и отчасти духовной сфере играл топор, сохранившийся и позднее в уже «снятом», преобразованном виде, но иногда и в прямом, как в жизни великорусского народа. Биллингтон, конечно, ссылается на многочисленные культурологические свидетельства российских авторов о тополе, которые отмечают его и сакральную роль в русской культуре³⁷³. Культуры шнуровой керамики, как и указанная символика топора, также связаны с символической тематикой леса как среды обитания восточноевропейцев, чего не было у их степных предшественников. Биллингтон показывает это на примере произведений русской литературы, связанных с символикой леса в качестве ключевой (Леонов Л. «Русский лес», Островский Н. «Лес», Мельников-Печерский П. «В лесах»).

Характерной северной чертой культуры восточных европейцев были деревянные рубленые жилые постройки, иногда в виде полуземлянок, с печами-каменками — избы-истубы (постоянно отапливаемые), попавшие от шнуровиков и к германским народам, в частности в немецкий язык (Stube).

³⁷² Преобладание свиноводства в животноводстве было характерно для земледельцев Старой Европы — западной части причерноморского ареала, в отличие от степных животноводов-кочевников, у которых преобладало разведение крупного рогатого скота и коневодство, по данным статистического анализа костных остатков.

³⁷³ Биллингтон Д. Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. С. 721.

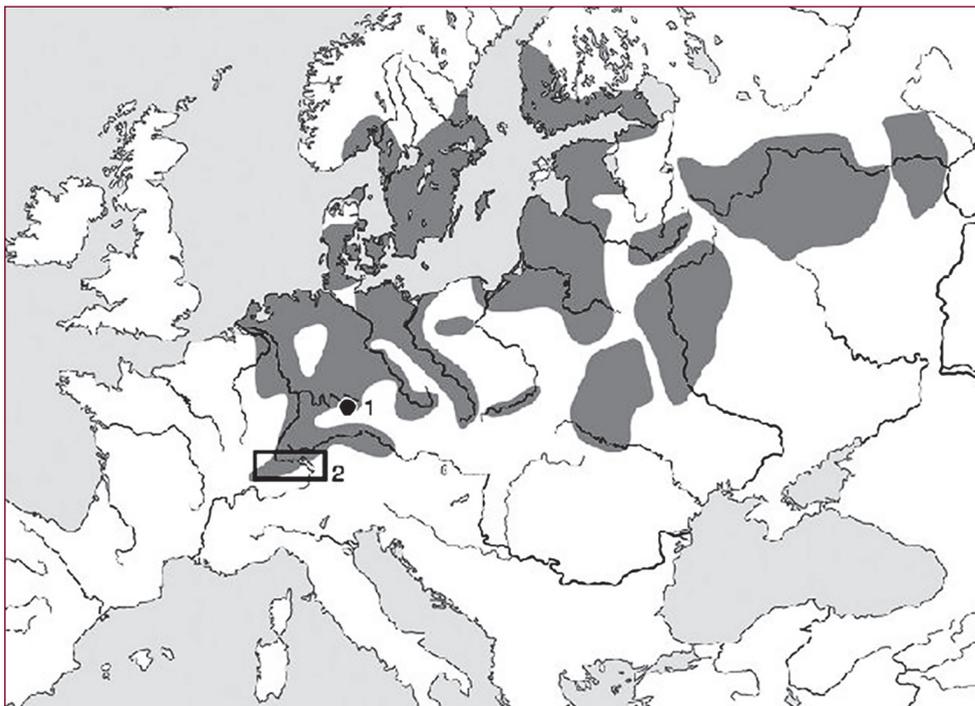

Рис. 11. Территории общности культур шнуровой керамики и боевых топоров (3500–1800 до н. э.)³⁷⁴

Византийские авторы указывают на то, что славяне были самым сильным, неприхотливым и выносливым народом среди северных народов Европы, хотя и с наиболее примитивным укладом, техническим оснащением и вооружением³⁷⁵. В отличие от западных европейцев, европейцы центра и запада Восточно-Европейской равнины сохранили более консервативный социальный и экономический уклад вплоть до зрелого Средневековья.

Каковы особенности традиционного уклада? Во-первых, длительное сохранение соседских общинных отношений и коллективной собственности, а также большой семьи. Во-вторых, слабое и позднее развитие эксплуататорских классов и отношений, крепостничества, феодализма и рабовладельческого строя, государственного аппарата. В-третьих, слабое развитие рационализма и техник господства над природой и человеком, производных отраслей нематериальной

³⁷⁴ Источник: Müller J., Seregély T., Becker C., Christensen A.-M., Fuchs M., Kroll H., Mischka D., Schüssler U. A Revision of Corded Ware Settlement Pattern — New Results from the Central European Low Mountain Range // Proceedings of the Prehistoric Society. 2009. № 75. P. 125–142. Оригинальное название рисунка: «Распространение шнуровой керамики в Европе (2800–2200 до н. э.). 1 — Ваттендорф — Мотценштайн. 2 — ареал альпийских поселений шнуровой керамики».

³⁷⁵ Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева // Хрестоматия по истории СССР. Т. I / сост. В. Лебедев и др. М., 1940. Цит.: URL: <https://history.wikireading.ru/300188> (дата обращения: 03.09.2023).

культуры, а иногда и их отсутствие. В-четвёртых, склонность к этнической гомогенности общества, слабое развитие межнационального угнетения. В-пятых, экстенсивные модели хозяйства, захват и освоение новых территорий, например подсечное земледелие, которое носители шнуровых культур заимствовали у соседей и предшественников. В-шестых, отсутствие мегалитизма, преобладание деревянного строительства временных построек.

Все эти черты сохранились не только в период праславянской общности II–I тыс. до н. э., но и после расселения славян в VI–VII вв. н. э., став основой восточноевропейского типа человека. Дольше всего и в наиболее полном объёме они сохранялись в восточнославянском общественно-экономическом и политическом строе Древней Руси до XV века, а некоторые из них и до XX века.

Разделение балтославянской и индоиранской степной цивилизаций и их различные судьбы и типы человека

В лице степных иранцев и славян перед нами две разные судьбы когда-то одного человеческого типа, одна из которых, поначалу славная, завершилась трагично, а вторая, малозаметная и трудная, продолжает свой путь в качестве отдельной цивилизации. Степные иранцы составляли в разные эпохи значительную часть населения Восточной Европы и Евразии. Вместе с тем степные иранцы изначально не являются восточными европейцами, хотя похожи на них. Некоторые из них также контактировали с предками славян и балтов в Поднепровье и правобережье Днепра в последующие времена. По многим военным и хозяйственным параметрам скифы превосходили современную им славянскую цивилизацию: по политической и военной мощи, транзитной торговле, владению стадами лошадей, качеству оружия, ремёслам, мобильности, строительству гигантских оборонительных систем (скифских валов и городищ), которых не было у славян.

По всей видимости, окончательное разделение славян и индоиранцев происходило около 3200–2800 до н. э., хотя началось оно значительно ранее при расселении части представителей восточноиндоевропейского массива в западном направлении в V тысячелетии между Средней Волгой и Средним Доном. Предки славян и степных индоиранцев уже в III тыс. до н. э. — это разные цивилизации. В конце II и в I тыс. н. э. славяне и балты оказались на лесной и лесостепной периферии иранского мира Евразии, между скифами и западными народами, кельтами и германцами. При переходе культур шнуровой керамики и боевых топоров к жизни в лесной зоне и земледелию мы видим разрыв восточных европейцев с иранской и индоиранской ветвями индоевропейцев (позднее это киммерийцы, скифы, сарматы, аланы), оставшимися в степной зоне и сохранившими изначальноный образ жизни степных кочевых скотоводов. Особенностью иранских степных культур является преобладание скотоводства.

К раннему индоиранскому массиву, оставшемуся на прародине после разделения с ушедшими на запад предками носителей общности культур шнуровой керамики, во II тыс. до н. э. относятся культуры Синташта (с известным памят-

ником Аркаим), Абашево, Андроново, Афанасьево, срубная, катакомбная, уже не имеющие отношения к истории славян и балтов.

Из индоиранских культур в ранний период наиболее близкой географически к восточноевропейской цивилизации своего времени (II тыс. до н. э.) была срубная культура как следствие миграции степных индоиранцев с индоевропейской прародины на запад, в Причерноморье, по евразийскому степному коридору, из которого они вытеснили остатки предшествующего западного массива. Сам характер жилищ (срубы-землянки) сближает срубную культуру с восточноевропейскими культурами с их избами. Культура Синташта — результат миграции степных индоиранцев в восточном направлении, в Зауралье и Сибирь.

Андроновская культура представляет собой промежуточный ареал между собственно иранским (иранская цивилизация в Центральной Азии) и восточноевропейским населением, включающий поселения в процессе миграции индоариев из Приуралья в Среднюю Азию и далее на юг.

В итоге разделения и разных образов жизни славянская цивилизация и иранская (или индоиранская, в лице срубной культуры, если иметь в виду о полных автохтонах Причерноморья, которые не успели приобрести чисто иранские черты в Центральной Азии) доскифская и скифская цивилизации стали разными, несмотря на некоторую локальную интеграцию балтославянского и скифского миров в IV–II вв. н. э. на Среднем Днепре, Буге и Днестре. На северо-западе скифского ареала, на территории современной Подолии, возможно, часть славянских племён подчинялась скифскому государству. Скифам подчинялись и балтские племена, относившиеся к восточноевропейской цивилизации, на левом и правом берегах Днепра в Среднем Поднепровье. Восточнее, в бассейне Дона и Оки, возникли так называемые скифоидные культуры, которые охватывали восточноевропейское финноязычное население, имеющее сходные черты со славянами и балтами. Влияние скифов, судя по гидронимам скифского происхождения, распространялось по бассейнам трёх крупных рек, названия которых восходят к скифам, — Днепра, Днестра и Дона.

Вместе с тем смешение Скифии и славянства является грубой ошибкой, которая, увы, часто встречается в нашей исторической и цивилизационной публицистике (в опоре на блоковское «Да, скифы — мы!»). Славяне и скифы — разные миры, хотя часть славян и балтов подчинялась скифам и была отмечена как «скифы-землепашцы». Может быть, это были подчинённые скифам славяне и балты или скифы, перешедшие к земледелию вместе со соседями.

В Причерноморье I тыс. до н. э. степные иранцы представляют Евразию того времени, восточноиндоевропейский массив сатем, в отношениях с Западом в лице греческого мира и других народов палеобалканской группы (геты, фракийцы). Когда в Причерноморье в античный период греческие города-государства контактировали со скифами или сарматами, это были уже две разные цивилизации общего происхождения, несколько тысячелетий развивающиеся весьма различными путями. Разница была ощутимой: с одной стороны, кадастровая система учёта и частного владения небольшими скученными участками земли, с другой — царство конного войска и степи. С одной стороны — по-

лисы, с другой — степные государства с полукочевой периферией. С одной — демократия, с другой — традиционные царские роды. Колониальный Запад, создававший города-колонии, — с одной, и Восточная Европа, переходящая в Евразию, и наоборот, — с другой. Здесь мы видим яркие крайности. В зоне цивилизационного контакта на Чёрном море различия скифского востока и греческого запада в V в. до н. э. очень заметны, и скифы явно ближе к славянству, как мы его понимаем. Здесь скорее проявляются различия западных и восточных индоевропейцев в целом.

Попытка объединить степных индоиранцев и балтославян в истории Восточной Европы была предпринята лингвистом Н. О. Трубочёвым в вопросе о причерноморских индоариях как части когда-то единого восточноиндоевропейского массива³⁷⁶. Это связано с ошибочной теорией балканско-дунайской прародины славян, которую развивал Трубочёв. В контексте этой теории причерноморские индоиранцы являются предками славян и связаны с населением Нижнего и Среднего Дуная. Однако единство славян и индоиранцев может быть верным только применительно к очень ранней эпохе (V тыс. до н. э.) и не по отношению к Причерноморью, доступ к которому перекрыли предки западных народов, а к более восточным территориям Средний Дон — Волга — Каспий. Наличие же следов в Причерноморье в I тыс. до н. э. связано с более поздним иранским населением, также имевшим архаичные индоиранские черты, общие для степной иранской цивилизации на всех её этапах.

Следует отметить историческую тупиковость цивилизации степных индоиранцев в силу именно её традиционной степной и животноводческой ниши, характерной для самых ранних индоевропейцев, непосредственными наследниками которых они и являлись в зоне индоевропейской прародины. Иначе говоря, изначальный индоевропейский тип в чистом виде был тупиковым. Степные иранцы стали наследниками панъевразийской системы коммуникаций от Балкан до Средней Азии и Алтая, созданной ранними индоевропейцами ещё в V тыс. до н. э. Они были обладателями очень выгодного, но опасного и ненадёжного наследства, которое можно было сохранить, только опираясь на силу. Скифская скотоводческая, завоевательная и подвижная, городская ниша неустойчива в условиях степных коридоров. Положение индоиранского мира в степном коридоре Евразии оказалось нестабильным и опасным, рано или поздно оно должно было привести к его вытеснению и гибели. Из этой ниши они могли быть легко вытеснены более сильным и динамичным противником, что и произошло в эпоху Великого переселения народов, когда в неё пришли тюркские народы в I тыс. н. э. после смены друг друга несколькими волнами индоиранских и иранских народов. Ни одному из них, включая и скифов, не удалось создать на базе первоначального индоевропейского типа стабильной растущей цивилизации, способной противостоять другим таким же типам. Во второй половине I тыс. н. э. степные индоиранцы в лице алан исчезли с исторической арены Северной Евразии, уйдя в горы Кавказа, уступив место тюркам. А славяне остались, и их зона обитания стремительно расширялась, периодически входя в евразийский степной коридор.

³⁷⁶ Трубочёв Н. О. *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.: Наука, 1999. 318 с.

И более того, уже в рамках Русского царства славяне вытеснили тюрков из степей, заняв степную нишу ранних индоевропейцев и вернув некоторые архаичные черты их жизни, добавив и славянской архаики (казачество). Славяне стали наследниками Скифии, но уже в рамках собственной мощной цивилизации. Причина большей прочности и сохранения славянской цивилизации при всей её простоте кроется в её географической природе. Она создаёт свою лесную нишу, малопригодную для других народов, и соответствующий тип человека. Славяне, оставаясь незаметными на театре мировой истории осевого времени, не имея даже имени у западных знатоков географии, в отличие от блистательных скифов, постепенно заселяли Восточную Европу.

2.7. Праславянский период и праславянский язык. Прародина славянства (II тыс. до н. э. — 500 г. н. э.)

...Но по существу они неплохие люди и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы.

Проконий Кесарийский. Война с готами

Праславянский язык и схема языковой истории Восточной Европы

Во второй половине II тыс. до н. э. из части племён культур шнуровой керамики, находящихся к северу от Карпат, сложилась праславянская общность — форма первоначальной славянской народности или группы народностей. Возник общий праславянский язык и специфическая форма славянской культуры. По мнению Х. Бирнбаума, подытожившего результаты славистики XX века, важнейшим фактом языковой истории славянства является существование единого праславянского языка до 500 г. н. э.: «...Представляется, что славянская область до 500 года была поразительно однородной в лингвистическом отношении. Это можно объяснить лишь предположением того, что незадолго до этой даты (приблизительно до IV в. н. э.) славяне обитали на относительно небольшой территории, внутри которой связи и передвижения населения между различными племенами были частыми и лёгкими»³⁷⁷. Это может быть территория между Западным Бугом и Одером плюс-минус двести километров. Х. Бирнбаум разделял вывод большинства историков (в частности В. В. Седова, М. Гимбутас) о прародине славянства к северу от Карпат, от бассейна Одера до бассейна Среднего Днепра (точнее бассейна Припяти). Временные рамки праславянского языка оцениваются в границах 1500 г. до н. э. — 500 г. н. э., хотя в действительности праславянские диалекты шнуровых культур могут быть отодвинуты в глубину до 3000 г. до н. э.

³⁷⁷ Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1986. С. 244. См. о периодах праславянского языка: Шапошников С. М. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 6.

Выделим основные этапы формирования языков Восточной Европы и славян:

1. Протобореальный язык Северной Евразии или её западной части (под вопросом: 40 тыс. лет назад — 10 тыс. лет назад; см. выше)³⁷⁸.

2. Праиндоевропейский — раннеиндоевропейский язык (язык PIE или РИЕ) в регионе Волга–Дон–Урал (VIII–VI тыс. до н. э.)³⁷⁹.

3. Разделение языка PIE на языковые общности кентум и сатем (VI–V тыс. до н. э., после разделения массивов R1b и R1a?).

4. Разделение языка общности сатем на протоиндоиранский и протобалтославянский, а кентум — на палеобалканский и пракеельто-романо-германский (V–IV тыс. до н. э.).

5. Языки общности шнуровой керамики — средней, балтославянской части этой общности; протобалтославянский язык (V — середина II тыс. до н. э.).

6. Разделение на прабалтийский (восток) и праславянский (запад) языки (начало — середина II тыс. до н. э.).

7. Праславянский язык (примерно 1500 г. до н. э. — 500 г. н. э.), включая три его периода. С. М. Шапошников в Этимологическом словаре русского языка делит прославянский период на раннепраславянский период (между 1500 и 600 гг. до н. э.), средний праславянский период (между 600 г. до н. э. и 200 г. н. э.) и поздний праславянский период распада на множество дочерних языков (между 200 и 600 гг. н. э.)³⁸⁰.

8. Частичное сохранение праславянского языка, его ядра в 500–800 гг. н. э. в ходе расселения славян и образования славянских диалектов.

9. Образование старославянского языка из праславянского языка (IX–XI вв. н. э.) — богослужебного языка кирилло-мефодиевской письменности.

10. Образование национальных славянских языков — языков славянских народностей и затем наций (примерно 1000–1900 гг. н. э.).

Кроме славянских и балтских языков, в Восточной Европе шло формирование языков народов других языковых групп, которые позднее стали субъектами восточноевропейской цивилизации: финских (финские народы), угорских (венгры, ханты, манси), романских (румыны и молдаване).

На этапах 5–7 происходило исчезновение языков народов палеоевропейской группы (носителей комплексов палеоевропейских рас), которые почти полностью исчезли к началу I тыс. н. э., сменившись прославянскими, пробалтскими и профинскими языками. В настоящее время их язык неизвестен, остались лишь гидронимы и топонимы.

³⁷⁸ См.: *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Цит.: URL: <http://www.bookshare.net/index.php?author=andreev-nd&book=1986&category=linguistics&id1=4> (дата обращения: 03.09.2023).

³⁷⁹ Авторы концепции праиндоевропейского языка: Ф. де Соссюр, А. Мейе, Э. Бенвенист.

³⁸⁰ *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции... С. 23–24.

Балтославянская проблема: соотношение праславянского и пробалтского языков и наличие общего пробалтославянского языка

К началу Великого переселения народов восточноевропейская цивилизация была представлена двумя основными народностями — славянами и балтами, которые имели общее происхождение от центральной группы культур шнуровой керамики, которые сохранили преемственность языка и культуры. Но каково было соотношение и когда наступило разделение? Значение балтославянской проблемы в лингвистике — отношения в древности славянского и балтского языков (или диалектов, в зависимости от подхода) — для концепции славянской восточноевропейской цивилизации состоит в том, что в процессе её решения в том или ином варианте обосновывается наличие древней восточноевропейской общности с единой культурой на огромной территории, которая включает не только славянскую прародину, но и более обширные земли проживания балтов.

На территории Южной и Центральной Польши, Западной Белоруссии и Северо-Западной Украины (Волини, Западного Подолья и Северной Галиции) образовалась праславянская общность. Огромные территории к северу и востоку от праславянской общности: побережье Балтики, Среднее и Верхнее Поднепровье, запад Верхней Волги, Приильменье были освоены балтами. Балты занимали большую часть территории балтославянского ареала, на славян приходилась меньшая часть. В ходе последующей истории Восточной Европы происходило включение балтов в славянский мир с ассимиляцией большей части балтских народов русскими и поляками (также немцами в Восточной Пруссии). В настоящее время сохранились два балтских народа: литовцы (включая жемайтов как литовский субэтнос) и латыши (включая субэтнос латгалов).

Восточная граница балтов проходила не западнее линии Ярославль — Москва — Тула — Курск. Южный предел достигал юго-восточных границ Киевской области Украины (носители зарубинецкой культуры). «В результате можно считать общепринятым, что максимальное распространение гидронимов балтского происхождения на севере и востоке ограничивается приблизительно линией: северная граница Латвии — Псков — Торопец — Тверь — Москва — Калуга — Орёл — Курск — Чернобыль»³⁸¹, — констатирует В. В. Напольских границу индоевропейских языков восточноевропейской балто-славянской группы. Однако есть мнение, что балты достигали Нижней Оки и даже Средней Волги. Восточнее линии Ярославль — Москва — Тула — Курск балтские народы к моменту славянской колонизации не проживали, там располагались финские этносы. Ассимиляция балтов затянулась до конца XIII века. Балтская народность и государственное образование голядь существовали в юго-западном Подмосковье ещё в середине XIII в. — с ними воевали, и не очень успешно, московские князья: «И Михаиле Ярославичъ московский убьенъ бысть от Литвы на Поротве»³⁸². В Восточной

³⁸¹ *Напольских В.* Ранний железный век в Европейской России [Электронный ресурс] // 2007. URL: https://www.academia.edu/4940513/Ранний_железный_век_Европейской_России_2007 (дата обращения: 14.09.2023).

³⁸² ПСРЛ. 1925. С. 38.

Пруссии с балтами воевал Тевтонский орден. До миграции славян на восток в раннем Средневековье, а возможно и параллельно с ней, с запада на восток, в центральные регионы России, Верхнюю Волгу, Поочье, Подесенье, вероятно, мигрировали и балты. В XIV веке литовцы создали огромную восточноевропейскую балтославянскую империю Великого княжества Литовского, наследницами которой стали Речь Посполитая и Российская империя.

Рис. 12. Славяне (слева) и среднеднепровские балты (справа) на рубеже новой эры: пшеворская и зарубинецкая культуры (источник, Б. А. Рыбаков относит зарубинецкую культуру и её территорию не к балтам, а к славянам)³⁸³

Балтские языки оказались важнейшим подспорьем в решении научных проблем истории славянства, а именно реконструкции праславянского языка. «И в этом смысле слависты оказались в благоприятной ситуации: на реконструируемый славянский язык падает исключительно яркий свет балтийских языков... Едва ли можно найти среди всех индоевропейских языков две другие группы со столь значительным сходством. Считается, что различия между славянскими и балтийскими языками не больше различий внутри германской языковой семьи... Многие черты сходства между ними — не столько результат общего протоязыкового наследства, сколько следствие действий весьма схожих тенденций, результат параллельного и независимого развития»³⁸⁴. То, что прабалтосла-

³⁸³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 47. Цит.: URL: https://royallib.com/read/ribakov_boris/yazichestvo_drevnih_slavyan.html#932333 (дата обращения: 03.09.2023). Отнесение территории и носителей зарубинецкой культуры преимущественно к балтам практически доказано, поскольку она связывается с днепровскими балтами (В. В. Седов). Однако её носителями могли быть и славяне на западе зарубинецкого ареала. Прежде всего в Подолии, на Вольни, Буковине.

³⁸⁴ Журавлёв В. К. Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // Бирнбаум Х. Праславянский язык. М.: Прогресс, 1986. С. 455–456.

вянский язык как основа восточноевропейской культуры охватывал две разные национальные ветви, говорит в пользу раннего становления цивилизации, её межэтническом характере.

Вот как описывала восточноевропейский ареал первого тысячелетия до н. э. М. Гимбутас: «Балтийские земли покрывают огромную территорию лесистой части Европы. И археологические и лингвистические данные показывают различия отдельных частей балтийской области. В то же время прото-славяне селились более компактно, и у них следы культурных и лингвистических расхождений менее заметны, а значит и сами расхождения менее значительны. Славянские языки гораздо ближе друг к другу, чем к балтийским языкам, несмотря на обширные миграции, происходившие в VI–VII веках до нашей эры»³⁸⁵.

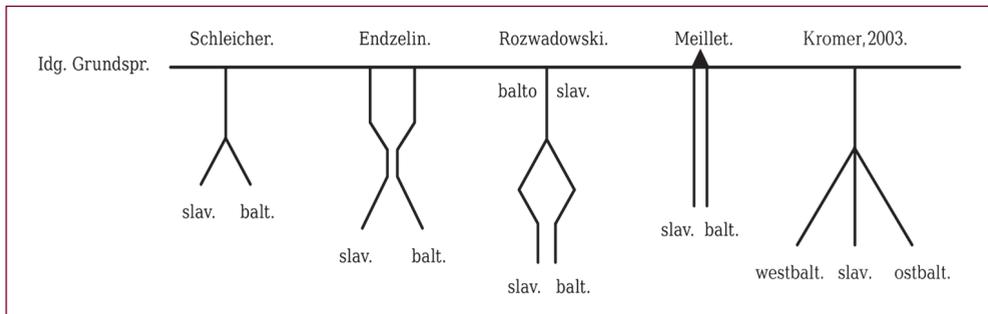

Рис. 13. Варианты решения балтославянской проблемы различными авторами (Шлейхер, Эндзелин, Розвадовский, Мейе, Кромер и др.)³⁸⁶

Т. А. Изотов так сформулировал основные подходы к балто-славянской проблеме: «Еще в XIX веке на соотношение праславянской и прабалтийской языковой систем с праиндоевропейской сложилось две основных кардинально противоположных точки зрения лингвистов, каждая из которых в XX веке обрела много сторонников и, соответственно, противников (см. Рис. 13):

1) Общий пробалтославянский язык. Теория, идущая от Шлейхера (1871) — утверждает существование балто-славянского праязыка. В соответствии со своей теорией родословного древа, Шлейхер считал, что вначале от индоевропейского отделилась большая славяно-балто-германская ветвь, которая затем разделилась на германскую и балто-славянскую. Странниками этой теории являются также такие учёные, как Траутманн (создавший единственный до настоящего времени словарь, в котором собраны балто-славянские лексические соответствия (1923)), Вайян, Лойманн, Георгиев, Отрембский, Семереньи, Откупщиков.

2) Балты и славяне — отдельные линии этногенеза. Теория, идущая от А. Мейе (1908) — праславянская система выводится напрямую из индоевропейской, отрицается существование балто-славянского единства, предполагается, что прабалтийская система — параллельное праславянскому ответвление от праиндоевропейской системы (наряду с прагерманской, прароманской и пр.). При этом Мейе считает, что праславянская и прабалтийская системы возникли

³⁸⁵ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна...

³⁸⁶ Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции...

из довольно схожих индоевропейских диалектов и развивались параллельно, находясь в тесном контакте. Эту точку зрения разделял и Бодуэн-де-Куртене, а также Трубачёв, Бернштейн, Салис, Зенн, Климас, Метьюс, Порциг, Сафаревич, Френкель»³⁸⁷. Учитывая обоснованную Д. Энтони гипотезу этногенеза славян и балтов на Среднем Днепре в едином очаге, теория А. Мейе представляется маловероятной.

Есть и точки зрения, не укладывающиеся в теории единства — параллельности: Розвадовского (общности — разделения — нового сближения), Эндзеллина (изначального разделения — сближения — позднего разделения), Иванова — Топорова (отделения славянского от балтского). Как бы ни была решена проблема соотношения истории балтов и славян, практически любой вариант решения балтославянской проблемы говорит в пользу утвердительного отношения к концепции большой восточноевропейской цивилизации уже на ранних этапах истории.

Вызревание восточноевропейской цивилизации в скрытой стадии «в себе»

Славянское и балтское (восточноевропейское) население связывается со следующими культурами: тшинецкая культура (XIX–X вв. до н. э.), чернолесская (IX–VII вв. н. э.), милоградская (балты), лужицкая культура (XII–IV вв. до н. э.), подклошевых погребений (V–IV вв. до н. э.), пшеворская (II в. до н. э. — IV в. н. э.), зарубинецкая (II до н. э. — II в. н. э.) и др. Праславянские культуры делятся примерно на два периода: 1) II тыс. (тшинецкая культура) и 2) I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Если первый период — это внутренняя стадия созревания Восточной Европы, то во втором периоде заметно влияние западных культур — кельтской, а затем римской провинциальной. «Культура подкешовых погребений соответствует первому периоду истории праславянского языка»³⁸⁸, — писал В. В. Седов, опираясь на теорию средневропейской общности Г. Краэ (см. Рис. 15).

Учитывая, что время отделения славян от западных индоевропейцев (предков кельтов, германцев) отодвигается в глубокую древность, то и первый период праславянского языка может быть отнесён к более ранним культурам, например к тшинецкой (теория Ю. Костщевского). С ней полемизировали сторонники средневропейской общности, в которой славяне и балты были слиты с романо-германцами. Но, скорее всего, в средневропейскую общность III–II тыс. до н. э. не входили даже и германцы, а только кельты и италики. Теория единой средневропейской общности II тыс. до н. э., опровергаемая данными популяционной генетики, не соответствует и взглядам на особую славянскую восточноевропей-

³⁸⁷ *Изотов А. И.* Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении. Цит.: URL: http://istina.msu.ru/media/publications/books/645/99d/1482066/staroslav_komp.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

³⁸⁸ *Седов В. В.* Славяне в древности. Цит.: URL: <https://arheologija.ru/sedov-slavyane-v-drevnosti/> (дата обращения: 03.09.2023).

скую цивилизацию, поскольку она не позволяет понять древность и особенности происхождения антропологического типа славян, балтов и других народов ВЕ по сравнению с западными народами. Взгляды на общеевропейское происхождение славян и балтов продиктованы мировоззрением западнизма, который исходит из несостоятельного постулата о единой европейской истории.

Каков был ареал славянской прародины? «Ранние исторические источники совпадают с лингвистическими и археологическими сведениями, согласно которым территория расселения славян устанавливается между бассейнами Вислы и Среднего Днепра», — определяла территорию прародины М. Гимбутас³⁸⁹. Другую точку зрения на границы прародины выразил В. В. Седов, который определял её западнее, начиная с Волыни и Подолии (Хмельницкая область Украины), а Среднее Поднепровье считал заселённым балтами. Славяне там появились после начала расселения в VI веке н. э. (см. Рис. 13).

Из-за изоляции другими народами и слабого влияния на ход истории славяне практически не были известны в развитых центрах западной цивилизации, расположенных в Средиземноморье. Они как народ не представляли интереса для греков и римлян и поэтому не попадали в их письменные источники. Славяне, пожалуй, всерьёз заинтересовали греков, когда в VII в. н. э. уже наводнили Балканский полуостров и стали заселять сельскую округу византийских городов. «Первым название “словены” употребил Птолемей (100–178 годы нашей эры),

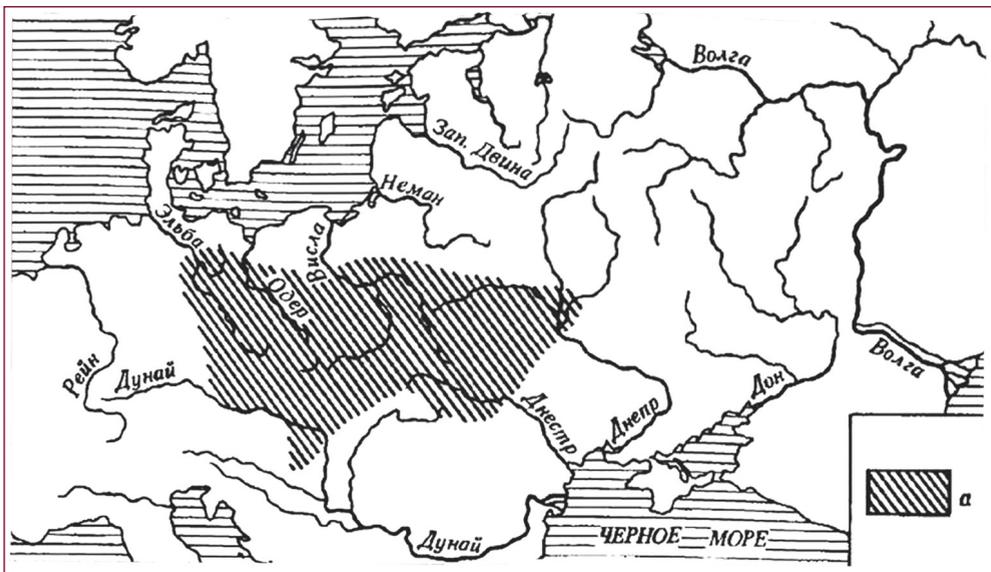

Рис. 14. Первоначальный ареал расселения славян («часть славянского мира») в V–VII вв. (перед экспансией) после первичного расширения территории за пределы славянской прародины³⁹⁰

³⁸⁹ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна...

³⁹⁰ Рыбаков Б. А. (ред.) Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1993. С. 8. Цит.: URL: https://historylib.org/historybooks/pod-red--B-A--Rybakova_Slavyane-i-ikh-sosedi-v-kontse-I-tysyacheletiya-do-n-e---pervoy-polovine-I-tysyacheletiya-n-e-/1 (дата обращения: 02.02.2023).

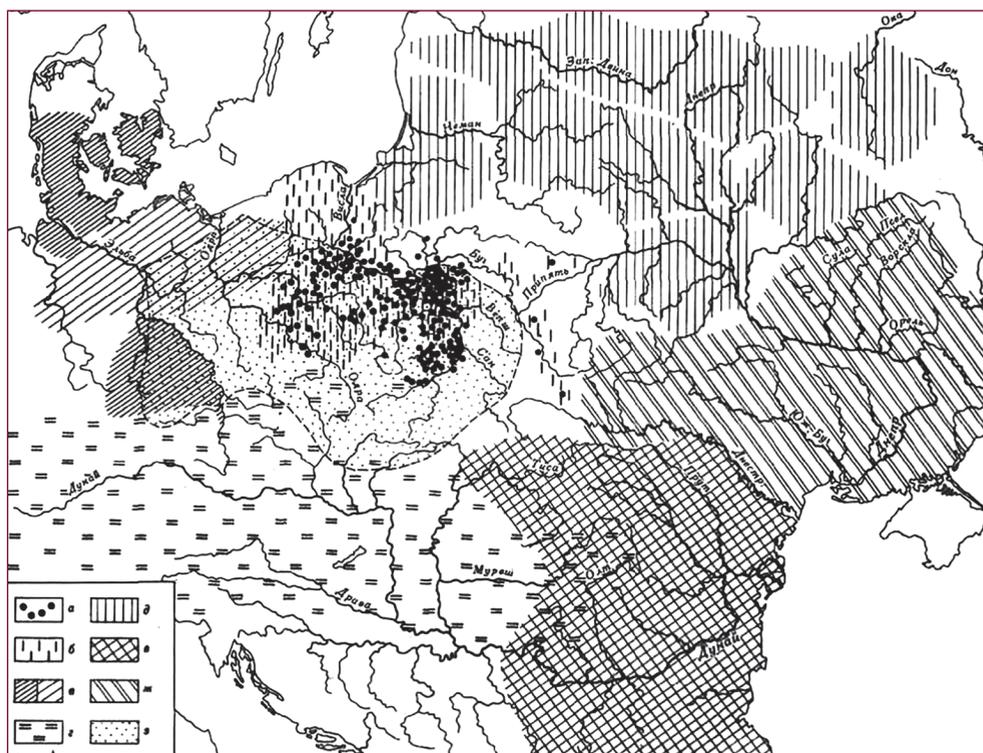

Рис. 15. Концентрация раннеславянских памятников (точки — «памятники культуры подклошевых погребений») (Средняя Европа около 400 г. до н. э.)³⁹¹

причем написал его как «soubenoi». Поясняя переогласовку, К. Мощинский пишет, что труднопроизносимый для грека твердый звук Л стал звучать как краткое и, в то время как сочетание ou заменяло звук У и b произносилось как v³⁹². «Птолемей практически ничего не пишет о славянах, но само их упоминание примечательно. Согласно его точке зрения, вся северная часть Скифии до неисследованных земель на севере и Имаоса (Уральских гор) была населена скифами (сарматами), аланами, словенами и аварами. Он довольно точен, поскольку Скифией в античные времена называли всю территорию, расположенную к северу от Черного моря»³⁹³. «После Птолемея название “славяне” почти на четыреста лет исчезает из исторических сочинений... Только в VI веке византийский историк Прокопий Кесарийский упоминает о “скловенах” в труде “Война с готами” (536–537). Прокопий пишет, что их племена захватили район Нижнего Дуная. Таким образом получается, что “скловены” были самыми ранними южными славянами, зафиксированными историками»³⁹⁴.

Отсутствие надёжных древнегреческих и древнеримских источников о славянах дало основание для утверждений некоторыми историками в рамках пост-

³⁹¹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. С. 50.

³⁹² Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна... (со ссылкой на К. Мощинского).

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

модернистского влияния о том, что славян как народа до V в. н. э. вообще не было и они только начали формироваться из после скифского конгломерата, оформившись уже в культуре Прага-Корчак с VI в. н. э. В данном случае они мыслили по принципу: «нет названия — нет предмета». Однако наличие праславянского (общеславянского) языка, о котором говорят слависты, территории, многочисленного славянского населения, способного захватывать обширные территории, своеобразного уклада жизни свидетельствует в пользу того, что славяне не могли так быстро сформироваться в эпоху Великого переселения народов, вдруг явившись ниоткуда.

Древние славянские культуры не были примечательными не только для древнегреческих и древнеримских авторов или путешественников, которые могли что-то узнать о древних славянах, но и для учёных Европы Нового времени. Простота и лаконичность ранних славянских культур, согласно М. Гимбутас, привели к тому, что «археологи XIX и начала XX веков прежде всего интересовались находками эффектных скифских фигурок животных, иногда изготавливавшихся из золота и обнаруживаемых в погребениях к северу от Черного моря или в Центральной Европе, приписывая их протославянам. Невзрачные археологические находки, сохранившиеся от мигрировавших фермеров и скотоводов, которые не строили ни домов, ни храмов из камня или глины и не создали примечательного стиля в искусстве, не привлекли их внимания и не стимулировали национальную гордость»³⁹⁵.

Традиционный уклад Восточной Европы и отличие от соседних западных народов: общинная система производства

Около 2000 г. до н. э. мы видим в Европе два крайних типа индоевропейцев, между которыми начали постепенно нарастать различия. Черты индоевропейцев на западе приобрели гипертрофированный характер — стремление к власти и господству, техническому преобразованию среды и государственному строительству стали неуклонно развиваться. Западный вариант прослеживается как в южных государствах и народах, так и в археологических культурах Латен, Гальштат, представляющих собой северные, кельтские варианты западной цивилизации, в свою очередь использующие греческие и затем римские заимствования. Технические новинки и экспансия идут с Запада на Восток — из Центральной Европы в бассейны Вислы и Днепра. Наоборот, на Востоке законсервировался изначальный тип, трансформированный шнуровыми культурами (оседлое скотоводство) с добавлением консервативных земледельческих черт. В I тыс. до н. э. мы имеем уже две разные Европы.

Каковы различия и особенности в социально-экономических укладах Востока и Запада (в широком цивилизационном смысле) Европы? Люди Запада, как Прокопий Кесарийский, видели существенные отличия славянского типа человека: «... племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них все выгодные и невыгодные дела ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, всё у тех и у других, и уста-

³⁹⁵ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна... (со ссылкой на К. Мошинского).

новлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — творец молний — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у их ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войне, они дают обет если избегнут её, тотчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав смерти, жертвуют, что обещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение»³⁹⁶. В религии славян существенными чертами, согласно Прокопию Кесарийскому, было явное главенство основного бога пантеона, что было присуще большинству европейских языческих народов, и второе более важное свойство — отсутствие веры в предопределение — безличную объективную силу судьбы, что было связано с активным участием в управлении делами общины.

На Востоке Европы мы видим преобладание общинного уклада (при господствующих родах), «народовластие» (по П. Кесарийскому), на Западе — господство личных институтов власти: царей, трибунов, тиранов, аристократии. На Востоке — общинная собственность на землю, отсутствие развитого и широко распространённого института частной собственности. На Западе — развитые системы частного владения, вплоть до кадастра. На Западе — высокая интенсивность и производительность труда, на Востоке — экстенсивность, освоение новых территорий, дискретность труда. На Востоке вплоть до XX века сохранилась большая семья, известная в виде балканской задруги или большой семьи в Белоруссии. Важно понять и то, что общинный характер управления и разделения ответственности между членами общины был не принудительным коллективизмом, а добровольным: Прокопий Кесарийский писал о «выгодных и невыгодных» делах, то есть о целостном общинном управлении.

В материальном укладе жизни представителю ромеев бросались в глаза простота и временность жилищ (землянки), а также лёгкость перемены мест жизни, «рассеянная» система поселений и большие пространства («неимоверно большую землю»), занятые славянами «по другому берегу Истра». Специфика оседлого хозяйства, характер освоения пространства без скученности и жёстких границ, как на Западе (с его частной собственностью), а также склонность к своеобразному «имперскому», интегрирующему большие территории и общности образу жизни, представляют собой единое целое, которые можно определить как суммарный хозяйственный этос славянства, или как его месторазвитие, по П. Савицкому.

Славяне и германцы к моменту входа в историческое время: община или усадьбы частных собственников

К моменту расселения славянства в середине I тыс. до н. э. славяне и их соседи германцы, проживавшие в похожих географических и политических условиях, подошли с разными системами собственности и хозяйства. Славяне

³⁹⁶ Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева // Хрестоматия по истории СССР. Т. I / сост. В. Лебедев и др. М., 1940. Цит.: URL: <https://history.wikireading.ru/300188> (дата обращения: 03.09.2023).

в целом сохраняли общинную систему, у восточных славян она в дальнейшем даже упрочилась и существовала до 1917 года, а затем до распада советских колхозов в 1991 году.

Говоря о связи социализма и общинного строя, важно упомянуть, что первым решением советской власти во главе с В. И. Лениным после переворота в октябре 1917 года, положившим начало новой форме восточноевропейской цивилизации, было обобществление земли и запрет частной (но не личной) собственности на землю (Декрет о земле). Цивилизационный смысл этого документа и всех предшествующих ему построений народников, марксистов, славянофилов и иных направлений по аграрному вопросу не всегда понятен. Он даже воспринимается как якобы только конъюнктурное решение с целью переманить крестьянство на сторону большевиков. Слово «большевик», от имени которого провозглашался порядок общего владения землёй, также имело привлекательные коннотации для крестьянства, уходящие корнями в архаичный, но всё же обновлённый уклад: «большак» — глава большой семьи, хозяйственной и социальной единицы, с которым связывалась лично-коллективная идентичность и семейная собственность патриархального индоевропейского типа, — естественное индивидуалистическое дополнение общинного строя.

Чем вызвано различие типов общин и землепользования у славян и германцев? Я. Г. Риер³⁹⁷, проведя структурный анализ цивилизаций, пришёл к выводу, что германцы к моменту расселения уже не обладали единой общинной системой, а представляли особое объединение отдельных собственников, в отличие от славян. Приведём его рассуждение целиком:

«Генезис общины у германцев вызывает серьёзные, даже методологические споры. Ибо германское крестьянство вступило в средние века разделённым на усадьбы-домохозяйства. Такие усадьбы, причём порой с чётко очерченными полями, известны на германском побережье Северного моря уже в начале I тыс. н. э. Со II–III вв. в этом регионе на исследованных поселениях уже довольно чётко выделяются отдельные дворы, что свидетельствует о начале генезиса германской общины-марки... У скандинавов, насколько можно проследить в древности, индивид и его надел воспринимались как единое целое... Отсутствие внешних угроз в регионе также делало излишним сплочение в большие коллективы.

Хозяйственный опыт переносился на социальную практику. В процессе германских захватов римских провинций, при необходимости создавать территориальные организации на завоеванных землях, общины превращались в объединения самостоятельных хозяйственных субъектов, а большинство варваров к середине I тыс. н. э. становилось крестьянами, то есть от завоеваний перешло к освоению угодий... В результате возник новый феномен — работающий собственник... Это сыграло огромную роль в дальнейшем динамичном развитии западноевропейского общества, особенно с эпохи развитого средневековья, ибо

³⁹⁷ Риер Я. Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2003. 154 с. См. также: Риер Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилёв, 2000. 320 с.

ещё А. Смит заметил, что человек, не имеющий права приобретать собственность, заинтересован в том, чтобы работать как можно меньше, а есть — больше...

Выискивая дополнительные различия, обратим внимание на анализ застройки раннесредневековых поселений. Археологам известны деревни с усадебной застройкой и даже оградами в Северо-Западной Европе уже со второй трети I тыс. н. э. Причем каждая усадьба представляет собой самодостаточный хозяйственный комплекс (жилища, стойла для скота и иные хозяйственные постройки). Эти комплексы окружались пустошами, на которых в отдельных случаях удавалось проследить следы полей и оград между ними. Ограды отмечались и вокруг усадеб.

У ближайших восточных соседей германцев — славян — подобных усадебных комплексов вплоть до конца I тыс. н. э. не прослеживается. Наоборот, в хорошо исследованных деревнях (раскопанных большими площадями) явно выделяется совместное ведение хозяйства всеми соседями — большесемейной общиной. Никаких изгородей внутри таких деревень нет. Хозяйственные постройки располагались так, что их нельзя связать отдельными жилищами. И лишь размеры этих жилищ (6-9-12 м²) свидетельствовали, что в них жили малые семьи. Но хозяйствовались они в едином коллективе с соседями — очевидно родственниками...»³⁹⁸.

Итак, на грани перехода к цивилизации и входа в историческое время существуют две принципиально разные простейшие формы низовых групп общества: у германцев — аморфная община-марка с хозяйственно обособленными семьями, у славян — община как единый организм. Всё это вело к реальной гомогенности и единству общественной системы, отсутствию деления пространства на замкнутые ячейки.

*Цивилизационные войны Запада и Востока Европы в древности:
славяне против кельтов (археологический памятник
«Битва у Толлензе»)*

Уже в глубокой древности граница западных народов, кельтов и германцев со славянами и балтами, устанавливалась в ходе военных конфликтов, которые напоминают межцивилизационные войны. Постепенно она стала похожа на современную границу Польши и Германии по реке Одер, что говорит об устойчивости плюс-минус границы запада и востока Европы. Эти конфликты не утихали до середины XX века.

Во II тыс. до н. э. военная завоевательная активность прогерманцев получала отпор от вероятных предков восточных европейцев. Об этом свидетельствуют исследования места битвы в Толлензе, датированного 1250 г. до н. э. (2009–2015 гг., Мекленбург — Передняя Померания, ФРГ)³⁹⁹. Битва происходила

³⁹⁸ Риер Я. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. 2007. № 19–20. Цит.: URL: <https://studopedia.org/11-84115.html> (дата обращения: 03.09.2023).

³⁹⁹ См.: Jantzen D., Brinker U., Orschiedt J. et al. A Bronze Age battlefield? Weapons and trauma in the Tollense Valley, north-eastern Germany // *Antiquity*. 2011. № 85. P. 417–433.

Рис. 16. Этнические ареалы Европы (кельты, германцы, славяне) и битва в долине Толлензе 1250 г. до н. э. (автор карты — К. Куилес⁴⁰⁰. Оригинальное название — «Миграции в Европе 1250–750 до н. э.»). Праславянский ареал изображён жёлтым (лужицкая культура), кельтский — коричневым (поля погребальных урн), германский (нордик) — синим. Красная звёздочка на стыке синего и жёлтого — Толлензе

у существовавшего в ту эпоху моста и 120 метровой дамбы через реку (время постройки 1700 г. до н. э.), по дороге с запада на восток к устью Одера. К. Киле пишет о том, что сражение произошло на границе ареалов трёх культур: нордической (прагерманской), полей погребальных урн (кельтской) и протолужицкой

⁴⁰⁰ Quiles C. The Tollense Valley battlefield: the North European 'Trojan war' that hints to western Balto-Slavic origins. [электронный ресурс] // Indo-European.eu. 28.10.2018 // URL: <https://indo-european.eu/2017/10/the-tollense-valley-battlefield-the-north-european-trojan-war-that-hints-to-western-balto-slavic-origins/> (дата обращения: 30.01.2024).

(протославянской)⁴⁰¹. Значение данного характерного случая — лишь пример общего состояния отношений этих ареалов.

Наиболее развитым и мощным центром западной цивилизации в Европе были кельтские культуры долины Дуная и Рейна. Отсюда кельты совершали нашествия и захваты других регионов континента. По всей видимости, из этих регионов прибыли завоеватели и в регион Толлензе — Одера. Найдены останки не менее 130 человек, с учётом этого предполагаемое общее число погибших — 750, число участников с обеих сторон — до 4000 тыс. По данным анализа останков, большинство погибших имели не местное происхождение, а относились к Южной Германии (останки людей, употреблявших просо), соответствовавшей тогда кельтскому ареалу (просо было заимствовано славянами у кельтов позднее). Часть погибших — местное происхождение, то есть относилась к населению праславянского региона. В пользу этого говорят и золотые спирали, и бронзовые фибулы из Силезии, которых в регионе битвы не находили (Силезия — 200 км к юго-востоку). Со стороны пришельцев выступали профессиональные воины, которые к тому времени появились только в кельтском ареале.

Восточнее данного места в исследуемый период находилась праславянская лужицкая культура. Это была западная точка праславянского (или балтославянского) ареала, связывающая с прагерманским ареалом на северо-западе. «Вероятно, с учётом того, что незахороненными или брошенными в реку остались тела пришельцев с юго-запада, речь может идти об успешном отпоре местными жителями кельтской завоевательной операции... Выступал ли в роли противника военный отряд, предпринявший набег за добычей на север, но в пути перехваченный теми, кого они сами планировали застать врасплох, или, наоборот, местные уроженцы напали на торговый караван с юга — наверняка сказать нельзя. ... Как представляется, пришельцы с юга, кем бы они ни являлись — агрессорами или жертвами нападения грабителей, потерпели поражение. Победители, убив большое число своих противников, овладели полем сражения»⁴⁰².

2.8. Экспансия и расселение славян в эпоху Великого переселения народов (V–X вв. н. э.): цивилизационное значение. Славянизация всей Восточной Европы

Расселение славянства, долгосрочный кризис развитой античной цивилизации Запада и цивилизационные войны раннего Средневековья

Около 500 года н. э. заканчивается эпоха закрытости, когда славянство и Восточная Европа были «вещью в себе». Славяне выходят на арену миро-

⁴⁰¹ См.: Quiles C. The Tollense Valley battlefield: the North European ‘Trojan war’ that hints to western Balto-Slavic origins: [электронный ресурс] // indo-european.eu. 2017. № 10. URL: <https://indo-european.eu/2017/10/the-tollense-valley-battlefield-the-north-european-trojan-war-that-hints-to-western-balto-slavic-origins/> (дата обращения: 03.03.2020).

⁴⁰² Подобную версию см.: Козленко А. Древнейшая война. Первобытное поле битвы [Электронный ресурс]. URL: <http://warspot.ru/5521-pervobytnaya-voyna-drevneyshee-pole-bitvy> (дата обращения: 14.09.2023).

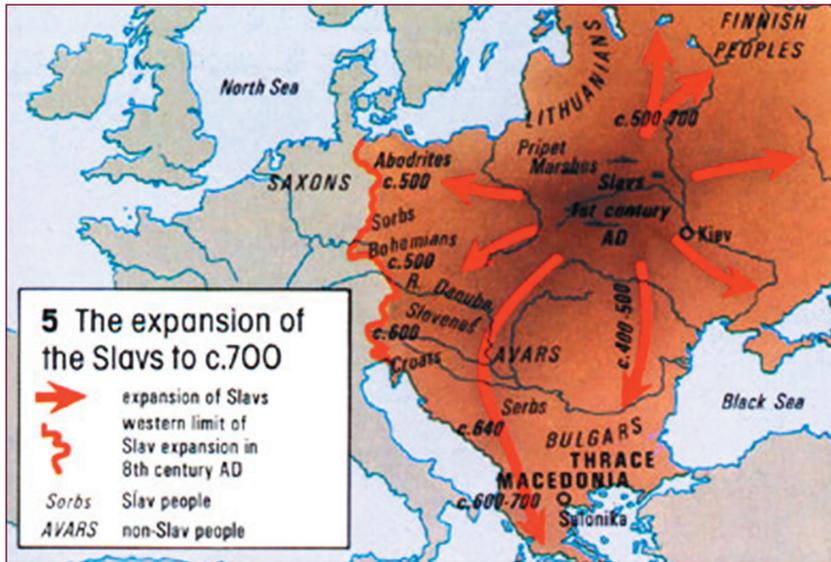

Рис. 17. Экспансия славян к 700 г. н.э.⁴⁰³

вой истории и увеличивают свою территорию не менее чем в десять раз. Что вызвало такой бурный взрыв? Хотя причины расселения славянства историки видят в неблагоприятном изменении климата и переизбытке населения или влиянии завоевателей и движения народов, но каковы бы ни были эти реалистические причины, они не способны определить ход, смысл и последствия этого исторического процесса. Славяне оказались на арене мировой истории с отсрочкой на 3 тысячелетия по сравнению с хеттами и предками древних греков.

Главными факторами, открывшими дорогу славянам, стали: 1) мощное движение народов Евразии на запад; 2) кризис западной цивилизации в её позднеантичной форме, возникновение внутренних расколов и конфликтов западных народов, вовлечение германских народов в центр исторических событий. Оба эти взаимосвязанные внешние факторы дали шанс славянству на возвышение и одновременно принудили его к смене своего прежнего положения. 3) Конечно же, главным было накопление славянами избыточного населения и пассионарной энергии, которые позволили им ответить на вызов эпохи и климата.

О кризисе античного Запада следует несколько слов сказать отдельно. Его обычно связывают с падением Западной Римской империи и затем всей античной греко-римской цивилизации. Начался он внутри развитого западного общества, как Греции, так и Рима, по внутренним, как духовным, личностным, так и социобиологическим причинам задолго до распада империи,

⁴⁰³ *Curta F. Archäologie beweist: Im siebten Jahrhundert siedelten keine Slawen in Mazedonien* [Электронный ресурс] // www.pinterest.fr/pin/gab-es-slaven-im-siebten-jahrhundert-in-mazedonien--679269556273875877/ (дата обращения: 30.01.2024).

ещё в III–IV вв. до н. э., и продолжился в Восточной Римской империи там, где она сохранилась. Ещё в более раннюю эпоху на пороге классического периода в VII–VI вв. в кризис традиционного строя вступили полисы Древней Греции. Многим из них удалось успешно пройти его и создать классическую греческую античную культуру, которая была ответом на кризис созданных завоевателями-индоевропейцами полисов. Это говорит о том, что он не был ситуативным кризисом социальной системы, а был длительным и постоянным антропологическим кризисом традиционного общества в его западном варианте, вызванным внутренними причинами роста. Этнотипы первого развитого варианта западной цивилизации переживали упадок, в который они вступили после достижения значительных результатов. Можно сказать, что это был кризис цивилизации как типа человека в том варианте, в котором он сложился в классической Древней Греции.

Бесспорно, кризис античной цивилизации Запада связан с ситуацией осевого времени, центр которого приходится на Рождество Христово. Человек нового типа, возникший в осевом времени, был поставлен перед выбором — принять или не принять христианство как вариант своего дальнейшего развития. Запад как тип человека вообще обречён на кризис именно в силу проблем с осевым временем их несовместимости с выбранным Западом путём. Цивилизационный кризис не обязательно ведёт к крушению: может затягиваться или даже вести к росту цивилизации при условии изменений формы. Принятие христианства не спасло Рим от разрушения старой формы цивилизации, а, наоборот, ускорило его. После распада единой Римской империи кризис Запада продолжался ещё несколько столетий. Он охватил и раннюю Византию, и кельтские общества Галлий, Британии, римские провинциальные культуры Европы, и эллинистический Ближний Восток, и находившиеся на периферии Запада восточноевропейские ираноязычные народы — скифов и сарматов. Большинство этих обширных этнокультурных регионов и их старых идентичностей вскоре исчезли под ударами новых сил. Рушился мир, создававшийся два тысячелетия — с 2000 г. до н. э. по рубеж новой эры.

Кризис античной формы греко-римской цивилизации — это кризис глобальной западной цивилизации, поскольку греко-римская цивилизация была глобальной и имела единый центр управления — Рим, хотя его власть простиралась на ограниченную часть мира, но которая идеологически воспринималась как всеобщая и замкнутая, как ойкумена. Но мы знаем, что она была меньшинством населения и экономики мира в начале новой эры. Не напоминает ли это современный Запад, считающий себя всеобщим? В результате кризиса античной греко-римской цивилизации и её прямого наследника в лице Византии (провал Византии обозначился уже в VII в. н. э.) на историческую арену вышли северные и южные «варварские» народы.

Лидерство германцев среди народов западной цивилизации в целом не случайно, как и его преемство античному Западу. Не случаен и кризис греко-римского Запада, разложившегося изнутри и под воздействием включения народов чуждого цивилизационного круга и их духовной культуры старого Востока и Старой доиндоевропейской Европы, влияние которой достигло максимума

в первые века новой эры, уничтожив старые культы индоевропейцев. В язычестве победила матриархальная и синкретическая восточная религия в разных вариантах. Если выразиться кратко: завоёванные греками и римлянами наследники земледельческих цивилизаций «разложили» завоевателей путём своего духовного воздействия, а более сильные северные индоевропейские «варвары» уже добились его в военном отношении. Большую роль в кризисе империи сыграло финансовое разложение путём внедрения денежной цивилизации (уклада), пришедшее в Рим с Ближнего Востока и требовавшее безмерного расширения, всё новых завоеваний и добычи.

Романская ветвь (кельтская и римская цивилизация, господствовавшие в Западной и Центральной Европе в I тыс. до н. э.) в первые века новой эры уступила лидерство германцам, которые вторглись в романский ареал, подчинив романизированные — кельтские народы — в Италии (готы, лангобарды), Северной Франции (франки), Британии (англы и саксы). Хотя романские народы сохранили свою роль в западной цивилизации, они уже не были лидерами цивилизационных процессов, за исключением некоторых крупных эпизодов: начала капитализма и Возрождения Северной Италии, во Франции, Бельгии, создания колониальной империи Испании и Португалии.

Греки и потомки палеобалканской ветви постепенно вообще сошли с мировой сцены. Несмотря на длительность существования Византии, её участь как прямой наследницы Рима была предрешена. В этом плане попытка идеологов русского византизма стать в буквальном смысле наследниками Второго Рима глубоко бесперспективна именно в силу его внутреннего кризиса, с которым он не мог справиться сам (теоретически возможна была помощь славянства).

Германцы, претендующие на романское и кельтское наследие, с самого начала своего господства видели в славянах опасных конкурентов за Центр Европы. «При взгляде на Славян, который издавна установился между романо-германскими народами, как на самых важных и опасных врагов... ещё с 600 году ужасались и сильно беспокоились за будущий порядок вещей, видя быстрое распространение Славян до самой Италии; ... позже называли этот народ отвратительнейшим и гнуснейшим родом людей», — отмечал Ф. И. Успенский в работе о первых западнославянских монархиях⁴⁰⁴.

Лидеры молодой и растущей германской цивилизации средневекового Запада изначально отрицательно относились к Риму и Византии как его наследнице именно с позиций полного неприятия его разложившегося, по их мнению, человеческого типа ромеев под воздействием перипетий и внутренней логики их двухтысячелетней истории с момента появления на берегах Тибра. На это указывал Ж. Ле Гофф, ссылаясь на ясно выраженное мнение Лиутпранда Кремонского в споре с византийским императором (968 г. н. э.): «Разве базилиевс Никифор не бросил ему в лицо: “Вы не римляне, а лангобарды”? На что он ответил: “Ромул

⁴⁰⁴ Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб.: Иждивением Славянского благотворительного комитета, 1872. 266 с., XII с. Цит.: URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/67574-uspenskiy-f-i-pervye-slavyanskie-monarhii-na-severo-zapade-spb-1872> (дата обращения: 03.09.2023).

был братоубийцей, что доказано историей, и она говорит, что он открыл прибежище для несостоятельных должников, беглых рабов, убийц, приговорённых к казни, и, окружив себя толпой людей такого сорта, назвал их римлянами. Мы же лангобарды, саксы, франки, лотарингцы, баварцы, свевы, бургунды, мы их презираем настолько, что когда приходим в гнев, то не находим для наших врагов иного оскорбления, чем слово “римлянин”, понимая под ним всю низость, всю трусость, всю жадность, весь разврат, всю лживость, и хуже того, свод всех пороков”. А вот и религиозное обвинение, предшествующее схизме: “все ереси родились и преуспели у вас, а мы люди Запада, положили им конец и умертвили”»⁴⁰⁵. Как мы видим, Лиутпранд считал людьми Запада именно германцев.

Вряд ли греко-римский тип («эллинизм», ромеи) сам по себе привлекал и славян, если не говорить о чистом восточнохристианском типе подвижника и преображённого человека (обожённого), который как раз манил лучшие славянские души. Но это был один из путей внутри Византии, альтернативный по отношению к пути римской истории.

В эпоху Великого переселения народов на смену обветшавшему глобальному западному миропорядку Рима и Греции пришли новые силы: в Европе — самый «примордиальный» западный народ — германцы, готы, франки и саксы, обновившие Запад; на Востоке и в Центре Европы — славяне, в Евразии — тюрки, в Центральной Азии — персы, на Ближнем Востоке и Африке — арабы. И славяне, и в значительной степени германцы были наследниками шнуровых культур — культур северной лесной зоны. Приходила новая смена северного человека.

Каждая из этих сил была глобальной имперской силой и несла свою модель мироустройства и его государственной организации, которая рано или поздно проявилась в созданных ими империях и мировых религиях. Если творчество собственной религии не давалось, то использовалась уже готовая мировая религия или её направление. Если говорить о метафизической стороне обновления старых цивилизаций, их этнической основы и форм, то речь идёт о всеобъемлющем вхождении новых народов в «осевое время», то есть в духовную ось истории. Вхождение в осевое время около 500–600 г. н. э. открыло бесконечные по времени исторические проекты, протяжённостью на сотни и тысячи лет: германороманской средневековой цивилизации (позднее англосаксонской), славянской восточноевропейской православной, арабской суннитской цивилизаций.

Согласно К. Ясперсу, одним из основных общественных последствий осевого времени в послеосевую эпоху было создание и гибель империй, превратившиеся в бесконечный самоизменяющийся процесс⁴⁰⁶. Ш. Эйзеншаттл считал революции, рушащие и создающие империи, прорывами осевого времени в более поздние эпохи. «Империя» синонимична слову «цивилизация» и определённый «век» (эон) как своя внутренняя линия истории. Славянство, как и названные

⁴⁰⁵ Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 133.

⁴⁰⁶ Ясперс К. Истоки истории и её цель / Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 35–36. Цит.: URL: <http://personnel.uapa.ru/courses/460> (дата обращения: 03.09.2023).

силы, также создало ряд своих империй начиная с Великой Моравии и Первого Болгарского царства и Древнерусского государства (см. отдельно об империях Восточной Европы). В конечном счёте они сформировались в крупнейшие организмы типа Российской империи, СССР. Мировой религией славянства стало православное христианство.

Расселение славянства на территории Запада и спорные пограничные территории степного коридора: долгосрочный ответ на вызовы

В VI–XX вв. Восточная Европа расширяется и обретает свои нынешние границы. Если германцы в основном подчиняли западную часть, за исключением эпизода с остготами, прошедшими ВЕ до Таврии, то славяне стали ведущей этнической силой Востока Европы. Великое переселение народов привело к славянскому завоеванию почти всей Восточной Европы и отчасти Греции. Значительная, если не большая часть заселённых к концу VIII в. славянами территорий ранее принадлежала народам, входившим в западный мир или принадлежавшим к группе языков кентум:

- 1) долина и бассейн Среднего и Нижнего Дуная, часть современной Австрии (Паннония, Карантания);
- 2) все Балканы с островами Адриатики (Иллирия, Далмация, Македония, Фракия), кроме Греции, хотя часть земель внутри неё занята славянами;
- 3) закарпатье, территория современных Румынии и Молдавии (исторически территории Гати, Дакии, Фракии), Чехии и Богемии. Весь Карпатский регион и его округа были заселены славянами. На западе славянские земли расширились за счёт ухода части германских народов;
- 4) долина Верхней, Средней и части Нижней Эльбы — Лабы (полабские славяне);
- 5) современное балтийское побережье Германии с островами до основания полуострова Ютландии, где поселились ободриты (бодричи) и руяне.

Учитывая одновременное расселение славян на восток, это говорит о большой накопленной этнической энергии славянства, о молодости славянства, своего рода пружине, выпрямившейся после сжатия. «Сжатием» славянской пружины было длительное подчинение более мощным и активным индоевропейским этносам: готам, прошедшим через славянскую территорию в II–IV вв. н. э.; ранее скифам, подчинившим славян и балтов на юге их ареала в VI–II вв. до н. э.; кельтам, расселившимся в южную часть славянской прародины (лужицкая культура, южная часть пшеворской культуры); гетам, подчинившим днепровских неуров. После целого тысячелетия унижений (500 в. до н. э. — 500 в. н. э.), которому также предшествовало давление соседей, славянство заняло территории потомков своих обидчиков. Как мы видим на примере России, Польши, Чехии, славянских балканских стран, это типичная схема славянской и, шире, восточноевропейской истории — ответа на вызов после долготерпения, которая повторилась в XX веке. К сожалению, она соответствует и черте психологии славян (эмоциональный запуск воли и эпилептоидный взрыв после долготерпения, см. подробнее раздел 3).

На Дунай и Балканы славяне с территории славянской прародины расселились двумя маршрутами вокруг Карпат:

а) восточным, по длинам рек Прут и Днестр к устью Дуная и на территорию современной Болгарии;

б) западным — через Моравию.

Две точки стали ключевыми для славянского мира — в Моравии на озере Балатон, где состоялось крещение славян, и Нижний Дунай — место входа из Евразии в Центральную и Южную Европу. Недаром за Нижний Дунай киевский князь Святослав воевал с Византией, пытаясь заполучить влияние на Болгарию и построить там свою столицу.

Последствия славянского завоевания были катастрофическими для западного мира Европы. Почти все названные группы западного населения были «смыты» славянским потоком истории. Там, где ранее жили народы Запада, появились славяне. Славяне пришли на руины Запада. Славянское заселение было относительно мирным, хотя и сопровождалось силовым давлением, грабежами, захватом имущества и земли. Захваты славян носили характер военно-мирной колонизации, в целом повторяя традиционную праиндоевропейскую модель, но, вероятно, с меньшей жестокостью. Ряд западных народов, самые крупные из них — иллирийцы, фракийцы, македонцы, часть кельтов, в результате славянской экспансии практически исчезли и славянизировались, составив субстрат южных славян. Нигде, кроме Греции, славяне в ту эпоху не ассимилировались, что можно считать большим успехом Византии.

На захваченных территориях будущих Венгрии и Саксонии славяне создали собственные государства и культуры. В Валахии и Молдавии славяно-валахская взаимная ассимиляция проходила возвратно-поступательно. В орбиту славян втянуты потомки иллирийцев на Балканах (албанцы) и гето-даков в Карпатах и Прикарпатье. Валахи — потомки гето-даков и потомки иллирийцев — албанцы — становятся восточноевропейцами. Св. Нестор Летописец в ПВЛ упоминает валахов ещё в ряду западных народов, между галлами и римлянами («англы, галичане, волохи, римляне, немцы»), но они постепенно удаляются от них по укладу, религии православия, также благодаря этническому обмену со славянами.

Вторжение славян в бывшие римские провинции означало смену типа общества и его культурного кода. На славянизированных западных территориях и прилегающих к ним землях появлялась другая цивилизация: с общинным строем, без феодальной и рабовладельческой системы. Возникшие ранее очаги западного христианства в его романской версии и других языческих религий Римской империи исчезали. Совсем иная ситуация была при захвате Галлии франками веком ранее — здесь римская система землевладения и хозяйства сохранилась, сохранилась и латинская культура городов, развивалась система мелкой и крупной частной собственности в виде феодализма.

После расселения славянство становится экономически и политически динамичной частью Европы. В частности, об этом свидетельствует экономический уклад ободритов: «Про ободритов никак нельзя сказать, что это была экономически отсталая окраина Европы. Нет, наоборот. Уже не позднее последних десяти-

летий VIII в. в Рерике-Велиграде возникает купеческая колония. И с VIII–IX вв. в экономическом и культурном развитии в Европе, в частности, выдвигаются на первый план такие местности и регионы, как Вагрия с приморским торговым центром Старигард (немецкое название Ольденбург, датское — Бранденхусе) и земля племени ободритов у Висмарской бухты с центром Велиград. Известны были ободриты и как пираты, грабившие купцов разных стран. В частности, как самые свирепые пираты на Балтике XI века славились именно ободриты-вагры»⁴⁰⁷. Я. П. Зинчук отмечает, что балтийские славяне являли собой одновременно тип торговца и разбойника, причём в том и другом качестве добившись больших успехов. Они, разбойничая на море, имели постоянные крепости для убежища даже на берегах Южной Швеции. Особенно Вагрия и Руян славились своими дерзкими и неукротимыми пиратами. Имея мощный флот, славяне были самым мореходным народом на Балтике, были первыми в морском деле и в морских сражениях⁴⁰⁸. И это происходило в эпоху варягов.

Главный, хотя и медленно-величественный процесс создания новой Восточной Европы, развернулся не в бывших северо-восточных провинциях Рима и землях, временно утраченных саксами, а на бескрайних просторах Восточно-Европейской равнины: от устья Одера до Средней Волги⁴⁰⁹. Здесь славяне также изменили этническую карту, ассимилируя древние народы. В междуречье Волги и Оки состав славянства пополнили финны, между Западным Бугом и Верхней Волгой — балты, между Днепром и Доном — аланы, последние представители когда-то огромной иранской прослойки в евразийском степном коридоре между славянами и азиатскими индоевропейцами. Оба движения славян — на Дунае и Балканах вдоль восточных склонов Карпат и на юге Восточно-Европейской равнины в направлении Днепр и Дона — связаны между собой и представляют изначально один поток восточного и южного славянства.

На Восточно-Европейской равнине в результате расселения славян возникает ряд регионов, государств и городов, где их никогда не было, со своими княжескими верхушками и городскими центрами, названных северными соседями «Гардарикой». Происходит рост славянского населения, разветвлённых родовых общин на новых местах, в которых они получили условия для демографического развития. Массовое славянское население через несколько веков составит социально-экономическую базу русских великих княжений и многочисленных удельных княжеств. Появление Гардарики на Восточно-Европейской равнине в дославянский период было невозможным. Территория славянства продолжает расти всё последующее тысячелетие вплоть до 1990-х гг.

⁴⁰⁷ См.: История ободритов их господства [Электронный ресурс] / сост. В. Силантьев. URL: http://old-earth.narod.ru/slav/balt/his/Istorija_obodritov.htm (дата обращения: 14.09.2023).

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Имеется в виду именьковская культура, которую относят к славянам. См.: Матвеева Г. И. Первые славяне на Средней Волге // Славянский альманах. 2004. С. 11–18. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-slyavyane-na-sredney-volge/viewer> (дата обращения: 03.09.2023). В частности, Седов В. В. Славяне в древности (1984) и другие работы.

Появилась целая сеть государств и территориальных общностей — народностей, которые назывались «племенами» или «землями» и постепенно получали надстройку в виде великих княжений Рюриковичей:

- 1) русская земля на Левом берегу Днепра до Среднего Дона (Киевское, Черниговское княжества);
- 2) дулебская группа народностей на юго-западе (Владимиро-Волынское княжество — единственная часть, входившая в славянскую прародину);
- 3) земля вятичей — бассейн Верхней Десны и бассейн Верхней и Средней Оки;
- 4) ростово-Суздальская земля на северо-востоке — отдельной народностью славян, связываемых В. В. Седовым с культурой браслет видных височных колец.
- 5) территория кривичей, а также словен новгородских на северо-западе — несколько земель: Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Псковская;

В X–XI вв. мы видим здесь уже другую Европу — новую евразийскую Восточную Европу, готовую к состязанию с Западом и напрямую не связанную с ним ни соседством, ни войной. Это прообраз Руси, Русского мира, русской цивилизации.

2.9. Крещение славянства — восточное христианство и осевая эпоха славян. Кирилло-мефодиевский проект: от этнического к цивилизационному

И мы держим ту веру, которая произошла от Сиона и подкреплена вселенскими соборами...

Да и вселенские соборы — не источник веры.

А. Суханов. Спор с греками о вере

Понятие осевого времени и вхождение в него славян

Внутренний смысл и движущие мотивы экспансии славянства в VI–X вв. лучше всего описываются в сквозной личностно-социальной категории «осевого времени» К. Ясперса⁴¹⁰, применённой им ко многим народам и цивилизациям евроазиатского материка. Это поиск личности и общества вне рода как первичной младенческой данности. Определение осевого времени даётся Ясперсом через перечисление множества синхронных процессов, которые он связывает в один: создание личности современного типа, переход от мифа и непосредственности к рефлексизирующему мышлению и развитому самосознанию, переход к универсальности, создание мировых религий. «Человек осознаёт бытие в целом, самого

⁴¹⁰ См.: Ясперс К. Истоки истории и её цель. Цит.: URL: <http://personnel.uapa.ru/courses/460> (дата обращения: 03.09.2023). Заимствование общих контуров концепции «осевого времени» К. Ясперса не означает, что автор разделяет его историософию и его концепцию «осевой эпохи». Всё же идея «осевого времени» представляется эвристически довольно удачной общей конструкцией, выходящей за рамки понятийного поля отдельных цивилизаций.

себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познаёт абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира... Всё это происходило посредством рефлексии... Мифологической эпохе с её спокойной устойчивостью пришёл конец»⁴¹¹. «В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью»⁴¹².

Осевое время воспринимается мыслью как особой «эон», «век», отдельный «канал» профанного или линейного исторического времени, а не просто «случайный» период стечения этих событий профанной истории. Можно сказать, и наоборот — профанная история, как мы её видим в официальной исторической политике, — лишь один из многих «заблудившийся» в сумерках Запада «эон» осевого времени. За ней стоит другая тайная история, которую мы не очень пока понимаем. Духовное единство разных цивилизаций возможно лишь в осевом времени. Вне духовного единства каждая из отдельных цивилизаций сосуществует друг с другом в своём особом времени, которое может навязываться другим цивилизациям. Мыслители мира пока далеки от предметного конкретного понимания осевого времени.

Когда начинается вхождение мира в целом в осевое время? Оно напрямую связано с появлением индоевропейских цивилизаций в V тыс. до н. э. выходцев из Северной Евразии, которые являются исторически первым вариантом осевых обществ с высокой ролью личности, рациональности, управляемого исторического процесса. Выше в разделе 2.3 говорилось, чья осевая революция вызвана второй фазой неолитической революции. Первыми в осевое время вошли индоевропейцы с момента выхода со своей прародины.

Что такое индоевропейские цивилизации в истории? Ось мировой истории — всего лишь повозка, кочующая на своих осях вдоль её бескрайних полей, представленных другими архаичными типами людей. Осевые общества — альтернатива ветхим обществам. К. Ясперс в работе «Смысл и назначение истории» вслед за А. Вебером («История культуры как социология культуры», 1935)⁴¹³ считал вклад индоевропейцев главным в осевое время, хотя Ясперс и не сводил его к тому содержанию, который внесли индоевропейцы. Нашествие индоевропейцев, «оседлавших» как евразийского тарпана историю Старого Света, а затем и подчинение Света Нового, сделало осевое время в масштабах планеты необратимым.

Со II тыс. до н. э. осевой процесс происходил во многих регионах мира, однако катализатором являлись индоевропейские цивилизации Северной Евразии. В том числе и у тех народов Востока, которые вошли в него сами, без явного

⁴¹¹ Ясперс К. Истоки истории и её цель... С. 32.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ См.: Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Leiden, 1935. X, 423 p. А. Вебер связывал осевое время со вторым субпериодом истории современного человека с 1200 г. до н. э. до 1500–1600 гг. Признаками осевого времени выступают трансцендентальность и склонность к империям.

индоевропейского вмешательства, хотя и с опосредованным (Израиль, Вавилон, Китай) или иногда внутренним влиянием индоевропейцев (Египет Эхнатона).

Однако является ли их экспансия-катализатор с Севера причиной осевого времени? Скорее всего, нет. Индоевропейцы — такие же участники, как и другие народы. Им выпала роль своего «запала» исторического костра. Таким образом, теория А. Вебера в целом фактически подтверждается, но не исчерпывает сущности и разнообразия осевого времени.

Осевой процесс является полицентричным. Мировая ось истории проходит через разные культурные центры и центры человеческих обществ. Развитые осевые процессы в VIII в. до н. э. — II в. н. э., по Ясперсу, в Древней Греции, на Ближнем Востоке, в Персии, Индии и Китае — это уже центральная фаза осевого времени, которая обладает собственной внутренней логикой истории безотносительно индоевропейского фактора, хотя он и сохраняется в ряде этих обществ (Древняя Греция, Древний Рим, Персия, отчасти Ближний Восток, Индия).

С началом «осевого времени» его наиболее влиятельный центр постепенно перемещается на Ближний Восток. Пространственный и временной центр всеобщего осевого времени для внешнего наблюдателя истории — Рождество Христа, 0 год н. э. На Ближнем Востоке к рубежу новой эры процессы осевой революции у семитских народов по своей глубине намного опередили их изначальное наполнение у индоевропейцев Северной Евразии: кельтов, германцев, славян, балтов, степных индоиранцев (скифов и др.). Именно поэтому Спаситель появился на Ближнем Востоке. Однако это был революционный противоречивый и конфликтный процесс внутри семитских обществ, в том числе и Иудеи, продолжавший традицию борьбы пророков против ветхого человека и его адептов. В конечном счёте на Ближнем Востоке победила ветхая традиция, хотя и в компромиссном виде. Осевое время в античной Европе (800 г. до н. э. — 200 г. н. э.) привело к выделению и развитию рациональных областей культуры, личности, письменности, науки и многих других. Как главный итог осевой эпохи в начале I тыс. н. э. появляется глобальная религия, наполняющая жизнь славян и их соседей конечным смыслом, — восточное христианство.

Язычество славян и других народов и его место в формировании ВЕЦ

К моменту крещения у славян и народов ВЕ сложился свой духовный прообраз личности человека на основе различных языческих культов. Его влияние на цивилизацию осуществлялось в последующие эпохи уже наряду с христианством и другими религиями. На сегодняшний момент детального и цельного понимания славянского язычества и его пантеона нет. Попытка искусственного деконструирования картины, как, например, Б. А. Рыбакова («Язычество древних славян», «Язычество Древней Руси»), была подвергнута жёсткой критике, хотя ряд выводов представляет интерес, в частности, что язычество продолжало существовать на полуофициальном уровне в центрах древнерусских княжеств до XIV в. наряду с официальным православием, не говоря уже о сельских общинах и этнических окраинах. Причина, возможно, кроется в самом разнообразном

состоянии восточноевропейского язычества. Оно не смогло сложиться из-за огромных территорий и разрозненности мигрирующих групп, отсутствия развитой письменной и материальной культуры и мифологии, сильного жреческого сословия, когда культ отправлялся самими старейшинами, вождями и главами родов, особенно в сравнении с древнегреческим язычеством или индуизмом. Исключения составляют явления позднего времени (Аркона, Збручский комплекс святилищ, святилища Владимира и др.). Язычество однозначно связывалось с архаичной верхушкой, уходящей в прошлое в конце I тыс. н. э. социальной структуры — раннесредневековых народностей и их локальных родовых центров. В результате в разных группах и народностях складывались свои пантеоны, что усилило и то, что в целом вообще характерно для язычества как многобожия. Всё это облегчило отказ от него и переход к христианству. Что же следует сказать о славянском язычестве?

Как и у всех индоевропейцев, верхнюю часть язычества составлял солярный культ во главе с главным солярным божеством (Ярилой, Свентовитом, Колядой, Дажьбогом, Купалой, Хорсом, Сварогом), выполнявшим роль главы пантеона и бога войны. Это очевидно в контексте гелиоцентризма восточноевропейской культуры, противостоящей хтонизму (материализму) юга. Носил ли он характер огне-солнцепоклонничества, как у иранцев? Да, но в меньшей степени, таких гигантских святилищ не было, как у представителей катакомбной культуры, или солнцеподобных поселений, как у синташтинской культуре. Славянское язычество не сложилось ни в культ Аполлона, ни в зороастризм по указанным выше причинам. Трупосожжение сочеталось с труположением в погребальных обрядах. К индоевропейским культам относился и культ бога скота Велеса (Волоса) и Перуна. Славянское язычество при некоторых особенностях напоминало простейшие раннеиндоевропейские «передвижные» варианты культа. Для славян характерен позитивный образ загробного мира (рай, Ирий). Збручский идол из позднейшего языческого культового центра олицетворял собой осевую структуру мироздания (мировое древо), объединяющего три уровня.

Вероятно, на фоне слабости общих пантеонов и простоты раннего язычества главную роль до распада родового строя и преобразования его в соседско-общинный играли родовые культы, культы Рода и рожаниц, которые были связаны с конкретным родом и родовым предком данной семьи и группы. К нему же может относиться и шаманизм, распространённый у всех народов Северной Евразии, как известно, тесно связанный с культами предков.

Свою роль в восточноевропейском язычестве играли матриархальные и хтонические культы и магия, связанные с родовыми культами и включённые вместе с доиндоевропейским субстратом. Поскольку общность культур шнуровой керамики распространялась среди палеоевропейских групп охотников и собирателей, у которых были матриархальные культы, то они и были включены (Мокошь, Мать-земля), а в некоторых случаях возобладали. Это объясняет их появление не только на Балканах и Карпатах, но и на Русском Севере и в Полесье. В целом особенности славянского язычества скорее способствовали относительно лёгкому переходу к христианству через солярные антропоморфные культы, с одной стороны, и через отсутствие чёткой языческой и развитой системы, с другой,

которая не могла удовлетворить потребностей развитой формы цивилизации и новой социальной и личностной структуры после кризиса родового строя.

*Внутренний кризис старого славянского человеческого типа
как причина для принятия христианства: вхождение в осевое время*

Славяне и Восточная Европа, как мы видим из вышеизложенного, оставались вне этого осевого времени, хотя и двигались в направлении вхождения в него в V тыс. до н. э. в потоке истории индоевропейских народов. Но «осевое время» на этом не закончилось, если вообще можно говорить о его конце, поскольку осевое время бесконечно, но можно «войти» в него из своего обычного времени и «выйти» из него.

Процесс созревания отдельной этнической цивилизации до универсального человеческого типа происходит в том числе и за счёт заимствования родственного содержания из других типов, имеющих на тот момент истории более развитые личность и культуру. Не войдя в мировую ось, цивилизация не может созреть из этнического типа, приобрести универсальность. В этом нет ничего странного. Славянская цивилизация созревала за счёт включения ближневосточного афразийского осевого цивилизационного типа в его христианско-библейском варианте. Включались и элементы западной цивилизации, и отчасти евразийских цивилизаций (тюркско-алтайской, степной иранской), но они не были столь важными, как ближневосточный элемент, даже несмотря на их внешнюю материальную и технологическую объёмность. Запад не дал Восточной Европе прообраз Христа, он лишь в какой-то мере посредничал в лице греческого мира, да и сам новый Запад, германо-романский этнический мир, окончательно вошёл в осевую эпоху за счёт библейско-христианского заимствования.

Славянство обретает свой метаисторический трансцендентный стержень, свою «ось», своё время, «время славян», время своей цивилизации, которое является частью осевого времени. Осевое время распространяется на предыдущую и последующую историю, перемалывает старые и сверхновые черты. Это и есть православная цивилизация внутри восточноевропейской цивилизации, в её сердце. Конечно же, славянское язычество не имело такого стержня, представляя собой конгломерат различных местных, родовых и общезнаковых культов.

Процессы искания осевого времени напрямую не затронули этническую базу Восточной Европы — славян, у которых осевое время наступило лишь в VI–IX вв., что можно констатировать на примере появления у славян-русов таких форм героической мифологии, как былины (старинны), выходящие за рамки привычной языческой религии.

Вступление в «осевое время» у славян было вызвано распадом праславянской общности и её прежнего уклада, вызвавшего культурный и цивилизационный кризис, который можно назвать кризисом роста. Ответом на кризис прежнего уклада и его религии стало принятие православного христианства. Православная церковь и византийское церковное наследие цементируют восточноевропейскую цивилизацию, дают ей самостоятельность и устойчивость в важнейших сферах — от внутренней личности отдельного человека до целых империй.

Если говорить о конкретной духовной и исторической ситуации, постепенный отказ от языческого варианта цивилизации и культуры ВЕ у большинства славянских народов в IX–XI вв. вызван следующими причинами:

- 1) созданием централизованных государств и империй с необходимостью единого культа, объединяющего подданных независимо от происхождения;
- 2) появлением большой массы людей, выпавших из родовых и местных обществ, с высоким статусом;
- 3) распадом прежних родовых и местных связей со старыми кукльтами на подданных на новых землях;
- 4) кризисом традиционной родовой личности, опиравшейся на языческие прообразы;
- 5) расширением внешних контактов с людьми других общностей, универсализацией личности и поведения.

Кризисная ситуация, приведшая к крещению восточноевропейцев, была не столько в острой потребности заимствования культуры у более развитых народов Византийской империи или Италии или политико-экономическом сотрудничестве с ними. Первостатейной потребностью был духовный голод, возникший в результате кризиса традиционной духовной культуры славян и всего уклада их жизни, типа личности. Именно эти причины, а не феодализм, который в ВЕ сложился не в полной мере, и не сразу, и не везде, вызвали христианизацию.

Если осевое время в странах южного пояса, в том числе у ряда народов западной цивилизации, пришло на VIII до н. э. — IV в. н. э., то у славян сходное явление пришло на IX–XV вв. н. э., сразу после их расселения, повлекшего за собой слом старого уклада их жизни. Так, в эпоху Сергия Радонежского для жителей Московской Руси ещё продолжалось осевое время, более того, они только вступали в него. В XIII веке жители окрестностей Москвы ещё не были христианами, хотя христианство уже оказывало на них своё влияние из городских центров: в захоронениях трупосождение сменилось трупоположением, необходимым для воскресения в будущей жизни. Завершением осевого времени в различных частях Европы стало принятие христианства и его утверждение в широких массах, которые придерживались двоеверия, сохраняя приверженность языческим традициям. Но язычество было обречено именно в силу внутреннего созревания.

Социальные и духовные особенности начала осевого времени славянства нашли отражение в исторической литературе. Следует отметить работу И. Я. Фроянова «Рабство и данничество у восточных славян»⁴¹⁴, анализирующую социальные аспекты осевого времени и содержащую попытку выявить цивилизационные особенности славянских обществ. Социальная основа кризиса славянства состояла в том, что цивилизация славянства оставалась общинной, но при этом она вышла за рамки родовой и встроилась в рамки более сложного иерархического общества с социальным неравенством и распространением рабства — холопства, в том числе и порабощения соплеменников, изгойства из общины

⁴¹⁴ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) [Электронный ресурс]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 512 с. URL: <https://litmir.club/br/?b=559965&rp=39> (дата обращения: 30.09.2023).

и рода, данничества. «Разлагавшееся первобытное восточнославянское общество порождало не феодализм, как принято думать, а общинно-территориальную организацию, являющуюся промежуточной ступенью между первобытным строем и феодальной формацией, или, если угодно, цивилизацией. А. И. Неусыхин рассматривал её как “общинную без первобытности” (т. е. без родовых древностей) и видел в ней переходную стадию развития от родоплеменного общества к раннефеодальному, внося тем самым серьёзный вклад в разработку проблемы перехода от доклассовых социальных структур к классовым не только у варваров Западной Европы, но и других народов, переживавших аналогичные процессы общественной эволюции»⁴¹⁵, — заключал И. Я. Фроянов. Иными словами, цивилизационный выбор осевого времени был сделан славянами в пользу развития общинно-территориального строя, а не в пользу феодализма, кастового строя или первичного капитализма. Это во многом определило в дальнейшем нежелание ВЕ выйти из осевого времени, особенно нежелание Русского мира.

Славянский тип человека оказался перед искушением, подобным тому, который испытали и которому поддались западные народы, пойдя по пути католической, готической, ренессансной, протестантской, наконец, буржуазной и просветительской культуры. Ответом восточных европейцев стало формирование собственной восточнохристианской, преимущественно православной, заимствованной из Византии, но самостоятельной традиции, а также соборно-общинной базовой личности, пришедшей на смену общинно-родовой личности праславянского периода. Исходя из этой логики, выбор восточными и южными славянами православия как Восточнохристианской греческой церкви важен не как выбор именно греческой и греческо-восточной традиции, а как выбор аутентичной, идущей с Ближнего Востока осевой сути христианства, выходящей за рамки внутренне «обанкротившихся» Древней Греции и Древнего Рима.

Формирование собственного варианта восточнохристианской цивилизации в ВЕ

Что значит восточнохристианская цивилизация и отказ от язычества с точки зрения трансформации человеческого типа? Славяне, принявшие крещение от Византии, тогда ещё не порвавшей с Римом, в каноническом и культурно-цивилизационном отношении видели в ней носителей подлинной христианской традиции и христианского образа человека, а не греков в их собственном антропологическом варианте — монополистов в области церковной традиции. Причина была в том, что ближневосточная цивилизация к VIII в. в результате арабских завоеваний обрела новую исламскую форму, трудносовместимую с христианством и не подходящую для славянства. В силу этого вопрос о византийской цивилизации является вторичным по сравнению с христианством в его первоначальной ближневосточной форме для определения славянской и русской цивилизации. Культуроцентрический подход к крещению славянских государств как к приобретению цивилизации или культуры ошибочен. Это приобретение совсем другого измерения, находящегося за рамками культуры.

⁴¹⁵ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.)... С. 39.

Вопрос о переплетении судеб восточноевропейской цивилизации и православия является исключительно сложным и не может быть решён в рамках одномерной схемы: «Восточнохристианская цивилизация» или «Православная византийская цивилизация». Бесспорно, православная цивилизация существует (об этом есть одноимённая работа Панарина), но это не полностью вся цивилизация народов, большинство представителей которых исповедуют православие. Православная цивилизация находится над народами. Важность православия для всех славян понимали и некоторые западнославянские панслависты, в частности Л. Штур в трактате «Славянство и мир будущего».

Схема византийской цивилизации предполагает либо что до принятия православия из рук Константинополя цивилизации в Восточной Европе не существовало вообще («одна дикость»), либо что она была полностью, то есть 100%, и сразу перестроена заново на новом фундаменте православной веры. И то и другое является искажением. Благодаря восточному христианству произошла частичная замена человеческого типа славян, прежде всего типа личности, которая состояла именно в придании ей осевой универсальности и смирения. Степень же богоподобия славян была относительной и проявлялась по-разному согласно их вере, оставаясь длительное время лишь отдалённой целью.

Автохтонность восточноевропейской цивилизации отнюдь не исключает таких глубинных переворотов в ней, какие принесло христианство с Ближнего Востока и Византии, изменив основной вопрос всякой цивилизации — отношение к трансцендентному, в христианской формулировке — к Богу.

Итак, необходимо ответить как минимум на два вопроса: к каким изменениям человека Восточной Европы, славянина в большинстве своём, привело принятие православного христианства? И почему было принято именно православие? То есть происходит развёртывание внутреннего пространства личности по вертикали и горизонтали.

Личность представляет собой систему отношений с другими значимыми людьми, образующими её внешние границы, а также внутреннюю сферу — самость, основывающуюся на прообразе и «надетую» на ось трансцендентной веры, дающую личности источник существования. В ходе христианизации славян и их коллективов постепенно, а у кого-то и сразу, произошла замена внутренней оси личности, «стержня», придающего жёсткость и упругость её социальному контуру, а именно языческой веры, анимизма, шаманизма, веры в предков и род на веру в единого Бога Христа.

Вера создала беспредельную глубину личности, а также расширила её внутреннее пространство рефлексивного самосознания, отвязав от системы традиционного соотношения с нормами коллектива, диктуемого коллективным языческим этнородовым сознанием. Конечно, отвязка от общины происходила и без христианства, из-за кризиса восточноевропейского родового социума. Но такой человек оказывался вне связей — чем-то средним между изгоем и героем-духом, по ту сторону ценностей и норм.

Расширение внутреннего самосознания делало славянина универсальным свободным носителем нового мышления, основанного на вере. По сути, данный процесс означает преобразование прежнего восточного индоевропейского инди-

вида в широкую внутреннюю духовную личность. Та ширина русского человека, о которой говорят вслед за Ф. М. Достоевским, что «надо бы сузить», исходит из христианизации. Речь идёт не о создании индивидуальности как таковой, которая уже была, а о пространстве внутреннего самосознания, базирующемся на собственном невидимом «Я», связанном с Богом.

Смысл крещения. Принятие христианства и веры в Христа ведёт к смене языческого прообраза

С точки зрения восточного христианства, сущность христианской цивилизации и её исторического пути состоит в обожении — уподоблении личности человека Божественному Прообразу, то есть личности Бога, по образу которой были созданы все реально существующие единицы мира — монады, от людей до атомов. Иного содержания в цивилизации просто нет, помимо того социального и культурного, которое соответствует уподоблению. Личность в уподоблении как бы приближается к оси мира. Благодаря тому все элементы мира личностноподобны, обожение человека и его социального окружения имеет и космическое измерение, оно входит и во взаимодействие с космосом. Крещение народов поэтому является важным этапом в истории уподобления его Прообразу — в нём славянская цивилизация приобретала открытый осознанный смысл, после чего она могла либо идти в соответствии с этим смыслом и отвергнуть иные, языческие, несовершенные прообразы, либо отвергнуть его. Она становилась точкой свободной волевой бифуркации всего народа, поскольку крещение исторически растянуто во времени.

Из направлений современной психологии ближе всего к пониманию внутреннего пространства личности подошло юнгианство, хотя и не проникло в силу ограниченности в тайны христианской души. Если говорить в терминах эзотерического Юнга и его последователей, после принятия христианства внутренний прообраз или архетип языческого типа (Солнца, Аполлона) или компромиссного с язычеством гностического львиноголового бога (демона) Абракаса, как у Юнга, сменился прообразом Христа. При этом Юнг, будучи человеком Запада, не был христианином (имел антихристианский комплекс) и рассматривал христианство как надстроенное ограничение языческого архетипа, чуждое немецкому арийскому происхождению⁴¹⁶. «...Мы можем уви-

⁴¹⁶ Нолл Р. Арийский Христос = The aryan Christ: тайная жизнь К. Юнга. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. С. 218–324. Аналитическая психология (юнгианство) и классический психоанализ (фрейдизм) фактически являлись соединением религии и науки. Сравните с представлением Юнга о себе как о мессии название гл. 9 цитируемой книги со слов одной из его сторонниц и клиенток «Анализ — это религия». Фактически фрейдизм и юнгианство перевели вопрос о внутренней структуре личности в область трансцендентного, то есть мифологии и истории религий. А практическая психология внутренней структуры личности переведена в область практической религии или оккультизма. Впрочем, Мирча Элиаде в книге о йоге утверждает, что то, что «открыли» Фрейд и Юнг в психологии, было задолго до них и более широко известно в аскетических практиках Востока, в особенности Древней Индии, прежде всего йоги и санкхьи. Причём йога могла иметь и доиндоевропейское происхождение, частично или полностью. Так или иначе все эти подходы применимы и к осмыслению изменений в личности восточноевропейского человека после Крещения.

деть внутренний пантеон богов и демонов, которых пережил внутри себя Юнг. Мы видим, что солнце или звезда является ядром его существа, верховным божеством, скрытым за всеми остальными... Это Абракас *Leontocerphalus*, львиноголовый вариант гностического бога»⁴¹⁷, — считает исследователь тайн аналитической психологии Р. Нолл. Иными словами, Юнг увидел и описал то, что, по его мнению, должно было быть присуще его предкам до принятия христианской веры. На смену языческим демоническим конструктам, в центре которых у индоевропейцев, как западных, так и восточных, стояла мандала (санск. *mandala* — круг) солнечного бога, антропо- и зооморфного, пришёл прообраз единого Бога — Богочеловека. Во внешней социальной жизни подобная перемена прообраза на христианский вела к частичному приостановлению действия биосоциальных законов рода и переводу эволюции в сферу универсального исторического процесса.

После крещения на границе первого и второго тысячелетий в Европе появился тип славянина-христианина с широким внутренним пространством самосознания, обращённого внутрь к образу всемирного Бога, но с тесными социальными связями и зависимостями, не нарушающими и не заменяющими тем не менее целостность его индивидуальности. Внешние формы регулирования отношений и рациональности развиты слабо, но внутреннее пространство предельно расширено за счёт веры и самосознания.

Конечно, это всего лишь наша идеальная структура личности славянина-христианина. Большинство реальных славян были не такими даже после завершения христианизации большинства восточнославянского населения в XVI веке. Тип стал преобладающим не сразу, но по мере победоносной борьбы православия и язычества. Период двоеверия переживали многие государи-крестители, такие как римский император Константин. Но такие выдающиеся люди, как русские святые Киево-Печерской лавры, князь Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, митрополит Илларион, Даниил Заточник, автор «Слова о полку Игореве», были людьми, отличающимися внутренней личной теплотой, привязанностью к людям, открытостью, неформальным отношением, вместе с тем высокой широтой внутреннего самосознания. Речь шла не о раздвижении внешнего мира личности, её гарантий от социального окружения, а во внутреннем наполнении. Подобное же проявление преображённых происходило и в религиозном движении монашества в Московской Руси и Новгорода XVI–XV вв. Среди западного славянства можно назвать Яна Гуса.

Различия влияния восточного и западного христианства на ВЕ

Помимо общехристианских черт, необходимо остановиться и на особенностях влияния именно православной традиции, резко усилившей христианские черты в личности восточного европейца и вставившие их в такую цивилизационную рамку, в которой они могли сохраняться и развиваться, сведя к минимуму разрушительные влияния. По сути, речь идёт о незападном содержании в запад-

⁴¹⁷ См.: Нолл Р. Арийский Христос = *The aryan Christ: тайная жизнь К. Юнга...* С. 234.

ной оболочке, или о тех чертах, которые применимы ко всем народам, которые причастны христианской или ближневосточной, в частности иудейской традиции. Она выразилась, в частности, в формуле «Рим или Иерусалим?» М. Гесса или «Афины или Иерусалим?» Л. Шестова.

Догматы и предание христианских конфессий имеют цивилизационное значение, но из них нельзя вывести различия цивилизаций. Православие утвердило сбалансированный вариант догматики, отказавшись от крайностей Востока и ересей. Цивилизационные отличия догматов католицизма (филиокве, непогрешимости римских пап, притязания на вселенскую церковную власть) имели значение в первую очередь для иерархии духовенства. Для остальных они не имели решающего значения, включая и феодальную элиту, королей и князей, которых более устраивал бы принцип «чья власть, того и вера», позднее (1555) установленный Аугсбургским миром. Конечно, правители вынуждены были считаться с факторами догматики и церковной иерархии, тем сам они влияли на цивилизационный выбор, но не предопределяли его, как это хотели бы утверждать идеологи церковных кругов исходя из узкокорпоративных интересов. Сами догматы использовались в цивилизационных конфликтах. Произвольное изменение догматики под свои интересы, соответствующее субъективистско-релятивистскому типу философского мышления, и разработка соответствующего инструментария схоластики для этого — визитная карточка западной церковной иерархии.

Решающим довеском на весах выбора большинства славян в пользу восточного христианства сыграла замкнутость и колониально-агрессивная направленность католической средневековой цивилизации Запада наряду с глобальной устремлённостью, проявившейся не только в крестовых походах — цивилизационных войнах, но в идеологии и практике сегрегации христиан-католиков от всех остальных, за которой стояло ни что иное, как прежнее западное стремление к власти над народами и их утилизации. Воцерковление восточных европейцев, затем индейцев, переподчинение восточных «схизматиков» сочеталось с эксплуатацией, а также отторжением тех, кого не торопились воцерковлять. Эту особенность западной средневековой цивилизации подчеркнул Ж. Ле Гофф:

«Казалось бы, христианство XIII в. хотело выйти из своих границ. Оно начало заменять идею крестового похода идеей миссии и вроде было готово открыть объятия всему миру.

И тем не менее оно оставалось замкнутым миром того общества, которое могло насильно присоединить к себе насильно одних новых членов (*compelle intrare*), но исключало других, то есть определялось подлинным религиозным разизмом. Принадлежность к христианству была критерием его ценностей и поведения. Война между христианами была злом, но становилась долгом, когда её вели против иноверцев»⁴¹⁸. Средневековый западный христианский мир, «оказавшись между двумя направлениями самого христианства — закрытой религией Ветхого Завета, достоянием избранного народа, и открытой ко всеобщему

⁴¹⁸ Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 142.

признанию религией Евангелия, — замкнулся в обособленности»⁴¹⁹. «Языческий мир был долгое время резервуаром рабов для христианской торговли, которую вели купцы-христиане или евреи на христианской территории. Обращение в христианство истощало этот прибыльный рынок и поэтому осуществлялось не без колебаний. Англосаксы, славяне поставляли “человеческий скот” для средневековой торговли... В конце X в. пражский епископ Адальберт, обвиняя свою паству в возврате к язычеству, особенно сильно упрекал её за продажу христиан евреям-торговцам»⁴²⁰.

Распространение западного христианства в восточноевропейских землях — цивилизационная война Запада против Восточной Европы, представляющая собой своеобразный механизм экспансии по схеме: священная война — миссия — поглощение — частичная утилизация человеческого материала — интеграция оставшегося материала — ассимиляция. Особенно ярко это проявилось в истории Чехии с гуситским движением. Для славян, которым крещение несли Римская курия вместе с мечами германских завоевателей, этнических саксов (на севере) и швабов (на юге) западное христианство было религией завоевателей. Полабские славяне и ободриты долгое время, с 850 г. до 1150 г. н. э., отказывались принимать христианство, собственно славянская кирилло-мефодиевская традиция до них не дошла. Они крестились, лишь став побеждёнными крестоносцами, а затем и ассимилированными немцами. Для них язычество было знаменем своей цивилизации и своей национальности. На юге, в Моравии, кирилло-мефодиевская традиция сопротивлялась немецкой католической. Историк западной средневековой цивилизации Ж. Ле Гофф констатировал, что «Распространение христианства в Европе, с силой возобновившееся в VIII в. и продолжавшееся в IX и X вв., перешло почти полностью в руки немцев, населявших окраинные христианские земли, которые граничили с языческими на севере и на востоке. В результате смешались религиозные, демографические, экономические и национальные мотивы, что придало этому движению очень своеобразный характер. Его доминирующим аспектом стало в конце концов противоборство немцев и славян, при котором религиозные мотивы отступили на второй план, поскольку немцы без колебаний вступали в борьбу даже с теми соседями, которые приняли христианство»⁴²¹. Данный процесс привёл к тому, что Восточная Европа воспринимала чуждым либо христианство как таковое, либо только католичество, и тяготела к восточному христианству, если имела возможность выбора. Впрочем, Византия проявила себя жестокой завоевательницей, ведущей цивилизационную войну против славян-болгар и уничтожающей кирилло-мефодиевскую традицию славянской письменности — славянских богослужебных книг и славянской литургии после разгрома Первого Болгарского царства.

⁴¹⁹ Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 142.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же. С. 61–62.

*О. Шпенглер о русском культурном типе
как магическом (ближневосточном) и о нереализованности
собственного русского славянского типа*

Восточное христианство в силу своей связи с ближневосточной традицией, прежде всего через аскетизм и монашество, зародившиеся на Ближнем Востоке, прививая греческую и римскую рациональность, не внедряла излишний вкус к рационализму и правосознанию — инструментам, увеличивающим дистанцию своего «я» и других, способствуя блокированию гуманистических (эгоцентрических) и просвещенческих (рационалистических) вливаний с Запада. Прежде всего, речь о самоценности веры и «нищете духом», хорошо сочетающихся с личностью восточноевропейского типа. В связи с ближневосточным компонентом христианской веры, который является первичным и аутентичным, хотелось бы упомянуть о важной идее О. Шпенглера относительно принадлежности русского культурного типа к ближневосточному культурному типу, который он определяет как «магический». О. Шпенглер относит к магическому типу культуру Византии, Ирана, арабского Востока, Древней Иудеи, Вавилона, Египта. Это, пожалуй, наиболее интересная и прозорливая часть его взглядов на русскую и, шире, славянскую культуру. О. Шпенглер также проложил дорогу искажённой трактовке цивилизационных типов как преимущественно культурно-религиозных типов, которая затем вылилась в теорию цивилизаций как крупных религий или их конфессий. Мнение О. Шпенглера о русском культурном типе и его восточных первоисточках ни в коей мере не может считаться компетентным научным суждением, тем не менее представляет интерес в свете его теории и попыток её использования для объяснения русской цивилизации. Хотя отнесение Византии как варианта Запада к ближневосточному типу не выдерживает критики, однако само наличие ближневосточного семитского типа культурной традиции внутри византийского мира не вызывает сомнений. О. Шпенглер относит Россию к магической византийской культуре, которую он объединяет с ближневосточной: арабско-халдейско-иудейско-персидской. Данная конструкция довольно произвольна. «Магизм» в смысле мистичности этого типа культуры выражает её суть независимо от национальной принадлежности. Истоки лежат не столько в собственном славянском характере, определяемом как вариант индоевропейского характера, сколько во встрече с христианством и глубокой готовности к ней, в отличие от других народов.

Любопытно, что теория В. Шубарта в книге о менталитете России («Европа и душа Востока») ⁴²², которая в ряде моментов созвучна идеям О. Шпенглера, определяет душу России как сверхчеловеческую душу иоаннического (восточно-христианского) человека и ведущую силу иоаннической эпохи, где главная роль принадлежит славянству.

Довольно проницателен О. Шпенглер относительно характера заимствований с Ближнего Востока вместе с христианством, а именно его ближневосточного

⁴²² См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Рус. идея, 2000. 446 с. На наш взгляд, Шубарт имеет в виду под «душой Востока» применительно к России прежде всего ментальность осевых традиций Ближнего и Среднего Востока.

содержания — веры. «Магическую веру в западной форме сформулировали для христиан Ириней и прежде всего Тертуллиан. Знаменитое “Credo, quia absurdum” последнего представляет собой квинтэссенцию этой уверенности веры. Языческую пару этому предлагают Плотин в “Эннеадах” и в особенности Порфирий в трактате “О возвращении души к Богу”»⁴²³, — утверждал он. Заимствование веры и типа личности из христианства выражало первоначальную природу славянской цивилизации, поскольку восточный магизм — это не заимствованная псевдоморфоза у русских, а внутренняя черта.

Особенность типа магической души, по Шпенглеру, — в противоположности души и духа. Душа не является духом и отчасти противоположна ему как обуславливающая внешняя сила. Магическую душу Шпенглер называет пещерообразной, вмещающей дух. Дух Шпенглер называет пневмой, имеющей трансцендентное происхождение и вселяющейся в человека. «Однако ещё более важной представляется противоположность духа и души — по-еврейски руах и нефеш, по-персидски аху и урван, по-мандаитски монухмед и гиан, по-гречески пневма и психэ, — возникающая поначалу в фундаментальном допущении профетических религий, а затем пронизывающая всю апокалиптику и оформляющая и определяющая всё мировоззрение пробудившейся культуры»⁴²⁴.

Русские православные публицисты, боровшиеся в XVII веке за автономию от новогреческих канонических норм, попытки формалистического введения которых в Русском царстве привели к Расколу, обращались напрямую к ближневосточному христианству, минуя греков. Например, А. Суханов в «Споре с греками о вере» писал, что источник веры — «Христос Бог» и Сион с Иерусалимом, «первое Евангелие на еврейском языке», а вселенские соборы — не основной источник веры, а подкрепление его: «И мы держим ту Веру, которая произошла от Сиона и подкреплена вселенскими соборами»⁴²⁵. То есть уже в середине XVII в. у такого опытного и проникательного путешественника и книжника, как Арсений Суханов, присутствовало ясное осознание ближневосточного источника и характера православия при сильном внешнем характере греческого влияния. В данном случае, описывая ход дискуссии с греческими богословами, Суханов однозначно стоит на позиции первичности традиции Духа и Веры над греческим рационализмом и его формами в Предании Церкви, выражая тем самым цивилизационную суть русского православия, соответствующую устройству славянского типа личности.

Другой важный цивилизационный постулат О. Шпенглера относительно «магического типа» состоит в том, что пневма как внутренняя основа личности

⁴²³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 239. Цит.: URL: <https://djuv.online/file/CbVdxjH7vctb9> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Суханов А. Прения с греками о вере. Цит: Богданов А. П. Прения с греками о вере: текст автографа Арсения Суханова 1650 г. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 80–99. Цит: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28783 (дата обращения: 03.09.2023).

носит коллективный и надындивидуальный метафизический характер: «Если фаустовский человек, сила, опирающаяся на саму себя, в конечном счете принимает решения даже относительно бесконечного, если аполлонический человек, как одно тело среди многих других, решает лишь относительно самого себя, то магический человек с его духовным бытием является лишь составной частью пневматического “мы”, которое, спускаясь сверху во всё, до чего ему есть дело, остаётся повсюду одним и тем же. Как тело и душа он принадлежит лишь самому себе; однако в нём пребывает нечто иное, чуждое и высшее, и потому он со всеми своими воззрениями и убеждениями ощущает себя лишь членом консенсуса, со-гласия, каковое со-гласие в качестве излияния божественного исключает не то что ошибку оценивающего “я”, но даже саму возможность его существования. Истина для магического человека — нечто совершенно иное, чем для нас ... Бессмысленно даже хотя бы только помышлять о собственной воле, ибо воля и мысль в человеке — это уже действия, производимые в нём божеством»⁴²⁶. Эти суждения, конечно, спорны с точки зрения слабой привязки к «Я» и его воле, но хотя бы отчасти находят подтверждение в структуре личности, о которой мы поговорим ниже, а также в специфическом использовании воли русскими не как инструмента преуспевания «Я», а как высшей внемировой силы, заключённой в «Я». Это структурная особенность «божьего» человека, которая может быть с поправкой распространена на значительную часть славянских народов.

Следует отметить, что христианство, именно аутентичное «Иоанново Христианство», по Шпенглеру, полностью реализуется именно в «магической» культуре (т. е. ближневосточной, что является весьма важным выводом!), в то время как в западной рациональной фаустовской культуре оно было лишь частично. Таким образом, согласно автору «Заката Европы», именно славяне, и в первую очередь русские, являются настоящими христианами, в отличие от западных европейцев, которые были христианами отчасти и временно. Учитывая культурную и религиозную тягу русских к ближневосточному магическому типу, Шпенглер прогнозирует и ближневосточный вектор русской геополитики: «Для русских будет любой врагом, кто будет блокировать их путь на Передний Восток»⁴²⁷. Данный вектор действительно периодически сильно проявлялся в до-советское и советское время; весьма ярко он проявился и сегодня в сирийской кампании В. В. Путина, которая вдруг стала центром политики постсоветской России, продолжив активную ближневосточную линию политики СССР, потеснив Запад в Сирии. Отсюда исходили попытки (при патриархе Никоне) построить Иерусалим в России как вместилище для Духа.

Конечный вывод О. Шпенглера звучит скорее оптимистично для существования оригинального типа восточноевропейской цивилизации, так как он не сводит русский тип к магической душе, а говорит о её нереализованности в собственном типе. «Избирательное сродство между русской и магической душой, пожалуй, ещё ощутимо, но прасимвол русскости, бесконечная равнина, не на-

⁴²⁶ Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 240 с.

⁴²⁷ Там же.

ходит пока твёрдого выражения как в религиозном, так и в архитектурном отношении... Будущее внутренней России лежит не в решении политических или социальных вопросов, а в рождении новой религии, третьей из богатых возможностей христианства»⁴²⁸. В какой-то мере этот прогноз сходен с пророчествами В. С. Соловьёва о роли России в создании Вселенского христианства, которые, возможно, повлияли на теорию О. Шпенглера. Иными словами, русская цивилизация — не в прошлом на Востоке, а в собственном будущем, и это будущее связано с духовными религиозно-философскими построениями, открывающее внемировое воздействие Духа на историю.

Следующая знаменитая фраза О. Шпенглера представляется пророческой: «Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся всё длиннее. Разницу между русским и западным духом необходимо подчёркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир», — писал Шпенглер⁴²⁹. Всё это является не столько следствием ближневосточного влияния истоков христианства, сколько внутренней воли восточного славянства к Духу.

*Кирилло-мефодиевская традиция как основа
славянской христианской цивилизации. Славянский мир
как конечный результат кирилло-мефодиевской миссии*

Почему славяне крестились? Что такое крещение славян — результат деятельности славянских миссионеров, как святые Кирилл и Мефодий, или результат государственного прозелитизма Византии, направленного на решение политических задач? Кризисная душа ветхого человека в славянстве была готова к принятию христианства в середине IX века, и оно началось. В любом случае у Византии не было власти, чтобы принудить славянские государства к принятию государственной христианской религии, но зато был опыт ассимиляции славян, заселивших полуостров в VII веке. Спустя три века после расселения славян и захвата ими Восточной Европы их правители и верхние слои общества решили принять христианство. «В 863 году христианство утвердилось в Моравии, в 885 году его приняла Болгария, в 966 году Польша и в 988 году Россия»⁴³⁰. Как видим, применительно к южным, западным славянам, а также большей части восточных славян речь идёт об одном большом периоде, отличающемся от периода крещения западных народов на 2–3 века. Крещение большинства славянских народов состоялось в IX–X вв. Однако в целом период крещения Восточной Европы растянулся на тысячелетие после утверждения христианства в Римской империи (сравните IV и XIV века). Наконец, в конце осевой эпохи Восточной

⁴²⁸ Шпенглер О. Пруссачество и социализм...

⁴²⁹ Там же. С. 146.

⁴³⁰ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна... С. 24.

Европы происходит крещение неславянских народов: балтов, финских народов, завершающее христианизацию Восточно-Европейской равнины. В какой-то мере осевое время славян продолжилось и в Новое время. Русские вступили в эпоху революций XX века ещё осевым народом, способным творить историю.

Рис. 18. А. Муха. Введение славянской литургии в Великой Моравии

Таблица 6

**Даты крещения восточноевропейских и западноевропейских народов
(государственное решение или начало успешной миссии по крещению)**

Западные народы	Дата	Восточноевропейские народы	Дата
Римляне	325	Словенцы (Карантания)	745
Греки	380	Сербы	869
Ирландцы	432	Моравия	863
Франки	496	Болгария	865
Саксы (Британия)	597	Македония	865
Саксы (Германия)	783	Польша	966
Даны	965	Русь	988
Норвежцы	1024	Вятичи	1113
Шведы	1087	Венгрия	1000
Румыния	1000	Пермь	1383
		Литва	1387
		Мордва	1680–1750

Византия рассматривала крещение славян и других народов Восточной Европы как способ подчинения их империи и недопущения завоевательных и грабительских походов в свои земли — своего рода «мягкую силу», призванную остановить экспансию славян и других варваров, буквально «нависавших» с севера над Константинополем. При этом славяне не рассматривались как равные ромеям по антропологическому статусу, а их отношения с Константинопольской церковью и императорами предполагались на правах зависимой или «младшей территории», если речь не шла о вассальной зависимости. Если модель вассальной зависимости, а то и прямого завоевания применялась Византией по отношению к соседней Болгарии, которую нужно было максимально подчинить в целях безопасности Константинополя, то касательно более отдалённой и сильной Руси применялась модель подчинения церковной иерархии, культурного и мировоззренческого руководства. В цивилизационном отношении это была модель неравноправная, в которой Константинополю отводилась роль центра мира и носителя божественной истины. Данные меры были в значительной степени вынужденными для Константинополя, поскольку он не обладал такой военной поддержкой в ВЕ, как германские епископы в отношении западных славян. К моменту крещения Восточной Европы в IX–X вв. Византия была уже другой, более близкой славянам империей, нежели ранняя Византия, в которой западные черты проявлялись сильнее. Византия, пройдя через горнило войн тёмных веков, дальше отошла от Древнего Рима. Важным цивилизационным преимуществом православного христианства для Восточной Европы, отчасти происходящим из византийской практики проповеди среди соседних народов на их родном языке, в противоположность римской практике, было принятие богослужения на родных или близкородственных славянам языках. Причём миссия проповеди и крещения была выполнена самими славянами, происходящими из среды славяно-греческого синтеза, уже попавшей в орбиту христианского мира: свв. Кириллом, Мефодием, Климентом Охридским и их учениками. Начало жизненного пути Солунских братьев было положено в Фессалониках, благодаря рождению и жизни в которых они овладели славянским языком (солунский диалект) как родным, возможно, Солунские братья происходили из эллинизированной славянской семьи.

Св. Константин Философ (св. Кирилл) и св. Мефодий, несмотря на то, что они первоначально действовали по заданию Византии и при поддержке византийских властей, одобрявших методы православного просвещения, тем не менее исходили из собственного осознания миссии, которая выходила далеко за рамки византийских интересов. Кирилло-мефодиевский проект носил надгосударственный, цивилизационный и межнациональный характер, охватывал сообщества церковных просветителей в разных поместных церквях Восточной Европы, не исключая и будущие католические страны: Чехию, Словакию, Хорватию, Словению. Сегодня кирилло-мефодиевская традиция признаётся как православной церковью в лице поместных церквей, так и римско-католической, что говорит в пользу её общеславянского значения именно для становления славянской цивилизации. Следует также отметить, что миссия была организована по просьбе моравского князя Ростислава к императору Михаилу III, то есть изначальный

волевой посыл кирилло-меофдиевского проекта исходил от славянского правителя, а не от Византии. Таким образом, Византия выступала в какой-то мере третьей стороной.

Глубина и значимость миссии Солунских братьев и их учеников не всегда осознаётся, если считать их просто своего рода переводчиками и миссионерами. Св. Кирилл был не только проповедником, но и выдающимся интеллектуалом своего времени, владевшим широким кругом знаний, что позволило ему поставить и решить в короткие сроки саму задачу создания славянской письменности и литургии. Важнейшим результатом деятельности миссии в первые же годы, с 856 года, было создание славянской азбуки и первых книг на ней. В 863 году славянская азбука была роздана в своей первой исторической форме (глаголицы) для Болгарской, а также Моравской миссий. Миссия Солунских братьев, Константина (Кирилла) и Мефодия, по созданию славянского алфавита и переводу на общеславянский язык богослужебных книг являлась своего рода необходимостью для выполнения основного задания, поскольку другого способа включить славянские государства в культурный мир империи просто не было: ведь славянские диалекты, относящиеся к группе сатем, не могли использовать греческий, относящийся к группе кентум, в отличие также от «кентумной» палеобалканской группы языков народов, находящихся на периферии греческого мира. Предстояло перевести Слово Божье на язык другой цивилизации, в которой не было многих важных соответствующих слов, что осложнялось ещё и тем, что греческая западная цивилизация была, по сути, посредником в передаче Писания и веры из ближневосточной цивилизации, в которой, собственно, и появилось христианство. Речь шла о двойной передаче смыслов разных языковых систем: Ближний Восток — византийский Запад — славяне. Проблемой было и отсутствие письменной культуры у славянских народов.

Передача не была одномоментной и происходила в несколько этапов и десятилетий, разными подвижниками и с помощью разных инструментов: глаголица была дополнена затем более жизнеспособной кириллицей. Фактически Солунские братья и их ученики и последователи, образовавшие широкое сообщество в основном в дунайско-балканских странах, но не только, создали восточнохристианскую версию славянской цивилизации, или, точнее, славянский вариант восточного христианина, вооружённого рациональным инструментом своего духовного воспроизводства и развития.

И, что самое важное, Солунские братья создали сообщество людей, способных пользоваться православной славянской письменностью в литургии, переводах других книг, и воспроизводить этот тип в других людях и учениках, представителях славянской княжеской, воинской, церковной элиты. Ведь письменность тогда не могла существовать отдельно от устной традиции и прямого общения в проповеди. Общеславянский церковный язык — это новый инструмент для новой цели, новый вариант общеславянского языка вместо ветхого, так как праславянский язык уже начал распадаться на национальные языки, и, кроме того, его смыслы были вне христианства.

Поставленная изначально задача культурного просвещения в целях подчинения византийскому миру была сразу же, в силу неизбежности, изменена

по собственной воле основоположников проекта (Солунских братьев и пятерых основных учеников — Седмочисленников) на творение новых цивилизационных форм письменного славянского языка. Миссия свв. Кирилла и Мефодия была нацелена на создание нового христианского типа славянина путём проповеди Слова Божия — Логоса — на понятном славянам общеславянском языке.

Следует также отметить, что латынь, на которой осуществлялась катехизация западных народов Римом, была родственным языком для западных народов, в особенности для романизированных кельтов Италии и юга Галлии и дунайско-карпатских гетов. Но вместе с тем латынь не была близкородственным языком для кельтов и гетов. Для германцев она была языком чужим. Напротив, церковнославянский язык для славянских народов IX–XII вв. был близкородственным, поскольку они ещё не успели накопить большие языковые различия после расселения. Проповедь, богослужение и христианская литература на родном языке способствовали тому, что православие было принято более глубоко и сильнее изменило тип личности славянина в направлении христианского прообраза, чем Римская церковь, — тип личности западных народов, которые, в конце концов, были настроены против латыни и отвергли её в ходе Реформации.

Первоначально это влияние кирилло-мефодиевской цивилизационной формы касалось и дунайских славян, которые потом попали под церковную власть римских пап. Данное влияние затронуло и католические западославянские народы — чехов и словаков, и католические южнославянские народы — хорватов и словенцев. И не только их. Вспомним св. Адальберта Пражского, возможного автора двух написанных сначала на кириллице важнейших официальных духовных песен чехов, поляков и литовцев⁴³¹, проповедовавшего в конце X века в Венгрии, Польше и даже в Восточной Пруссии среди балтов, так как в первые века после крещения традиции православного богослужения на славянском там сохранялись и, в конце концов, вернулись уже в позднюю эпоху.

Если православная письменность на церковнославянском языке способствовала закреплению родных восточноевропейских цивилизационных черт вместе с библейскими, то латинский язык в ходе христианизации западных народов способствовал закреплению и усилению черт западного инструментального рационализма, получившего именно в латыни свою специфически римскую крайнюю политико-юридическую форму. Об этом писали славянофилы, в частности И. Киреевский в статье о различии Просвещения в Европе и России.

Роль церковнославянского языка в формировании восточноевропейской цивилизации сказалась и в том, что большинство неславянских народов Восточной Европы, принявшие христианство, приняли его уже из рук славянских государств или под влиянием соседних славянских народов, с использованием соответствующей богослужebной и письменной традиции на славянском языке. Таковы, например, традиции православия в Румынии и Молдавии — единственных странах с западными языками (романскими, кентум), использовавшими восточный язык (группы сатем) для богослужения.

⁴³¹ Имеются в виду паралитургические гимны «Богородица» и «Господи, помилуй, нас» (Кирие элейсон).

Данный факт, а также в целом близкое славянское окружение способствовали тому, что валахи, предки румын и молдаван, стали восточноевропейским народом, несмотря на раннюю принадлежность к западной ветви и романизации. Сильное влияние славянской православной богослужебной традиции сказалось и на литовцев, так как в Великом Княжестве Литовском были официальными и доминировали православие и русский язык (славянские языки намного ближе к литовскому, чем западные языки и латынь). Среди неславянских народов Восточной Европы, подвергшихся влиянию православной церковнославянской традиции, хоть она и не всегда была доминирующей, следует упомянуть восточных финнов: мордву, коми, карелов, а также часть тюрок, часть татар (кряшены), чувашей.

С сегодняшней исторической дистанции мы можем видеть, что миссия святых Константина (Кирилла) и Мефодия, их учеников (Седмочисленников) и последователей выросла в масштабную и долгосрочную традицию, предопределившую развитие восточноевропейской цивилизации на этапе расцвета. Миссия вышла далеко за пределы их жизни и жизни их учеников и стала жить жизнью своей собственной. Менялась и форма письменности — с преобладающей глаголицы на кириллицу, что говорит о сложности задачи создания цивилизационной версии письма.

Менялись центры проекта — Малый Олимп (856–863), Велеград (863–886), Блатноград (Паннония), Преслав, Охрид (Болгария). Деятельность основателей проходила в Риме и Константинополе, Херсонесе, приобретая если не вселенский, то общеевропейский характер. Через несколько десятилетий, в начале X века, число активных последователей Седмочисленников (7 первых основателей традиции славянской письменности и литургии, Константина (Кирилла), Мефодия, Климента, Наума, Саввы, Горазда, Ангелария) достигло нескольких тысяч человек. Рассматривая зарождение и развитие их миссии, есть все основания считать её сознательным и волевым цивилизационным проектом славянства, устремлённым в будущее, не ограниченным горизонтом жизни её основателей. После смерти св. Мефодия (885) ключевой фигурой славянского православно-письменного проекта стал св. Климент Охридский, который обеспечил массовость приобщения славян к письменности (3500 человек) и начал создавать произведения на славянском языке. Одновременно Климентом или Наумом, есть две версии, была роздана кириллица — основа славянского алфавита, существующая с изменениями до сих пор у восточноевропейских народов. В конце IX — X веке основной опорной базой кирилло-мефодиевского проекта стала Болгария, центрами которой стали Преслав и Охрид. Именно оттуда уже в конце X века кириллица распространилась на Русь вместе с переселившимися от ужесточившегося византийского господства болгарскими клириками, взявшими с собой кириллические книги (первое балканское влияние на русскую литературу).

Определённое отношение к началу общеславянского проекта имела и Хазарская миссия св. Константина (860), включавшая в себя и деятельность в византийском Херсонесе. Характерно, что с Хазарской миссии и началась миссионерская деятельность св. Константина в Восточной Европе. Хазарская миссия св. Константина была частью общего хазарского проекта Византии, направленного

на превращение Хазарии в зависимого союзника и орудие в борьбе с восточными славянами и аланами, нападавшими на Византию и уже создавшими государство имперского типа на Среднем Днепре — исторически первое крупное русское государство. Уже на этапе своего зарождения кирилло-мефодиевский проект был связан с русским цивилизационным проектом. Любопытно свидетельство о том, что во время пребывания в Корсуни Константин, готовясь к полемике, изучил еврейский язык, самаритянское письмо, а наряду с ними какое-то «русьское» письмо и язык и для этого общался с его носителем. «И нашел Философ здесь <в Корсуни> Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, славя Бога»⁴³².

На Русь влияние кирилло-мефодиевского проекта пришло из разных частей славянского мира, как с юга, из Болгарии, так и с запада, из Чехии и Моравии, уже век спустя в середине — второй половине X века. Первоначально на распространение христианства и славянской богослужбной традиции, глаголической и кириллической письменности в X веке в Киеве оказывали влияние западные славяне из Моравии, с которыми были также прочные связи у Русской земли и её правителей. Вероятнее всего, они осуществляли строительство первой крупной Десятинной церкви, относящейся к современному ей западному, средневропейскому (базилика), а не к византийскому архитектурному стилю, где базилики уже не строились⁴³³ (это предположение сложилось после масштабных раскопок развалин Десятинной церкви в 2010-х гг.). Напрямую влияние кирилло-мефодиевской традиции в Киеве осуществлялось не самими основателями и учениками, а уже последующими поколениями. А его плоды в полной мере стали сказываться в середине XI века.

Миссия продолжалась в Хорватии, Сербии, Паннонии, до венгерского завоевания и после. В Венгрии со славянской великоморавской эпохи существовали опорные точки кирилло-мефодиевской традиции: из них наиболее важными были двуязычные бенедиктинские монастыри Вышеград (Visegrád), Тихон (Tihany) и женский василианский Веспрем (Beszprém), а также Сремска Митровица, где ранее родился святой Димитрий, покровитель города Салоники, из которого вышли святые Кирилл и Мефодий. В Венгрии кирилло-мефодиевская традиция продолжалась до 1526 года, «до завершения истории средневековой независимой Венгрии, произошедшим после битвы у Мохача в 1526 году. Вместе с суверенной Венгрией в прошлое ушла и Кирилло-Мефодиевская традиция христианского исповедания»⁴³⁴. Она объединяла народы ВЕ не только стран с господствующим славянским этносом, но и других языковых семей.

⁴³² См.: Житие св. Константина [Электронный ресурс] // Православие.ру. URL: <https://pravoslavie.ru/put/050520124441.htm> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴³³ В Византии тогда не было института церковной десятины.

⁴³⁴ См.: Усовский А. Кирилло-Мефодиевская традиция, как базовая основа венгерского консерватизма [Электронный ресурс] // Украинский выбор. URL: http://vybor.ua/article/vneshnjaja_politika/kirillo-mefodievskaia-tradiciya-kak-bazovaya-osnova-vengerskogo-konservatizma.html (дата обращения: 10.06.2013).

Кириллу и Мефодию, но в большей степени их ученикам, пришлось выдержать борьбу с давлением цивилизационных противников в лице немецкого духовенства, осуществлявших тогда западную экспансию на славянских территориях. Главный удар был направлен против распространения вновь созданного письменного и богослужебного славянского языка с целью замены его латынью. Главной целью германских королей и епископов было недопущение самостоятельности славян в духовной сфере. Интересно, что римские папы Адриан II и Иоанн VIII поддерживали кирилло-мефодиевский проект в этой борьбе, пытаясь использовать его в своих целях. Таким образом, Римская курия рассматривала возможность влияния на славянский христианский цивилизационный проект и подчинения его своим интересам, что отчасти удалось реализовать (и активно делается до сих пор через массу католических институций, работающих со славянами). Но папы, подобно Византии, вынуждены были считаться со славянским проектом как с объективной реальностью, что проявляется, в частности, в автономии униатов.

Частичный или полный отказ от кириллицы, происходящий до сих пор в некоторых славянских, а также неславянских странах, находящихся в сфере влияния восточноевропейской цивилизации, означает «сворачивание» кирилло-мефодиевского цивилизационного проекта Восточной Европы (Сербия, Казахстан, Молдавия).

Сегодня мы видим продолжение кирилло-мефодиевского проекта в создании славянскими народами различных систем самоописания: литературы, философии, богословия, гуманитарных наук, вообще развития и взаимообогащения славянских языков, защиты их от новояза. Славянам предстоит создать свою философию «по-славянски» — на славянском языке и со славянской системой категорий.

2.10. Государства и империи Восточной Европы: созревание цивилизации

Восточноевропейские государства-империи: их идея и цивилизационная роль

Империя — крупное централизованное государство, состоящее из различных этнически или экономически и культурно разнородных территориальных частей, в котором господствует центральная часть — метрополия. К империям могут относиться не только очень крупные государства, обладающие мировым влиянием, но и государства регионального масштаба, если они удовлетворяют указанным требованиям. Империи выступают политической формой цивилизации начиная со вступления цивилизационного типа в развитую стадию. Не являясь империей, цивилизация не сможет защитить себя от силового поглощения другими цивилизационными типами, а также обеспечить свои универсалистские претензии (на всеобщность типа человека и общества), которые присущи любым цивилизациям. Империи — это политико-территориальное и культурное

воплощение цивилизаций, их идеи, состоящие в образе господствующего человеческого типа. В одной цивилизации может быть несколько империй.

Империи, как и связанное с ними принятие христианства, суть ответы на вызовы «осевого времени»: формирование своего пространственно-временного континуума, закрытого от других, своей цивилизационной «оси», возможно было в крупных государствах, сопряжённых с трансцендентным — с крупной мировой религией и с осью мировой истории⁴³⁵. Отдельная цивилизация, которая представляет собой определённую модель исторического времени и пространства, неизбежно порождает имперские государства, в которых она находит своё выражение.

Осевая эпоха славянства породила тип славянской универсальной государственности и общественности, опирающийся на славянскую общинную архаику и христианскую общественность. Вопреки представлениям о Восточной Европе как лоскутном одеяле народов, противостоящем гигантской России, и о славянах как якобы «негосударственном» народе, восточноевропейская цивилизация показала, что ей присуща собственная имперская идея и форма государственной организации.

В VI–VIII веках славяне ещё не достигли имперского этапа, они не образуют ни больших народностей, ни крупных собственных государств. Часто славяне выступают младшими союзниками других племён и их империй и ведомыми в этих союзах: Аварский каганат (552–726), раннее Болгарское царство (681–1018). В дальнейшем Болгарское царство славянизируется и становится первой славянской империей. Но это происходит не сразу. Первой пробой славянского государства может считаться государство Само (623–658), направленное против авар, но оно было недолговечным и связанным только с фигурой франка Само, а также небольшое княжество Карантаня (631–820), входившее в Само. Карантаня была первым славянским государством народности хорутан, принявшим христианство (745).

Зато в IX веке мы наблюдаем уже другую картину: у славян в разных концах Восточной Европы формируются в одно и то же время несколько крупных государственных образований раннесредневекового имперского типа, включающих другие народы и налаживающих торговые связи. Великая Моравия (822–907) представляла собой имперское объединение отдельных княжеств и первое крупное славянское государство-империю⁴³⁶. В Великой Моравии в 863 году неслучайно началась миссия свв. Кирилла (Константина) и Мефодия (кирилло-мефодиевский проект), которая затем получила опору в Болгарском царстве до завоевания его Византией.

Восточноевропейский ареал приобрёл ряд своих организационных форм, сплачивающих отдельные народы в единые региональные пространства. Таковы-

⁴³⁵ А. Вебер соотносил империи со вторым, осевым периодом третьего (современного) человека. См.: *Weber A. Kulturgeschichte als Kulturosoziologie...*

⁴³⁶ См. подробнее: *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на Северо-Западе*. СПб., 1872. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Uspenskij/pervye-slavjanskije-monarhii-na-severo-zapade/#0_1 (дата обращения: 03.09.2023).

ми были Русь в регионе Днепр — Дон, затем империя Рюриковичей: Древнерусское государство, Польское королевство, Венгерское королевство, Второе Болгарское царство, Сербское королевство и царство, Великий Новгород, Владимиро-Суздальское княжество, Великое княжество Литовское, Московское княжество и Московское царство и Российская империя, а также Речь Посполитая. В XX веке после Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии и Германской империи возникли славянские государства имперского типа: Королевство Югославия и Чехословацкая Республика. Наиболее универсальной формой стала Российская империя, а вскоре и СССР с Варшавским блоком (1955–1991) и СЭВ.

Органичность имперской идеи для славян и её сетевой и антиколониальный характер

Мы наблюдаем у славян стремление к формированию империй, которые существовали наряду с национальными государствами и небольшими народностями. Империя не противоречит идее народовластия, о котором писал ещё Прокопий Кесарийский, это разные этажи социальной жизни — геополитика и самоуправление. Ущемление самоуправления ведёт к деградации империи. Разнообразие перечисленных государств и их форм показывает, что имперская форма Восточной Европы отнюдь не была заимствована из Византии, или Римской империи, или Монгольской державы, хотя некоторые их черты, атрибуты и традиции перенимались и использовались. Вопреки мнению славянофобов, русофобов и внутренних изоляционистов и анархистов, считающих, что славяне «оказывались» вдруг в империи из-за завоевания или призвания внешних правителей, имперская идея присуща самим славянам и выражает их цивилизационную идею справедливости, воплощённую в политическую волю правящего слоя.

В чём состоит особенность имперской идеи и формы Восточной Европы? Во-первых, восточных европейцев отличает рассеянное проживание в большом пространстве; во-вторых, большое пространство предполагает интеграцию в единое целое, равенство народов, а не установление вертикали «хозяин — подчинённый», исключение колоний из метрополии. Славянская имперская идея, в отличие от Рима и Византии, а также колониальных империй Запада Нового времени, строится не на противоречии метрополия — колонии, а на сбалансированности отношений центр — окраины, а иногда и на обратном обмене в пользу окраин. Подобная схема национально-государственного устройства последовательно была воплощена в СССР, несмотря на наличие централизации. Процессы имперского строительства на протяжении 1100 лет завершились созданием Варшавского блока в 1955 году, империями с высокой степенью децентрализации — Великое княжество Литовское и Речь Посполитая. Последняя, несмотря на жёсткий эксплуататорский и колониальный характер по отношению к восточным славянам, была достаточно децентрализованной сетевой структурой. Имперская идея славян, противоречащая как западным установкам, так и привычному опыту централизации власти, не всегда понятна и вызывает споры иногда и среди самих славян, и обвинения руководства СССР, да и даже Российской империи, в антиславянской и антирусской политике.

Идея славянской империи исходит из личностного образа власти единого Бога на небе как в христианском, так и в предшествовавшем языческом и двоеверческом варианте этой идеи, широко распространённой в Евразии (идея Белого и Чёрного бога). В период атеистического социализма использовалась трансформированная в социалистических учениях хилиастическая идея тысячелетнего Царства Божия на земле, ранее присутствовавшая в идеях «Третьей империи» или «Третьего Рима». Имперская идея тесно связана с идеей «иного времени» — своего времени как своей версии истории, вхождения в мировую историю окружающих народов и одновременно создания защитной оболочки своей истории, которое понимается как «Небесное Царство», Беловодье, небесный Иерусалим.

Имперская форма правления славян как аутентичная для них наряду с «народоправством»: двойная система

Как в ранних, так и поздних славянских и восточноевропейских государствах преобладает либо наследственная монархическая, либо вождистско-цезаристская форма с пожизненным правлением, которая, однако, сочеталась с самоуправляющейся общинной сетевой системой на местном и региональном уровне. Для славян характерно также самоуправление и республиканизм на местном и региональном уровне, но не демократия как государственная система. Такое взаимодополнение и лежало в основе славянофильской схемы К. С. Аксакова «земли» и «государства», когда народ («земля») признавался неполитическим и отдавал политику монархии, оставляя себе право мнения в Земских соборах. На ранних этапах истории славянские государства склонялись к наследственным родовым монархиям, которые затем были заменены различными формами ненаследственных монархий и вождизма. От Само, Великой Моравии и Болгарии, Богемии — Чешского королевства, Польского королевства, империи Рюриковичей до России, Ленина, Сталина, Путина, Югославии, Тито славянство тяготело к единовластию сильных правителей, без которых наступала довольно быстрая дезинтеграция. Распад сильной единоличной власти даже при наличии формально легитимного единоличного, но слабого правителя неуклонно вёл к резкому ослаблению государства в целом. Республиканская форма связана, как правило, с получением суверенитета или с плутократическими образованиями типа Новгородской Республики (1136–1478), Псковской Республики (1348–1510), Ругозинской (Дубровницкой) Республики (1358–1808). Совершенно неправильно считать наследственную монархическую форму чуждой славянам и восточным европейцам. Исторически это типичная форма, как и у всех индоевропейцев, у которых выделяется правящий клан патрилокального — «патриархального» типа. Раннесредневековая империя Рюриковичей была продуктом внутренней и военной эволюции власти князей и вождей в северном ареале (Ладога — Новгород) и южном ареале Русской земли.

Появление восточноевропейских империй привело к постановке вопроса о более масштабном общеславянском и восточноевропейском объединении, выражающем универсалистские устремления славянской цивилизации. Впервые это

произошло в период первичной зрелости ВЕЦ в X в. (проект Адальберта Пражского о создании западнославянской империи как автономной восточной части Священной Римской империи). В дальнейшем этот вопрос появился в начале Нового времени («Славянское царство» М. Орбини). В начале XIX века возникла идея панславянской федерации в Европе, которая была связана с масонскими кругами. Затем в середине — второй половине XIX века вместе с ростом влияния Российской империи стала обсуждаться идея славянской федерации под контролем или под влиянием России. Эта идея была реализована И. Сталиным после победы СССР во Второй мировой войне в виде СЭВ и Варшавского договора (СССР, Албания, ВНР, ПНР, ЧССР, НРБ, ГДР, СРР). Уже весной 1945 года Сталин приступил к реализации своей идеи славянского союза в речи на приёме в честь президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 года: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что, независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий, все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства»⁴³⁷.

С древности выдвигалась и альтернативная идея — участия славянских государств в объединённой демократической Пан-Европе («Соединённых Штатах Европы») — наследнице Священной Римской империи, без преобладающего влияния России под контролем элит и государств Запада, что и было реализовано в Евросоюзе после распада социалистического блока.

Создателем и реализатором модернизированной панъевропейской прозападной идеологии славянства после распада Австро-Венгерской и Российской империй стал один из крупнейших политических деятелей и мыслителей западного славянства, первый президент Чехословакии Т. Масарик. Его тесная связь с западными глобалистскими кругами не вызывает сомнений. Его считают непосредственным предшественником идей Пан-Европы. Глобальная историческая миссия Масарика, по всей видимости, состояла в том, чтобы геополитически оформить славянский и отчасти русский фактор в Европе с учётом интересов глобальной олигархии, при этом дав славянам возможность собственной сильной национальной государственности за счёт германских государств. Масарик опирался не только на интересы своих покровителей на Западе (США, Англия), но и на взгляды поколений славянских интеллектуалов, которые не желали бы доминирования России в ВЕ, но при этом хотели бы суверенитета для славянских народов, в том числе и с использованием России. Свои идеи нового порядка Т. Масарик изложил в работе «Новая Европа: славянская точка зрения»⁴³⁸

⁴³⁷ Дневник наркома В. А. Малышева [Электронный ресурс] // Белорусский славянский комитет. 21.12.2015. URL: <https://www.belslavkom.by/home/rech-stalina-o-soyuzeslavjanskikh-narodov/> (дата обращения: 23.06.2023).

⁴³⁸ См.: Масарик Т. Г. *Философия — социология — политика: Избр. тексты / сост.: М. Петрусек, Н. П. Нарбут; пер. Л. С. Азарх, М. А. Едемская. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. С. 459–486.*

(1918, 1920): «главная проблема войны — это восстановление Восточной Европы на национальной основе», то есть выполнение программы национализма. Базой для выводов Масарика послужил его фундаментальный труд «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России» (название которого в начальных словах знаково совпадает с названием книги Н. Я. Данилевского), в котором он выступил против особой миссии России, теократии и царизма, а также идеи русского «всечеловека». «Через анализ творчества Достоевского Масарик выразил скептическое отношение к программе русофильского панславизма... Масарик выносит приговор концепции присоединения славянства к Российской империи, показывает, что веры в высшее предназначение России — миф»⁴³⁹. Таким образом, Масарик достаточно хорошо понимал неприемлемую для него силу русской цивилизационной оптики, состоявшую в идее всечеловека, самодержавной и теократической империи.

Империи Восточной Европы

Рис. 19. Великая Моравия (822–907)⁴⁴⁰

⁴³⁹ Егорова К. Б. Т. Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции»... С. 353. Цит.: URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=F02MzmkI30M%3D&tabid=10459> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴⁴⁰ Ежедневник историка. Славянская империя 10-го века. Великая Моравия [Электронный ресурс] // dzen.ru. 02.08.2019. URL: <https://dzen.ru/a/XRs-GXMkdWcsLTWz> (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 20. Первое Болгарское царство (VIII–X вв.)⁴⁴¹

Рис. 21. Русская земля (Русь, первая половина — середина IX в.)⁴⁴²

⁴⁴¹ Stolichanin. First Bulgarian Empire [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 19.11.2014. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:First_Bulgarian_Empire_Xc.png (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁴² Никодимов И. Ю. История государства и права России [Электронный ресурс] // bstudy.net. 2019. URL: https://bstudy.net/956429/pravo/vvedenie_gosudarstvo_pravo_kievskoy_rusi (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 22. Древнерусское государство (IX–XII в.)⁴⁴³

Рис. 23. Древнерусские великие княжества — империи в миниатюре (XII–XIII в.)⁴⁴⁴

⁴⁴³ Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://wikipedia.net/ru/Russia> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁴⁴ Das steinerne Herz. Principalities of Kievan Rus' (1054–1132) ru2.svg [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 26.05.2011. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Principalities_of_Kievan_Rus%27_\(1054-1132\)_ru.svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Principalities_of_Kievan_Rus%27_(1054-1132)_ru.svg) (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 24. Сербская империя (1346–1371)⁴⁴⁵

Рис. 25. Второе Болгарское царство (1186–1396)⁴⁴⁶

⁴⁴⁵ Map of the Serbian Empire, University of Belgrade, 1922.jpg [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 20.05.2007. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Map_of_the_Serbian_Empire,_University_of_Belgrade,_1922.jpg (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁴⁶ Bulgaria-Ivan Asen 3.png [Электронный ресурс] // Wikipedia. 06.07.2017. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/File:Bulgaria-Ivan_Asen_3.png (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 26. Земли под властью чешской династии Пржемысловичей (XIII–XIV в.)⁴⁴⁷

Рис. 27. Великое княжество Литовское (XIV–XV вв.)⁴⁴⁸

⁴⁴⁷ Mozzan. WenceslausIImap-cs.png [Электронный ресурс] // Wikipedia. 17.04.2010. URL: <https://wiki2.org/ru/Файл:WenceslausIImap-cs.png> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁴⁸ Vaidas V. Grand Duchy of Lithuania 1430.png [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 23.05.2016. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grand_Duchy_of_Lithuania_1430.png (дата обращения: 30.01.2024).

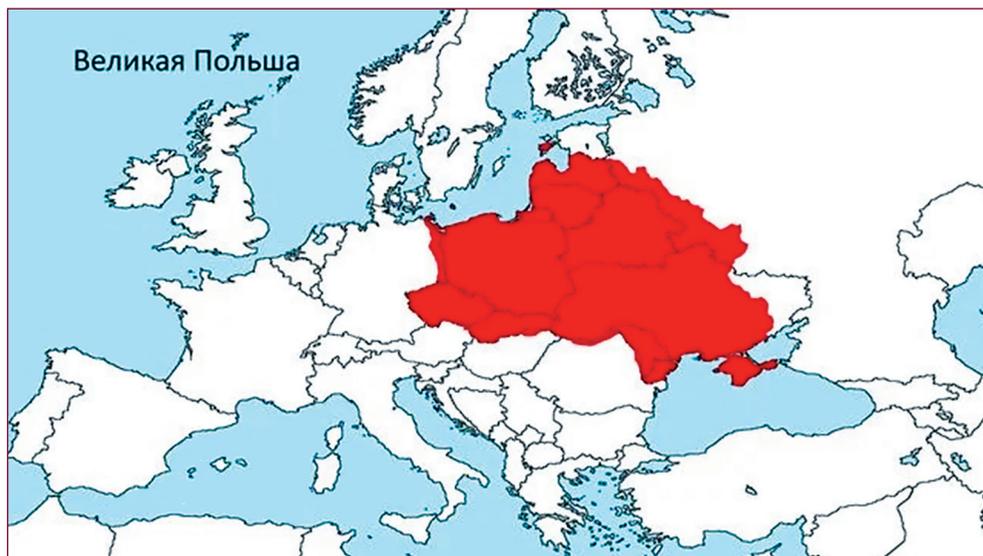

Рис. 28. Речь Посполитая (XVI–XVII вв.)⁴⁴⁹

Рис. 29. Русское царство (XVII в.)⁴⁵⁰

⁴⁴⁹ 20 ВЫМЫШЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ НА КАРТЕ [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/53c9714757105857ec1d79beb2c2757a/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁵⁰ Gabagool. RussianEmpire1700 [Электронный ресурс]. URL: http://wiki-org.ru/wiki/Русское_царство (дата обращения: 30.01.2024).

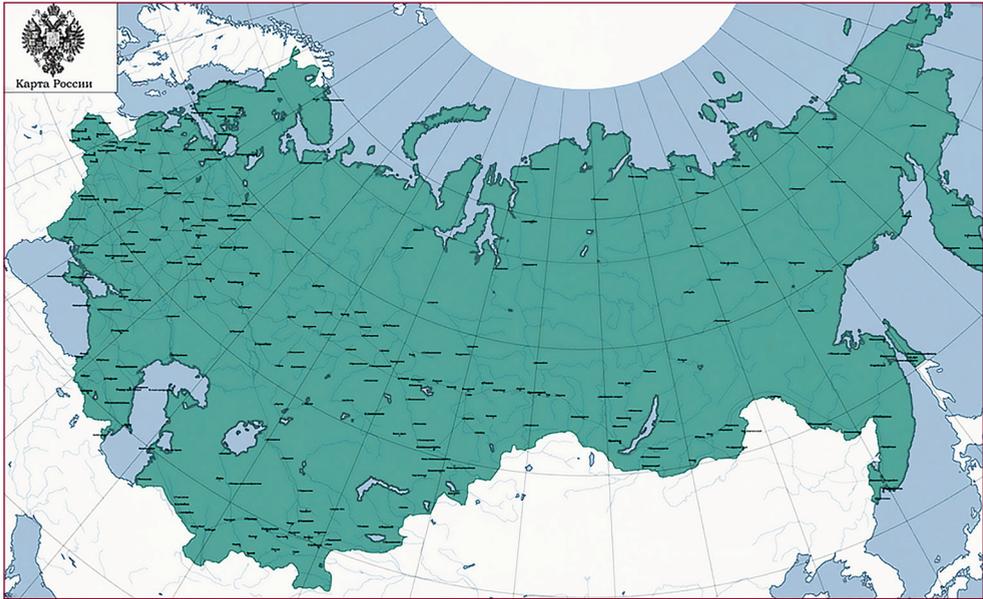

Рис. 30. Российская империя (начало XX в.)⁴⁵¹

Рис. 31. СССР и страны Варшавского договора — восточноевропейский военно-политический блок (1956–1989)⁴⁵²

⁴⁵¹ Настало время расширения России [Электронный ресурс] // Интересная Россия. 07.07.2021. URL: <https://good-russia.ru/tags/границы/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁵² Карта СССР и Европы [Электронный ресурс] // Фотобанк от TripTonkosti. 29.01.2024. URL: <https://triptonkosti.ru/21-foto/karta-sssr-i-evropy.html> (дата обращения: 30.01.2024).

Рис. 32. Югославия (Королевство Югославия, СФРЮ, 1918–1991)⁴⁵³

Цивилизационные войны Запада против народов восточноевропейской цивилизации и их неизбежность

После того как пространство Европы кристаллизовалось в конце раннего Средневековья, Восточная Европа столкнулась с рядом цивилизационных войн со стороны Запада. Как указывалось выше, причиной были не только завоевательные устремления германских народов и их феодальных элит, но и конкуренция славян, венгров, балтов как растущей цивилизационной силы Европы с германскими народами в Центральной и Восточной Европе, в том числе и за территории на Дунае и Балканах, ранее принадлежавшие западным античным империям. Большую роль играли и попытки германцев захватить новые ресурсы Евразии. Ведущей силой цивилизационных войн Запада против ВЕЦ выступали германские народы Центральной Европы, образовавшие единый немецкий народ (эти войны получили обобщающее название в славянской критике «Drang nach Osten») ⁴⁵⁴, и иногда германцы Северной Европы, за исключением наполеонов-

⁴⁵³ Югославия распад карта [Электронный ресурс] // Фотобанк 19.11.2023. URL: <https://sparklogic.ru/portal/2023/11/yugoslaviya-raspad-karta> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁵⁴ О концепте и проявлениях «Drang nach Osten» в восточноевропейской и германской историографии см.: Лябуда Г. Историографический анализ так называемого германского «натиска на Восток» // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сборник статей под ред. В. Д. Королюка. М.: Прогресс, 1965. С. 42–43, и ряд других работ в этом сборнике. Лябуда указывал, что первым историком, кто употребил термин «Дранг нах Остен» в историографии, был польский автор Кароль Шайноха в работе «Ядвига и Ягайло» (1861). Затем он попал в русскую панславистскую печать, для которой немецкий вопрос, помимо внешнего, имел и большое внутриславянское значение, затем и в германскую литературу. По некоторым данным термин ввёл польско-еврейский автор Ю. Клячко в памфлете «Немецкие гегемоны» (1848).

ских войн, экспансии Ватикана, закулисных и холодных войн Великобритании и США, связанной с ними восточноевропейской экспансии глобальной олигархии в XIX–XXI вв.

Как и все подобные войны, они носили тотальный и идеологически направленный характер. Чаще Восточная Европа играла роль жертвы, оборачивающейся моральным победителем. Однако славянские государства и народы выступали в цивилизационных войнах и наступательной стороной, действия которой приводили к краху результаты «натиска» Запада. В целом для славянства в Европе характерна «эксклюзивность», стремление к обособлению, «охрана доступа к собственным культурным ценностям» (Ф. Ненецкий)⁴⁵⁵, а не экспансивность, в отличие от Запада, что не всегда верно. На идейное вооружение Запада в разные эпохи брались католицизм, просвещенческий рационализм, неязыческий иррационализм, социализм, глобализм, славянофобия, русофобия, нацизм. «Натиск на Восток» стал в XIX веке своеобразной политической философией германского мира, нашедшей крайнее проявление в нацизме. «...Теория о необходимости “натиска на Восток” выводилась именно из этих философских оснований, носивших метафизический характер»⁴⁵⁶, а именно из «детерминистского» понимания «хода истории» немцами (немецкого философского историцизма), согласно выводу польского историка К. Тыменецкого (1923). Речь шла прежде всего о детерминистском историцизме Г. В. Ф. Гегеля, обосновывавшего исключительность немецкого народа и государства в историческом процессе. Данный вывод говорит о неизбежности «Натиска на Восток», исходящей из самой мировоззренческой оптики Запада, которая, в свою очередь, отражает особенность типа личности, «насильственность», по меткому определению Н. Я. Данилевского. Т. Масарик утверждал в книге «Новая Европа. Славянская точка зрения», что «Пруссия и Австрия сформированы “Натиском на Восток”». Первоначально Германия Карла Великого была Германией до Эльбы и Заале»⁴⁵⁷. Борьба славянства с «натиском на Восток» была борьбой двух разных цивилизационных мировоззрений.

Г. Лабуда назвал следующие проявления идеологии «Натиска на Восток» в различные периоды истории: христианизация язычников (IX–XI вв.), крестовые походы в XII–XIII вв. (переход от крещения к крестовым походам), феодальное ленное право, обосновывающее право на славянские земли; «доктрина имперского универсализма» Священной Римской империи, «доктрина папского универсализма»; патримониальная династическая доктрина использования династических браков с восточноевропейскими монархиями; «государственные интересы» в эпоху Просвещения (XVIII); историзм, «теории давности оседания» немцев, в том числе «древнегерманской колонизации», теория гегемонии германской расы (XIX–XX вв.), норманизм, геополитика жизненного пространства, «теория цивилизационной молодости» германцев; культуртрегерство — историческая культурная миссия Запада⁴⁵⁸.

⁴⁵⁵ Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе... С. 47–48.

⁴⁵⁶ Там же. С. 47.

⁴⁵⁷ Масарик Т. Г. Философия — социология — политика... С. 459–486.

⁴⁵⁸ Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе... С. 65–67.

Только неполное перечисление войн Запада против ВЕ займёт страницу. Первой такой войной была немецкая экспансия против балтийских и вообще западных славян (в VII в. франков и швабов против государства Само, Франкской империи в 855 г. — Великой Моравии, которая привела к сворачиванию кирилло-мефодиевского проекта и восточного христианства у западных славян в 885 г.; в 955 г. — Венгрии, в 955–963 гг. — полабских славян, в 1147 г. — против вендов, 1217 г. — против пруссов, шведов и Ливонского ордена в 1230–1260-е гг. — против Великого Новгорода и Пскова), их насильственное крещение западными епископами, ассимиляция и распространение рыцарских военных орденов в Прибалтике, вплоть до войн с Новгородом и Литвой, Тевтонского ордена против Польши, Литвы и Западной Руси в XIV — начале XV века, а также восточные завоевания Священной Римской империи, в частности агрессия против чехов в Богемии (Чешского королевства) (1620)⁴⁵⁹. Войны Византии против Первого Болгарского царства и его уничтожение, а заодно и войны против Руси во главе со Святославом. Подавление восстания гуситов в Богемии — цивилизационная война против славян. Война Русского царства при Иване Грозном против Ливонского ордена. Следующий акт сопряжён с войнами Речи Посполитой против Москвы и украинских казаков (Гетманщины и Запорожской Сечи). Речь Посполитая хотя и была восточноевропейским государством, тем не менее выступала проводником мира Западной Европы в лице Римской курии.

Третий акт — войны России, Польши против Швеции Карла XII. Четвёртый — войны России против Пруссии. Пятый — войны с революционной Францией и нашествие Наполеона в Россию в 1812 году. Шестой эпизод касается Крымской войны России против объединённой Западной Европы. Первая мировая война против германского мира и его сателлитов против России и Сербии может трактоваться как война против восточноевропейской цивилизации. Возможно, она спровоцирована Великобританией, задумавшей ликвидацию Российской, Прусской и Австро-Венгерской империй. Германия для России была ближайшим представителем враждебного Запада. Её продолжением стали события революции и Гражданской войны в России, сопровождавшейся интервенцией стран Запада, в том числе и Германии на юге России в 1918 году. В результате Первой мировой войны большевистская Россия стала новой реальностью Восточной Европы, равно как и другие национальные государства, возникшие на обломках империй. Великая Отечественная война с фашистской Германией и её блоком (1941–1945), затем холодная война с горячими эпизодами — вот перечень цивилизационных войн, к сожалению, не оконченный. Холодная война и распад социалистической системы в 1991 году в результате холодной войны Запада против СССР показали, что потребительский и экономический рационализм являются самым сильным оружием Запада, разлагающим ВЕЦ изнутри. В 1999 году жертвой цивилизационной войны Запада против Восточной Европы стала Сербия, как и ранее все народы Югославии. В 2000-е годы Запад предпринял попытки про-

⁴⁵⁹ См.: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Цит.: URL: <https://inslav.ru/publication/germanskaya-ekspansiya-v-centralnoy-i-vostochnoy-evrope-sbornik-statey-po-istorii-tak> (дата обращения: 30.09.2023).

никновения НАТО на Украину и вытеснения флота России из Крыма, а также спровоцировал военную авантюру в Грузии. С 2014 года началась горячая фаза цивилизационной военной экспансии НАТО на Украине против Российской Федерации, которая в 2022 году переросла в масштабную войну.

Крайних форм «натиск на Восток» достиг в эпоху германского нацизма. Несмотря на общемировой характер коричневого проекта, нацизм и фашизм не были цивилизационно нейтральными и этнически безликими. Они не были просто универсальной абстрактной человеконенавистнической идеологией, как это иногда хотят представить, они имели вполне определённые объекты для ненависти и уничтожения. Они представляли крайний вариант именно западной цивилизации и идеологии западных народов, несмотря на наличие некоторых союзных им фашистских режимов на Востоке, например милитаристской Японии. Это был общезападный проект, а не только германский, итальянский, испанский. Представители западной олигархии решили «свернуть» коричневый проект руками СССР в 1940 году, когда он вышел из-под контроля. У нацистских режимов и партий были определённые враги в лице этнических и языковых групп. В Европе главным цивилизационным и этническим противником нацизма и фашизма выступали славяне в качестве стержня альтернативной Западу Восточной Европы, о чём Гитлер писал ещё в начале своей карьеры. Антиславянскую идеологию сформировали лидеры нацистских и фашистских режимов. Интересным документом, который был опубликован сравнительно недавно, является встреча Михая Антонеску и Адольфа Гитлера в Берлине 27 ноября 1941 года, в ходе которой они обменялись своими позициями по славянскому вопросу. «А славянская масса на протяжении многих лет только и делала, что трансформировалась и продвигалась вперёд, будучи совершенно несовместимой с европейским духом, с цивилизацией Европы. Коммунизм — это не что иное, как духовное выражение славянской расы»⁴⁶⁰, — сказал М. Антонеску. «Фюрер начал с бурного обсуждения великой славянской проблемы, оказав мне честь в трёх случаях принять изложенную мною точку зрения на европейское переустройство. В качестве основы для беседы фюрер открыто сказал мне (далее М. Антонеску пересказывает слова А. Гитлера. — С. Б.): “Вы правы, славянская проблема — биологическая, а не идеологическая, как вы и сказали, и борьба со славянами должна вестись всеми европейцами... Моя миссия, сказал фюрер, если я добьюсь успеха, заключается в том, чтобы уничтожить славянство”»⁴⁶¹. Далее они подтвердили эту позицию на примере конкретных славянских государств — Украины и Болгарии. Данный примечательный диалог вождей выражает истинную консолидированную позицию германского нацизма и румынского фашизма по отношению к славянам, а противоположные действия по использованию славян — скорее тактические исключения из этого правила. Нацизм и фашизм по своей природе являются

⁴⁶⁰ В России впервые опубликован текст высказывания Гитлера об уничтожении славянских народов [Электронный ресурс] // История РФ. 27.07.2023. URL: <https://histrf.ru/read/articles/v-rossii-vpervyye-opublikovan-tekst-zayavleniya-gitlera-ob-unichtozhenii-slavjanskikh-narodov> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴⁶¹ Там же.

врагами славянства и Восточной Европы. Нацизм и фашизм признают цивилизационную чуждость славянства цивилизации Европы, а также считают славян носителями антагонистической им социалистической цивилизации. В целом нацизм и фашизм как порождение Запада противоречат осевым цивилизациям и культурам в силу их всеобщности.

Исходя из приведённого в данном разделе анализа истории ВЕЦ, можно сделать вывод, что цивилизационные войны Запада против народов ВЕ являются неизбежными — независимо от того, какими западными государствами или надгосударственными структурами (военно-религиозные ордена крестоносцев, Ватикан, Антанта, НАТО) они ведутся; в какой, горячей или «холодной» форме они ведутся; используются ли в них конфликты восточноевропейских народов друг с другом (войны против стран ВЕЦ руками самих носителей ВЕЦ) или западные структуры воюют напрямую. Не важно также, кто является победителем. Народы ВЕ в большинстве ситуаций не заинтересованы в экспансии на Запад, за исключением крайних ситуаций кризисного запустения территорий на Западе, так как им сложно найти свою нишу на плотно заселённых территориях и использовать западные эксплуататорские структуры экономики в своих интересах. Наоборот, Запад по своей природе заинтересован в экспансии на просторах ВЕ и её эксплуатации: альтернативой могут служить только заморские колонии, возможности эксплуатации которых последние 80 лет неуклонно сокращаются. Народы ВЕЦ имеют два выбора: либо победить, либо проиграть, причём победа гарантируется именно наступательной стратегией ВЕЦ против Запада.

2.11. Климат и материальные особенности человека Восточной Европы

Логика и границы мир-экономики восточноевропейской цивилизации и российская мир-экономика

Связь природных, пространственных и хозяйственных условий с типом личности и расой характеризует социобиологические особенности типа человека. Отдельная мир-экономика с привязкой к природным условиям является одной из составных частей цивилизации как типа человека и общества и, как социально-экономический уклад, зависит от климата и географических условий. Вместе с тем к природе, климату и пространству нельзя свести цивилизацию, равно как и считать их основой цивилизации, не впадая при этом в экономический редукционизм.

Говоря о различных экономических и природных зонах в Восточной Европе, нужно иметь в виду их изменение в сторону более рискованных (как в смысле позитивных, так и негативных рисков) и в целом менее благоприятных зон для проживания с запада на восток и с юга на север. Иными словами, по мере продвижения восточноевропейского населения вглубь Евразии растут ресурсные возможности, но уклад жизни становится сложней и опасней, а положение менее устойчивым.

Позитивные риски движения русских на восток, на Урал, в Сибирь, на Север и Дальний Восток, создают там, по мере технического и социального развития, совершенно новую гигантскую ресурсную базу экономики цивилизации Восточной Европы, которой нет и не будет на западе и юге, а также транспортные коридоры, облегчающие передвижение по северному полушарию Земли. Не будет преувеличением сказать, что русские славяне, вступив в ходе движения на восток в войны и симбиоз с тюркскими народами, подарили себе мировую сокровищницу Северной Евразии.

Освоение новых климатических ресурсных зон является следствием исключительно сознательного волевого выбора этих рисков и умения управлять ими и реализовать их себе на пользу с использованием структур рациональности. Откат русских из Восточной Сибири и Дальнего Востока в 1990–2020-е гг. говорит о том, что условия их жизни там стали чрезмерно плохими относительно климатически-географических и экономических реалий, а личные риски в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — в основном негативными. Государство РФ не смогло изменить их баланс, несмотря на точечное улучшение.

Тем самым запад и юг Восточной Европы, где живут западные и южные славяне и ряд других народов, не являются показательными для её цивилизации в целом, даже если они входят в одну большую климатическую зону умеренного климата Евразии с минусовыми температурами января.

Логика экономики ВЕЦ носит обратный характер — на восток, а не на запад. Преобладающий вектор миграционного и экономического движения народов Восточной Европы — на восток и на север. Хотя, как говорилось выше, предки народов носителей Восточной Европы передвигались в V тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в западном направлении с прародины на Средней Волге. Однако вектор культур шнуровой керамики мог быть в другие периоды существования этой общности и обратным — с запада и юго-запада на восток и северо-восток. Имело место некоторое «осевое» возвратно-поступательное движение в истории ВЕЦ на просторах Евразии, которое продолжилось и в поздний период уже Российской империи и СССР.

Благодаря северо-восточному вектору экспансии российская мир-экономика вместе с государством выделилась в особую зону из мир-экономики Европы. К моменту складывания западной всемирной капиталистической экономики Запада в XVI–XVII вв. вне её из частей Восточной Европы, по мнению Ф. Броделя, оказалось Русское царство, а также Балканы, занятые Османской империей. Россия образовывала самостоятельный мир-экономику, имеющую собственную логику развития: «Россия не была жертвой ни поведения, которое она бы избрала сознательно, ни решительного исключения, пришедшего извне. Она имела единственно тенденцию организовываться в стороне от Европы, как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей»⁴⁶².

Главным по объёмам направлением торговли для России были Юг и Восток, а не Запад, отмечает вслед за другими авторами Ф. Бродель: «Желая того

⁴⁶² Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3. С. 455.

или нет. Россия выбрала скорее Восток, чем Запад. Следует ли в этом видеть причину отставания её развития? Или же Россия, отсрочив своё столкновение с европейским капитализмом, убереглась, возможно, от незавидной судьбы соседней Польши, все структуры которой были перестроены европейским спросом, в которой возникли блистательный успех Гданьска (Данциг — это зеница ока Польши) и всевластие крупных сеньоров и магнатов, в то время как авторитет государства уменьшался, а развитие городов хирело... Напротив, в России государство стояло как утёс среди моря. Всё замыкалось на его могуществе»⁴⁶³.

Успех в борьбе за геополитическое доминирование в Восточной Европе между Речью Посполитой и Русским царством в XVII веке оказался на стороне России благодаря её экономической самостоятельности и наличию альтернативного восточного вектора торговых связей, образующих гигантский континентальный ресурс, который уже к моменту катастрофы Смуты 1605–1612 гг. был довольно большим.

Причины самостоятельности и живучести мира-экономики Русского мира лежат не только в торгово-экономической сфере, но и в географической и геополитической. Польша быстро была сведена к зависимому от Запада национальному государству («Новой Вавилонии», по Крижаничу), которое оказалось не в силах нести бремя восточноевропейской империи и распалось. Россия заняла положение «страны-континента» Северной Евразии. (Поэтому, кстати, Россия, слившаяся с цивилизацией и её геополитической и геоэкономической структурой, не могла и не может быть островом!)

Континентальная позиция сначала в Восточной Европе, а затем в Евразии определила автономию и последующее скачкообразное развитие: «Московское государство было громадно, и именно такая громадность ставила его в ряды экономических чудовищ первой величины»⁴⁶⁴. Таким образом, русский мир-экономика, возникший не позднее XII века в рамках Древнерусского ареала, периодически расширявшийся на Восток и на Запад, вплоть до поглощения СССР всей Восточной Европы в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), является особенностью цивилизации, к которому всё равно придётся вернуться, несмотря на то, что экономика России встроена с 1991 года в западный мир-экономику, в который утекают её ресурсы. Нечто подобное сложилось в западной Российской империи. Последствия этого катастрофичны для оригинальности цивилизации России, её духовно-личностной компоненты.

Мир-экономика Восточной Европы: между автаркией и полупериферией

Части Восточной Европы в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. представляли особые экономические ареалы, зависимые от западных центров, но обладающие автономией. Восточноевропейский мир-экономика развился довольно поздно и имел

⁴⁶³ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. С. 457.

⁴⁶⁴ Там же. С. 467.

относительно скромные масштабы по сравнению с Китаем, Индией, Ираном и, конечно, соседним Западом. Самым ранним прообразом собственного восточноевропейского мира-экономики может быть назван скифский мир Северного Причерноморья VI–I вв. до н. э., хотя скифы этнически не относились к восточным европейцам, а принадлежали к родственной индоиранской ветви с другой экономической (степной) культурой, тем не менее скифская империя включала в себя восточноевропейские народы как балтского, так славянского круга. В ВЕ сложились «скифоидные» культуры. Экономический ареал и тип хозяйствования скифов были похожими на славянский: сочетание земледелия и скотоводства. Исчезнув под ударами сарматов, скифская экономика опосредованно, через черняховскую культуру, повлияла на древнерусскую экономику.

Собственно западный мир-экономика, согласно Ф. Броделю, возник в XI веке⁴⁶⁵, хотя ему предшествовали разнообразные варианты ранних западных экономик с широким охватом: троянско-ахейская, древнегреческая, кельтская, эллинистическая, древнеримская, византийская. Первоначально экономический мир Запада в его ранних, как называет их Ф. Бродель, «набросках» существовал на территории Восточной Европы: в причерноморском степном коридоре, долине Дуная, на Балканах в III тыс. до н. э., затем его центр переместился в Средиземноморье. И позднее эти регионы входили в западный мир и влияли на более отдалённые на восток восточноевропейские территории. Влияние экономик Запада распространялось через греческие города-колонии, культуры кельтского круга Латен, римские провинциальные культуры, охватывавшие обширные территории западнее Днепра. Уже на этапе появления в славянском и балтском ареалах прозападных кельтизированных (латинизированных и римских провинциальных культур) во второй половине I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Восточная Европа представляла собой экономическую периферию «денежной цивилизации» античного Запада, который унаследовал её протокапиталистические черты от ближневосточной цивилизации.

В 800–1200 гг. н. э. Восточная Европа по линии Волхов — Днепр — Висла — Карпаты — Дунай представляла собой особый экономический ареал с внутренними торговыми связями и с транзитной торговлей с Византией, Востоком, зарождающимися центрами западного мира-экономики в Италии и Бельгии — Голландии. В дальнейшем, с XV века, восточноевропейский ареал разделился между Западом, Османской империей и русским миром-экономикой.

Мир-экономика Восточной Европы как непрерывное целое, существующее до настоящего времени, возник на базе древнерусской экономики, государственности не позднее второй половины XII века. Основной его стала древнерусская народность, возникшая на левом берегу Днепра, в «Русской земле», и проникшая к тому времени во все другие земли в виде населения городов, а также древнерусская суперэтническая общность, скреплённая общей государственностью, хотя и разделённой на земли. Рост и развитие этой общности вели к формированию внутреннего рынка Древней Руси, связанного с другими ареалами Восточной

⁴⁶⁵ Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3. С. 16.

Европы: с Чехией, Польшей, Венгрией и со Средним Поволжьем, Балтийскими городами, а также с сохранившей мировое экономическое первенство Азией.

Важным скрепляющим фактором являлись транзитные коридоры Запад — Восток, на перекрёстке которых находились земли Древней Руси. Предпосылками русского мира-экономики выступала транзитная континентальная торговля по речным и сухопутным маршрутам, в частности путь Балтика — Каспий, или путь из варяг в греки. Хотя сама по себе транзитная торговля не позволяла говорить о мире-экономике, но она способствовала складыванию империи Рюриковичей с системой сбора дани, охватывающей многие земли. Продажа собранной дани за рубеж и завоз закупленных товаров стали второй основой международных связей формирующегося мира-экономики. Монголо-татарское нашествие прервало и изменило направление роста русского мира-экономики, но не остановило его развитие. Его центр из Киева переносится на север, в Москву и Новгород. Окончательное оформление русского мира-экономики происходит во второй половине XVI века после завоеваний всего Поволжья и Западной Сибири. Бродель считает, что российский мир-экономика просуществовал как минимум до XVIII века. Даже если мы исключим XIX век из его истории (что весьма спорно), то после 1920 года в СССР создаётся собственный мир-экономика на социалистической плановой основе экономических отношений, после Второй мировой войны за счёт СЭВ расширяющийся до масштабов всей Восточной Европы, частично охватывавший и СФРЮ, занимавшей промежуточное положение между ЕЭС и СЭВ (1949–1991).

С 1950 года по 1991 год Восточная Европа в рамках социалистической системы представляла собой самостоятельный мир-экономику, хотя и связанную с Западом относительной технологической зависимостью и неэквивалентным обменом сырья на технику. Мир-экономика Восточной Европы находится вне контроля мировой олигархии, которой ко времени распада социалистической системы удалось создать глобальную западную систему экономики, политики и других сфер. Будучи альтернативным цивилизационным конкурентом, а также конкурентом в борьбе за ресурсы, СССР и СЭВ стали основной мишенью. В итоге холодной войны и предательства части номенклатурных элит СССР (Ю. Андропов, М. Горбачёв и др.) произошло резкое сжатие экономической среды Восточной Европы:

- ликвидирован особый мир-экономика СССР — наследник мира-экономики России (XII–XIX вв.) Его остатки встроены в мировую экономику Запада в качестве производителя энергетического и иного сырья;
- ликвидирован мир-экономика Совета экономической взаимопомощи (1949–1991), включавшей страны социалистического блока, впервые реализовавшей экономическое единство Восточной Европы на основе эквивалентного товарообмена;
- ликвидирована мировая военно-политическая система социализма, ориентированная на СССР и Восточную Европу.

После резкого падения социалистической цивилизации в 1990-е гг. страны Восточной Европы оказались в статусе периферии Запада (Рис. 33), фактически скатившись ниже обычного исторического статуса полупериферии Западной Европы. Однако в 2010-е гг. России удалось выйти из статуса периферии.

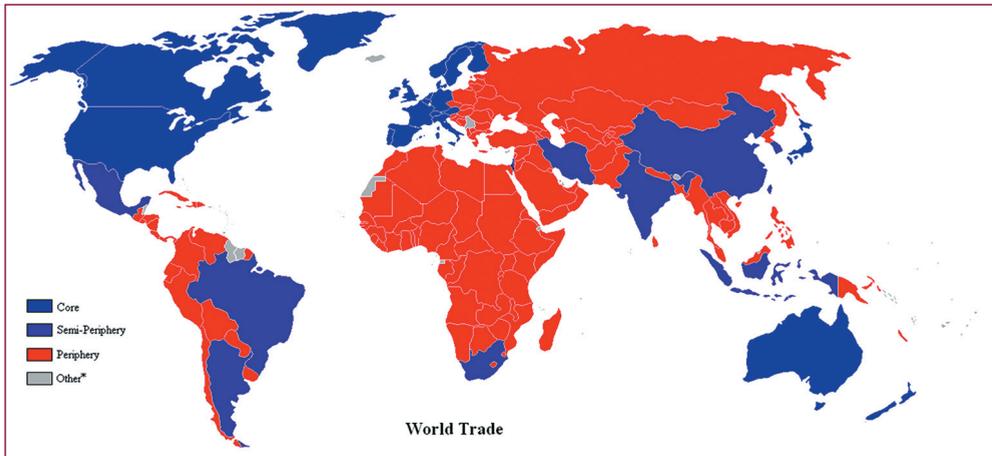

Рис. 33. Распределение стран по торговому статусу в конце XX века после распада СССР на центр (синий), полупериферию (пурпурный) и периферию (красный)⁴⁶⁶

Мир-экономика и система хозяйства Восточной Европы

Мир-экономика Восточной Европы создала свою систему хозяйства, которую мы не можем рассматривать отдельно от типа человека. «Итак, на Руси и в Западной Европе сложились две принципиально разные системы общественного сознания и хозяйственного развития, каждая из которых имела самоценное значение. Любые попытки оценивать каждую из этих систем, прибегая к шкале координат, сложившихся в другой системе, были в корне неправильны и просто порочны, равнозначные оценке, скажем, веса тела при помощи мер жидкости. Тем не менее в отношении Руси это явление начинает распространяться довольно широко. С позиции западноевропейских понятий и представлений она оценивается как страна отсталая, невежественная, а её самобытность трактуется как недоразвитость и темнота», — формулирует этот вывод О. А. Платонов в работе «Русский труд»⁴⁶⁷. Согласно О. А. Платонову, основу хозяйства составляла трудовая собственность, разумная достаточность производства и потребления, накопление ради сбережения, развития и резерва на будущее, экономия ресурсов, внутренняя замкнутость (автаркия), артельность и общинность производственного процесса, моральная мотивация труда в интересах социальной и духовной гармонии, свободное владение землёй и получение прав на пустующую землю на условиях трудового использования, передел земель, ограниченная монетарность⁴⁶⁸.

⁴⁶⁶ В дальнейшем, спустя десятилетие после издания карты, ситуация изменилась с созданием БРИКС, и Россия вернулась в статус полупериферии. Источник: *Dunn C., Kawano Y., Brewer B. D. Trade Globalization since 1795 // American Sociological Review. 2000. Vol. 65, № 2. P. 77–95.*

⁴⁶⁷ Платонов О. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с. Цит.: URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/plat/onov/2.htm> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁶⁸ См.: Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 800 с.

Ранняя Восточная Европа, связанная с полукочевым-полуоседлым образом жизни предков в условиях низкого прибавочного продукта, не была нацелена на интенсивную экономику, хотя это не означает экономической пассивности, наоборот, связано с активным освоением всевозможных ресурсов. Это отличало её как от позднейшего Запада, так и от раннеземледельческих цивилизаций Юга и Востока. В силу этого восточные европейцы не склонны ни к культу экономизма (превращению в homo economicus, рациональности), целерациональной организации социального устройства, внедрению техники, культу порядка, культу судьбы. В то время как для них характерна изобретательность, инициатива, нестандартное мышление, высокое значение межличностных связей, ориентация на сырьевой промышленный характер экономики, экстенсивность, ориентация на случайные факторы успеха при гарантированной простой базе и простых решениях, склонности полагаться на государство или волю Божию (Промысел), при этом сохраняя верность своей цели. Данная ситуация выразилась в отличиях социальных схем жизни общности культур шнуrowой керамики и общности ямных культур, о которых говорилось выше.

Культура Восточной Европы, как и большинства индоевропейцев, выходцев из северной зоны, склонна к минимализму форм: архитектуры, жилища, позднему развитию письменности, отсутствию культа роскоши, комфорта. Главная основа такой цивилизации, сложившейся в сложных географических условиях, — добровольная, но неизбежная социальность сетевого типа, понятая как интуитивно-эмоциональное единство, а не как рациональная социальная система. Без высокой прочной социальности такая система просто не может развиваться и даже выживать — она была бы поглощена соседями-завоевателями, тем же Западом. Социальность, как мы увидим ниже, стала основой позднейшей социалистической цивилизации, которая как помогла советскому строю выстоять во Второй мировой войне, так и пришла в противоречие с пирамидальной системой и экономикой СССР.

Особенности биосоциального метаболизма и производящего хозяйства. Климат, расстояния, энергозатраты

Теперь рассмотрим, как индивидуально-коллективистская структура и общества и личности связана с особенностями экономики и производства. Народы Восточной Европы, а именно её северной части: России, Польши, Чехии, Словакии, Прибалтики, по своему физико-антропологическому и личностному типу относились к так называемым северным народам Европы, под которыми имеются в виду германские и северные романские народы. Однако возникает вопрос: кто на самом деле является северянами — жители Запада или Востока Европы? При строгом рассмотрении под это определение в полной мере подпадают только восточноевропейцы и скандинавы. Отрицательные изотермы января достаточно чётко очерчивают границы ВЕ и показывают бореальный тип восточноевропейской цивилизации, как и расположенной восточнее остальной части северной части Евразии. Юг и запад Скандинавии характеризуются положительной изотермой января.

Относительно тёплыми являются только западная и южная части Балкан (7-я зона, см. Рис. 35), причём центр Балкан — прохладный (6-я температурная зона). Принадлежность Балкан — между северными и южными народами, что подтверждается наличием тех и других черт и у местных народов. С точки зрения климата и географических особенностей экономики, действительный Север Европы — это её Восток и Северо-Восток, а Запад и Центр — часть Юга. В последние десятилетия в связи с потеплением зона 7 сдвинулась на восток, тем самым условия в западной части ВЕ сравнялись с Центральной Европой. Прежние условия сохранились на территории Русского мира.

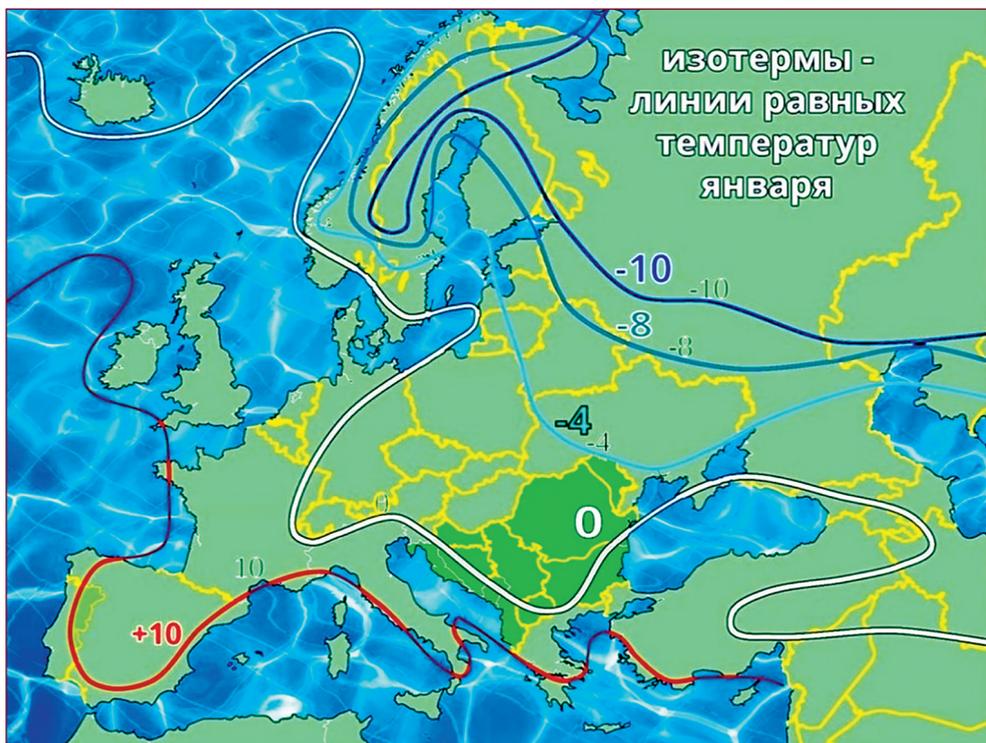

Рис. 34. Изотерма января ниже нуля по Цельсию очерчивает границы Восточной Европы (за исключением Скандинавии и Альп, которые также относятся к зоне отрицательных температур января)⁴⁶⁹

Восточная Европа — единственный самый крупный густонаселённый регион мира с холодной и длинной зимой, за исключением Скандинавии, Канады и северных штатов США. Скандинавия относительно малонаселена, причём Финляндия ближе к Восточной Европе, чем к Западу. Юг и запад Скандинавии относятся к мягким зонам 7 и 8, что ставит их по климатическим условиям в один ряд с остальной ЗЕ. Существует миф о «холодной Скандинавии», который, однако, неприменим к территориям, где живёт основная масса скандинавского населения.

⁴⁶⁹ Carn. Isotherma Europe average year.svg [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 31.01.2009. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Isotherma_Europe_average_year.svg (дата обращения: 30.09.2023).

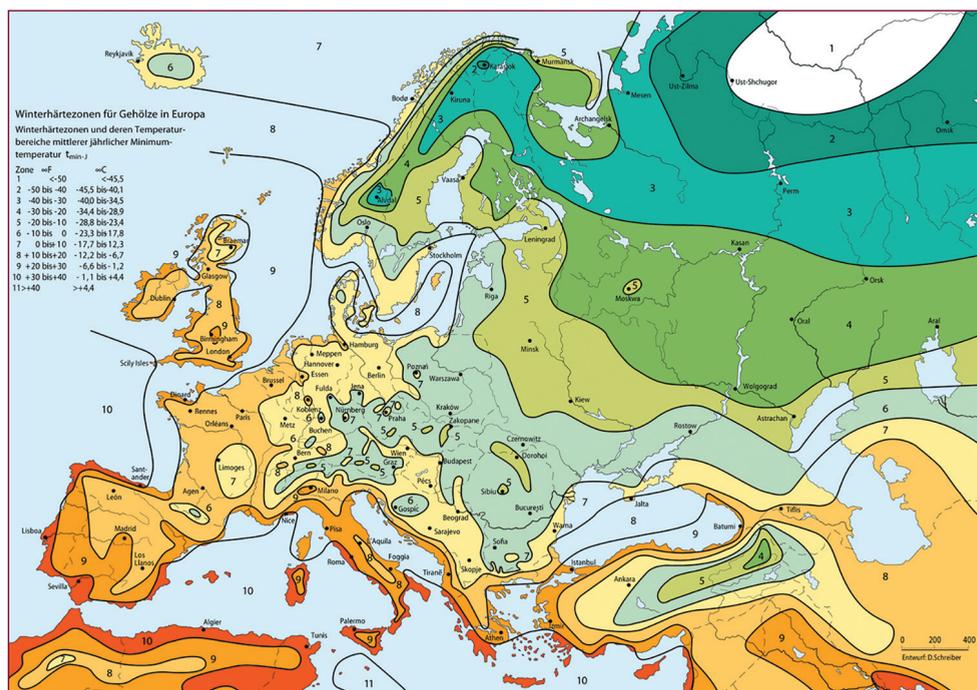

Рис. 35. Температурное зонирование Европы по морозостойкости (ВЕ — 6-я, 5-я, 4-я зоны, за исключением преобладающей части Балкан; ЗЕ — 7-я, 8-я, 9-я зоны, кроме севера Скандинавии)⁴⁷⁰

Канада и США освоены лишь в последние столетия, и большинство населения Канады сосредоточено в её южной части. Причём в последние семь столетий из-за периода климатического минимума эта тенденция преобладания холодного климата в ВЕ усиливалась вплоть до последнего столетия.

Указанные климатические и хозяйственные реалии Восточной Европы способствовали формированию особого типа человека, характеристиками которого являются выносливость, энергоёмкость, терпеливость, экстенсивность. Жизнь в Восточной Европе и в Северной Евразии в целом характеризуется большим количеством энергозатрат, вызванных более холодным и резким климатом, а также расстояниями в условиях такого климата. Это проявлялось в более высокой заработной плате наёмных работников в России, чем в Западной Европе, и большими притязаниями работников на фоне коллективизма и трудовой этики. С этим связаны экстенсивность хозяйства, склонность к вовлечению в оборот и потреблению большого количества природных ресурсов и ископаемых, а также миграционизм — склонность к переселениям и странствиям в поисках ресурсов. Нарушение данных условий ведёт к кризису восточноевропейских обществ, если, конечно, их группы не переселились в другие, более мягкие климатические зоны, например юг и юго-запад Балкан, Причерноморье.

⁴⁷⁰ Heinze W., Schreiber D. Eine neue Kartierung der Winterhärtezonen für Gehölze in Europa // *Mittlungen der Deutschen Dendrologischen Gesellschaft*. 1984. № 75. S. 11–56. На основе USDA Plant Hardiness Zones Map.

Экономический публицист А. П. Паршев в нашумевшей в своё время работе «Почему Россия не Америка» (1999) поднял очень важную тему климатических особенностей экономики Восточной Европы, которые ярчайше выражены в экономике России. Он обосновывает с точки зрения политэкономии правомерность для России высокоинтенсивного добывающего хозяйства в качестве базы экономики, государственного владения технологическими отраслями и изолированного мира-экономики, которые позволяют выжить высокотехнологичным отраслям. Речь идёт об особой теории экономики и её социально-экономических укладов, что наталкивает на мысль об особой социально-экономической формации для ВЕ и вообще Северной Евразии. Основным различием для экономики Востока и Запада Европы он считает различие мягкого и сурового климата, которые и предопределили неравенство шансов в рыночной экономике из-за разных уровней издержек, а в конечном счёте в составе цивилизационных блоков: «А вот посмотрите на карту, на которой отмечены страны-члены НАТО, а также нейтральные и “соцстраны” на момент развала Варшавского Договора... Сравните с картой зимних изотерм... Легко видеть, что все столицы стран НАТО лежат в “плюсовом” климатическом поясе, а столицы соцстран и “нейтралов”, кроме Албании — в “минусовом”»⁴⁷¹.

Приведу полностью несколько рассуждений А. П. Паршева о европейском климате: «Интересно, что в Европе климатические пояса расположены несколько парадоксально. Климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, и иногда даже наоборот — с севера на юг, а точнее, с побережий вглубь континента. Обратите внимание: в Ленинграде теплее, чем в Москве, а ведь он километров на 400 севернее. А в Хельсинки зимой теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на 1000 км севернее. Под Вильнюсом в июне поспевают черешня, а в Московской области — нет, потому что вымерзает зимой. А широта та же! Вильнюс на 1000 км западнее, вот вам и своя черешня на рынках. В Латвии бедняки отказываются от отопления и горячей воды (из-за дороговизны). Холодно, конечно, но пока выживают. Попробуйте хотя бы даже в Курске на зиму отопление отключить! А ведь Латвия существенно севернее. Западная Европа по нашим понятиям — субтропики. Причина известна ещё со школьной скамьи — Гольфстрим. Благодаря ему зима в Европе выше нуля, а весна начинается в январе-феврале и почти всегда в одно и то же время. У нас же весна может наступить и в конце марта, и на месяц позже. Почему? Если нет с запада вторжений теплого воздуха, то прогрев идёт только за счет излучения солнца. Оказывается, в этом случае в Подмоскovie снег сходит в конце апреля, а если ветер с запада — то в начале. В Западной Европе тёплый ветер дует всегда, поэтому, к тому же (внимание, садоводы и огородники), не бывает заморозков (!!!)»⁴⁷².

Несмотря на ряд отмечавшихся специалистами ошибочных суждений в области политэкономии и экономики, не подтвердившихся в настоящее

⁴⁷¹ Паршев А. П. Почему Россия не Америка? М.: Алгоритм, 2018. С. 33. Цит.: URL: <https://stockmagia.ru/wp-content/uploads/2021/12/Parshev-Andrej-Pochemu-Rossiya-Ne-Amerika-1999-2018.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁷² Там же. С. 27–28.

время⁴⁷³, книга А. П. Паршева задаёт определённую позицию в подходе к особенностям российской и в целом восточноевропейской экономики. В особенности это касается так называемой теоремы об инвестициях, которые якобы добровольно не будут вкладывать иностранные инвесторы, кроме как в целях вывоза ресурсов из России. В 2000–2010-е гг. иностранные инвестиции в основные фонды прошли достаточно успешно. Но в целом можно согласиться с тем, что без государственной воли и собственности в Восточной Европе вероятно вымывание заработанных на эксплуатации природных ресурсов денег в более благоприятные с точки зрения инвестиций регионы планеты, что мы и наблюдаем ежегодно в России. В том числе вывоз прибыли производится и самими российскими олигархами. Захват предприятий и вывоз капитала происходят и в других странах Восточной Европы.

«Так вот по эффективной площади мы на пятом месте в мире, а не на первом. Лишь треть нашей земли — “эффективная”. Но и наша эффективная площадь — самая холодная в мире. Мы не Индия, не Китай и даже не Канада»⁴⁷⁴. «Кроме средней температуры, большое значение для хозяйственной жизни имеет уже упомянутая суровость климата, то есть, кроме холода, ещё и перепад температур. Если в прибрежных районах Европы этот показатель — разница абсолютных когда-либо отмеченных максимумов и минимумов температур — около 40 град., в остальной Западной Европе (за Одером и Дунаем) — до 50 град., в Финляндии, Прибалтике, Польше, Словакии и европейских странах СНГ — до 60 град., то в России до Урала — свыше 70 град., а в Сибири — от 80 до 90 град. (круче, чем в Антарктиде: зимой там холодней, но летом не так жарко). А в Верхоянске — и более 100 град.»⁴⁷⁵.

Климатические условия можно рассматривать лишь как элемент контекста цивилизации. Сами по себе они ничего не доказывают. Климатические условия Восточной Европы, включая и часть Юго-Восточной Европы, таковы, что она, являясь прямым продолжением Евразии, представляет собой территорию с холодной зимой и в целом прохладным климатом. В отличие от большинства тёплых территорий, относящихся к западной цивилизации, кроме Скандинавии, Канады, Аляски, севера США, северо-востока Германии, вся территория восточноевропейских народов лежит в зоне морозной зимы и прохладного межсезонья. Выживание и развитие в этих условиях налагают особые требования к хозяйству и физическому состоянию человека. Много энергии отдаётся, много и производится.

Важным фактором являются также огромные расстояния, которые нужно преодолевать в основном по сухому пути с дорогостоящими из-за климата дорогами. Расстояния увеличивают издержки и снижают скученность, заставляют уделять внимание развитию различных видов транспорта: от лошади и повозок

⁴⁷³ См.: Цирель С. В. Миф о дефектности русской природы. Запоздалая рецензия на книгу А. П. Паршева «Почему Россия не Америка?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccas.ru/manbios/tsirel.html>. Февраль 2001 (дата обращения: 17.09.2023).

⁴⁷⁴ Паршев А. П. Почему Россия не Америка? ... С. 28.

⁴⁷⁵ Там же. С. 31.

до реактивных самолётов и трансконтинентальных дорог, от водного «пути из варяг в греки» до Северного морского пути.

С учётом климата и расстояний необходимо рассматривать и хозяйственные формы. Экстенсивная форма хозяйства, ориентированная на извлечение природных ресурсов, оказалась весьма жизненной, вплоть до построения нефтегазовой отрасли СССР, ныне питающей экономику не только всей Восточной Европы, но и в значительной мере и Западной. Автор данной монографии далёк от того, чтобы ставить знак равенства между «Газпромом» и кочевым скотоводством индоевропейцев курганной общности, однако это явления одного экономического значения. Так же как изобретение колеса и ракетно-космической техники в СССР, которые стали военным и транспортным факторами цивилизации. Иначе говоря, вопрос в цивилизационном ответе ВЕ на сложные климатические и географические условия. Ответом может быть не оптимизация ресурсов и техники, интенсификация их эксплуатации, а раскрытие необычных источников производительности и ресурсов, которые позволяли бы перешагнуть через издержки природной среды. Именно эти путём и пошла Россия в своём технологическом и социально-экономическом укладе, создавая качественно новые средства, а не экономию и накопление количества. Данный путь является некапиталистическим.

2.12. Цивилизация восточных европейцев в свете физической антропологии

Социобиологические особенности типа человека: физическая и духовная раса (вводные замечания) как антропологическое целое

Цивилизация в духовном и культурном смысле — не абстрактная общность, а общность личностно-родовая, исторически связанная со своими предками, с их антропологическим типом как социальным, так и духовным, так и физическим. Однако духовную основу цивилизации не следует трактовать так, как будто это производная биологического наследства. Наоборот, культурная, социальная и духовная общность преобладает в человеческом типе, проявляясь в том числе через физические наследственные механизмы.

Связь рас и цивилизаций не является детерминистской, как и вообще любые связи цивилизации. Ни климат, ни раса, ни природные ресурсы и их динамика не определяют цивилизацию, но связаны с ней динамическим целым.

Такой позиции придерживались русские философы — основатели цивилизационной оптики соборного персонализма, в частности о. Флоренский, который считал соотношение рода и индивида основным вопросом философии и именно в контексте соотношения с предками, как реальное, а не абстрактное общее и отдельное. Иными словами, интерпретируя русского религиозного философа, вопрос о биологическом наследовании является существенным в духовном смысле, хотя и не определяет его в плане детерминизма.

В биологической форме как бы внутри существует духовный образ, который связан с преодолением людьми данного рода природных условий существова-

ния. Это не исключает трансформации цивилизаций, их личностного типа под влиянием культурных заимствований, но лишь в той мере, в какой они меняют прообраз как основу личности. Это возможно, в свою очередь, лишь в случае воздействия религии.

«Телесное родство Ветхого Завета преобразуется в Новом Завете в родство духовное»⁴⁷⁶. Так происходит и в истории народов. В этом, в частности, смысл духовной расы, если мы говорим об истории народов и рас с позиций историософии христианства. «Эта связь событий имеет телесный носитель: раньше говорили о родстве по крови, теперь больше говорят о родстве по генам»⁴⁷⁷. Геном и его воспроизводство как механизм родства представляют собой духовную структуру, которая не объяснима материально, как, впрочем, и всё остальное. Отсюда вполне закономерным является и понятие духовной расы (термин А. Мёллера ван ден Брука) как коллективного цивилизационного явления, связанного с разными человеческими родами и даже разными ветвями. С точки зрения изучения цивилизации как личностного и культурно-исторического объекта сами по себе расы и их распределение у народов как набор биологических черт не представляют интереса.

Социобиологическая природа человека фиксируется как «род», «кровь» и раса, которые в науке с внешней эмпирической стороны описываются физико-антропологическими комплексами и их географическими зонами, типами. Понятие цивилизации хотя и намного шире социобиологического типа, тем не менее неразрывно связано с ним. Раса — коллективная (т. е. применимая к популяции, а не к индивиду) социобиологическая категория, претерпевающая развитие под влиянием общественно-исторического процесса, а не только природной и климатической среды. Раса является не только физическим и духовным, но социально-историческим явлением, она существует как коллективная общественная реальность, развивающаяся вместе с цивилизацией (см. Бунак В. В. «Раса как историческое понятие»⁴⁷⁸).

Социобиологическая раса, согласно данным популяционной генетики, тесно связана с родовыми структурами общества, происходящими от единого предка, у которого возникла метка-мутация генома, и отнюдь не является результатом простого многообразного и случайного хаотического смешения популяций и рас. То есть раса как исторический развивающийся род совпадает с путём развития крупных групп человеческих популяций, которые являются носителями определённых цивилизаций. Цивилизация как тип личности влияет на развитие рода и расы как физического типа и может привести к его пресечению (депопуляции), если она не может организовать жизнь и воспроизводство человека и общества.

Современная цивилизация Запада нацелена на депопуляцию и ликвидацию традиционных рас Северной Евразии, которые сложились в период её станов-

⁴⁷⁶ Паршин А. Н., Резвых Т. И. Время и пространство православного богослужения [Электронный ресурс]. URL: <http://mahtalcar.narod.ru/history/losev/parshin.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Бунак В. В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Института антропологии МГУ. Вып. 1. М.; Л., 1938.

ления или представители были включены в состав её носителей. Цивилизация не является нейтральным общезначимым набором культурных продуктов (произвольно конструируемой идентичностью), существующим без привязки к популяциям и культурным физическим особенностям.

Человеческий тип — это не «меню к обеду» в «ресторане социокультурного конструктивизма», но он и не задан расой и родом. Можно предположить, что исчезновение расовых типов приведёт к изменению и исчезновению или сильному изменению цивилизации, и наоборот, изменения цивилизации ведут к изменению и исчезновению некоторых физико-антропологических черт и типов. Но цивилизация в современном мире может меняться гораздо быстрее, чем расовый состав, и охватывать самые разные группы рас, меняя их образ жизни и вид.

По мере развития цивилизации из антропологического типа биологическая раса переходит в духовную расу, в которой преобладает психическое устройство над физическим и которая не связана напрямую с происхождением и наследственностью своих носителей. Духовная раса представляет собой устойчивый ментальный склад народа или группы народов, объединённых в цивилизацию. Духовная раса складывается путём свободного волевого действия индивидов на основе физической расы (но не вследствие её!), в которой ментальные и психофизиологические качества слиты в первоначальном единстве. Затем духовная раса, сохраняя численное преобладание биологических носителей этой основы, включает в себя потомков других рас и народов, образуя сложный комплекс наследственных и приобретённых черт, воспитания и действия родителей как проекцию социобиологических черт в духовном типе личности и культуре.

Конечно же, все расы и носители их черт являются абсолютно равными в отношении к любой цивилизации и к её личностному типу, так же как носители универсальных человеческих черт. Если отвлечься от родового фактора, человек любой расы способен к фантастическим культурным преобразованиям и заимствованиям. Однако они не одинаковы в плане возможностей для природной и социальной среды обитания, которые являются разными в разных обществах. Климатические условия порой становятся решающими для формирования ареалов цивилизаций, действуя через фактор расового разнообразия. Избыточное население земледельческих цивилизаций Юга не распространялись к северу дальше определённой зоны, хотя сами технологии южан передавались северянам. И наоборот, цивилизации Севера с избыточным населением не смогли заселить ареалы цивилизаций Юга, хотя и проникали туда и даже подчиняли их. Представители разных рас имеют разные возможности и склонности занятия трудом и досугом в разных климатических условиях. Поэтому расовый состав носителей имеет значение для цивилизации, хотя и не главное, а второстепенное, по сравнению с духовными и культурными факторами. По мере развития цивилизации и превращения её антропологического культурно-исторического типа в зрелый общественный тип, создания городской среды обитания, роль биологических расовых факторов цивилизации постепенно снижается, однако она далека от исчезновения. Ведь природные условия Восточной Европы и Северной Евразии не меняются тысячелетиями, испытывая некоторые понижающие и по-

вышающие циклы. И они весьма специфичны в плане суровости и требований к хладостойкости.

Это нельзя не учитывать, говоря о цивилизации как типе человека и общества по схеме: природные условия — физическая антропология — культурные особенности, практики, технологии — особенности личности и характера — особенности социальной организации и поведения. Эта схема со своей логикой весьма рельефно проявилась в ВЕ.

Обобщённая характеристика Восточной Европы с точки зрения расового состава. Три основные группы рас

В основе физической антропологии населения Восточной Европы лежат три группы рас:

1) нордическая раса, в её восточноевропейском варианте, характерная для индоевропейцев. Нордическая раса — автохтон Восточной Европы, именно здесь она возникла, и с Востока ВЕ она распространилась в другие регионы, в том числе и в Западную Европу, где приобрела специфические черты, вызванные её более мягким и влажным климатом. Крупные группы этой расы входят в антропологический состав большинства народов Восточной Европы, но в разной доле. Вероятный генетический маркер по мужской линии: гаплогруппы R1a и R1b;

2) древнеевропейские (палеоевропейские) массивные северные расы, характерные для доиндоевропейского субстрата охотников и рыболовов, наследников северного палеолитического населения Европы и, возможно, Северной Евразии. Они были распространены по всей Европе и входят в большинство современных народов, однако есть специфические восточноевропейские расы (балтидные, альпинидные). Народы и языки палеоевропейцев исчезли ещё в древности. Генетический маркер палеоевропейской расы I1 и I2, который присутствует у небольшой доли. В случае общего происхождения с нордической расой от бореального ствола генетическим маркером у носителей могут быть те же R1a R1b;

3) афразийские расовые типы, прежде всего средиземноморские и малоазиатские расы — пришлого субстратного населения на Балканах, Кавказе, юге Европы. Характерны для южной части Восточной Европы (Балкано-Карпатская донорская и Понтийская зоны — понтийский тип). Генетические маркеры G. Народы — изначальные носители афразийских типов и их языки также не сохранились в Европе, так как были ассимилированы в древности.

Но есть два вопроса, на которые нужно ответить. Какова роль этих рас в формировании человеческого типа восточноевропейской цивилизации? Каково их соотношение?

Антропологам применительно к антропогенезу славянства удалось в значительной мере соединить две линии интерпретации — общей индоевропейистики происхождения и миграции индоевропейцев (в рамках курганной гипотезы) и автохтонности, влияния палеоевропейского населения: «Обе группы гипотез по-разному ориентируют нас в вопросах культурной истории и глоттогенеза (происхождения языка) славянских народов: взгляды первой группы в общих

чертах соответствуют основным генетическим положениям индоевропейского языкознания в широком смысле слова, взгляды второй — глоттогонической концепции Н. Я. Марра, под влиянием которой они частично и сформировались»⁴⁷⁹.

Если нордическая раса внесла передовые, рациональные, новые, подвижные элементы в восточноевропейский тип личности, то древнеевропейские расы внесли консервативный, северный, выносливый, долготерпеливый, эмоциональный и интуитивный моменты в ментальный склад духовной расы восточноевропейцев. Поскольку ведущий психологический тип русского, и восточного, и западного славянина предложено определять как долготерпеливый взрывной «эпилептоид» (В. Чеснокова, см. далее 3.1), то в этом можно усмотреть доминирование палеоевропейского типа над нордическим, что, наверное, соответствует его количественному преобладанию. Роль этой расы таинственна и малоизучена. Особенности древнего кроманоидного населения этой части Евразии была чрезвычайная сила, выносливость, личная инициатива и находчивость в использовании методов охоты и борьбы с разнообразным опасным животным миром, представлявшим главную пищу. Вместе с тем нордическая раса явно уступала в размерах и силе наиболее мощным кроманоидам Европы, в том числе и ближайшим соседям из днепро-донецкой культуры, которые «необыкновенно массивны»⁴⁸⁰. Отличительным признаком нордической расы было сочетание физической подвижности с мощью и крепостью телосложения и инструментальной целерациональностью и хитроумностью. Представляется вероятным, что нордическая раса является мезолитическим ответвлением от одной из палеоевропейских рас Восточной Европы.

Афразийские расы, южные европеиды, составляют своеобразную внешнюю примесь южного населения к автохтонному Восточной Европы, хотя в ряде народов и региональных групп они преобладают (болгары, черногорцы, македонцы, албанцы, румыны, молдаване, западные украинцы юга Галиции и Буковины, подкарпатские русины, греки). По отношению к славянству, расселившемуся на Балканах и между Балканами и Карпатами в период Великого переселения народов, они также представляют собой поздний внешний элемент.

Основные антропологические комплексы Восточной Европы, соответствующие трём группам рас

Советские антропологические экспедиции 1950-х гг. с массовыми репрезентативными выборками сельского населения (Русская, Украинская, а также исследования в Белоруссии) выявили наличие в Восточной Европе особых ра-

⁴⁷⁹ Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Антропология о происхождении славян // Природа. 1989. № 1 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/24549/ogl.shtml> (дата обращения: 04.12.2023).

⁴⁸⁰ Дебец В. Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // Советская археология. 1966. № 1. С. 15. Цит.: URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_sov_archaeology/1966_book01.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

сово-антропологических комплексов. Данные комплексы объединяют несколько разных народов с общим происхождением и имеют сходство с комплексами народов, расселённых к западу: поляков, немцев, литовцев, латышей, эстонцев.

Т. И. Алексеева подчёркивает антропологическое разнообразие славянских народов и тесную связь расовых типов с типами соседних неславянских народов, что говорит об одном цивилизационном этническом массиве этих народов и славян, существующем очень давно: «Краткий обзор антропологического состава славянских народов показывает, что антропологически современные славяне не отличаются единством, более того, они представляют разные ветви европеоидной расы. Те признаки, которыми характеризуются отдельные группы славян, представлены и у соседних народов. Так, например, беломоро-балтийский и восточноевропейский типы встречаются в среде балтийских и финских народов, а также некоторых тюркоязычных народов Поволжья; днепро-карпатский — у венгров и австрийцев; понтийский и динарский — у народов Северного и Центрального Кавказа, у албанцев»⁴⁸¹. Это говорит в большинстве случаев о единстве исторических предпосылок общей цивилизации Восточной Европы.

По мнению Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева: «... всё же, с известным основанием можно говорить о пяти антропологических типах, которые представлены в составе славян и которые отличаются заметной морфологической спецификой. Они образуют компактные ареалы. Это — типы: беломоро-балтийский (название предложено Н. Н. Чебоксаровым), восточноевропейский (И. Е. Деникер), днепро-карпатский и понтийский (В. В. Бунак) и динарский (И. Е. Деникер). Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на несколько меньшего таксономического ранга антропологических типов»⁴⁸².

Речь идёт о следующих территориальных воплощениях рас:

1. Восточноевропейская малая раса, коррелирующая с прямыми потомками индоевропейского населения, — восточноевропейской комплекс — вариант нордической расы (первой группы выше). Статистически она не имеет абсолютного преобладания, а лишь относительное (менее 50%), и то не у всех народов, правда, она доминирует в ВЕ за счёт восточных и западных славян и балтов (Днепро-Волжская зона).

2. «Балтийско-беломорский» комплекс — смешанные балтидные варианты, относящиеся к Валдайско-Верхнеднепровскому комплексу и к восточным типам Верхней Волги. Данный комплекс восходит к древнеевропейской расе, связанной с исчезнувшими этническими группами, языки которых не сохранились (вторая группа выше). Носители палеоевропейской расы обитали по всей Восточно-Европейской равнине и Скандинавии до расселения индоевропейцев и финн-угров с востока Восточно-Европейской равнины. Появление этого наиболее влиятельного комплекса, второго после восточноевропейской нордической расы, — результат их ассимиляции славянами и балтами на различных этапах.

3. Альпийский комплекс — западный горный вариант древнеевропейской расы (вторая группа), характерный для Альп, Карпат, Татр. Характерен для на-

⁴⁸¹ Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Антропология о происхождении славян...

⁴⁸² Там же.

селения ЦВЕ и части Балкан, западных славян и части восточных славян в Карпатах. Усвоен славянами вместе с ассимиляцией доиндоевропейского субстрата. Данная широколицая и кроманоидам форма головы присуща славянским популяциям, так или иначе связанным с Карпатами и их древнеевропейским субстратом. Исторически это могут быть только носители культуры Прага-Корчак, повлиявшей на популяции чехов, южной части поляков и значительной части украинцев. (Но за исключением украинцев Волыни и Полесья, а также большей части Левого берега, где ситуация похожа на великорусские, белорусские и украинские полесские типы, относящиеся к восточноевропейской нордической расе.)

4. Уральская малая раса, коррелирующая с прямыми потомками финно-угорского населения, в том числе и в виде субстрата славянских, балтских и тюркских народов, восходящего к восточному расовому стволу, общему с алтайскими народами монголоидных рас и древнесибирскими народами. Возможно, это одно из ответвлений древней бореальной расы Северной Евразии. Происходит с Урала и из Сибири. Это четвёртая группа рас, помимо трёх перечисленных выше, однако она не имеет такого широкого распространения в Восточной Европе, как три первые. Она занимает промежуточное «евразийское» положение между Восточной Европой и Северо-Восточной Азией. Встречается она только у носителей восточноевропейской цивилизации, в этом плане она её автохтон. Она привязана к населению Урала, Приуралья, Зауралья и Среднего Поволжья, отчасти Севера РФ. Вероятно, маркируется финно-угорской гаплогруппой N1. Носители уральской расы — либо финно-угорские народы, либо потомки финно-угорских групп, ассимилированных другими народами (русскими, татарами, чувашами). Некоторые исследователи ошибочно относили к уральскому расовому стволу палеоевропейские расы, которые имеют несколько более западное, к западу от Урала, происхождение.

5. Понтийский комплекс — результат ранних миграций афразийского населения из Малой Азии и Средиземноморья в неолите. Передан славянам вместе с ассимилированным доиндоевропейским населением, иногда опосредованно через ассимиляцию славянами других индоевропейских групп, которые уже включили этот субстрат: иранцев Причерноморья (алан), фракийцев, гетов, иллирийцев.

6. Динарский комплекс — результат миграций из Малой Азии и Ближнего Востока на Балканы в древний период, до прихода индоевропейцев. Усвоен славянами Балкан, Дуная, Карпат вместе с ассимиляцией местного субстрата, в том числе и иллирийской или гетской.

Расовые особенности основной массы населения Восточной Европы предопределены комбинациями нордического типа с северными древнеевропейскими типами. Палеоевропейские типы: 2) балтидный и 4) альпийский, связанные с влиянием древнеевропейского субстрата, отличаются большей энергоёмкостью и приспособлены для более холодного климата — у них больше масса тела и склонность к полноте. Примесь 3) уральской расы не является значительной и касается русских и восточных финнов в Заволжье. Комплексы 5) и 6) касаются в основном Балкан, Дуная, Карпат и Причерноморья, то есть несут специфически южный характер и появились у славян в период Великого переселения народов, с VI–VII вв. н. э. Вместе с тем выявлена отдалённость от изначального восточ-

ноевропейского расового ареала — типы народов Карпат и Балкан, популяций Северного Причерноморья, Кавказа, Поволжья и Приуралья. Причина — преобладание в данных регионах на юге доиндоевропейского раннеземледельческого субстрата Старой Европы, сохранившегося в близких ему природных условиях на протяжении тысячелетий до ассимиляции славянами.

Итак, мы видим по итогам антропологических экспедиций 1950-х гг. наличие единого восточноевропейского комплекса, объединяющего великороссов, украинцев и белорусов, а также отдельные популяции неславянских восточноевропейских народов (мордва-эрзя, литовцы, латыши) и занимавшего, с исключениями, центральную полосу Восточно-Европейской равнины до Заволжья.

Антропологи о славянском расовом единстве Восточной Европы на основе восточноевропейского нордического типа

Ключевым вопросом в физической антропологии, связанным с цивилизацией Европы, является вопрос о так называемой нордической расе. Вне мифологических расистских воззрений, в плоскости науки нордическая раса как одна из малых рас человека представляет совокупность территориальных зон и антропологических комплексов в разных частях Европы и Азии, восходящая к предкам из одной популяции. Нордическая раса — автохтон Восточной Европы.

Обратимся непосредственно к мнениям советских и российских антропологов, содержащим выводы на основе интерпретации богатого эмпирического материала, собранного антропологическими экспедициями 1950-х гг., и целостное описание восточнославянских народов по большим и подробным выборкам (Русская антропологическая экспедиция, Украинская антропологическая экспедиция и др.). Одним из наиболее цитируемых высказываний является следующая фраза руководителя Русской антропологической экспедиции (РАЭ) В. В. Бунака в итоговом труде по результатам РАЭ, описывающая ситуацию в европейской части РСФСР (1965): «...Русское население Восточной Европы образует сравнительно однородную группу антропологических вариантов. Средние величины группы или совпадают с центральными западноевропейскими величинами, или отклоняются от них, оставаясь, однако, в пределах колебаний западных групп. Среди последних имеются варианты, по многим признакам одинаковые с восточноевропейскими. Составляя в целом разновидность европейской антропологической группы, общий русский тип по нескольким признакам, например, по высоте носа, отклоняется от западных больше, чем эти последние различаются между собой. Следует сделать вывод, что в составе русского населения имеется особый антропологический элемент — восточноевропейский»⁴⁸³. Бунаком констатируется расовая общность русских (великороссов) с западными народами и в то же время наличие особого восточноевропейского типа.

⁴⁸³ Бунак В. В. (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М.: Наука, 1965. С. 138.

Что такое общий восточноевропейский тип, описание даётся далее: «Общий для всех русских групп и достаточно специфический комплекс признаков отчётливо проявляется в суммарной характеристике: темно-русые волосы, серая или серо-бурая радужина, средней ширины лицо, прямой или слабо наклонный лоб с гладким надбровьем, небольшое преобладание высокого переносья и сильного профиля, сравнительно слабый рост бороды, верхнее веко с небольшой складкой, немного поднятое основание носа. В отдельных группах установлены видоизменения общего комплекса, очень показательные для антропологического анализа, но даже в наиболее удалённых зонах некоторые общие признаки имеют явное преобладание. Значительная целостность русского антропологического типа отчасти объяснима поздним заселением окраинных территорий страны, но в основном отражает сочетания признаков, сложившихся в отдалённом прошлом. Более точная характеристика общего исходного комплекса и разграничение между ним и комплексами уральским и понтийским — задача дальнейших исследований. По имеющимся материалам можно утверждать, что древний комплекс не совпадал ни с тем, ни с другим и по сочетанию признаков представлял собой вариант европейской группы типов. Этому варианту нужно присвоить наименование “восточноевропейский тип”. В несколько изменённом виде он составляет основное ядро в антропологическом составе русского и финского населения южной части зоны»⁴⁸⁴. В. В. Бунаком констатируется преобладание восточноевропейского типа во всех территориальных группах, усиленное расселением, отграничение от других главных вариантов внешнего происхождения (уральского-азиатского и понтийского — доиндоевропейского средиземноморского), вводится понятие «восточноевропейский тип» (вслед за предшественниками, И. Е. Деникером и др.), его позицию «ядра» для русских и части финнов, а также, что очень важно для понимания его расы, его место в классификации как «варианта европейской группы типов», что указывает на его принадлежность к североевропеоидной индоевропейской расе.

В связи с последним важно также, что В. В. Бунак отделяет восточноевропейский тип и его древнего предшественника от балтийского («присоединились на севере балтийский элемент»), который не является восточноевропейским — индоевропейским по происхождению, хотя и будучи автохтонным для Восточно-Европейской равнины, и даже предшествующим индоевропейцам на большей части равнины: «Разнообразные сопоставления приводят к выводу, что формирование ильменского и верхнеокского типов происходило на основе некоторого общего антропологического элемента, к которому присоединялись на севере балтийский элемент, на юге понтийский, на востоке уральский»⁴⁸⁵.

Руководитель Украинской антропологической экспедиции В. Д. Дяченко в работе «Антропологический состав украинского народа» (1965), где обобщены её итоги, объединил в одну днепровско-волжскую зону, в которой преобладает нордическая восточноевропейская раса, основные территориальные

⁴⁸⁴ Бунак В. В. (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным... С. 172–173.

⁴⁸⁵ Там же.

группы великороссов, украинцев и белорусов: «Восточноевропейский тип наиболее ярко в наше время выражен среди украинских жителей Волыни и Полесья, а также наиболее близких (в морфологическом отношении) к ним (1) южных белорусов и (2) великороссов бассейна верхней Оки, междуречья Волги и Оки и некоторых иных районов»⁴⁸⁶. Крупнейшие региональные типы (области) украинцев, центральноукраинский, волынский, полесский, вошли в эту зону. На периферии оказалась понтийская (нижнеднепровско-прутская) и карпатская (которую можно отнести к балкано-карпатской группе) в УССР, балтийская и уральско-лапоноидная в РСФСР. «В целом днепровско-волжская антропологическая зона охватывает среднюю часть Восточной Европы с рядом антропологических областей: верхнеокскую, валдайскую, центральноукраинскую, волжско-клязьминскую»⁴⁸⁷.

Нордическая раса отличается не столько характером светлой пигментации, которая может меняться, сколько комплексом признаков. Важнейшим из них является капеллоидная форма черепа нового типа, распространившегося в неолите в противоположность древним кроманоидным типам. Капеллоидные черепа и нордическую расу в целом связывают с распространением индоевропейцев и их образом жизни, мышления, питания, занятий, например скотоводством, миграциями, но эти связи являются не более чем гипотезами.

В. В. Бунак констатирует новый облик нордической расы в Западной и Центральной Европе и старый в Восточной Европе: «В Западной Европе древнейшие признаки были полностью или почти полностью поглощены позднее сложившимися антропологическими комплексами. В Восточной Европе следы исходных вариантов сохранялись до последнего времени, сложилась особая разновидность европейской группы — восточноевропейская раса»⁴⁸⁸. Изначальный тип нордической расы индоевропейцев на прародине не имел тех ярких особенностей, которые сложились в Западной, Северной и Центральной Европе под влиянием сырого умеренно прохладного климата, вызывавшего депигментацию, и питания, и характерны для германо-романских народов и некоторых славян и балтов. В рамках курганной теории происхождения индоевропейцев территорией формирования нордической расы может быть только ареал между Средней Волгой, Доном, Южным Уралом и Кавказом. Может быть, речь идёт о каком-то раннем, неразвитом варианте нордического типа, который и сохранился на прародине и сильно отличается от поздних западноевропейских вариантов.

В итоге можно сделать вывод, что исходный славянский тип представляет собой вовсе не квадратно-круглый, а нордический тип с узким и средним длинным лицом. Рост может варьироваться, но он скорее будет высоким или средним. Этот тип и присущ костным останкам славян — потомков переселенцев

⁴⁸⁶ Дяченко В. Д. Антропологичний склад українського народу: порівняльне дослідження народів УРСР і суміжних територій. Київ: Наукова думка, 1965. С. 105.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Бунак В. В. (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным... С. 193.

с территории Польши, Западной Белоруссии и Волыни, найденным на Верхней Волге, Верхней Оке, Верхнем и Среднем Днепре, а также основной массе сельских популяций, доживших до антропологических экспедиций 1950-х годов.

Если ситуация с западными и восточными славянами в целом понятна, как и их общая принадлежность к нордической расе, то в отношении южных славян, венгров, румын, молдаван можно сказать, что нордическая раса является лишь тенденцией. На Балканах наиболее сильно нордическая выражена в западной зоне южнославянского ареала: среди сербов, хорватов и словенцев, но и тут речь может идти об одном из антропологических типов наряду с другими. Наиболее слабо нордическая раса представлена среди болгар, македонцев, черногорцев и в иллирийской адриатической части Хорватии и Боснии, а также среди румын, молдаван, украинцев Буковины, Южной Галичины, Карпат, русинов Закарпатья. У венгров представлены разные типы, включая уральский, доиндоевропейские Старой Европы и нордические, а также их смеси, в силу смешанного состава данного народа.

Балтийская раса как ведущий вариант палеоевропейской расовой зоны в Восточной Европе

В. В. Бунак уделил большое внимание древнеевропейской балтийской расе в целях отделения её от восточноевропейского и уральского типов. Балтийская раса — неиндоевропейский вариант светлых широколицых кроманоидов, типологически отличающийся от северной расы индоевропейцев, обитавшей в Восточной Европе, в частности в околбалтийской зоне, в мезолите: «В целом генезис балтийского типа можно признать достаточно установленным. По общему мнению, мезолитические племена не представляли собой вполне консолидированного целого, в отдельных группах и признаках существовали существенные отклонения от типичных современных вариантов и их сочетаний. Под воздействием различных факторов — косвенной адаптации к климату освобождавшейся от ледников области — в мезолитических группах балтийской зоны (в широком смысле этого термина) произошёл сдвиг в сторону посветления окраски радужины (как и в других более далёких от балтийского побережья зонах), а также сдвиг в сторону ослабления пигментации волос, уменьшения высоты лица, усиления набухлости века, частоты поднятого основания носа. Ареалы распространения отдельных признаков не совпадают, в одних группах посветление волос, или понижение темпа роста бороды, или укорочение высоты челюстей проявлялись сильнее, чем в других. В неолитическое время на разных участках территории, преимущественно на северной и восточной, сохранялись неконсолидированные группы с атипичными вариантами признаков. В результате перекрёстного распределения вариантов признаков, а также продвижения на север более южных групп, более высоколицых в позднем неолите, сложилось несколько различающихся между собой областных подтипов, объединяемых, однако, общими особенностями. Ни один из возникших вариантов нельзя считать исходным для других. Группы, характеризующиеся сдвигом нескольких признаков в одном и том же направлении на определённой территории, составляют одно таксономическое

целое — одну расу. Балтийская раса включает группы с однородным сдвигом в комплексе признаков на территории от Ботнического залива до верхнего Днестра и нижней Вислы»⁴⁸⁹.

Балтидный комплекс располагается в Центральной России к западу и северу от восточноевропейского. Присутствие потомков балтов подтверждается наличием антропологических типов балтида (Валдайско-Верхнеднепровский тип) и восточного балтида среди популяции великорусов, белорусов и украинцев Полесья. Балтидные черты — в первую очередь широколицесть и склонность к полным формам — характерны не только для части восточных славян, но и для некоторых групп поляков, чехов, словаков, латышей, литовцев и даже немцев и англосаксов. Это говорит о едином для всех славян и балтов, и соседних народов составном элементе процесса этногенеза — ассимиляции «шнуровиками» первобытного балтидного субстрата потомков днепро-донецкой культуры.

На территориях западнее современной Москвы в результате ассимиляции палеоевропейских племён шнуровиками сложились восточно-балтские этносы, потомки которых гораздо позднее (на 2–3 тыс. лет), уже в раннем Средневековье, вошли в состав русских средневековых групп. То же можно сказать и о русских — потомках восточно-финских этносов на севере и северо-востоке Восточно-Европейской равнины: у них чаще встречаются черты палеоевропейских рас («восточный балтид»), так как расселяющиеся с востока финны включили в свой состав палеоевропейские группы северных лесов и гораздо позднее передали их расовые черты русским.

Восточноевропейская раса и общность культур шнуровой керамики и боевых топоров (первая форма восточноевропейской цивилизации)

В контексте нашей работы важно указать на связь восточноевропейской расы и общности культур шнуровой керамики как первой формы восточноевропейской цивилизации. Она не была очевидной для антропологов. В. В. Бунак не связывал восточноевропейскую расу с носителями индоевропейской культуры Восточной Европы — шнуровой керамики, пытаясь отделить от неё культуры боевых топоров, ссылаясь на данные краниологии. «Предположение о связи племён культуры боевых топоров с центральноевропейскими шнуро-керамическими группами или со степными евразийскими формами не получило подтверждения в краниологическом материале. Исходная область племён боевых топоров находилась в смежной с финнами зоне между Вислой и средним Днестром, в зоне балтийских языков»⁴⁹⁰. Возможно, он хотел отделить балтославянскую расу от западных народов, с которыми в прошлые десятилетия в науке связывались культуры шнуровой керамики.

Т. И. Алексеева, наоборот, обосновала связь культур шнуровой керамики Центральной Европы с протославянским восточноевропейским типом, расширив

⁴⁸⁹ Бунак В. В. (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным... С. 181.

⁴⁹⁰ Там же.

ареал славянского этногенеза до Центральной Европы, тем самым устранив это недопонимание. Основным признаком выступает такая черта нордической расы, как сочетание широколицести и длинноголовости: «Относительная широколицесть, локализуемая в центре Европы, проявляется в комбинации с длинноголовостью на севере, с более высоким черепным указателем — на юге. Широколицесть и долихокrania — сочетание признаков, весьма типичное для населения культуры боевых топоров и для погребений в каменных курганах с ящиками на территории Прибалтики (Марк, 1956, 1956а), а также для населения ладожского неолита и фатьяновской культуры, которая, по-видимому, генетически увязывается с Прибалтикой (Акимова, 1947; Дебец, 1948; Моора, 1956, 1958; Денисова, 1966)»⁴⁹¹.

Говоря об антропологии средневекового славянства X–XII вв., Т. И. Алексеева находит схожие черты:

«Преобладающей комбинацией антропологических признаков в славянском населении оказывается долихомезокrania, средняя ширина лица, резко профилированное лицо и среднее или сильное выступание носа. Кроме того, пропорции лицевого скелета и черепной коробки, а также их соотношения позволяют отметить определенное единство средневекового славянского населения. В то же время обращает на себя внимание сходство его со средневековыми балтами и явное отличие от средневековых германцев. Краниологические данные дают возможность проследить и истоки формирования того морфологического своеобразия, которое отличает все в целом славянские народы.

Аналогичный антропологический комплекс прослеживается в более раннее время в палеоантропологических материалах из могильников культуры шнуrowой керамики, распространённой в Центральной Европе и в Прибалтийском регионе в эпоху бронзы. Есть основание думать, что формирование славян происходило в ближайшем соседстве с балтами на сходной антропологической основе. Такой вывод подтверждает неоднократно аргументировавшийся лингвистами факт былого балто-славянского единства...

Что касается антропологических материалов, то по ним общеславянское единство локализуется всё-таки в Центральной Европе. Во всяком случае, это явствует из имеющихся в нашем распоряжении материалов»⁴⁹².

В соотношении с долихокранией широколицесть проявляется в западнославянском населении у вислян и мазовшан, у поморян и полабских лужичан, в восточнославянском — у волынян, полоцких, смоленских и тверских кривичей, радимичей и дреговичей. Это, возможно, тот антропологический компонент, который отмечается во всех восточнославянских группах верховьев Днепра, Волги и Оки и удельный вес которого убывает по направлению к восточной зоне обитания славян.

Приведём суммарную характеристику Т. И. Алексеевой антропологии славянства: «Что же собой представляют славяне в антропологическом отно-

⁴⁹¹ Алексеева Т. И. Этногенез и история восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973. С. 244–245. Цит.: URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/05.php (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁹² Там же. С. 169.

шении? Ареал славянских народов находится в рамках той обширной зоны, которая разделяет ареалы северных и южных европеоидов, выделяющихся, в пределах европеоидной расы, максимально светлой и максимально тёмной пигментацией. Население этой переходной зоны отличается промежуточной по интенсивности пигментацией и большим разнообразием локальных сочетаний антропологических признаков. Детальная их классификация до сих пор не разработана, но принято объединять локальные варианты в две группы — западноевропейскую и центрально-восточноевропейскую⁴⁹³. Славяне, и вообще восточные европейцы находятся в зоне, объединяющей северных европеоидов (нордическую и палеоевропейскую ветви) и южных европеоидов. При этом они принадлежат к своей, центрально-восточноевропейской, половине этой зоны.

Цивилизационное развитие не только славянства, но и западных европейцев, по мнению Т. И. Алексеевой, сопровождается усилением индоевропейских (европеоидных) черт (возможно «нордизацией»): «Большинство современных восточнославянских групп более европеоидно, чем средневековое население. Это отметил и В. П. Алексеев (1969) в отношении славян последних веков, который сделал предположение о возможном приливе славян с запада. В. В. Бунак, на материалах европейских краниологических серий установивший большую европеоидность хронологически более позднего европейского населения, высказал мысль о том, что эпохальные изменения в европеоидных сериях идут в направлении усиления европеоидных черт»⁴⁹⁴. По мере развития восточноевропейской цивилизации у славянского населения происходит нарастание черт нордической расы, прежде всего, конечно, за счёт миграции из регионов массового расселения носителей нордического типа по линии южной части Центра России — к северу и к югу от Полесья.

Таким образом, физический тип славян относится к двум основным и нескольким второстепенным расовым типам. Он определяет оригинальный физический облик человека Восточной Европе, но вместе с тем напоминает ситуацию в Центральной и Западной Европе, отличаясь от неё более древним, северным и евразийским характером расовых черт. Расовые черты создают основу для понимания особенностей личности человека ВЕ как продолжения его традиционного образа жизни Северной Евразии как созидательной жизни «на грани» возможностей человека и общества.

Подведём итоги раздела. Мы завершили лишь краткий, укладывающийся в рамки данной монографии очерк разнообразных исторических, этнических, языковых, культурных и антропологических, географических границ цивилизации Восточной Европы, образующих целостный контекст её изучения. Он свидетельствует о ряде важных свойств и особенностей:

⁴⁹³ Алексеева Т. И. (ред.) Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002. Цит.: URL: https://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksseyov_Vostochnye-slaviane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/43 (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁹⁴ Алексеева Т. И. Этногенез и история восточных славян по данным антропологии... С. 195.

- устойчивой этногеографической и культурно-исторической целостности в рамках границ ВЕ и границ РФ в Евразии, включающей около 315 млн чел., ядром которой выступают славянский и балтийские народы, прослеживающейся на протяжении шести тысячелетий;
- о достаточной древности восточноевропейского типа, восходящего к раннеиндоевропейской общности (её северному и восточному варианту в виде культур шнуровой керамики), не уступая по времени появления (IV тыс. до н. э.) ни западной цивилизации (общность ямных культур), ни ряду других (например, Китая и Индокитая), и уступая лишь раннеземледельческим цивилизациям Древнего Востока — Плодородного полумесяца и юга Европы;
- общей истории, отдельной от истории Запада с самого начала возникновения ВЕЦ;
- о его историческом приоритете перед тремя другими индоевропейскими цивилизациями как автохтонном варианте общества и человека, близком к раннеиндоевропейскому;
- некоторой замедленности развития, чередующейся со взрывными этапами (расселение славян, социализм), причиной которой служило природно-географическое положение и консерватизм уклада жизни;
- древних связях с носителями иранской и индийской цивилизаций;
- о единстве человеческого и исторического типа народов ВЕ, усилении своеобразия и носителями автономии этого типа по отношению к западному типу, расширении его исторического влияния в Евразии;
- наличии собственных форм политической и социально-культурной организации в лице восточноевропейской империи, собственного варианта православной культуры и цивилизации, отдельных от Запада и других цивилизаций Евразии. И ряде других черт.

Как видно из перечисленного, исторический контекст существенен для определения цивилизации, однако это ещё не сама суть цивилизации, о которой пойдёт речь в разделе 3.

РАЗДЕЛ 3

Тип личности и общества Восточной Европы

3.1. Тип личности восточноевропейцев и его отличия от западного и азиатского типов людей

Ибо существенного в мире есть только разумно свободная личность. Она одна имеет самобытное значение. Всё остальное имеет значение только относительное.

И. В. Киреевский. Отрывки. 1856 год

Согласно персонализму, весь мир состоит из личностей, действительных и потенциальных, и каждая личность есть первичный элемент мира, не производный из других существ. Личность обладает свободой воли. Следовательно, территория и климат играют роль только поводов, на которые личность свободно отвечает своими чувствами и поступками.

Н. О. Лосский. Характер русского народа

Персоналистская методология цивилизации

Переходим непосредственно к сущности предмета нашего исследования — типу личности и общества Восточной Европы как сущности её цивилизации. Как тип личности связан с сущностью? Славянофильская философия исходит из персоналистской аксиомы, что только личность обладает полной реальностью. Согласно И. В. Киреевскому, гегелевская сущность и славянофильская существенность (от слова «существо», которое существует, поэтому обладает существенностью и определяет сущность) — разные основания западной и русской славянской цивилизации⁴⁹⁵. Логично следовать этому методологическому принципу при определении сущности славянской восточноевропейской цивилизации. «Сущность» отдельной цивилизации состоит в её существенности, то есть

⁴⁹⁵ См. о существенности как личности у И. В. Киреевского: 1) *Судаков А. К.* Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И. В. Киреевского / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2011. С. 33–36. Цит.: URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2011/sudakov.pdf> (дата обращения: 30.09.2023); 2) *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. Ч. 2. § 6. Концепция существенности как программа русской национальной философии. Цит.: URL: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk302.html> (дата обращения: 30.09.2023); 3) *Антонов К. М.* Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 235 с. Цит.: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/filosofija-i-v-kireevskogo-antropologicheskij-aspekt/ (дата обращения: 30.09.2023).

«существах», иначе говоря, личностях как типе. Цивилизация — тип человека и общества в их соотношении друг с другом и Богом. Так следует понимать тезис славянофилов о «существенности», согласно которому личность есть главное основание просвещения и цивилизации. Отвлечённая сущность как абстрактно идеальное начало не имеет прямого значения для определения цивилизации. «Итак, “существенное” есть “вера” как сознание об отношении личности Бога и человеческой личности, а мышление, упускающее из виду это сознание как существенное, становится “отвлечённым мышлением”, к сущности которого относится, таким образом, то, что оно есть неверующее»⁴⁹⁶, — пишет К. М. Антонов о понятии Киреевского о личности.

*Особое «среднее» место русских в мировых ценностных шкалах.
Что оно значит?*

Чем восточные европейцы отличаются от западных европейцев, а также от людей других цивилизаций, насколько сильны и значимы эти отличия с точки зрения данных кросс-культурных исследований? Прежде всего, здесь мы можем опираться на количественные данные в отношении к разным ценностям. Ценности сами по себе не могут служить основой цивилизаций — способ управления сознанием. Под ценностными системами обычно ошибочно имеют в виду мировые религии, но и они не дают ключ к объяснению различий, поскольку не определяют полностью ценностные системы народов. Но различия в ценностях в конце концов подводят к различию типов и структуры человека.

Согласно данным количественных социологических исследований в рамках международного проекта World Values Survey, используемым В. Э. Багдасаряном и С. С. Сулакшиным в своей статье, русские и другие восточные европейцы занимают в суммарном итоге среднюю позицию между западными европейцами и представителями восточных азиатских цивилизаций (китайцы, индусы) в шкалах: коллективизм — индивидуализм, традиционализм — либерализм⁴⁹⁷.

«Ни одна из сопоставляемых цивилизационных систем не приближается даже к трети возможного уровня совпадения показателей. Менее всего совпадения показателей как проявления близости к России имеют США. Это подтверждает гипотезу о разнородности российского и американского цивилизационно-ценностных типов... Обнаружилось, что, так же как по вопросу совпадения, ни одна из цивилизационных систем не может быть определена как устойчивый российский антипод. Ни для одной из них величина противопоставления не достигает 30 %. Запад при этом оказывается в полярном положении по отношению

⁴⁹⁶ Антонов К. М. *Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект*. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 235 с. Цит.: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/filosofija-i-v-kireevskogo-antropologicheskij-aspekt/ (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁹⁷ См.: Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. Особенности российской цивилизации [Электронный ресурс] // Русрэнд. URL: <http://rusrand.ru/analytics/osobennosti-rossijskoj-tsivilizatsii> (дата обращения: 08.04.2020).

к России даже реже, чем страны Востока. Максимальную частоту ценностных оппозиций России демонстрирует Япония — 8 раз, Индия — 7 раз, Иран — 6 раз. Альтернативность здесь очевидно является следствием ментальных различий народов, восходящих не в последнюю очередь к вариативности религиозной платформы. Страны, цивилизационно сформировавшиеся на фундаменте христианства, реже находятся в ценностной оппозиции России. Это также свидетельствует о цивилизационной самодостаточности России»⁴⁹⁸. Исследователи, следующие западной парадигме, часто высказывают гипотезу о незаконченной модернизации, или разложении традиционного общества в России — обычную поверхностную неколониальную схему объяснения цивилизационных отличий других цивилизаций от Запада — «недоразвитостью» (недомодернизированностью). Но это внешняя, поэтому ложная позиция. На самом деле, на наш взгляд, просматриваются следующие выводы из особого равноудалённого положения России на шкалах ценностей:

1. Российская цивилизация по вопросу границ личности и реализации её волевого стержня в либеральном/традиционном поведении занимает в условной мировой школе особое изолированное место (*Рис. 36*) по отношению к цивилизациям Запада и Востока, включая и родственные индоевропейские цивилизации (Запад, Индия, Иран). Это соотносится с «самодостаточностью» России как цивилизации и её качественной удалённостью от крупнейших цивилизаций мира, прежде всего азиатских.

2. То, что Россия не является ценностным «антиподом» ни одной из крупных, в том числе антропологически отдалённых цивилизаций, говорит в пользу того, что её тип личности может рассматриваться как осевой тип, выполняющий консолидирующую функцию в условиях глобализации, не навязывая, однако, свой тип другим цивилизациям. В этом может состоять русская «всечеловечность» как духовная антропологическая черта. Напротив, западный тип личности и культуры таковым не является, вопреки общемировой вестернизирующей модернизации.

3. Очевиден сближающий фактор влияния христианского типа человека, который у русских серьёзно изменил тип человека.

На самом деле мы видим не средние («медианные»), как нас уверяют западники, а совершенно особые результаты (*Табл. 7*), говорящие об особом положении в мире, которыми, конечно, могут обладать не просто русские в силу своей национальности, ассоциируемой с государством, а восточные европейцы в силу осевого статуса своей цивилизации. Для осевой цивилизации различия Запада и Востока не имеют значения истины или «якоря» в оценке места цивилизаций, они относительны.

Россия как осевой цивилизационный центр фактически занимает среднее положение, к которому стремятся и другие цивилизации, называя себя «срединными», например Китай, Запад, Ближний Восток. Срединность, позиция мировой метрополии, — некое общее место в самоописаниях цивилизаций. Однако в действительности достичь его сложно.

⁴⁹⁸ Сулакишин С. С., Багдасарян В. Э. Особенности российской цивилизации...

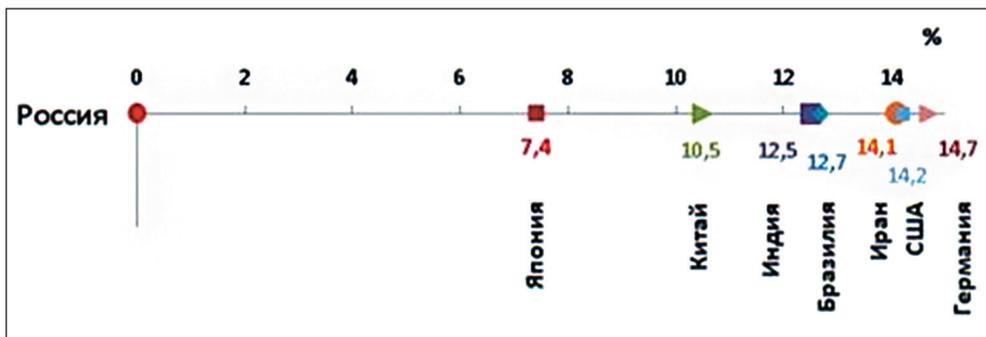

Рис. 36. Большая удалённость России по шкале ценностей и личностных черт от цивилизаций Востока и Запада⁴⁹⁹

Таблица 7

Среднее положение России в оценке ценностей, личностных добродетелей и общественных черт. По большинству переменных Россия ближе других стран к медианному значению⁵⁰⁰

Ценность	Россия	Мах в мире	Мин в мире	Мед в мире
Семья	89,9	94,6 США	78,5 Китай	90,3
Дружба	38	59,7 США	29,1 Китай	47,6
Свободное время	29,9	41,5 Япония	11,7 Китай	35,4
Политика	8,2	21,3 Япония	9,5 Германия	14,6
Работа	49,7	76,8 Иран	32,6 США	63,2
Религия	13,7	78,5 Иран	6,5 Япония	49,1
Самостоятельность	41,1	80,7 Япония	28,6 Бразилия	51,9
Труд	88,9	90,2 Китай	26,1 Германия	56,2
Ответственность	8,4	91,4 Япония	68,4 Индия	72,6
Воображение	14,2	39,8 Германия	17,8 Иран	23,4
Толерантность	68,8	78,7 США	56,1 Индия	71,1
Бережливость	52,7	69,1 Китай	28,7 Бразилия	38,9
Настойчивость, решительность	52,2	67,8 Япония	27,5 Китай	38,1
Религиозность, вера	11,0	72,1 Иран	2,4 Китай	41,5
Благожелательность	19,6	50,7 Япония	6,8 Германия	34,3
Покорность	38,0	56,8 Бразилия	5,2 Япония	43,0
Патриотизм	83,3	86,9 Китай	24,6 Япония	71,6
Творчество	14,0	29,4 Индия	5,8 Япония	20,7
Нестыжательство	12,5	35,3 Бразилия	7,0 Китай	16,2
Безопасность	17,5	44,2 Иран	5,3 Япония	27,9
Помощь людям	32,8	31,3 Бразилия	5,8 Япония	27,7
Социальный успех	8,6	26,7 Индия	2,4 Япония	11,8
Ценность риска	5,8	21,0 Индия	0,9 Япония	6,9
Должное поведение	19,3	34,0 Иран	3,9 Япония	24,9

⁴⁹⁹ Сулакишин С. С., Багдасарян В. Э. Особенности российской цивилизации... С. 9.

⁵⁰⁰ Там же.

Окончание табл. 7

Ценность	Россия	Мак в мире	Мин в мире	Мед в мире
Экология	14,5	33,3 Иран	6,9 Япония	24,1
Традиция	22,6	38,0 Индия	1,9 Япония	29,3
Значимость вооружённых сил	12,2	29,0 США	2,2 Германия	11,4
Экономический рост страны	74,1	62,8 Германия	45,3 Китай	59,9
Свобода слова	2,8	17,8 США	4,9 Япония	11,2
Имущественное равенство	15,8	40,2 Индия	5,3 Япония	12,4
Неприятие гомосексуализма	66,4	82,3 Иран	10,5 Германия	47,3
Неприятие проституции	65,8	83,8 Китай	24 Германия	53,4
Неприятие абортов	34,1	68 Китай	14,8 Япония	46,2
Неприятие суицида	67,6	75,6 Иран	34,5 Германия	62,1

Границы личности, её особенности и «стержень» (ось, ядро) у восточных европейцев и его отличие от других цивилизационных типов людей. Базовый индоевропейский тип личности

Личность в социальной теории личности представляет собой систему взаимосвязей с влияющими на неё людьми — «значимыми другими». Они составляют социальную оболочку личности, внутри которой, однако, находится самость, придающая личности самостоятельность и индивидуальность. Самость может рассматриваться как образ сознания, или праобраз (архетип), нанизанный на трансцендентную ось, связанную с религией и её трансцендентной сущностью, или Богом, а также и другими сущностями трансцендентного мира — осями. И праобраз, и трансцендентная ось могут меняться, в том числе и у отдельного человека, но они обладают довольно высокой стабильностью, позволяющей самости существовать. Итак, мы видим три взаимосвязанных параметра личности:

1) связь с другими людьми, выражаемую в близкой группе и более широком коллективе межличностного общения для самоактуализации «Я», — внешняя оболочка личности, часть которой составляет социальное лицо — маска, персона, внешний образ человека;

2) собственно «Я» как единственный внутренний образ (Я-образ, я-гештальт, эго, я-концепция, самосознание), основой которого выступает личная воля — дух человека;

3) трансцендентный праобраз («архетип») и его ось, выражаемая в фактической религиозной вере, пусть и неявной; в сверхличности; трансцендентная воля, реализующаяся через скрытый праобраз и внешнюю социальную оболочку.

Несмотря на многообразие теорий личности⁵⁰¹, её структура сводится примерно к этим компонентам, среди которых внешняя социально-ролевая сторона

⁵⁰¹ См.: Мадди Сальваторе Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. 538 с.; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.

изначально была под номером 1, то есть внешним образом, в широком смысле «маской», в общении с другими. Два первых из них используются в классической «научной» психологии, третий — философско-теологический концепт, без которого, однако, непонятны два первых и без которого нельзя обойтись, говоря об источнике личности как духа, способного к свободному выбору, несводимого к внешним элементам сознания. Среди западных теоретиков личности относительно более близкими к славянофильской концепции являются концепции личности К. Роджерса (Я-концепция), К. Г. Юнга (трёхчленная структура души и архетип внутри), В. Штерна (персонализм), Ч. Кули (зеркального Я) и других психологов. Как можно с позиции соотношения этих трёх компонентов трактовать личность носителей восточноевропейской цивилизации?

*Три основные модели социальной личности:
восточноевропейская (осевая), западная и восточная*

Для понимания сущности и различий цивилизаций как типов личности нами предложены три наглядные основные модели личности (Рис. 37), условно описывающие весь набор вариантов её внешних границ и внутреннего пространства: от Востока до Запада, от минимального коллективного до максимального изолированного. Во всех вариантах индивидуальная личность существует, несмотря на разный удельный вес коллективных сверхличностей у разных цивилизаций. Все три указанных структурных типа разных вариантов цивилизаций представляют собой лишь внешние, эмпирически ощутимые границы личностей в отношении с другими людьми, которые отражают антропологическую сущность этих цивилизаций.

Однако главным для понимания специфики личности является не формальное отражение своей социальной сущности во вместилище внешнего социального «Я» (социальной личности разных обществ), а его «наполнение» прообразом, истинным духовным содержанием. А оно может быть разным в разных цивилизациях и цивилизационных проектах одной цивилизации. Но важно, чтобы структура личности имела достаточное место, чтобы вместить определённый прообраз (или «код»). Место для прообраза образуется внешними границами, в качестве которых могут выступать только отношения с другими личностями. Конечной реальностью для личности (и вообще) обладает только другая значимая личность (или несколько значимых личностей), согласно вышеприведённому тезису И. В. Киреевского (да и вообще для персоналистов), и только она (они) может (могут) ограничивать её внутреннее и внешнее пространство, во всяком случае в качестве члена общества; впрочем и вообще любой реальности⁵⁰². Для понимания различия цивилизаций в плане религий важно то, что вместить про-

⁵⁰² То же касается формирования «Я» на фоне образа внешнего «неодушевлённого» или живого мира, в котором роль других ограничивающих личностей выполняют предметы и существа, обладающие личностноподобным бытием, и оказывающих сопротивление воле «Я», тем самым создавая самосознание реальности себя и других предметов. Об этом, в частности, писал М.-Ф. Мэн де Бيران.

образ человекоподобного Бога не может ни личность первобытного общинно-родового человека (только предка или тотема, и то через шамана — «шаман является хозяином родовых духов»⁵⁰³), ни личность западного рационалиста-эгоиста, сознание которого занято искусственными рациональными структурами, управляемыми извне.

Для достижения своей цели построения модели типа личности русского, шире — восточноевропейского человека, выделим её в особый тип под номером 1.

Более того, — и это необходимо опять-таки для достижения целей настоящей работы, — считаем этот тип не промежуточным, а идеальным типом, точкой отсчёта в исследовании. Первичность этого типа не является очевидной. Изначально исторически господствовал тип 3 (восточный, первобытный). Да и сегодня к нему относится большинство людей в мире, продолжающих жить в общинно-клановой системе сознания. Однако первичность восточноевропейского типа доказывается тем, что это «осевой» тип в истории, к которому стремится большинство людей и обществ, некая золотая середина. В рамках исследования «цивилизации Оси» очевидно. Отметим, что западные учёные в качестве идеального типа, как правило, берут крайний, по сути, «дегенеративный» западный тип и его свойства, имманентно, исходя из своей структуры личности, поддающиеся рационализации и введению в исследование (например, теория целерационального действия М. Вебера). Но ни западный тип с его гипертрофированной рациональностью, ни традиционный восточный тип не могут служить идеальными моделями в силу их крайности; тем более они непригодны для исследования личности осевого типа.

1. *Восточноевропейский, славянский русский тип личности. Базовый индоевропейский, шире — осевой тип.* Русский «всечеловек», по Ф. М. Достоевскому. Конечно же, великий писатель-мыслитель в своей антропологической теории русского всечеловека имел в виду под «всечеловеком» не западного эгоиста-глобалиста-буржуа, хотя проблематика всечеловека как антропологической альтернативы тесно связана с проблемой атомизированного человека больших городов.

Восточноевропейцы, в частности восточные славяне, обладают развитой личностью, выразившейся в большом количестве творческих персонажей истории из различных отраслей жизнедеятельности. Данная личность ярко выделяется из коллектива и стремится обособиться, что само по себе говорит о дефиците обособления и общинности (соборности). Заметна диффузность (подвижность) границ общения при чётком выделении границ «Я». Вместе с тем для них характерна меньшая обособленность, эмансипированность, менее выраженные границы и менее чёткие рациональные структуры поведения, чем у западных людей.

⁵⁰³ См. о структуре коллективной первобытно-родовой личности и общества, концентрированных на шамане и прародителе рода: *Широкоторов С. М.* Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919. 55 с. URL: http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/opyt_issledovaniya_shamanstva_tungusov/02 (дата обращения: 30.09.2023); *Shirokogorov S. M.* Psychomental complex of the Tungus. L., 1935. XVI. 469 p. URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/psychomental-complex-tungus-01> (дата обращения: 30.09.2023).

Как следствие, рационализация, регулирующая социальные нормы и стратегии в обществе, не является самодовлеющей ценностью, как и структуры вещного мира, предметы техники и потребления, занимающие место рациональности и тесно с ней сопряжённые. Не является для русских главным и коллектив, род, семья, община, корпорация. Что же главное — внутреннее пространство себя и других значимых людей; иногда людей «вообще» — общества индивидов.

Иногда игнорирование русскими регулирующих коллективных структур рациональности воспринимается как вызывающий эгоизм (чрезмерное развитие «Я» — структуры 2, как, например, у «подпольного человека» Достоевского), однако он может быть мотивирован не эгоизмом, а именно попытками актуализации внутренних структур прообраза и воли. Как мы видим, внутренний прообраз и ось у русских ярко выражены, границы «Я» раздвинуты, поэтому наблюдается индивидуальность и, как следствие, её формальное и одностороннее выражение, индивидуализм, который как раз бросается в глаза в формальных опросах. Но у русских, славян и восточных европейцев сохранились тесные внутренние институциональные связи с личностями значимых других в своём окружении, которых уже нет у многих людей Запада либо они у них второстепенны. Даже если окружение значимых других реально не функционирует или воспринимается как мистическое. Это делает русских привлекательными и для коллективистских народов Востока, и для «общительных» людей Запада. Действие воли раскрепощено, вариативно и социально, зависит от влияния значимого личного окружения, но не установок клана; воля не подчиняется рациональности; последняя действует как инструмент воли.

Как мы видим из истории, осевые революции на Востоке привели к формированию самостоятельных вариантов осевого типа личности, однако он не стал ведущим в популяциях и в культуре, несмотря на то, что некоторые из лидеров осевой революции стали и до сих пор служат образцами человека для религий и мировоззренческих течений (пророки Израиля, Лао-цзы, Конфуций, Будда и др.). Общества Востока в большинстве случаев, за некоторыми исключениями, не изменили своему типу человека, лишь слегка трансформировав его в опоре на осевые движения.

2. *Западный тип личности.* Это европейцы, североамериканцы, «Хитроумный Одиссей» у Т. Адорно и М. Хоркхаймера, древнеарийский вождь, готический человек, цифровой человек, «последний человек» Ф. Ницше, «рыцарь и буржуа» по М. Оссовской. Границы личности упорядочены за счёт рационально выстроенной схемы общения с другими людьми. Диффузность (неконкретность, нецелерациональность) общения отсутствует или ослаблена межличностной дистанцией, всё общение рационально или, в случае эмоционального, контролируется. Напоминает современного «извращённого кочевника» Ж. Аттали, кочующего между людьми, их общностями и странами, либо «греческо-иудейский идеал» поздней античности. Очевидно, что западный человек — некий крайний, хотя и универсальный вариант личности. Его не было в древности, за исключением указанного типа вождя-прародителя. Изначально тип личности на Западе существовал как восточноевропейский (и сохранился до сих пор в западных странах), но постепенно количество людей в западных популяциях с западным типом стало

превышать количество носителей восточноевропейского, и его функция стала «резервной», кризисной или, наоборот, домашней.

Личность формируется внешней «загрузкой» в индивида социальных норм и знаний — социализацией — «здравым смыслом» — коллективной рациональностью Сверх-Я. Действие воли ярко выражено, но рационализировано и сдерживается обществом извне («Воля и разум»). Личность и воля становятся всё более иллюзорными из-за подчинения рациональности как искусственной структуре.

3. *Восточный, или традиционный, тип личности* — человека кланового, общинно-родового общества (Восточная Азия, Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток, общинно-родовые социумы). Диффузность общения отсутствует, оно ритуализовано, направлено на подтверждение клановой структуры как структуры личности. Общение заменено интеграцией связей со значимыми другими внутри личности — коллективным «Я» индивида. Границы личностей переплетены и в качестве личного «Я» выступает в значительной мере «Я» коллективное. У людей Востока и других культур, в том числе азиатских, в особенности у народов с большим количеством родовых или племенных черт, «Я», самость или прообраз, сильно «сдавнено» другими личностями и системой взаимосвязей с ними. Круг «Я» сильно сужен, если вообще существует, поле самосознания и мышления узко или нестабильно, существует «проблесками». Стабильная часть картины сознания является традиционной сложившейся системой взглядов кланового коллектива. В этом плане она абсолютно ясна и устойчива, круг предписаний и запретов предопределён. 1 — такой человек не универсален, ограничен кланом или сетью кланов, несмотря на его фундаментальность и вездесущность в истории. Присутствует развитая функциональная рациональность, направленная на техническое исполнение.

С восточной структурой личности связаны такие религиозные явления, как культ предков в Китае, который, впрочем, существовал в разной мере у всех народов с опорой на род. Речь идёт на самом деле о наследственных прообразах предков, тотемах и тому подобном. Это языческая и родовая религия. С позиций её трактуются и мировые религии, если они проникают в этот ареал, как культ «праотца» и «праматери». О важности рода как связи с прообразом предков писал о. Флоренский как об основном вопросе философии, общего и отдельного. Действие индивидуальной воли носит коллективный характер — предопределено коллективным выбором клана, как его видит индивид, и определяется «силой воли». Коллективная сверхличность для индивида более реальна, чем индивидуальное «Я», которое воспринимается как его текущая «реинкарнация».

Очевидно, что полная трансформация типа личности номер 3 по осевому или по западному типам привела бы к падению этих обществ и цивилизаций, отказу от своего коллективного «Я». Как мы видим, в целом этого не произошло, за исключением локальных изменений (финикийцы на Ближнем Востоке). Либо после осевых революций, затрагивающих верхушку общества и культуры, происходил «откат» к клановому обществу на новом уровне этой цивилизации, например восточных земледельческих деспотий. Сегодня, однако, мы видим массовое усвоение западной культуры и личностных образцов в странах Востока, которое угрожает их стабильности. Будут ли они использовать смешанные западно-

восточные схемы управления новым земледельческим обществом (например, цифровой контроль над личностью с помощью технологий НБИК-конвергенции) либо попытаются обнулить «вестернизацию»? Может быть, попытаются свести изменения к среднему типу 1?

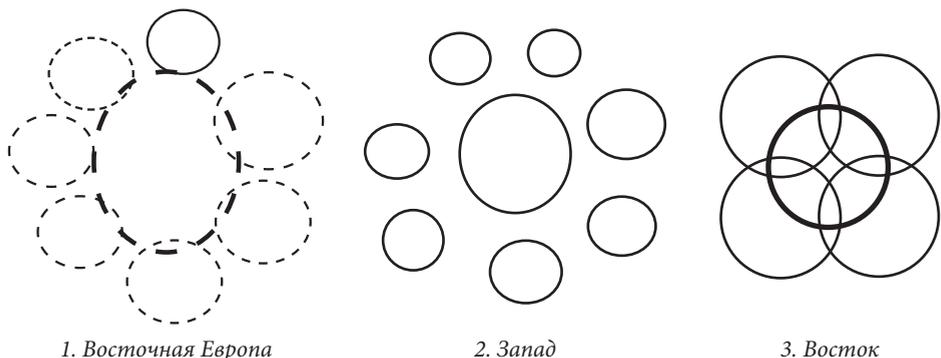

Рис. 37 (1–3). Структурные границы личности во взаимоотношении со значимыми другими людьми. Три типа: Восточная Европа — Запад — Азия

Как сложился восточноевропейский тип личности?

Как показано выше, восточноевропейский тип появился в ходе неолитической революции, а вовсе не из-за социализма или недостаточной вестернизации. Срединный тип представляет собой изначального раннего индоевропейца на прародине примерно той эпохи, когда их начали хоронить в индивидуальных могилах с оружием в курганах (отсюда Курганная гипотеза). Его появление в праиндоевропейском массиве в районе Средней Волги семь-восемь тысяч лет назад до сих пор загадка мировой истории. Данный тип являлся новым человеком («неоантропом»-«всечеловеком») по отношению к типам других современных ему цивилизаций, которые выглядят, по сравнению с ним, совершенно архаичными, о чём говорилось выше. Для сравнения, в соседних с ранними индоевропейцами матриархальных земледельческих цивилизациях хоронили в общих могилах-святых местах и разбирали скелеты по отдельным косточкам в мегалитических хтонических пещерах, что говорит об отсутствии ярко выраженной самости, выходящей за рамки коллектива, и соответствующих представлений о загробной жизни, и сведении самости к коллективной сверхличности Великой Богини-Земли.

Теперь затронем вопрос о соотношении этого типа с христианством. Что изменило христианство в структуре личности жителя западного древнегреческого полиса или восточноевропейского славянина? Оно поменяло трансцендентную ось, прообраз, который стал соответствовать прообразу Богочеловека, и, как следствие, заметно расширило внутреннее пространство самости, внутренний круг между связями с другими людьми. Это расширило внутренние границы настолько, что самость может самостоятельно регулировать свою дистанцию с другими людьми и место в мире, не испытывая страха быть изгоем вне общины или рабом, которые стали массово появляться на Руси на рубеже II тысячелетия: «На исходе X — начале XI в. в древнерусском обществе формируется новый довольно многочисленный разряд изгоев — свободных людей, не имеющих связей

с родственными союзами и лишённых, следовательно, их защиты и покровительства. Факт появления такого рода людей — свидетельство деградации этих родственных союзов, т. е. глубокого и системного кризиса родового строя»⁵⁰⁴. Общество, которое встретило Крещение Руси, было обществом родовым, и специфика личности была особенностью её положения в славянском варианте родового общества, то есть присущей ему структуры личности: «Древнерусское общество XI — начала XIII вв. как раз и есть то, условно говоря, “варварское общество”, настроенное на саморегулировку и стабильность, о чем писал А. Я. Гуревич. Оно воплощало собой общинную цивилизацию Древней Руси со своеобразным общественным, политическим и государственным строем, самобытной и яркой культурой. Эта цивилизация погибла под ударами татаро-монгольского нашествия, и на её обломках возникла монархическая Московская Русь, положившая начало новой сословно-классовой эпохе в истории России»⁵⁰⁵. Очевидно, что христианизация души возможна лишь для осевого человека и общества, либо она ведёт к переходу в осевое состояние (осевому переходу).

Везде христианизация личности имела свои особенности. В ходе кризиса общинно-родового строя в Восточной Европе и создания восточнохристианской цивилизации родовый строй разложился, а общинный остался, и в некоторых странах, как на Руси, даже укрепился. Его основы существовали и в последующие столетия, несмотря на сословно-классовую стратификацию.

Христианизация западного человека трагически совпала с заменой личных связей со значимыми другими на формально-рациональные правила поведения, юридические и нравственные, и инструментальную рациональность, регулирующие личные стратегии и дистанции между личностями. Обычно это различие трактуется как избыточный рационализм западной Римской церкви и вообще западной культуры, замена веры разумом. Таким образом, рационализация и христианизация западного человека стали взаимосвязанным процессом, и не только в Риме, но и в Византии, хотя в Восточной церкви гораздо менее и по-другому. Внутреннее пространство, расширенное христианством, обратилось на обустройство формальных внешних связей западного человека с помощью целерациональности, фактически его автономии от значимых других. Совпадение христианизации и рационализации, становления капитализма породило массу культурных форм западного христианского мира, готику и т. д., но в итоге это здание обрушилось, остался в основном рациональный каркас общества и личности.

В Восточной Европе же при крещении людей и их общин, с резким расширением внутреннего пространства самости и потусторонней глубины, сохранились тесные связи с окружением из значимых других в структуре личности, из-за того, что не происходило их быстрое замещение формальными рациональными правилами и стратегиями, разрушающими эти связи, которые принято обозна-

⁵⁰⁴ См. о проблеме изгойства и рабства у славян: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 512 с. Цит: URL: http://historylib.org/historybooks/Igor-Froyanov_Rabstvo-i-dannichestvo-u-vostochnykh-slavyan/6 (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁰⁵ Там же.

чать идеологическими ярлыками «соборности», «общинности», «коллективизма», «правового нигилизма», эмоциональности.

То есть в Восточной Европе мы видим раннюю индоевропейскую структуру личности, не привыкшую структурировать свои связи в социуме при помощи рациональных инструментов и стратегии заменяющих их узким кругом своих людей. Но при этом обладающей колоссальным внутренним полем и потребностями в самосознании и самореализации.

С позиций мировоззрения христианской эпохи в качестве основного симптома и отличия западной личности от восточноевропейской называется гордыня, то есть свойство, указывающее на формальную значимость «я», его отграниченность от других и выделенность рациональными средствами, которые делают затруднительными «смирение» или уравнивание себя с окружающими. Отсюда и тема одиночества, заброшенности в экзистенциализме.

Интересно, «где в Европе проходит граница гордыни» между восточно- и западнохристианскими народами:

«Живя в Европе и наблюдая за поведенческой культурой народов, чувствуется всюду зараза гордыни. В Европе можно провести границу между Западом и Востоком. На правой, восточной стороне находятся Россия, Болгария, Румыния, Греция, Сербия. Здесь народы воспитывались в смирении и скромности, и эти качества стали составляющей их народной культуры. С левой, западной стороны находятся Польша, Чехословакия, Венгрия, Хорватия, Германия, Франция и т. д. Там всюду чувствуется гордыня, надменность, и они все свысока смотрят на другие народы. Это деление на восток-запад особенно заметно в Югославии, где граница гордыни проходит между Сербией и Хорватией. Сербы православные, а хорваты католики. Конечно, некоторая часть западных народов, живущих на границе с православными, переняла их скромность и смирение»⁵⁰⁶.

Проницательный автор яркого вышеприведённого фрагмента связывает западную гордыню с развитой языческой культурой до крещения, под которой, видимо, имеется в виду целерациональность или инструментальная рациональность («высокоумие», по св. Ефрему Сирину, намекающее на функцию ума или рациональности в гордыне). Явно прослеживается связь социальной и морально-психологической особенности западного человека и структуры его личности, характеризующейся опосредованными связями со значимыми другими с помощью рационально-правовых регуляторов.

Христианская этика смирения и «нищенства духом» возникла всё-таки на Ближнем Востоке, а не среди людей Запада, даже если к Западу относить эллинистические общества, которые могут считаться западными лишь по форме («псевдоморфозы», по О. Шпенглеру). Западные же общества, от Рима и Византии до протестантских государств с их этикой трудового стяжательства, были вынуждены налагать ограничения на рациональность, по крайней мере на сферу её использования, чтобы сохранить христианские ценности, обращаясь к вере

⁵⁰⁶ Трусев В. С. (ред.) Русофобия на Западе [Электронный ресурс] // 19 июня — 2 июля 2003 г. Св. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. URL: <http://www.dorogadomj.com/z142ist.html> (дата обращения: 10.03.2016).

и напрямую к Библии. Падение христианских ценностей совпало с «раскрепощением» рациональности в ходе Просвещения Нового времени, когда ценности стали оцениваться и полагаться.

Подвижники христианского смирения, по сути, отрекались от ценностей западной цивилизации в пользу общежития единоверцев или отшельничества и брали за основу жизни примеры ближневосточного Священного Писания (но не юридические нормы!). Позднее следование практикам Писания и раннехристианских общин стало рассматриваться в светском или полусветском варианте западного Просвещения как утопической социализм или коммунизм, но на деле реализоваться социализм на западной почве не мог, так как он не соответствовал структуре личности западного человека.

В Восточной Европе, где тип человека в широких массах сохранялся прежним до 1920–1930 гг. вместе с традиционным крестьянским вариантом цивилизации, а в СССР он был законсервирован коммунистической системой коллектива со значимыми другими, западная схема культуры и жизни, присущая правящим слоям, где и процветала «гордыня» (честь и слава рыцарей, производная от *virtu* ранних вождей воинских коллективов индоевропейцев⁵⁰⁷, внешне выраженная в инсигниях типа жезлов), рассматривалась советскими простолюдниками как западная псевдоморфоza верхних слоёв общества.

Где граница между базовым раннеиндоевропейским типом воина-путешественника-хозяина-труженика и западным типом рыцаря-буржуа — завоевателя и эксплуататора побеждённых? Очевидно, она подвижна и пролегает по территориям изначального ядра Восточно-Европейской равнины. Комплекс рыцаря и его «славы» (доблести) был и в славянском мире (возможно, самоназвание «славяне» происходит от «славы» — *virtu*) и таким образом является выразителем самой идеи доблести и чести, но в каком-то ином смысле. Однако, поскольку подчинение ради эксплуатации не было самоцелью, комплекс доблестного воина не приобрёл такого самодовлеющего статуса модели личности в ВЕ для всех с его крайностями и уравновешивался другими образцами. Носители гордыни, «герои», отбраковывались и уничтожались советской сталинской системой, на смену которым приходили люди из низов с обычной восточноевропейской структурой личности, которую

⁵⁰⁷ См. о западном рыцарском этосе, общем для воинов античности и Средневековья: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали.

Рыцарский и буржуазный этосы — не просто культурологический факт о господствующих классах общества отдельных периодов истории, а ключевые образцы (социальные прообразы) для западной личности как таковой. Личность «хитроумного Одиссея» из «Диалектики Просвещения» Адорно и Хоркхаймера как бы синтезировала рыцарский и буржуазный этос в одном «я» древнегреческого царя Итаки. Возможно, эта неразделённость имела место в ранней Греции. Проект германского нацизма опирался на возрождение личности западного арийского рыцаря в новых исторических условиях и в новом виде, однако апеллировал к мещанской личности немецкого мелкого буржуа, из которых в основном рекрутировались «рыцари» Третьего рейха. Ясно, что для идеологов нацизма русско-славянский и раннехристианский типы в их единстве и социалистическо-большевистской реинкарнации представляли собой главного конкурента нацистского проекта правящего человека будущего. Сегодня мы наблюдаем ту же ситуацию в отношении человека-машины трансгуманизма — идеологии не менее опасной, чем нацизм.

либеральные критики сталинизма рассматривали как якобы посредственную, недоразвитую, «рабскую» (вспомним про личность славянина как рабскую (*der Sklave* — нем. — раб) у А. Розенберга в важнейшем манифесте нацизма «Мифе XX века»), якобы из-за отсутствия чувства собственной формальной значимости.

Несмотря на очевидные преимущества волевой и соборной личности, осевой тип личности находится в довольно уязвимом и неустойчивом положении по отношению к двум другим крайним личностным типам.

Вообще он является не идеальным, а реальным типом со всеми вытекающими следствиями: ему присущи многие моральные недостатки повреждённой человеческой природы, которые усиливаются слабым влиянием внешне формальной системы клана или рациональности. Его поведение может быть греховным, как показывал Ф. М. Достоевский, да и другие русские авторы. Это не самобичевание и не пустые слова. Роль носителя мировой оси или ядра для восточноевропейского человека, тем более изолированного русского, слишком тяжела. Индивидам часто недостаёт воли, веры, организованности. Он уступает как западному, так и традиционному восточному типам в исторической конкуренции цивилизаций и в личной конкуренции индивидов именно из-за того, что он выступает как личность и на стороне личности, а не как коллективная реальность кланового или эгоистически рационалистического типа, что в современном мире иногда одно и то же, поскольку клановые системы встроены в капитализм. С точки зрения неoантропа всечеловека, оба крайних типа являются «конченными» финальными типами, заботящимися только о себе или о своём клане, конечными по своей исторической роли. В отличие от них, русский осевой тип является бескрайним, бесконечным, неумеренным типом, не знающим чувства меры, поэтому у него проблемы с текущей адаптацией. Он должен либо выстроить общество и международный уклад под себя, нещадно переделывая конкурентов, либо проиграть. Исходя из этих размышлений, условием его выживания является не столько консервация старых отношений, сколько мессианское общество социалистического типа.

3.2. Как структурируется и поддерживается социальная личность восточноевропейцев

Никакой соцстрах нигде и никогда не обеспечит человеку той уверенности и свободы, какую даёт ему поддержка группы диффузного типа.

*В. Ф. Чеснокова (К. Касьянова).
О русском национальном характере*

Теория личности русских В. Ф. Чесноковой и структура личностных связей (межличностного общения) восточного европейца в отличие от западного человека

Очертив общие границы «я» человека Восточной Европы, унаследованные в целом от раннеиндоевропейской эпохи (плюс особая дальнейшая история славянства и ближайших к нему народов), перейдём теперь к описанию социально-

психологического механизма базовой личности восточных европейцев. Как сложилась данная теория и как работает механизм восточноевропейской личности? Из этнопсихологических концепций русского национального характера наибольшее приближение к модели восточноевропейской осевой личности дают концепции личности, созданные на эмпирическом материале В. Ф. Чесноковой (К. Касьяновой)⁵⁰⁸. На наш взгляд, только В. Ф. Чесноковой удалось решить проблему русского национального характера как цивилизационного типа личности⁵⁰⁹, несмотря на то, что на тему русского характера писали многие известные психиатры, философы, обществоведы, писатели⁵¹⁰. Им удалось выявить существенные личностные черты славян и русских, но не построить целостную модель типа, поскольку методология анализа отдельных психических черт не позволяет этого сделать. В. Ф. Чеснокова использовала ряд данных черт, известных в описаниях русской культуры, для построения своей картины модальной или базовой личности, то есть преобладающей у русских.

Так, Н. О. Лосский отмечал большую и развитую силу воли и свободолюбие в противовес законничеству: «К числу первичных основных свойств русского народа принадлежит могучая сила воли. Отсюда становится понятной страст-

⁵⁰⁸ См.: Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.

⁵⁰⁹ В своей концепции русской личности В. Ф. Чеснокова использовала разные подходы, которые относятся к классике социально-психологической теории, что позволяет считать её академическим шедевром. Кроме фрейдизма с его «сверх-я», также психопатическую типологию личности польского психиатра А. Кемпиньского (тип «эпилептоид»), а также шкалу общения американского классика социологии Т. Парсонса (диффузное-конкретное общение), предназначенную для определения культурных типов, теорию «идентификации с другим» («зеркального «я») классика американской социологии социальной психологии Ч. Кули. На наш взгляд, теория Кули играет наибольшую роль в понимании внешней структуры личности как связи со значимыми другими, с которыми достигается идентификация. Сразу оговоримся, что эмпирически удачная теория русской личности у К. Касьяновой опиралась на фрейдистскую схему, хотя в целом она далека от фрейдизма и даже противоположна ему, в которой заниженность личности и её зависимости от связей со значимыми другими приписываются слишком сильному «Сверх-я», идущему якобы от православия для нейтрализации слишком сильных инстинктов «Оно» у русских. Фрейдистская схема сводится к отношению «внутренний дикарь — цивилизация» и не способна объяснить значение и происхождение индивидуальности в разных цивилизациях как функцию социума и трансцендентного.

⁵¹⁰ См.: Сикорский И. А. Черты из психологии славян. Речь, произнесённая в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1895. 15 с.; Сикорский И. А. Психология русского народа и других народов славянской расы [Электронный ресурс] // 10.02.2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1812742> (дата обращения: 14.09.2023); Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт: Посев, 1956; Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/library/vopros/11.html#_edn1 (дата обращения: 14.09.2023); Ковалевский П. И. Характер русского народа — Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание. М.: Кн. мир, 2006. 259 с.; Ф. М. Достоевский («общесловечность») и др.

ность многих русских людей»⁵¹¹. Волевой фактор является важным для понимания осевого типа личности, так как без него он не способен выполнять духовную и историческую роль. Но при этом конфигурация воли не является идеальной и парадоксально сочетается со слабоволием (обломовщиной) и чувственностью, искажающей действие воли. Лосский также называл в качестве черт религиозность и метафизичность.

Согласно И. А. Сикорскому: «Самыми типическими чертами этого характера являются: скорбь, терпение и величие духа среди несчастий... С психологической точки зрения терпение представляет собою напряжение воли, направленное к подавлению физического или нравственного страдания; отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбе и готовность страдать — если это необходимо — составляют самый характеристический облик русского терпения»⁵¹². К ним он добавляет нерешительность как осторожность, психическое созревание форс-идеи до превращения в волю и внутреннюю сосредоточенность.

П. И. Ковалевский называл чертами славянского типа «рознь, несогласие, недоверие, склонность к ссорам и междоусобицам... Эта национальная рознь свойственна не только русским славянам, но и всем славянам»⁵¹³. П. И. Ковалевский, несмотря на это, поддерживает тезис Ф. М. Достоевского о черте всечеловечности у русских в противовес западному космополитизму. Ссылаясь на известную фразу Достоевского: «способность высоко-синтетическая, способность всемирности, всечеловечности», П. И. Ковалевский так описывает эту историческую черту личностного типа: «Общечеловечение или всечеловечество — объединение различных наций в одно целое с сохранением психического лица каждой нации»⁵¹⁴.

Крупным достижением В. Ф. Чесноковой, приоткрывающим дверь к пониманию различия типов личности восточноевропейских и западных людей, было использование сравнительных количественных данных тестирования русских и американцев по шкале «конкретное — диффузное общение» Т. Парсонса. Русская личность, в отличие от западной, характеризуется именно диффузным общением, поскольку оно даёт возможность поддерживать эмоциональные границы личности и выражать своё «я» (и его «прообраз»). Подбирается и соответствующая доверенная группа межличностного общения «по душам». В то время как западные люди стремятся к общению «конкретному», нацеленному на решение конкретных задач («целерациональное», по М. Веберу) с соответствующим составом партнёров, которые помогают им в этом, что также связано с преимущественно рациональным структурированием границ своей личности.

⁵¹¹ Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт: Посев, 1957. С. 36. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/1 (дата обращения: 30.09.2023).

⁵¹² Сикорский И. А. Черты из психологии славян: речь, произнесённая в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1895. 15 с. Цит.: URL: <https://studfile.net/preview/16717921/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵¹³ Ковалевский П. И. Характер русского народа. Цит.: URL: <http://rys-strategia.ru/publ/3-1-0-4897> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵¹⁴ Там же.

Приведём характеристики обоих типов общения в версии В. Ф. Чесноковой: «“Конкретное общение” характеризуется тем, что человек выбирает себе социальное окружение, полезное, с его точки зрения, для реализации собственных целей. Одни любят туризм, и с ними хорошо путешествовать; другие собирают огромные фонотеки, и с ними можно обмениваться пластинками и плёнками; с третьими интересно говорить на философские темы; к четвёртым приходится обращаться за определённого рода помощью; наконец, пятые восхищаются нами и любят нас за определённые черты характера или навыки, и с ними приятно побыть время от времени: это вселяет в нас уверенность в своих силах и повышает чувство собственного достоинства... В общем, принцип таков, что каждый человек хорош и нужен только в определённых обстоятельствах и для определённого занятия.

“Диффузное общение” характерно тем, что человек, реализующий данную тенденцию, отбирает себе друзей и знакомых не с точки зрения того, какие цели с ними удобно и интересно осуществлять, а по некоторым глобальным признакам, характеризующим их как личности. Если же те друзья, которых он выбрал себе по указанному принципу, вовсе не хотят реализовывать с ним его целей, то он отказывается в крайнем случае от этих своих целей и ставит себе другие, “подходящие” к избранному кругу общения. Принцип выбора здесь таков: в каждом человеке значение имеют только твёрдые и неизменные характеристики его “я”, все же остальное — сфера его деятельности на данный момент, социальное положение, материальное благополучие и даже его конкретные интересы — не столь важны. Человек, склонный к диффузному общению, тщательно подбирает себе социальное окружение. Завоевать его расположение трудно: он долго и придирчиво “проверяет” нового знакомого, ведь ему нужно установить не просто отдельные поступки и интересы будущего приятеля или друга, но самое главное — тенденцию этих поступков и интересов, чтобы “добраться” до его “я”, до неизменных принципов, до ценностей. Зато, если он уже “принял” новичка в “свой”, то значит настроился на долгую и верную дружбу и этого же ожидает от своего партнера. Установившаяся тесная связь затем очень устойчива, и если разрывается, то весьма болезненно и только в крайних обстоятельствах»⁵¹⁵.

Иначе говоря, речь идёт о типе человека, которой с детства привык к устойчивому глубокому общению в малых коллективах надёжных людей, с которыми связи носят прочный и «глобальный» для интересов личности характер. Целерациональный характер общения в диффузном типе (конкретные полезные виды) отодвинут на вторые планы, как в плане утилитарной полезности людей друг другу, так и в плане регулирования общения рациональными нормами и соображениями, нормативной межличностной дистанции. Это вовсе не означает, что русские и восточные европейцы не занимаются целерациональной деятельностью. Наоборот, они склонны настойчиво преследовать определённые жизненные цели и обладают своеобразной деловитостью.

⁵¹⁵ Ковалевский П. И. Характер русского народа. Цит.: URL: <http://rys-strategia.ru/publ/3-1-0-4897> (дата обращения: 30.09.2023).

Не имеет особой ценности межличностная дистанция в смысле слова *privacy*⁵¹⁶, а в известной мере, наоборот, хотя это не значит её отсутствие. На практике, по мнению В. Ф. Чесноковой, диффузный тип общения выражается в том, что «мы плохо переносим отношения, в которых большое место занимает принцип конкретного общения. И напротив, хорошо чувствуем себя в такой группе, которая “лезет” в наши личные дела, копается в наших взглядах и мотивах, пытается формировать нашу личность»⁵¹⁷. Иначе говоря, имеет место тесная связь структуры личности и малого коллектива значимых других, которая предполагает участие в личных делах и, следовательно, в устойчивой интимной структуре личности, которая превращается в форму личности, в её границы, как изображено на *Рис. 37 (1)*. Конечно же, это имеет как положительную, так и отрицательную стороны.

Идеи об исключительной роли межличностного⁵¹⁸ (личностноориентированного) общения и групп такого общения у русских, сходные с теорией В. Ф. Чесноковой, за несколько десятилетий высказывал Н. О. Лосский в «Характере русского народа» со ссылками на иностранцев, В. Шубарта и графа Кейзерлинга: «К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний. Отсюда получается живое общение даже и мало знакомых людей друг с другом. Шубарт говорит: Русский переживает мир, исходя не из “я”, и не из “ты”, а из “мы”. Он один из всех европейцев обладает непосредственным отношением к душе своего ближнего. Указанное Кейзерлингом “непосредственное отношение к душе своего ближнего” ведёт к тому, что у русского народа высоко развито индивидуальное личное и семейное общение. В России нет чрезмерной замены индивидуальных отношений социальными, нет личного и семейного изоляционизма. Поэтому даже иностранец, попав в Россию, чувствует: “здесь я не одинок”»⁵¹⁹. Н. О. Лосский отмечал, что межличностное общение русских «по душам» часто носит внутреннюю и неформальную мировоззренческую направленность, то есть нацелено на выявление конечных и религиозных личностных и межличностных смыслов, и это тесно связано с его функцией структурирования личности и её

⁵¹⁶ Принцип *privacy* не предполагает, что члены сообщества, например соседи, совсем не будут следить друг за другом, «совать свой нос в дела» друг друга, но будут делать это по правилам, через вызов полиции, например, или через другие подобные механизмы, а не через прямое общение и постоянный личный контакт.

⁵¹⁷ Касьянова К. О русском национальном характере...

⁵¹⁸ Межличностное общение, то есть общение, ориентированное на поддержание личностей друг друга. Термин советского психолога В. Н. Мясищева (работа «Личность и неврозы» Л., 1960 и др.), который обозначает примерно тот же объект, что и диффузное общение в операциональной системе опросников Т. Парсонса, использованной В. Ф. Чесноковой. Сходных взглядов на роль межличностного общения в российской психологии придерживался и А. А. Бодалёв. См.: Проблема общения в трудах Мясищева В. Н.: // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 598 с. [Электронный ресурс]. URL: https://communication_psychology.academic.ru/782/Проблема_общения_в_трудах_Мясищева_В_Н (дата обращения: 17.09.2023).

⁵¹⁹ Лосский Н. О. Характер русского народа... С. 29–30.

внешних границ с другими людьми как основы цивилизации. Вообще психология как предмет, в отличие от большинства философий западного мейнстрима, в русском персонализме носит метафизический характер⁵²⁰, следовательно, непосредственно «завязана» на метафизические («религиозные», по сути) мировоззренческие оптики, и «очистка» философии от психологии, как, например, у Гуссерля, противопоказана. Вместе с тем и метафизика психологична, то есть служит для психологии личности («для души»). Из роли философских разговоров для поддержания личности вытекает и тезис о религиозности и метафизичности русского характера, что упирается в повышенную роль «Сверх-Я» в личности и попытки его «освоить», сделать доступным для личного сознания (см. далее), которые следует понимать вовсе не обязательно как приверженность русского народа формальной официальной религиозной обрядовости и морали.

Особенности структуры «Я» восточноевропейца можно иллюстрировать особым положением по сравнению с личностью выраженного западного типа и традиционного кланового общества. Может показаться, что личность восточноевропейца лежит где-то посередине между европейской и клановой личностями, но в действительности это не так. Если использовать графические аналогии, она находится в совершенно отдельном кластере как от Востока, так и от Запада (см. *Рис. 36* с ценностным распределением). В этом плане он не является «евразийской», то есть не находится в одном кластере с азиатскими народами Евразии, и не промежуточной, но самодостаточной. Если говорить христианскими аналогиями, она относится к онтологически первичному христианскому типу.

Речь идёт об особой модели с подвижными границами относительно других значимых личностей, которые регулируются в зависимости от ситуаций и целей общения. В традиционном обществе это не допускается, а в западном обществе не имеет смысла в результате выраженной межличностной дистанции и формализации отношений. Поэтому можно сказать об особой модели, которая и характеризует восточноевропейскую цивилизацию как построенную на разных видах «славянской» душевности, сердечности, жертвенности, взрывной эпилептоидности, долготерпения. Здесь сложно говорить о финских народах, у которых своя собственная модель дистанции, более дальняя.

В. Ф. Чеснокова говорит о преимуществах личности русских, делающей её более свободной и от общества, и от своего организма, то есть открывающей окно возможностей для свободы воли: «Диффузная модель отношений личности позволяет “Я” хорошо балансировать между сильным Сверх-Я (православная христианская этика и Самодержавие, авторитаризм в семье) и сильным Оно, которые приписываются русским фрейдистами»⁵²¹, что говорит в пользу черт, востребованных в евразийских условиях природы, географии, враждебного окружения для малых общин. Дорациональные структуры поведения (Оно, по

⁵²⁰ См.: Прасолов М. А. Субъект и сущее в русском религиозном персонализме. СПб.: Астерион, 2007. 352 с.

⁵²¹ Касьянова К. О русском национальном характере... С. 427–428.

психоанализу) проявляются у славянской личности более ярко, чем у западных людей, а средства их удержания под контролем и регулирования со стороны Сверх-Я более жёсткие. В качестве такового В. Ф. Чесноковой предлагается рассматривать православие с его запретами и императивами. Сильное Сверх-Я ведёт к гиперкритичности русских к себе, своему «Я-образу» и к окружающим. Имеет место нравственный максимализм, имеющий мало общего с формальным ханжеским морализмом. Этот факт В. Ф. Чеснокова интерпретирует как сильную саморепрессию русских — высокую позицию на шкале саморепрессии, по данным её тестов, склонность к недовольству собой (и другими, но с некоторой снисходительностью), что ведёт к торможению внешних действий и проявлений воли до момента включения сильного эмоционального стимула воли (см. ниже теорию эпилептоидной личности). Действие воли не всегда запускается в обычном «холодном» режиме.

Диффузность общения и границ личности связана с ощущением внутренней свободы и создаёт ментальное и эмоциональное пространство для её реализации: «Никакой соцстрах нигде и никогда не обеспечит человеку той уверенности и свободы, какую даёт ему поддержка группы диффузного типа»⁵²². Именно в группах межличностного общения в одном процессе в первичной ячейке общества динамически совпадают свобода личности, соборность и духовность. Фактически они только и могут существовать в единстве друг с другом. Конечно же, часто это лишь момент неустойчивой и противоречивой жизни человека или цепь моментов, но которая опирается на вечность. Группа диффузного общения — своеобразный ключ к вечности в быту.

На наш взгляд, только «осевая» модель может спасти человеческую личность от массового разложения и деградациии под влиянием рынка и цифрового рационализма. Возврата к традиционной личности кланового типа нет в случае её разложения. Люди Востока «бегут» из клановых систем, как только «глотнут» так называемого воздуха свободы больших городов с вестернизированной культурой, прежде всего культурой «я».

Теория эпилептоидной личности как русского славянского личностного типа

Второй компонентой теории личности русских после диффузного общения стало отнесение русских к эпилептоидному типу (не путать с эпилептиками), по классификации характеров А. Кемпиньского, на основе его теории метаболического обмена. Эмпирической базой послужила известная психологическая черта терпеливости. Терпеливость (долготерпение) восточного европейца неразрывно связана в один поведенческий код с мощным взрывом, наступающим тогда, когда упругие диффузные границы терпения исчерпываются и наступает экзистенциальная угроза. При этом эпилептоидность дополняет диффузность («коллективизм»), показывая большую степень самостоятельно-

⁵²² Касьянова К. О русском национальном характере... С. 427–428.

сти и независимости восточноевропейского человека от обстоятельств и окружения.

«Эпилептоид, будучи циклоидом в сильной степени, в периоды своей пониженной активности бывает чрезвычайно неотзывчив на стимулы социального (и всякого прочего) окружения. Кроме того, для него очень характерно строить сложные системы целей и тщательно разработанные планы их осуществления и затем реализовывать их, крайне мало учитывая при этом, что делает или что думает его социальное окружение»⁵²³. Нужно отметить, что циклоидность осевой личности характеризует осевое вращение в поведении — то есть прямо указывает на осевой и одновременно психологически пограничный характер эпилептоидных состояний, его проникновение в экзистенцию, которое держит личность в живом актуальном состоянии.

Эмоциональный взрыв эпилептоидного типа в рамках теории диффузной личности означает, что человек, допущенный в ситуацию внутреннего общения, терпения не оправдал и достоин самого плохого отношения, но не из-за личного себялюбия эпилептоида или неприязни, а по каким-то важным стратегическим мотивам из ценностного поля.

Для эпилептоида характерна специфическая «восточноевропейская» целерациональность поведения, связанная со стратегической основательностью. Это целерациональность, присущая «неоантропу», но в его раннем, не деформированном западной рациональностью варианте, или, может быть, характеризующая «массивных» людей палеоевропейской расы (второй по важности расовый компонент Восточной Европы после нордического см. выше).

«Кемпиньский выделяет в характере эпилептоида одну доминирующую черту — основательность. Эпилептоид любит всё делать с самого начала и даже ещё ранее — с предварительных этапов. Прежде чем он приступит к делу, он должен всё приготовить, часто подготовительный этап затягивается невероятно. Далее, начав что-то делать, эпилептоид любит основательно проработать каждую деталь и очень долго возится и “копается” с мелочами. Поэтому говорят о “вязкости сознания” у эпилептоидов: они как бы “застревают” на каждой части того дела, которое делают, и забывают о том, что его нужно когда-нибудь завершить. Они добиваются завершённости, но на каждой отдельной детали, на каждом элементе.

Тем не менее, как оказывается, эпилептоид, делая свое дело очень долго, очень подробно и основательно, никогда не забывает о цели. Кемпиньский выделяет это качество как ещё одну важную черту в эпилептоидной личности: умение добиваться результата, невзирая ни на какие трудности. Очень сильно помогает в этом эпилептоиду его упрямство и нечувствительность к различным мелким препятствиям, чинимым средой, ситуацией и вообще всем внешним миром»⁵²⁴.

Исходя из качеств терпеливости, основательности, дотошности и верности цели вопреки неблагоприятным частным событиям, свободы от внешнего окру-

⁵²³ Касьянова К. О русском национальном характере... С. 427–428.

⁵²⁴ Там же.

жения (кроме группы диффузного общения), длительной воли, можно сказать, что данный тип человека является стратегически успешным, то есть обречённым на конечный, а не ситуативный успех, если, конечно, он не изменит себе. Он как бы «перемальвает» под себя время. Хотя в действительности это может быть сопряжено с личными поражениями и даже гибелью.

Диффузные группы эпилептоидов со внутренним пространством «Я» представляют собой изначальные индоевропейские коллективы в суровых условиях послеледникового периода Восточно-Европейской равнины, в которых как раз и сформировался тип сильного человека Евразии. Взрывная энергия и внутренний мир умножаются на терпение и поддержку коллектива, превращаясь в непобедимый общественный организм. Такие коллективы умных и вооружённых всадников создали западный и восточный индоевропейские миры до их распада на разные цивилизации.

В силу способности «переносить», точнее поддерживать устойчивое общение с другими людьми на близкой дистанции, и отсутствия развитых формальных защитных механизмов для восточноевропейцев характерно долготерпение и упругость «Я». В связи с терпеливостью диффузность личности определялась западными славянофобами как слабость, рабский тип личности, лживость, отсутствие европейского стержня, в частности идеологом нацизма А. Розенбергом («Миф XX века»). Названные особенности восточноевропейской личности раздражали носителей западноцентричной идеологии и становились их мишенью. Вместе с тем они интересовали психологов как своеобразное отклонение и оказались близкими к еврейскому кругу психоанализа, в чём-то сближая их с особенностями еврейства Восточной и Центральной Европы («Человек-волк» Панкеев у З. Фрейда, «пелёночная концепция» русского характера у М. Мид). Такой человек, разумеется, не подходил на роль западного или восточного героя и идеала. Однако он вполне себе оказывался победителем во многих исторических трагедиях и драмах. Как отмечают идеологи России (А. А. Проханов, В. В. Аверьянов и другие в докладе «Идеология Победы как национальный проект» (2021)⁵²⁵, построенном на теории цивилизационных «кодов», прежде всего коде Победы), это человек-победитель, ориентированный на победу любой ценой и в любом случае, а не просто герой или жертва. Речь идёт о победе отдельной личности как представителя коллективного личностного типа в трёх её уровнях (1 — социальная персона, 2 — я-образ, 3 — прообраз), а не биологического индивида с его социальной маской, и не о победе биологического рода.

⁵²⁵ См.: Аверьянов В. В. (автор-сост.) Идеология Победы как национальный проект [Электронный ресурс] // Изборский клуб, 24.10.2021. URL: https://izborsk-club.ru/21816#_ftn1 (дата обращения: 14.09.2023).

3.3. Как строится общество Восточной Европы: первичные структуры нижнего, среднего и верхнего уровня

Согласно метафизике иерархического персонализма, которой я придерживаюсь, каждое общественное целое, нация, государство и т. п. есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому, как органы его... Характер такой души общественного целого может иногда или в некоторых отношениях глубоко отличаться от характера людей, входящих в него.

Н. О. Лосский. Характер русского народа

Первичная ячейка общества Восточной Европы: группы диффузного общения и их сборка в макросоциальные общности

В Восточной Европе «первичным», «бытийным» началом, «клеточкой» в структуре общества является неформальный коллектив индивида, а не гражданское сообщество западного типа с рациональными правилами. Причина этого именно в структурирующих личность группах диффузного общения, о которых говорилось чуть выше. В ней и основа так называемой соборности как принципа социальной и личностной сборки: социосинтеза (синтеза коллектива любого масштаба) и психосинтеза (синтеза «я»). В этом отношении поведение восточноевропейского типа человека может показаться «антиобщественным», то игнорирующих рациональные установки больших групп в пользу сетевых механизмов прямого общения в малых группах, в которых большую роль играют межличностные моменты диффузного общения, даже если в данной группе параллельно речь идёт о деловой активности с получением материальной выгоды.

Более того, гражданское общество с его ячейками, так называемыми общественными и корпоративными юрлицами и физлицами, не может быть основой общества Восточной Европы да, пожалуй, и любого общества. Это очевидно вытекает из аксиомы коллективного рационального действия, согласно которой материальная выгода участников (целерациональный механизм) никогда не может оправдать издержки коллективного действия группы⁵²⁶. Основа общества сверхрациональна, и часто она лежит в психологической межличностной сфере и направлена на поддержание личности, которая компенсирует индивиду его участие в коллективных усилиях группы.

Длительное время особенностью славянства считался коллективизм, который выводился из традиций сельской общины — задруги, а также большой семьи из нескольких поколений. По большей части указанные черты казались верными только по отношению к России и некоторым странам Восточной Европы, например Балканам, а также другим народам Евразии. Но является ли община (трудовой коллектив в более современном варианте) первичной ячей-

⁵²⁶ См.: *Олсон М.* Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 174 с.

кой? Скорее всего, нет. Функция его вторична по отношению к малой неформальной группе и создаваемой сверху пирамидальной структуре общества. Как мы видим, в определённом смысле коллективизм подтверждается. Из группы диффузного общения и ориентированной на него структуры восточноевропейской личности вытекает и характер коллективизма. Прочность коллективов как больших, так и малых групп вызвана тем, что в них «вмонтированы» неформальные малые группы. Имеет место развитая потребность в спаянных малых группах, но «диктата коллектива» и абсолютного коллективизма, требующего непререкаемой групповой лояльности, в Восточной Европе не существует. Другое дело, что привычка к малым группам способствует формированию устойчивости авторитарных государственных и корпоративных макроструктур, если они воспринимаются в матрице межличностного общения по образцу общения в диффузных группах, например общения с их лидерами как значимыми другими, личностными «образцами». В них начинает работать механизм аффилиации, включения индивида в общественную группу. Коллективизм и соборность, община, понимаемые как групповое единство, — это миф. Впрочем, миф — это тоже сила, дополняющая силу прямого общения. Единой соборной личности коллектива, диктующей волю индивидам, в славянском мире не существует и не существовало. Есть сила института, создающего единство сверху. В плане коллективизма в реальности имеют место именно группы диффузного общения, связанные именно с коллективом «своих» как таковым. В них залог прочности и личности, и общества в период исторических испытаний. Итак, имеет место структурная последовательность:

- малая неформальная группа;
- средний формальный коллектив (община, трудовой коллектив);
- макросоциальные общности (государство, социальная группа).

Государство в России использовало особенности коллектива и коллективизма для создания вертикальной иерархии. В социалистической цивилизации это был коллектив как ячейка общества, в отличие от Запада, где трудовой коллектив такой роли не играл. Якобы коллективизм подавлял индивидуализм и входил с ним в конфликт, опираясь к тому же на вышестоящую санкцию государства. Но и очевидна искренняя тяга к коллективной жизни и досугу. С одной стороны, коллектив — тягостная обязанность, с другой — круг диффузного общения, острая необходимость самовыражения индивида, его личности и аффилиации. Такова диалектика коллективизма.

Вместе с тем очевидно и гипертрофированное развитие индивидуализма у славян, желание уйти от общинных обязательств и обособиться в конкуренции с другими соседями. Индивидуализм находит своё воплощение в поведении эпилептоида, непреклонно реализующего свою личностную стратегию вопреки другим людям. Иными словами, имеет место и то и другое, и их обоих сложно признать «правильными» с точки зрения принятых устоев общества — имеет место некий дисбаланс общего/частного, присущий восточноевропейцам (и, вероятно, не только им одним).

Данная черта соотносится с особенностями структуры личности и её тесных связей, — обязательств перед другими, иногда слишком тягостных, иногда,

жизненно необходимых. Избегание формальных связей в пользу неформальных коллективов ведет к игнорированию структур гражданского общества, формальных процедур, бремя которых на себя берёт государство. Вместе с тем особые коллективные связи восточноевропейцев и их взаимопонимание не имеют ничего общего с традиционными общинами, сетевыми сообществами неевропейцев, связанными тотальной иерархией и круговой клановой порукой.

Общность первого уровня общественной организации — самая близкая к личности группа диффузного общения значимых других. Но она никогда не сливается с личностью и не подменяет индивидуальное «Я». Группа диффузного общения, выявленная В. Ф. Чесноковой, но давно известная в Русском мире, и не только (возьмём «Три товарища» Э. М. Ремарка), в принципе, по наблюдениям за дружескими компаниями старых знакомых, коллег, родственников, соседей, является первичной современной ячейкой социальности в российском обществе, своеобразным неформальным институтом социализации, существующим параллельно с официальными структурами и сообществами. Они образуют социальные сети, которые проникают внутрь институтов, отличаясь от них по составу. Так, не все соседи и не все коллеги по трудовому коллективу входят в группы диффузного общения.

Группа диффузного общения не является ни общиной, ни корпорацией, ни родом, ни семьёй, ни коллективом и принципиально отличается от них, как первичная ячейка от вторичных, хотя и присутствует в них в качестве составной части и принципа желаемой оптимальной социальной организации сетевого горизонтального типа. И она не может их заменить в структуре общества.

В древности группы диффузного общения были встроены в местные общины, большие семьи родственников, однако первоначальные причины развития типа человека, связанного с диффузным общением следует искать в активном, но влиятельном меньшинстве славянского населения, занятым отходническими промыслами либо активным передвижением, войной, торговлей, строительством, заселением новых мест, религиозным странничеством. Здесь добровольность и ответственность выходили на первый план перед традиционными родовыми связями и обязанностями. Группа «своих» по духу и общению как бы вычленялась из родовых групп «своих».

Распад общностей второго уровня в современном обществе, утрата ими функций социализации привели к тому, что общности первого уровня стали заменять их функции. Особенно заметны эти перемены в период кризиса общественных систем и ломки институтов, как в 1990-е годы в странах бывшего СССР. Кризис трудовых коллективов и сообществ соседей по улице и двору привёл к рельефному высвечиванию групп «своих», которые становились стержнем для человека в более сложных социальных системах, в том числе и решении материальных, статусных, профессиональных проблем. Впрочем, распад в период социального кризиса переживали и сами дружеские группы. Такое отслоение неформального от формального говорит о том, привязанная к личности сущность первичной социальности Восточной Европы сохранялась, несмотря на реформы и вестернизацию, образуя защиту индивида от аномии общества. Отсутствие такой группы может вести к нарастанию аномии, в личном плане вплоть до са-

моубийства; наоборот, наличие таких групп объясняет сравнительную редкость самоубийств у славян в прошлом, на которую указал И. А. Сикорский.

Следует отметить, что большая семья из нескольких поколений сохранялась в Восточной Европе довольно долго, а среди восточных славян — в трансформированной форме вплоть до развитого социализма. Крах остатков большой семьи пришёлся на конец 1980-х — 1990-е годы, так же как и других социальных общностей — социалистического трудового коллектива и сельской общины. Большая семья в древности представляла собой внешнюю социальную оболочку группы диффузного личностно-центрированного общения, однако, при всей важности родственных связей для формирования и поддержания личности, не родственные связи определяли логику этих группы. Основной центр социальности уже с самой ранней эпохи был смещён на соседскую общину и связи внутри неё, где и черпались супруги и родственники при браке, а также на подвижные группы типа военных дружин, ватаг, артелей, переселенческих групп, игравших такую важную роль в индоевропейской и славянской истории.

Группы диффузного общения — основа глубинной социальной динамики восточноевропейских обществ. Несмотря на то, что они не могут заменить более крупные и формализованные социальные институты, их роль в общественных изменениях и изменениях личности и её типа нельзя недооценивать. Кардинальная социальная динамика восточноевропейских обществ, принятие и отвержение ценностей опосредуются обсуждением в группах личностного диффузного общения. Общности первого уровня являются осевыми социальными общностями Восточной Европы, то есть фактически они выполняют роль оси общества. Если мы хотим трансформировать восточноевропейское общество, его ценности, структуры человека на любом уровне, и чтобы они были приняты, а не отторгнуты или пропущены людьми, мы должны реализовать этот процесс через обсуждение и динамику в малых группах, но не любых малых группах, а именно в группах неформального диффузного личностно-центрированного общения, тем самым включив их в осевой процесс, в большое историческое «Время Оси».

Аналогично и социальные исследования, нацеленные на изменения или просто на внедрение лидеров и социальных технологий в местные и региональные сообщества, должны моделировать процессы в качественных исследованиях в данных группах диффузного общения, объединяющих значимых других. Правда, новейшие поколения, выросшие в среде цифровых социальных сетей и компьютерной псевдорациональной среде, возможно, имеют личности, гораздо менее зависимые от живых групп диффузного общения, но более зависимые от массовых виртуально-сетевых потоков и трендов. Однако и здесь сети способствуют образованию малых групп диффузного общения «в реале», субкультурных и местных сообществ, создавая обратное воздействие на ячейку общества, поскольку через них транслируется архетип.

Группы диффузного общения, как показывает практика бытовых и межнациональных конфликтов русского населения с представителями этнических мафий или аффилированных с местными властями мафиозных кругов постсоветской России в 1990–2010-х гг. (т. н. Кондопоги), могут быть действенными меха-

низмами экстренной мобилизации помощи в условиях социальной атомизации, безразличия соседей, отсутствия локальной солидарности и бездействия полиции и власти. Именно на друзей, родственников, коллег из близкого круга общения можно рассчитывать в случае нападения быстро мобилизующихся этнических криминальных диаспор. В свою очередь, те могут расширить круг поддержки за счёт своих межличностных связей. Вполне возможно, что такие личностные механизмы выводили на улицы довольно значительные группы русских, многие из которых не привычны к опасным уличным дракам с применением простейшего оружия. Экстремальность ситуации, связанной с угрозой жизни для одного из членов группы и его близких как части своей собственной личностной структуры, порождала быструю цепную реакцию мобилизации, преодолевающую страх, сомнения и инерцию. Впрочем, подобные механизмы существовали и в дореволюционной России.

Подводя итог, можно сказать, что хотя и неформальные малые группы диффузного общения и не представляют собой социально-правового института и встроены в различные социальные общности (трудовые коллективы, учебные заведения, местные соседские сообщества, досуговые клубы, семейные группы, религиозные организации, политические структуры), тем не менее они имеют повсеместное распространение и не привязаны ни к одной из этих более крупных общностей, а служат исключительно для межличностного общения, которое правильнее назвать лично-центрированным, то есть ориентированным на воспроизводство личности и её структурных связей. Эти группы могут быть как кратковременными, так и весьма устойчивыми, на целые десятилетия. Их можно сравнить с простейшей идеальной единицей «социальности». Например, Ю. Хабермас пытался построить в своей социальной теории такую единицу общественных отношений — простейшее общественное отношение на основе «коммуникативного действия» вне целерационального действия власти и рынка. В российской психологии подобный феномен представлен в понятии межличностного общения — общения личностей и для поддержания личностей.

*Общность второго уровня: коллектив, артель,
соседская или родовая община (сельское общество),
сословные организации, землячества отходников*

Особенность восточнославянской общины в её соседском, неродовом характере, как это было у народов других цивилизаций. Несмотря на то, что родовые структуры длительное время сохраняли своё значение в славянских обществах, где-то меньше (восточные и западные славяне), где-то больше (южные славяне), постепенно превращаясь в большие семьи, тем не менее род после периода расселения славян в VI–VIII вв. уже не был главным в социальной организации славян. Сравнивая русских, в особенности великороссов, с другими народами Восточной Европы в отношении родового начала общественной организации, знаток быта балканских народов К. Н. Леонтьев отмечал у них явную слабость семейного начала, по сравнению с греками, турками, болгарями, балканскими

славянами в целом и даже с малороссами. «Юго-славянские сельские задруги имели гораздо более семейный характер, чем наша община...; в наших мирах — как бы государственный, общинный. Вообще у юго-славян и у греков два начала, семейно-патриархальное и юридическо-муниципальное, быте как-то бросаются в глаза, чем у нас»⁵²⁷, — писал он.

Однако есть основание считать, что переход к соседской общине — это общеславянская и общая восточноевропейская тенденция. Народы со слабой родовой организацией общества не склонны к созданию быстрых и мобилизованных структур. На новых местах в разных концах Восточной Европы ключевую роль играли соседские общины и протогосударственные (потестарные) образования, в которых селились и смешивались представители разных родов. Постепенно формировались и крупные смешанные общности, в которых преобладали лица, выпавшие из общинно-родовых систем (изгои и другие), например в Древней Руси: в Киеве и окрестных городах, Новгороде, Гнёздово и др. Отсутствие или слабость клановой системы способствует развитию сбалансированного типа индивидуал-коллективиста, а не западного индивидуалиста.

«Равноправие является не менее характерной особенностью быта древних славянских общин. Все члены славянской общины имели равные полномочия, и, как следствие этого, все решения принимались только после единодушного голосования. Слово мир первоначально обозначало одновременно собрание общины и единогласие его решения; это объясняет, почему в понятие мир позднее вошли понятия согласие и вселенная. По мнению Гаспарини, слово мир отражает тот период истории славянской общины, когда все её члены — как женщины, так и мужчины — имели одинаковые права»⁵²⁸, — писал М. Элиаде в работе о славянской мифологии.

О восточноевропейских славянских сельских общинах Нового времени (дореволюционный официальный термин «сельские общества») написано довольно много. В наличии имеется широкий спектр мнений, нередко демонстрирующих полярную к друг другу направленность. Литература об общине Российской империи оставляет целый книжный мир. «Если к 1850 г. о сельской общине в России было издано только четыре работы, а к 1855 — пять, то за пятилетие с 1856 по 1860 г. — 99, а к 1880 г. — 546. По другим библиографическим подсчётам, за 1876–1904 гг. вышло в свет более 2 тыс. книг и статей, посвящённых сельской общине. Как видно, подавляющая часть этой литературы вышла во второй половине XIX в. Разумеется, это было не случайно»⁵²⁹, — писал В. А. Александров. Тема общины стала предметом цивилизационной теории и полемики в критический период роста восточноевропейской цивилизации.

⁵²⁷ Леонтьев К. Византизм и славянство... С. 44–45.

⁵²⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3: От Магомета до Реформации. М.: Критерион, 2002. С. 21.

⁵²⁹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — нач. XIX в.). М., 1976. С. 47–241, 294–313. Цит.: URL: <http://bookish.link/gosudarstva-prava-istoriya/selskaya-obschchina-xvii-nachala-xix-russkoy-37987.html> (дата обращения: 30.09.2023).

Огромное количество работ показывает, что русская община в аграрной России стала центром идеологической борьбы в силу своей огромной организующей роли, выходявшей далеко за пределы собственно сельского мира. Община оказалась на острие конфликта сторонников и противников самобытности русской и славянской цивилизации, западников и славянофилов, народников и государственников. Часть государственников-патриотов, ориентирующихся на парадигму прогресса, выступала доктринальными и политическими противниками общины, видя в ней корень проблем России на фоне усиливающегося социально-демографического сжатия из-за быстрого роста славянского населения. Община с пределами земли по числу членов семьи поощряла рождение детей. Наиболее известным разрушителем общины был П. А. Столыпин, пытавшийся заменить общинную модель на западную частнособственническую модель хуторов. Политика Столыпина, строящаяся на игнорировании цивилизационной специфики общинного строя, не смогла преодолеть социально-экономический кризис аграрной цивилизации России, а наоборот, усилила его в преддверии нового революционного цикла.

Научный и политико-публицистический интерес к общине в Российской империи возник в период угрозы её существованию из-за развития капиталистических хозяйств и форм землевладения и был направлен как на её преодоление, так и на полную ликвидацию и частичный демонтаж. Дискуссии об общине привели к тому, что общинная матрица в преобразованном виде вошла в новую социалистическую форму цивилизации Восточной Европы.

Без общины цивилизационная самобытность в социальной сфере повисала в воздухе, не имея твёрдой почвы. Можно также заключить, что масштаб и характер обсуждения общины в Российской империи с разных точек зрения предопределили решение руководства ВКП(б) об особом социалистическом пути построения социализма в СССР, а также многие его формы и методы. А именно — полный отказ от капиталистических форм землепользования и преобразование общин в колхозы и совхозы.

И то и другое, и сохранение архетипа, и быстрый демонтаж старой общины, произошло в конечном счёте после большевистской коллективизации 1930–1932 гг., когда общины трансформировались в управляемые сверху большевиками колхозы и совхозы в соответствии с социалистическими идеями марксизма-ленинизма (большевизма). Однако общины сохранились внутри пирамидальной государственной колхозно-совхозной структуры. В дальнейшем восточноевропейская сельская община сходила с исторической сцены вместе с ликвидацией в СССР традиционной аграрной цивилизации и заменой её индустриальным обществом, в том числе и на селе. Аналогичные процессы происходили после Второй мировой войны в Югославии вокруг возрождённых задруг под названием сельхозкооперативов, но только в несравненно меньшем масштабе. То же имело место и в отношении задруги в Сербии при формулировании альтернативного пути модернизации (см. ниже). Всё это показывает, что речь не об ограниченном во времени явлении, которое должно сойти с исторической сцены, а о сквозном цивилизационном образце (парадигме) общества Восточной Европы.

Вторая жизнь сельской общины в индустриальных социально-экономических укладах Российской империи и СССР

Усложнение социального устройства в XIX веке, индустриализация, урбанизация и социально-классовая дифференциация вели к снижению роли общины и её разложению и постоянной и сезонной миграции населения в города. Однако основные черты общинного устройства переносились ими с собой в промышленную среду. Промышленная среда не могла одновременно изменить цивилизационные характеристики нового рабочего класса, привязанного к общинной и артельной практике труда. В частности, и это очень важно для понимания генезиса реального социализма, общинные черты воспроизвелись в организации рабочего класса России как оппонента и контрагента буржуазии как частной, так и буржуазии госсектора.

Пролетариат России представлял собой сеть общин, землячеств, артелей, противостоявших работодателю, как когда-то крестьяне помещику и вотчиннику. Статус и собственность работодателя, его отношение к рабочим (фабриканта, купца или чиновника-инженера) рассматривались по аналогии со статусом, собственностью и отношением помещика к сельскому обществу. Таким образом, социальный строй Восточной Европы, по крайней мере в большей части Российской империи, не претерпел сущностных изменений и оставался тем же в архаичном обществе, при индустриальном капитализме и при социализме СССР.

После 1917 года переход к социализму и отмена крупной частной собственности на предприятия и землю в России и других странах Восточной Европы были восприняты рабочими как укрепление позиций коллектива-общины и его личности, как части общины, в отношениях с работодателем. То есть работодатель вынужден был идти на партнёрские отношения с общиной — трудовым коллективом. Профсоюзная организация на предприятии не воспринималась как структура по торговле рабочей силой или как классовая организация, а рассматривалась как форма общины, связанной круговой порукой и оказывающей периодическую помощь работнику. До сих пор в странах, входивших в СССР, профсоюзы так и не стали самостоятельными агентом рынка труда и классовой организацией, а выполняют функцию локальных общин взаимопомощи. Трудовые конфликты с капиталистическим работодателем, если таковые случаются, с привлечением профсоюзов или их суррогатов (стачечных комитетов), рассматриваются участниками как коллективный торг крестьянской общины с помещиком или чиновником либо как отношения традиционной артели с нанимателем. Это не пережитки крестьянства, а новая жизнь общины в новых исторических и социальных условиях.

Система старообрядческих общин в Российской империи общей численностью около 20 млн человек, тесно связанная с формально частным промышленным предпринимательством (на деле коллективным капиталом крупных религиозных общин) и землячествами пролетариата ряда важнейших отраслей Центральной России в XIX в., а также с сельскими общинами, из которых они происходили, по сути, представляла собой модель коллективного социального устройства с холистической идеологией и православной верой. К тому же со-

общество общин идеологически было изолировано от государственных и социальных структур Российской империи, её надстройки, и воспринимало их как своих религиозно-метафизических врагов.

Реальной формой старообрядческого капитала первоначально выступали «общаки» — неформальные и скрытые от властей фонды старообрядческих центров (Преображенского кладбища в Москве), выдававшие беспроцентные ссуды на доверии. Это была двухуровневая модель: 1) коллективного капиталистического предпринимательства на базе «общаков» (общих касс) с беспроцентными ссудами; 2) артелей и пролетарских землячеств. Дальнейшая приватизация некогда общего капитала знаменитыми старообрядческими предпринимательскими династиями и превращение их к стандартный крупный частный капитал оказались кратковременным явлением, противоречащим общинному коду старообрядчества и чаяниям простых представителей старообрядческой среды. Это способствовало трансформации настроений молодого поколения старообрядчества в квазирелигиозную антицерковную радикальную революционную социалистическую психологию, близкую к большевизму.

Русское старообрядчество породило не только частных предпринимателей с «протестантской» этикой (на наш взгляд, сравнение русского православного старообрядчества с протестантизмом носит в большей степени формальный характер), но и предпосылки социализма в виде коллективного беспроцентного капитала, рабочих общин и землячеств. Самое главное — практическая религиозная идеология общины. А. В. Пыжиков, автор работы по старообрядцам-беспоповцам как источникам кадров сталинского режима⁵³⁰, считал, что эта система оказала решающее влияние:

а) на победу большевиков в Гражданской войне в опоре на пролетариат и крестьянство Центральной и Северо-Восточной Великороссии, где было сильно влияние старообрядческого менталитета;

б) на пролетаризацию и обрусение большевистской партии в 1920-е гг. за счёт радикалов из русской пролетарской среды;

в) на создание сталинского социализма в СССР как особой цивилизационной модели реального восточноевропейского, а не идейного и доктринального западного социализма, черты которого были в сильно смягчённом виде с поправками на местные особенности распространены на другие страны Восточной Европы. А черты русского социализма были заимствованы у большевиков — выходцев из старообрядческих рабочих землячеств и коллективов.

Старообрядчество стало своеобразным кадровым, социальным и мировоззренческим «мостиком» от архаической великорусской общины к социалистическому строю в России.

Общинная матрица в СССР трансплантировалась не столько в колхозы и совхозы, сколько в социалистические трудовые коллективы промышленных госпредприятий новых технологических укладов. Коллективы колхозов и совхозов были лишь частным случаем трудовых коллективов и были отягощены

⁵³⁰ См.: Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015. 384 с.

реликтами государственного закрепощения (система трудодней и отсутствие паспортов у советских колхозников). Кризис и распад социалистической разновидности восточноевропейской цивилизации в 1991 году подвёли черту под существованием общины, сохранив её отпечаток в некоторых трудовых коллективах предприятий, сельских обществах и личности. Некоторым наследником общины в постсоветскую эпоху являются местные соседские социальные и профессиональные сети. Колхозы и совхозы исчезли, а соседские сетевые сообщества остались.

Реформы 1990-х и ликвидация социализма в СССР фактически «добили» славянскую общину — вероятно, это была одна из целей реформаторов-западников. Ликвидация социалистической восточноевропейской цивилизации в 1991 году и её системы трудовых коллективов как базового социального института, конечно, сразу лишь частичная, но всё же необратимая, поставила вопрос о дальнейшей жизни восточноевропейской общины — трудового коллектива в суррогатных формах новейшего капитализма, и распаде общины на группы диффузного общения, в которых ячейка социальности впервые в истории предстаёт в чистом виде дружеских компаний. Но группы диффузного общения нуждаются в некоей институционализации и выходе на более высокий уровень социальной организации, чем просто посиделки друзей.

Диффузные группы друзей и коллег, потеряв опору в трудовых коллективах предприятий и организаций и их подразделений, также постепенно сокращали свою деятельность, оставляя атомизированного восточноевропейского индивида один на один с железным веком корпораций, госструктур и соцсетей, случайных и деловых связей, вне доступной роскоши межличностного формирующего общения, вне исторической оси привычного времени; наедине с ускоряющимся непонятно куда западным прогрессом и рационализацией, наедине с бездушным и успешным, утратившим человеческие границы западным человеком, постепенно превращающимся в машинообразное существо — управляемую компьютером «машину желаний» и иллюзий.

В ситуации поворота России к своим цивилизационным основам в 2020-е годы реальным продолжением общинной парадигмы может быть только корпоративный солидаристский строй.

Логика историографии русской общины выстраивается во многом сходно с её историей — «от рода к государству». Взгляды на русскую общину разделились на государственную, общинную и родовую теории русской общины. Если государственной теории придерживались критически настроенные к ней западники, то общинной — исследователи славянофильских и почвеннических взглядов (К. А. Аксаков, Ю. Ф. Самарин). Родовая теория славянской общины отстаивалась официальными историографами с западническим уклоном (С. М. Соловьёв). Родовая теория общины касалась раннего периода, но находила подтверждение в преимущественно семейном характере балканской задруги, сохранившемся до второй половины XIX века. Данные подходы отражали разные периоды существования общины (архаичный, средний, поздний), её внутреннюю структуру, состоящую из больших семей (родовой подход), и внешние связи (государственный подход), а также идеологию авторов. Несмотря на явную идеализацию общинного

быта, ближе всех к сущности общины подошли славянофилы, опиравшиеся на социальную и межличностную сторону общины.

«Одним из наиболее видных русских буржуазных учёных, работы которого по истории русского крестьянства серьёзно повлияли на последующую научную и публицистическую мысль, был И. Д. Беляев. Автор первого в России серьёзного труда по истории крестьянства в России — “Крестьяне на Руси” (1860). Выдвинутые И. Д. Беляевым положения, с одной стороны, были развиты, а с другой — оспорены И. Е. Забелиным, Н. Куплевасским, В. И. Семевским, И. И. Игнатовичем, А. С. Лаппо-Данилевским и другими учёными, также признававшими органичность существования общины издревле»⁵³¹, — отмечал В. Александров.

Среди сторонников цивилизационной оригинальности славянства сформировался крайний взгляд на восточноевропейскую социальность как на азиатскую и раннетрадиционную, в значении тотального коллективизма, что, однако, не находит подтверждения. В качестве аргументов приводятся ссылки на деревенскую общинность, родовую семейственность, православную соборность, коммунистический коллективизм. Но всё это своеобразные идеологемы, не дающие реальной научной картины, — скорее желаемое, выдаваемое за действительное. Понимание славянской земледельческой общины как некоей изначальной тотальности общества не соответствует действительности. Уже в праиндоевропейском массиве сформировалась индивидуальная личность, обособленная от рода, о чём говорят соответствующие отдельные мужские захоронения.

Однако социальность не сводится к рациональным схемам её поддержания, хотя это отчасти бывает в западном обществе. Социальность, даже входя в экономические и государственные институты, сохраняет сверхрациональный самодостаточный характер, даже если извне ей навязаны капиталистические и государственные правила игры, производные от мир-экономик или мир-систем, империй и тому подобного. Это мы как раз видим на примере восточноевропейских коллективных институтов общины. Выживание общества как «мира» («сельский мир» — одно из восточнославянских названий общины) ценно само по себе, независимо от того, является ли он государственной фискальной единицей или защитой крестьянина от давления государства и помещика. В сфере собственности сегодня им соответствует личная, семейная, общественная, долевая, государственная собственность на средства производства и ресурсы.

Общины воссоздавались снова с учётом особенностей условий жизни на новом месте. Постоянные миграции привели к гибкой модели общинного устройства, которая воспроизводилась на новом месте и включала в себя семейно-родовой уровень, но не подчиняясь ему (это не община родственников). То же позднее складывалось и в небольших городах. Цель восточноевропейской общины — воспроизводство общества автономных индивидов с давно уже заданными параметрами личности в любых условиях макросоциума и природы, в какие бы они ни попали в ходе переселений и из каких бы выходцев они ни состояли. Впрочем, такова цель, наверное, и любой традиционной общины в мире и секрет её устойчивости.

⁵³¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — нач. XIX в.)... С. 56.

Благодаря своей многовариантности, многофункциональности и наличию функции личностного диффузного общения, община оказалась живучим институтом, прошедшим через разные эпохи и состояния общества, сохранившись и при капитализме после отмены крепостного права в 1861 году.

«Анализ эволюции российской крестьянской общины как неформального экономического института показал, что, во-первых, эту эволюцию нельзя понять, исходя из одной только идеи неуклонного распада и разложения общины, и, во-вторых, имели место различные типы общинной эволюции в зависимости от конкретных условий. Всестороннее влияние окружающей среды на общину нередко приводило к смене тенденции разложения тенденцией усиления общины и расширения её деятельности — то община поглощала мелкую частную собственность, то мелкие собственники вынуждали общину прекращать периодические переделы и признавать свободу отчуждения наделных участков. Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс стремительного вовлечения крестьянства в русло капиталистических отношений и законы капитализма сильнее всего стимулировали расслоение общинного крестьянства, в целом создавалась сложная и противоречивая ситуация. Существование рядом двух разных форм владения землей неизбежно должно было вызвать переходные формы. Действительная община нередко была очень близка к подворью»⁵³², — пишет В. В. Сопин.

Взгляд на многофункциональный и переходный характер русской сельской общины от семейной к территориальной и затем государственной (низовой уровень государственного контроля) сложился ещё в русском дореволюционном общиноведении. Характерной фигурой этого подхода является крупнейший российский социолог той эпохи М. М. Ковалевский. Согласно В. С. Сопину, «М. М. Ковалевский, следуя своей общинной теории происхождения земельной собственности, полагал, что в России община эволюционировала от родовой к сельской через семейную или домашнюю общину. Он утверждал, что периодическим переделам земли в русской крестьянской общине предшествовал долгий период заимочного землепользования в пределах общины. По его мнению, коллективное землепользование может выступать в самых разных формах, и выбор конкретной формы зависит от комплекса условий: социально-политических, агрокультурных и географических, а также демографических (в первую очередь плотности населения). М. М. Ковалевский считал поземельную общину исконным устоем русского крестьянского быта»⁵³³. Исходя из этих заключений, борьба П. А. Столыпина с общинным землепользованием как попытка создания особого частнособственнического уклада была обречена в целом на провал, хотя и могла дать частичные результаты, так как исходила из отсутствия понимания её роли или исключительно враждебного понимания как классового противника.

⁵³² Сопин В. С. Эволюция русской крестьянской общины как неформального экономического института // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 418.

⁵³³ Там же. Имелись в виду работы: Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины; ход и последствия его разложения. М., 1879; Ковалевский М. М. Экономический строй России. СПб., 1900.

Согласно взгляду на общину как на предмет с собственной коллективной, а не внешней семейной, или государственной, или классовой, или политэкономической логикой, она в Новое время представляет собой самостоятельную единицу коллективной собственности и производства, существующую наряду с другими единицами: вотчинами, поместьями, семейными частными хозяйствами, государственными фискальными единицами, образуя параллельный им особый уровень. Причём основная масса сельского населения жила именно и прежде всего в общинах, а отношения с государством, феодалами и капиталистами были вторичными и затрагивали ограниченный по времени и по территориям режим крепостничества. Соседская община ВЕ не является муниципальной самоуправленческой общиной, как на Западе, от Древней Греции и раннесредневековой Германии до США, хотя и предпринимались попытки встроить её в земское самоуправление.

Балканская задруга как подтверждение цивилизационного характера славянской сельской общины. Задруга и русская община. Аналогия задруги с белорусскими «сябрами»

Длительное существование архаичной сельской общины в другом регионе Восточной Европы — Балканах — более чем весомо подтвердило выводы русских славянофилов и народников об общинности как базовой форме славянского социального уклада. В случае архаичной балканской задруги со своими региональными особенностями она совпадала с большой семьёй, но затем через родовую общину эволюционировала к модели русской общины. После утверждения югославской модели социализма задруга стала типовым названием для коллективных сельскохозяйственных предприятий СФРЮ.

«Кроме экономических и социальных функций задруга имела ещё моральное, правовое, этическое и патриотическое назначение, составляя своеобразный микрокосм. Она “не что иное, как маленькая держава, охватывающая своей деятельностью все задачи и устремления совершенно современного государства”. Она “могла с честью осуществлять почти все функции, которые выполняет государство на Западе”»⁵³⁴, — отмечает Л. Перович. Задруга — «Исторически это большая патриархальная семья, род, состоящий из нескольких малых семей. Численность задруги была различна — от 10–20 до 100 (или более) человек. Как правило — это несколько сыновей одного отца с их жёнами и детьми, живущие в одном дворе. Если это большая по численности задруга, то она могла объединять жителей целого села, деревни. Деревня (община) обыкновенно делилась на несколько частей, называемых “радией”, каждая радия состояла из большого или малого числа домов (“куч”). В каждой куче был свой глава семьи (старейшина),

⁵³⁴ См.: Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): сборник статей [Электронный ресурс]. СПб.: Алетейя, 2007. 375 с. URL: http://macedonia.kroraina.com/chb2007/chb2007_perovich.htm (дата обращения: 14.12.2020).

однако все они подчинялись воле старейшины задруги. Хозяйство, имущество и потребление произведённого в такой семье (общине) было общим — “полная неразделённость, принимающая не только общее производство и общее пользование орудиями труда, но и общность потребления”. Во главе задруги стоял выборный домохозяин (домачин, господарь). Женская половина дома и женские обязанности управлялись его женой (домачиной, господарницей). Домохозяин и его жена были лишь первыми среди равных и выбирались всеми членами задруги. Высшая власть принадлежала совету всех членов — взрослых мужчин и женщин»⁵³⁵. В таком виде задруга предстала даже уже в XIX веке. Задруга, несмотря на территориальную близость Балкан к западному миру, была весьма архаична даже по сравнению с русскими северными общинами, в которых были отдельные земельные наделы и право их продажи. По сути, задруга — родовая община, развивающаяся в соседскую общину.

«Основные принципы задруги — неделимая собственность, коллективный способ производства, полноправие членов задруги были несовместимы с модернизированным обществом»⁵³⁶, — отмечает Р. Селезнев со ссылкой на Л. Перович. Тем не менее модель задруги была взята для возрождения сербской государственности после освобождения от турецкого ига. Задруга стала одной из основ для идеологии сербской народной радикальной партии. Российские наблюдатели, посещавшие Балканы, отмечали большую склонность к семейственности балканских славянских народов и греков. Семейная община на Балканах стала предметом исследования в соответствующем разделе работе К. П. Победоносцева «Курс гражданского права». Большая семья в её чистом весьма архаичном виде, с несколькими десятками членов, живших в одном доме, также имевшая название задруги, просуществовала в некоторых районах Болгарии до 1960-х гг., русинской части Восточной Словакии до середины XX в. и стала объектом изучения этнографов⁵³⁷.

В чем причины высокой роли семейно-родовых связей и коллективного ведения хозяйства? Причины могут быть разными: и защитная роль от турецкой агрессии при крахе государственности и верхнего слоя, и изначально особые условия Балкан после расселения там славян, вынудившие к консервации и усилению родовых связей, и, может быть, влияние субстратного староевропейского населения (доиндоевропейского), склонного к коллективным родовым формам жизни. Но главной причиной считается турецкое иго: «Как известно, формы жизни сербов под турецким гнётом будто окаменели и породили ментальность, пережившую эти формы в институциональном аспекте»⁵³⁸.

⁵³⁵ Селезнев Р. С. Задруга и вестернизация: сербская община в условиях догоняющей модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 1. № 2. С. 56.

⁵³⁶ Там же. С. 55.

⁵³⁷ Фролец В. Большая семья и её жилище в Западной Болгарии // Советская этнография. 1965. № 3. С. 58. Цит.: URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1965/Frolets_1965_3.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁵³⁸ См.: Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв.

Важность задруги в том, что она представляет в позднюю эпоху общеславянское и общевосточноевропейское явление. Изначально задруга представляла собой не только сербское или балканское явление, но и присутствовала у западных славян. Некоторые представители западного славянства считали задругу своей архаикой. Подтверждение тому, что орган польских националистов-неоязычников-панславистов в 1930–1940-е гг. носил название «Задруга» (создан теоретиком этого направления Я. Стахнюком-Стоигневым (1905–1963)).

Историк-евразиец Г. В. Вернадский сопоставил термин «задруга» с древнерусской общиной: «Термин взят из сербского языка и означает “дружбу”, “соглашение”, “гармонию”. В “Русской Правде” нет упоминания о задруге. Вместо этого используется для определения местного поселения термин вервь. Это же самое слово также означает “веревку”, “шнур”. Возникло предположение, что вервь в смысле общины должна была подчёркивать кровные отношения, или скорее, линию поколений. В данной связи можно упомянуть другое понятие: ужь, “шнур”, с которым связано ужика, “родственник”, “член семейной общины”. Даже признавая, что слово вервь могло изначально обозначать большую семейную общину типа задруги, мы можем подчеркнуть, что в одиннадцатом и двенадцатом столетиях понятие уже изменило своё изначальное смысловое содержание. Из “Русской Правды” очевидно, что вервь в это время была схожа с англо-саксонской гильдией. Это была соседская община, связанная ответственностью своих членов платить штраф за убийство, совершённое в границах общины, в случае если убийца не может быть найден. Членство в общине было свободным. Люди могли вступить в гильдию или воздержаться от этого. В более поздний период русской истории гильдия сменилась сельской общиной, также именовавшейся мир. В “Русской Правде” понятие мир используется для обозначения более широкого сообщества — города с сельским районом вокруг него»⁵³⁹.

Общины, подобные задруге, находящиеся в переходном состоянии от родовой общины к соседской, были и у восточных славян. Заселение территорий сельской округи часто осуществлялось родственниками либо несколькими родами, связанными с друг другом родством («свойством»). Г. В. Вернадский соединил значение задруги с белорусским термином «сябры» и однокоренными словами схожей этимологии из других индоевропейских языков: «Специфической формой русской земельной системы было совместное владение землей несколькими совладельцами (сябры). Подобно верви, ассоциация сябров должна была развиваться из семейной общины. Сябр или себер — архаическое слово, изначальным значением которого, кажется, должно быть “член семьи, работающий с другими родственниками на семейной земле”. В санскрите существуют параллельные термины: *sabha*, “родня”, “деревенское сообщество”, и *sabhyas*, “член деревенского сообщества”. Рассмотрим также готское *sibja* и немецкое *sippe*, “родственники” (коллективно). По своей структуре слово себер (отметим конечное “р”) сходно с базовыми терминами родства в индоевропейских языках, подобно *pater* и *mater*

⁵³⁹ См.: *Вернадский Г. В.* Киевская Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой; Под ред. Б. А. Николаева. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1996. С. 38. Цит.: URL: <https://mir-knigi.info/books/nauchno-obrazovatel'naya/istoriya/page-38-12416-kiievskaya-rus-vernadskii-georgii-vladimirovich.html> (дата обращения: 30.09.2023).

в латыни; brother и sister в английском; брат и сестра в славянском. Более специфичное слово “себер” должно быть связано с рефлексивным местоимением “себе”. Между прочим, по мнению некоторых современных филологов, славянское слово “свобода” происходит от того же корня⁵⁴⁰. Слово «сябры» входит в одно из главных семантических гнезд славянских языков с корнем «сво-», «соб-», указанным О. Н. Трубачёвым (см. подробнее ниже). Преобладающий общинный социальный строй просуществовал в ВЕ с теми или иными социальными, региональными и страновыми исключениями до XX века.

Артель как трудовая и промысловая община за пределами сельского мира

То, что общинная организация была общесоциальной типологической матрицей Восточной Европы, а не сводилась к архаичным родовым земледельческим общинам, подтверждает факт наличия такой формы трудового объединения, как артель, отличающейся от похожих объединений в Западной Европе. Артель показывает, что общинная схема социальной организации воспроизвелась «снизу» в подвижных социальных формах, связанных с промыслами, продажей рабочей силы, миграцией, отходничеством, промышленностью, ремёслами, услугами. Авторы современной монографии по теме артели понимают под ней «добровольное товарищеское объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности»⁵⁴¹. «Внешним измерением артельной солидарности являлась “круговая порука”, норма обычного права, регулировавшая отношения артели (и общины) с окружающими субъектами деловых отношений... Сущность круговой поруки, вопреки поверхностным суждениям многих скептиков, заключалась в верховенстве внутреннего автономного суверенитета артели над внешними правовыми отношениями»⁵⁴². Важной особенностью артели, как и общины, был её многофункциональный характер, не сводившийся к прибыли. Артель представляла собой самодостаточный социальный институт.

То, что артель генетически связана с общиной, хотя и представляет собой её реинкарнацию в особой социальной среде, подтверждает и трансформация разложившейся общины в колхозы в период коллективизации. «Колхоз по своему типовому уставу являлся ни чем иным, как сельскохозяйственной артелью»⁵⁴³. То есть община была возрождена при сталинском социализме с формальной точки зрения как артель; модель артели была взята большевиками за основу для колхозного строя, если не учитывать жёсткое администрирование сверху, принудительность

⁵⁴⁰ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Цит.: URL: <https://mir-knigi.info/books/nauchno-obrazovatel'naya/istoriya/page-38-12416-kievskaya-rus-vernadskii-georgii-vladimirovich.html> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁴¹ Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 9.

⁵⁴² Там же. С. 18.

⁵⁴³ Там же. С. 29.

колхозов и принудительное изъятие произведённого продукта. Методологически правильнее в общинных формах отыскивать не черты вымышленного социалистического общества или столь же далёкого феодализма, а фундаментальные черты восточноевропейской цивилизации. «Запад не знает такой организации — это особенность нашего хозяйственного уклада»⁵⁴⁴, — писал про артель известный крупный предприниматель, политик и теоретик старообрядчества В. П. Рябушинский.

Артель на Руси возникла в давние времена и развивалась по нарастающей, составив весомый сектор экономики и общества: «К моменту большевистской (1 января 1918 г.) революции в артельные и кооперативные объединения количеством 50 тысяч в Российской империи входили 22 млн человек. Хотя артели, которые принято отличать от кооперативов, составляли лишь часть названного количества, учитывая, что некоторые из них не были зарегистрированы, численность их членов достигала не мене 10 миллионов, составляя значительную часть рабочего класса, ремесленников, обслуживающего персонала»⁵⁴⁵.

Важную для целей настоящей работы концепцию артели как самостоятельной цивилизационной формы социальности, не сводимой ни к кооперации, ни к общинам, ни к государственному социализму, развил теоретик и практик артельного и кооперативного движения М. Слобожанин (Е. Д. Максимов). Максимов утверждал, что «кооперативизм, или говоря ещё общей, артельность (в русской жизни), не паллиатив, не частное явление в социальном строительстве, а социальная система, охватывающая и экономическую сторону жизни человека, и духовную, и область управления (политику, право)» ... При этом кооперацию принято обычно рассматривать как сотрудничество, на артель же Слобожанин предлагал смотреть как на содружество... «Сотрудничество само по себе, — писал он, — предполагает солидарность интереса, содружество ещё больше углубляет её, распространяя на все стороны жизни личности. Быть другом, товарищем и интересоваться только одной стороной жизни друга, нельзя»⁵⁴⁶, — указывают В. В. Аверьянов, В. Ю. Венедиктов, А. В. Козлов на социальные функции артели. Слобожанин подчёркивал, что артель построена на принципе свободы личности и сводит внеэкономическое принуждение к минимуму. Тем самым артель отличается от предприятий и институтов государственного социализма. Исходя из данных замечаний, можно предположить, что артель вела к кристаллизации функций общинной организации в трудовом товариществе, в новых социально-экономических условиях, в которые сельская община уже не вписывалась. Иными словами, когда трудовые коллективы складывались в отрыве от сельских общин, вне обычного крестьянского хозяйства, базовая восточноевропейская социальность выживала и развивалась в форме артели. Причём это происходило с глубокой древности до XX века. В позднее советское время артельная модель проявилась в бригадах шабашников, студенческих стройотрядах, производственных кооперативах. В сегодняшних реалиях артелью может быть новое предприятие на паях (стартап).

⁵⁴⁴ Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек... С. 17.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. С. 51–53.

Артель, а также схожие явления, обозначенные такими терминами, как братство, дружина, соглас, общество, товарищество, братчина, ватага, орава, шайка, рота, представляют собой динамическую, связанную с миграцией и мобильностью форму, альтернативную поземельной или иной привязанной к месту общине. Артель — альтер эго общины в иных социальных условиях и функциях. Её члены могут вернуться обратно в общину и в род, большую семью, образуя социальный цикл. Предполагаемая этимология слово «артель» сводится к многозначному слову «рота» — клятва, присяга (рота — синоним также казачьего круга и дружины) от общеиндоевропейского корня «ор-ар» (кстати, часто встречающееся самоназвание арийцев — индоевропейцев и их народов)⁵⁴⁷. От «роты» происходит и слово «ратник». Возможно, с этим связан и западноиндоевропейский корень «-арт» — «ars» (лат. — ремесло, искусство).

Таким образом, артель по своему происхождению связана с раннеиндоевропейским комплексным многофункциональным сообществом мужчин воинов-промысловиков-торговцев, находящихся в ситуации миграции вне соседских и родовых общин, а также общей клятвой религиозным ритуалом и круговой порукой. Этимология артели также выводит на понятие оси и вращения (ротация), ключевых для раннеиндоевропейских обществ, находящихся в миграции и экспансии. Этимологически артель и связанные с ней однокоренные слова («рота» и другие) относятся к осевой сердцевине древней индоевропейской лексики, обозначающей ключевые социальные и технические понятия, что подтверждает её базовый социальный тип как динамического инструмента социального перехода и странствия.

*Макросоциальные общности третьего уровня Восточной Европы:
региональные сообщества, народности, нации, государства,
христианские миры и общества, земства*

Общностями третьего уровня в восточноевропейской цивилизации являются народности, нации, государства и органы власти, региональные администрации, политические структуры, крупные религиозные организации, промышленные корпорации, их филиалы и представители на микроуровне. К третьему уровню относится также и Православная церковь, за исключением приходских общин, которые ближе ко второму уровню. Выше мы указали, что роль такой общинной матрицы на макросоциальном уровне до 1917 года выполнило старообрядчество как альтернативное православие.

Общности третьего уровня олицетворяют для человека восточноевропейского типа всю цивилизацию как свой мир, ойкумену настоящих людей, в отличие от людей другого духовного и социобиологического подвида. Изначально задача третьего уровня идентичности выходила за рамки создания социальной структуры и структуры личности, её социальной оболочки, и призвана была создать рациональный образ мира, сыграть роль социального «космоса», макрокосма.

⁵⁴⁷ Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек... С. 85–87.

Человек Восточной Европы по большей части своей личности не является частью рациональных внешних связей, гражданином «града и мира» с его прописанным местом, он не имеет своего места в макросоциуме. В лучшем случае оно временно или вынужденно, поскольку общность третьего уровня сверху контролирует его пребывание в общности второго уровня: общине, коллективе, артели. Это человек не государственный и не общественный, в глобальном и макросмысле, и даже не муниципальный в полисном смысле.

Он закрытый внутри себя, в своей социальной ячейке, в кругу диффузного личностного общения. Или человек «почвы», «подпольный» человек, если этого близкого круга нет или этот круг находится в «подполье», или свёрнутый в себя. Вопреки искажённым представлениям о космизме русских, восточноевропейский человек не природный и не космический, как античный грек, не государственный как римлянин и не культурно-рационалистический в плане внешней реальности, а личностно-общинный. Космос для него — это здесь и сейчас, то, что он видит и ощущает. Это личностный микрокосм, иногда расширяющийся до макрокосма. Он не культурен, но «природен» в смысле природы как личного начала, части своего личного и социального опыта.

Особенностью цивилизации Восточной Европы является то, что общности макроуровня, организованные сверху государством и правящим классом, живут и действуют по другим законам, чем общности микроуровня: второго и первого. Душа человека, душа общины и душа государства не совпадают друг с другом, это разные души. Общности макроуровня организованы бюрократией с использованием рационализированных, заимствованных с Запада схем, отличающихся от схем организации общностей почвы. Они отчуждены от личностно-центрированного уровня, от круга диффузного общения малой группы, и воспринимаются восточноевропейским человеком как внешние, чуждые, хотя их необходимость и осознаётся, и признаётся. Такое отношение было и к Церкви, но с существенной поправкой — кроме личного отношения ко Христу, Богородице, святым угодникам, священникам, членам своей приходской общины, которые воспринимались как «свои», то есть тех, с кем верующий человек себя ассоциировал. Как только Церковь перестала быть личной, собором личностей, а стала бюрократическим ведомством, она утратила значимость для обычного русского человека. То же имеет место и сейчас. Первой общенациональной общностью русского народа (помимо малых языческих народностей раннего Средневековья) выступала принадлежность к Церкви: понятие «русский» определялось через православие. В русских макрообщностях третьего уровня всегда речь о двух группах: формальной и неформально-личной. Последняя продолжает сквозную линию, идущую от первого (группа общения) и второго уровней (община).

Наряду с традиционной для всех индоевропейцев системой власти, построенной на единоличном правлении наследственного князя, царя, главы правящего рода, а также вождя дружины, становящегося затем правителем, передающего власть по наследству, в организации власти наследственными правителями на макроуровне проявлялось и общинное начало, не сводимое к бюрократии, «земство» или «общество» в значении группы лиц.

Такие общины мы видим в форме княжеских дружин малой и большой Древней Руси: вокруг Ивана Грозного в виде опричнины, круга бояр реформаторов Алексея Михайловича, а также церковных реформаторов кружка «ревнителюв благочестия», Петра I в виде сообщества «птенцов гнезда Петрова», круга фаворитов и соратников Екатерины II, системы Политбюро ЦК КПСС начиная с 1930-х гг. Община появляется в критические моменты реформ как альтернатива бюрократии или сословно-феодалъной системе, мобилизующая личностное начало реформаторов и их вождю. За исключением собрания чиновников, назначенных лидером-правителем, государство не имело иного понимания, как по аналогии с соседской общиной с её периодическими сходами. Такую роль в России могли выполнять земство, Земский собор, Дума, но они, в силу своей редкости и отдалённости от жизни основной массы населения на местах, не могли стать системой. Реальной рабочей формой могла быть только группа диффузного общения с общинной формой и неформальными правилами, каковыми и являлись группы фаворитов и более широкого дворянского круга.

При советской власти с 1917 года артельно-общинная форма организации властных отношений, сочетающаяся с коллегиально-бюрократической формой, стала всеобщей, что является крупнейшим скачком в своего рода построении и выявлении цивилизационной сущности Восточной Европы. Советская власть представила тип государства как совокупность сходов и кругов артелей и общин — Советов рабочих и крестьян (потом народных депутатов) различных уровней и социальных категорий. Система власти Советов в СССР — система общин разных уровней и сословий — представляла собой не только организацию правящего слоя партноменклатуры, но и систему мобилизации, по сути, вытягивания населения из общинного уровня до макроуровня, хотя бы в лице своих представителей. По сути, это система Соборов.

Проект власти Советов носил амбивалентный характер. Борьба с «негосударственностью» русского народа велась большевиками тем же цивилизационным оружием — общинностью. Большевики постарались сломать старую систему «земли» и соседских «общин», втянув простых людей в универсальную политическую цивилизацию. Только через культ общинности можно было втянуть народ в процессы преобразований, рационализации, Просвещения, совмещённого с эксплуатацией, военной жертвой человеческими ресурсами и закрепощением. Для внешнего государственного насилия нужна была имманентная социальная форма, и она была найдена в системе Советов (советской власти) и трудовых коллективов со своими внутренними советами внутри них, повторяющей идею Соборов и земств (Земских соборов), а также общин и артелей на общегосударственном уровне.

Итак, мы констатируем на всех трёх уровнях социальной организации личностно-общественную парадигму, противостоящую формальному внешнему институциональному каркасу общества в виде рациональных институтов, которые воспринимаются как чуждые, но необходимые. Это и есть система цивилизации Восточной Европы как коллективно-индивидуального общества.

3.4. Лингвистическая реконструкция основных свойств славянского общества: собственность, свобода, общее и индивидуальное. Их исторические истоки в размежевании славянства и Запада

Выделяющаяся своим архаизмом особенность местоимения «свой» в славянском — отсутствие оппозиции «коллективное» — «индивидуальное», то есть возможность говорить *я — свой, ты — свой, мы — свой*, столь отличная от узуса древних и новых языков индоевропейской Европы.

О. Н. Трубачёв.

Этногенез и культура древнейших славян

Единство и архаичность славянских языков

Задача этого фрагмента состоит в языковой реконструкции личностно-общинной сущности славянской цивилизации. Как индивидуально-коллективная природа цивилизации ВЕ выразилась в современных и древних славянских языках?

Прежде всего важно понять осевую целостность славянских языков, которая позволяет выносить суждение о цивилизации в целом, а не о каком-то одном языке. В. К. Журавлёв в краткой работе «Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов» в приложении к работе Х. Бирнбаума о праславянском языке (1986) подвёл итоги славистики второй половины XX века в этом направлении: «Специфика славянского языкового материала сводится к следующим положениям:

Во-первых, минимум расстояния между славянскими языками и диалектами. Нет ни одной группы индоевропейских языков, где общность составляющих её членов была бы столь разительной. Различие между славянскими языками ничуть не больше различий между отдельными диалектами французского, итальянского или немецкого языков... Видимо, с этим связано наличие общего самоназвания (славяне), адекватное этническому самосознанию...

Во-вторых, относительная молодость праславянского и живых славянских языков... Первая письменная фиксация славянской речи, осуществлённая Кириллом и Мефодием всего одиннадцать веков тому назад, отражает состояние языка, близкое к праславянскому.

В-третьих, общность тенденций внутреннего развития... Истоки этих тенденций восходят к общему для них праславянскому состоянию, к праславянскому языку не столь отдалённого прошлого»⁵⁴⁸.

Выводы В. К. Журавлёва, в целом совпадающие с позицией комментируемого им крупного американского слависта Х. Бирнбаума, подтверждают предположения нашей книги о том, что славяне, а также балты, резко отличаются от соседних индоевропейских народов западного происхождения, образуя единую

⁵⁴⁸ Журавлёв В. К. Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов...

общность, развивающуюся по особой цивилизационной логике, отражённой в языке как орудии и сосуде цивилизации, её «логосе». Данная логика распространилась и на ближайших соседей славян в Восточной Европе как благодаря влиянию славянских народов и государств, так и из-за их общих черт со славянами (финно-угры, татары, румыны), похожих условий жизни. Притом что славянские языки весьма архаичны, языковое выражение славянской цивилизации, её разнообразие является молодым и пока не раскрыло свой потенциал в той мере, как западные языки. Согласно А. Мейе, «Славянский язык — это индоевропейский язык архаического типа, словарь и грамматика которого не испытали потрясений, в отличие, например, от греческого»⁵⁴⁹. Иными словами, славянство с языковой точки зрения законсервированная цивилизация, рывок в культурном развитии которой начался в IX веке вместе с созданием письменного общеславянского — старославянского — языка. «Я полагаю, что подлинно славянское языковое развитие началось лишь незадолго до начала нашей эры»⁵⁵⁰, — писал Х. Бирнбаум (имея в виду не древность, а новации, отличающие язык славян от прабалтославянской и общеиндоевропейских черт).

Вывод: построение собственной цивилизационной философии славянства, русской философии, должно основываться на реконструкции славянской и русской языковой архаики как самоговорящего языка (подобно тому, как это пытался делать М. Хайдеггер с немецким и древнегреческим языками), а не на комбинировании и адаптации заимствованных западных философских теорий, как это делалось интеллектуалами до сих пор. Обращение к архаике языка образует «язык цивилизации», а не просто языка этнической группы. Причём оно является не игрой в прошлое, а обращённым в будущее футуристическим проектом, подобно тому, что хотел делать со славянским языком В. Хлебников в «будетлянстве». В значительной мере это задача будущих специальных исследований с участием лингвистов, но ряд подходов к ней удалось обнаружить.

*Семантическая конструкция «свой», собственность,
свобода, собрание, собор — среднее между коллективностью
и индивидуальностью*

О. Н. Трубачёв возглавлял настоящую «фабрику» по наработке праславянской этимологии, по определению В. К. Журавлёва. По мнению О. Н. Трубачёва, писавшего о терминах родства славян, в семантическую ось древних славян входят три конструкта (их может быть и больше):

1) слова с корнем «сво-», «соб-» (свобода, собственность, собор, соборность, собрание, сбор, свойство, свои, сябры, свояки и др.);

2) отсутствие веры в предопределение (судьбу, фатум) и возможность личного исправления судьбы;

⁵⁴⁹ Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 14.

⁵⁵⁰ Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции... С. 244.

3) позитивный образ загробной жизни (в отличие от ада западных народов).

О. Н. Трубачёвым была сделана попытка выявить семантические структуры славянства, характеризующие особенности коллективной и личной идентичности: «Задача состоит в том, чтобы выявить главное, что в известной степени гарантируется правильным выбором ключевого слова, каким для древних славян и их культуры было слово (и гнездо) “свой”...»⁵⁵¹.

Таким образом, применительно к гнезду «свой» речь идёт о свойстве языков Восточной Европы в целом. Главной семантической осью мира является всё, что связано с личностью и её социальной определённой через группу «своих».

Что, собственно, показывает лексема «свой» в отношении особенностей славянской цивилизации? Прежде всего, единство двух выраженных начал: личного и общественного, притом что оба из них ярко выражены. «Отмечаемая до сих пор такая черта слав. *svojb, русск, свой как **отсутствие противопоставления коллективности и индивидуальности** (я — *свой*, мы — *свой*, при нем. *ich — mein, wir — unser*) представляет собой выдающийся и еще не в полной мере оцененный **индоевропейский архаизм славянского языка и культуры**, знаменующий собой живую традицию первоначальной этимологии и.-е. *su- и изначальной идеологии рода... Таким образом, и.-е. *suo-s “свой” “лежит вне категории лица”, как верно отметил Бенвенист, больше того, оно может быть правильно понято при признании примата коллективности...» — указывал О. Н. Трубачёв⁵⁵².

Вместе с тем «в праслав. *svojb — и.-е. *suo- никогда не стиралась адресованность к человеку, заданная этимологией слова»⁵⁵³. Из указанной коллективно-личностной черты свойств самости следуют далеко идущие выводы в отношении личностной картины мира, присущей славянству и Восточной Европе. Осевая личность Восточной Европы не противопоставлена миру как объекту (редуцированным до мёртвой природы предметам), как на Западе, но и не «встроена» в мир, как на Востоке. Лично-коллективное начало — не внеположенный центр мира или его периферия, как в западном колониальном мышлении, а самодостаточная часть живой мировой ткани. Отсюда её минимализм и автаркия (всё, что нужно, есть, всё в наличии, «другой» для утилизации не нужен, но и азиатская пирамида суперсистемы не нужна). Раннеиндоевропейские культуры минималистичны, но глубоко личны. О. Н. Трубачёв пришёл к выводу об антропоцентричности, почти личностноцентричности славянской картины мира (семантического мира славянства): «Постепенное развёртывание главной культурной оппозиции “своё” — “не своё” погружает нас в самосознание и мировоззрение древнего человека, поскольку... подводит к пониманию этой картины нашими предками как выразительно антропоцентрической и во многом антропоморфной...»⁵⁵⁴. Напротив, западная цивилизация строится на противопоставлении себя как личности и группы другим личностям и группам, да и объектам, вплоть до бытия в целом,

⁵⁵¹ Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 172.

⁵⁵² Там же. С. 181–182.

⁵⁵³ Там же. С. 179.

⁵⁵⁴ Там же. С. 230.

и попытках их обезличивания, подчинения и эксплуатации с помощью мышления и механической силы (по-славянски «мышления» значит «охоты на...»), поэтому она не способна породить осевую объединяющую семантику мировоззрения, в отличие, скажем, от восточноевропейской цивилизации и других вариантов осевых цивилизаций.

Свойство чего-либо структурируется как «[свой-ство]», как отношение своих. Как функция диффузного коллектива, а не просто единичного или общего. Свойством, то есть общим качеством вещей и людей, их сущностью, рационально фиксируемым и обладающим ценностью — смыслом, в «цивилизации оси» можно стать только будучи индивидуальным и коллективным, то есть самоценным и существующим в качестве неповторимого экземпляра — личности «существенности», признанного группой. Но не как некий общепризнанный сам по себе факт — идея, ценность, авторитет, который существует в системе, где всё регулируется рациональностью.

Производным от корня «свой» О. Н. Трубочёв считал «обозначение свободы в качестве (полноправного) состояния своего (человека)»⁵⁵⁵. Не будучи «своим» в мире, не состоя с ним в свойстве, человек не может быть свободным. Свобода есть состояние мира, который является миром социальным, миром личностным (персоналистским), миром групп межличностного общения. Свобода есть в своей группе, среди своих, — этот вывод совпадает с приведённым выше выводом В. Ф. Чесноковой о группе диффузного общения среди своих, в которой и раскрывается русская личность. Как мы показали выше, в концепции русской личности В. Ф. Чесноковой, духовная свобода наиболее сильна в группе общения своих, и потом она уже проецируется на остальной мир. Чтобы стать свободным, нужно познать мир как мир личностей, точнее войти в «свойское» общение с ним. Либо быть в общине и артели своих, которая осваивает мир.

В «свойстве» — природа русской «существенности» (термин И. Киреевского). Очевидно, славянская «свобода своих» прямо противоположна свободе «Постороннего» (А. Камю) или «Единственного» (М. Штирнер) на Западе, «свободе от» и «свободе — осознанной необходимости» (внешнего порядка), свободе-предопределению. Проблема неповторимой индивидуальности «экземпляра» и «универсалии» стала ключевой проблемой западной философии, платонизма и аристотелизма, разных путей схоластики, классики Нового времени и постклассических направлений. Несмотря на свой сквозной характер, она всё же оказалась одной из многих, и притом неразрешимой. В Восточной Европе, как показывает опыт русской философии, она приобрела краеугольный, исключительный, «макрокосмический», главное, разрешимый характер, именно в рамках «своего».

Однако в славянских языках есть и «негативная» свобода, которая связана с волей как ощущением сопротивления (Мен де Биран). «Свобода» в группе своих — аналог позитивной свободы в русском мире, а воля — негативная свобода в смысле пространственной неограниченности. Воля есть действие свободной воли, воление, что совпадает с западным пониманием индивидуальной воли. Воля есть основа индивидуальности и существует только в личной индивидуальности.

⁵⁵⁵ Трубочёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 166.

Даже если воля коллективная, она личностна, что противоречит конструктам безличной всемирной воли А. Шопенгауэра. Но благодаря именно тому, что мир состоит из личностей, и возможна воля, и наоборот, личности возможны, потому что мир состоит из волей.

3.5. Подчинённая роль рациональности, отвратимость судьбы и позитивная загробная жизнь в славянской традиции

Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу.

*Проконий Кесарийский.
Война с готами*

В праславянский потусторонний мир (*гајь) переселяются все умершие...

*Н. О. Трубачёв. Этногенез
и культура древнейших славян*

Мышление как форма существования русскому духу не свойственна... обрекает на распад личности.

Д. Галковский. Бесконечный тупик

Подчинённая роль рациональности и отсутствие подчинения себя мысли

Рассмотренное выше семантическое гнездо «свой» сопряжено с проблемой подчинённой рациональности, причинности, предопределения, объективности в славянском типе личности и культуры. По мнению теоретика панславизма Яна Коллара, особенность славян в том, что «ум и чувства соединены: славянин мыслит и чувствует в одно время» («О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими»).

Выделение и гипертрофия рациональной функции способствуют преобразованию личности в отдельную единицу из системы коллектива, структурированию её барьеров, в которых рациональное и эмоциональное разделяется на разные допустимые слои (во внешнем допустимо рациональное, контролируемое, а во внутреннем — эмоциональное).

Соответственно, мысль у западного индивида образует отдельный комплекс (субличность в виде «ума»). У славянства же мы видим единство личности, отсутствие этой границы, слабую отделённость рациональной опосредующей структуры от эмоционального единства личности. Другое следствие из чувственно-эмоционального единства славян — персонализм в восприятии мира, восприятие мира через личности, когда разложение первичного наивного единства личности ещё не произошло, что сближает его со всеми видами традиционного магического мировоззрения. Восточноевропейский тип сознания можно описать как минималистический рационализм, избегающий умножения сущностей и конструкций вне текущей жизни личности. Исходя из этого можно сказать, что как

греческое, так и эллинистически-гностическое и новоевропейское западное избыточное мышление, олицетворяемое логосом (классика), гнозисом (эллинизм) и рацио (новоевропейская философия) не характерно для восточноевропейского славянского мира. Мышление и «когито» в славянском мире не обладает системообразующей силой. Декартовская формула *cogito ergo sum* по отношению к восточноевропейскому человеку не работает. По отношению к западному человеку она имеет место как фактор субличности «ума». На самом деле эта искажённая трактовка философами современного западного мейнстрима формулы Декарта сильно преувеличила значение мысли, поскольку вслед за Августином Декарт строит уверенность в «Я» на наличии в нём идеи Бога, а не просто мысли или мысли своего «Я». И именно образ Бога создаёт реальное существование «Я» человека, что соответствует фундаментальной установке на прообразы как основу личности, а не на мышление как рефлексию, отражение как основу западной личности. Имеет место сознательное позднейшее искажение мысли Декарта. Существование «Я» выводится не из его осознания и работы мышления, а из факта данности личности и её связей, которая существует отдельно от фактов мышления и не может быть ими сформирована. Иными словами, смысл «Я» человека не в самосознании, как «просвещении» разумом самого себя («иллюминации», как сказали бы иллюминаты), а в наличии в нём непосредственной мистической данности себя, других «я» и всеобщего «Я» в лице Бога.

Привычка «слушать сердце», а не мозг формирует такую культуру рефлексии, в которой она направлена на сердце как центр личности. Мышление как рациональное опосредование выступает не основой самосознания, а последствием, вторичной функцией интуиции, её отражением, рефлексией себя. Мышление — отражение интуиции. Недаром во французском языке, одном из наиболее западных, *reflechire* означает размышлять в значении «отражать» (у русских же мыслить — «охотиться», то есть подчинять, добывать). Аналогичная схема была и у раннего Платона: «Охота как символ платоновского учения об идеях» — так определена А. Ф. Лосевым⁵⁵⁶. Многие в философских работах Платона соответствует именно личностному мышлению, в отличие от самой линии платонизма как западного объективного идеализма. И это совпадение скорее всего не просто влияние традиции платонизма на славянские языки, а некая антропологическая закономерность, проявившаяся в них самостоятельно, поскольку напрямую само слово «охота» как синоним мышления Платоном не использовалось, а лишь как метафора или символ мышления в различных сюжетах, как видно из анализа Лосева и его предшественников. Есть мнение, что охота была символом мысли и у башкир в древности⁵⁵⁷. Превращение рефлексии (как просвечивания и отражения лучей разума) в основу «Я» — чисто западный ход в борьбе за власть, призванный исключить Абсолют, то есть Бога из глубины основы личности, введя

⁵⁵⁶ См.: Лосев А. Ф. История античной Эстетики. Т. 3. Высокая классика [Электронный ресурс]. Предание.ру. URL: <https://predanie.ru> (дата обращения: 11.03.2024).

⁵⁵⁷ См.: Гносеология в древнебашкирской философии [Электронный ресурс]. URL: <https://husainov.com/sites/default/files/book/2gnoseologiya.pdf?ysclid=ltm79fnx4897579177> (дата обращения: 11.03.2024).

вместо него конструкт социальных опосредований (отражений), являющийся лишь внешней социальной личностью, «личиною».

Ближе всего к типу мышления восточноевропейца подходит ясное интуитивное самосознание, родственное деятельному созерцанию, но отличающееся от медитации или транса. При этом инструментальному рационализму придавалось чисто внешнее, прагматическое значение, как мастерству, без превращения его в принцип или центр личности. Внутреннее личностное пространство личности русских, да и других восточных европейцев, отделено от её экономико-юридической материализации — частной собственности, являющейся следствием на самом деле прогресса целерациональности. В одном из ключевых мест статьи 1852 г. И. В. Киреевский отметил: «В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только случайное отношение»⁵⁵⁸, иными словами, личность русских восточноевропейцев отделена от отчуждённых форм самореализации в её материальных аналогов в виде частной собственности, на самом деле являющихся следствиями развития рациональных форм регулирования отношений между людьми западного типа, права, государства, собственнических отношений, вообще внешнего порядка вещей, дающего власть.

На основе самоописывающих представлений о психическом складе славян складывается и цивилизационная философия. С. М. Половинкин так передаёт смысл цитаты И. В. Киреевского, которая созвучна вышеприведённой мысли Я. Коллара, об особенностях психического склада славян и их мышления: «Мышление сердечно-лично и, отделённое от сердечного стремления, есть развлечение (например, наука). Цельность личности немислима без “чистой цельной жизни”. Самобытная, свободная личность должна стать основанием всех философских построений»⁵⁵⁹. Это представление не просто о русских или славянах, а о базовом человеческом типе, в основе которого лежит межличностное общение. Определим особенности мышления человека ВЕ, вытекающие из его внешней социальной личности: 1) преобладание синтеза над анализом за счёт единства, восточный европеец мыслит скорее синтетически, чем аналитически; 2) это мышление проникающее — «в» (чём), а не «о» (чём); 3) мысль носит единичный контекстный характер и предназначена для тех, кто является её источником и адресатом, а не «вообще» («Зачем тогда нужна такая мысль, если она непонятна всем?» — удивится западный человек); 4) приближена к личностям «значимых других» и носит персонализированный, а не обезличенный характер; 5) сфера влияния рациональности существенно ограничена, не носит самодовлеющий характер (субличности), в том числе и указанным в п. 1 персонализмом и личностными функциями интуиции, воли, веры, эмоций.

Задача практического философского мышления с точки зрения русской мысли — угадать каждую отдельную личность и коллективную личность или построить инструмент для такого угадывания. Внутреннее личностное про-

⁵⁵⁸ Киреевский И. В. Избр. статьи. М.: Современник, 1984. С. 228.

⁵⁵⁹ Половинкин С. М. Русская религиозная философия: избранные статьи. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2010. 409 с. Цит.: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/russkaja-religioznaja-filosofija/> (дата обращения: 30.09.2023).

странство личности русских, да и других восточных европейцев, отделено от её экономико-юридической материализации. Их не устраивала уродливая структура личности и сознания с гипертрофированным мышлением, занимающим всё внешнее и внутреннее психическое пространство, и трансформирующаяся в социальном смысле в нигилиста. Рациональность не является институализирующим фактором их личности, как у западных европейцев.

Приведу одно, на наш взгляд, точное описание нашим современником ситуации с ролью мышления у восточноевропейского типа человека, которая может выливаться в рассогласование, «тупик» и даже трагедию при крайнем развитии самого мышления. Д. Галковский отмечает словами В. В. Розанова инструментальную роль ума для русских (не путать с «инструментальным»-технологическим «разумом вообще»): «Мышление как форма существования русскому духу не свойственна. Любая попытка построения рационалистического и конструктивного мировоззрения неизбежно приводит русского человека к разрыву со своим внутренним опытом и, следовательно, обрекает на распад личности и потерю национальной сущности». В то же время высокий уровень внутренней духовной жизни требовал какого-то выхода в реальность. И в том числе выхода в форме интеллектуальной. Сам по себе разум был нужен русской культуре, но разум, играющий не конструктивную, а инструментальную роль...

“Ум, положим, — мещанишко, а без “третьего элемента” все-таки не проживешь... Самое презрение к уму (мистики), то есть к мещанину, имеет что-то на самом конце своем — мещанское. “Я такой барин” или “пророк”, что “не подаю руки этой чуйке”. Настоящее господство над умом должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрятым; это должно быть субъективной тайной”. (“Опавшие листья”). Такое инструменталистское отношение к разуму позволяло Розанову быть философом и одновременно оставаться в рамках русской культуры...»⁵⁶⁰.

«Моё влияние» было бы в расширении души человеческой, в том, что “дышит всем” душа, что она “вбирает в себя всё”... (Розанов)»⁵⁶¹. Русский философ, чтобы не впасть в трагедию (об этом ниже) и не стать западным мыслителем, должен быть выше ума. Полагаться на разум, построенный по модели технической мегамашины, как на верховного судью мира, истории, общества — это безумие. Поэтому часто культ разума сопряжён с безумием как философской трагедией. Думать, что мир, хотя бы даже социальный мир, может управляться Разумом, тем более построенным по принципу мёртвой машины (искусственного интеллекта), как предлагают трансгуманисты, — безумие. Как объяснить тогда роль мышления в культуре ВЕ и осевых цивилизаций вообще?

Мышление действительно, как учили доктрины объективного идеализма и материализма, точно выражает отношения и связи объективного внешнего и внутреннего мира, природы, в том числе природы человека. Но это нижняя

⁵⁶⁰ Галковский Д. В. Бесконечный тупик: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во Дмитрия Галковского, 2008. 632 с. Цит.: URL: <http://www.rulit.me/books/beskonechnyj-tupik-read-51426-5.html> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁶¹ Там же.

часть мира. Соответственно, мышление есть скорее нижняя часть психики и личности, точнее ниже-средняя, опосредующая верх и низ. Есть и более низкая часть психики, чем мышление, — чувственная сфера. Поэтому мышление связано скорее на причинность и отражение, выявление связей, на понимание судьбы путём анализа, расчленения и умерщвления реальности и потом вторичной искусственной сборки. Нижняя часть личности соответствует нижней части природы — в этом есть логика.

Мышление в систематической форме, как автономная культурная сфера духовных либо культуроориентированных сословий, возникло в культуре именно осевых цивилизаций, точнее осевых форм и периодов этих цивилизаций. Обычно появление мышления считают чуть не главным достижением «осевого времени». Но выделение мышления — побочный продукт духовного развития, создания осевых религий. Именно наличие верхнего, духовного уровня позволило структурировать научное и мировоззренческое мышление в автономную сферу, выделив его из природных практик человека.

Поэтому мышление и разум не могут быть высшими. Приписывание разуму высшей силы, его обожествление есть намеренная позиция на подчинение человека низшему началу, которая ассоциируется с материей, судьбой, причинностью. Когда обращаются к тому, что мышление — это высшая нервная деятельность в физиологии, — не договаривают то, что ВНД — это высшая деятельность, но внутри низшего порядка. Власть этого начала осознаётся в классической европейской культуре как трагедия человека. Однако все они образуют единый комплекс, который не может существовать без высшего духовного сверхрационального субъекта, который отнюдь не судьба, не внешний порядок бытия и не мышление, которые по своей функции не способны к творению и синтезу мира. Признание самодостаточности разума приводит к тому, что используемые в нём энергии умерщвления, деструкции торжествуют и ведут к распаду субъекта. Осевое, в частности восточноевропейское и русское мировоззренческое личностное мышление отказывается признавать его власть, видит его с позиций самоотрицания, хотя и проникает с его помощью внутрь связей мира.

*Судьба-доля как управляемая реальность
славянского мира. Преодоление неизбежности судьбы
и диктата причинной рациональности*

Глубинные корни усечённого рационализма и личностного мышления Восточной Европы проявились уже в решении проблемы отвратимости и управляемости судьбы в славянской языковой архаике. Положительное решение вопроса об отвратимости судьбы путём свободной воли определило особый цивилизационный путь славянства. Мышление славянина не тонет в неизбежности судьбы, поскольку «Я» коллективно, всеобщее и поэтому выше предопределения. Напротив, диктат рациональности у западных народов (от древних греков до германцев) связан с неизбежностью и загробного наказания. Диктат внешнего объекта — это диктат определённого (западного) устройства ума и личности,

а не необходимость для всех людей. Именно против него выступал Н. А. Бердяев в работе «Я и мир объектов».

«Древнейшее свидетельство, что славяне не считали предназначения судьбы роковыми и фатальными, не признавали её силу, принадлежит Прокопию Кесарийскому: “Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут её, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение”»⁵⁶², — пытается дать трактовку известной фразы византийского автора исследовательница философского содержания славянской мифологии О. С. Осипова. Для этого она обращается к мифу об общности судьбы и воли, доброй и плохой судьбы, в отношении которых может вмешиваться воля самого человека. «В. Макущев в работе “Сказания иностранцев о быте и нравах славян” высказал предположение, что свидетельство Прокопия о том, что славяне не признавали судьбы, надо понимать как то, что они не были фаталистами, но верили в дев жизни и смерти, воспринимали судьбу — как диалектическую связь доли и недоли, Прокопий, возможно, хотел уточнить отсутствие у славян именно идеи жёсткого предопределения, не судьбы вообще. А рок в виде такого предопределения следует понимать как неизбежно выполняющийся закон. В славянском язычестве подобная неизбежность, очевидно, не признавалась... Судьба и свобода воли людей, в понимании древних славян, находились в тесной связи. Судьба не была жёстко задана человеку, её предписания имели предрасполагающее воздействие. Каждый обладал возможностью некоторого управления своей судьбой посредством волевого и целенаправленного поступка-выбора в процессе самой жизни»⁵⁶³, — пишет она.

В работе «К скриптам русской культуры» А. Вежицкая относит к важнейшим семантическим гнездам («кодам», «скриптам») также такие слова, как душа, судьба и тоска. Что значит русская тоска с точки зрения личностного типа? Тоска, по всей видимости, является обострённым ощущением судьбы, которое необходимо человеку, чтобы ей управлять⁵⁶⁴. «Судьба», слова с корнем «суд-», присутствующие в виде семантического гнезда и у других народов, у славян и русских не предопределение, не фатум, а есть результат суда, суда Божия, который принципиально изменим волею человека и Бога. Для русских характерно спорить с судьбой, вести с ней диалог о правде, быть творцом и даже хозяином своей судьбы. Судьба — некий оппонент, с которым спорят всю жизнь, пытаюсь понять

⁵⁶² Осипова О. С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000. С. 19. Цит.: URL: https://vk.com/doc38761535_437050147?hash=FLP27T3NBE6odBom1F8XGFAEONtCvZmlkCwTbYeEiz8 (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁶³ Осипова О. С. Славянское языческое миропонимание... С. 19.

⁵⁶⁴ Вежицкая А. К скриптам русской культуры // Вежицкая А. Язык. Культура. Понимание. М.: Русские словари, 1996. 412 с. Цит.: URL: http://www.philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/rl1.htm (дата обращения: 30.09.2023).

и изменить её. «Сколько лет я спорил с судьбой!..» — поётся в популярнейшем фильме социалистической эпохи, который весь построен на сюжете фантастической перемены судьбы героев и порядка вещей.

Не признавая неотвратимости судьбы в языческую эпоху, тем более славяне не стали её адептами после принятия православия, в котором обращения к личному Богу могли всё изменить. В православном предании присутствует мнение о судьбе как предписании Бога, некоем Промысле, т. е. есть мысли Бога о человеке и его пути. Однако Промысел предполагает, что человек сам должен принимать правильные решения, исполняя его, тем самым меняя к лучшему, а не пытаясь «обрушить» судьбу и начать игру с нуля либо безвольно плыть. Чтобы исполнить божественный Промысел, нужна воля и вера человека. Промысел и ответ на него понимаются как синергийный, двухсторонний процесс (в неопатристической синергийной восточнохристианской антропологии). Если сравнить древнеславянские воззрения с древнегреческой трагедией, которая строилась на необратимости рока и судьбы, то мы можем понять и особенности возникающей одновременно с классической трагедией западной греческой философии, построенной на рационализме и представлении о бытии и космосе как неизменном порядке, с которым человек ничего не может поделать, а вынужден изучать и подстраиваться под его связи. Конечно же, греческая версия восточнохристианской культуры испытала влияние античного западного детерминизма, в частности в приписывании его Богу. Конечно же, в богословии столкнулись две линии ограниченного человеческого ума. Славянская же философия изначально основывалась на другом убеждении, что мир изменим и не является первичной реальностью по отношению к личности, не представляет собой мира вечных идей.

Идея судьбы связана с идеей мирового порядка и рационализма в целом как жёсткой причинностной связи, из которой человеку не суждено вырваться. Отсюда появление в западной цивилизации таких структур, как диктат рациональности, метафизика (главная черта Запада, по М. Хайдеггеру⁵⁶⁵), диктат техники, онтология (фиксация на бытии в связке материализм — идеализм), детерминизм. Всё это не более чем западная цивилизационная оптика, которая используется

⁵⁶⁵ См.: Бибихин В. В. Европейский нигилизм 1 (Обзор) // Бибихин В. В. Из творческого наследия. М.: ИНИОН, 2006. 191 с. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-nigilizm> (дата обращения: 30.09.2023). В. В. Бибихин указывал: «Нигилизм понимается им как последнее заострение западноевропейской метафизики, а “метафизика” — не как мыслительная конструкция философов, а как исходное мироотношение западного человека, от своих начал в Древней Греции необратимо определявшее всю его историю вплоть до создания и планетарного распространения современной машинной и социальной техники... Он (Ницше. — С. Б.) всё-таки держался того, что Хайдеггер считает неповторимой позицией западного человека: не покорное наблюдательское отношение к судьбе, но и не притязание на управление историей, а такое соответствие ей, когда человек стремится осуществить себя как бытийную необходимость (“бытие требует человека”). На подобную “серьёзность” европейского человека Хайдеггер возлагает надежды в нашу последнюю, по его убеждению, эпоху западной истории...» За искажающим понятием бытия западной мысли стоит совершенно другая реальность.

как гигантский технологический каток детерминизма, которым в асфальт «закатывается» весь мир. Ошибочно, ради подчёркивания их консерватизма, они приписываются и славянству. Не считая свою судьбу окончательной, славяне не покорялись и мировому порядку, и культу разума как его основе. Не покорятся они и новому мировому порядку капитализма, а предпочтут строить свой собственный. Русская славянская судьба — это управляемая волевая реальность, и следование судьбе означало управление ею. В этом плане русские ближе к ближневосточному восприятию христианства, чем к западному рационалистическому, на что указывал Лев Шестов в работе «Афины и Иерусалим» и многих других. Будучи индоевропейцами, как и западные европейцы, тем не менее русские и славяне оказались ближе, чем они, к вере в чудо пророков и людей Нового Завета, ближе к Иерусалиму, чем к Афинам, именно благодаря вере во всеилие и доступности личного Бога и недоверию разуму, который лишь инструмент, а не правящий возница. Видимо, поэтому Освальд Шпенглер в «Закате Европы» отнёс русских (восточных славян), так же как и православных греков, к магическому ближневосточному историко-культурному типу, в котором судьба управляема магическими средствами.

Загробный мир: славянский рай вместо западного ада

В связи с темой управляемости судьбы интересен факт дохристианской славянской мифологии, на который обратил внимание О. Н. Трубачёв: у славян загробный мир для предков являлся не адом, мрачным подземным местом, о котором не было представлений, а скорее раем с лугами. То есть потусторонне будущее как отражение коллективного бессознательного виделось позитивно, и попадание в ад не является нормальным ходом событий. О. Н. Трубачёв писал по поводу книги польского слависта Л. Мошинского о дохристианской славянской мифологии⁵⁶⁶, отметившего отсутствие ада у славян⁵⁶⁷ до заимствования ими православной греческой (или католической) культуры:

«...Не было лексико-понятийной оппозиции между “раем” и “адом”, мимо чего автор проходит молча. Но поскольку упраздняется названная оппозиция, а вместо двух чётко очерченных понятий остается одно расплывчатое “потусторонний мир, тот свет”... отпадает надобность и в этом разделении на хорошие и плохие души... Этого не позволяет делать элементарный структурализм, отчего в праславянский потусторонний мир (**rajъ*) переселяются все умершие. Иначе мы получим не реконструкцию праславянского состояния, а скорее иррадиацию собственного христианского сознания на собственные научные представления. Но самыми важными, на мой взгляд, остаются дальнейшие типологические различия. На одной стороне мы констатируем эту славянскую ситуацию с наличием собственного названия “рая” **rajъ*, отсутствием заимствования из греч.

⁵⁶⁶ Трубачёв О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2: М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 423. Ссылка у Трубачёва на работу Л. Мошинского «Дохристианская религия славян в свете славянского языкознания».

⁵⁶⁷ Там же. С. 430.

παράδεισος и с заимствованными названиями “ада” (*адъ, пькъль*). Совершенно противоположную ситуацию мы наблюдаем на другой стороне — у большинства неславянских народов Европы и в их языках. Лат. *infernum* и его продолжения во всех романских языках, нем. *Hölle*, англ. *hell* и т. д. “ад” показывают нам, что в западном языковом и культурном ареале туземными и дохристианскими были как раз названия “ада, преисподней”, в то время как понятие и название “рай” там оказалось импортированным извне вместе с христианизацией... Нельзя не высказать своего удивления по поводу того, что столь глубокое различие между Востоком и Западом до сих пор, насколько я знаю, не привлекло внимания»⁵⁶⁸, — отмечал выдающийся русский славист.

Зачем древним грекам и германцам нужен был прообраз неизбежного ада? Можно предположить, это связано с представлениями о неминуемом воздаянии, расплате (пене) за грехи, согласно детерминистскому мышлению, в том числе и за угнетение других людей (завоёванных доиндоевропейских аборигенов Европы). Власть рациональности и детерминизма судьбы неизбежно ведёт западного человека к признанию ада как посмертного состояния. Таким образом, идеи неотвратимости судьбы и посмертного воздаяния в аду тесно связаны в одну семантическую ось западного человека, в свете которой он сам представлялся недобрым, как если бы он был сторонником теории Гоббса о злой животной природе человека и неизбежной войне всех против всех в обществе. На самом деле теория Гоббса — отголосок этой семантической оси. Ставка на детерминизм и инструментальный разум и здравый смысл — ставка на успех в этом мире любой ценой, а не на самость и личность. Здесь истоки трансгуманистического антропологического тупика современного Запада как человеческого типа. Западный мир построен по типу его потустороннего двойника из западной раннеиндоевропейской мифологии, если мы, конечно, не берём во внимание влияние христианства, которое старалось ограничить его воздействие на психологию народов, создав светлую перспективу.

Экзистенциальный выбор славянства лежит в другой, оптимистичной плоскости, чем у народов Запада, и он должен быть реализован. Чтобы преуспеть, не надо принадлежать к фаустовской, по Шпенглеру, культуре Запада как «Заката», не надо продавать, как Фауст, душу дьяволу в обмен на всевластие разума. Не надо смиряться с существованием ада и строить его модель в земной жизни.

Широкое распространение сатанизма в западном мире последних десятилетий и попытки соединить его с цифровым трансгуманизмом означают ни что иное, как возвращение к мрачному дохристианскому коду (прообразу) Запада, который, однако, нельзя считать всеобщим для ранних индоевропейцев, как это делали европейские нацисты в Третьем рейхе, сделав ад своего рода стержнем, как и позднейшие сатанинские контркультуры Запада для молодёжи с соответствующими символами. Без принятия Аида как нормы и идентификации с ним невозможно принятие нацистской идеологии как сверхволи. Но они просто сказали честно, не лукавя, про цивилизационный код Запада. Западный сатанизм — следствие отсутствия воли как самостоятельного духовного начала.

⁵⁶⁸ Там же. С. 430–431.

Наоборот, мы видим, что славянство представляет совершенно другую линию, которую тоже нельзя назвать христианской, но которая в неизмеримо большей мере соответствует христианскому пути и Прообразу. Деление на своих и чужих, плохих и хороших, принцип «каждому — своё» не подходит восточно-европейскому сознанию, которое исходит не из субъективно-объективной оптики судьбы, а из идеи счастья для всех таких, какие они есть по своему свойству. Отсюда и система мрачного загробного мира как проекция образа хтонической религии покорённых доиндоевропейских народов у славян отсутствует и заменена неким нейтральным позитивным местом. Дихотомическое и аналитическое мышление в целом не свойственно синтетическому и творящему целостному типу личности славянства. Соответственно, нет и механизма социального и религиозного разделения в славянской картине мира (каждому — своё), хотя это и не означает, что каждый не получит по заслугам. Праславянская картина мира, в отличие от западной, не предполагает, что человек неизбежно движется в направлении ада, а, наоборот, считает, что удел человека, его судьба — волевое усилие в направлениирая, без которого достижениерая людьми есть воля Бога.

РАЗДЕЛ 4

Мировоззренческая оптика восточноевропейской цивилизации

4.1. Системы самоописания (мировоззренческие оптики) цивилизации Восточной Европы

Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее
судеб всего мира.

В. Г. Белинский.

Письмо к Боткину от 1 марта 1841 г.

Общее и единичное... — вот полюсы нашего по-
нимания бытия.

О. П. Флоренский. Вещь и личность

...«основной вопрос» философии был вопросом
о человеке, о значении и тайне конкретной человеческой
личности.

*Ильин Н. Рассвет русской литературы
неотделим от взлёта национальной философии*

Смысл и назначение оригинальной цивилизационной «оптики» ВЕ описания себя и проблема её заимствования у Запада

Что такое оптика мировоззренческого самоописания цивилизации с точки зрения социальной науки⁵⁶⁹? Согласно Н. Луману, довольно удачно разработавшему эту тему, это институты внутреннего самонаблюдения и самоописания, обладающие рефлексивной рациональной способностью.

Цивилизация как самовоспроизводящийся тип человека и общества подпадает под определение социальной системы, будучи наиболее крупной из социальных систем. Ей для самовоспроизводства человека, происходящего путём деятельности, необходимы культурно рефлексивные самоописывающие подсистемы, которые в первую очередь бросаются в глаза исследователям под названием «культура», «высокая культура». Они содержат главные образцы, по которым воспроизводится человек и общество. Оптиками самоописания определяют содержание высокой духовной культуры. Это специфические формы культуры, которые позволяют увидеть себя, свою личность и общество в мире: религия, литература, философия, богословие, идеология, гуманитарные науки, классическая

⁵⁶⁹ Теория самоописывающих социальных систем разработана Н. Луманом. Её можно связать с теорией зеркального «Я» Ч. Кули, поскольку системы самоописания, по сути, производят личность и социальные отношения.

музыка, театр, изобразительное искусство. Без оптики самоописания в мировоззрении общество является «слепым».

Как же работает цивилизационная оптика общества? Первое — это культ. В традиционных обществах главную роль в оптике самоописания играет религия, культ и их мифология, от которых производна вся духовная культура. Миссию такого культа в ВЕ до второй половины XIX в. целое тысячелетие выполняло восточное христианство, господствовавшее в большей части этой цивилизации и влиявшее на западное христианство у меньшей части тех народов ВЕ, у которых оно господствовало.

В обществах Нового времени ключевую роль в мировоззренческой оптике играет философия или мировоззренческая философская мысль, которая может облачаться в не специфические для философии одеяния: научные, литературные, богословские, изобразительные, идеолого-пропагандистские. Но это не умаляет роль религиозного культа — по сути он сохраняется, ведь культура ритуальна и представляет собой скрытый или явный культ и ритуал, культовое действие (сходная идея была в философии культа о. П. Флоренского).

Второе — цивилизационной оптике необходим Цивилизационный Другой — альтер эго. Цивилизация как тип человека должна всегда видеть своё отражение от другой цивилизации — от другого типа человека. «Понимающая система видит саму себя как альтер эго своего альтер эго. Можно предположить, что всякое социальное отношение по меньшей мере рудиментарно провоцирует к попыткам понимания»⁵⁷⁰. Если Другого нет, оптика его создаёт. Любое отношение людей уже создаёт подобие Другого, а цивилизации он просто необходим.

Для России и Восточной Европы альтер эго — это Запад. Если Запад и его институты самоописания были главным «зеркалом» для восточноевропейской цивилизации, что и предопределило его тотально искривлённый характер, то для Запада Восточная Европа, наоборот, хотя и была образом Другого, но Другого неглавного, второстепенного. И не совсем «другого», так как институты самоописания ВЕ были малодоступны для носителей оптики Запада, кроме разве что Достоевского с Толстым. Они считались производными от культуры Запада, её вариантом. Запад видит себя Большим Братом по отношению к ВЕ.

При этом западная философская оптика не видит нас как «Я», как цивилизацию, не видит и нашу личность, а как предмет. В нас Западом не признаётся альтер эго. Нас как бы нет. Впрочем, как и остальных «Иных». Есть недоразвитые общества.

При этом мы, жители ВЕ, заимствуем для себя, своих мировоззренческих нужд, западную оптику, западную философию, которая нас как бы и не видит (!). Ну разве что троюродный младший брат, может быть. Нечёткость, размытость славянской личности, её оси, о которой говорили и западные русофобы, это проблема во многом «оптики», её настройки, а не реальной структуры личности. Это проблема общефилософская и общегуманитарная, которую можно, без сомнения, назвать осевой проблемой, вдоль которой движется история философии тоже, несмотря на все попытки её элиминировать. То есть это проблема не собственно

⁵⁷⁰ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 134.

русская или восточноевропейская, но и западная тоже, и восточная, и южная, и северная. Достаточно хорошо забытая, учитывая девиз оракула: «познай самого себя» через Другого.

Осевая цивилизация находилась за рамками цивилизованного мира, что вполне логично для оси, недоступной зрению наблюдателя, который вокруг неё вращается, равно как и зрению обитателей самой оси как таковой. В этом особенность проблемы оптики восточноевропейской цивилизации, проблемы построения точки зрения. Ей всё время приходилось прибегать к другим, внешним точкам зрения, заимствовать их практики самоописания. В этом проблема мировоззрения и его инструмента. Таковым инструментом является только цельное знание, в котором объект и мыслящий субъект, метод и предмет, мышление и вера и интуиция совпадают.

Третье — перевёрнутая логика. Мы антиподы с нашим альтер эго. Для работы нашей оптики нужно буквально поставить своё мировоззрение «с головы на ноги», а не «с ног на голову», как это сделала с нами западная философия. Примером чуждой и перевёрнутой географической и геополитической оптики могут служить географические карты Европы и мира начиная с античности и Средневековья и до современности. В них Европа и Евразия видятся как бы «снизу», с экватора, с юга, с позиции геоцентризма южных цивилизаций, чуждых Европе, которые видели на севере страшную Гиперборею и конец ойкумены. А сама Земля, её экватор виделись центром планеты. Она навеяна оптикой карт Птолемея, людей Африки и Ближнего Востока, которые видели Евразию из тропической зоны и Средиземноморья как запредельную северную зону («Гиперборею»). При этом Земля была центром Вселенной (геоцентрическая, хтоническая оптика). Россия и СССР — всего лишь кусочки земли где-то на севере глобуса.

Но Земля — часть солнечной системы, поэтому она видится с полюса, с севера и со своей орбиты вокруг Солнца и своей наклонённой оси. Мы, люди осевой цивилизации, видим мир «сверху», из осевой зоны, с вершины Земли — полюса и тяготеющих к нему пространств Северной Евразии, в том числе и видим мир южных земледельческих цивилизаций, который для нас — узкая полоса земель на юге. Мы стоим как бы над ними на обширной полярной равнине, как изображается СССР на старых советских картах. Так же мы видим мир и в философии, и религии, в западной и южной версиях идеализма и материализма, который для нас не основа, а лишь полоса вдоль экватора. Их мир хтонической культуры земледелия и мегалитического строительства. Получив точку опоры, нам нужно перевернуть мир и создать видение мира из осевой зоны, из Севера.

Проблема западных псевдоморфоз в русской мировоззренческой культуре

Поскольку ответы западной философии и социальной мысли о человеке построены на ином, чужом антропологическом фундаменте, они не могли удовлетворить восточноевропейских мыслителей. Русская мысль оказалась в сложном положении: нельзя отвергнуть, но и нельзя принять заимствованное. Главная проблема восточноевропейской цивилизации — слабое и нечёткое сознание сво-

ей идентичности. Это состояние культурных форм О. Шпенглер очень точно определил метафорой псевдоморфозы, причём красноречив даже не переносный геологический смысл, а сами корни словосочетания «ложная форма». Западная философия и наука в России есть псевдоморфоза, старая порода, обрастающая новой, но дающая ложные плоды знания вопреки желанию просветителей. Псевдоморфозы западного мировоззрения, укоренённые в жизни верхних сословий, имели и крайне неприятную обратную сторону в повседневной экономической и социальной жизни России. Они под видом Просвещения дополняли систему экономического порабощения Западом Восточной Европы как полупериферии и навязывания ущербной социально-классовой структуры. Развитие отношений крепостничества и голод в Восточной Европе в XVII–XVIII вв. были следствием экономических рыночных отношений «центр — периферия», усиливших эксплуатацию в целях увеличения производства вывозимого на западные рынки сырья.

Большинство этих развитых форм со своим готовым содержанием были заимствованы жителями Восточной Европы на Западе начиная с X в. в виде литургической культуры Церкви из Византии, а основная масса — с XVII–XVIII вв. В дальнейшем происходила их переработка в соответствии с ранними представлениями о своей идентичности в средневековом христианском и дохристианском слоях культуры. По мере секуляризации и создания индустрии печатной культуры объёмы заимствований увеличились, а сам процесс переработки усилился. Появились собственные формы самосознания славянской цивилизации: хроники, богословские, литературные, автобиографические, публицистические произведения (о некоторых из них шла речь разделе 1).

Западная цивилизация отбрасывает мощную тень на восточноевропейского человека. Прежде всего это происходит в сфере рационализма: технологий науки, мышления, письменной культуры и философии. Вместо осознания самости «технологии в обмен на самость». Зависимость от Запада в сфере мысли являлась следствием экспорта социальных и промышленных технологий. Наука и философия также выступают как технологии. Мы вынуждены использовать «заёмные продукты» в сфере мировоззрения, которые наработала западная цивилизация.

Философская оптика в России как трагедия

Трагедия есть выражение неравного «спора с судьбой», не благоприятствующей герою, осмелившемуся на это. Однако борьба за изменение судьбы и вообще её преодолимость — важнейшая черта восточноевропейской цивилизации, её «код». В субъективном ключе псевдоморфоза восточноевропейской мировоззренческой культуры открывалась как личная трагическая судьба их носителей. Эта антиномическая ситуация выдвинула человека, его личность, её формы в постоянный фокус внимания мыслителей и не нашла полного и удовлетворительного разрешения ни в XIX, ни в XX веке. Согласно весьма острой работе Н. Ильина (Мальчевского) «Трагедия русской философии», повторяющего один из исходных тезисов о. Г. Флоровского «о трагедии человеческой жизни»⁵⁷¹,

⁵⁷¹ См.: Флоровский Г. В. Пути русского богословия...

главная проблема русской философии определяется как личная трагедия каждого мыслителя, рискнувшего пойти по пути творения цивилизационной оптики. «Принцип самосознания являлся доминантой русской философии эпохи её расцвета в целом, независимо от официального положения того или иного мыслителя»⁵⁷². «...Русская философия изначально выбрала путь, идти по которому означало создавать “науку о человеке”, “науку самосознания”»⁵⁷³, в которой сам человек как предмет не гарантирован и постоянно пересматривается и самими мыслителями, и идеологическими оппонентами, предвзято враждебно настроенными против самих попыток идентификации. В трансформированном виде мы находим её в вопрошании героев философски насыщенной литературы Достоевского: «Тварь я дрожащая или право имею?»⁵⁷⁴. Трагедию философа автор иллюстрирует судьбой первопроходца русской философии И. В. Киреевского, прожившего уединённой частной жизнью и фактически потратившего всю жизнь на попытки создания цивилизационного подхода к философии в виде нескольких произведений. «Взяв за основу принцип самосознания, русская философия выбрала глубоко трагичный путь»⁵⁷⁵, — резюмирует Н. П. Ильин.

Русская философия была непровинциальной именно потому, что находилась в постоянно угрожаемой для её существования зоне, «на грани бытия», когда нужно бороться за собственное будущее. Если линия философов-западников (Чаадаева — Соловьёва) состояла в том, чтобы «вписать» себя, свою идентичность в мировую, читай, западную историю через других, то линия славянофилов (Киреевского — Астафьева) — в том, чтобы построить свою идентичность. Именно существование в «прекариатной» зоне внутри своей же страны является причиной трагизма русской философии, рискнувшей бороться за свою самость в тени Большого Запада (в отличие от восточноевропейских и славянских собратьев).

Трагедия выступает основой высокой культуры, по крайней мере в европейской традиции. Трагедия тесно связана с философией вообще. Трагедия, по мнению О. Шпенглера, — не просто эстетическая и культурная, а философско-цивилизационная категория, несущая историческую форму. Она заложена и в восточноевропейском мышлении. Трагизм — одна из черт русской философии, которая внешне роднит её с альтернативными линиями западной философии от Эмпедокла до Кьеркегора и Ницше, а также экзистенциализма.

Трагедию философии обозначил о. С. Булгаков в одноимённой книге, изданной вскоре после «философского парохода». Для большевиков, ориентировавшихся на западную идеологию марксизма, цивилизационно оригинальные русские философы оказались неприемлемыми; впрочем, как и любые идейные конкуренты, поэтому большевики стали орудием трагедии для философов. Но главный трагизм, по Булгакову, в трагедии самого разума: «Философствование есть трагедия разума, которая имеет свой катарсис. Можно не отдаваться стра-

⁵⁷² Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Цит.: URL: http://www.hrono.info/statii/2005/ilin_moskvam0.php (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ Там же.

стям, но если уж суждено впасть в их роковую власть, то страсти выше страстишек и безумие выше рассудительности. “Подобает быти и ересям между вами, да откроются искуснейшие” (ап. Павел). И философские апории должны быть изведаны до глубины, трагедия разума изжита честно и неумолимо, и в этом именно лежит печать страдальческого величия в философствовании. Неустрашимость и безумие, самораспятие на кресте парадокса, абсурдность перед лицом не только здравого смысла, но и непредубежденного философствования, дионисическое исступление, хлыстовщина мысли — таковы черты этого трагического философствования»⁵⁷⁶.

Существуют мировоззренческие практики, которые ведут к редукции внешней оболочки мира и тем самым вводят человека в опасную зону мысли. Это оптика актуальной многомерности, которая малодоступна и опасна для человека как психофизического социального существа, которому недоступна для наблюдения своя метафизическая ось. Речь идёт не только об осях людей, но и цивилизаций, исторических эпох. Именно по этому пути пошла русская философия. В том числе и отсюда возникает тема философской трагедии. Утверждение о трагизме философии сопряжено у о. С. Булгакова с критикой всего западного идеализма начиная с Платона по причине недостаточного понимания личности: «Однако учение Платона в этом отношении отнюдь не имеет воинствующего, антипостасного характера, оно скорее беспомощно и наивно в отношении вопроса о личности, как это свойственно и вообще всей античности»⁵⁷⁷.

Восточноевропейская личность оказалась за пределами европейских культурных образцов, по ту сторону рыцаря и буржуа как базовых архетипов Запада⁵⁷⁸. Русский интеллигент не мог быть ни рыцарем, ни буржуа западного типа, а если и пытался быть рыцарем, становился «Дон Кихотом». Это привело к хроническому кризису идентичности, осознаваемому как круг дурной бесконечности или «бесконечный тупик» и трагедия, а также привело к попыткам вырваться из них путём разрушения и перезагрузки общества, выработки собственного альтернативного Западу идеала человека, — построению альтер эго. Сложно построить особую, отличную от западной цивилизационную идентичность, находясь внутри западной же философской традиции, используя её инструменты. Поэтому альтернативная восточноевропейская философия вынуждена всегда пытаться выйти за её пределы, использовать примеры её самоотрицания.

В Восточной Европе после краха социализма кризис идентичности разразился с особой силой и не прекращается, угрожая ликвидацией цивилизационных основ не только культурных типов, но и структур личностей, особенно молодёжи. Общество превращается в авансцену цивилизационных, идентификационных и личных драм и трагедий, поиска социальных лифтов и мест. Ради борьбы за своё «Я» и его выделенность из сверхличности люди готовы рисковать всем, вплоть до жизни, которая теряет смысл.

⁵⁷⁶ Булгаков С. Трагедия философии [Электронный ресурс]. Прага, 1925 // filosoff.org. URL: https://filosoff.org/bulgakov/wp-content/uploads/sites/93/2017/01/bulgakov-s.-tragedija-filosofii-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

⁵⁷⁷ Там же.

⁵⁷⁸ См.: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа...

Произведения идентитарного (самоописывающего) типа
в России в XIX–XX вв.

По итогам первичного анализа автору удалось составить далеко не полный список из более чем 30 русских мыслителей из разных областей знания, создававших самоопределяющую мировоззренческую продукцию:

- С. Глинка («Исторический взгляд на общества европейские и на историю моего отечества»);
- П. Я. Чаадаев («Философические письма»);
- А. С. Хомяков («Записки о всемирной истории»);
- К. С. Аксаков («О внутреннем состоянии России», «О русском воззрении»);
- М. П. Погодин («Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856», «Окружное послание к славянам», «Лекция о славянах, читанная в Этнографическом обществе», «К вопросу о славянофилах»);
- И. В. Киреевский («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»);
- А. Ф. Гильфердинг («О сродстве русского языка с санскритом», «Судьба прежних славянских государств», «Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий»);
- П. Д. Юркевич («Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия»);
- П. Е. Астафьев («Национальность и общечеловеческие задачи. К русской народной психологии», «Опыт о свободе воли»);
- Н. Я. Данилевский («Россия и Европа»);
- Ф. М. Достоевский («Записки из подполья», «Дневник писателя», «Бесы», «Братья Карамазовы» и др.);
- Л. Н. Толстой («О жизни»);
- Ф. И. Тютчев («Россия и Запад», «Россия и революция»);
- А. А. Козлов («Беседы с петербургским Сократом»);
- Е. А. Бобров («О самосознании», «Бытие индивидуальное и бытие координальное»);
- Н. Н. Страхов («Борьба с Западом в русской литературе», «Мир как целое»);
- В. С. Соловьёв («Русская идея», «Византия и Россия», «Россия и Вселенская Церковь», «Три разговора» и др.);
- Л. М. Лопатин («Понятие о душе по данным внутреннего опыта», «Спиритуализм как психологическая гипотеза», «Вопрос о реальном единстве сознания», «Вопрос о свободе воли»);
- В. И. Ламанский («Три мира Азийско-Европейского материка»);
- С. А. Аскольдов («Сознание как целое»);
- В. А. Снегирёв («Самосознание и личность», «Субстанциальность человеческой души», «Сердце и его жизнь» и др.);
- В. И. Несмелов («Наука о человеке, «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского» и др.);

- Н. И. Кареев («Славянское возрождение, панславизм и мессианизм»);
- Илларион (Троицкий) («Прогресс и преображение»);
- С. Л. Франк («Душа человека»);
- Н. О. Лосский («Обоснование интуитивизма», «Мир как органическое целое», «История русской философии», «Характер русского народа», «Свобода воли»);
- Л. П. Карсавин («Восток, Запад и русская идея», «О личности»);
- П. А. Флоренский («Столы и утверждение истины», «Предполагаемое государственное устройство в будущем»);
- Г. В. Флоровский («Пути русского богословия»);
- Л. Шестов («Афины и Иерусалим»);
- В. Ф. Эрн («Время славянофильствует», «Борьба за Логос»);
- И. А. Ильин («Идея личности в учении Штирнера», «Опыт по истории индивидуализма», «Творческая идея нашего будущего», «Об основах духовного характера», «Основы борьбы за национальную Россию», «Книга раздумий», «Замирающее сердце» и др.);
- Н. А. Бердяев («Русская идея», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Самопознание», «Философия свободы»);
- Б. П. Вышеславцев («Русский национальный характер», «Сердце в христианской и индийской мистике», «Значение сердца в религии», «Образ Божий в существе человека», «Вечное в русской философии» — «Что такое я сам?»);
- П. Н. Савицкий («Поворот к Востоку» и др.);
- Н. С. Трубецкой («Верхи и низы русской культуры» и др.);
- А. А. Зиновьев («Гомо советикус», «Коммунизм как реальность», «Русская трагедия»).

В целом данный далеко не полный список позволяет сделать следующие выводы о русской философской и мировоззренческой мысли:

1. Львиная доля произведений русской мысли на протяжении всего периода развития (по крайней мере 100 лет: с 1850 по 1950 г.) посвящена поискам идентичности в многоплановом измерении, и это неслучайно. В качестве примера цивилизационной мысли для Восточной Европы можно рассматривать русскую философскую и цивилизационную мысль.

2. Попытки создания оригинальных произведений делались постоянно и систематически и создали собственную мировоззренческую оптику или ракурс, с которыми можно соглашаться или нет, считать её заимствованной или оригинальной, но она есть; а вопрос об оригинальности, как известно, в истории философии относителен.

3. Структура личности и роль рациональности в психике восточных европейцев представляют собой сквозную тему русской мировоззренческой мысли как попытку формирования этой особой личностной и коллективной идентичности, что нашло своё выражение в персоналистской антропологии и персоналистской онтологии русской философии. Восточноевропейский тип сознания, как подробнее рассматривалось выше, можно описать как минималистический рационализм, избегающий умножения сущностей и конструкций

вне текущей жизни данной, то есть своей личности и личностей своего круга. Это не говорит о его узости, наоборот, в личный круг включалась вся широта мировых вопросов. Исходя из этого можно сказать, что как греческое, так и эллинистически-гностическое, так и новоевропейское западное избыточное мышление, олицетворяемое логосом (классика), гнозисом (эллинизм) и рацию (новоевропейская философия), не характерно для восточноевропейского славянского мира.

4. Оптика, или точка обзора, является более важным фактором для понимания русской философии, чем её содержание, так как оптика определяет цивилизационное содержание.

5. Отсутствие окончательного и полного положительного решения болезненного вопроса об идентичности, несмотря на многие десятилетия поисков, непонимание со стороны власть предержащих, ориентированных на Запад, осознаются как трагичность русской философии, её «бесконечный тупик» и повод для регулярной смены подходов, практик и методов.

6. Ключом к пониманию оригинальности может служить неповторимая особенность и судьба каждой отдельной личности как тема русской философской антропологии, а источником — личностная интроспекция и анализ личного социального опыта.

7. Черты восточноевропейской цивилизационной оптики: сверхсистемность, сверхрациональность, множественность оптик, мессианство и эсхатологизм, антиномизм, интуитивизм, диалогизм (межличностное общение), личностное мышление и личностная истина, личностный (а не отвлечённый) онтологизм, соборность (индивидуал-коллективизм), волюнтаризм (способность творить извне волей), «логизм» (имяславие, слово как логос), литературоцентризм, космизм и софийность, революционный фундаментализм, эгалитаризм, ритмичность, правдолюбие (антирелятивизм).

8. Большинство русских философов не были сторонниками западного философского мейнстрима, в каких бы школах он ни выражался, от Платона до Канта и Гегеля, неокантианства и феноменологии, и отзывались о нём критически. Из-за различия цивилизационных кодов западной и восточноевропейской цивилизаций западный мейнстрим в системах самоописания не подходит для нас, как бы это ни обосновывалось. Русским всегда претила отвлечённая искусственность их конструкций.

Вопреки ошибочным мнениям, платонизм, как и гегельянство, не являлся позицией русской философии, если мы имеем в виду не идеологию. Об этом говорилось выше применительно к русскому эллинизму. Хотя к их наследию, как и к неоплатонизму, русские философы относились с уважением и вниманием. Что не помешало молодому А. Ф. Лосеву назвать учение Платона об идеях «мистической педерастией»: «Педерастия и есть настоящая платоновская диалектика»⁵⁷⁹ (в очерке «Учение Платона об идеях в его систематическом развитии»). «Педерастия не есть досадный недостаток системы, случайный налёт “эллинизма”, но вполне закономерное и диалектически оправданное центральное достояние

⁵⁷⁹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии... С. 460–461.

античного платонизма»⁵⁸⁰, — писал А. Ф. Лосев. Современная квир-культура Запада в качестве центральной повестки тесно связана с культом разума и мира идей в современной западной цивилизации и является следствием именно платонизма. Пропаганда платонизма — пропаганда педерастии. Педерастия во всех видах стала настоящей философией Запада. Объективный идеализм западного типа включался в русские доктрины лишь в качестве подчинённого личностям элемента. Однако он никогда не ставился русскими в центр философии. Субъективизм и релятивизм были им тем более чужды.

9. В условиях, когда философия в России была, да и во многом является, заимствованной псевдоморфозой, заслуга русской литературы — построение собственной духовной антропологии. Русская философия отчасти литературоцентрична, что связано как с проблемой отсутствия / позднего появления своей философии, так и с самим личностным типом мышления, выходящего за рамки рациональной системы, — сверхсистемностью. А литература до середины XX века играла в России роль главной мировоззренческой оптики и только к концу прошедшего века утратила её. Постановка основного вопроса о личности и идентичности в России принадлежит не только самим профессиональным философам, сколько гениальным литераторам-мыслителям. Именно русские мыслители — писатели — наиболее известны всемирной и западной публике благодаря компоненте духовной антропологии пограничных состояний личности. По сути, сюжеты их произведений и есть философские личностные трагедии героев, личности которых выступали живыми антропологическими моделями.

Мнение, любопытное в контексте построения цивилизационной идентичности русскими писателями и философами, высказал Д. Е. Галковский о роли литературоцентричной философии В. В. Розанова (а Розанов, скорее, всё-таки по жанру своих трудов мыслитель-литератор, чем философ в узком смысле): «Розанова можно назвать не только гениальным поэтом, но и гениальным политиком, гениальным идеологом, гениальным Учителем. И в этом, думаю мне, шестое принципиальное отличие Розанова от прочих русских философов. Среди них были гениальные мыслители, но не было Политиков и Идеологов. Разве можно сравнить философию Булгакова с его жалкой политической деятельностью в качестве члена Государственной Думы? Бердяев был витией, пророком, но лишь в философских и литературных спорах. Пускай его философия прекрасна. Но жить “по Бердяеву” смешно. Чтение его работ возвышает, облагораживает человека, но в них нельзя черпать силы для создания жёсткой иерархической структуры своего “я” (а только это может дать основу для противостояния нашему иерархически структурированному обществу)»⁵⁸¹.

10. Из сказанного следует ещё одна черта мировоззренческой оптики ВЕ — жанровый синкретизм, когда мы видим философию, литературу, богословие, психологию в одном, который утраивает силу воздействия мысли.

⁵⁸⁰ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии... С. 460–461.

⁵⁸¹ Галковский Д. В. Бесконечный тупик. Цит.: URL: <http://www.rulit.me/books/beskonechnyj-tupik-read-51426-5.html> (дата обращения: 30.09.2023).

Одиноки ли русские мыслители в Восточной Европе в своих попытках создать собственную цивилизационную философию? Имели ли место работы у мыслителей других восточноевропейских народов? Сложно ответить на эти вопросы. Подобные попытки предпринимались.

У других народов Восточной Европы идентитарные произведения различных авторов составляют следующий доступный автору перечень: М. Орбини «Царство славян» (1601); А. Качич-Миошич «Приятная беседа народа славянского» (1756); Я. Коллар «О взаимности славян», «Дочь славы»; П. Шафарик «Славянские древности» (1837), «Славянское народописание» (1843); Л. Штур «Славянство и мир будущего» (1856?); Й. Первольф «Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 1–3» (1886–1893); св. Николай Сербский (Велимирович) «Сербский народ как раб Божий»; Я. Стахнюк-Стоигнев «Человечество и культура», «Будущее славянства», «События без истории».

Возможна ли славянская цивилизационная философия отдельная от западной? Вопрос остаётся открытым. В 1920-е годы состоялись дискуссии об особой славянской философии, в частности на Втором польском философском конгрессе, в котором участвовали Н. Лосский, Н. Бердяев, В. Дворникович, К. Воровка, С. Блаховский, И. Мирчук⁵⁸². Скорее всего, они закончились без видимых результатов. Философия на славянском языке пока не создана, а есть лишь философия на западных языковых понятиях-«кальках» и теориях-псевдоморфозах.

4.2. Русская философия соборного персонализма XIX–XX вв. как попытка построения цивилизационной оптики

Психология имеет для персонализма метафизическое значение.

А. М. Прасолов. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца...

И. А. Ильин

Личность есть данная соборность или данное соборное действие.

В. Н. Муравьев

Три кита русской цивилизационной философии: соборный персонализм, духовная антропология, историософия отдельных цивилизаций

Платформу цивилизационной философии славянства составляют три кита: соборный персонализм⁵⁸³ как метафизическая основа философии, историософия

⁵⁸² См.: Оболевич Т. Участие русских философов во втором польском философском конгрессе в 1927 г. // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 2. С. 145–149.

⁵⁸³ Слово сочетанием «соборный персонализм» историк русской философии С. М. Половинкин назвал философию космиста В. Н. Муравьева, поскольку она лучше передаёт его идею, чем термин «космизм». См.: Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: СИНАКСИС,

отдельных цивилизаций и духовная антропология. Есть и другие направления, но они подсобны: психология, православное богословие («неопатристический синтез»), математика («аритмология»), философская литература — исповедь и публицистика, мифология и предания, пророчества, трактаты об искусстве. Особое синкретическое направление русской мысли, включающее философию, религию, этику и научную космологию, представляет космизм, который следует понимать как персонализм, развёрнутый во внешний мир — космос, наделённый духовной личностной энергией. Мир этих философских и парафилософских направлений весьма широк. Но они скорее некие источники для философии. Ведущая роль в этой русской философской «тройке» принадлежит метафизике соборного персонализма, без которой вся конструкция русской философии выглядит слабой. И духовная антропология, и историософия отдельных цивилизаций, основывающиеся на христианском богословии, должны иметь какое-то общее систематическое и фундаментальное объяснение, которое в современной философии может предоставить только философия персонализма. Ясно, что на личностной и духовной картине мира строится и философия истории, без которой она теряет свой смысл.

Персонализм — основа славянской философии?

Русский персонализм не похож на западную онтологию и метафизику, но всё ещё сохраняет некоторые черты метафизики. Он сверхонтологичен. Соборный персонализм является основной формой и главной коллективной идеей русской философии, её метафизики, её посланием с «философского парохода» Серебряного века последующим поколениям мыслителей России и Восточной Европы. Рискну предположить, что такая философия ближе всей восточноевропейской цивилизации. Казалось бы, это противоречит русскому марксизму и большевизму, однако марксизм — псевдоморфоza, кроме того, у большевистского марксизма есть мощные пересечения с русской православной историософией (см. раздел 5).

Персонализм — это учение о том, что весь мир состоит из взаимосвязанных духовных личностноподобных единиц (монад) различной сложности, пребывающих в вечности и обладающих свободой воли, — субстанциальных деятелей. Происхождение их связано с главной личностью — Богом, который создал их по образу и подобию своему. По образу Бога-Творца им созданы не только «Я» людей, но и, с определённой поправкой, любых объектов, вплоть до атомов, которые личностноподобны, хотя и находятся на более низких ступенях мировой иерархии. Иначе говоря, весь мир является творческим. Исходя из этой доктрины,

2020. С. 363. В равной мере это удачное название можно отнести и к большинству русских философов-персоналистов. По мнению современного персоналиста А. В. Соболева, персонализм как философия по своей сущности не может не быть соборным, так как «личность есть соборность», по В. Н. Муравьеву, а духовные личности неизбежно связаны между собой. Однако есть и индивидуалистический персонализм (См.: *Рокитянский В. Р. Воплощённый персонализм Альберта Соболева // Электронный философский журнал Vox. 2021. № 34 (сент.). С. 75–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voploschennyy-personalizm-alberta-soboleva/viewer> (дата обращения: 30.09.2023).*

«мир идей» и структурируемого бытия вторичен по отношению к личности Бога, людей и монадам. Поэтому, несмотря на реализм и бытийность, признающие весь мир реальным, онтология в смысле платонизма и абстрактного идеализма («эллинизм») в целом не характерна для восточноевропейской философии. Собственно, личности и представляют связанное бытие, делая сам концепт бытия вторичным, хотя философы и не отказываются от признания бытийности. Создавший наиболее масштабную и оригинальную философскую систему русского персонализма, «иерархический персонализм», Н. О. Лосский писал: «В этой системе всякий субстанциальный деятель есть индивидуум, то есть единственный, своеобразный, незаменимый элемент мира... Всякий субстанциальный деятель (подобно монаде Лейбница) есть действительная или потенциальная личность»⁵⁸⁴.

Признавая объективность бытия, монадологический христианский персонализм по своей установке не является внешней объективистской философией. В каком бы варианте он ни рассматривался, материализма или идеализма, он вызван глубоко личным чувством и мистической интуицией. Особенно это касается русского персонализма по сравнению с персонализмом западным. Русская философия в идеале должна представлять собой монадологию, в которой весь мир персонализирован. И возникла русская профессиональная философия во второй половине XIX — начале XX века как монадологический неолейбницянский персонализм (Юркевич, Козлов, ранний Соловьёв, Лопатин, Астафьев, Лосский, Снегирёв, Трубецкие). В русской философской культуре в момент её появления преобладал православный персонализм, восходящий к византийской модели рационализма, признающей сверхрациональное и веру. Несмотря на то, что персонализм возник и частично экспортирован с Запада на русскую почву довольно поздно, во второй половине XIX века (как и поздно сложилась профессиональная философия в целом в России), он имеет древние предпосылки в православии, Священном Писании, православных духовных практиках (исихазм, например) и общении, славянском язычестве и народной культуре (как отмечал о. П. Флоренский), мифологии и преданиях, повседневном духовном опыте.

Монадология и является картиной мира, какой он должен быть «с изнанки», то есть изнутри, из истины, из трансцендентного, когда будет понятна внутренняя духовная природа предметов. Можно сказать, что христианский персонализм соборного, индивидуал-коллективистского типа повлиял и на современное богословие, хотя православное Писание и предание, учения Отцов Церкви бесспорно служат первичным источником для персонализма. Персонализм — своеобразный мостик в религиозную картину мира для современного человека. Это архаичное и фундаментальное мировоззрение, имеющее похожие конструкты в первобытном сознании и народной языческой мифологии разных народов, но весьма далёкое для современного вестернизированного человека с его естественной установкой, в которой он видит мир как мир материальных предметов, а не мир духов.

Только такое мировоззрение может претендовать на вселенский характер, быть понятным всем народам мира, что как раз позволяет ему выполнить мировую осевую роль. С чем, очевидно, не справился марксистский диалектический

⁵⁸⁴ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 72.

материализм и не справляются другие виды западной философии: неокантианство, феноменология, экзистенциализм, позитивизм, постмодернизм, субъективный идеализм, аналитическая философия, трансгуманизм.

Особенностью русского персонализма и монадологии называют взаимосвязанность, проникновение и объединение духовных единиц. Более того, сами индивидуальные единицы отчасти коллективны, части целого.

Здесь на шкале «индивидуальное — коллективное» в вопросе о степени коллективности личностей-монад в русской философии определились три позиции, представляющие её основные направления. Философия русского духовного персонализма за промежуток из трёх поколений смогла исследовать и сконструировать три варианта персонализма, между которыми необходимо сделать выбор:

- индивидуал-персонализм;
- персонализм всеединства;
- соборный персонализм.

Все три разновидности русского персонализма так или иначе ориентированы на православную традицию и в той или иной мере представляют соборный, а не изолированный вариант устройства духовных единиц и их объединений, поскольку дистанцированы от субъективного идеализма, эгоизма, внешнего объективизма.

Русский персонализм исходит из позиции сверхчеловеческого — святой или обожённой личности и Св. Писания, патристики, мистических практик, симфонической личности, а не из личности обычного изолированного земного индивида, его сознания, мышления, чувственности («человеческого, слишком человеческого»). Не является главным и сознание человека — это внешняя сторона внутреннего «Я». Речь не просто о приоритете личности над собственностью и внешними формами общества, и её автономии или превосходстве над внешними обстоятельствами, но о смысле личности особой, духовной, общественной, то есть сверхличности, связанной с образом народа, и с личностью Бога, с его Прообразом. Это позиция над текущими состояниями людей и общества, истории, придающая силу индивиду, а не его эгоцентрическая персона, под которой часто неверно понимают позицию персонализма.

1. Индивидуал-персонализм, или «критический индивидуализм», по Е. А. Боброву, формально являющийся своего рода версией западного персонализма и неолейбницианства, но на поверку оказывающийся оригинальным достижением русской цивилизации. Характерен для большей части первого поколения русских профессиональных философов XIX — начала XX века (кроме В. С. Соловьёва). Его не следует путать с некритическим индивидуализмом и субъективизмом западного человека, который нельзя назвать позицией русской философии даже для этого первого индивидуал-персоналистического направления. Хотя он и отстаивался материалистами-нигилистами типа Н. Г. Чернышевского под названием «разумного эгоизма», — это четвертое направление персоналистами традиционно отвергалось.

Персоналистская линия, связанная с акцентом на индивидуальной идентичности, выразилась наиболее ярко у П. Д. Юркевича, П. Е. Астафьева, Л. М. Лопатина, А. А. Козлова, В. А. Снегирёва, в какой-то мере Е. А. Боброва

и С. А. Аскольдова, творивших позднее. «Десятка» русских философов — персоналистов-интуитивистов — составила философский локомотив развития личностной рефлексии Русского мира как части восточноевропейской цивилизации, оставаясь в целом в рамках христианской религиозной традиции, если понимать её широко. У данных авторов чувствуется влияние западных источников монадологии и персонализма: Лейбниц, Лотце, Тайхмюллер. Ключевыми фигурами первого поколения стали: П. Д. Юркевич (учитель В. Соловьёва), А. А. Козлов (повлиял на Н. О. Лосского и С. А. Аскольдова) и Л. М. Лопатин.

Н. П. Ильин в «Трагедии русской философии» даже назвал это поколение, до Серебряного века, вершиной русской философии, однако с этим вряд ли можно согласиться. Это был промежуточный пик или базовый лагерь. В какой-то мере к этой позиции близок зрелый Н. А. Бердяев, отошедший от соловьёвской линии всеединства, однако всё же скорее склонный к христианской соборной версии персонализма, чем к индивидуализму. Индивидуал-персонализм, не обязательно в «некритической» материалистической или ницшеанской версии, популярен среди людей, склонных к преувеличению важности обывательско-буржуазного мышления, но стремящихся сохранить связь с религией. Однако не он стал главным достижением русской цивилизационной философии, её путь лежал далее — к собственным коллективным и соборным формам.

2. Прямой противоположностью индивидуал-персонализма является персонализм всеединства, который был создан В. С. Соловьёвым на втором этапе своего творчества и определил так называемую соловьёвскую линию русской философии. Несмотря на огромное влияние личности и идей этого философа на второе поколение русских философов и их отголоски у многих мыслителей Серебряного века, к соловьёвской линии всеединства принадлежит не так много его последователей. Основная идея — это то, что все личности человечества встроены в актуальную сверхличность, и реализация этого всеединства представляет собой суть истории. Наиболее полно эта мысль реализована В. С. Соловьёвым, о. С. Булгаковым и Л. П. Карсавиным.

Всеединство в чистом виде, как оно было реализовано у позднего В. С. Соловьёва, антиперсоналистично, безлично, антицивилизационно и находится уже за рамками персонализма. По сути, это пантеизм гностического типа, приближающийся к мистическому материализму.

То есть понимание личности только как присоединения к Сверхличности («симфонической личности» или какой-либо другой сверхличности) во всеединстве является гностическим и тоталитарным искажением, на деле оказывающимся рациональными технологиями массовизации и деперсонализации в пользу некоего принципа. Личности самостоятельны, то есть действуют как волевые духовные субстанциальные деятели, а не только как эмпирические индивидуальности, которым нужно влиться в Абсолют, что предлагал С. С. Хоружий вслед за Н. П. Карсавиным, В. Н. Лосским, считающих человека лишь «заданием о Личности», «предличностью» — недоличностью.

Смешение соборности личностей со сверхличностью является ключевой ошибкой в философиях нашего патриотического почвенного мировоззрения, вызывающей устойчивую неприязнь к «штампам», восходящей, с одной сторо-

ны, к идеологии тоталитарной версии марксизма и иных учений такого плана, направленных на подчинение и поглощение энергии личностей в массе (толпе), с другой стороны, технологий рациональности западного капитализма, лишаящих личности метафизической целостности и сводящих их к рациональному пакету и исполнителю предписаний общего разума и «чипированной» части мегамшины нейросети в перспективе.

Лишение эмпирических людей личного духовно-метафизического статуса является ошибкой. В то же время это не до конца удалённая онтология объективного идеализма — Сверхразума как мира идей, который обожествляется. Здесь в линии симфонического персонализма Л. П. Карсавина прослеживается гностическая линия софиологического всеединства, идущая от В. Соловьёва и его стойких последователей.

Однако и полный отрыв личности от Бога и личностей других людей метафизически невозможен, о чём говорит линия Августина — Декарта, так как связь с Богом через идею Бога или интуицию — условие реальности существования человеческой личности, они неизбежно встраиваются в сверхличности, или, в социальном или родовом варианте, коллективные личности. Однако не система всеединства, в наибольшей степени реализованная в работах о. С. Булгакова, стала главным достижением русского персонализма, а другое — среднее направление.

3. Соборный индивидуал-коллективистский персонализм как синтез индивидуал-персонализма и всеединства. Всё-таки более обоснованной и приемлемой является третья, средняя позиция, признающая метафизическую реальность конкретной личности и вообще монад как духовных сущностей, поскольку внутри личности — дух, который суть воля, но укореняющей её в Сверхличности, Личности Бога, и в общении с другими людьми и монадами. Социальная оболочка личности из актов общения также метафизична, поскольку общение имеет интуитивную основу, вместе это научная социальная концепция личности. Иными словами, внутренняя структура личности имеет внутри себя прообраз-сверхличность (архетип?), родовой или религиозный, однако она не слита с ним и отдельна. Внешняя же оболочка связана с эмпирической реальностью, которая, впрочем, также метафизична. Все монады самостоятельны и обладают свободой воли и собственным открытым путём, в том числе и отрицательным, тем не менее связаны в одно органическое целое.

Такова взвешенная позиция, соответствующая учению Н. О. Лосского и взглядам о. П. Флоренского, воспринимающих «Мир как органическое целое». Такой персонализм является действительно соборным, а не простой неотъемлемой частью сверхличности, и соответствует научной структуре личности осевого типа, в частности славянского или русского типа, или раннеиндоевропейского типа. В рамках русской философии личность возможна лишь как соборная, что не говорит о том, что личности нет как отдельной единицы.

Помимо Н. О. Лосского и о. П. Флоренского, к соборным персоналистам можно отнести Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, о. Г. Флоровского, В. Н. Лосского (с уклоном во всеединство), А. Ф. Лосева. Важное преимущество в том, что, в отличие от индивидуал-персонализма и коллективистского персонализма всеединства, соборный персонализм является философией свободной воли (см.

Н. О. Лосский «Свобода воли») и разновидностью волюнтаризма. Он не связан с каким-либо циклом бытия и контролем сверхличности. Любая онтология предполагает рамки системы бытия. Их нет в соборном персонализме. Он создаёт основу для открытой историософии и антропологии. Мощностью этой цивилизационной оптики — сверхсистемное видение мира.

В последние десятилетия отмечается рост интереса историков философии к русскому персонализму: появились десятки работ таких авторов, как С. М. Половинкин, М. А. Прасолов, И. В. Гребешев, С. А. Чурсанов, Н. П. Ильин, П. П. Гайдено, Ю. Б. Мелих, С. С. Хоружий, А. М. Малер, И. И. Евлампиев, и ряда других историков философии. Намечается своеобразное возрождение русского персонализма, которое, однако, требует не только историко-философского освоения наследия, но и развивающих его оригинальных работ.

*Три типа мировоззренческого мышления:
личностный, объективистский и релятивистский*

Философия как преимущественно западное явление выработала три типа мировоззренческого мышления: объективистское, субъективистско-релятивистское, личностное. Объективистское мышление произвело системы объективного идеализма, материализма, логики. Субъективизм создал субъективный идеализм, софистику, критицизм, солипсизм, релятивизм, скептицизм. В позднейшей форме он проявился в виде постмодернизма. И объективизм, и субъективизм представляют собой системы прогрессирующего западного рационализма, в котором мир структурируется разумом как предмет для воздействия человека — мир выступает конструктором разума и техники.

Наоборот, личностное мышление исходит из первичности личности как целого и иных, помимо мышления, психических функций: интуиции, воли, веры. Иногда такой подход называется гносеологией интуитивизма, но это лишь разновидность личностного мышления. Персоналистское мировоззрение изначально, до формирования развитой философии, строилось на особом типе мышления — личностном. Исторически именно личностное мышление было первичным по отношению к объективизму и софистическому релятивизму, возникшим из разложения ранней древнегреческой философии и мифологии, и сегодня фактически является таковым.

В личностном мышлении личности как мир духовных монад — центр философии. Личностное мышление построено по принципу диалога и видения других личностей и их позиций, ориентировано на межличностное общение. Отголоски его мы видим в ранних диалогах Платона. Мировоззренчески Восточная Европа остаётся преимущественно в личностном мышлении.

Н. А. Бердяев так писал о личностном мышлении, которое призвано избежать объективации: «Тайна существования, конкретного бытия исчезает в объекте, в процессе объективации. Отождествление “объективного” и “реального” есть величайшее заблуждение. Думают, что познавать — значит объективировать, т. е. делать чуждым, но подлинно познавать — значит делать близким, т. е. субъективировать, относить к существованию, раскрывающемуся

в субъекте, как существующем. Натуралистическое, объективно-предметное понятие бытия должно быть отвергнуто и заменено существованием, существующим, сущим. Феноменологию и можно понимать как науку о пережитом по ту сторону объекта. Общение с людьми, с животными, с растениями, с минералами не есть объективация, и тут раскрывается возможность иных путей познания.

Употребляя выражение “экзистенциальный субъект”, мы употребляем ещё гносеологическую терминологию. Это не окончательная терминология. Окончательная экзистенциальность достигается лишь тогда, когда субъект превращается в человеческую личность. Экзистенциальная философия есть персоналистическая философия... Мир объективации есть мир падший, мир заколдованный, мир явлений, а не существующих существ»⁵⁸⁵.

Другая разновидность личностного мышления — это волюнтаризм, который иногда ошибочно относят к личному субъективизму, на самом деле речь об интерсубъективном цивилизационном явлении. Воля — основа духа и духовности, без неё нет духа, нет и исторического выбора и творчества. Современный психолог, тренер и мыслитель О. В. Бахтияров в работе «Цивилизация воли», под которой им имеется в виду Россия и будущая цивилизация мира, отметил связь осевой цивилизации, её качественной исторической изменчивости, с волюнтаризмом как системным свойством, операциональным кодом: «Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание разных моделей... Россия — самая большая страна не только по своей территории, но и по исторической вместимости. Она не столько двигалась вперёд во времени, сколько испытывала всё новые и новые варианты человеческой участи»⁵⁸⁶.

Главным средством познания в личностном мышлении является интуиция в её разновидностях. В интуиции свойства предмета и сам предмет познания уже как бы даны. Личностное мышление, имея приоритет в мировоззрении, не отменяет и не заменяет объективистское в сфере науки, техники и управлении обществом.

Роль сверхрационального в человеке — Логос против рацио

Личностное мышление оперирует не искусственными конструктами ограниченного человеческого мышления (понятиями, терминами), а «логосами» — целостными конструктами, в которых видится духовная сущность предмета. В связи с отвержением рационалистического пути западной философии, «настраивающей» конструкции самостоятельного разума, призванного управлять личностью и поведением человека в отношении с другими людьми, в структуре личности, описанной нами выше, когда личность имеет расширенные границы, которые ничем, кроме рациональности, не удерживаются, и в противополож-

⁵⁸⁵ Бердяев Н. А. Я и мир объектов // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 250–254.

⁵⁸⁶ Бахтияров О. В. Размышления о цивилизации воли // Развитие и экономика. 2015. № 13. С. 108.

ность этому русская философия приобрела и такое качество, как «логизм»⁵⁸⁷, от понятия библейского Божественного Логоса, то есть Благодати, или одного из её проявлений, больше соответствующей структуре личности восточноевропейского человека, в которой рациональность не играет регулирующей роли, а внутренняя интуиция является ведущей функцией.

«Логизм», в отличие от рационализма и иррационализма, ориентирован на рациональность в подчинённом Вере положении и является альтернативным мышлением. Такая традиция возникла в библейскую эпоху и поддерживалась патристической и средневековой христианской традицией. Однако в дальнейшем удельный вес рационализма в ней возрастал и привёл к её разложению на Западе. На Востоке Европы этот процесс рационалистического разложения был заморожен и воспринимался как импортированный с Запада и чуждый изначальному «логизму», так как сохранялись прежние условия и структуры «сжатой» уравновешенной личности, более ориентированные на Божественный Логос, проявляющийся напрямую через внутреннюю личность и интуицию в слова и суждения, минуя рационалистическую тотальность. Тем самым происходит естественное «обнуление» европейского рационализма как минимум до Декарта (включительно, скорее всего), как-то ещё связывавшего человека и его мышление с Божественным Логосом, но уже ставящего мышление, структурирующее личность, между личностью и Богом. С программными работами о логосе как альтернативе рации выступили С. Н. Трубецкой и В. Ф. Эрн.

Важным материалом для понимания особенностей русской философии в её поисках идентичности и типа восточноевропейского человека служит статья одного из первых профессиональных русских философов, профессора и декана Московского университета, по происхождению малоросса из малороссийской священнической среды, П. Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека...». Это первая его крупная работа, опубликованная ещё в Киевской духовной академии и опирающаяся на хорошо известные библейские цитаты, является программной для формирующейся русской философии и для самого автора. Недаром она вызвала интерес молодого В. С. Соловьёва и была почти полностью им перепечатана, чтобы сделать её доступной читателям, в своей статье памяти П. Д. Юркевича⁵⁸⁸ («О философских трудах П. Д. Юркевича»). Статья малороссийского провинциального философа почти без ссылок на западный философский мейнстрим тем более важна для понимания восточноевропейского мышления как его типичный вариант. Объектом критики П. Д. Юркевича, как, скажем, и И. В. Киреевского, является западный рационализм, прежде всего немецкой классической философии, постулирующий самодостаточность («самоза-

⁵⁸⁷ Термин «логизм» как свойство русской философии введён В. Ф. Эрном в противоположность рационализму, меонизму и другим недостаткам западной философии. Логизм в платоновском смысле, как причастность миру идей, не является адекватной формулой восточноевропейской личности, так как скатывается к тому же западному рационализму, поскольку граница между эллинским логосом и нововременным западным рации во многом иллюзорна. В этом смысле решение Эрна не является достаточным.

⁵⁸⁸ См.: Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. 669 с.

коние») разума: «Самозаконие не свойственно разуму ни в каком смысле. Между явлениями и действиями души разум имеет значение света, которым озаряется не им положенная, но Богом созданная жизнь человеческого духа с Богом данными законами. Жизнь духовная зарождается прежде и раньше этого света разума — во мраке и темноте, то есть глубинах, не доступных для нашего ограниченного взора»⁵⁸⁹. Именно этот свет Логоса даёт основу логосам личностного мышления. Речь идёт не об отрицании роли разума, а разума как самостоятельного центра личности. Западному человеку кажется, что без ведущей роли разума и мышления личность теряет свои границы и свою социальность как цивилизованность. Наоборот, структура личности постулируется сверхрационально. Согласно Юркевичу, «как в мышлении, так и в его телесном органе душа не являет себя во всей неделимости и полноте своего богатого существа... Мир открывается первое всего для глубокого сердца»⁵⁹⁰.

Согласно П. Д. Юркевичу, который следует библейским текстам и христианской традиции, центр души человека связан с работой сердца. Сердце — орган внутренней души, через который действует и открывается Божий образ: «в человеческой душе есть нечто первоначальное, и простое, есть потаённый сердца человек, есть глубина сердца»⁵⁹¹. Именно он обеспечивает единство сознания. «Сердцу даются быстрые откровения, а разуму — медленные» (Евангелие от Луки). Данное свойство Юркевич называет «задушевностью», тем, что находится «за душой», то есть держит её. Таким образом понятая структура личности и направленность психики соответствуют многочисленным указаниям философов, психологов, обществоведов на психические особенности славян по сравнению с западными людьми, у которых на первое место вышла разумная воля, а у славян сверхразумная, а именно «сердечная». На наш взгляд, здесь ключ и к эпилептоидности как взрывной энергии сердца в поступках, которая приходит очень быстро как взрыв, и внешней терпеливости, апатии, неподвижности рациональных социальных проявлений, склонности к их игнорированию как несущественного.

Историософия цивилизаций. Мессианство как черта самосознания осевого человека

Историософия и философия истории России и Восточной Европы содержат наиболее обширное мировоззренческое наследие — по сравнению с метафизикой и антропологией, возникшими сравнительно поздно в академической среде и сравнительно малоизвестными широкой публике.

Русская историософия появилась в XI веке и достигла начала своего расцвета в XVI–XVII веках. Она конституировалась как православная мессианско-эсхатологическая мысль, которая видела Россию и Восточную Европу как последний бастион христианства на фоне погружающегося во тьму мира (послания Филофея — идея Третьего Рима), Письма Ивана Грозного, «Синописис», послания

⁵⁸⁹ Юркевич П. Д. Философские произведения... С. 87.

⁵⁹⁰ Там же. С. 82.

⁵⁹¹ Там же. С. 89.

протопопа Аввакума. В православной традиции мировая ось проходит через Церковь, её храмы, личности верующих и исходит от Бога и связана с функцией Удерживающего. Утрата оси означает мессианские ожидания конца мира. Вместе с тем русская историософия, противопоставляя русско-православную цивилизацию и Запад, более склонялась к множественности цивилизаций при сохранении единства истории мира.

Новый облик русская историософия получила в трудах русских мыслителей XIX века: Хомякова («Семирамида»), Данилевского («Россия и Европа»), Стрехова («Борьба с Западом»), Леонтьева («Византизм и славянство»), Соловьёва («Три разговора», «Россия и Вселенская церковь»), Ламанского («Три мира...»), Фёдорова («Философия общего дела»), Чаадаева («Философические письма»). Многие из этих работ затронуты в других разделах там, где они касаются темы цивилизации ВЕ. В XX веке появились историософские работы Бердяева, Булгакова, Эрн, Мережковского, Ильина, Карсавина, Шестова, Трубецких, евразийцев, космистов (Вернадский, Чижевский, Циолковский) и многих других авторов.

Следует отметить логическую связь историософии цивилизаций с персонализмом. О связи персонализма с теорией цивилизаций Н. Я. Данилевского написано у С. М. Половинкина в работе «Русский персонализм»⁵⁹², в которой культурно-исторически тип предстаёт действующим коллективным субъектом истории. Конечно же, за типом людей стоит личность. Исходя из личностной теории цивилизаций как типов нужно строить теорию цивилизации, притом понимая, что цивилизация гораздо более сложная коллективная структура, чем воля отдельной личности и даже чем общество.

Историософия мессианского типа, наконец, стала идеей восточноевропейской русской формы материалистического социализма и марксизма, что многократно увеличило её пробивную политическую мощь, внутреннее и международное влияние по сравнению с православными и языческими версиями старой русской историософии.

Ключевую позицию среди направлений в ней занял большевизм, обозначаемый как марксизм-ленинизм и сталинизм. В основе философии русского коммунизма (большевизма) лежит вера в реальность коммунизма и социализма как земного варианта рая. Большевизм содержит ясные ответы в светском позитивистском ключе на практические и теоретические историко-философские вопросы.

В традиции научной и материалистической Россия и Восточная Европа становятся одним из центров мировой истории, создающим свой собственный вектор развития мира в более справедливом обществе. Такова историософия большевизма. Русская историософия подготовила реальный социализм СССР. Историософия воспринимала ВЕ как особое место, с особой миссией, но при этом не претендующее на руководство всем миром. Характер избранности — избранность особой позитивной жертвы, жертвенность победителя.

⁵⁹² См.: Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: Синтаксис, 2020. С. 111–112. Глава «Персонализация истории у Н. Я. Данилевского».

В 1920-е годы русский большевизм дополнился многоцивилизационным компонентом — учением об освобождении угнетённых западными колонизаторами-капиталистами народов Востока, прежде всего Китая, Индии, Индокитая, Ирана, и направил их по социалистическому пути, но с учётом их аграрно-крестьянской традиции. СССР начал оказывать помощь китайским национальным революционным силам в создании социалистического Китая на основе Гоминьдана, а затем КПК, что стало проектом реальной полицентричности мира. Большевизм стал историософией и практикой полицентрического мира. Он слился с идеей и практической властью Советов (советизмом) как вариантом соборности (коллективизма) в устройстве политической системы, альтернативной диктатуре капитала с его тайными обществами, заговорами и группами давления, стоящими за демократией. Большевизм породил массу откликов и заимствований на Востоке (маоизм) и Западе (национал-большевизм Германии).

В отличие от социал-демократии и разных версий левого радикализма, большевизм отличался жёсткой практической хваткой и последовательностью в утверждении социализма и социалистического способа производства, социальной структуры, что показал сталинизм, построивший его за 2–3 десятилетия.

Большевизм вытеснил и уничтожил все другие разновидности русской цивилизационной философии, подрубив под своим детищем — социализмом — метафизический корень, связывающий его с мировой осью, превратив социализм в игру материально мотивированных сил.

Основная проблема русской философии по созданию самосознания цивилизации так и не была удовлетворительно разрешена в силу как политических причин («философский пароход» и ГУЛАГ, тотальная вестернизация 1990-х гг.), так и культурно-исторических (тупик религиозно-философского ренессанса Серебряного века). Правящие группы России и СССР с большим опасением смотрели на подобные изыскания, противоречащие официальным западничским «цивилизованным» установкам, а также напоминающие о попытках подобрать идеологические ключи к «почве» или народу.

Здесь была изложена лишь одна из версий цивилизационной оптики ВЕ, которая автору представляется наиболее обоснованной и магистральной, но она не исчерпывает всего многообразия мыслителей, работ и направлений.

РАЗДЕЛ 5

Реальный социализм как развитая форма восточноевропейской цивилизации.

Зрелость или прелюдия к сверхчеловеческому?

Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками...

Он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде из большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя ...из того, что я называю человеческой коммунальностью.

А. А. Зиновьев. Коммунизм как реальность

5.1. Социализм — формация или цивилизация?

Вопрос о реальном социализме в Восточной Европе является ключевым для практического анализа и синтеза осевой цивилизации, в отличие от любых теорий и проектов. Осевая цивилизация — цивилизация реального, не имитируемого перехода в новое состояние мира. Поэтому вопрос о новом мире именно практический. Социализм СССР и Восточного блока — прелюдия к будущему социальному строю в большинстве стран мира? Или случайность, тупик развития? Ответ, скорее всего, в пользу первого.

Споры вокруг сущности реального социализма и его связи с социалистической и коммунистической идеологией левого или правого толка продолжают до сих пор. В основном они сводятся к попыткам дискредитировать или, наоборот, отстоять советский социализм, с русской компонентой, как С. Кара-Мурза, или как советский народ, порвавший с национальной основой и религиями, как А. Лазаревич, либо показать его противоречивость с элементами позитивной оценки, как А. Зиновьев, либо подтвердить левое социалистическое мировоззрение в целом.

К сожалению, большинство трактовок советского периода истории и событий 1917 года обществоведами и публицистами «затеняют» различными частностями смысл социализма как формы цивилизации. Проблема понимания реального социализма усугубляется тем, что его глубокое исследование было не нужно ни его властителям, ни врагам. И те и другие боялись раскрытия его сущности как мировоззренчески неприемлемой тайны о человеке.

В этом разделе автор попытается дать взвешенное понимание социализма с точки зрения цивилизационной теории и теории восточноевропейской осевой цивилизации, произведя его теоретическую реконструкцию.

Прежде всего, что такое социализм в аутентичном понимании его сторонников? В коммунистической и радикальной левой идеологии социализм рассматривался как особый неизбежный этап развития человечества, первая фаза высшей и неопределённо долго существующей коммунистической общественно-экономической формации, следующий за капиталистической общественно-экономической формацией.

Например, согласно каноническому советскому марксистскому словарю «Научный коммунизм» (1983), социализм — «первая, низшая фаза, ступень коммунизма как общественно-экономической формации, которая “после долгих мук родов” (К. Маркс), т. е. после социалистической революции, переходного периода от капитализма к социализму, непосредственно приходит на смену капитализму в результате ликвидации эксплуататорских классов и утверждения общественной социалистической собственности на средства производства во всех секторах народного хозяйства. Социализм — общество, которое “только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18). Отдельные страны и народы, опираясь на социалистическое содружество, переходят к социализму от докапиталистических форм общественной жизни, минуя капитализм»⁵⁹³. Как мы видим, согласно воззрениям самих коммунистов, социализм вполне совместим с другими цивилизациями и их укладами.

Для доказательства тезиса о наступлении социализма, который, впрочем, недоказуем, а является актом мировоззренческой воли, научными коммунистами использовались различные признаки: обобществление экономики и других сфер общества, развитие коллективных производительных сил и личности, создание нового лишённого частной собственности правящего слоя — создателя социализма. Все эти предпосылки имели и имеют место и при капитализме. Например, в модели цифрового инклюзивного капитализма с контролем, распределением, ограничением частной и даже личной собственности, что говорит в пользу развития человечества по пути социализма, но не доказывает его неизбежности. Как, например, изобретение интернета, больших данных и интернета вещей сложно трактовать как неизбежность социализма либо посткапиталистического общества.

В то же время в социал-демократических идеологиях социализм рассматривался как путь развития, направление движения, или как свойство общества, его подсистема, которая может быть совмещена с капитализмом (социалистический уклад экономики, социальное государство)⁵⁹⁴. Поэтому часто социализм

⁵⁹³ Научный коммунизм. Словарь / Под ред. А. М. Румянцева. 4-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 287. Цит.: URL: <http://tapemark.narod.ru/kommunizm/v-dannyje.html> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵⁹⁴ «Оппортунистический» социал-демократический подход к реальному социализму как процессу или укладу, подсистеме оказался актуальным не только по отношению к «социалистическим» элементам устройства западных капиталистических стран, социалистическая природа которых является более чем спорной, но и к странам реального социализма, таким как Китай и Вьетнам, которые совмещают социализм и капитализм, а также экономическое взаимодействие с мировой капиталистической системой по её правилам.

понимался именно как капиталистический евросоциализм, построенный на частичных социалистических изменениях капитализма, а реальный социализм Восточной Европы назывался «коммунизмом». В частности, так определил его крупнейший исследователь А. Зиновьев⁵⁹⁵.

Но в чём различие социал-демократического социализма как пути социального государства и развития общества и коммунизма? Уже в первые десятилетия существования советского социализма, в 1930-е годы, вопреки социал-демократической идеологии, европейские интеллектуалы поняли, что в лице СССР имеют дело с новой оригинальной цивилизацией, созданной сверхсистемной силой — коммунистической партией нового типа, похожей на сверхсистемные или анти-системные образования более ранних времён (религиозные ордена, тайные общества). С. и Б. Вебб, британские левые интеллектуалы, вопрошали в одноимённой книге «Советский коммунизм — новая цивилизация» (1935): «Есть ли это новое явление в мире и каковы его характерные черты?»⁵⁹⁶ — и отвечали на этот вопрос утвердительно, ссылаясь именно на социально-политическую систему СССР с Советами и партией нового типа, являющуюся источником коммунизма как цивилизации: «Мы уже указывали в начале этой главы, что ВКП(б) по своей структуре и по некоторым своим наиболее характерным особенностям имеет определенное сходство с религиозными орденами, создававшимися в прошлые века на основе буддизма, христианства и других мировых религий. Она доподлинно находится вне легальной конституции “светского” государства и внешне независима от него»⁵⁹⁷. Творец-субъект построения социализма как квазирелигиозное общество — существенная черта, ключик к самому социализму как к метапроекту, особой цивилизации.

Научное изучение феномена реального социализма пока ещё фрагментарно, несмотря на наличие в СССР дисциплины с названием «научный коммунизм» с большой традицией. Термин «научный коммунизм» (кратко НК) как в качестве

⁵⁹⁵ Цит: Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf> (дата обращения: 30.09.2023). А. Зиновьев назвал социализм в СССР коммунизмом, следуя за западной системой общественно-политической терминологии, различавшей социалистов и коммунистов и, соответственно, их социальные системы. На наш взгляд, называть реальный социализм коммунизмом — это неправильно с точки зрения логики, так как социализм не был коммунизмом и не мог им быть по определению: у Зиновьева имела место сознательно и цинично введённая логическая ошибка (у известного-то логика это не могло произойти случайно!), обеспечившая успех его концепции в «коммунальной» борьбе идей и интеллектуалов. Зиновьев понимал, что, назвав общество в СССР социализмом, он, скорее всего, лишится козырей радикальности теории (коммунизм, конечно, радикальнее) и приобретёт недоброжелателей в среде социал-демократов и левых, которые не хотели бы смешивать свою деятельность с тоталитаризмом.

⁵⁹⁶ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм — новая цивилизация? Т. 1, 2. Цит.: Сидней и Беатрис Вебб. С. 409–410. С. Вебб — крупный политический деятель Великобритании, участие которого в контактах с СССР отнюдь не случайно. Причина? — Попытка британской олигархии вернуть контроль над российской историей.

⁵⁹⁷ Там же. Интересно указание на внеправовой характер структур цивилизационной сверхволи — коммунистической партии.

обозначения учебной и научной дисциплины употребляется в СССР с 1963 года⁵⁹⁸, хотя история этого термина и дисциплины старше — с конца XIX века.

Несмотря на специальное развитие идеологических и научных или якобы научных мировоззренческих оптик, суть социализма оставалась недостаточно понятной даже его весьма информированным руководителям, наследникам и «перестраивателям». Например, широко известна фраза председателя КГБ СССР и генсека КПСС Ю. Андропова, на самом деле запустившего процесс самоликвидации реального социализма⁵⁹⁹, сказанная накануне перестройки (завершающей фазы ликвидации социализма) в знаменательной теоретической статье 1983 года: «Мы ещё до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические... Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁶⁰⁰. Это признание критики социализма потом переделали в сакраментальную фразу «мы не знаем общества, в котором живём».

Та же мысль поэтически выражена О. Мандельштамом в стихотворении о правящей большевистской номенклатуре и Сталине (1933), за которое он заплатил жизнью: «Мы живём, под собою не чуя страны». Ситуация, в которой постоянно находилась верхушка правящей номенклатуры социалистических обществ, и сам характер социалистического общества во многом объясняют это трагическое событие — знать природу социализма нельзя, опасно.

Также непонимание сути социализма связано с проблемами односторонности имевшейся в наличии мировоззренческой оптики социалистической цивилизации, в качестве которой монопольно выступал марксизм-ленинизм — советская разновидность марксизма, построенная на модели западного рационал-детерминизма и объективизма, что не позволяет понять другое, новое общество, отчасти созданное вопреки детерминизму на основе действия свободной воли.

По мнению современного исследователя социалистической цивилизации А. Лазаревича: «На самом деле это была великая цивилизационная “мутация”, приведшая к возникновению цивилизации совершенно нового типа, впервые в истории человечества основанной не на религии, а на научном мировоззрении, цивилизации намного опередившей своё время и потому до сих пор во многом невостребованной, ибо параллельно с построением индустриального общества она также закладывала основы общества постиндустриального»⁶⁰¹. В этой фразе

⁵⁹⁸ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм — новая цивилизация? С. 409–410.

⁵⁹⁹ Вероятно, развал социализма не был целью Ю. А. Андропова и его группировки, а речь шла о каком-то варианте односторонней конвергенции социализма с западной системой. См.: *Островский А.* Кто поставил Горбачёва? М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 541 с.

⁶⁰⁰ Цит. по: *Трушков В.* Надо трезво представлять, где мы находимся // Правда. 2014. 10–16 июня. URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2014/61/article-47915/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶⁰¹ *Лазаревич А.* Советия. Размышления о происхождении, истории и будущем советской цивилизации, её нынешнем кризисе и путях выхода из неё [Электронный ресурс]. М., 2001. URL: http://technocsm.narod.ru/k2f/Sovietia_1.htm (дата обращения: 14.09.2023).

интересно слово «мутация», которое показывает некое отклонение от линии оси мировой истории, магистрали истории Восточной Европы, в попытке её «достроить». Второй момент — отказ от системы прообразов религий в создании типа цивилизации.

Как мы видим, социализм считался и цивилизацией, и формацией. В то же время он не подходит ни под одно, ни под другое из этих понятий. Как выйти из этой апории? Нужно признать, что формация не существует сама по себе отдельно от разных цивилизаций, а есть лишь заимствуемая форма цивилизаций.

Социализм как социально-экономический уклад — начало новой формации

Новая общественно-экономическая формация возникает не повсеместно и сразу, а первоначально лишь в одной из цивилизаций в качестве социально-экономического уклада, и не обязательно должна иметь в других цивилизациях именно такой вид и набор черт, как в этой форме. Монизм диалектики Маркса, предрекавшей всеобщее наступление социализма, в более близкой к реальности историософии социализма корректируется плюрализмом человеческих цивилизаций, осью которых выступила Россия.

Иными словами, социализм как общество планируемой экономики и справедливости с общественной собственностью возникает первоначально как хозяйственный или общественно-хозяйственный уклад или цепочка следующих друг за другом укладов в одной из наиболее расположенных к нему цивилизаций, а именно — России. Социалистическими укладами могут быть и государственный общенародный уклад с крупной собственностью, и коллективный (артельный, кооперативный уклад), когда собственником является группа лиц. Первоначально, в 1920-е годы, социалистические уклады охватывали менее половины работающего населения СССР. Несмотря на то, что в России до революции 1917 года уклады с крупной государственной и частной собственностью не были численно господствующими, хотя и занимали ключевые позиции в экономике, тем не менее рассматриваемая нами форма социалистической цивилизации была быстро и весьма специфически сконструирована в России в период внутреннего и мирового кризиса менее чем за 20 лет. Как известно из хрестоматийной социалистической теории, капитализм создаёт проявления обобществления техники и социальных связей, что является предпосылкой социализма либо даже вариантами подчинённых социалистических укладов. Но создание новой формации, соответствующей обобществлению производства и социальной жизни, — волевой сверхисторический акт разрыва, который происходит не везде, а там, где этот акт соответствует сути общества. Поэтому социализм вырастает не из западного капитализма, не в его холодном сердце, метрополии, и не в изуродованной им колониальной периферии мира-экономики, а в другой, но близкой цивилизации, в своём альтер эго, которая, впрочем, тоже периферия Запада, но самостоятельная, огнедышащая внутри. В. И. Ленин называл Россию «слабым звеном в цепи империализма», имея

в виду, конечно, не изначальную склонность русских к социализму, а обилие противоречий и отсталость капитализма в России, притом в одной из великих держав. К этой ситуации вождь большевиков готовился ещё за несколько лет до революции в России: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свержая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, ещё не перешедших к социализму»⁶⁰², — писал В. И. Ленин в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы»⁶⁰³ (1914).

То есть в ленинской теории «слабого звена» важным фактором победы социалистической революции в отдельной стране было наличие не оригинальной цивилизации (это Ленин в той или иной мере понимал в отношении России, но не считал нужным включать в идеологию марксизма⁶⁰⁴), а своего геополитического и экономического мира в состоянии сильного революционного кризиса, который позволял бы первичному социализму противостоять западным капиталистическим империям, пока революция не будет направлена на них. Так или иначе, снизу или сверху, но радикальная социальная революция в крупной империи является условием перехода к социалистической форме цивилизации. Итак, три фактора: цивилизационная оригинальность, включающая склонность к социализму, самостоятельность и сила, жёсткий и глубокий революционный кризис — условия появления социализма.

⁶⁰² Ленин В. И. О лозунге Соединённых Штатов Европы / Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 354–355. Цит.: URL: <http://uaio.ru/vil/26.htm#s13> (дата обращения: 30.09.2023). На данную тему в советском марксизме существует обширная библиография, выводящая на проблематику антиколониализма и освобождения незападных цивилизаций.

⁶⁰³ Лозунг Соединённых Штатов Европы — предшественник идеи современного Евросоюза. В. И. Ленин, как следует из текста статьи, относился к лозунгу Соединённых Штатов Европы отрицательно, считая, что реализация этого глобалистского проекта западных империалистов затруднит переход любых стран к социализму. В этом вопросе Ленин оказался пророчески и логически прав, поскольку Евросоюз в любом варианте оказывался врагом и социализма, и России, и самих народов стран Европы, что показывает свёртывание социального государства в странах ЕС и реализация трансгуманистической повестки.

⁶⁰⁴ Хотя бы как «азиатчину» или многоукладность. Будучи «ортодоксом» марксизма, Ленин был противником теории цивилизаций как не вписывающейся в марксизм. Но при этом обладал практической обществоведческой проницательностью.

5.2. Социализм — развитая цивилизационная форма Восточной Европы

Русский коммунизм более традиционен, чем обыкновенно думают, и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи.

Н. А. Бердяев.

Истоки и смысл русского коммунизма

Определение социализма в ВЕ

На наш взгляд, социализм в Восточной Европе явился в первую очередь *весьма специфической и в то же время развитой (мировой) формой восточноевропейской славянской осевой цивилизации*. Для понимания социализма как формы русской, славянской, шире, восточноевропейской цивилизации, важно раскрыть слова:

- 1) «весьма специфическая»;
- 2) «развитая, мировая (глобальная) форма цивилизации»;
- 3) «социализм как формация, цивилизация и уклад», то есть соединение цивилизационного подхода с формационным подходом, с общемировой логикой истории в её светском, объективно-рационалистическом варианте «научного коммунизма».

Учёт собственной общеисторической формационной логики «научного коммунизма» важен для понимания социализма как явления отдельной цивилизации, в которой реализовалась логика чистой социальности человека — такого человека, каков он есть, в его усреднённом, приземлённом, даже, не побоимся сказать, «профанированном» варианте осевого человека, для чего как раз и подходит славянская личность, сочетающая высокую открытую метафизику и бытовое убожество, юродство, подчинённость социальной системе. Хотя социализм в оптике «научного коммунизма», конечно, нельзя воспринимать некритически «за чистую монету».

Рассмотрим названные черты понятия реального социализма.

Специфичность социализма как формы цивилизации связана с его резким революционным отрывом от предшествующих форм русской славянской цивилизации

Отрыв был совершён под влиянием нигилистической просветительской идеологии в её крайней марксистско-коммунистической форме. Социализм — это крушение, ломка, волюнтаризм, многоэтапная социальная революция, диктатура низов и сверхсистемно-антисистемной партии большевиков, переходящая в строительство цивилизации на новых основаниях.

Особенно это заметно по сравнению с предшествующей развитой православной формой русской цивилизации. А православная самодержавная Россия — это развитая специфическая форма цивилизации России начиная с XVI–XVII веков, пришедшая в свою очередь на смену двоеверческой православно-языческой

общинной цивилизации Древней Руси и ещё более ранней языческо-родовой форме цивилизации праславянского периода, идущей от культур шнуровой керамики.

Изломанность восточноевропейской цивилизации в социализме: борьба с религиями и государственный атеизм, ликвидация и резкое изменение статуса традиционных сословий, ликвидация господствующего класса, административное принуждение к труду и фискальный прессинг широких масс трудящихся, репрессии по отношению к социальным слоям, включая и новый господствующий слой номенклатуры, непрерывная ситуация военной мобилизации, тотальное планирование, ускорение всех процессов развития за счёт поглощения человеческой энергии этносов, жертвование человеческим материалом в войнах и труде, демонические черты лидерства и конкретных лидеров социалистических стран (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, И. Тито, Н. Чаушеску, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Ким Ир Сен и другие вожди, воплотившие в себе прообраз духа социализма).

Реальный социализм не мог не иметь определённого инфернального сатанинского недочеловеческого — идола-человеческого «душка» — падшего духа, в котором обычно упрекают его критики с позиции православно-самодержавной России. Да, они правы, он очень сильно проявился. Впрочем, он существовал и в другие периоды России, и в других странах тоже, что не является исключением именно социализма или тоталитаризма. Определил ли падший дух весь реальный социализм Восточной Европы, сделав его худшим злом, как продукт и эксперимент нигилизма, как это утверждают его противники? Думаем, что нет. Излишняя демонизация социализма не имеет под собой оснований. Социализм Восточной Европы — человеческий, «слишком человеческий», а не демонический продукт. Это продукт общества как такового, сконцентрированного на себе, на материальной социальности, носящей падший и ветхий характер. Буржуазность пролетарских и мелкобуржуазных социалистических движений отмечали многие их критики. Но всё же социализм сконцентрирован не на материализме вещей и не на утилитарном материализме, в чём обычно справедливо обвиняют капитализм, зацикленный в социальности.

Социализм — не фиксация на низшем, материальном. Социализм — социальность, коллективная природа личности и общества, которая нематериальна и находится в иерархии ценностей выше материальной обусловленности. Поэтому социализм не мог развалиться из-за своих материальных проблем, он развалился из-за проблем социальных и личностных.

Просто социализм оказался сгустком негативных и позитивных крайностей общества и личностей, уравновешивающих друг друга, в которых проявилось осевое движение осевой цивилизации, вращение вокруг оси и движение вдоль оси вперёд.

Всё это предопределило искажённую и недолговечную форму социализма, слабо фундированную в традиции своей цивилизации. К тому же это был эксперимент по созданию новой цивилизационной формы, который хотя и имел основу в цивилизации и предшествующих укладах, а также имел текущие кризисные предпосылки, вызывавшие социалистическую революцию 1917–1930 гг.

(структурно-демографический кризис традиционной аграрной цивилизации России и ряда других народов Восточной Европы, мобилизацию в борьбе с геополитическими врагами), тем не менее определялся не ими, а свободным творчеством. Но социализм содержал очень высокие внутренние и внешние риски «обвала», которые и реализовались к 1991 году.

Однако создание развитых форм цивилизации с новым укладом и формацией жизни всегда связано с экспериментальными рисками «неудачности» и жертвами, за счёт которых аккумулируется энергия перехода в иное качество.

Цивилизация — акты воли, и даже акты сверхволи, а не реализации причин объективной необходимости. Поэтому они творят нечто непохожее и соприкасающееся с ничто, с бездной. Эта соприкосновение неизбежно для любых сил, как народных, так и антинародных. При создании социализма в России большую роль играла негативная идеология и репрессивная практика антисистемных политических сил, к которым принадлежали и большевики на начальном этапе становления социализма (до середины 1930-х годов) до смены старой ленинской гвардии. В результате социализм как система получил на себе огромный нигилистический след в виде институционального и духовного принуждения, который со временем и совлёк его в небытиё.

Социализм как вариант цивилизации был лишён метафизического основания в главной осевой религии — христианстве, более того, противопоставлял себя ей в виде репрессивно внедрявшейся идеологии атеизма Просвещения по образцу развитого западного капитализма, ошибочно считая просветительскую позицию культы разума и атеизма предпосылкой социалистической формации, в то время как это было лишь специфическим проявлением буржуазности западной цивилизации, а не формации коммунизма.

Равно как и постулирование идеологией марксизма фактора логики экономического и классового развития западной буржуазной цивилизации — в качестве главной причинной предпосылки социализма, вместо собственной, внутренней предпосылки социализма как сверхволи, которая в итоге восприняла свою миссию нового общества через отчуждённую западную форму идеологии и практики. В результате собственный путь социализма Восточной Европы измерялся по его цивилизационному противнику — капитализму, что ещё более усилило риск падения.

Социализм — полностью развитая универсальная мировая форма цивилизации Восточной Европы

Что значит «развитая мировая» форма восточноевропейской цивилизации применительно к социализму? Развитая форма означает высокоорганизованную объединённую дифференцированную форму цивилизации на всех уровнях, прежде всего уровне общества, при этом оригинальную по отношению к другим цивилизациям. Такими качествами оригинальности по отношению к капитализму и традиционным обществам и обладал социализм в СССР, по А. А. Зиновьеву.

Как говорилось в методологическом вступлении, локальная цивилизация — оксюморон, потому что даже самая маленькая и простая цивилизация внутри себя универсальна и глобальна. Развитая форма отдельной «локальной» цивилизации так или иначе становится глобальной и универсальной по своей форме, то есть стремится обрести универсальную форму цивилизации вообще, что позволяет расширить узкие этнические рамки за пределы культуры народов, составляющих её основу, к культуре универсальной, втягивая в неё народы других цивилизаций. Это происходит в ходе революции и разрушения традиционного строя, присущего данному типу человека и общества.

Согласно Н. Я. Данилевскому, на определённом этапе цветения и плодоношения этнический культурно-исторический тип превращается в цивилизацию, создавая именно развитую форму своего типа. По его мнению, славянские народы как носители оригинального типа вступили в фазу цивилизации довольно поздно — в XIX веке. Для России вторая половина XIX века дала очевидный расцвет культуры, обещавший на момент формулировки Данилевским своей теории (1869) обильные плоды. Однако речь скорее шла не о новой, другой цивилизации, а о богатой национальной культуре русского и других славянских народов, которая тем не менее не достигла к концу XIX века всей своей мощи и широты влияния.

Расцвет культурных форм в Старой России не означает вершины зрелости цивилизации. Это форма движения, подготовки этого расцвета, который был чреват социальной революцией: «Русская литература XIX века свидетельствует о совершающейся внутренней революции, о надвигающейся революции»⁶⁰⁵, — Н. А. Бердяев выразил тем самым лишь общее мнение философов о русской литературе и общественной мысли. Выход цивилизации в стадию зрелости является внутренним революционным процессом, но часто сопряжённым с международными влияниями и задачами. Жестокую революцию в России считают диверсией западного империализма (Британии, США, Германии, финансовых кругов), однако это искажённое понимание её внешней международной стороны, заикленное на действительном влиянии внешних сил, пытавшихся её возглавить и использовать. Это в конечном счёте им не удалось, хотя и привело к большим потерям для России.

Неслучайно Н. А. Бердяев начал свою, пожалуй, известнейшую книгу «Истоки и смысл русского коммунизма» с фразы: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны, он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны — явление русское и национальное»⁶⁰⁶. Это основная мысль, которую он пытался донести в данной работе и возвращался к ней в другом месте, где ведёт речь о революции: «Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция, она совершалась под символикой интернационала, но она же и глубоко национальна

⁶⁰⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С. 70. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm#4 (дата обращения: 30.09.2023).

⁶⁰⁶ Там же.

и национализуется всё более и более по своим результатам... Трудность суждений о коммунизме определяется именно его двойственным характером, русским и международным»⁶⁰⁷.

Часто глобализация формы цивилизации производится её творцами за счёт внешних духовных влияний, позволяющих такую форму создать быстро. На Западе и в Восточной Европе в конце I тыс. н. э. это было христианство, в Китае — буддизм (а затем, на новом витке, коммунизм), в иранском и тюркском мире — ислам. Они обеспечили новую универсальную духовную форму личности принявшим их народам.

После 1917 года внешним глобализирующим влиянием для Восточной Европы стал марксизм — учение чисто западного типа. При всех сильных сторонах марксизма он явно недостаточен, чтобы создать духовную основу полноценной осевой цивилизации. Марксизм как камень, привязанный к ногам бедного утопленника, как это ни парадоксально звучит, стал «тянуть на дно» восточноевропейский социализм.

Социалистическое общество является более сложным по сравнению с западным капитализмом, несмотря на некоторое упрощение и унификацию коллективистской системы и реализации в отдельных странах, что особенно отчётливо видно в состоянии мобилизации и дефицита ресурсов, в которые регулярно попадал и из которых с честью, хотя и с человеческими потерями, выходил СССР. Реальный социализм со своими идейными влияниями шире и глубже, чем марксизм. Общество социализма сложно понять исходя из принятых в западной науке матриц обмена, стоимости и рационального действия как «клеточки» на всех социальных уровнях. Социализм как цивилизацию и её проявление в личности отдельного конкретного человека нужно понимать, поднимаясь от «диффузного» межличностного общения в малых группах, через универсальность трудовых коллективов, к планированию и сверхволе на самом верху социалистической империи, в Политбюро ЦК, но притом проявляющейся и на нижних этажах общества. Сверхволя русского социализма стала реальностью потому, что она существует на нижнем уровне в компании простых людей, регулярно встречающихся друг с другом, она существует в «подпольных людях» Достоевского.

В рамках стандартных матриц западной науки реальный социализм СССР адекватно необъясним, и для этого на Западе пришлось строить особую прикладную «науку» — советологию на особом культурологическом фундаменте России или, шире, славянства (русистики, славистики). Кое-какие схемы понимания социализма действительно были выстроены советологами в опоре на мнения русских и восточноевропейских мыслителей.

Коммунизм в России, по мнению А. А. Зиновьева, явился наиболее яркой, первой канонической формой коммунизма как некоего глобального типа развитого коллективистского общества, по аналогии с ранним капитализмом в Англии, представлявшим идеальный чистый капитализм, согласно логике политэкономии и истории К. Маркса.

⁶⁰⁷ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 94.

Советский социализм каноничен для Восточной Европы. Но он каноничен и как социализм вообще для любой социалистической страны. Просто он выражал в себе концентрированный дух социализма. Важна даже не сама оригинальность социализма как формы, которая нигде до этого не встречалась, а её адекватность своему цивилизационному типу ВЕ. Это в свою очередь не значит, что русско-большевистский вариант социализма должен был нравиться всем славянским народам в их текущем состоянии сообществ мелкобуржуазных обывателей. Однако в мягкой адаптированной форме (так называемой народной демократии) он подходит для них при условии внешнего принуждения творцами, как это было и с капитализмом, который так же, как и любой строй, вводился «сверху».

М. Орбини в «Славянском царстве» высказывал веру в то, что славяне несут в себе глобальность своей цивилизации. Но кто из них сможет её реализовать? Русская цивилизация XIX века, равно как и польская, чешская, сербская, венгерская, румынская, к началу XX века не были глобальными, то есть имеющими общемировую оригинальную в мировом масштабе форму культуры и социальной организации. Цивилизация должна иметь внутри себя возможность развернуться в реальность будущего как данность осевого движения. И этим будущим внутри себя обладали только русские, которые в течение Золотого и Серебряного веков своей культуры смогли подготовить такую цивилизацию. Неправильно рассматривать революционные и критические ожидания русской культуры XIX — начала XX века как предчувствие краха, как тупик. Это были ожидания перехода к новой невиданной форме цивилизации.

Россия в XIX веке только готовилась стать глобальной и постепенно нашла эту глобальность уже в системе социализма, а не в этнографических формах и культурных элементах традиционного общества, являющимися в любой развитой цивилизации вторичными по отношению к оригинальному устройству общества и человека, которое может реализовываться и в новых формах цивилизации. Вообще этнографические и ранние социально-государственные формы не определяют сам тип человека, они просто позволяют ему существовать на ранних этапах. Этнографические формы культуры и формы государства и цивилизации не могут быть основой более развитой и сложной цивилизации, хотя и сохранение их целесообразно с точки зрения традиционализма.

При создании СССР в 1922 году принята «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», ставшая частью Конституции, в которой провозглашалась мировая революция, а само учреждение СССР названо «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику»⁶⁰⁸. «Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма»⁶⁰⁹, — говорилось в её начале. Отказ от курса

⁶⁰⁸ Декларация и договор об образовании СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Цит.: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_об_образовании_Союза_Советских_Социалистических_Республик (дата обращения: 30.09.2023).

⁶⁰⁹ Там же.

на мировую революцию в 1930-е годы «сталинского термидора» не означал потерю СССР мирового значения и универсальности в качестве социалистической системы.

Событие обретения Восточной Европой своей универсальной во времени и пространстве формы, продекларированной в 1922 году, произошло именно как введение социализма, построенного в 1930-е годы, а затем, после 1945 года, и мировой социалистической системы, в основе которой лежала Восточная Европа.

В связи с этим памятные события 25 октября (7 ноября) 1917 года и 9 мая 1945 года, известные как Октябрьская социалистическая революция и День Победы в ВОВ, имеют для нас исторический смысл как пространственно-политические даты начала новой всеобщей цивилизационной формы, а не просто как даты большевистского переворота в Петрограде и завершения боевых действий на европейском театре против Третьего рейха. Каким бы злом рейх ни представлялся, важнее именно новые последствия этой Победы в системообразующем смысле. А этот смысл состоит в структурировании цивилизации, противостоящей цивилизации Запада в форме капиталистического империализма, порождающего нацизм. Мы победители в позитивном цивилизационном смысле, а не просто в плане избежания уничтожения и порабощения русских и других народов ВЕ нацистами.

Социализм в 1945 году стал не просто явлением одной страны, империи СССР, а системой всей Восточной Европы, структурированной по мысли её главного архитектора, обратившегося к идеям славянофильства и панславизма, И. В. Сталина, как славянский союз, созданный для защиты славянами и соседними народами своей цивилизации от агрессоров в лице Запада, вероятно, той же Германии в будущем: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства... Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов»⁶¹⁰, — сказал И. В. Сталин на приёме в Кремле в честь президента Чехословакии Э. Бенеша. Сталин выполнял роль такого внешнего принуждающего творца новой цивилизационной формы.

К союзу славян присоединились и государства неславянских народов Восточной Европы, имеющие сходный со славянами цивилизационный тип человека и общества. Системы социализма в европейских странах за пределами СССР, как правило, были менее жёсткими с точки зрения социального и культурного устройства. Одновременно они были менее «каноничными».

⁶¹⁰ Сталин И. В. ПСС / Под общ. ред. Р. И. Косолапова в 1997–2006 гг. Т. 18 [Электронный ресурс]. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 360, 362. URL: <http://bolshhevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/stalin/18.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

Объединение разноэтнических и разноконфессиональных народов Восточной Европы в Восточный блок СЭВ и Варшавского договора (ОВД) стало возможным именно благодаря социализму как более универсальной и на практике гораздо более применимой идеологии, чем панславизм. Вне социализма как универсальной формы данное объединение, несмотря на этническое родство, сложно было бы представить. Оно ограничилось бы поверхностным и не очень устойчивым геополитическим союзом, с неполным включением стран (типа Варшавского договора), не имеющих ценностных оснований.

Идея единства и особенности восточноевропейских народов через социализм и поддерживавшие его политические партии проникла внутрь социальной структуры и менталитета значительной части общества стран ВЕ, хотя и оказалась довольно хрупкой перед внешними и внутренними оппонентами.

Социалистическая цивилизация оформилась в геополитический блок во главе с СССР, который был основой более широкой геополитической системы — мировой системы социализма, куда входили и страны, не входившие в Варшавский блок, и даже противостоявшие ему в определённые моменты, как КНР, КНДР, или вышедшие, как Албания.

В систему социализма Восточной Европы как геополитический блок Варшавского договора (1955–1991) вошли: СССР (вместе с балтскими, валашскими, финно-угорскими, тюркскими, в том числе тюркскими восточноевропейскими народами и их национально-государственными образованиями), Польская Народная Республика, Чехословацкая Социалистическая Республика, Венгерская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, Народная Республика Болгария, Германская Демократическая Республика, Народная Республика Албания (до 1961 года). До 1959 г. сохранялся и геополитический блок СССР и КНР, до тех пор пока Китай не стал строить социализм как собственную китайскую цивилизацию, отличающуюся от славянской.

Геополитический блок включал также и экономическую организацию, которая была шире, чем Варшавский договор. В Совет экономической взаимопомощи (1949–1991) наряду с государствами Восточной Европы (в том числе Социалистическая Федеративная Республика Югославия — ассоциированный член) входила и часть этнической Евразии (в СССР: Средняя Азия, Алтай, а также Монгольская Социалистическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам). На СЭВ приходилась 1/3 мирового промышленного производства в 1975 году. Вхождение в СЭВ способствовало масштабной и ускоренной индустриализации и модернизации стран Восточной Европы за счёт поддержки СССР. СЭВ представлял собой искусственно сконструированный мир-экономику со своей системой собственности, обмена, денег.

Передача советского социализма (трансляция империи) в другие цивилизационные миры: Китая, Индокитая, Кореи, Монголии, Средней Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной Германии, говорит в пользу того, что социализм — это перспективная глобальная форма цивилизации, вышедшая за рамки славянского культурно-исторического типа. В пользу этого говорит и устойчивость отдельных социалистических идеологий и практик в рамках глобального

капитализма (Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба), притом что социализм не сложился в обществах западной цивилизации.

*Связь социализма с особым славянским принципом справедливости,
в отличие от западной трактовки справедливости*

Принцип справедливости и его планового внедрения в организации реальной общественной жизни характерен для тех обществ, которые прошли через осевое время или усвоили осевые черты. В обществах, оставшихся в доосевой ситуации, единого социального принципа справедливости нет, он соответствует только кастам и стратам внутри них, а ко внешним чужим он не применяется, которые как бы оказываются вне закона и вне статуса человека. То есть традиционное сегментированное общество, в отличие от социализма, не является духовно и физически единым, значит и единая справедливость не имеет смысла. Тем более важен принцип справедливости для цивилизации оси — России и Восточной Европы, где он является главным. Это связано с пониманием единства людей вокруг мировой метафизической оси.

Принцип справедливости важен не только для обществ, находящихся в осевом состоянии, как Россия, но и для Запада, который вышел из осевого времени в область бесконечного прогресса. Но в разных цивилизациях принцип справедливости формулируется по-разному. Если в России справедливость — это братство как всеобщий принцип равенства и единства неравных, то на Западе — это принцип «каждому — своё» (*Suum cuique*), сложившийся в римском праве, исторически первой глобальной форме права, который закрепляет неравенство при формальном равенстве перед законом и собственностью.

Справедливость мирового закона также трактуется как воздаяние, пеня по заслугам. Тема справедливого воздаяния на Западе стала темой объективного и юридического закона, а также темой судьбы. Тем самым оно исчезло из осевого фокуса цивилизации, перейдя в рутину.

Самое древнее сохранившееся изречение западной философии трактует именно справедливость в его финансово-юридическом словесном изложении (см. работу «Изречение Анаксимандра» М. Хайдеггера⁶¹¹): «Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идёт по необходимости; ибо они платят друг другу взыскание и пени за своё бесчинство (в переводе с древнегреческого данного слова у разных переводчиков означает: у Дильса — бесчинство, у Ницше — несправедливость, у Лебедева — неправду. — С. Б.) после установленного срока»⁶¹². Для Запада, начиная с Анаксимандра, справедливость носит исключительно неполный и искажённый безличный характер, приспособленный к статусу человека или группы, но тем не менее распространяющийся на все вещи. К тому же справедливость закона вещей связана с фактором времени. В Индии и на Вос-

⁶¹¹ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. Сборник / Пер. с нем.; Под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. С. 28.

⁶¹² Там же. С. 28–29.

токе справедливость выражена законом кармы, связанной с родовым биологическим существованием. Для Восточной Европы справедливость является законом прямого действия и всеобщим принципом, хотя и здесь у него есть кармическая сторона — что «посеешь, то и пожнёшь». Справедливость Восточной Европы живёт внутри личности, её духовной оболочки. Хотя в реальной социальной жизни её часто нет, тем не менее её чувствуют и в соответствии с ней поступают. У всех трёх вариантов смысла справедливости есть пересечения, но все они разные.

Поэтому справедливость — это метафизический принцип мироустройства, а не социальный, или даже, как некоторые утверждают, политический популистский лозунг. Важно, что представление о полном воплощении принципа справедливости связано с конечным состоянием общества (в советском сознании это социализм и коммунизм), к которому дрейфует и всё человечество, и отдельный человек в движении вдоль мировой оси. Справедливость не является внешним принципом объективного бытия, как у Анаксимандра, а внутренне, психологически субъективным, волевым и духовным коллективным соборным актом, позволяющим присоединиться к мировой оси. Те, кто, согласно своей воле, против господства справедливости, те и против мировой оси, созданной Богом. Поэтому именно практическое воплощение справедливости в Восточной Европе и Северной Евразии связано с осевым метафизическим, историческим и геополитическим положением этой цивилизации. Справедливость имеет прямое действие, здесь и сейчас. Социализм является метафизическим началом, он вечен, как сама справедливость.

*Индустриализм и госкапиталистическая модернизация,
идеологический коммунизм — внешние поверхностные
варианты трактовки социализма*

В историографии принято оценивать социализм в СССР и Восточной Европе с трёх взаимозависимых позиций: госкапиталистического индустриализма, обобществления по идеологическим мотивам, «реванша» русской почвы. Однако всё это внешние трактовки социализма, сильно искажающие его сущность. Рассмотрим их.

1. Быстрая насильственно-волюнтаристская индустриализация и индустриально-просветительская модернизация России и других стран и народов ВЕ в рамках модели догоняющего Запад развития, но без кардинальной смены типа общества — так оценивают социализм авторы, находящиеся в рамках западной либеральной или социал-либеральной парадигмы.

Данная точка зрения характерна для адептов западных теорий модернизации, рассматривающих историю через призму примитивной глобалистской схемы: «традиционное общество — модерн — постмодерн». К ним присоединяются и критически настроенные по отношению к СССР авторы. Действительно, в рамках индустриализации в 1920–1930-е, в 1940–1960-е, а также в 1970–1980-е годы построено огромное количество промышленных предприятий, произошла урбанизация, а сельское население из абсолютно преобладаю-

щего стало слоем меньшинства при индустриализации самого сельского хозяйства и урбанизации сельских поселений. Население России постепенно перемещено в городские населённые пункты, где размещалась промышленность и инфраструктура. Старая аграрная традиционная форма цивилизации России, уходящая корнями в праславянскую эпоху, о которой плакали русские писатели-деревенщики⁶¹³, была разрушена. Всё это сближает нас с Западом и Востоком, где также индустрия почти стёрла традиционное общество со своими особенностями. Но является ли индустриализм главной чертой цивилизаций? Индустриализм характеризует в основном технологический уклад, при котором могут быть различные общественные отношения. Они-то и обрисовывают различия цивилизаций в Новейшее время: они немалые, несмотря на схождение культуры на базе западной глобализации. Новые формы должны воспроизводить старый тип человека. Старые же формы уже не могут жить в новом обществе, превратясь в род исторической реконструкции, по сути, ритуальной культовой имитации.

Иногда советский строй называют госкапитализмом, но в специфической русско-славянской форме. Говоря о версии госкапитализма, следует отметить, что сведение социализма к несоциалистическим системам по форме является логической ошибкой, то есть попыткой выдать одно за другое. Как при трактовке социализма как госкапитализма, так и в случае с приписыванием социализму азиатского способа производства раннеземледельческих монархий Востока (см. о нём в данном параграфе ниже). И. Я. Фроянов определял общественный строй СССР «социально ориентированный (направленный) государственный капитализм», ссылаясь на эксплуатацию и отчуждение от средств производства, работу по найму трудящихся⁶¹⁴. «Этот на первый взгляд довольно странный общественный гибрид вполне понятен с точки зрения национальных традиций и особенностей русского народа. Здесь сказалась, конечно, патерналистическая функция русского государства, замечаемая на протяжении всей российской истории. Повлияла тут и ментальность русского народа, вечно ищущего правду на Земле и социальную справедливость. Нельзя, разумеется, не учитывать создающее значение марксистских идей, связанных с построением бесклассового общества, свободного от угнетения и неравенства людей.

Вряд ли нужно пространно объяснять, что перед нами сугубо российский вариант общественного строя, возможный только в России, представляющей особую славяно-русскую цивилизацию»⁶¹⁵. И. Я. Фроянов рассматривал социалистический строй как славянскую цивилизацию, пусть по сути это и госкапитализм.

⁶¹³ См.: *Распутин В. Г.* Прощание с Матёрой. М.: Азбука, 2022. 608 с. Матёра представляет образ традиционной аграрной цивилизации Восточной Европы, затопленной водохранилищем, олицетворяющим потоп социалистического индустриализма.

⁶¹⁴ *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого. М.: Эксмо, 2002. С. 169. Цит.: URL: https://royallib.com/read/froyanov_i/oktyabr_semnadtsatogo_glyadya_iz_nastoyashchego.html#368640 (дата обращения: 30.09.2023).

⁶¹⁵ Там же. С. 170.

В начале 1990-х определение советского строя как госкапитализма было очень популярно у новых левых и позднесоветской интеллигенции, недовольных социализмом в СССР из-за его несоответствия идеальному образу первой фазы коммунистической формации. Именно этот мотив госкапиталистической интерпретации приписывает Фроянову Е. Солопов⁶¹⁶.

Любопытно, что критик социализма М. Джилас в 1957 году аналогично описывал негативные мотивы трактовки социалистического строя как госкапитализма: «Нередко также утверждение, что современный коммунизм — не что иное, как государственный капитализм (с ударением на слово капитализм), диктуется “угрызениями совести” тех, кто разочаровался в коммунизме и кому захотелось вследствие этого приравнять его зло ко злу капитализма. С другой стороны, раз при коммунизме нет частной собственности, а есть лишь собственность, формально принадлежащая государству, то представляется вполне логическим приписывать всё зло государству. Кроме того, это приравнивание коммунизма к государственному капитализму нравится также и тем, кто видит в частном капитализме “меньшее зло”. Эти люди любят говорить, что коммунизм — худший вид капитализма»⁶¹⁷.

Однако не все теоретики сущности социализма руководствовались обидами на его систему. Ещё Л. Д. Троцкий после изгнания из России доказывал, что «попытка представить советскую бюрократию как класс “государственных капиталистов” заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербуетя, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления»⁶¹⁸.

Троцкий приводил и более серьёзный аргумент: «Первое в истории сосредоточение средств производства в руках государства осуществлено пролетариатом по методу социальной революции, а не капиталистами по методу государственного трестирования. Уже этот краткий анализ показывает, насколько абсурдны попытки отождествить капиталистический этатизм с советской системой. Первый — реакционен, вторая — прогрессивна»⁶¹⁹. Иными словами, индустриализм

⁶¹⁶ Солопов Е. СССР: неополитаризм, государственный капитализм или социализм? // Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму: доклады и выступления на междунар. науч. конф. 22–23 мая 2003 г. в Рос. гос. б-ке / Под ред. А. В. Бузгалина. М., 2003. С. 282–284. Цит.: URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/Теория-СОВЕТСКОЕ-ОБЩЕСТВО-КАК-ФОРМАЦИЯ-И-ЦИВИЛИЗАЦИЯ> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶¹⁷ Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1961. С. 199. Цит.: URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/dzhlilas_novyj_klass_1961_text.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁶¹⁸ Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт? М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991. 254 с. [Электронный ресурс] // Марксистский интернет-архив. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl001.html#st00> (дата обращения: 12.04.2023).

⁶¹⁹ Там же.

западного типа, будь то в форме социально ориентированного госкапитализма, не определяет тип советской цивилизации вопреки теориям модернизации, которые рассматривали социализм в СССР как масштабную госкапиталистическую модернизацию. То же можно сказать и о любых других вариантах социализма, вплоть до современной КНР. Говоря о мотивах искажения природы социализма через приписывание госкапитализма, можно предположить, что в действительности же речь идёт о собственных славянских и русских идеях, мечтах, чаяниях лучшего мира, которые просто приняли коммунистическую форму, но разошлись с реалиями социалистического общества.

*Социализм как архаика и почвенная традиция осмысления
западных влияний, по Н. А. Бердяеву*

В идейном фундаменте социалистической формы цивилизации следует различать идеи, импортированные из Европы буквально накануне революции, и те, которые стали частью русской ментальности задолго до неё. Причём воздействие импортированных идей, по мнению Н. А. Бердяева, было лишь катализатором собственной революционности русских: «От прикосновения Запада в русской душе произошёл настоящий переворот, и переворот в совершенно ином направлении, чем путь западной цивилизации. В России просвещение и культура низвергали нормы, уничтожали перегородки, вскрывали революционную динамику. Это отразилось на вершинах русского творчества у всех русских писателей»⁶²⁰.

Русский коммунизм из утопии или философской теории западных левых стал практической идеей нового общества. Н. А. Бердяев утверждал, что русский большевизм выработал тотальную и интегральную линию ортодоксального марксизма⁶²¹, пересмотрев классический марксизм, вместе с тем перейдя с анти-системной западной позиции на собственную цивилизационную позицию, — не полностью, конечно, а насколько это было возможно для него: «Ленин вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли»⁶²².

«Миф о народе был заменён мифом о пролетариате. Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс»⁶²³. Социализм как идея реализовался в виде самоописывающего современного мифа определённого социального слоя — народничества.

⁶²⁰ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 70. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm#4 (дата обращения: 30.09.2023).

⁶²¹ Там же. С. 88.

⁶²² Там же. С. 89.

⁶²³ Там же. С. 88–89.

«Коммунизм в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этатизм. Это есть явление чудовища Левиафана, который на всё накладывает свои лапы. Советское государство, как я уже говорил, есть единственное в мире последовательное, до конца доведённое тоталитарное государство. Это есть трансформация идеи Иоанна Грозного, новая форма старой гипертрофии государства в русской истории...»⁶²⁴ — писал Н. А. Бердяев, подкрепляя свою мысль об автохтонных почвенных истоках русского коммунизма.

То, что социализм в СССР являлся не продуктом воображения мечтателей-леваков и злодеев, не вещь откуда взявшихся, а противоречивым продолжением восточноевропейской цивилизации, пытающейся диалектически «снять» или ликвидировать предыдущий этап развития, стало ясно уже в конце 1920 — начале 1930-х гг. Этот факт осознан и истолкован Н. А. Бердяевым: «Я хотел показать в своей книге, что русский коммунизм более традиционен, чем обыкновенно думают, и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. Коммунизм в Западной Европе был бы совершенно другим явлением, несмотря на сходство марксистской теории. С традиционно-русским характером коммунизма связаны и его положительные и отрицательные стороны: с одной стороны, искание царства Божьего и целостной правды, способность к жертве и отсутствие буржуазности, с другой стороны, абсолютизация государства и деспотизм, слабое сознание прав человека и опасность безликого коллективизма»⁶²⁵.

Реальный социализм рассматривается некоторыми авторами как продолжение древних коллективистских тенденций русской и, шире, славянской или, ещё шире, евразийской цивилизации, иногда — как архаический реванш контрмодернизации («срыв» западной модели модернизации, как говорят западники). Данная позиция характерна как для русских почвенников (С. Кара-Мурза), так и для их резких критиков с западных либеральных позиций, а последние иногда совмещают её с индустриализмом, то есть видят её как средство извращённого индустриализма. Корни третьего подхода его адепты усматривают в разных пластах русской истории: в общине, законсервированной с древнейших времён (народники, ещё с А. Герцена), в православии (или в его старообрядческой версии, как А. В. Пыжиков, «Корни сталинского большевизма»⁶²⁶), в крепостничестве и связанной с ним поместной дворянской системой бюрократической мобилизационной монархии самодержавия, похожей на коммунистическую номенклатуру (Р. Пайпс «Россия при старом режиме»⁶²⁷). Действительно, социализм понимался многими русскими в 1920–1930 гг. как переход в райское состояние на земле, пока не стало ясно, что это принудительная социальная система.

Тема идейных корней социализма в СССР в религиозных течениях как крайнего толка, так и официальных культурных явлениях Старой России раскрыта Н. А. Бердяевым более подробно в работе «Истоки и смысл русского коммунизма». К ним он относил следующие культурные феномены:

⁶²⁴ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 151–152.

⁶²⁵ Там же. С. 152.

⁶²⁶ См.: Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма...

⁶²⁷ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 423 с.

а) русская литература, в том числе критического реализма (В. В. Розанов писал о том, что литература погубила Россию);

б) светская антицерковная просветительская религиозность интеллигенции;

в) «наивный аграрный социализм» народной русской культуры, который «всегда был присущ русским крестьянам»;

г) мессианский марксизм и другие западные учения — «учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, от мощи и победы человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме»⁶²⁸;

д) «тоталитарно и догматически были восприняты и пережиты русской интеллигенцией сен-симонизм, фурьеризм, гегелианство, материализм, марксизм — марксизм в особенности;

е) еврейское мессианство восточноевропейского типа (например, хасидизм), через участников революционного процесса и русскоязычных интегрированных евреев передававшийся русским в форме светских учений, в силу указанных выше сходжений с магическим ближневосточным типом культуры. «Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму»⁶²⁹.

Большинство из этих направлений являются продуктами восточноевропейской цивилизации XIX века, хотя и в статусе псевдоморфоз — внешних заимствованных форм, наполненных собственным содержанием. Западные идеи в России при включении в псевдоморфозы проходили своего рода отбор на радикальный социализм. Недостаточно радикальные, эсхатологичные, социалистические — отсеивались.

Социализм, основываясь на западных идеях линейного времени, прогресса, тем не менее стал особым измерением времени, сродни идеям Тысячелетнего царства, а также адаптированным к реальной истории и политике идеям «Третьего царства» и «Третьего Рима» (см. Раздел 1).

Особенность альтернативных концепций истории исторического времени в том, что они одновременно как вписывают государство или цивилизацию в мировую историю, так и выводят за её рамки в отдельную историю и отдельное время — пространственно-временной континуум, имеющий к тому же социальное и личное измерение. Недаром социализм обозначался как особый, финальный период мировой истории, — формация, предшествующая коммунизму, похожа на Тысячелетнее царство, предшествующее раю, — «компромиссный рай», похожий на славянский рай — позитивный загробный мир для всех. Всё это напоминает коммунистическую идеологию и её образ будущего. Однако идея социализма как финала истории не соответствовала глобальным реалиям и была посрамлена, как и все финалистские идеи. Но она вполне вписывалась в концепцию счастливого промежуточного итога отдельной цивилизации.

⁶²⁸ См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 94.

⁶²⁹ Там же.

Социализм имел личное и коллективное измерение, и верность его идеям и практикам у сторонника, например, большевика представляет собой секулярный аналог актуального пребывания в Царстве Небесном у членов Церкви. Вместе с тем социализм может быть и мистическим явлением, а не обязательно секулярным. Поэтому социализм может считаться особым типом человека с его потусторонним содержанием, проявляясь не только на поверхности социальной жизни, как гомо советикус А. Зиновьева, но и в глубине — в его смутных чувствах, переживаниях, идеях, как в метафизическом реализме у писателя-философа Ю. Мамлеева в его литературных образах социалистических русских.

Подведём краткий итог трактовок социализма в СССР и ВЕ в виде вершин неравномерного смыслового треугольника:

- 1) индустриализм и госкапитализм;
- 2) обобществление под влиянием общемировых процессов экономики, политики, социалистической мысли;
- 3) архаический коллективизм — на значительном удалении от двух первых, и переосмысление на основе его западной мысли.

Социализм как «азиатский способ производства» и мегамашина государственной строительной экономики

Немалую роль в критическом анализе социализма сыграла теория объяснения реального социализма в СССР как возврата к огромным социальным механизмам, «мегамашинам», как правильно назвал их Л. Мэмфорд⁶³⁰, азиатского способа производства древней деспотий Востока (раннеземледельческих цивилизаций в их развитом виде): Древнего Египта, Вавилона, Индии, Китая, но уже на новом витке. Можно считать его вариантом архаического коллективизма. Хотя, возможно, социальные машины существовали на Востоке и в ранний догосударственный период и использовались при строительстве священных хтонических мегалитов.

Л. Мэмфорд дал следующее определение архаичного общества мегамашины: «При сочетании сразу всех компонентов — политических, хозяйственных, военных, бюрократических и царских, — ей подойдёт термин “мегамашина”: иначе говоря, Большая машина. Техническое оборудование, порождённое такой мегамашинной, становится “мегатехникой” — в отличие от более скромных и разнообразных способов технологии... Только цари, полагаясь на учение астрономической науки и опираясь на религиозные санкции, оказались способны собрать мегамашину и управлять ею. Это было незримое сооружение, состоявшее из живых, но пассивных человеческих деталей, каждой из которых предписывалась особая обязанность, роль и задача, чтобы вся громада коллективной организации производила огромный объём работы и воплощала в жизнь великие замыслы»⁶³¹.

⁶³⁰ См.: Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос Σ, 2001. 404 с. Цит.: URL: <https://aitrus.info/node/2077> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶³¹ Там же.

Развитую теорию азиатского способа производства, ещё сформулированную К. Марксом и Ф. Энгельсом, применительно к «ирригационным империям» развитых раннеземледельческих цивилизаций предложил К. Виттфогель в книге «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957), указав на его схожесть с реальным социализмом, что, в свою очередь, было использовано М. Восленским в книге «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (1970)⁶³². «Диктатура номенклатуры — это по социальной сущности феодальная реакция, а по методу — “азиатский способ производства”»⁶³³, — сделал вывод М. С. Восленский. Черты азиатского способа производства рассматривались Джиласом и Восленским, а также их многочисленными последователями в СССР и постсоветском обществе как государственный промышленный феодализм. Однако сам Виттфогель, в отличие от Восленского, счёл некорректным применять тип раннеземледельческих обществ к индустриальному социализму. До сих пор критическая метафора феодализма как уклада постсоциалистической России владеет умами части российской интеллигенции⁶³⁴.

Правящая номенклатура использовала тип социальных мегамашин для социальной организации в её чистом виде, очищенном от частной собственности и производства благ и конкуренции. Данный фактор является неслучайным: социализм представляет собой именно рационализированную социальную систему (наука, техника, планирование, социальная инженерия, организация), объединённую в одну сверхличность («симфоническую личность», по Л. Карсавину), реализованную в лидере-вожде, который её олицетворяет, — будь то Ленин, Сталин, Мао и другие, одухотворённую государственной мифологией.

Интересным прямым заимствованием социализма из культуры Древнего Египта служит культ бессмертия вождей со строительством мавзолеев и мумификацией тел лидеров, призванный заменить христианство или другие религии, объявленные социализмом недействительными. Культ Ленина с Мавзолеем и кладбищем героев большевизма на Красной площади стал своеобразной заменой идеи личного бессмертия в православии и язычестве (и решения проблемы бессмертия материального индивида в коммунизме), хотя, конечно же, он не мог их заменить, но стал эффективным паллиативным средством.

⁶³² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр., и доп. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 622 с. Цит.: URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/voslensky_nomenklatura_vtoroe_izdanie_1990_text.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁶³³ Там же. С. 636.

⁶³⁴ См.: Кордонский С. Россия. Поместная Федерация. М.: Европа, 2010. 312 с. На самом деле теория поместной федерации является научно некорректной, поскольку речь идёт не о реальном поместном строе, а о современной олигархии, которую он пытался описать в этих терминах.

5.3. Основные черты восточноевропейской социалистической цивилизации

Атеизм и остаточная вера, благочестие и угроза осатанения

В восточноевропейском социализме («коммунизме как реальности», по Зиновьеву) преобладал тип «верующего безбожника»⁶³⁵, то есть атеиста или безбожника в отношении к вопросу о религии и Церкви, но при сохранении веры в действие нравственных принципов мироустройства, чем-то напоминающее агностический постпротестантизм или деизм. Один бодрый старик из советского поколения 1939 г. р. выразил эту позицию формулой: «Бога нет, но что-то есть».

Несмотря на наличие значительного количества верующих и институтов Церкви (а в конце 1930-х большинство граждан в РСФСР считали себя православными, хотя это были представители докоммунистических поколений, до культурной революции), а также других культов, атеизм доминировал и производил под себя тип атеистов как в современном взрослом, так и в следующих поколениях. К концу социалистической системы в 1991 году в СССР сформировались уже три поколения атеистов. СССР стала первой официально атеистической по идеологии страной, несмотря на «свободу вероисповеданий», которая не соблюдалась. Атеизм стал новым официальным культом, частью коммунистического мировоззрения и воспитания, основой социалистических ценностей.

Советский атеизм бросался в глаза даже по сравнению с атеизировавшейся Западной Европой. Атеизм также был доминирующим типом в других странах «Восточного блока» среди правящей номенклатуры и её опоры, несмотря на то, что эти страны не подверглись такой жестокой репрессивной атеизации и Церковь сохранила свои позиции, как в Польше, Венгрии, Югославии. Преобладание атеистов явно говорит в пользу цивилизационного разрыва с царской Россией. Советский коммунизм имел явно выраженную светскую и просветительскую форму, был ориентирован на собственный вариант Просвещения с использованием наработок Запада.

Этот квазирелигиозный тип верующего и морализирующего безбожника сходен с пантеистическими, теистическими и моралистскими сектами позднего протестантизма, отпавшего от Церкви, но с сохранением остатков прежних религиозных взглядов⁶³⁶, хотя оба ведут к разным вариантам цивилизаций. Официальная мораль советского социализма строилась не на нигилистическом индивидуалистическом атеизме, а на альтернативном ему пострелигиозном коллективизме.

Н. О. Лосский, рассуждая о характере русского народа, со ссылкой на С. Н. Булгакова писал о том, какое воздействие на образ человека производит квазирелигиозный хилиазм: «...страстная жажда осуществления Царства Божия на земле без Бога и, следовательно, без абсолютного добра ведёт к замене идеи

⁶³⁵ Зиновьев А. А. Русская судьба: исповедь отщепенца. М.: Канон+ РООИ, 2021. 472 с.

⁶³⁶ См.: Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма...

Богочеловека человекобожием, а вслед за этим и к бестиализации человека, или точнее, сказал бы я, к осатанению человека, встречающемуся в СССР»⁶³⁷.

Попытки создать сверхчеловеческое общество в социальном безрелигиозном проекте нередко ведут к воплощению образов падшего духа («осатанение») в качестве побочного или даже в какой-то мере основного результата. Такова амбивалентная логика социоцентричности и человекоцентричности социализма как практического идеала развития человека, которая ведёт либо к падшему сверхчеловеческому, либо к недочеловеческому уровню (звероподобному, социобиологическому). Осатанение охватило класс номенклатуры как ранней, так поздней и отчасти передалось постсоветской олигархии нуворишей. В отличие от элит, атеизация привела часть трудящихся масс не к осатанению, а к погружению в состояние спящих «мёртвых душ» — метафизического реализма. Однако основная часть масс сохранила и улучшила свои человеческие черты.

Абсолютное преобладание общественной и государственной собственности на средства производства

Количественно абсолютно преобладающая общественная (в основном так называемая общенародная, фактически государственная с ограниченной ликвидностью, без права продажи собственность) не имеет прямых аналогов в истории Восточной Европы. Такая собственность провозглашает собственность всех членов общества, но с разными правами пользования. Важнейший элемент общенародной собственности — общенародная собственность на землю и недра, которая фактически означает, что земля ничья, «божья». В отличие от капитализма и традиционных обществ, главным отношением в социалистической цивилизации является не собственность и финансы, а власть в чистом виде: «главное в номенклатуре — власть. Не собственность, а власть»⁶³⁸, — писал М. С. Восленский. Это очищает общественные отношения социализма от материального компонента и переводит её в волевую властную сферу отношений субъектов.

Трудовой коллектив как клеточка социалистического общества

Трудовой коллектив СССР представлял собой микроячейку общества со всеми его подсистемами — по сути, это аналог общины-общества в древности, но уже в условиях единой индустриальной социальной системы. Согласно версии А. А. Зиновьева, а она находит свои подтверждения в советской истории, русская славянская община реинкарнировалась в индустриальную эпоху в системе трудовых коллективов. Но это произошло в 1920-е и 1930-е годы в огромных централизованных планируемых масштабах сверху, сознательно, как акт

⁶³⁷ Лосский Н. О. Характер русского народа... С. 22. Цит.: URL: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/1 (дата обращения: 30.09.2023).

⁶³⁸ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Цит.: URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/voslensky_nomenklatura_vtoroe_izdanie_1990_text.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

цивилизационного творения, хотя и при поддержке и давлении снизу, из самих коллективов, а затем закрепились в советской системе в целом. Мы имеем, таким образом, зрелую цивилизационную структуру-институт, построенную сверху и снизу. Трудовой коллектив как особый институт не следует смешивать с самим предприятием или учреждением, в котором находится данный коллектив. Коллектив являлся формой организации и контроля в советском обществе и других социалистических обществах Восточной Европы.

Сложная целостность социалистического общества, по мнению А. А. Зиновьева, обеспечивалась через трудовые коллективы: «...Доминирующей социальной тенденцией коммунистического общества и коммунизма в современном мире вообще является тенденция к организации всей жизни больших масс людей как единого органического целого, т. е. со сложной внутренней дифференциацией людей, с закреплением их положения в той или иной клеточке целого и их функций, с распределением людей на различных ступенях социальной иерархии и прочими атрибутами жизни людей как частичек целого»⁶³⁹. Конечно же, трудовые коллективы находились под властью централизованной бюрократической регламентации государства и его представителей, поэтому они не обладали значимой автономией. Коллективизм часто приводят в качестве доказательства преемственности с восточноевропейской сельской общиной. Прикрепление к коллективам, распределение и потребление через коллективы часто рассматривалось как преемственность с крепостническими отношениями, прикреплением к общинам и земле, формами личной зависимости в предшествующие эпохи. Коллективы образуют иерархическую систему, основанную на органической целостности разделения труда, имеет место иерархия коллективов»⁶⁴⁰.

В статье 8 Конституции СССР (редакция 1977 года) указывалось: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение.

Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации»⁶⁴¹. Таким образом, коллективы входили в политическую систему (название главы Конституции СССР), а также и в другие системы общества, о чём говорилось в отдельном Законе СССР «О трудовых коллективах...».

⁶³⁹ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма... С. 112.

⁶⁴⁰ Там же. С. 102–103.

⁶⁴¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 14.09.2023).

Система трудовых коллективов с их членами напоминает «Мир как органическое целое» Н. О. Лосского, крупнейшего философа того времени, называвшего свою систему иерархическим персонализмом. Этот мир состоит из субстанциальных деятелей и их объединений разных уровней, подобных личностям. Аналогичная схема создана Л. Карсавиным в виде симфонических личностей — коллективов личностей индивидов. Таким образом, трудовые коллективы — отражение идеальной схемы восточноевропейской цивилизации.

Трудовые коллективы были необходимы не только как социальная позиция для экономических и иных отношений, но и психологически, несмотря коммуналную борьбу его членов друг с другом.

Общество социализма является весьма дифференцированным, органичным и сложным по сравнению с западным капитализмом, но стандартизированным и единым. По Зиновьеву, её характеризуют «обширная сложная иерархия социальных позиций»⁶⁴², внутренняя социальная и психологическая структура и богатство жизни коллективов. Система трудовых коллективов СССР парадоксально напоминает тезис противника социализма К. Н. Леонтьева о «цветущей сложности» как стадии молодости цивилизации. Во всяком случае, по наблюдению А. А. Зиновьева над трудовыми коллективами и предприятиями на Западе, социализм является более сложной цивилизацией, чем капитализм Запада: «клеточка западнизма является социально упрощённой сравнительно с коммунистической»⁶⁴³. Но вместе с тем при социализме, по сравнению с традиционным сословным обществом, имеет место упрощение социальной структуры.

Апория коммунальности и коллективизма как основы социализма

Коммунальность — преобладание неэкономической формы межличностной конкуренции в малых группах (коллективах или жилых сообществах) путём межличностных игр в борьбе за жизненные ресурсы. А. А. Зиновьев разработал целую доктрину коммунальности как неформальной основы коммунизма. Рассмотрим её изложение Зиновьевым более подробно в связи с её важностью для понимания социоцентрической природы социализма как «слишком человеческого» явления.

Коммунальная организация общества является внеправовой и неофициальной сферой нормативности, хотя и связана с ней. «Человек здесь не опутан системой формально-правовых отношений»⁶⁴⁴, — писал А. А. Зиновьев. Теория коммунальности Зиновьева является классической западной реалистически-пессимистической теорией в рамках линии борьбы всех против всех Гоббса и нигилистически-пессимистической теории социально-биологического атомизма, уравниваемого цивилизацией. «Положение и поведение человека во внутреннем аспекте жизни коллектива детерминируется определёнными правилами (законами), без соблюдения которых человек не может нормально существовать

⁶⁴² Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект. М.: АСТ, 2009. С. 40.

⁶⁴³ Там же. С. 426.

⁶⁴⁴ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма... С. 60.

в своей социальной среде и добиваться успеха. Совокупность этих правил и совершаемых в соответствии с ними поступков и образует коммунальность как таковую. Суть коммунальности была известна некоторым мыслителям прошлого ещё много веков тому назад. Она довольно точно выражается формулой “человек человеку — волк”, которую впоследствии стали приписывать лишь буржуазному обществу. Суть коммунальности состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае — как нечто такое, что не отдаёт свои блага человеку без усилий и борьбы. Борьба всех против всех образует основу жизни людей в этом аспекте истории»⁶⁴⁵.

Из роли коммунального коллектива выделяется такое структурное существенное и необходимое свойство индивида при социализме, как коллективизм, противоположный индивидуализму — ориентации на личность: «Он разрушает личностную “оболочку” индивидов, обрекающую их на духовное одиночество, и сливает людей в некое духовное единство». Но отношения с коллективом и есть сама оболочка. «Индивидуалист стремится пробиваться в жизни за счёт индивидуальных способностей и личного труда, т. е. лично. Коллективист же пробивается вместе с коллективом, за счёт коллектива, за счёт своей роли»⁶⁴⁶. «Для индивидуалиста человеческое общество есть объединение полноценных и суверенных «я», а для коллективиста лишь само объединение есть “я”, лишь “мы” есть “я”»⁶⁴⁷. По сути, коллективизм формирует коллективную сверхличность, но при этом не отменяет индивида и его внешнюю структуру.

«Коллективизм делает индивида более приспособленным к сложным условиям современного общества, чем индивидуализм. Коллективист гибче, подвижнее, изворотливее, чем индивидуалист. А когда речь идёт об обществе коммунистическом или об островах коммунизма в других обществах, то коллективизм оказывается максимально адекватным самим основам общества. Поэтому общество здесь специально культивирует коллективистов»⁶⁴⁸, — писал Зиновьев.

Социализм, в свете теории коммунальности А. А. Зиновьева, построен как система борющихся друг с другом индивидов — коллективистов, являющихся одновременно и индивидуалистами. Это очень своеобразный славянский синтез теории борьбы всех против всех Гоббса и её утилизации в социальном порядке, понятный лишь в наблюдении на конкретных примерах поведения людей, сочетающих индивидуализм и интуитивный коллективизм.

Пикантно выглядит то, что при внимательном прочтении теории коммунальности А. А. Зиновьева в разделе «Коммунизм и цивилизация» работы «Коммунизм как реальность»⁶⁴⁹ нельзя не заметить ошибку логического круга (тавтологию); тем более учитывая то, что автор по своей философской карьере — известный теоретик логики с мировым именем (!), правда, логики нового

⁶⁴⁵ Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект... С. 32.

⁶⁴⁶ Там же. С. 82.

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Зиновьев А. Коммунизм как реальность... С. 13–15.

типа. Коммунальность призвана защитить человека от борьбы всех против всех, «большого числа двуногих тварей», «обезопасить себя», лучше устроиться, но при этом коммунальность сама является борьбой всех против всех.

При социализме процветает коммунальность низовой борьбы, а цивилизация ограничивает её. Но при этом коммунизм как цивилизация, ограничивающая борьбу людей друг с другом, сама возводит коммунальность в принцип, противостоящий борьбе людей, то есть самой себе: «В качестве расцвета и господства коммунальности коммунизм представляет собою тип общества, наиболее близкий этим массам людей и желанный для них, какими бы страшными последствиями при этом им ни грозили. Вместе с тем в порядке самосохранения и защиты от самих этих масс коммунизм затем изобретает определённые средства ограничения коммунальности, но это — во вторую очередь и лишь в той мере, в какой это достаточно, чтобы уцелеть и поддерживать кристаллизацию общества, вырастающую из коммунальности»⁶⁵⁰.

Массовый человек низов, в отличие от элиты и буржуа, по допущению Зиновьева, привык к коммунальной борьбе простого типа всех против всех (в своём кругу) доступными для него простыми поведенческими средствами коммунального, а не «цивилизационного» типа (а элитные средства из арсенала цивилизации с правовым регулированием недоступны для него). Обычно это ассоциируется с поведением соседей в советских коммунальных квартирах, но это могут быть и соседи в маленьких домиках в сельских общинах, и члены традиционных больших семей.

Из-за логического круга коммунальности коммунизм в принципе не способен решить свою главную историческую задачу по построению совершенного и справедливого общества, в котором индивиды будут получать по заслугам, а не за победы в коммунальной борьбе друг с другом. И лежит разгадка главной проблемы социализма в другой сфере — духовной, и в другом общественном устройстве. Вот в каком? Это вопрос! Обычно ответы дают на пути гибридации социализма и капитализма, иногда с добавлением феодализма.

Здесь мы находим, конечно, не столько личную недоработку мысли А. А. Зиновьева, сколько объективное противоречие социализма (коммунизма) как строя и как цивилизации, даже некоторую апорию социалистической цивилизации, которая, правда, всё же до определённого момента находила своё разрешение в практике жизни социалистических стран.

Апория более чётко сформулирована философом здесь: «Но в большей мере коммунизм вырабатывает свои средства защиты от коммунальности (или её обуздания), которые одновременно вынуждены её поощрять и превращаться самим в явления коммунальности, ибо они суть явления той же природы»⁶⁵¹ («одна природа» — это есть борьба всех против всех, соответствующая социобиологической конкуренции). Коммунальность — главное лекарство от всех болезней общества. Коммунальность является признаком силы личности и выживаемости у «гомо советикуса».

⁶⁵⁰ Зиновьев А. Коммунизм как реальность... С. 14.

⁶⁵¹ Там же.

Будучи цивилизацией и одновременно противостоя остальным цивилизациям в вопросе институционализации коммунальности как всеобщего принципа борьбы одних индивидов с другими (равной конкуренции), коммунизм обречён отменить сам себя, что и произошло в СССР из-за слишком нестабильной ситуации элит и общества и социальной динамики (каждый человек имеет право на власть и блага, а не только элита). Так как номенклатурным элитам СССР надоело играть в коммунальную борьбу со своими гражданами и конкурентами в номенклатуре и всю жизнь бороться с ними за блага и власть, они решили его «продать», обратив в капитализм.

*Высокая степень социального равенства
при сохранении нормированного неравенства*

При социализме правовым принципом является статусное нормируемое сверху распределение благ: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». В трактовке А. А. Зиновьева, главный принцип социализма реализуется не буквально, а через статусы индивидов в ячейках: «Практически принцип “каждому — по труду” реализуется как принцип “каждому — по его социальному положению”»⁶⁵².

«1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих средненеобходимых способностей. Степень вознаграждения в коммунистическом обществе имеет тенденцию возрастать, а степень эксплуатации — снижаться. Причём степень вознаграждения здесь выше, чем для соответствующего типа людей на Западе, а степень эксплуатации — ниже. Тенденция к увеличению степени вознаграждения и снижению степени эксплуатации в коммунистическом обществе способствует тенденции, по крайней мере замедляющей рост производительности труда в обществе, тенденции к застою и порою даже к деградации»⁶⁵³.

Такая система парадоксально порождает неравенство: «Коммунистическое неравенство создаётся в силу принципов распределения, порождаемых законами коммунальности»⁶⁵⁴. «Социальное равенство в коммунистическом обществе в силу справедливейших за всю историю человечество принципов распределения. Именно соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе со сложным разделением функций и сложной системой начальствования и подчинения и порождает чудовищное неравенство в распределении этих жизненных благ — социальный закон...»⁶⁵⁵. Неравенство и эксплуатация сохраняются при социализме, хотя и уменьшаются, и приобретают регулируемый уровень.

⁶⁵² Зиновьев А. Русская трагедия... С. 55.

⁶⁵³ Там же. С. 60–61.

⁶⁵⁴ Зиновьев А. Несостоявшийся проект... С. 388.

⁶⁵⁵ Там же. С. 42–43.

*Новый правящий и экономически господствующий слой
(номенклатура) вместо старого (империалистическая олигархия)*

Ликвидация частной собственности на основные средства производства вызвала появление нового господствующего слоя — субъекта власти — номенклатуры. Теория номенклатуры как правящего класса сформулирована бывшим вице-президентом Югославии М. Джиласом в книге «Новый класс» (1957) под названием «политической бюрократии» и затем М. С. Восленским в книге с удачным одноимённым названием «Номенклатура» (1970). М. Джилас даже назвал её основной чертой нового строя: «основная черта современного коммунизма — это именно новый класс собственников и эксплуататоров»⁶⁵⁶. Восленский приводит официальное определение номенклатуры («списка»): «Номенклатура — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах»⁶⁵⁷.

В ситуации с номенклатурой мы также имеем пример разрыва с традиционной восточноевропейской цивилизацией, для которой в качестве субъекта власти и крупной собственности с конца XVI века была характерна своеобразная олигархия в виде придворной помещичье-чиновничьей верхушки и связанной с ней промышленно-финансовой элиты. Несмотря на доминирование госсобственности в разных формах (царская дворцовая и удельная, военно-промышленная, дворянское условное землепользование до XVIII века) и общинное крестьянское землепользование, в России и тем более в других восточноевропейских странах фактически преобладала частнособственническая модель. Крупная частная собственность и распоряжение госсобственностью принадлежали олигархии — субъекту политического господства.

Олигархия была тесно связана с институтом самодержавия и царской семьёй и включала её в себя в качестве верховного регулятора. Для экономически господствующих классов: землевладельцев, купечества, чиновничества, была характерна частная собственность. Крестьянство и другие низшие классы ориентировались на мелкую частную и личную собственность или отношения с другими сословиями по поводу их частной собственности, хотя общинная собственность длительное время преобладала, однако и сочеталась с частной. Сама по себе олигархия не рассматривалась в ВЕ как справедливый строй, правда, она и была прямым следствием легитимного политического правления. Как мы видим, отношения власти уже в цивилизации Старой России играли ведущую роль, что подготовило систему социализма.

Необходимо отметить коллективный характер правящей верхушки номенклатуры при социализме (Политбюро). Но при этом важно, чтобы коллективную

⁶⁵⁶ Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Цит.: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Цит.: URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/voslensky_nomenklatura_vtoroe_izdanie_1990_text.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁶⁵⁷ Там же.

верхушку возглавлял выдающийся лидер, который, подобно монарху-самодержцу, подчиняет остальных членов правящей верхушки и подавляет их внутренние конфликты. Пробраз некоторых из этих черт виделся в устройстве Московской Руси, в частности прообраз номенклатуры большевистской партии в служилом дворянстве XV–XVII вв. и опричнине Ивана Грозного.

*Этатизация жизни,
государственная опека и регламентация жизни*

Вопрос о власти — абсолютно главный вопрос социализма. По сути, социализм — неприкрытая государственная власть идеократического типа, построенная на постоянно действующей коллективной воле. Это диктатура правящего класса, объединённого в компартию, диктующая свою волю обществу. При социализме имеет место «принудительный труд»⁶⁵⁸. Однако его не следует воспринимать как тоталитаризм или эксплуатацию в капиталистическом смысле. Тезис об этатизации или тоталитаризме является спорным как по отношению к советскому, так и досоветскому периоду. В какой-то мере он применим только к позднему сталинскому периоду (1933–1953). Этатизм как принцип идеократической диктатуры (пролетариата или левой интеллигенции) привёл к созданию однопартийной системы во главе с коммунистической партией либо имитации многопартийности в «странах народной демократии». В реальности диктатуру под прикрытием рабочего класса осуществляла номенклатура из трудовой интеллигенции и рекрутированной из рабочего класса «образованщины» (полуобразованных элементов из пролетариата и крестьянства, сделавших номенклатурную карьеру) в опоре на систему Советов разных уровней и отраслей.

*Сверхволя при широко распространённом волюнтаризме
и высокий уровень власти как таковой*

Данный вывод довольно парадоксален, поскольку коммунальность, по логике, должна подавлять волю индивидов, однако борьба за власть и влияние в коллективе развивает её: «Коммунистическое общество есть общество волюнтаристское в высшей, может быть, в предельно высшей степени. Здесь система власти достигает чудовищных размеров и пронизывает всё общество во всех направлениях такой густой сетью, что отделить власть от подвластного населения практически невозможно»⁶⁵⁹. «Власть в коммунистическом обществе есть элемент не политических, а иных социальных отношений — отношений коммунальных. Это — самодовлеющая власть, не имеющая никаких иных основ, кроме самой себя. Здесь не власть существует для общества, а общество признаётся и допускается лишь в той мере, в какой оно нужно и достаточно для воспроизводства и функционирования власти»⁶⁶⁰, — подчеркнул Зиновьев важнейшую черту со-

⁶⁵⁸ Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы... С. 61.

⁶⁵⁹ Зиновьев А. Коммунизм как реальность... С. 83.

⁶⁶⁰ Там же. С. 85.

циализма. Иначе говоря, без систематических проявлений статусной воли или карьеризма, выбивания ресурсов в коллективе нельзя ничего добиться, кроме минимального набора благ. Социализм как бы открыл все каналы для действия воли, но уже не мог без волевой ресурсной подпитки существовать.

Создание нового типа наднациональной этнической общности «советский народ» в СССР (или «югославы» в Югославии)

«Советский народ» является дополнением идентичности «советского человека». Вопрос о преемственности советского народа по отношению к суперэтносу Российской империи, или к расширительной трактовке русского народа или русской нации, — дискуссионный. Существование «советского народа» — факт, но непонятен его реальный объём и степень отрыва от традиционных этносов, и в особенности от большой русской нации, находившейся при социализме в стадии интенсивного формирования. Ведь «советский народ» существовал наряду с нациями и народностями, которые сохранялись и довольно быстро развивались (из-за политики искусственной коренизации), то есть входили в советский народ, а не противоречили ему. Очень быстро происходила и интеграция в русскую нацию, и русская ассимиляция других этногрупп.

Создание наднациональной общности в целом шло медленно и охватывало меньшинство этносов, склонное к новой идентичности, однако его нельзя назвать неуспешным. Наднациональные общности дополнялись национально-федеративным и автономным устройством, которые способствовали обособлению этносов и формированию различных наций и народностей. Наднациональная общность являлась формой основной государствообразующей нации, в частности советский народ, — большой русской нации, однако всё же мы в его лице имеем дело с другим этническим явлением, чем обычные нации индустриально-буржуазного типа. Оно связано с формированием социалистического сверхобщества — ведущей общности единой цивилизации.

Прямое народовластие

Народовластие при социализме (не путать с демократией западного типа) осуществлялось в различных формах прямого политического действия: вождизма, советов, партии, собрания трудовых коллективов, выдвиженцев из низов в органы широкой бюрократии, обращения и доносов, производственного, местного и общественного самоуправления.

Народовластие дополняло власть номенклатурной бюрократии, выступая её опорой, или механизмом легитимации. Народовластие на определённых этапах не исключало диктатуру коммунистической партии.

Собственность на жильё

Создание и бесплатное или льготное распределение массовой мелкой личной недвижимой собственности индустриального городского или современного сельского типа — жилья, в результате чего большинство населения не только сельской

местности, но и в городах, стали собственниками жилья. Это касается также собственности на мелкие земельные участки рядом с домом (сельские и пригородные дома) и земельные паи на землю сельскохозяйственного назначения в коллективных сельхозпредприятиях. Данный факт является фундаментальным для понимания реального социализма как триумфа социальности и индивидуальности среднего человека и его связи с другими предшествующими системами устройства (восточноевропейской общиной и мелкотоварным капитализмом). Последствия этой схемы уравнительного создания и распределения жилья действуют до сих пор в странах Восточной Европы и республиках бывшего СССР — население предпочитает жить в своём жилье и расширять его, приобретая новое жильё, укрепляя связь индивидуализма и социальности. В некоторых странах модели социализма предполагали не только личную собственность, но и мелкую частную собственность на средства производства, прежде всего на землю, в аграрном секторе (Югославия). Всё это говорит о том, что реальный социализм включал в себя реализацию мелкобуржуазной схемы социального устройства, но не как части капитализма, а государственно-коллективистского общества.

Данные черты были присущи, с теми или иными поправками, всем национальным моделям социализма. В Восточной Европе были реализованы две основные модели социализма: русская (советская) и югославская (в Социалистической Федеративной Республике Югославия). Модели в остальных государствах Восточной Европы находились между ними. Наличие собственной югославской модели говорит о том, что реальный социализм Восточной Европы не был исключительно русским явлением. Более того, югославская модель самоуправленческого и рыночного социализма строилась, отталкиваясь от советской модели.

5.4. Изменение типа осевого человека при социализме и создание человека нового типа — «советского человека» — «гомо советикуса»⁶⁶¹

Социализм — вопреки внешним иллюзиям — отнюдь не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Цель его совершенно империалистическая: благоденствие в экспансивном смысле, но не больных людей, а жизнедеятельных, которым стремятся дать свободу действий, вопреки сопротивлению общественности, рождения и традиции.

О. Шпенглер. Закат Европы

Создание нового человека и личности путём культурной революции являлось основным пунктом программы социализма наряду с созданием новой социальной и экономической системы. Новый человек как программа вообще

⁶⁶¹ Термин возник в западных советологических источниках на основе программных заявлений идеологов большевиков о создании нового человека, затем схожих конструктов антисоветской публицистики. Разработан на научном уровне А. А. Зиновьевым в работе «Гомо советикус», см.: *Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Моск. рабочий, 1991. 412 с.*

был идеей фикс Нового времени и достиг апогея в социалистических идеологиях и практиках. Более узкий термин «гомо советикус» применительно к ведущему человеческому типу СССР возник в западных советологических источниках на основе негативного обыгрывания программных заявлений идеологов большевиков о создании нового человека, затем схожих конструктов антисоветской публицистики. Разработан на научном уровне А. А. Зиновьевым в работе «Гомо советикус» (1982)⁶⁶², которая, впрочем, отмечена антисоветской публицистичностью. Современное осмысление представлено в коллективной работе «Человек советский: за и против» (2021)⁶⁶³. Термин стал предметом жёсткой полемики западной и социалистической цивилизаций, а также правых и левых кругов Запада в течение десятилетий⁶⁶⁴. В итоге усилий антисоветчиков он превратился в негативный резко деструктивный мем.

Есть основания полагать, что под гомо советикус речь идёт лишь о видоизменённом восточноевропейском, осевом, раннем индоевропейском типе, который был подробно рассмотрен в разделе 3, но только искусственно доведённом психосоциальной инженерией большевиков до более рафинированного варианта. Такой путь был вполне логичным — сначала быстрая, резкая, эпатажная, но поверхностная ломка традиционного аграрного типа личности и культуры в 1920-е гг. леваками-троцкистами с помощью средств культурного авангарда, затем в 1930-е гг. — его возвращение в новой реинкарнации и консервация более правыми сталинистами. Даже если бы не было смены троцкистов сталинистами («Термидора», по выражению Троцкого), подобная схема культурной революции была бы наиболее вероятной, как, впрочем, и наступление «Термидора» в СССР.

Чем отличается гомо советикус от массовой раннеиндоевропейской и, шире, осевой личности? Прежде всего это более рационализированный тип за счёт индустриальной культуры и Просвещения в ходе культурной революции. Во-вторых, создание нового человека сочеталось с искусственно усиленным коллективизмом коммунистического типа. Многие черты «советского человека» можно, при желании, найти у русских, в русском национальном характере. Однако в целом советский человек всё же разнится с дореволюционными русскими, особенно с их преуспевающими слоями, но также с традиционной массой, хотя можно найти примеры у некоторых пограничных слоёв, например внутри интеллигенции или рабочего класса. Антропологически социализм строился на расширении индивидуальности и возможностей человека, но также и на постановке его на рационализированный коллективный социальный контроль коммунистической партии. Человека социализма нельзя рассматривать как подчинённую коллективу и государству стандартизированную и ничтожную личность. Социализм стал массовым проявлением личного и группового творчества через массовую мобилизацию воли, хотя и под жёстким контролем и регламентацией государ-

⁶⁶² Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Моск. рабочий, 1991. 412 с.

⁶⁶³ См.: Амиров В. М., Антошин А. В., Бортников В. И. и др. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.

⁶⁶⁴ Там же. С. 20.

ства, которое направляло эти воли в определённое, часто узкое или ошибочное русло, затем меняя его.

Социализм путём массовой индустриализации и культурной революции создал массу социальных лестниц и лифтов, требующих вместе с социальным ростом также личностного и культурного роста, и самое главное — духовного роста как проявления воли, выбора и усилия для выполнения своей роли. Социализм стал обществом массового творчества, ответственности и героизма, пробудив раннеиндоевропейские экспансивные черты, которые в древности реализовывались преимущественно в движении и расселении, направив их на качественный рост экономических и технических ресурсов СССР (впрочем, росли и доступные территории). Как мы видим, речь при социализме идёт о модернизации традиционной личности и подчинении её метафизической стороны секулярному управлению номенклатуры, превращению в управляемую сверху личность, а не об отмене осевого типа личности как такового. Новый тип стал более современным, более приспособленным к технике и промышленности, к реальности большого массового общества, хотя и утратил некоторые преимущества, например связь с потусторонним, тем самым рискуя утратить своё религиозно-духовное ядро. Однако заикленность на социальном контроле и коммунальность, а также отсутствие метафизики и религии в конечном счёте привели к кризису этого типа личности, который постепенно утрачивал свою героическую сторону.

Цивилизации не являются неизменными и проходят резкие повороты в развитии. Меняется и тип человека. Каковы эти изменения?

1. У среднего советского человека, по сравнению с человеком Старой России, увеличился масштаб личной ответственности до масштабов судьбы мира. Советский человек стал глобальным человеком в своей средней массе. Это проявление роста цивилизации Восточной Европы, приобретения ею мировой формы.

2. Такая традиционная русская и славянская черта, как жертвенность, стала в советское время требованием к человеку на протяжении всей его жизни, как жертва ради Родины и ради социализма.

3. Поверхностная рационализация личности: в ходе культурной революции, ликвидации неграмотности, технического образования, идеологизации, восточноевропейская личность подверглась просвещению западного типа, однако оно не было настолько развращающим и меняющим структуры отношений личности, как это происходило на Западе в течение длительного времени. Это своего рода рационализация коллективистского и коллективно-бюрократического типа, которая не ведёт к индивидуалистической изоляции. Вместе с тем она способствовала разрыву родовых и общинных структур.

4. Удаление метафизического, религиозного опыта на глубокий затуманенный план личности в результате атеизации и секуляризации. Личность стала менее чудесной, более материалистической и позитивистской. Особенностью этого типа был вышеуказанный атеизм, ориентация на просветительские рационалистические нормы и идеалы.

5. Государственный патриотизм надэтнического имперского «советского типа», интернационализм, терпеливость, умеренность.

6. Замена референтной малой группы сельских общин референтными группами трудовых коллективов (вторая жизнь общины) в поддержании социальной структуры личности. Соответственно, коллективизм в поведении.

Социализм является стилем мышления как элиты, так и масс, сильно отличающимся даже от родственных ему просвещения и европейского нигилизма. Это попытка перенести трансцендентную сверхчеловеческую компоненту личности внутрь общества, в квазирелигии нового общества, которое воспринимается как совершенное и справедливое.

Коммунизм выработал особую точку зрения на проблему цивилизаций, которая сводится к их «снятию» в развитии, отрицанию их абсолютности как объекта рассмотрения и абсолютизации коммунизма как цивилизационной реальности, что сильно отличает позицию коммунистов от западнизма с его колониальным мышлением метрополия — периферия.

5.5. Культура и цивилизационные формы социализма как вечного строительства. Между минимализмом и мегалитизмом

Основной центр тяжести цивилизационной оригинальности социализма пришёлся не на внешние формы материальной и духовной культуры, а на формы социальности, поскольку именно в ней выразилась специфика социализма как мировой формы осевой цивилизации.

Поскольку социализм — воплощение социальности и «человечности» («слишком человечности») в их текущем виде, а не квазирелигии, постольку он нацелен на оригинальные формы общества, а не на оригинальные формы культуры. Поэтому социализм дал формы материальной и духовной культуры, похожие на западные, но с собственным социальным и антропологическим содержанием.

Особенность социалистической культуры — не в творении этнической оригинальной культуры на основе народности, подобно традиционным культурам Востока, резко отличающейся от Запада, хотя таковые оригинальные этнические элементы культуры развивались и при социализме в СССР, и Восточной Европе (народная музыкальная и изобразительная культура), а в синтезе мировых направлений классики и модерна вокруг оси истории.

Поэтому, собственно говоря, культура социализма СССР не имела таких резких формальных отличий от Запада и вписывалась в мировой контекст. Важно то, что она переворачивала этот контекст вокруг оси истории. Социализм сочетает классицизм и авангардизм, восточную пирамидальность и демократический минимализм.

Каково антропологическое содержание культуры социализма? Речь идёт об образах человека, которые внедряла культура социализма в различных видах искусства: литературе, кино, музыке, театре, живописи, скульптуре. На наш взгляд, это разные варианты осевой личности в её современных воплощениях, главной чертой которой была прочность, упорство и преданность идее осевого человека, включающей компоненты сверхчеловека:

- 1) тип коммуниста — бескорыстного и волевого (в смысле упорства) творца нового общества. Один из ярких вариантов — Павел Корчагин;
- 2) тип воина и бойца (воителя и воительницы), профессионального и временно ставшего на защиту Родины;
- 3) тип трудового лидера — передовика и стахановца;
- 4) тип творца науки и техники, по варианту русского космизма (здесь также научная фантастика).

Эти типы включали как мужской, так и женский вариант. Важная добродетель культурного героя социализма — бескорыстие и стремление к общему благу. Также нужно отметить инициативность, лидерство, готовность идти против течения как проявления волевых качеств. Особенность культуры социализма — отсутствие систематической жестокости и эгоизма в образах культуры.

Вместе с тем и культура была достаточно оригинальной. Её оригинальность выразилась в таких чертах, как:

- 1) космизм науки и техники, стремление преодолеть узкие рамки мира;
- 2) авангардизм и реализм;
- 3) массовое личное участие членов общества, массовость и квазирелигии;
- 4) титанизм и героизм образа человека (сверхчеловеческие черты);
- 5) открытость общественного пространства, его общедоступность (в архитектуре);
- 6) близость высокой и низкой культур за счёт частичного поднятия последней до уровня первой. Квинтэссенцией стилей стал социалистический реализм.

Сквозной идеей-образом культурно-исторического типа социализма являлось строительство нового общества. Она воплощена в образе мавзолея Ленина и высотки главного здания МГУ (и вообще сталинских московских высоток и их копий в других городах). Строилось всё и везде: тысячи предприятий, дорог, учреждений, культурных объектов, социальных отношений, дорог, каналов, плотин, жилые дома, аэропорты и космодром, гигантские военные объекты, университеты. Строился коммунизм как конец истории. Это связывает реальный социализм с древними мегалитическими культурами и идеями строительства третьего храма, вавилонской башни и другими подобными конспирологическими матрицами (идея масонства как строительной корпорации, строительства Третьего иерусалимского храма). Все эти идеи были адаптированы в секуляризованном открытом и массовом виде. Социализм приобрёл экстенсивный характер бесконечной расточительной стройки истощёнными силами подданных ради отвлечённой цели, который был противопоставлен осевой схеме истории. Это приблизило его конец.

5.6. Почему социализм победил в Восточной Европе?

Факт остаётся фактом: нигде на Западе социалистический строй не утвердился, хотя некоторые социалистические элементы были встроены в капитализм Запада (планирование, социальное государство). Однако смысл этой теории не всегда буквален, всё может быть наоборот — обобществление ведёт к усилению капитализма и черт Запада, а также порабощения личности. Западное общество

не приспособлено для социализма как цивилизации, построенной на сочетании интуитивного многоуровневого коллективизма и коммунальной борьбы, хотя некоторые элементы социализма вполне устраивают многих его членов (планирование, социальное государство, мелкая собственность на жильё, корпоративизм).

Круг социалистических идей сформировался в странах Запада в XVIII — середине XIX века во Франции, Италии, Германии, Англии и лишь во второй половине XIX века распространился в Восточной Европе. В России они приобрели своеобразные формы: русского народничества, анархизма, большевизма-ленинизма, троцкизма, сталинизма. В Азии формы социалистического учения стали ещё более своеобразными: маоизм, Чучхе; а после победы коммунистических партий там сформировались национальные модели социализма, соответствующие местным цивилизациям. Модели социализма в Китае, Вьетнаме и Южной Корее в 1950–1990 гг. не похожи ни на западную цивилизацию, ни на современный им восточноевропейский социализм, хотя и заимствовали от него ряд ключевых черт. Особая модель восточноевропейского социализма была реализована в Югославии. В 1990-е гг. азиатские модели социализма были успешно конвергированы в соответствующие модели капитализма, сохранившие ярко выраженные цивилизационные особенности и не подчиняющиеся западному сверхобществу.

Ещё в начале 1920-х годов в СССР партия большевиков взяла курс на построение особой модели социализма в отдельной стране, с поддержкой социалистических революций в странах Востока. Вместо мировой революции в мире утвердились идеи построения социализма в отдельных странах, особенно если эти крупные страны в прошлом миры-экономики и отдельные цивилизационные ареалы или их части, такие как СССР, или Китай, или страны Индокитая. При этом для облегчения выполнения задачи и обеспечения стабильности проекта должны были быть разработаны особые модели социализма, учитывающие цивилизационные особенности стран, находящиеся в конфликте с западным капитализмом.

В СССР с самого начала XX века и до конца 1930-х гг. была разработана и воплощена оригинальная модель восточноевропейского социализма (коммунизма). Это касается как моделей Ленина, Бухарина, Сталина, Троцкого, не говоря уже о хрущёвском, брежневском и позднейшем этапах. Левое движение в России, в котором ведущая роль принадлежала восточноевропейскому еврейству, — оригинальное явление Восточной Европы, выразившее её дух в нигилистической превращённо-извращённой форме. Левое движение в России — продукт внутреннего кризиса восточноевропейской цивилизации, а не только её борьбы с Западной Европой, в результате которых идеи были «впрыснуты» в Россию. Действительно, левые круги России были использованы Западом для сокрушения Российской империи.

В то время как реальный социализм был построен в СССР, в странах Восточной Европы, Китае и ряде других стран Азии, Африки, на Западе не возникло ни одного социалистического государства⁶⁶⁵. Стало ясно, что левое движение на

⁶⁶⁵ Детище национал-социалистов — Третий рейх — социалистическим государством на деле не являлся, хотя он также означал трансформацию капитализма по социалистическому пути.

Западе и реальный социализм в других цивилизационных ареалах — разные вещи, отчасти даже противоположные. Ещё ранее, в 1930-е годы, идея Коминтерна под руководством СССР потерпела крах, от неё Сталин вынужден был отказаться.

После Второй мировой войны восточноевропейская модель социализма с переменным успехом и некоторыми уступками западным влияниям была распространена на страны Юго-Восточной Европы и Центральной и Восточной Европы, Южную Прибалтику, но уже с использованием геополитической и военной мощи СССР и нередко вопреки установкам местных политических классов. Но в ряде государств восточноевропейская модель социализма опиралась на внутренние силы и идеи, например в Югославии, Румынии, Албании. Кое-где более жёсткая модель советов была заменена на модель так называемой народной демократии.

Часто введение социализма в странах Восточной Европы объясняют диктатом СССР. Без военно-политического вмешательства СССР создание социалистических государств в странах Восточной Европы было маловероятным. Почему? Потому, было сильное влияние Запада и связанных с ним местных восточноевропейских элит, которое нужно было преодолеть.

Исследователи модернизации в южной части Восточной Европы отмечают, что особый альтернативный путь для Балкан и части Карпатского региона (Словакия) был выработан самостоятельно. Л. Перович (Сербия) пишет на примере сербской радикальной партии: «Эта модель невозобновления западноевропейского пути старше большевиков и известна ещё в XIX веке, как реакция на капитализм и социалистические учения Запада одновременно. Как полагает Хобсбаум, она не имеет отношения к индустриализованной Чехии и бывшей Германской Демократической Республике, но подходит для Словакии и балканских государств. Вторая половина двадцатого века для этих стран — “самый лучший период их истории”»⁶⁶⁶. «Квинтэссенция этой идеологии — народное государство в противовес современному государству, которое вводит власть права, основывает институты и создает административное сословие — бюрократию. В этом отношении решающим было десятилетие с 1878 по 1888 г.»⁶⁶⁷. При выработке альтернативы Западу был использован опыт национальных форм общинной семейной организации — задруги.

Начав разбираться в Восточной Европе, её истории и укладе, мы найдём много предпосылок социализма (но не коммунизма). «Как и в России в XIX в., старые югославские крестьянские традиции формировали и своеобразное классовое сознание, и особую концепцию производственной демократии. Социализм воспринимался широкими и не очень просвещёнными массами как справедливое уравнильное общество со значительным присутствием полуанархических элементов. Югославские представления о социализме изначально впитали в себя многие обыденные (если не сказать обывательские, непро-

⁶⁶⁶ Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. С. 17. Цит.: URL: http://macedonia.kroraina.com/chb2007/chb2007_perovich.htm.

⁶⁶⁷ Там же. С. 28.

фессиональные), утопические представления о земном рае, молочных реках и кисельных берегах, о новом и передовом обществе, где не надо нести строгой личной ответственности, где всё решает коллектив, а не чиновники, и люди довольны и счастливы. Эта общая социальная и идеологическая почва подкрепила практический переход страны к самоуправленческой модели. В декабре 1949 г. состоялось несколько заседаний ЦК КПЮ и правительства с представителями профсоюзов, на которых обсуждалась идея формирования рабочих советов на государственных предприятиях как низовых органов управления. В первой половине 1950 г. были созданы рабочие советы на 520 предприятиях и принято решение о распространении рабочих советов на всю промышленность»⁶⁶⁸. Таким образом, социализм у южных славян имел собственную опору внутри общества и его традиций.

5.7. Социализм в раннеиндоевропейском обществе как образ мифологии славянства: посмертный мир языческого славянства и комплекс «народного православия»

Есть основания полагать, что корни социализма лежат гораздо глубже в самом начале истории индоевропейских народов. Раннеиндоевропейское общество до расселения по своей форме было простейшим социализмом: коллективным обществом равных отдельных индивидов, в котором выделялись наиболее достойные и сильные вожди. Лишь позднее оно стало обществом, котором правили короли и князья, а индоевропейцы эксплуатировали покорённые народы. И именно славянство законсервировало социалистические черты индоевропейского общества в условиях недостатка прибавочного продукта и людей-объектов эксплуатации.

В этом плане социализм является консервативной конструкцией, обладающей ценностью для всех индоевропейцев как носителей ранних черт с балансом личности, общины и элиты. Подобные версии «реакционного» социализма, борющегося с наступающим капитализмом, были на Западе, с которыми боролись Маркс и марксисты. Однако реальными носителями его в Новейшей истории остались только восточные европейцы. Раннеиндоевропейский социализм нужно отличать от «первобытного коммунизма» либо от коммунизма раннеземледельческих цивилизаций Востока и так называемой Старой Европы, в которых личность не была выделена в особую социальную и метафизическую единицу. При социализме есть неравенство и личностная автономия.

Идеи социализма как подлинно справедливого порядка связаны с первичной мифологией мироздания. Идея земного рая в раннеиндоевропейском контексте не является идеей апокалиптической, — это образ будущего общества, земного рая, который ожидает всех людей (или всех соплеменников), и которое

⁶⁶⁸ Кудров В. М. Югославия: трудный путь. Докл. № 81. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. С. 29–30.

уже сбывается и сбылось: в золотом веке или в потустороннем мире. Особенности картины потустороннего мира у славян, куда попадают люди после смерти и где обитают предки, в том, что он является картиной умеренно-оптимистичной (см. подробнее в разделе 3.4).

Жёсткое разделение посмертной судьбы на ад и рай было привнесено к русским вместе с православием. У западных народов попадание в какое-то хорошее место загробного мира (Валгаллу, например) в языческих представлениях было связано с исключительными заслугами — воинскими подвигами, и предназначалось для избранных — героев, искупивших грехи доблестью. У славян ад, конечно же, существовал, но он был предназначен для совсем плохих людей, а не для тех, кто не выполнял общие заповеди.

Очевидно, что в такой позитивной трактовке древние славяне видели будущее себя и своих предков, и это естественно накладывалось на картину мечты и будущего и вечно пребывающего (не проявленного здесь мира). В системе двоеверия это как-то соединилось в народном сознании с православным раем, куда попадали правильные люди, прожившие свою жизнь в соответствии с заповедями и моральными нормами, православные христиане и свои соплеменники, но и те грешники, которые смогли искренне раскаяться.

В дальнейшем, по мере утверждения в России канонического православия и каких-то более бескомпромиссных вероучений православного круга (благочестия в смысле кружка «ревнителей благочестия», Никона или греческих вероучителей и ушедших в раскол старообрядцев), в этом полуязыческом органическом мировоззрении образовались трещины и произошёл раскол. Принять официальную идеологию Страшного суда было сложно, а если она и принималась, то как Страшный суд над врагами.

Русские религиозные философы были склонны к отрицанию вечного ада, считая это неправильным с точки зрения христианского мировоззрения и присутствующим только искажённому «судебно-карательному» образу христианства как инквизиции, по мнению Н. А. Бердяева. Здесь они вступали в неизбежные еретические отклонения от православной догматики. Данные воззрения обострились в связи с гонениями официальной православной иерархии на имяславие-исихастов в 1910-е годы. В русской философии сложилось консенсусное мнение о возможности посмертного исправления и избежания ада. Ад не отрицался, он получил другую трактовку, нежели официальную, и в народном православии, и в двоеверии. Он понимался как собственный злой волевой выбор души, ведущий к попаданию на более хаотические этажи бытия. Ещё большие отклонения от ортодоксии были в концепции иерархического персонализма Н. О. Лосского, который для реализации своей доктрины мироустройства вынужден был разработать свою теорию загробного перерождения душ.

Представления о крестьянском «народном строе» не соответствовали образу не оправдавшей надежды реальной самодержавно-православной России, хотя в какой-то мере соприкасались они с её идеей светлого будущего на грани загробного и реального миров и полуофициальной идеологией Удерживающего (Третьего Рима). На самом деле, русский народный религиозный социализм — это идея объединения двух миров, реального сложного и потустороннего пра-

вильного, сформировавшаяся где-то на грани между ними. Что это, как не мистический социализм, принимающий иногда идеи Тысячелетнего царства? В переходные кризисные эпохи идеи и секты народного православия расцветали пышным цветом: и Раскол второй половины XVII века, и начало западной Российской империи XVIII века, и середина XIX века перед отменой крепостного права, и кризис в начале XX века — все они были наполнены мистическими движениями глубинного народа.

Западные люди, наоборот, ничего хорошего от будущего мира не ждали и поэтому не стремились к созданию царства социализма, инстинктивно не доверяя ему. Поэтому, несмотря на утопии и утопический социализм, реальный социализм на Западе не состоялся, хотя и движение в этом направлении было (ведь «движение всё, а конечная цель ничто», раз она предсказуемо плохая, то есть Аид). Таким образом, в идеале, содержащемся в мифологии, мир восточный идёт к социализму или чему-то ещё, как к Царству Божьему на земле (или более древнему языческому раю), или даже к воскресению отцов, по Н. Фёдорову; а западный мир — идёт в никуда (без цели), по пути прогресса, то есть к своей данности наличного бытия — экзистенции, за которым мерещится древнегреческого образца Аид. То есть движение западного прогресса направлено в ад, или в его цивилизационное «совершенствование», «смягчение».

Учение Н. Ф. Фёдорова о воскрешении всех отцов (всех умерших людей) и использовании для этого особых сил природы, получившее название космизма, изложенное в работе «Вопрос о братстве... Записка от неучёных к учёным», является вариантом народного утопического метафизического социализма в славянском духе (без идеи Ада). Миссию братства и воскрешения Н. Ф. Фёдоров связывал со славянской этничностью. Оно в какой-то мере выразило народное умонастроение, что подчёркивал Фёдоров, вставая на позицию «неучёных», точнее крестьян.

Конечно же, реальный социализм СССР, вопреки чаяниям масс, из-за негативных черт антипода Запада был далёк от представлений о рае или Беловодье, однако он эволюционировал в этом направлении в 1960–1980-е годы.

5.8. Социализм от социализма в Восточной Европе — до СССР. Социалистические формы и предтечи в Старой России

Большевики во главе с В. И. Лениным «взяли» в свои руки дело социализма в России, как «спелую гроздь», что отчасти, хотя и противоположным образом, подтверждает марксистскую теорию о предпосылках социализма.

Именно в бюрократии и её расширении и универсализации А. А. Зиновьев видел связующее звено Старой России с социализмом: «Но одновременно происходил процесс роста социальных отношений, которые участниками жизненного процесса того времени не воспринимались как основа социальных отношений будущего коммунистического общества, а именно чиновничьи отношения, т. е. отношения людей к грандиозному государственному аппарату России и отношения людей внутри самого этого аппарата. Чиновничье-бюрократический

аппарат стал стремительно складываться в России уже в годы Ивана Грозного. При Петре Великом он стал конституироваться формально. Ко времени революции он стал третьей основной социальной силой в стране наряду с помещиками и капиталистами»⁶⁶⁹.

Крестьянскую общину неправильно рассматривать как единственную предпосылку социализма в отрыве от других более динамичных форм, встроенных в рыночную и индустриально-капиталистическую систему. На капиталистических предприятиях складывались землячества работников, выходцев из сельских общин одной территории, чуть ранее крестьян «отходников», выполнявших роль профсоюза в вопросах найма рабочей силы. Все эти альтернативные и тайные общины были связаны с землячествами пролетариев — бывших крестьян, а иногда с капиталистами — владельцами данных предприятий, выходцев из старообрядческой среды, нередко образующих своего рода корпорации (подробнее об этом у А. В. Пыжикова⁶⁷⁰). Это явления почвенной, чисто народной социальной среды, противостоящей политически правящим классам и государству, в том числе и в культурном плане, как народная культура, противостоящая западным псевдоморфозам, и резко и глубоко оппозиционной системе Старой России, самодержавию, дворянству, чиновничеству и Церкви (Ленин писал о двух культурах России).

«Находясь под государственно-церковным прессом, старoverы вынужденно нацеливались не на частное предпринимательство с получением прибыли в пользу конкретных людей или семей, а на обеспечение жизнедеятельности своих единоверцев. Только такие общественно-коллективистские механизмы представлялись оптимальными в том положении, в котором жило русское старообрядчество. А потому его религиозная идеология освящала экономику, предназначенную не для конкуренции хозяйств и обоснования отдельной избранности, как у протестантов, а для утверждения солидарных начал, обеспечивающих существование во враждебных условиях»⁶⁷¹. Однако предпосылки социализма были, что очень важно для понимания быстроты социалистического переворота, не только в альтернативной народной социальной организации, но и в господствующей «псевдоморфозной» по культуре верхушке Старой России. Несмотря на отмену обязательной службы дворян и превращение поместий в наследуемые, тем не менее общая моральная схема, оправдывающая существование правящего класса, осталась. Огромное количество представителей господствующих классов не имели наследуемых поместий и вынуждены были служить, так как служба была единственным реальным источником жизненных благ. Её нарушение в период засилья эгоистического крепостничества рассматривалось как нарушение справедливого государственного и сверхъестественного порядка.

Служебный класс Старой России, включавший и духовенство, и вообще большинство лиц умственного труда, стал прообразом класса советской но-

⁶⁶⁹ Зиновьев А. А. Русская судьба: исповедь отщепенца... С. 130.

⁶⁷⁰ См.: Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма...

⁶⁷¹ Там же. С. 6–7.

менклатуры как коллективного политического властителя и собственника общественной собственности на средства производства, а также советской интеллигенции. Господствующий класс пополнялся за счёт поступления на службы людей из низов. Аналогичным механизмом стало и рекрутирование социалистической бюрократии. Сюда нужно добавить большой объём государственной собственности, в том числе и на землю, высокую долю крестьян, напрямую управляемых государством через общины, наличие обширных служилых прослоек между крестьянством и дворянством, имеющих трудовую мелкую или среднюю собственность (казачество, однодворцы). Вся эта система освящалась мировоззрением православия как коллективным противостоянием мировому злу со стороны России — Третьего Рима, — главного оплота христиан перед лицом приближающегося конца света. Нарушение этой системы в XVII веке и позднее привело к мечтам о пересоздании её уже на новой основе.

Таким образом, в России XVI–XIX веков имелась квазисоциалистическая система — прообраз социализма СССР на всех этажах общества, встроена в феодальную и капиталистическую реальность.

5.9. Социализм как реальный антикапитализм и анти-Запад — смысл идеи мировой революции

Понимание социализма Восточной Европы невозможно без представления о том, что реальный социализм являлся на деле антиподом денежной цивилизации, построенной на эксплуатации людей в частных или корпоративных интересах и колониализме, с которыми связывалась вся предыдущая история человечества. Социализм был отрицанием не только новоевропейского капитализма (тем более его узкого понимания, построенного на продаже рабочей силы), глобального империализма, как его высшей стадии, но и всего общества, связанного с рынком, частной собственностью и частной эксплуатацией в течение всей истории. Поэтому социализм отрицал всю историю как Запада, так и Востока, и представлял собой «выход из истории». Предстояло как бы «выпотрошить» всю историю человечества, взяв из неё нужные элементы и встроив их в её антипод. Это часто видится противникам социализма чем-то ужасным, однако это неизбежно. Понимание социализма как антикапитализма и вообще антиантирадикального в плане отношения к предыдущей истории общества было очень хорошо развито К. Марксом в опоре на гегелевскую диалектику отрицания. Мировая революция, осуществившись она на практике хотя бы в большей части Европы, очевидно вела к падению этой системы и заменой её системой, в которой деньги и ссудный процент не обладали бы таким влиянием на цивилизацию.

Социализм — не продолжение развития капитализма в его центре, западном мире, а отрицание Запада, слившегося со своей капиталистической формой. В нём заложен антизападный цивилизационный тип и код, как бы взрывающий его изнутри. Невозможно построить социализм в рамках развития западного

типа, хотя в нём и вызревают социалистические предпосылки. Для рождения социализма нужно сорвать стоп-кран мировой истории — истории западного прогресса, в опоре на ту цивилизацию, которая изначально несёт в себе черты социализма. Именно по этому пути изначально и шла левая (с А. Герцена, И. Бакунина, Н. Михайловского, П. Кропоткина) и правая (славянофилы) мысль и практика России. Курс большевиков и левых эсеров на социалистическую революцию в России изначально предполагал антизападный путь, хотя они финансировались западными империалистами. В социал-демократии прозападную линию Г. В. Плеханова победила линия В. И. Ленина. Вскоре это проявилось: перенос столицы РСФСР из Петербурга в Москву, воссоздание империи в виде СССР, замкнутая плановая экономическая система, попытки разжигания антизападной мировой революции сначала в Европе, а затем и в Азии.

Воплощением отрицаемого социализмом общества к 1917 году была не только и не столько цивилизация царской России, её монархия и православная церковь, не только «финансовый пылесос» дореволюционной российской и западной олигархии, высасывавший ресурсы из России, но и весь Запад в единстве своей истории, который воплощал в себе эксплуататорские цивилизации. Поэтому отрицающий Запад социализм включал в себя тему мировой революции и священной войны с мировым капитализмом (которые ошибочно приписываются одному троцкизму или другим радикалам-глобалистам). Реальный социализм как тип общества, как мы видим, изначально носил негативные черты, которые затрудняли его внутреннюю социальную стабилизацию и вынуждали к непрерывному мобилизационному режиму, высасывающему этническую энергию из русского и других народов.

Аналогично восточноевропейским социализмом отрицалась и цивилизация стран Востока, в том числе и древние ближневосточные цивилизации. Социализм ликвидировал ссудный процент в финансовой системе, превратив её и деньги в инструмент обслуживания неденежных и даже в какой-то степени антиденежных отношений. Таким образом, ликвидировалась вся денежная форма разных цивилизаций вплоть до Вавилона, Иерусалимского храма, Финикии и Карфагена. Но при этом социализм пользовался индустриальным и культурным фундаментом капитализма и других цивилизаций.

Соответственно, и уничтожение мировой социалистической системы в 1991 году под внешним и, отчасти, внутренним влиянием элит проходило как отказ от глобальной формы цивилизации антикапитализма, а не просто как от особого русского или славянского пути, вызывающего сомнение в состоятельности капитализма. Негативная логика социализма вызывала устойчивую ненависть со стороны мировой олигархии и вообще соответствующих элит отдельных стран и устойчивое стремление ликвидировать СССР силовым путём. Финансовая олигархия Запада никогда не рассматривала социализм и его вождей как равную систему, а только как антипода нижнего уровня, который может стать вассалом, но при условии отказа от формы антипода и подчинения капитализму.

5.10. «Социальное, слишком социальное»⁶⁷².

Социализм как зрелое человеческое общество в чистом виде, «человек советский» как «чистый» человек на развитой стадии

Если коммунальность можно представить себе как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию — как карабкание вверх.

А. А. Зиновьев. *Коммунизм как реальность*

Социализм как чистая социальность

Согласно философско-историческим взглядам позднесоветского ортодоксального марксизма, социализм как теоретическая и фактическая конструкция выражал общественную сущность человека в чистом виде, с уже «снятой» подчинённой биологической природой. Корень слова «социализм» (от слов «социум», общество в широком или узком смысле) довольно чётко указывает на смысл социализма как цивилизации — фиксации на обществе, общества на себе, на общественных отношениях и отношениях личностей. Социализм — тип общества, в котором общественное начало преобладает и утверждает себя. Не материальный мир, не мир техники, не культуры, не духа как основа сверхчеловеческого — главное при социализме, а общество людей таких, какие они есть. Кстати, очевидно, эта этимология социализма в различных социалистических доктринах и утопиях кодировала построение именно такого общества под названием «социализм» (коммунизм — это другое).

В качестве показательной трактовки социализма (первой стадии формирования коммунизма) как сущности человеческого возьмём работу В. А. Вазюлина «Логика истории» (1988), научного руководителя автора данной монографии. «Коммунизм в широком смысле слова есть зрелое человеческое общество, в отличие от всей предшествующей истории человечества как истории незрелого человеческого общества... Зрелое человеческое общество... есть общество, в котором завершилось преобразование естественно возникших связей и установилось безраздельное господство специфически человеческих отношений. Специфически человеческие отношения есть отношения людей преимущественно как личностей... Коммунистическое общество в целом представляет собой подлинную историю, собственно историю человечества, в отличие от предыстории и всех её стадий»⁶⁷³, — писал диалектической логик В. А. Вазюлин в рамках марксистско-гегелевской философии истории.

⁶⁷² «Человеческое, слишком человеческое» — название и главная идея работы Ф. Ницше, в которой обосновывается неизбежность появления сверхчеловека на смену последнему человеку, поскольку обычный человек является носителем недочеловеческих черт. См.: Ницше Ф. В. *Человеческое, слишком человеческое*. М.: АСТ, 2020. 384 с.

⁶⁷³ Вазюлин В. А. *Логика истории. Вопросы теории и методологии*. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 290–291.

Итак, мы видим, согласно взглядам марксистов, советских и не только, что антропологической спецификой социализма является акцент на человеческом и личностном в коммунизме, взятом в развитии, в отличие от вещного и «недочеловеческого», социобиологического при капитализме и других ранних формациях. По мнению В. А. Вазюлина, «общество есть “органическое” целое, проходящее в своём восходящем, прогрессирующем развитии ряд стадий»⁶⁷⁴. (Вспомним аналогичное название работы Н. О. Лосского «Мир как органическое целое»!) Однако органическое целое общества понятно с позиции его зрелой, коммунистической стадии, когда биологические факторы преобразованы: «Процесс преобразования унаследованной природной основы (земные основы, “земное лоно” истории) завершён»⁶⁷⁵.

При социализме как первой стадии коммунизма человек выступает уже не как индивид с преобладанием биологических черт над социальными (соответственно, конкуренции за воспроизводство), а как личность, преобладающая над индивидом. Это происходит благодаря преобладанию сущности общества над производством как его «бытиём» в гегелевском смысле, то есть самого общества над его начальной стадией, «начальным веком».

Отношения людей в зрелом обществе выступают как отношения личностей⁶⁷⁶. В данном случае личности понимаются именно с их социальной стороны, поскольку метафизическая духовная сторона в марксизме не рассматривалась. «На стадии зрелости общества социальный фактор становится не только ведущим, но и непосредственно господствующим... Только теперь безраздельно господствуют самодвижение, саморазвитие общества, взаимодействие людей как самоцель, развитие сущности человека как самоцель. Здесь речь идёт о “земном» существовании человечества»⁶⁷⁷. Сущность человека понимается как общество, если мы пытаемся выстроить его без духовной компоненты, без Бога. В какой-то мере социальный коммунальный человек как проявление общественности как сущности является отрицанием «недочеловека» биосоциального типа.

В этом плане интересна социальная типология строения личностей у В. А. Вазюлина, состоящая из четырёх типов:

- предпосылочной личности;
- личностей сущностного типа 1–3 родов.

Личность последнего типа (сущностная, 3-го рода), возникающая при социализме, обладает свободой выбора общественных целей, то есть фактической свободой воли. Только при социализме индивид становится личностью как суммой социальных отношений, которые не противоречат его воле и духу. Возможно ли это? Практика социализма показывает, что нет.

В действительности из-за материализма социальной жизни чистая социальность оказывается всё же ближе к социобиологической природе человека. Если западная цивилизация является аномальным обществом, способным к мутациям

⁶⁷⁴ Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии... С. 206.

⁶⁷⁵ Там же. С. 207.

⁶⁷⁶ Там же. С. 203.

⁶⁷⁷ Там же. С. 207–208.

на базе рационализации («киборгизации» человека), смягчающим последствия коммуналности благодаря преобладанию деловых отношений (А. А. Зиновьев), то социализм — общество, стремящееся к максимизации усреднённой нормы человечества, его социальности (коммуналности).

При социализме всё же сохраняются варианты отношений биологического характера, которые, собственно, и ведут к тому, что личностная сторона социализма ограничена и поэтому социализм имеет нечто от капитализма. Архитектор и руководитель строительства реального социализма И. В. Сталин в своей итоговой работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) утверждал, что при социализме действуют те же экономические законы, что и при капитализме, в частности закон стоимости. Их невозможно уничтожить в рамках перехода к новому социальному строю. «Итак, законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли. ...Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учёта закона стоимости»⁶⁷⁸. Вместе с тем Сталин считал, что действие некоторых законов при социализме ограничено, например того же закона стоимости, не распространяющегося на средства производства и рабочую силу. Но это ограничение внешнего волевого характера.

Таков главный историко-философский парадокс социализма, когда поднятая на щит социальность в качестве основы человека оборачивается усилением социобиологической борьбы (см. выше апорию коммуналности у А. А. Зиновьева) и проседанием общества на природную основу.

Запад тоже эволюционирует к коммунизму, согласно Зиновьеву, но своеобразно, сохраняя свою биологическую животную природу (что мы видим на примере цифровизации и усиления машинного контроля, усиления тоталитарности при сохранении и усилении олигархии).

Материалистическая трактовка действительности ведёт к постулированию социальной организации, а не духа как конечной истины исторического процесса. Материалистическая трактовка марксистами — организаторами социализма — категории «действительности» Г. В. Ф. Гегеля, то есть полной истины человека и общества как социальности (то есть «действительности» в смысле логики Гегеля, хотя сам он так не считал, выдвигая дух в качестве синтеза), как цели развития человечества ведут к постулированию социальной организации как конечной истины исторического процесса, что блокирует духовный горизонт в обновлении общества. Как только организация исчезает, социализм «проседает» на социобиологический фундамент.

Что и произошло в опыте реального социализма Восточной Европы и привело его к свёртыванию. Материализм, выступая первоначально как преимущество в борьбе с капитализмом, в итоге погубил социализм, поскольку он «закупорил» его в социальном контуре. Власть в СССР в 1960–1970-е гг. контролировали люди,

⁶⁷⁸ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 93 с. Цит.: URL: http://www.souz.info/library/stalin/ec_probl.htm (дата обращения: 30.09.2023).

которые не понимали настоящей цели социализма, — нового человека, увеличивающего свои сверхчеловеческие качества. Более того, они боялись качественных изменений человека, общества и экономики.

Капиталистический детерминизм, довлеющий над личностью в виде производства и обмена, заменён в реальном социализме социальным детерминизмом в виде явной социальной и бюрократической организации, выдающей себя за чистую социальность. Только такое «явление» «сущности» общества как социальности и возможно, — как бюрократической рационализованной организации с внутренней коммунальной борьбой, в которой вынужденно участвуют так или иначе все члены общества вопреки своей духовной природе.

*Итоги социализма. Связь с проблемой сверхчеловека.
«Человек есть нечто, что должно превзойти»⁶⁷⁹*

Ни на «человеческом, слишком человеческом», «слишком социальном» устройстве социализма, ни на недочеловеческом устройстве глобального капитализма история не может завершиться. Социализм не может быть завершением истории. Она обречена двигаться духовно, то есть волевым выбором, движением сверхволи (а не причинностью) вдоль своей оси. Именно здесь будущее человечества и нашей цивилизации, к которому реальный социализм Восточной Европы — лишь прелюдия.

Русский человек, впервые построивший социализм, показал себя как человек социальный, общинный, человек общественных отношений и общественных групп, но не человек коммунистический, не обобществлённый в коммуну. Социализм ВЕ, как воплощение социальности, не совершил и не мог совершить «скачка из царства необходимости в царство свободы», о котором писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». В лучшем случае при социализме можно говорить о свободе как о гегелевской «осознанной необходимости». Цена социализма в СССР оценивается в 87 млн человеческих жизней, погибших от внутренних насильственных факторов в 1917–1955 гг., без учёта несостоявшегося естественного прироста и потерь от внешних войн. Это жертвы, принесённые на алтарь религии Общества, Разума и Человека как социобиологического существа. Но если это только прелюдия, то они были не напрасны.

Опыт социализма СССР показывает неизбежность сверхчеловеческой эволюции человека, поскольку обычная социальность в чистом виде не позволяет преодолеть биологический животный облик (образ) человека. Опыт личности реального социализма показывает коллективный путь, по которому человек может достичь состояния сверхчеловека. При это не следует путать сверхчеловеческое в христианском религиозном смысле с трансгуманизмом, который хочет оусуществить подмену духа мёртвой рациональностью.

⁶⁷⁹ Фраза Ф. Ницше из работы «Так говорил Заратустра». М.: АСТ, 2021. 320 с. URL: <https://nietzsche.ru/works/main-works/zaratustra/antonovsky/> (дата обращения: 30.09.2023).

Достижение состояния сверхчеловека идёт не по пути рационализации и индивидуализации, то есть западного гуманизма и просвещения, а по пути возвращения назад, к человеку осевого времени, и через объединения людей через их коллективы, то есть духовного изживания уже достигнутой в ходе исторического развития ограниченной социальности.

А. А. Зиновьев считал, что «Россия осуществила прорыв в мировом эволюционном процессе, открыв новое направление социальной эволюции, качественно отличное от западного... Над западом вообще нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже гибели»⁶⁸⁰. Был изобретён сверхобщественный уровень организации общества, выраженный в «партии» и «партаппарате» и сверхидеологии⁶⁸¹. Здесь Зиновьев, вероятно, не прав — скорее всего, сверхобщественный уровень был на Западе до СССР в виде тайных обществ, но в СССР он приобрёл явный систематический и официальный тип социальной организации во главе с компартией и номенклатурой. Это ещё один шаг к сверхчеловеку, но сам по себе он не является «светлым будущим человечества» как социального целого, которое сложно достичь, опираясь на человеческую социальность как рационалистический конструкт, о чём свидетельствует опыт СССР, стран Варшавского блока, а отчасти и Китая.

Иными словами, социализм как опыт антикапитализма и антинацизма объективно полезен, поскольку без него сложно представить социальность в чистом виде, хотя он и далёк от идеала духовного волевого человека как свободного человека будущего, который может понять либо как сверхчеловек, либо как подобие Богочеловека.

Дальнейшее осевое движение как нашей цивилизации в России, так и других цивилизаций в мире как целом требует возвращения и развития социализма как системы с учётом искажений и ошибок СССР, которые должны быть подвергнуты пристальному изучению. Ориентиром должно выступить развитие социализма внутри личности и малых коллективов, то есть персоналистская революция или эволюция. Социализм не является самоцелью, это лишь необходимый опыт общества по пути его более высокой социальной организации.

⁶⁸⁰ Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект... С. 171.

⁶⁸¹ Там же. С. 63.

РАЗДЕЛ 6

Историософия Восточной Европы.

Время, пространство, поворот в будущее мировой Оси

6.1. Время и пространство восточноевропейской цивилизации

Мы фактически вступаем в славянофильский эон нашей истории... То, что казалось чистой фантастикой и патриотическим сновидением, начинает сбываться...

...Славянофильствует время, а не люди, славянофильствуют события, а не писатели, славянофильствует сама внезапно заговорившая жизнь, а не «серая теория»...

*В. Ф. Эрн. Время славянофильствует
(Война, Германия, Европа и Россия)*

...порождает образ гигантского волчка, ориентированного своей осью по линии течения времени.

Ф. Козырев.

О физической теории времени Николая Козырева

Три мировые войны вокруг Восточной Европы и складывание восточноевропейского глобального осевого времени в истории XX–XXI вв.

Как может бесконечное время, «подвижный образ вечности», «славянофильствовать»? В чём цивилизационный историософский смысл славянофильства времени? Россия и Восточная Европа входят в глобальное время в качестве его осевого центра. Славянский мир Восточной Европы приобретает мировое значение, которое властители Запада не хотели, чтобы у него было.

То, что в период написания В. Ф. Эрном очерка-памфлета «Время славянофильствует»⁶⁸² было ситуацией Первой мировой войны Русского мира с германским, в результате которой появилось несколько славянских государств и государств других народов, а в России возникла новая социалистическая форма

⁶⁸² Эрн В. Ф. *Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия*. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 7. Цит. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/85355-ern-v-f-vremya-slavyanofilstvuet-voyna-germaniya-evropa-i-rossiya-m-1915-voyna-i-kultura#mode/inspect/page/36/zoom/4> (дата обращения: 30.09.2023).

цивилизации, сегодня является ситуацией борьбы России и Запада вокруг раздела Украины. В итоге этого спора славян между собою в центре Восточной Европы произойдёт рождение нового многоцентричного устройства мира, в котором Запад отойдёт на второй план. Но это лишь политическое значение продолжающегося «славянофильства времени».

Метафизическое значение славянофильства времени — в возвращении исторического процесса к оси истории из-за крушения западного эона (исторического времени), которое В. Ф. Эрн усматривал за столкновением русско-славянского и германского миров на территории славянской Восточной Европы. При этом должно произойти разделение Европы и её населения на две части, Германия и страны Антанты: «Процесс дифференциации внутренней двойственности Европы до внешнего разделения на “шуйцу” и “десницу” европейского человечества, на Германию и симпатизирующие ей страны, с одной стороны, и на Англию, Францию и Бельгию, с другой — является по своему смыслу и внутреннему рисунку славянофильствованием времени, славянофильствованием Эона, вследствие чего Россия впервые за все века своего существования вступает в органическое единение с Европою»⁶⁸³. В отношении стран Антанты как союзниц России В. Ф. Эрн, очевидно, заблуждался. Российская империя в Первой мировой пала жертвой крупномасштабной исторической интриги Антанты, натравившей её на Германию и Австро-Венгрию и вызвавшей впоследствии кровавую и длительную революцию внутри России. Никакого идейного единства времени с Антантой у России, конечно же, не было и не могло быть, как и тем более «зона славянофильства времени» у Антанты. Но тем не менее Европа разделилась — возникли славянские государства и СССР.

Однако В. Ф. Эрну удалось провидчески, в основном интуитивно, уловить кое-что важное в логике истории в отношении военного союза западных стран Антанты и России. То, что в полной мере проявилось уже после его смерти, в следующей, Второй мировой войне СССР в союзе с атлантистами против нацистского Третьего рейха. Борьба с германским нацизмом как онтологическим злом — действительно «славянофильство времени», которая привела к созданию панславянского союза Варшавского блока. Нельзя не видеть, что влияние восточноевропейской цивилизации в мировой истории нарастает.

Продолжая «логос» мысли В. Ф. Эрна, можно предположить, что фактически сегодня уже начавшаяся в 2022 году Третья мировая война — это война против коллективного Запада ряда стран всего остального мира с Россией на передовой линии, которая на ближайшем театре военных действий проявляется

⁶⁸³ Эрн В. Ф. *Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия...* С. 48. Причиной политического заблуждения В. Ф. Эрна в отношении стран Антанты, да, впрочем, и не его одного, которое вскоре обнаружилось в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 года и последующей интервенции Антанты против новой России, была общая линия «путейцев», к которым идейно принадлежал В. Ф. Эрн, на всеединство и в частности на синтез славянофильства и западничества как на один из вариантов реализации проекта всеединства. Политически она проявлялась как западнический либерализм кадетов и прогрессистов. Не существует никакого «Запада онтологического», с которым, согласно Эрну, Россия должна была бы объединяться. Это иллюзия русского западничества.

как война за Восточную Европу. Речь идёт об Украине, Белоруссии, их будущем и защите от фашизма и нацизма. Однако была бы вполне смехотворна попытка сделать в Третьей мировой войне борьбу с нацизмом платформой для единства с Западом, пропитанным «онтологическим» нацизмом как типом исторического времени. Нацистский тип времени — это круг вечного возвращения Ницше, или искусственная сингулярность, дурная одновременность всего по трансгуманизму. Идёт война за полное изменение архитектуры мира, которая уже будет строиться не по законам западного времени, а по законам осевого времени цивилизаций. Либо это будет конец времени по нацистско-трансгуманистической схеме. Время Запада истекает. Наступает время осевого. Признаки перехода на осевое время было бы странно не замечать. Происходит плюрализация мира, разделение на несколько миров, судеб людей на несколько судеб.

Финально-циклическая схема истории и Россия

В чём особенности осевого времени в его восприятии Восточной Европы? Говоря о России, один из первых русских философов П. Я. Чаадаев сетовал на то, что она лежит вне истории и вне времени, «мы существуем как бы вне времени и всемирное образование человеческого рода как бы не коснулось нас»⁶⁸⁴. Это не следует воспринимать как простую русофобскую диффамацию. П. Я. Чаадаев открыл очень важный момент — внеположенность Русского мира мировой, западной линейной истории. А история могла пониматься Чаадаевым только как западная, хотя он и пытался создать концепцию движения времени к вечности через личности людей. В. Н. Греков в работе о времени у Чаадаева приводит цитату И. С. Аксакова, в которой он утверждает, что история Россия развивается в направлении, обратном прогрессу, что напоминает описание финально-циклического времени⁶⁸⁵.

По мнению западных людей, у славян не может быть своего времени и своей истории, отличной от истории Запада. Пребывание в своём осевом времени, части мировой исторической оси, воспринимается как вечная актуальность, пребывание, вневременность, внеисторичность. А суть западной концепции — линейный прогресс, «вечное будущее». Однако вневременность и есть ключ к обладанию своей историей и историей вообще. Тот, кто вписан в чужую историю, не имеет своей. Стремление к актуальной вечности — общее русских мыслителей.

В Восточной Европе время течёт финально-циклически, в то время как западное глобальное мировое время линейно-финально, то есть никакого цикла постоянства не предусматривает. Финально-циклическое время означает наличие постоянного пребывания одновременно со стремлением истории к финалу (эсхатологизм). В мировоззрении с финально-циклическим пониманием време-

⁶⁸⁴ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. С. 508. Сравните название философского труда писателя Ю. Мамлеева «Россия Вечная».

⁶⁸⁵ Подробнее о взглядах П. Я. Чаадаева и славянофилов на время и пространство России см.: Греков В. Н. «Вырваться из удручающих объятий времени» // Филология. 2012. № 3. С. 190. Цит.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrvatsya-iz-udruchayuschih-obyatiy-vremeni-slavyanofily-i-p-ya-chaadaev-o-probleme-natsionalnoy-samobytnosti/viewer> (дата обращения: 30.09.2023).

ни история пишется с конца. Эсхатологизм означает попытку смотреть на мир с позиции его конца, который, однако, неизвестен на шкале обычного времени, но незримо присутствует: «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти»⁶⁸⁶. Конец уже «произошёл», но в вечности, а не профанном западном времени. Однако это не просто особенность мировоззрения, а встроенная (сверхсознательная) картина мира, в которой общество живёт.

Очень точно о финально-циклическом времени написала С. А. Чугунова: «Рассматривая пространственный образ времени, можно отметить, что у людей циклического времени будущее находится сзади, нависая над затылком, а у людей линейного прогресса — впереди. В этом пространственном образе выражено совершенно разное понимание будущего и его соотношения с человеком. Линейная новоевропейская схема времени предполагает достижение будущего самим человеком (человек сам творец своей судьбы), постоянное движение, а восточноевропейская схема включает роль Божьего Промысла и постоянно пребывающего божественного компонента души, но при этом будущее не неизбежно и не равно вечному настоящему. Человек движется спиной к будущему, повернувшись к прошлому лицом»⁶⁸⁷. Историческое прошлое и его личности продолжают существовать в настоящем (хотя и в духовном плане), а не являются исторической реконструкцией. Человек в финально-циклическом движении сконцентрирован не на вечном изменении (или возвращении), а на сохранении своей природы «Я» как оси. Как ни странно, эта картина пробуждает волю, а не фатализм, поскольку человек освобождается от власти внешних вещей и обретает власть над текущим временем, выходя из его потока.

Идею об особом историческом движении России как неповреждённом прогрессом восточнохристианском времени высказал В. И. Карпец в статье «Время Третьего Рима». Он назвал его сверхциклическим, то есть не вращающимся по кругу «вечного возвращения», а самым неподвижным центром вращения, то есть осью: «Православный же Восток исходит из вне- и предвременного бытия Сына Божия “Прежде всех век”, то есть прежде всякой вечности — поэтому и время принципиально не может выстраиваться в линию. “Прежде, нежели был Адам, Аз есмь” (Ин. 8: 58). Настоящее время предшествует прошедшему. Это уже даже не циклическая картина времени (вечное возвращение в настоящее, как в “язычестве”), а сверхциклическая»⁶⁸⁸. Это образ, приближающийся к осевому времени.

Он напоминает чашно-купольную архитектуру пространства В. В. Стерлигова и вечно прибывающее время Н. А. Козырева в рамках его астрофизической теории⁶⁸⁹. Осевое время не иссякает и не кружится, а движется внутри себя. Пополнение времени, по Н. А. Козыреву, может быть интерпретировано как свя-

⁶⁸⁶ Новый Завет. Русский синодальный перевод. Деяния Святых апостолов. 1: 7.

⁶⁸⁷ Чугунова С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 75. С. 61.

⁶⁸⁸ Карпец В. Время Третьего Рима [Электронный ресурс] // varvar.ru. URL: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/karpez1.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶⁸⁹ См. подробнее о теории времени Н. А. Козырева: Козырев Ф. О физической теории времени Николая Козырева. СПб.: Русская культура, 2021. 124 с.

занное с волевыми процессами творения из ничего какими-то единицами мира (например, не исключено, что «непрерывного творения»), действие времени избирательно⁶⁹⁰. Иными словами, если мы подразумеваем способность времени делать выбор, то получается чистая субстанция времени — это воля, то есть чистое духовного начало, которое позволяет ему наполняться, «исполняться временам». Время приходит как воля из ничего извне. «... По поводу этого источника энергии, учитывая его повсеместность в пространстве, Козырев предлагает рассматривать время как некую физическую среду, которая способна оказывать на вещество воздействие, сообщать ему энергию и “быть источником, поддерживающим жизнь звезд”»⁶⁹¹.

В рамках обычного физического (механического) восприятия мира теория Н. А. Козырева предстает как теория оси Вселенной, где время движется вдоль оси, придавая вращение Вселенной («параллельность оси вращения тела и вектора хода времени»): «Соединение причинной механики, абсолютизирующей отличие причин от следствий, с представлением об абсолютном пространстве порождает образ гигантского волчка, ориентированного своей осью по линии течения времени. И галактики, и звёзды, и даже планеты, повторяя в себе эту конфигурацию Вселенной, служат её микрообразом, или фракталом. Смысл же и причина этого всеобщего космического вращения, над которым человечество гадало с момента зарождения мысли, заключается во взаимодействии материи со временем»⁶⁹². Исходя из трактовок теории времени Н. А. Козырева, можно ответить на вопрос, почему, если время связано с неподвижной осью, оно производит вращение? Так время превращается (вращением) во внешний мир, в мир материи.

Исходя из волевой природы времени, возможно и управление временем и процессами в мире, согласно русским космистам (Н. Ф. Фёдорову, В. Н. Муравьеву⁶⁹³). Время осевое, согласно Муравьеву, тесно сопряжено с волевым субъектом: «Решающая роль в деле преодоления времени принадлежит автономно действующим или сознательным существам... Где нет обособленного действия, нет индивида и длится только общий процесс. Но отдельное, обособленное действие существует только там, где есть выделяющее его из всеобщего действия сознание.

⁶⁹⁰ Козырев Ф. О физической теории времени Николая Козырева... С. 87.

⁶⁹¹ Фролов А. В. Новые космические технологии. Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. 198 с. Цит.: URL: <https://tech.wikireading.ru/13075> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶⁹² Козырев Ф. О физической теории времени Николая Козырева... С. 40.

⁶⁹³ См.: Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издание автора, 1924. С. 19. Цит.: URL: http://nffedorov.ru/texts/kp/muraviev_ovladienie.pdf (дата обращения: 14.09.2023). «Никакого другого содержания, кроме изменения отношений вещей, наш ум во времени не схватывает. Все операции, совершаемые умом над временными связями, касаются лишь установления того или иного порядка этих отношений.

Таким образом, содержание времени представляет всегда только одно — изменение вещей... Время есть не что иное, как меняющиеся отношения вещей... Мощь наша над временем есть просто мощь над отношениями вещей, являющимися единственным содержанием времени. А когда есть возможность повторить это изменение, можно считать, что время его обратимо».

В этом случае имеется обособленный этим сознанием субъект действия и соответственное создаваемое им время»⁶⁹⁴, — писал В. Н. Муравьёв.

Детерминистским безличным временем Запада, в котором люди — атомы, управлять нельзя, нельзя преодолеть необратимое течение. Возможен только «тайм-менеджмент», экономия своего времени: «Оно воспринимается мною и другими участниками этого взаимодействия как непреоборимая сила, именно потому, что оно зависит не от одной моей мощи, но от совокупности действующих в мире сил. В этом основание общности времени для членов одной и той же системы, характерное его сверхиндивидуальное свойство. Оно как бы увлекает всех в своём потоке. Но рядом с этим есть другое, подвластное нам время. В сфере моего собственного действия я обладаю способностью выбора, я могу создавать, согласно моей воле, в ограниченной области известную последовательность событий. Такая власть изменять отношение вещей даёт мне господство и над временем, ибо, согласно нашему определению, оно есть не что иное, как порядок этих отношений. Только они могут в конечном счёте быть двигателями и действительными творцами времени»⁶⁹⁵. Детерминизм событий состоит в проблеме атомизации индивида, который связан с западным типом личности.

Осевое время состоит из суммы времён творцов, причём время — это оптимистичная сила. «Мировой процесс есть процесс постоянного самовоспроизведения или самовоскрешения. Процесс этот состоит из определённой иерархии частичных воспроизведений или самовоскрешений отдельных систем»⁶⁹⁶, — указывал смысл мирового времени В. Н. Муравьёв. В этом «секрет» и осевого времени и вообще осевой концепции времени, как вечно данных времён или времени как «подвижного образа вечности» (Платон).

Подобный взгляд, по мнению В. И. Карпеца, был отчасти присущ и советской историографии, моделирующей прошлое с позиций социализма (фраза историка М. Н. Покровского «история — политика, обращённая в прошлое»)⁶⁹⁷. Сравните утверждение В. Н. Муравьёва: «содержание и будущего и настоящего неизменно всегда бывает ранее дано. Это следует из законов сохранения энергии»⁶⁹⁸. В целом закон сохранения энергии, из которого вытекает неизбежность энтропии, — это отражение западной идеологии стоимости (неэквивалентного обмена), заставляющей капитализм постоянно поглощать внешние ресурсы. Осевое общество строится на прибывании энергии из ниоткуда (энергии творения, энергии воли) по принципу непрерывного творения и актуальной бесконечности (в отличие от безграничности), к которому пришла средневековая схоластика.

Однако России всё же была навязана западная, линейная схема времени в процессе церковной реформы XVII века: «В этом смысле церковные реформы XVII века были не просто экклезиологический или политической, но прямо

⁶⁹⁴ *Муравьёв В.* Овладение временем как основная задача организации труда... С. 30–32.

⁶⁹⁵ Там же. С. 33.

⁶⁹⁶ Там же. С. 35.

⁶⁹⁷ *Карпец В.* Время Третьего Рима [Электронный ресурс] // varvar.ru. URL: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/karpez1.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶⁹⁸ *Муравьёв В.* Овладение временем как основная задача организации труда... С. 37.

онтологической — если не метафизической — катастрофой. Причём стояло за этой катастрофой всё то же субъективное — субъективно мотивированное вторжение в историю, что и в Европе... Целью такого оперативно-магического воздействия на время — через воздействие на богослужебный чин... — была синхронизация истории Руси — Третьего Рима и “иудеохристианского” Запада, “заката”. Именно “никоно-алексеевская” реформа была принципиальным шагом к сегодняшней глобализации»⁶⁹⁹. После перехода России на юлианский календарь при Петре I представители Русского мира как бы зависли между двумя временными мирами, опасаясь сделать шаг в ту или иную сторону, последние полшага в сторону прогресса, между тремя разными пластами: 1) финальным временем христианства, 2) линейным временем западного прогресса и 3) цикличностью вечного настоящего. В чём отличие трёх моделей? Это отличия трёх цивилизационных социальных типов личности: осевого (частный случай — личность ВЕ), Запада и Востока, о которых шла речь в разделе 3.

Время Запада означает окончательную необратимость всех событий, которые тем не менее загадочным образом сохраняют связанность вопреки этой практике. Время Востока — вечного возвращения — означает сохранение полного тождества в конечной точке, но с реальностью промежуточных ситуаций, которая потом устраняется, что воспринимается как иллюзорность. Осевое время постулирует необратимость событий, но с сохранением их привязки к вечности. То есть личность, хотя и в конечной точке вечна, набирает в себя поток кармы или грехов. Осевой вариант и является основой двух предыдущих, которые на самом деле иллюзорны, но тем не менее образуют устойчивые социальные структуры в западных и восточных обществах, как, по крайней мере, показывает социальная антропология.

В отличие от Запада, у Восточной Европы несколько иная структура социального пространства и времени. Подобно тому, как пространство личности в отношениях со значимыми другими у восточных европейцев не имеет нормативно упорядоченной рациональной меры, так и пространство не имеет чёткой географической и геометрической структуры, связанной с правовыми и финансовыми отношениями, исключаящими какую-либо социальную коллективистскую многозначность.

*Пространство населённых пунктов, его организация,
лаконизм, минимализм, сетевой принцип, равноудалённость,
социально-этническая однородность*

Для Восточной Европы характерны большие расстояния, свобода размещения в пространстве, условного владения землёй (а также попытки её искусственного ограничения в виде крепостничества в целях контроля), большие затраты ресурсов, в том числе и времени. Человек Восточной Европы более свободно оперирует со временем, для него не присуща логика «время — день-

⁶⁹⁹ Карпец В. Время Третьего Рима [Электронный ресурс] // varvar.ru. URL: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/karpez1.html> (дата обращения: 14.09.2023).

ги» и чёткая уплотнённая организация труда. Для него характерны «авралы» в работе и дискретность труда. Пространство жизни индивида также менее распланировано и предсказуемо, иррационально, больше соприкасается с сакральным пространством.

Пространство Восточной Европы деиерархизированно, нет единых центров — вершин пространственных пирамид, в которые сходятся все нити, наподобие центра мира, метрополии, Рима, Константинополя, Лондона, Парижа, Вашингтона. Здесь всё проникает во всё, весь мир взаимосвязан. Цивилизационные центры — столицы империй, крупных государств, городские центры культуры ВЕ существуют отдельно друг от друга (Москва, Краков, Киев, Прага, Будапешт, Варшава, Братислава, София и др.). Лишь в XX веке была попытка объединения ВЕ под властью СССР, и то не очень удачная.

Пространство населённых пунктов Русского мира до XX века очень сильно отличалось от западно-центральноевропейского. В связи с этим нужно отметить две черты. Для пространственной организации Восточной Европы характерно менее выраженное деление и упорядочение пространства в соответствии с принципом частной собственности. Земля не воспринималась как частная собственность и объект фискальной эксплуатации, а была временно выделенным участком. В частности, это сказалось в слабом и очень позднем развитии кадастровой системы, рынка земли и вообще рынка недвижимости. Учёт земли не носил организованный и всеобщий характер. Отсюда — отсутствие линейности и квадратности пространственного восприятия. Первая поземельная перепись была проведена при Иване Грозном. Однако затем поземельные переписи не проводились. Лишь во второй половине XVIII века прошло Генеральное межевание, но оно охватывало лишь часть участков и не охватывало крестьян. До этого переписи земельных угодий носили частичный характер, а межевания — локальный. Земля вообще рассматривалась как ничейная, «Божья» или «государева», а люди лишь как её временные пользователи. То есть осевой, принадлежащей осевому священному пространству. Более того, сама Земля как личное существо являлась субъектом мира, космоса. В период социализма в Восточной Европе был произведён отказ от частной собственности на основные средства производства и на землю как главный цивилизационный акт (Декрет о земле 1917 года). Традиции землепользования Восточной Европы чем-то напоминают ираноязычных кочевников-скотоводов Евразии, скифов и сарматов, сохранивших элементы образа жизни первоначальных индоевропейцев.

В этническом и социальном плане структура городов ВЕ была менее поляризована. Несмотря на пестроту этнических и социальных кварталов, как и в городах Запада, города ВЕ в меньшей степени склонны к организации гетто с приезжим населением. Гетто Восточной Европы часто не имели заметного низкого статуса по сравнению с окружающим титульным населением. Для городов Запада геттоизоляция характерна до сих пор, налицо факт её воспроизведения в современной застройке мегаполисов, агломераций и городов. В Париже и небольшом Вашингтоне можно оказаться в криминально опасных кварталах, населённых цветными, всего в нескольких километрах от их престижного центра, иногда ассоциирующихся с глобальным центром (Капитолий, Белый дом). В Восточной

Европе же в период социализма система этнических гетто вообще прекратила своё существование и не возникла вновь за 30 с лишним лет после крушения социализма. Притом что в городах России, например, появилось большое количество трудовых мигрантов из Средней Азии и Кавказа, составляющих уже определённый процент населения (5%). Указанный факт говорит о большей социальной эгалитарности и однородности Восточной Европы и склонности к объединению общества в одно целое без производства дискриминируемой иноэтнической части, которая так характерна для Запада.

Сквозные черты восточноевропейской пространственной и земельной культуры

Для культуры ранних индоевропейцев, а позднее и восточных европейцев, в целом характерен рациональный минимализм:

- отсутствие или редкость густонаселённых городов и агломераций (до индустриализации второй четверти — середины XX века);
- отсутствие масштабных храмовых и дворцовых комплексов;
- лаконичная художественная культура и система символов, без мегалитов;
- отсутствие письменности длительное время, устная мифологическая культура;
- община с единой собственностью;
- преобладание деревянного капитального строительства над каменным (на востоке территории преобладание полное);
- тёплые полуземлянки и дома срубного и каркасного типа с печами-каменками внутри (каменки — этноопределяющий признак славян у археологов при раскопках жилищ), что связано с особенностями климата (изба — «истопа», то есть отапливаемая; нем. — *Stube*, возможно, заимствованная германцами из культуры шнуровой керамики или славян);
- деревянное прикладное искусство.

Минимализм и лаконизм связаны с отсутствием хтонической культуры мегалитических каменных построек и гелиоцентрической культурой. В советское время это повлияло на возникновение конструктивизма как фирменного стиля социалистической цивилизации. Напротив, в сильно удалившейся от раннеиндоевропейского типа античной западной культуре Древней Греции аполлоническая гелиоцентрическая культура сочеталась с мегалитическими постройками — храмами Аполлона, например, — и элементами матриархальной хтонической (дионисийской) культуры, которая всё более брала верх как реванш местного доиндоевропейского субстрата.

Осевая схема пространства и времени в культуре цивилизации Восточной Европы

Пространство и время есть объединённая картина времени и пространства как сакрального, духовного, скрытого, так и обыденного, внешнего. Конечно же, мысль и сознание могут понимать их только во взаимосвязи. Такая структура не

является ни чисто круговой схемой вечности, ни западной схемой развития в линейном или спиралевидном (линейно-круговом) варианте. Хотя динамический спиралевидный вариант пространственно-временного устройства (развивавшийся Гегелем) может показаться наиболее близким к осевому (он был популярен в советской марксистской мысли), на самом деле является более сложным вариантом линейного. Как говорилось выше, осевое время в искусстве передаёт иконографический стиль обратной перспективы, заимствованный иконописцами ВЕ из зрелой Византии.

Русские стили, соединённые с ар-нуво (один из изобретателей — панславист А. Муха) и ар-деко в культуре России второй половины XIX — начала XX века, обращённые к культуре Московской Руси (новорусский стиль), деревянному зодчеству, Византии (неовизантийский стиль) — продукт воздействия идей философии панславизма и славянофильства в русском образованном обществе середины — второй половины XIX века, совпавший с формированием большой русской нации и переработки опыта заимствования других цивилизаций. Как оптику славянской цивилизации в стилистике модерна можно рассматривать творчество чешского художника А. Мухи, которого относят к одному из основоположников ар-нуво во Франции.

Эксперименты многоликого русского авангарда 1910–1930-х гг. — продукт персоналистской установки и внутреннего роста личности русского человека, оказавшегося в ситуации революционного кризиса и утраты веры в Бога и не получившего адекватного выражения в цивилизационных формах, а ведущего к упрощению. За этими экспериментами просматривается внутреннее пространство «я». Авангард, как известно, представлял собой систематическую попытку выйти за пределы внешней буржуазной цивилизационной данности в искусстве и культуре и создать образительными и поэтическими средствами соответствующую осевую мировоззренческую оптику. Русский авангард имел свои особенности по сравнению с западным, которые следует трактовать как особенности сознания человека осевой цивилизации, совмещавшие революционность и традиционализм.

Чашно-купольная модель пространства В. В. Стерлигова как выражение осевой структуры мира

Цивилизационным итогом русского авангарда можно считать результат позднего творчества ученика К. С. Малевича — В. В. Стерлигова, известного как чашно-купольное сознание. Творчество крупнейшего славянского восточноевропейского мыслителя-авангардиста К. С. Малевича было обращено скорее к западной глобальной модели пространства мира, общей пространственной идее для авангарда в целом, как к антитрадиционалистской техницистской парадигме модерна. В этом контексте необходимо воспринимать его мировоззренческие супрематические эксперименты типа «Чёрного квадрата» и других супрематических композиций.

Напротив, зрелый Стерлигов противопоставил механической западной модели Малевича русско-славянскую модель. Один из кардинальных принципов ху-

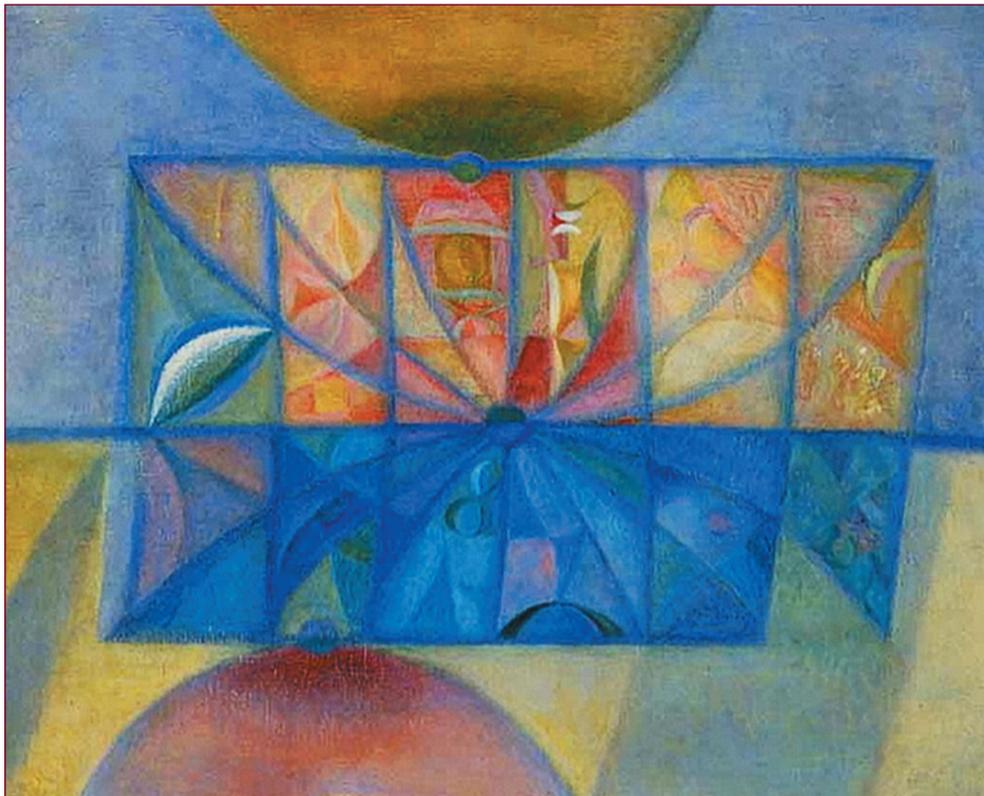

Рис. 38. В. В. Стерлигов. Композиция 1. Кривая проблема

дожника: «Прямая — разделяет, кривая — связывает». Его концепция строилась на «чашно-купольной структуре Вселенной»: все формы в природе по кривой стремятся к чаше и куполу, характерным для византийского стиля храмовой архитектуры и русского стиля.

Две сферы, касаясь друг друга, образуют кривую, ставшую в системе В. В. Стерлигова новым прибавочным элементом по сравнению с «прибавочным элементом» — прямой Малевича: «Антитеза квадрат-купол — это ещё и противопоставление “тёмных” и “светлых” сил. В контексте русской философской мысли квадрат служит символом цивилизации, купол — символом освящающей её культуры. В своих поздних работах Стерлигов стремился передать криволинейность и многомерность пространства, в котором сосуществуют земной и надрациональный мир»⁷⁰⁰. Мы видим переход к своей гибкой пластичной и динамичной системе мира.

Л. Гуревич так объясняла философию пространства Стерлигова (см. Рис. 38): «Кривая Стерлигова образуется касанием двух равных окружностей (S). Мягкость — по Стерлигову — противоположна агрессивности столкновения кубистических форм. Мягкость кривой расценивается как возврат в природный мир

⁷⁰⁰ Стерлигов Владимир Васильевич [Электронный ресурс] // Энциклопедия Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/stierligov_vladimir_vasilievich (дата обращения: 10.06.2013).

от жёсткого урбанизма прямой. Стерлигов увидел, что “все формы в природе стремятся по кривой к чаше и куполу” и что “мы живем в куполе”. Последнее утверждение напоминает о теории “расширенного смотрения” М. Матюшина (возможность видеть вокруг себя). Стерлигов считал, что “через кривую является антимир из-за её мебиусности”. Однако кривая у Стерлигова не только изобразительный элемент, адекватный строению мира, — кривая освящена: она является нравственной и религиозной ценностью. Стерлигов возвещает не о новом художественном средстве, но о “новом духовном оружии”, о “новом чашно-купольном бытии”, знаком которого и является кривая»⁷⁰¹.

Более подробно разбирая концепцию Стерлигова, Л. Гуревич подчёркивает синтез художественного пространства: «Важно, что форму образует пространство между предметами — нечто не существующее, но занимающее место. Таким образом, материальное и нематериальное совпадают: форма предмета утрачивает вещественность, зато пустое пространство обретает форму»⁷⁰². Далее исследователь продолжает о парадоксальной манере художника совмещать полярности: «Его целью было пространство, которое “пульсирует”, “выворачивается”, как в ленте Мёбиуса, его целью был “антимир”, “разнопространствие”, “множественность миров”»⁷⁰³.

Круговая модель осевого пространства включает не замкнутые на себя, а разомкнутые и соприкасающиеся круги (касание двух окружностей). Эта схема противостоит чисто круговой хтоническо-дионисийской геоцентрической схеме Птолемея, которая логично была Стерлиговым отвергнута. Хотя между осевой и циклической хтонической схемами может быть какое-то соприкосновение, общее понимание (софийность), что и предполагается чашно-купольным пространством.

В. В. Стерлигову удалось выразить в художественно-философской форме авангарда идею осевой цивилизации и осевого устройства мира как системы разомкнутых сфер — «куполов», а также «пазух» — отдельных цивилизаций и отдельных человеческих антропологических миров, которые изображены как «Складки». Однако складки не существуют в отрыве от линий. Пространство является многомерным, существует в разных множествах и дискретно, аритмологично, вместе с тем соборно, что связано с идеей персонализма в метафизике, которая является одной из главных мировоззренческих оптик осевой цивилизации.

Идея осевой цивилизации зримо присутствует в архитектуре в русских луковичных куполах, а также в куполах других цивилизаций (Ирана, Византии), откуда они и заимствованы Русью. Прежде это архитектура зрелой Руси — Московской Руси XVI–XVII вв., сохранившаяся и в последующих эпохах. Очевидно,

⁷⁰¹ Лозовая Л. Я. Пространство Владимира Стерлигова: от супрематизма к чаше-куполу [Электронный ресурс] // Научный электронный журнал Артикульт. 2013. № 10 (2). С. 3–18. Цит.: cyberleninka.ru. file:///C:/Users/Сепрей/Downloads/prostranstvo-vladimira-sterligova-ot-suprematizma-k-chashe-kupolu.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

⁷⁰² Там же.

⁷⁰³ Там же.

эта восточноевропейско-византийская идея архитектуры мира отличается от готики прямых линий (классический Запад), от иерархических пирамид (ближневосточная архаика) и от предшествующей им хтонической архитектуры («пещера плюс пирамида»).

Попытки изменения архитектуры прямых линий в купольном направлении были и в архитектуре западного модерна. Осевая цивилизация имеет сферически-купольную «архитектуру», которая выражает подлинное сложное динамическое, но гармоническое софийное состояние мира, а не просто архитектуру одного из больших и доминирующих куполов — «эонов», — западного мира с его прямыми линиями и линией прогресса.

Авангард нашёл прямую линию как прямую ось, выходящую за пределы пространства и его границу (прямая как прибавочный элемент Малевича, лучизм Ларионова, когда мир состоит из лучей). Однако ось тоже подвижна. Прямая линия постоянно присутствует в оси, но она видоизменяется в кривые («прямо-кривая», по Стерлигову), закруглённые движущиеся формы, возвращаясь к оси частично или полностью. Мир не является движением по тоннелю вдоль оси или по плоскости в разных направлениях перпендикулярно оси. Его структура сложнее — она разворачивается в разных плоскостях по спиральям. В. В. Стерлигов, считавший, что мы живём в куполе, полагал и показывал рисунками, что «купол образует ось прямо-кривой линии», связывающей с его потусторонней противоположностью на Небе. Изобразив купольное бытие, он смог создать динамическое единство между сферой и квадратом (образы элеатов) в художественно-философском образе.

Крестово-купольное пространство

О православной литургической структуре пространства осевого (линейно-кругового) типа, в котором круги мировой истории сочетаются с крестом в византийских и славянских крестово-купольных храмах и самом ходе литургии, писали академик А. Н. Паршин и Т. И. Резвых в своём докладе (2007). Данное пространство соприкасающихся кругов описывается как купольное: «Получающееся пространство совсем не похоже на наше евклидово (или декартово). Но удивительным образом оно ему “аналогично”. Мы видим в нем “прямые”, это — бесконечные цепочки, с обсуждения которых мы начали. В этом дереве есть и “вращения”, “переносы” и “отражения”»⁷⁰⁴.

⁷⁰⁴ См.: Паршин А. Н., Резвых Т. И. Время и пространство православного богослужения [Электронный ресурс]. URL: <http://mahtalcar.narod.ru/history/losev/parshin.html> (дата обращения: 14.09.2023).

Авторы ссылаются на идеи Л. И. Раушенбаха. Возможно, академик А. Н. Паршин пытался дать геоцентрические или хтонические интерпретации концепции православного литургического пространства. Как мы видим, здесь тонкая грань. См.: Паршин А. Н. «Богородица — мать сыра земля...» (о трёх лекциях в Московской духовной академии) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 5 (37). С. 71–82. Здесь мы видим обозначенную им связь с русским почвенничеством.

Важно также отметить ключевое слово «дискретность», что связано с русской философско-математической школой аритмологии в противоположность концепции пространства как непрерывного: «Мы можем сказать, что у этого дерева богатая группа симметрий. Таким образом, у него явно есть что-то общее с нашим пространством, но устроено оно совсем по-другому, не континуально, а дискретно. Имеющиеся тут рёбра нужно рассматривать как целое, точек на них нет. Мы можем предложить это пространство как отражающее свойства литургического или сакрального пространства. Но мы ещё и живём в “обычном” пространстве. Входя в храм, мы двигаемся самым обычным образом. Как же соотносятся эти два мира, два пространства?»

Посмотрим на опыт естествознания. Ведущим принципом здесь было объединение разнородных по виду явлений в единое целое. Так, электричество, магнетизм, свет стали лишь частными случаями электромагнитного поля, описываемого электродинамикой Максвелла. При этом всё это происходит в рамках обычного трёхмерного пространства. Но уже в квантовой теории оказалось недостаточно декартова пространства и был поставлен вопрос о т. н. внутренних степенях свободы. Иначе, находясь в каком-то месте обычного пространства, тело может ещё находиться или перемещаться в каком-то дополнительном пространстве, связанном с этой точкой. В некотором приближении можно эти дополнительные пространства считать независимыми от точки и тем самым одним и тем же. Тогда мы имеем два пространства, исходное декартово, и новое, дополнительное, и интересующий нас физический объект находится, “живёт”, одновременно в этих пространствах. Можно сказать, что он находится в более сложном пространстве, составленном из них. Мы получим то, что в математике называется произведением пространств (или множеств)»⁷⁰⁵.

Таким образом, осевое пространство представляет собой сложное сочетание открытых к друг другу сфер, которое имеет единый центральный вектор — ось. Оно позволяет сочетать трудносочетаемые сферы и фрагменты знания о мире, картин мира в симфоническое целое, создавая, показывая нечто новое в реальности. Итак, особое сакральное устройство пространства-времени, альтернативное линейному западному, существует, и оно широко представлено в культуре Восточной Европы. Но оно, время-пространство, лишь отражает устройство мира, то есть «отношения вещей», по В. Муравьёву. Каких «вещей»? — на этот вопрос попытаемся ответить далее.

⁷⁰⁵ Паршин А. Н., Резвых Т. И. Время и пространство православного богослужения...

6.2. «Мировая ось» и полицентричный мир

Мирооси данник звёздный,
Я омчусь, как колесо,
Пролетая в миг над бездной...

В. Хлебников.

Мирооси данник звёздный

Большая дорога — это есть нечто длинное-линное, чему не видно конца, — точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея... В подорожной конец идеи...

Ф. М. Достоевский. Бесы

Axis mundi. Что это?

Построение историософии с позиций концепции мировой Оси позволяет сформулировать духовную концепцию истории без того, чтобы строить её на основе какой-либо традиционной религии и философии, и вместе с тем учитывать их мнение, не отказываясь от своей веры. Это некое компромиссное «техническое» решение мировоззренческого компромисса, которое обращено в сторону гуманитарных наук.

Подытожим, что такое осевое мироустройство и как оно связано с осевыми цивилизациями в истории.

Ось истории не является ничем из нескольких известных вариантов историософии, так как она компромиссна:

- ни осью вращения Земли или неба в геоцентрической или гелиоцентрической системах;
- ни географическим или мистическим центром космоса мировая ось не привязана к какой-либо «земле» или объекту, например к горе, городу, храму, хотя может быть в разных местах;
- ни проектом развития и прогресса западного типа;
- ни эсхатологическим ближневосточным видением конца мира и тысячелетнего царства, ведь никто из сторонников этих религиозных доктрин не знает, когда он наступит, и если наступит, то как (увы, становясь лжепророками);
- ни спиралевидной гегелевской логикой истории развития мирового духа, повторяющейся якобы во всех вещах и процессах;
- ни вечным возвращением, о котором говорил Ф. Ницше;
- ни всеединством;
- ни пробуждением гностиков;
- ни возгоранием, ни угасанием мира по Гераклиту Эфесскому;
- ни чем-либо другим подобным схемам философии истории и её конца.

Ось является не формулой места, а динамической структурой — движения. Хотя она может проявляться во всех этих схемах. Но ни одна подобная формула не может рассматриваться как дорожная карта мира или даже отдельных цивилизаций — это всего лишь дорожные карты определённых цивилизаций

онных явлений, а вернее, построений мировоззренческих оптик. Мировая ось представляет собой объединяющую полицентрическую архитектуру мира с его внутренней духовной стороны, взятая в динамике, а не в статике. Это выражение персоналистической монадической свободно-волевой подвижной структуры мира в её единстве, которое обеспечивается энергиями, исходящими от Бога. Ось нельзя отождествлять с Богом, это внешнее энергичное воздействие, которое происходит через его Пробраз, так или иначе присущее всем людям, существам и предметам. Пребывая в состоянии покоя, тем не менее ось выражает движение и развитие. Иначе говоря, отношение цивилизаций к оси — это исторический ракурс указанной выше персоналистской метафизической картины мира. Та цивилизация, которая внутренне соответствует этому единству в историческом и геополитическом процессе, может считаться осевой, или цивилизацией Оси. Она не единична. В данном случае речь идёт о цивилизации Восточной Европы, которая в определённой мере соответствует этому понятию, в чём-то более, чем ряд других.

Одна из наиболее точных трактовок «Оси» как универсальной мифологической структуры, находящей внешне символическое выражение в культурах, была дана М. Элиаде: «Каждый микрокосм, каждое населённое пространство имеет то, что можно назвать “Центром”, то есть истинно сакральное место. Именно здесь, в этом Центре, священное проявляется в полной мере, будь то в форме элементарных иерофаний — как у “примитивных” народов (например, тотемные центры, пещеры, в которых закапывают *tchuringa* и т. д.), или же в более продвинутой форме непосредственных божественных иерофаний, как в традиционных цивилизациях. Но не нужно рассматривать этот символизм Центра с его геометрическими проявлениями с точки зрения западного менталитета. В каждом из этих микрокосмов может быть несколько “центров”. И как мы вскоре это увидим, всем восточным цивилизациям — Месопотамии, Индии, Китаю и т. д. — известен не один, а бесчисленное множество “Центров”. И ещё дальше: каждый из этих “Центров” считается и даже буквально называется “Центром Мира”. Так как речь идёт о сакральном пространстве, данном в иерофании или созданном ритуально, а не о профанном пространстве, гомогенном, геометрическом, множественность “Центров Земли” в пределах одного населённого региона не представляет никаких затруднений. Перед нами священная и мифическая география, единственная истинно реальная, а не профанная, “объективная”, в какой-то степени абстрактная и не главная, теоретическое построение пространства и мира, в котором нет людей и который, следовательно, неизвестен»⁷⁰⁶. И далее: «Наиболее распространённым вариантом символизма Центра служит Космическое Дерево, которое находится в середине Вселенной и поддерживает, как ось, три Мира»⁷⁰⁷.

«Эта многозначность, эта способность проявляться на разных планах есть одна из характеристик символизма Центра в целом. Легко понять, что каждое

⁷⁰⁶ Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3. Цит.: URL: https://tdseminaria.ru/images/zfo/2%20курс/История%20древней%20Церкви/Дополнительная%20литература/eliade-hist_b-3l.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁷⁰⁷ Там же.

человеческое существо стремится, хотя бы и неосознанно, к Центру, и к своему собственному Центру, который передаёт ему целостную реальность, “сакральность”. Это глубоко укоренённое в человеке желание оказаться в самом центре реальности, в Центре Мира, там, где осуществляется связь с Небом, объясняет чрезмерное использование “Центров Мира”. Выше мы отмечали, что человеческое жилище приравнивается к Вселенной, при этом очаг или отверстие для дыма уподобляются Центру Мира. Таким образом, все дома, как и все храмы, дворцы, города, находятся в одной и при этом той же самой точке, в Центре Вселенной... Очевидно, всё это показывает, что человек может жить только в сакральном пространстве, в “Центре”»⁷⁰⁸, — писал М. Элиаде. Истинное содержание мировой оси, проникающей в личности людей и сверхличностные конструкции обществ, состоит в цепочках прообразов, в соответствии с которыми структурируются личности и которые восходят к прообразу личности Бога. То же касается и всех предметов, и комплексов остальной природы вне человека — вся она строится на основе прообразов, восходящих к единому духовному образу. Причём сами они являются не просто «образами» (отражениями), а реальными единицами «Я». Все они носят единичный саморазвивающийся характер, однако имеют и повторяющиеся черты. Из них наиболее часто встречающаяся состоит в единичной воле к своеобразию и представляется собой дух. Такова картина мира персонализма, так она и складывается в истории.

Описанная М. Элиаде «символика Центра» служит скорее картиной внутреннего покоя, присущего видению традиционных цивилизаций. Однако внешне она проявляется как движение и даже как развитие, имеющее внутри себя динамическую опору, которая отражает сущность цивилизации Колеса, именно индоевропейской цивилизации, наследницей которой выступает Восточная Европа, если мы её понимаем как некое целое осевой зоны мира, вместе с Россией, а не небольшие буржуазные государства между Россией и Западом. Символом осевого устройства мира является круг, в который вписан крест или спицы колеса: «Простейший его тип имеет всего четыре луча, разделяющих окружность на равные части, то есть два прямоугольных диаметра, образующих внутри этой окружности крест... Среди изображений с большим числом лучей мы должны особо упомянуть колёса или “колёса со спицами”, которые обычно их имеют по шесть или восемь», — так описывал его Р. Генон⁷⁰⁹. «Само же равновесие есть не что иное, как отражение, на уровне проявлений, абсолютной незыблемости Принципа; чтобы увидеть явления мира в этом новом свете, нужно представить себе окружность в движении вокруг центра, который один не участвует в нем. Само наименование колеса (rota) тотчас вызывает в воображении идею вращения, и это вращение есть образ постоянной переменчивости, которая есть удел всего проявленного. В таком движении есть лишь одна неподвижная и неизменная точка, и эта точка есть Центр. А это возвращает нас к циклическим концепциям, о которых мы уже вскользь упоминали выше. Прохождение

⁷⁰⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3.

⁷⁰⁹ Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 496 с. Цит.: URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/genon-rene/simvoli-svyaschennoj-nauki/2> (дата обращения: 30.09.2023).

любого цикла, или вращение окружности, есть последовательность — будь то во временном или каком-либо ином аспекте; неподвижность Центра есть образ вечности, где все явления сосуществуют в совершенной единовременности. Окружность может вращаться только вокруг неподвижного центра; точно так же переменчивость, которая не удовлетворяется самой собой, необходимо предполагает принцип, пребывающий вне этой переменчивости: это “неподвижный двигатель” Аристотеля, также изображаемый Центром... Когда сфера, земная или небесная, совершает вращение вокруг своей оси, две точки на этой сфере остаются неподвижными: это полюса, которые являются оконечностями оси, или точками её соприкосновения с поверхностью сферы. Вот почему идея Полюса есть ещё один эквивалент идеи Центра»⁷¹⁰, — объяснял динамическую сторону символа Р. Генон.

Во внешнем пространстве выражением осевого движения служит символизмом пути или дороги, очень свойственный русскому сознанию (издательство «Путь» цивилизационно ориентированных философов Серебряного века, гоголевская птица-тройка и другие образы). Дорога служит образом века.

Не всякая символика всякого Центра и не всякого культа является осевой, хотя все они зависят в конечном счёте от Оси мира. Многие культы являются откровенно сатанинскими или антиосевыми, антитрадиционными, но все они держатся за счёт влияния Оси, её остаточной энергии. Ось не является неким пирамидальным иерархическим порядком или системой с единым механизмом как это изображают в западной оптике, хотя ей присуща некая иерархия и иерархичность.

Мир ни круглый, ни квадратный, ни плоскостной, ни хаотический, ни тоннельный, ни горизонт событий и феноменов. Мир — осевой, структурирующийся в виде множества видоизменяющихся осей, представляющийся в своих частях как купол или спираль, чаша, извилистый путь, интенциональность лучей. Однако все оси существуют отдельно и подвижно, переплетены, соприкасаются в одной точке и в одной оси, которая их связывает в единство. Ось является исходящим от Бога принципом мироустройства, состоящего из личностноподобных волевых субстанций, источником их существования и проявления, «поддержкой», дающей им проявиться благодаря ей собственной воле именно в осевом процессе творчества окружающих частей. Сложно найти более точный образный ряд структуры бытия, чем ось, луч, волна, прямо-кривая, соприкосновение границ сфер (ясно, что они не соответствуют бытию как веществу, хтоническому образу). Осевой консерватизм, мировоззрение осей может быть во внешнем мире только динамическим, взятым в движении и изменении осей, а не просто застывшей фигурой центра.

Осевое устройство мира, его истории и пространства является сверхрациональным, труднодоступным для схватывания индивидуальным человеческим разумом, и возможно лишь как соборное (совместное) видение, в котором присутствует элемент сверхличности.

⁷¹⁰ Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 496 с. Цит.: URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/genon-rene/simvoli-svyaschennoj-nauki/2> (дата обращения: 30.09.2023).

Ось не видна в самоописании, поэтому она внерациональна, и ей приходится прибегать к чуждым оптикам, например к линейной. Тем не менее можно подытожить черты осевой концепции времени и его протекания в осевой структуре мира, о которых шла речь несколько выше:

- Время не является ни кругом, ни прямой, сошедшей с оси, ни спиралью развития — это движение колеса в неизвестном пространстве, которое само открывается движением (прямо-кривая — подвижный образ вечности).
- Ось в осевом времени выступает линией покоя при вращении и линией движения, которая не вращается, а открывает новое пространство.
- В осевом времени прошлое не предопределяет будущего, но является отражением будущего, то есть проекта в западном понимании, хотя прошлое и будущее самостоятельны друг от друга. В прошлом содержатся следы будущего.
- Происходит вращение, смена местами прошлого и будущего.
- Ось есть движение колеса времени вперёд, но с возвращением колеса в исходную, хотя уже другую позицию, то есть возвратного движения в чистом виде не происходит, каждый раз новое, но в прежнем месте.
- Ось проходит через всё, но не всё есть ось.
- Время оси является то убывающим, то прибывающим (Н. А. Козырев), замедляющимся, ускоряющимся, но направленным в какую-то сторону.
- Осевая структура Земли тесно связана с гелиоцентризмом, то есть вращением вокруг Солнца.
- Приближение к оси приводит к относительному замедлению хода социального и личного психологического времени как в жизни общества, так и отдельных людей. Попадание в пространства, материальные или социальные, или отрезки времени, где это происходит или интуитивно схватывается, выражает их относительно большую близость к мировой оси. Резкое ускорение времени означает, что люди погрузились в бесстержневую «пучину». Так происходило в 1990–2000 гг. Резкое ускорение происходит и в начале 2020-х гг., что связано с попытками создания Сингулярности и переходом к многоцентричности.

В осевой структуре создан и мир земных исторических цивилизаций. Все из них так или иначе соприкасаются с осью, но и образуют собственные линии своих осей. Однако есть и главная ось — цивилизация осевой зоны, прежде всего Россия, которая поддерживает динамическую конструкцию мира, не являясь его центром.

В чём проявляется осевой характер восточноевропейской евразийской цивилизации?

1. Ось геополитическая — осевая зона планеты и сердцевинная земля. (Возможно, она как-то связана с географическим Северным полюсом Земли, но это не доказано.)

2. Ось антропогенеза — здесь возникли новейшие типы европейского и азиатского человека (а также американской ветки) — 40–50 тыс. лет назад (см. раздел 2).

3. Ось истории мира, вокруг которой вращаются и Запад, и Восток, хотя важнейшие события мировой истории происходят и за пределами этой оси, но они определены из осевой зоны: расселение индоевропейцев, Великое переселение народов и создание большого славянского мира, нашествие монголов, становление Российской империи в масштабах осевой зоны и большей части ВЕ, возникновение социализма, Вторая мировая война, начало нового мироустройства в 2022 году с операции России против Украины. Ось истории не обязательно связана только с Северной Евразией, это когда-то был и Ближний Восток, который соприкасался с ней через Центральную Азию и Малую Азию. Однако он в большей части переместился в Северную Евразию.

4. Ось базового типа индоевропейского человека, внутреннего (личности) и внешнего (социальности и биологического подвида), который сохранился в России и Восточной Европе. Движущееся и вращающееся колесо — прасимвол индоевропейской цивилизации и этого личностного и общественного типа.

5. Это ось личности как основы соборности, сборки социального. Ось мировой истории проходит через личности и через центры личностей — их духовно-волевой центр. Движение времени является следствием воли и действия различных субъектов в разных системах, однако их объединение осуществляется через единую ось.

6. Ось духа, сохранения христианской религии и веры.

7. Цивилизация мира как совокупности личностей и высшей личности. Это цивилизация личностного бытия мира — бытия как личностных монад, связанных друг с другом.

8. Осевая цивилизация не является монополистом оси, её владельцем, как подумали бы западные империалисты, пытаясь создать такую ось в США в виде пирамиды. Цивилизация оси просто пребывает в её осевой зоне.

9. Ликвидация этих осей ведёт к превращению человека в рационалистическую машину, а общество в мегамашину, подчинённую сверхличности. История человечества свёртывается в хаос. Однако это лишь одна из линий «движения времени», например, так называемое время бесконечного ускоряющегося прогресса Запада — ускорение и свёртывание времени из-за необходимости вовлечения всё новых объёмов рабочего времени капитализмом.

Как мы видим, историческая осевая миссия Восточной Европы и Евразии была до времени скрыта от западного и восточного наблюдателя, историсофа и историографа. Она развёртывалась постепенно, пребывая «в тени» величия других. Только нашествия саков, скифов и сарматов из осевой зоны напоминали в древности о её продолжающейся тектонической активности, следующей за первым индоевропейским завоеванием Европы. Однако к XIX веку Восточную Европу заметили как мировой фактор. Произошло это благодаря мощи Российской империи и идеям панславизма. Создание СССР, Восточного блока и социалистической цивилизации как противника мирового капитализма и фашизма ещё раз показало, что цивилизация Оси — антагонист западного вектора развития — реальность, и не просто исторический эмпирический факт, а реальность метафизическая.

Волевой переход — возвращение в осевое время

Реальной осью является дух или воля, способность к творению. Ничто другое не может выполнять роль оси. Осевое время цивилизаций характеризуется властью духа и духовных сословий, «стремлением к трансцендентности» в противоположность материальности и земному окружению, которые становятся явными, как утверждал теоретик «современного» осевого времени Ш. Эйзенштадт⁷¹¹. Общество, если оно хочет достичь динамического осевого состояния цивилизации, должно совершить волевой переход, выйти в состояние самодетерминации. Это связано с вопросом сверхволи в контексте волюнтаризма. Сверхволя, в отличие от обычной воли, является абсолютно недетерминированной волей, создающей новые вещи. Именно так может формироваться более совершенное общество.

На смену проекта социальности разума должен прийти цивилизационный проект воли («V-проект», «V-переход»), который один из современных исследователей волюнтаризма О. Г. Бахтияров назвал волюнтократией (волевым управлением в политическом поле)⁷¹². Этот слой носителей духа и мировоззренческих знаний — современная альтернатива западному «цифровому жречеству» трансгуманизма. Волюнтократия является признаком сверхчеловеческого общества, основанного на воле как проявлении духа, и личности, в полной мере реализовавшей свою сущность, и представляет собой земной результат синергии человека и сверхличности Бога как актуализацию образа Бога в человеке. «Четвёртый Рим — это не проект. Это символ выхода за рамки, преодоления каузальной обусловленности, в том числе и фатальной цикличности, которой подвержено всё живое... V-переход означает другую направленность формирования человека с момента рождения и другую культуру, обеспечивающую эту направленность. Но из этого следует и иной подход к превращению ребёнка во взрослого человека, превращение не в управляемое социальными стимулами существо, а свободно производящее смыслы из себя и координирующее свои проявления с другими такими же существами. Это иной тип воспитания и иной тип социальности»⁷¹³.

Аналогично приходу человека сверхчеловеческого типа, на смену осевой цивилизации Восточной Европы должна прийти сверхцивилизация, преодолевающая организмические (в том числе этнические) особенности цивилизации, и актуализирующее её глобальное надчеловеческое содержание, выросшее внутри предыдущих этапов цивилизации. С позиций волюнтократии О. Г. Бахтияров показал ситуацию с цивилизационным результатом реального социализма: «Большевизм прервал органическое развитие России, выстраивая над ним своё сверхобщество, которое по своим формам стояло ниже орга-

⁷¹¹ См.: *Эйзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъём духовных сословий // Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах. М.: Наука, 1992. С. 42–62.*

⁷¹² *Бахтияров О. Воля над хаосом. М.: Традиция, 2019. С. 103–104.*

⁷¹³ Там же. С. 104.

низмических цивилизационных процессов. Но тем самым он поставил Россию перед необходимостью создания сверхорганизменных форм, того, что мы назвали волюнтократией»⁷¹⁴. Построение волюнтократии поднимет спрос на гуманитариев определённого типа, связанных с трансцендированием, духовной инженерией и религиями, способных генерировать коллективную харизму. Волевой переход общества возможен как личностная революция сверху и снизу.

Нельзя говорить о сверхволе цивилизации без следования Божественной воле в отношении России и Восточной Европы. Воля превращается в пустое бахвальство и своеволие недочеловеческих сил, вообразивших себя сверхлюдьми. Волевой переход — это христианский переход к духовному, то есть волевому единству. Отречение от своей воли (своеволия) в пользу воли Божьей — это и есть условие волевого перехода и вообще появления сверхволи из потустороннего источника. Христианство в своей повседневной вероисповедной практике, в особенности православное христианство, — волевая религия, которая требует от человека повседневных личных волевых усилий для противостояния различным внешним детерминациям, как правило, греховного характера. Это происходит на основе его свободного выбора вопреки внешнему давлению обстоятельств. Человек, не умеющий духовно сопротивляться, неизбежно выходит за рамки Церкви, а скорее даже в неё не попадает. Либо он должен отдать себя под власть наставника, которая сама по себе не имеет конечной ценности. Фактически речь идёт о синергии воли человека и сверхволи Бога, который структурируется как Промысел о человеке и обществе, то есть определённого вида сверхмышление, своего рода «Охота» (от слова «мысливец» — охотник) на судьбу как волевое действие.

*Ось истории: роль индоевропейцев
и проблема ухода западной цивилизации с «мировой оси»*

Реальным воплощением осевого времени в человеческой истории и её центра стало христианство, которому соответствует нулевая точка отсчёта исторического времени в оба конца. Движение в оба конца означает удаление от центра осевого времени — Рождения Христа. Крещение индоевропейских народов Европы стало как бы вхождением в полноту осевого времени, которое, впрочем, было также внутренне противоречивым, так как оно происходило не в отношении всех их представителей, не всегда в полной мере и не сразу; например, сохранилось двоеверие, ереси, атеизм, скептицизм и другие явления.

Западная цивилизация сегодня далеко вышла из мировой оси — в эпоху бесконечно ускоряющегося линейного времени, которое является другим «эконом» (веком, вариантом времени), чем осевое время. Хотя иногда случаются «прорывы осевого времени», они всё менее достигают изолированной западной системы времени. Общество и её личности «уснули» в этом движении. Линия западного прогресса не является бесконечным продолжением и расцветом осевой цивили-

⁷¹⁴ Бахтияров О. Воля над хаосом... С. 152.

лизации гуманизма, как это может показаться, а наоборот, уходом из осевого времени и бесконечным удалением от него в трансгуманизм.

Напротив, функцию удержания на оси выполняли такие цивилизации, как Византия (вариант Запада), Восточная Европа (Россия) и Иран. Очевидно, в осевом процессе находится и Китай с традиционной идеологией «Срединного царства» и современной идеологией «Китайской мечты» и социализма, мироустройства с учётом интересов всех государств. Индия — вероятно, государство, частично пребывающее в осевом времени.

Сегодня стоит вопрос, останется ли мир на оси или окончательно уйдёт с неё. Возвращение от проекта бесконечного прогресса Запада — уход назад, к оси. Однако эта миссия возложена на самих индоевропейцев. В свою очередь, возвращение «на круги своя» возможно как государственный и международный проект традиционализма. Сохранение оси истории подобно миссии Удерживающего в христианстве, сохранении христианской цивилизации как высшего и последнего проявления осевого времени, нашедшее, в частности, выражение в доктрине Третьего Рима и подобных учениях.

Осевая схема истории

Линия материального прогресса отклоняется от осевой системы и означает «Закат», помещение цивилизации Запада в подземное хтоническое состояние (тоннель прогресса), имитирующее раннеземледельческие хтонические цивилизации и прекращение осевого движения, выход за горизонт событий истории или что-то подобное (образ «Заката Европы» О. Шпенглера), по принципу «Срединной цивилизации» Уилкинсона. Срединная цивилизация, создавшая денежную антисистему, не является осевой цивилизацией, это её прямой антипод, хотя на её территории был центр осевых процессов. Антиосевая цивилизация пытается позиционировать себя в качестве иерархического пирамидального Центра мира, но фактически она находится в подвешенном состоянии падения.

Конец истории может наступить тогда, когда мир полностью сойдёт с оси. Схема оси отличается от традиционных схем конца (апокалипсиса), но и из них она наиболее близка к христианской миллениаристской схеме (Тысячелетнего царства), которая как раз является возвратом истории на свою ось. Однако наступление этого момента откладывается, пока история удерживается на оси. В христианской историософии естественной осью истории выступает воля Троицею Бога и уподобление его прообразу людьми, то есть речь идёт о психической личностной сущности оси истории, которая в явном виде представлена в личности Христа. Однако Ось мира как действие его энергий внеположна Богу, иначе мы имели бы пантеистическую схему, присущую как раз антиосевым мировоззрениям.

Часто в византийско-православной традиции речь идёт о государстве и его первом лице, монархе, в роли Удерживающего на оси истории, то есть об одной избранной материальной организации, воплощённой в одной личности. Монарх является как бы носителем Прообраза. Но это оптика описания своего

осевого положения лишь одной из цивилизаций в доступном ей понятийном, политическом и символическом аппарате самодержавно-православного «византизма». В действительности схема осевого движения намного сложнее и включает в себя много разных материальных и идеальных структур, многообразие личностей и их типов, а также цивилизаций, в разной мере отклонившихся от оси.

Ошибочно осевая схема мира ассоциируется с единой схемой истории и её унификацией, которую связывают с глобализацией. Напротив, уход от единой схемы и логики человечества («историцизм»), якобы предопределённой Богом, считается путём к хаосу и отказом от «оси». В действительности, историцизм — типично западный рационалистический конструкт программирования истории, тянущий в бездну через тоннель «прогресса».

Ось и Божественная мудрость связаны именно с многосубъектностью и многовариантностью («многополярностью»), позволяющими исправлять человеческие ошибки, проистекающие из повреждённой греховной природы, когда ни один из вариантов не является совершенным и требует исправления другими вариантами, поскольку он укоренён в самости носителей и не может быть исправлен сам из себя, а только внешним путём, от других самостей. Гегелевская схема развития предмета из себя не работает, если мы берём её в конечном, глобальном масштабе, нужны внешние, «другие» схемы (можно поспорить, что Гегель и это предусмотрел в своей логике).

Осевая схема не является схемой всеединства и предопределения, поэтому конец, его конкретная историческая и временная форма непонятны, даже не просто «скрыты», а бытийно удалены от людей. Всё многообразие цивилизаций и народов, их путей, линий развития и «полюсов» тем не менее проявляется в одной сформулированной человеческим мышлением осевой схеме, которая — лишь слабый отблеск полностью интуитивной сверхрациональной реальности. Осевая схема истории не является финалистской и апокалиптической, хотя она совместима с концом света (апокалипсисом) как одним из вариантов завершения определённого века.

В действительности единая ось проявляется во множестве внешне несводимых осей, которые мы условно называем объектом — цивилизациями. Все эти объекты, идущие, казалось бы, центробежно, отличает осевая особенность — центрация на себе, в противоположность бесконечной центробежности. Важно не то, насколько они достигли материального и культурного величия, а насколько они идеально близки к оси мира в своей центрации; ясно, что в своём распаде они не могут быть близки оси и выразить свою осевую природу. В то же время психическая децентрация позволяет нащупать, почувствовать волевую ось, выйдя из своей ограниченной реальности в зону воли, туда, где сходятся различные оси многих цивилизаций. Отсутствие воли означает «закупорку», изоляцию личности в одной из осей мира. Поэтому осевой цивилизации присуще универсалистское мышление, всечеловечность.

Схему истории с точки зрения «осевого времени» можно изложить так:

1. Доосевые традиционные общества. Палеолит. Неолитическая революция и раннеземледельческие неразвитые и развитые земледельческие общества.

«Допотопные» общества. Цельность доосевой традиции. Человек коллектива и природы.

2. Осевые общества. Кризис доосевых традиций и различные попытки выхода из кризисной ситуации в рамках осевого времени. Осевые революции в разных концах Старого Света. Новая традиция. Появление нового человека. Высшая точка осевого времени в христианстве. Пребывание и движение в осевом времени как рефлексированная, отражённая в сознании вечность. Осевое время представляет в сути своей, прибегая к древнеэллинистической мистической терминологии, «эон», то есть свою зону времени, свой вечно длящийся «век».

Осевое время не ограничивается какой-то эпохой внешней истории, например V в. до н. э. — V в. н. э., а существует в вечности, прорываясь в различные эпохи или захватывая этнические и религиозные группы. Ему нет конца, однако для определённых народов оно начинается и заканчивается.

3. Послеосевые общества — антитрадиционные общества прогресса или частичного возврата к допотопной традиции. Выход из осевого времени — различные варианты ответа на вызовы кризиса осевого времени. Вариант западного рационализма — такой «выход» в бесконечный прогресс. Технический прогресс Запада — движение вне осевого времени с VII века и ранее, от классической Греции (тогда были открыты разные пути), — в дурную бесконечность и «схлопывание» мира в сингулярности, или «конце истории». Сингулярность (всеединство через одномоментность) развивающейся и по экспоненте ускоряющейся истории, которую выдвинули ряд идеологов-трансгуманистов, чтобы придать ей видимость финальности, и даже «назначили» на 2026–2032 гг., — та же линейная схема, но ускоренная. (Впрочем, несмотря на ускорение бега событий, никакой сингулярности не произошло.) Это также своего рода падший век — «падший эон». Однако и в послеосевых обществах могут быть «прорывы осевого времени»⁷¹⁵ («судные дни истории», революции).

4. Возвращение к оси из послеосевого состояния, отказ от выхода из осевого времени (движение лицом к прошлому, спиной к кажущемуся будущему, поскольку реальное будущее как конец истории уже дано⁷¹⁶). Однако это не просто надеяние, а строительство нового общества, воссоздание традиции в новом витке истории.

⁷¹⁵ «Прорывы» — термин Ш. Эйзенштадта, означавший в его концепции цивилизаций революционные сдвиги. См.: *Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 51–61.*

⁷¹⁶ См.: *Чугунова С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 75. С. 57–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/landshaft-vremeni-v-razlichnyh-kulturah/viewer> (дата обращения: 30.09.2023).*

6.3. Родовая травма и окончательная мутация Запада — главная внешняя проблема Восточной Европы (Опыт антизападной историософии)

Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее.

О. Шпенглер. Пруссачество и социализм

Рождение Запада и его пожизненная родовая травма. Последовательная критика Запада и его общечеловеческих просветительских претензий

Весь ход изложения материала в данной книге подводил к вопросу о западной цивилизации. Однако негативно отталкиваться от Запада было бы стратегической ошибкой в монографии о другой, незападной цивилизации Восточной Европы, которая должна быть определена из своей, иной самости. Это привело бы к «отзеркаливанию» и зависимости от Запада в мировоззренческой оптике. В известной мере отталкивание от Запада неизбежно, но делать это центром рассуждений нельзя. Но вот, в конце концов, момент «историософского суда» над Западом наступил.

Ещё раз сформулируем ответ на вопрос: что значит возникновение западно-европейской цивилизации для её дальнейших оценок и прогнозов? Должны ли мы считать её идеальным образцом для Восточной Европы? Наконец, считаем ли мы, восточные европейцы, уместным разделить судьбу Запада или дистанцироваться от неё?

Ключевой особенностью возникшей западной цивилизации стал тот факт, что она появилась путём вооружённого завоевания, ликвидации и порабощения остатков старой матриархальной цивилизации земледельцев, которая была своего рода противоположностью Западу. Завоевание — родовое пятно Запада. Оно усугубляется ещё тем, что завоевание базировалось на техническом превосходстве и связанной с ним мобильности: доместификации лошади, наличии колеса, различного вооружения, иерархической социальной организации, основанной на неравенстве. Однако завоевание стало не просто родовой травмой («повивальной бабкой истории»), а самостью.

Природные условия Центральной, Западной, Южной Европы, долины Дуная и Балкан, Передней Азии таковы, что там отсутствуют свободные массивы территории, что побуждает к постоянной борьбе за неё между группами населения и более интенсивному использованию ресурсов. Иными словами, полуостров Европа мал, и на нём выживает сильнейший и хитрейший. Тем более что борьба была уже изначально запущена индоевропейским нашествием как предпосылкой возникновения Запада.

Указанные выше обстоятельства рождения Европы (Западной Европы) привели к формированию в III–II тысячелетиях нового типа человека, которого Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения» обозначили гомеров-

ским эпитетом «хитроумный Одиссей» по имени одного из наиболее ранних письменных героев у народов Запада (к которым относились и древние греки, в том числе ахейские греки, представленные в творениях Гомера). «Одиссея» и «Илиада» стали первоначальной библией Запада. В качестве подтверждения нового злокачественного типа франкфуртцами проводится развёрнутое критическое толкование «Одиссеи», и прежде всего личности, способа действия и мышления главного героя в первом разделе «Диалектики...». «Первый прослеживает диалектику мифа и Просвещения на примере “Одиссеи”, этого наиболее раннего репрезентативного свидетельства западноевропейской буржуазной цивилизации»⁷¹⁷. «Одиссея» является, вероятно, обработанным коллективным эпическим произведением, происходящим из Ионии, где сохранились прямые потомки ахейских греков — участников Троянской войны — на фоне последующих волн вторжения с Севера. Троянцы же, оборонявшиеся от греков, возможно, потомки более ранней, первой или второй волны западных индоевропейцев, осевших на ключевых торговых путях Малой Азии, опиравшейся на малоазиатскую и анатолийскую ветви западных индоевропейцев — лувийцев. Эпоху Троянской войны учёные относят к 1240–1230 гг. до н. э. К ней названный тип западного человека уже вполне сложился, так как с начала третьей волны, самого массового вторжения кочевников-завоевателей-торговцев из Причерноморских степей на территорию Европы, прошло 1800 лет (см. раздел 2). Поэтому в «Одиссее» на примере греческих государств, той же одиссеевской Итаки, представлена картина уже сложившегося и благоустроенного общества, достигшего первичного уровня зрелости.

Греция обеспечила развитую экономическую базу для формирования западного человека. Мягкий климат и благоприятные условия для хозяйства при этнической тесноте и пестроте и некоторой изоляции от последующих волн воинственных родственников-индоевропейцев располагали к эксплуататорским инстинктам, которые и лежали в основе рационализма западного типа, ставшего самоцелью, своей целерациональностью, по терминологии М. Вебера.

Против чего и кого направлена критика «Диалектики Просвещения» в отношении Запада *ab ovo*? Здесь авторы недвусмысленно указывают на индоевропейскую (арийскую, по терминологии их врагов из Третьего рейха) цивилизацию. Она же, как и позднейшая западноевропейская буржуазная цивилизация, связана с Просвещением, рациональностью, господством над природой и людьми, техникой, демократией, либерализмом и другими подобными атрибутами — на деле всего лишь инструментами господства. То есть критика цивилизации имеет вполне определённый эмпирический объект в истории, который рассматривается Адорно и Хоркхаймером на полном серьёзе, не метафорически. Включая, например, и противопоставление арийской и доарийской мифологии и религии: солярной и хтонической, которое свидетельствует, что авторы, подобно М. Гимбутас

⁷¹⁷ Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты [Электронный ресурс]. М.; СПб., 1997. 312 с. // Гуманитарный портал. Центр гуманитарных технологий. 21.03.2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5521> (дата обращения: 30.09.2023).

и её предшественникам в истории, понимали — Запад возник путём разрушения принципиально другой цивилизации. Притом с помощью насилия и его рационализации — инкорпорирования в ментальную структуру человека и общества с помощью тотальной рациональности, то есть, собственно, Просвещения как такового.

Авторы показывают, как оно легло в основу личности, культуры и цивилизации Запада через механизмы мимезиса, объективации мира и власти мышления: «Самость, обучившаяся порядку и субординации на порабощении мира, скоро вообще начинает отождествлять истину с мышлением-распорядителем, без вводимых которым чётких различий она и не способна существовать. Вместе с миметическим колдовством ею табуируется и то знание, которым в самом деле затрагивается предмет. Её ненависть распространяется одновременно и на образ поверженного первобытного мира, и на своё собственное воображаемое счастье. Хтонические божества коренного населения изгоняются в ад, в который превращается Земля под властью солнечно-световой религии Индры и Зевса. В качестве языковым образом развёрнутой тотальности, притязанием которой на истину подавляются более древние мифические верования народных религий, солярный, патриархальный миф сам является просвещением, с которым Просвещение философское может теперь померяться силами как с равным. Дистанцированность субъекта от объекта, предпосылка абстракции, имеет своим основанием ту дистанцию к вещи, которая приобретается господином посредством подданного. Песни Гомера и гимны Ригведы принадлежат эпохе землевладения и закреплённых площадей, когда воинственная народность, властвующая над массой побеждённых ею автохтонов, становится оседлой»⁷¹⁸. Обратите внимание на интересную фразу о «миметическом колдовстве», которое «затрагивает предмет» «на самом деле». То есть авторы критической теории признают, что реальность находится по ту сторону рации и нуса, в мистическом опыте первобытной религии. То есть, в сущности, Просвещение — это культ. Ключевым выводом «Диалектики Просвещения» является единство западноевропейской цивилизации в своих чертах инструментальной рациональности как специфического способа построения эксплуататорского общества и типа человека от времён «Одиссеи», то есть не позднее XIII века до н. э.

Одиссей, по логике авторов критической теории, не только вождь и царь, изобретательный завоеватель, путешественник, торговец, мастер на все руки, но и носитель европейской рациональности, нацеленной на господство и техническое подчинение мира. Таким образом, инструментальная рациональность и господство — единый код, наиболее последовательно воплощённый именно Западом.

Уже в дописьменный период 3000–1000 гг. до н. э. европейская цивилизация обладала всеми основными чертами. Недаром авторы «Диалектики Просвещения» проводят цепочку к современному им европейскому фашизму и германскому нацизму. Фашизм ведь присущ индоевропейским завоевателям, хотя и в потенции, но не в реальности. Более того, сегодня при поддержке глобаль-

⁷¹⁸ Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты...

ной олигархии расцвёл универсальный либерал-фашизм — синтез либерализма и фашизма.

Следует всё же критически отметить, что «Диалектика Просвещения» Хоркхаймера и Адорно — незаконная попытка левых возложить на всё арийство вину за создание тотальной потребительской и эксплуататорской цивилизации, которая в первую очередь связана с западной разновидностью индоевропейских цивилизаций, а не с Восточной Европой, Россией, Индией и Ираном.

Одиссей в «Диалектике Просвещения» объединяет в себе черты двух хорошо известных исторических типов западного человека, воина и капиталиста, которые олицетворяют разные эпохи, однако сложились в одном варианте уже в самую раннюю из них.

Уже в период событий, описываемых «Илиадой» и «Одиссеей», сложился западный тип человека — образец для господствующих классов, который ассоциируется с рыцарством: «Воссоздание рыцарского этоса, как он сложился в Европе, лучше всего начать с гомеровских поэм, и прежде всего с Илиады», — указывала М. Оссовская в работе «Рыцарь и буржуа»⁷¹⁹. Тип рыцаря сохранился до конца Средних веков и начала Нового времени и мутировал в буржуазный тип в образе джентльмена. Тип рыцаря восходит к общеиндоевропейскому варианту конного воина или воина на колеснице, распространённому от Индии до Атлантики. Однако в Восточной Европе тип рыцаря не получил такого распространения и высокого статуса, как на Западе. Здесь господствовал отдалённо родственный тип предприимчивого странника-промышленника и служилого человека — воина, дворянина. Любопытна в этом контексте слабости рыцарства в славянском и балтском мире Восточной Европы польская теория сарматизма, возводящая происхождение польского аристократического класса к выходцам из степного иранского мира Евразии — сарматам — как более близким к идеальному образцу рыцаря, чем славянские старейшины, князья и жупаны.

Другая ипостась западного образца человека, также возникшего на заре античности, но не получившего поначалу столь широкого распространения, — буржуа, — пришла на смену рыцарству после перехода западного общества в стадию капитализма в XVI–XIX вв. и получила более массовое распространение в виде мещанства и дельцов, по В. Зомбарту. «Все европейские народы, по его мнению, обладают определёнными капиталистическими наклонностями»⁷²⁰. Оссовская также называла такие подтверждения наличия буржуазного типа, как «*homo oeconomicus*» Э. Шпрангера, «открытого человека» М. Шёлера, теорию М. Вебера о происхождении капитализма из протестантизма. Теория М. Вебера о происхождении капитализма из этики протестантизма в целом не получила признания в западной науке, так как не удалось доказать причинно-следственную связь между ними. «Никак нельзя согласиться с тем, — утверждает Брентано, —

⁷¹⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали... С. 39.

⁷²⁰ Там же. С. 324. Оссовская также называла: «*homo oeconomicus*» Э. Шпрангера, «открытого человека» М. Шёлера. Теория М. Вебера о происхождении капитализма из протестантизма.

будто пуританизм породил дух капитализма как массовое явление», хотя и нельзя отрицать, что пуританизм содействовал капитализму, разрушая некоторые предубеждения, сдерживающие его развитие»⁷²¹. Ещё одним перспективным вариантом западного буржуазного типа стал рациональный бюрократ — менеджер, по М. Веберу, существенно отличающийся как от рыцаря, так и от буржуа, но являющийся их позднейшим продолжением.

Капитализм как система требует постоянного расширения за счёт вовлечения новых объектов эксплуатации (Р. Люксембург). В этом связь западного общества с бесконечным прогрессом, с одной стороны, и глобализацией, с другой. Это бесконечная организованный социобиологическая экспансия, которая говорит о прогрессе недочеловеческих черт в типах западных культурных героев. Определение человека как общественного «разумного животного», данное Аристотелем⁷²² вслед за Анаксагором, правильнее распространить на его определённый тип — человека западной цивилизации. Экстраполировать определение Аристотеля на остальные цивилизации нет достаточных на то оснований. Вопрос о «животности-разумности» не ставился. Именно западная цивилизация выработала для себя, своего типа человека, а не для других, два важнейших признака — приверженность животному материализму и прагматизму и наличие высокоразвитой рациональности — разума, дополняющего и уравнивающего материализм и противостоящего ему как альтер эго. Подход других цивилизаций, в том числе восточноевропейской, был иным.

Об опасной особенности европейского разума — его всеобъемлющей техничности ради господства, заключённой ещё в понятиях философов-досократиков, писал и философ совсем другого направления — М. Хайдеггер в работе «Изречение Анаксимандра». М. Хайдеггер обратился к индоевропейской архаике древнегреческого и немецкого языков с целью идентификации изначального кода западной цивилизации. Он состоял в раскрытии сокрытого — «несокрытости», расколдовывании природы с целью подчинения её свойств в форме техники. «Греческое, христианство, Новое время, планетарное и, в обозначенном смысле, Западное мы мыслим из некоторой основной черты бытия, которую оно, как *Ἀλήθεια* в *Λήθη*, скорее скрывает, нежели разоблачает. Но это сокрытие своего существа и существо истока есть та черта, в которой бытие изначально себя проясняет так, однако, что мышление не следует ему прямо. Сущее само не выступает в этом свете бытия. Несокровенность сущего, ему предоставленное освещение, затмевает свет бытия»⁷²³. «Алетейя» первичного Запада напоминает код «Просвещения». «Та древность, которая определяет изречение Анаксимандра, принадлежит к утренней рани вечернего Запада»⁷²⁴. Зачем им, грекам, на заре закатной

⁷²¹ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали... С. 342.

⁷²² Аристотель упоминает, что Анаксагор назвал человека «самым разумным животным», то есть разум присущ и другим животным, кроме человека.

⁷²³ *Хайдеггер М.* Изречение Анаксимандра... С. 41. «Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идёт по необходимости; ибо они платят друг другу взыскание и пени за своё бесчинство после установленного срока» — полностью изречение в варианте Дильса.

⁷²⁴ Там же.

цивилизации «просвещать» разумом сокрытое, вырывая всё новые истины? Ответ прост — бесконечная экспансия во все этажи мира, в котором «Я» как бы скрывает себя, раскрывая внешний мир, — особенность данной цивилизации.

Как «несокрытость» связана с ранней экспансией Запада? Некоторые выводы цитировавшегося выше исследования Д. Энтони «Лошадь, колесо и язык», в котором много места уделено миграциям индоевропейцев и их организованному характеру в качестве военно-торговых кампаний, также показывают некоторые базовые черты индоевропейцев, получившие гипертрофированное развитие на Западе. Речь идёт об овладении ключевыми точками пространства с целью колонизации и осуществления торгового обмена, что и было связано с функциями лошади, колеса и рациональности, выраженной в определённом языке, его структуре. Говорится о пространственном структурировании прямых, наиболее коротких и экономных линий в сети господства. Согласно Энтони, индоевропейцы в III тыс. до н. э. впервые в истории создали единый глобальный мир на евразийском континенте — от Ирана до Центральной Европы. Вероятно, такая интерпретация — преувеличение, но суть в определённом колониальном выстраивании пространства под себя. Восточная Европа избрала иной путь в борьбе за пространство и время.

Общество капиталистического модерна — роковая мутация Запада

Ключевой вопрос о нахождении Запада в осевом времени — разрыв с христианством. Когда и как это произошло? Несмотря на то, что Запад принял на себя миссию Креста, разрыв Запада с христианством всё же в значительной мере состоялся после того, как Крест был снят. Это происходит в процессе так называемого трансгуманизма в широком смысле, который отрицает традиционный христианско-индоевропейский образ человека, опираясь на мутацию из эпохи Гуманизма и Возрождения — начало Нового времени. Одновременно это отрицание средневекового готического — последнего западного подтипа, в той или иной мере всё же соответствующего раннеиндоевропейскому осевому базовому типу человека.

Все последующие западные подтипы — капитализма, Возрождения, Просвещения, индустриализма — уже являются крайне искажёнными типами личности бесконечного прогресса, утратившими внутреннюю целостность и заменившими её на Ничто внутри человека, — цивилизацию европейского нигилизма. Как ни покажется странным, возрожденческий гуманизм с раздутым «Я» личности — уже трансгуманизм, а Просвещение — гибель реального просвещённого знания о мире. Такова диалектика Возрождения и Просвещения.

Уход от индоевропейской цивилизации её носителей в трансгуманизм означает ослабление и потерю не только христианства как высшего выражения и центра осевого времени, но и потерю дохристианских осевых черт индоевропейского человека, да и традиционного человека вообще всех цивилизационных типов. «Вынимание» оси из «телеги истории» ведёт к обрушению всей личностной конструкции. Поэтому борьба за базовый индоевропейский тип — это борьба за ось истории вообще, всю историю как таковую, то есть за все исторически существо-

вавшие типы людей, как сохранившиеся до сего дня, так и ушедшие, а отнюдь не за тип европейского буржуазного или феодального человека, которые уже являются мутировавшими⁷²⁵.

С началом Нового времени западная цивилизация приобрела специфическую универсальную и глобальную форму капитализма. Капитализм — тупиковая форма цивилизации, вынужденная постоянно расширяться, вовлекая в оборот капитала всё новые и новые ресурсы, как экстенсивно — уже имеющиеся в мире ресурсы, так и изобретаемые за счёт развития техники новые производительные силы и товары. Это предопределило линию бесконечного всё ускоряющегося прогресса и соответствующую структуру времени. Тупиковость капиталистического Запада Нового времени состоит именно в бесконечной целенаправленной смене форм при сохранении той же внешней материальной сущности (преимущественно недочеловеческой), за которой зияет пустота рационалистического нигилизма.

Первоначально капитализм появился в странах Западной Европы как передовой социально-экономический уклад, который быстро подчинил себе остальные уклады. С XIX века капитализм проник во все страны и стал универсальной общемировой формой других цивилизаций, а не только западной цивилизации, в том числе и в азиатских обществах. Капитализм стал той формой, в которой западное общество вновь достигло зрелого состояния после крушения античной греко-римской формы западной цивилизации и которая позволила восстановить и стабилизировать развитое состояние как непрерывное движение и расширение контроля, без впадения в новые века «варварства» в результате утраты власти центрами западной цивилизации и вторжения новых народов с Востока и Юга (в этом плане русский мыслитель В. С. Соловьёв с его эсхатологическим «панмонголизмом» как угрозой цивилизованному миру⁷²⁶ может показаться наивным).

Социализм стал формой систематической цивилизационной реакции на капитализм в тех странах и цивилизациях, которые не очень совместимы с капитализмом и которые хотели быть независимыми от глобальной олигархии, но при этом пользоваться инструментами рациональной власти, техники и Просвещения, созданными западным капиталом. Он стал альтер эго капитализма, но не его сменой, заменой или даже альтернативой в локальных цивилизационных системах.

Капитализм сложился на основе двух предшествующих токсичных цивилизационных форм прошлого, которые впервые сплелись в одно целое в Древней Римской империи, вынужденной из-за этого постоянно расширяться:

- 1) наиболее агрессивной разновидности индоевропеизма — Запада античной древности;
- 2) денежной цивилизации семитского Ближнего Востока, прежде всего Финикии, Карфагена и Иудеи, как цивилизационной формы или уклада ближне-

⁷²⁵ Как говорилось выше, тип феодала восходит к героям индоевропейских завоеваний и вождям ранних греческих полисов, передавшийся без больших изменений, как показала М. Оссовская в работе «Рыцарь и буржуа».

⁷²⁶ См. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 736–739.

восточной семитской цивилизации древности, иногда ошибочно ассоциируемой с капитализмом. Это модифицированная раннеземледельческая цивилизация «Золотого тельца» или Вавилонской башни.

Однако ни одна из этих форм прошлого не имела формы чистого капитализма Нового времени. Важно то, что этнически капиталистическая форма цивилизации сложилась на основе германских народов либо элит завоевателей германского происхождения, как это было в романских странах («германороманцев», по Данилевскому). Они придали Западу форму «свободного», но принудительного капиталистического найма рабочей силы и безудержного технического покорения природы и эффективной эксплуатации чужих народов. Западная цивилизация в капитализме как бы приобрела чистую внутреннюю рационализированную форму.

Капитализм придал технической рационализации личности и индивидуализму всеобщий характер и подорвал основы традиционной личности, общества и мировоззрения, создав систему самообоснования разума и капитала. Просвещение XVIII века — процесс полного самообоснования и самоопределение суверенного разума от остальных компонентов личности и общества, вытекающее из гностического мировоззрения тайного общества иллюминатов. Первоначальный код капитализма в неразвитом виде содержался в средневековом готическом, «закатном» или сумрачном типе культуры, который, собственно, и отличает Запад Европы от других цивилизаций, по мнению О. Шпенглера и других мыслителей. Капитализм, по-видимому, окончательно сформировал картину мира в образе «естественной установки», по Э. Гуссерлю, когда мир видится просто набором материальных предметов в прямой перспективе, которые можно и нужно утилизировать. Таким он видится в закатном свете западного Аида.

Главная проблема эпохи модерна в том, что развитие Запада по пути мутаций, начиная с XVIII века, стало необратимым, как и разрушение традиционного человека и общества. Выйти из этого тоннеля уже нельзя. Запад стал заложником самого себя, своего самосознания как ложного «Я». Если ранее в Средневековье этот путь был возможен, то после него он стал линейным и направленным на самоликвидацию западной личности. Однако в период модерна личность человека на Западе всё же сохранилась, хотя и в сильно деформированном виде «последнего человека», и даже базовая осевая личность индоевропейца в разных сообществах, нациях, регионах, менее затронутых влиянием Просвещения. Сегодня речь идёт уже о её ликвидации. Просвещение стало бесконечной «иллюминацией иллюминатов» «просвечивателей» всех мастей, в котором всё превратилось в видимость и игру видимостей постмодерна. Запад, как вариант развития, представляет собой выпадение цивилизации из осевого времени в отдельный, хотя и гигантский тупиковый «эон», разворачивающийся по типу засасывающей воронки. Будучи географически маргинальным и закатным явлением истории, Запад пытается представить себя в качестве «срединной цивилизации» (Уилкинсон). Проблема Запада ещё и в том, что он не может идти по тупиковому пути один, он вынужден втягивать страны других цивилизаций в качестве кормовой базы, то есть колониализм является сущностной чертой.

Эпоха модерна, или Просвещения, вскрыла и усилила недостатки западной цивилизации, а не способствовала их преодолению. Сам по себе концепт модерна показателен — он ни что иное, как проявление лживости, гордыни и бегства от себя. Модерн нельзя воспринимать за чистую монету как этап развития всего мира. Понятие модерна — это и есть то «Просвещение» «хитроумного Одиссея», по Адорно, только возведённое в степень капиталистического прогресса, бесконечное Просвещение «дикарей». Одиссей приплыл на свою обновлённую Итаку, за время его отсутствия прошло несколько тысячелетий. «Представление о модерне является проявлением западнцентристского колониального дискурса, дискриминирующего другие незападные цивилизации, и проявляется во всех разновидностях идеологий западного модерна, включая и марксизм. Вторым важнейшим моментом была система контроля и эксплуатации труда, основанная на оформлении известных систем эксплуатации, имеющих отношение к капитализму и, соответственно, рынку. Учитывая доминирующую роль экономики в этой конфигурации, её можно назвать “структурой капитала в колониальности власти” (Quijano 2001: 26). Эта новая и современная модель доминирования и эксплуатации — “колониальность власти” — основывалась на насилии и соединяла формирование расы (расизма), контроль труда (капиталистическую эксплуатацию), контроль государства и субъектности (в том числе и в гендерной сфере) и, наконец, важнейший контроль над производством знаний, иначе говоря, создание западной монополии знаний в современной истории. Именно в этом эффективном сочетании лежат корни и причины завоевания глобальной власти евро-атлантической цивилизацией», — пишет Глостиянова со ссылкой на идеи Е. Дюсселя в книге «Модерность и европоцентризм»⁷²⁷.

Уход в будущее из вечной актуальности — суть современного Запада. В Восточной Европе время течёт финально-циклически, то есть движется вдоль оси. Западное движение — бесконечный рост либо падение, подобно кривой, но ось уже потеряна. Осевое движение и осевое время превратились в бесконечные прямые лучи. Время Запада осмысляется как проект, как будущее.

Осевое время — не ось времени, движущаяся вперёд. Ось в осевом времени выступает линией покоя при вращении и линией движения, которая не вращается.

*Окончательная мутация Запада и пути восточных европейцев.
Запад как глобальное сообщество, преобразующее
собственные предпосылки*

В последнем десятилетии XX века западная цивилизация достигла высокого уровня развития своей глобальной организационной структуры — «сверхобщества», по А. Зиновьеву, объединившего в руках мировой олигархии функции управления цивилизацией, крупнейшей собственностью, международного сверх-

⁷²⁷ Глостиянова М. В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации: учебное пособие. 2008. 306 с. Цит.: Dussel E. Europe, Modernity and Eurocentrism // Nepantla. Views from South. 2000. Vol. 1, №. 3. P. 465–478.

союза государств и господствующего в мире геополитического субъекта. Этому способствовала ликвидация в ходе холодной войны коммунизма как политического строя и как конкурента за создание сверхобщества, а также как исторической формы восточноевропейской цивилизации. В дальнейшем происходила ликвидация его последствий и правопреемников, а также стирание исторической памяти о нём. Однако западное сверхобщество ненастоящее (модерн) — это симуляция сверхобщества. Оно не является волевым субъектом, тем более субъектом сверхволи, а подчиняется как инструмент — мегамашина — глобальной олигархии как схеме паразитирования, узурпировавшей волевою функцию. Одновременно происходит самоизживание капитализма и вообще мира Нового времени. Это и конец самого Запада — появление на его месте, в его сердцевине постзападного общества. Идеологией последней мутации стал постмодернизм как форма субъективистского релятивизма, отрицающего реальность объекта, субъекта и мысли, в своей сущности оборачивающийся трансгуманизмом или ликвидацией «последнего» человека. «Сегодняшний распад индивидуальности не только заставляет рассматривать эту категорию в качестве исторически преходящей, но и пробуждает сомнения в её позитивном существе»⁷²⁸, — писали в «Диалектике Просвещения» провозвестники этого процесса ещё в конце 1940-х. Отмена индивидуальности — суть трансгуманизма.

Западная цивилизация перешла в стадию трансгуманизма, совмещённого с условной многополярностью, когда трансгуманизм просачивается в другие человеческие типы, как яд в живые ткани. Сегодняшний Запад в своей господствующей исторической линии является трансгуманистической цивилизацией, которая вышла за пределы не только гуманизма, но и человека. Цивилизация Запада в стадии трансгуманизма стала опасна для мира и для самого типа человека Запада, поскольку она осуществляет ликвидацию и перезагрузку человеческого типа на основе извращённой рациональности и машинерии. Большинству мыслящих людей незападных цивилизаций, да и на самом Западе, очевидно, что она должна быть остановлена и локализована. Возможно, с 2022 года процесс локализации Запада вступил в решающую фазу.

Запад в лице глобального сверхобщества не удовлетворился установлением мировой гегемонии, в перспективе — гегемонии над каждым человеком в мире с помощью электронных технологии «чипирования», связи, финансов. Для эффективного управления миром запущен пересмотр и ликвидация основ западного мира и распространение этого процесса на максимальное количество стран. Речь идёт о формировании принципиально иной разновидности западной цивилизации, ставящей её саму на грань размывания и сохранения. Для этого используются разнородные заимствования как существующих, так и исчезнувших цивилизаций, так и нововведения и результаты инерционного распада институтов Запада. Новая глобальная цивилизация с размытыми рамками будет способна поглотить другие не-западные цивилизации, по крайней мере как можно больше выходцев из них и их государств. Власть, подчиняющая людей суперкомпьютеру, — это и есть «Всеединство» В. С. Соловьёва в техническом действии, такое, каким его видит посткапитализм.

⁷²⁸ Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты...

Запад за три десятилетия (1960–1990-е гг.) вошёл или был введён в непрерывное состояние «великого разрыва», или «конца истории», по Ф. Фукуяме. «Наиболее заметные перемены в социальных нормах, которые и составили “Великий Разрыв”, произошли в области, связанной с рождаемостью, семьёй и отношениями между полами. Сексуальная революция и рост феминизма в 60-е и 70-е годы затронули практически всех людей на Западе»⁷²⁹. «...Западное общество не справляется с задачей воспроизводства себя самого»⁷³⁰. Решить эту проблему должно уничтожение общества и личности в их традиционном виде. Владельцы капитализма и Запада или их часть решили выйти из истории как капиталистического расширения, «свернув её». В 2026–2036 гг. «великий разрыв» должен быть переведён в сингулярность трансгуманизма — подчинение общества единой машине (сети машин-компьютеров) и создание типа человека-машины — «последнего человека». Западное время истории, его век, является апокалиптическим. Но этому не суждено сбыться, поскольку осевое время шире западного апокалипсиса.

Одновременно происходит и целенаправленное сокращение их носителей — индоевропейских популяций Европы в самих государствах и замена их популяциями из других регионов планеты — Центральной Африки, Афразии (арабы), Евразии (турки), Юго-Восточной Азии, Индии (неиндоевропейские или смешанные популяции), Латинской Америки (метисы, мулаты, потомки индейцев).

Меняются также цивилизационные институты: западное христианство вводится в кризис и упадок, вместо него растёт ислам, секты и неоязыческие культы. Сам по себе ислам не является той силой, которая способна ликвидировать западную цивилизацию даже в Западной Европе, но он способен существенно ослабить её. Опасная мутация Запада в его части — глобальном сверхобществе — предопределила и планомерно созданный кризис традиционной индоевропейской цивилизации в западном мире. Некоторые видовые черты Запада сохраняются в ходе этой мутации: агрессивность, господство, тяга к эксплуатации и инструментальному рационализму. Запад, сохраняя власть, теряет возможность самостоятельного воспроизводства и обрекается на синтез с другими цивилизациями и их поглощение и самоликвидацию в этом процессе. Европа утрачивает свою индоевропейскую сущность. Исчезает сама личность индоевропейского человека и «хитроумного Одиссея», против которой ополчились мыслители Франкфуртской школы под названием «авторитарной личности». Причём не только в самом раннем индоевропейском, но и в западном предантичном «одиссеевском», и даже в современном западном варианте, и даже в осевом библейском варианте — исчезает сама осевая личность без привязки к индоевропейцам. Остаётся лишь её коллективный психологический «срез» в виде рационализма.

Если первичному Западу соответствовал тип рыцаря-Одиссея, Западу капитализма — тип буржуа, то Западу окончательной трансгуманистической мутации соответствует тип цифрового жреца тайных обществ и советов, вещающего от имени богини-Разума «из машины»-компьютера. Появление нового извращённого жречества — признак последнего этапа капитализма, выходящего в совершен-

⁷²⁹ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. С. 57.

⁷³⁰ Там же.

но иную систему цивилизации. Создать альтернативу западному извращённому жречеству со стороны других цивилизаций могут только жрецы, а не капиталисты или воины, поскольку их место в разделении труда уходит и заменяется местом меритократии и технократии. Управление глобальным миром (миром развёртывающегося «Всеединства») возможно лишь жречеством или слоем, имитирующим его функции.

Евросоюз — Империя «Евро» — оказался троянским конём для европейского человека. Комфорт оказался смертельным для индоевропейских народов. ЕС становится братской могилой народов Европы, лишая их самости, энергии, традиции, жизненной силы и вводя их в процесс смешения. Это смертельный трюк. Цивилизация аутентичных индоевропейцев предполагает минимум овеществления и максимум подвижности. Кочевая воинственная спартанская культура (Спарта — реликтовый островок начального западного индоевропеизма в Греции), курганная и ямная культура — минимум комфорта. Жители Восточно-Европейской равнины жили в землянках до XIV века. Жалкий кочевник-скотовод или воин на солнечной колеснице, мчащийся по степи навстречу солнцу. Что осталось от него?.. Всё перечисленное — свидетельство жизнеспособности, ныне утраченной из-за культа комфорта и потребления, которые в своё время привели к падению античной формы цивилизации Запада.

Всё произошедшее с Западом прямо говорит народам и цивилизациям мира, в том числе и Восточной Европе, что нужно выйти из западной матрицы и создать мир без Запада, независимый от его глобальной олигархии и сверхобщества. Прежде всего — ликвидировать глобальный западный миропорядок в комплексе. Создать более справедливую, эффективную и уравновешенную форму с точки зрения полицентричности цивилизаций форму социально-экономической системы. Запад стал главной проблемой для всего мира и самих западных людей. Проблемой, которую, хочешь не хочешь, нужно решить. На повестке дня — мир без Запада, без современного западного капитализма, без капитализма как доминирующей системы вообще. Но и мир без Востока, поскольку эта форма не должна быть универсальной.

Как ни покажется странным нижеследующий вывод, но его сформулировал сам Запад, его собственные мыслители по заказу западной олигархии. Многие социалисты действовали на деньги капиталистов. Напрашивается вопрос: зачем Запад ликвидирует сам себя? Запад — это жертва, принесённая глобальной олигархией на алтарь мирового господства ради ликвидации цивилизаций вообще. В XX веке получил развитие специфический концепт жертвы и её жертвоприношения. Вспомним фильм Тарковского и жертвоприношения нацистов. Запад как коллективное жертвоприношение на алтарь мегамшины Разума не спасти.

Трагическая ситуация Европы и проект Иного (иной судьбы) Восточной Европы

Восточная Европа в конце XX века после падения системы социализма фактически вышла из «осевого времени», из его «прорыва» в историю в 1910–1950-е годы. ВЕ вышла в западный мир «конца истории», заняв место периферии.

Дальнейшее самобытие Восточной Европы нельзя воспринимать как мещанское существование под боком у Запада в качестве его филиала. Впереди турбулентность, нарастание тектонических событий и трансгуманистической сингулярности. Это её конец как типа; прожить государствам и народам всё равно не удастся. На повестку дня мощным трансгуманистическим лобби выдвинут переход, который сотрёт цивилизацию вообще, заменив её искусственной машиной, цивилизацией мегамшины. Идёт планомерное сокращение населения, промышленного потенциала ВЕ. Остатки производств передаются западным ТНК. В случае с Украиной под угрозой перехода её потенциала под контроль России на фоне войны идёт уничтожение и рассеивание населения, обезлюдение её русских областей, разрушение промышленности, инфраструктуры, традиционной культуры, многочисленные биологические и психологические эксперименты над переделкой людей в озлобленные служебные машины. Нечто подобное происходило в Сербии и в целом на землях бывшей Югославии.

Евросоюз становится огромной «братской могилой» народов Европы, в которой они лишаются традиционной идентичности, энергии для жизни, нормальной экономики, воспроизводства и насильно смешиваются с диаспорами мигрантов из иных цивилизаций. Страны, претендующие на свободу, стремятся либо покинуть ЕС, как Великобритания, либо обособиться в нём, как Венгрия, Польша, заняв особую позицию, либо продолжают находиться в неопределённости, как Сербия и Босния. Это конец Восточной Европы?

6.4. Футурология ЦВЕ. Поворот Восточной Европы к себе: каким он будет?

Мы, люди Восточной Европы, должны быть способны служить мостом между Западом и Азией.

М. Элиаде. Автобиография

Сложный мир «длинного» XXI века. Срединное место Восточной Европы в геополитической и геоэкономической архитектуре полицентричного мироустройства

В завершение книги было бы логичным и прагматически правильным смоделировать общие черты сценария положительного будущего ЦВЕ. В чём выход для Восточной Европы из цивилизационного, антропологического и геополитического тупика, в который завёл её Запад? Мы не можем остановить Запад в его бесконечном движении. Мы можем уйти в параллельный исторический путь Оси, заняв особое положение в мире в стороне от Запада, Востока и Юга, став особой силой истории. Нет смысла изобретать то, что известно и частично изложено в данной книге.

Но для этого необходим необычный проект, который делает ВЕ особой геополитической зоной наряду с другими государствами Евразии. Возможно, прорыв осевого времени коснётся только части Восточной Европы, а именно России.

Фактически Россия по-прежнему находится вне традиционной зоны западной и восточноевропейской цивилизации, в «осевой зоне» истории. «Россия должна продолжить своё историческое существование как самостоятельная цивилизация. Для этого необходим Большой Проект, соизмеримый с прежними проектами. Варианты возможных проектов исчерпаны. Поэтому необходим сверхпроект, выходящий за пределы пространства ранее реализованных проектов — проект Иного»⁷³¹, — отмечает О. Г. Бахтияров. «Советский проект был вторжением некоей силы “оттуда”, из области “Над”... Прививка “Над”, проведённая столь зверским и отвратительным образом, осталась... Именно эта прививка даёт надежду на будущее... Новый проект не может создаваться в поле обычных проектов, поэтому оказались нереализованными и евразийский, и консервативно-революционный проекты, — они не входили в то поле, за “пределами”, в которое уже переместилась Россия»⁷³². Есть ли реальные исторические условия для рывка стоп-крана истории, в который европейцы получили дорожную карту конца?

XXI век в его историческом, а не просто хронологическом значении начался в 1991 году вместе с крушением СССР и системы социализма в ВЕ. В отличие от «короткого», но насыщенного XX века (1917–1991), новый XXI век обещает быть «длинным», каким был и «длинный», олицетворявший собой классический колониальный капитализм XIX век (1789–1916). Но никто не знает, когда он закончится. И главное — чем он закончится? Сегодня XXI век вступает в свою первичную зрелость, и по итогам первой четверти мы видим сложность и переменчивость его процессов, которые говорят в пользу неопределённости.

Первые 25 лет этого века (1991–2016⁷³³) прошли под знаком торжества глобального западного неколониального капитализма, его линейного развития и «конца истории» в смысле сворачивания истории мира в западную историю. Эти изменения не имели характер просто получения решающего количества власти, а носили по духу явно апокалиптический характер, ведущий к уничтожению оси истории в типах личности и общества и к концу света как в обычном, так и религиозном понимании. Однако внутренняя противоречивость капитализма, даже на уровне его технологий, как учили авторы левой мысли, привела к обратному результату и разворачиванию исторического процесса вокруг своей оси. К столу мирового банкета «прорвались» совершенно новые «едоки» в лице крупнейших цивилизационных центров, мощь которых растёт, в то время как мощь Запада падает. За ними стоят и готовятся новые желающие.

В отличие от предшествующих эпох, господства Запада и двухполярной системы (Запад — СССР), новый мир, начиная с 2023 года, является полицентричным. Об этом свидетельствует соотношение экономик БРИКС (и их кандидатов) и G7, постоянно меняющееся в пользу первого. Но при этом сохраняется власть одного центра, Запада, которая не соответствует реалиям. Экономики БРИКС

⁷³¹ Бахтияров О. Воля над хаосом... С. 104.

⁷³² Там же.

⁷³³ В 2016 году произошёл ряд крупных событий, которые де факто обозначили крах мировой гегемонии западного миропорядка и переход к полицентричному мироустройству, что позволило аналитикам называть именно этот год переломным.

ориентируются на Запад, часть из них хотели бы большей ориентации (Индия). Продолжается вестернизация культуры и образа жизни незападных стран и их трансгуманизация как апогей вестернизации. Но сохранение неокOLONиальной однополярной или двухполярной (США — Китай) архитектуры не означает того, что становление полицентричного мира не продолжится. Глобальной олигархической системе господства придётся приспособливаться. Проект тотального господства и цифровой сингулярности, назначенной на 2026–2032 гг. как пролога «конца истории», не состоялся.

Полицентричность мира есть геополитическая и экономическая реализация изначального наличия в мире отдельных цивилизаций на новой стадии мирового развития. Фактически в мире параллельно существуют несколько исторических процессов, имеющих влияние на него. Помимо Запада и его сателлитов (1-й сегмент), сформировались ещё две противостоящие его неокOLONиализму группы (2-й и 3-й сегменты мировой экономики и политики), ориентированные на БРИКС: 2) открытые противники (Китай, Россия, Иран и др.), и 3) неприсоединившиеся (Индия, страны Юго-Восточной Азии, Бразилия, арабские страны Ближнего Востока, Южная Африка и др.), которые выступают за укрепление собственных геоэкономических центров и цивилизаций. Остановить деление мира и истории не удалось. Очевидно, это процесс продолжится и усилится в течение всего XXI века. Состояние метрополий Запада будет ухудшаться, что уже заметно на примере США и Великобритании. Фактически старый мировой порядок расшатан настолько, что его разрушение вопрос времени и выгоды для новых «едаков», и, возможно, будет разрушен навсегда. Вместо него будет динамическое мироустройство со множеством центров.

Но важно учесть, что Восточная Европа так и не стала метрополией Запада в его миропорядке, несмотря на включение в ЕС, и разделяет судьбу остального мира будучи его ресурсодателем, донором в качестве полупериферии, каковой она всегда и была. Поэтому ВЕ вынуждена будет использовать ту же схему, что и абсолютное большинство незападных стран, — обособление и поиск самостоятельного пути в XXI век. Что может сделать Восточная Европа, часть из которой условно свободна (Россия и её партнёры), а часть под контролем Запада? Обособиться от Запада в отдельную геоэкономическую и геополитическую систему: Восточноевропейский союз, заняв позицию между Западом и Востоком — ЕС и Россией. Занять особую позицию внутри ЕС, подобно Венгрии и Польше. Хватка Евросоюза рано или поздно ослабнет. Странам ВЕ логично создать особый союз внутри ЕС. Есть вариант выхода из ЕС путём референдумов по схеме Великобритании. Заставить Запад отказаться от Украины, а также претендентов на расхищение украинской территории (Польша). Помириться с Россией. Возобновить евразийский транзит и энергетические проекты с РФ. Занять позицию между Китаем, Индией, Индокитаем, Россией, Ближним Востоком, Турцией и ЕС. Возобновить собственные технологические проекты. Это приведёт к политическим переменам. Внутри стран не-Запада в ВЕ должна быть постепенно вытеснена прослойка представителей западного сверхобщества — неокOLONиальных управляющих с его стороны, и заменена на прагматических политиков, мыслящих национальными и цивилизационными интересами восточноевропейских народов.

Вероятный сценарий для Восточной Европы?

«Восточная Европа из “буферной зоны”, “фронтира” и поля противостояния геополитических сил может стать чем-то иным, пространством возрождения и укрепления традиции, междивизиационного диалога», — считает исследователь геополитики стран ВЕ А. Л. Бодунов⁷³⁴. С учётом современных реалий и традиции данный путь представляется наиболее вероятным; в частности, гораздо более вероятным, чем выход ВЕ в собственный полузакрытый цивилизационный и геополитический ареал, противостоящий другим ареалам, западному и восточному (китайскому) мирохозяйственным укладам. Разорванность, гибридность можно воспринимать и как преимущество, как способность играть связующую роль, если правильно поставить цель.

Соответственно, и черты общественного и экономического строя будут смешанными, сочетающими как капитализм, так и социализм традиционалистского типа, различные технологические и культурные схемы. Основным фактором создания собственного сценария, выпадающего из сценария ЕС и статуса самоубийственных сателлитов англосаксонских и панъевропейских центров, может быть традиционализм осевого типа, который, однако, возможен лишь путём малых геополитических революций внутри ряда стран ВЕ и прихода к власти пассионарных режимов на смену марионеткам США и ЕС. То есть прагматизм восточноевропейских политиков будет революционно-романтическим и обращённым к имеющейся традиции — христианским, преимущественно восточнохристианским ценностям, панславизму, нативизму и социализму, но при этом нацеленным на технологическое развитие. Здесь как раз и будет востребована идеология альтернативной Западу восточноевропейской цивилизации как особого варианта европеизма вместо ныне правящей бал клинической русофобии.

В будущем Восточная Европа, за исключением России и государств Русского мира, да и, скорее всего, Европа в целом, не будет являться чем-то монолитным — она будет набором отдельных государств и наций, находящихся во взаимном общении и тесных экономических связях. В Восточной Европе, как и в Средневековье, будет несколько геополитических и цивилизационно-культурных центров — Россия, Польша, Венгрия. Будет происходить, скорее всего, цивилизационная фрагментация Европы между странами, внутри стран между нациями, еврорегионами, общинами и социальными стратами, диаспорами, этногруппами. Внутри этой фрагментации Восточная Европа выделится в особую группу «консерваторов», таких как Венгрия, Польша, Словакия, Сербия, Румыния, Финляндия и ряд других. Статичность традиции ведёт к превращению в статиста, необходима социально-политическая и мировоззренческая динамика.

Вторая половина Восточной Европы, которую называют также Русский мир, выберет цивилизационную свободу, сплотившись вокруг России и создав свой собственный геополитический и культурно-цивилизационный центр мирового

⁷³⁴ Бодунов А. Л. Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: ЯСК, 2022. С. 16.

значения. Чего, увы, лишена остальная Восточная Европа, роль которой пока сводится к западной провинции, со своей провинциальной цивилизацией и политикой. Но в дальнейшем, по мере падения ЕС и его центров, роль и самостоятельность восточноевропейских государств возрастут. Ряд государств прекратят своё существование, слившись с Россией. Украины в прежнем виде не будет, большая часть войдёт в состав России, как это уже сделали шесть регионов. Часть Украины на Правом берегу Днепра сохранится как мононациональное государство среднего или небольшого размера, которое займёт положение буфера или «серой зоны». Белоруссия полностью войдёт в состав России, но как отдельное целое. Спорным является вопрос о Молдавии. Возможно, она сохранится, а может быть, будет поделена между Румынией, Россией и Украиной (при сохранении последней на Буковине). Весьма вероятным является объединение Сербии и Республики Сербской и примыкание к блоку Русского мира с рядом других стран.

Россия и русский народ продолжают играть роль главного цивилизационного локомотива Восточной Европы, которую они приняли на себя в конце XVII века. В дальнейшем эта роль России только усилится, как и влияние на всю Восточную Европу. Россия, возможно, выполнит роль спасительного ковчега для восточных европейцев и части людей Запада. Но Россия не будет выполнять миссию политического гегемона, основывая свои отношения на взаимной выгоде и на политике активного продвижения своих интересов и своём видении цивилизации ВЕ, возможно, расходящимся с западничеством видением других государств макрорегиона.

Восточная Европа, включая Северную Евразию, постепенно превратится в мощный многоотраслевой экономический и технологический центр, соединяющий Западную Европу с растущими гигантскими цивилизациями Азии — Китаем, Индией, Индокитаем, Средним Востоком, связанная крест-накрест коридорами Север — Юг и Восток — Запад. Россия станет владельцем ключа к новейшим энергиям и технологиям их использования. Благодаря влиянию России Восточная Европа в условиях дефицита энергии станет своего рода энергетическим ядром Старого Света.

ВЕ — это сердце Евразии, которое следует понимать не как факт, а как проект длинного XXI века, обращённый вовне, за её этнические цивилизационные пределы. Она выполнит свою миссию приближения к роли мировой исторической, географической, энергетической и духовной оси. Восточная Европа, несмотря на влияние ЕС, видится в будущем особым и единым макрорегионом мира, отделённым от Запада, но без своего политического, военного и экономического союзного блока (кроме России и ближайших партнёров). Скорее всего, это будет поле свободных контактов и связей, в котором постепенно расцветут единая традиционная, но и современная культура и единый славянский язык. Восточная Европа останется преимущественно христианской, но с другими традиционными религиями, территорией с белым европеоидным населением местного восточноевропейского происхождения с историческими корнями, описанными в разделе 2. Однако каждой стране предстоит выбор — за самостоятельную ВЕ и себя саму как единицу или против. Будет создана и собственная свободная система международного экономического, культурного и гуманитарного сотруд-

ничества, но без геополитического целого. Постепенно будет происходить рост её единства.

Цивилизация для себя и для всех

Славянская и восточноевропейская цивилизация впервые в истории ориентируется на себя, на свой цивилизационный код, а не внешние императивы и заимствования (Византии, Рима, Запада, западных коммунистических идей и т. п.). Это итог долгих исканий и странствий в инобытии. Она перестраивает мир для себя.

Это именно новая и наиболее совершенная форма цивилизации Восточной Европы и её части Евразии, как она видится с позиций русской цивилизации. Форма цивилизации, которая сложится в России и в союзных с ней странах, не является обязательной для всего мира, но она может, подобно социализму, воспроизводиться в других странах и цивилизациях.

Несмотря на формальную и иногда содержательную схожесть с социализмом в СССР (1917–1991), новая форма цивилизации ВЕ не является проектом его реставрации или попыткой реализации социализма-2.0. Это было бы ошибкой. Речь о принципиально другом обществе, целью которого являются не коллективно организованные самости эмпирических социобиологических индивидов, ведущие к усреднению и коммунальному строю ради их текущего существования и воспроизводства (что бессмысленно, по большому счёту, и ведёт в тупик), а их волевые духовные сущности, выраженные в творческих поступках, лежащих за пределами узко понятого материального.

Переход может пройти в четыре этапа: 1) подготовительный период, в том числе сверху, который уже в какой-то мере происходит, иногда парадоксально противоположный нашему оригинальному цивилизационному ориентиру (но это не так важно); 2) разрыв с прошлым; 3) создание нового господствующего социально-экономического и духовно-политического уклада; 4) расширение уклада на большинство сфер общества.

Социально-экономический строй и ведущий государственно-корпоративный уклад

Социально-технологический строй ВЕ должен быть интегральным, следовательно, учитывать все варианты существующего строя (госсобственность, корпоративная собственность, средняя и мелкая частная собственность), но отказавшись от господства глобальной олигархии. Доминирующим должен стать госсектор, но при этом сохранив крупный частнокапиталистический сектор и другие сектора.

Интеграция происходит через отраслевые сетевые платформы, которые фактически являются формой организации экономики и хозяйственного права под контролем государства, и отношений собственности и контроля над бизнесами. Цифровизация экономических транзакций, которая ведёт к резким изменениям финансовых потоков от одних собственников к другим, по существу, отменяет

прежний смысл денег, стоимости и собственности, хозяйственного права. Процессы на отраслевых платформах, контролируемых государственно-частными (ГЧП) наблюдательными советами, могут резко поменять удельный вес тех или иных бизнесов и состояний, трансформировав частную собственность как таковую. Стоимость перестаёт быть самотождественным эквивалентом. Происходит гигантское обобществление отношений обмена и производства. Важно, чтобы оно имело общественный социалистический смысл, а не узкоолигархический. Резко ускоряются экономические процессы и ход социального времени. Его линейность как символ прогресса ставится под сомнение. Платформизация отраслей — не фантастика, а реальность, которая развивается в наиболее комплексном виде в КНР.

Будущая форма восточноевропейской цивилизации — корпоративное сверхобщество, включающее всех членов. Главная идея данного общества состоит в том, что оно должно быть первой в мире реальной коллективно-индивидуальной структурой большого масштаба. Это истинное социальное государство, в котором общество сливается с системой, но не поглощается ею, оно, наряду с внешней иерархией, видит каждого участника и учитывает солидарное мнение.

Данное общество не является обществом денег и собственности как главного средства и цели управления, избранного современной мировой олигархией. В этом смысле оно, подобно социализму, не входит в систему ростовщического капитализма. Деньги в различных формах выступают лишь как техническое средство и способ общения с капиталистическим миром, то есть с системой ростовщического капитализма. То есть Россия находится и «там», и у себя, и вовне. Для этого внутри России сохраняется капиталистический и даже капиталистический олигархический сектор. Сложившиеся капиталы остаются у их владельцев, однако их судьба будет зависеть от корпоративного солидарного государства.

Седьмой технико-технологический уклад

По своей цивилизационной природе мировоззренческое мышление выдающихся людей ВЕ футуристично. В первую очередь это проявляется в поиске принципиально новых форм техники и общества, которые меняют (не имитируют изменения, а именно меняют) мир в том, как он взаимодействует с человеком и обществом. Главным средством трансформации мира и экономическим, военным и политическим преимуществом сверхобщества будет принципиально новая техника, изменяющая западный тип отношений с природой и всю так называемую объективную картину космоса. Данная система известна как «космизм». Космизм не сводится к идеологии и практике освоения космоса, а представляет собой его творение. России в союзе со странами-локомотивами незападного мир-экономического уклада необходимо придумать нечто иное, что изменило бы экономические параметры времени, пространства, количества труда, вещества, товарного обмена и т. д. Создание сверхизбыточных источников энергии и продуктов, которые решили бы проблемы обеспечения общества. Новые энергетические, транспортные, космические, синтетические принципы, воплощённые в серийной технике.

Всё это подорвало бы цифровую основу западной денежной цивилизации с господствующей технологией западной «справедливости» и заменило её ми-

ром, в котором омертвлённый в деньгах труд не играет такой роли. Необходимо сделать ставку на проектирование, создание и использование сверхтехники соответствующими специалистами, что компенсирует нехватку экстенсивной рабочей силы в условиях депопуляции.

Аналогичным будет территориально-экономический уклад ВЕ: единый город-космос — мировой город, мировая деревня, мировая пуща, мировое поле на просторах Евразии. Россия видит итоговое устройство мира как мира-города (но не тесного мегаполиса), а всей Евразии как города для человека. В этом, может быть, современная идея Третьего Рима — мировой столицы, идея новейшего русского космизма, ноосферы и остального, — и понимание техники как средства строительства такого мира. На практике система, среда должна стремиться к сочетанию крупного мирового столичного города, с деревней, с отдельными усадьбами, дикой природой (лес и поле) и внеземной системой. Гражданин должен иметь возможности одновременно быть гражданином столицы, сельским жителем и жителем дикой природы с равномерной меняющейся средой и возможностями быстрого передвижения из одной среды в другую, или сочетания всего этого в одном поселении. Эта земная конструкция в рамках России должна быть дополнена внеземной, на других планетах. Система организации мира и общества нацелена не на почву или Землю (геоцентрическая), а на солнечные и звёздные системы — по своему типу эксцентрическая, выходящая за грань, чрезмерная, в отличие от стоимостной цивилизации цифры.

Сохранение и восстановление старого индустриального уклада не является полезным для ВЕ. Предприятия сегодня уничтожаются сотнями, и не только в войнах, но и «просто так». И это пока ещё не распределительная система цифрового типа. Орудием этого станет могущественная техника, не знающая границ, кроме границ личностей и их соборных единиц. Такой техники нет, она заблокирована мировой олигархией, осознавшей в середине прошлого века, что это конец её западной схеме господства на основе дефицита ресурсов.

Личностная «революция» и общество оживших цивилизационных кодов

Россия и страны ВЕ могут выжить в современной ситуации депопуляции, сделав ставку на человека, — не на его род или коллектив, массу, а на индивидуальные способности, развитые в высшей степени. Каждый человек осевого уклада должен быть на учёте и получить достойную квалифицированную работу. Рождаемость можно поддерживать на уровне немного расширенного воспроизводства восточноевропейских популяций.

Вопрос личностной революции — в личной ответственности человека, его готовности быть творцом и наследником цивилизации. Новый человек должен создать особую могущественную технику 7-го уклада — сверхтехнику с новыми энергиями, которой призвана владеть Россия. Техника должна быть не единичной, а системной, не подчинённой теме рынка и продаж. Восточноевропейская осевая цивилизация — цивилизация сверхлюдей нового типа, в полной мере реализующей программу нового осевого человека, насколько это возможно в рам-

ках земного века. Духовно-волевая компонента должна преобладать в человеке. Это человек-творец. Это реальный сверхчеловек, каким он может быть вообще в рамках замысла Творца. Исходя из волевого принципа, Восточная Европа будущего — это цивилизация личностей и сверхлюдей, то есть она предполагает не сворачивание и ограничение, а развитие личностей до сверхчеловеческого состояния, но контролируемым сверху. Следовательно, цивилизация нового типа возможна как результат личностной революции, которая не предполагает чьей-либо экспроприации, хотя она и в какой-то мере решает вопрос о власти и судьбе и о дальнейшем функционировании общества и его богатств. Личностная революция также не есть революция культурная в том смысле, который ей приписывался социализмом в качестве революции Просвещения, хотя в ней тоже был волевой компонент. Но она требует перестройки системы образования и культуры под образ нового человека. Личностная революция с позиции осевой личности — разновидность консервативной революции, её составная часть выступления против трансгуманизма и последнего капитализма.

Личностная революция и переделка общества на личностный лад является истинным намерением русских и славян, соответствующих их описанной выше структуре личности, которая многим не нравится, но, увы, это факт. «Персоналистическая революция, которой по-настоящему ещё не было в мире, означает свержение власти объективации, разрушение природной необходимости, освобождение субъектов — личностей, прорыв к иному миру, к духовному миру»⁷³⁵, — писал Н. Я. Бердяев в главе «Исповедание веры» в финальной книге «Самопознание».

Личностная (персоналистская революция) является коллективной революцией, делающей личности творцами своей и общей государственной судьбы. Это революция воли, или волюнтаристская революция, — внутренняя революция работы массовых людей над собой и своими близкими. Она может быть не слишком заметной во внешних эффектах, но ощутимой в обществе. Это не процесс вождей и партий. Цель этой революции — сделать человека волевым носителем Традиции и изменений. Трансгуманистическая революция может быть побеждена только персоналистской революцией. Конечно же, будут её противники, доставшиеся от ситуации засилья Запада в первой четверти «длинного» XXI века (примерно 1991–2016). Они будут постепенно сметены историей, перемешаны и выведены историческим процессом из управленческого механизма.

Власть достойных — новый правящий и господствующий слой

Изменения в ВЕ возможны лишь при введении в исторический процесс нового субъекта, отличающегося от капиталистического менеджмента. Осевая революция, согласно Ш. Эйзенштадту, который ввёл это понятие в мир современных обществ («прорывы осевого времени»), подразумевает «подъём духовных сословий»⁷³⁶, создающих некоторую разумную альтернативу безликим технократам, функционерам

⁷³⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 298–299.

⁷³⁶ См.: Эйзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъём духовных сословий // Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах... С. 42–62.

и буржуазии наряду с меритократией, учёными-естественниками и инженерами. Духовные сословия — не только священники традиционных религий, но и интеллигенты социально-гуманитарной сферы, образования и культуры, которые оформлены как страта носителей стратегий серии цивилизационных решений. Основа их власти — не демократия, не собственность, не монархия и наследие, а духовно-коммуникативная власть в суверенном корпоративном государстве, которое можно назвать «цивилизационным государством» по аналогии с КНР.

Носителями и строителями личностной революции должны быть интеллигенты нового образца XXI века, выполняющие в тандеме с меритократией функцию современных «жрецов», альтернативных мировому цифровому жречеству Запада (т. н. новый клир), пришедших на смену вместо «хозяев денег». Неинтеллигент не справится с этой функцией. «...Интеллигент — не функция, а сущность. Не посредник, а монада. Не приводной ремень, а сам себе привод. Сначала так и только так. (И уже потом — и функция, и медиатор.) Интеллигент — осевая личность в том содержании этого понятия, которое сложилось в культуре по итогу освоения и переработки идей К. Ясперса о ритме мировой истории. Воплощение тревожной и взыскательной осевой духовности, бродильный фермент ищущего духа в социальных болотах... Люди осевой тревоги. Люди смысложизненной идеи. Обладатели беспокойного, вечно молодого осевого сознания»⁷³⁷, — формулирует перспективный образ интеллигента Е. А. Ермолин. Эти люди должны быть собраны вместе с институтами воспроизводства в виде сети малых групп. Новая правящая элита — синтез элит меритократически-технократического, номенклатурного и духовного идеократического типа. Она наследует некоторые черты советской номенклатуры, но в целом не повторяет её. Особенность данной элиты в том, что она не является элитой крупных собственников и субъектов власти одновременно. Её формирование происходит не в соответствии с принципом сочетания крупной собственности и власти, поэтому она разительно отличается от олигархии.

Подводя итог, можно сказать, что ВЕ обладает необходимыми предпосылками для развития своей самобытной цивилизации, отдельной от цивилизации Запада, в том числе от западных стран ЕС. Высока вероятность, что она встанет на самостоятельный путь под влиянием вызова внутреннего саморазрушения Запада из-за колониализма, финансового паразитизма, техницизма, заставляющего распространять технику вовне, и неприязни его олигархии к традиционному, слишком самостоятельному европейскому типу человека, и одновременно опережающего подъема и давления незападных цивилизаций второго и третьего геополитических сегментов. Открытым остаётся вопрос о коллективном субъекте этого процесса, а наличие субъекта зависит от идеологического процесса в странах ВЕ. Последний, в свою очередь, является управляемым фактором, который пора актуализировать, учитывая, что пик перемен в мироустройстве придёт на 2030-е годы.

⁷³⁷ Ермолин Е. А. Русская культура: Персоналистская парадигма образовательного процесса: монография [Электронный ресурс]. М., 2005. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ermol/06.php. 38 (дата обращения: 14.09.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткие выводы из приведённого исследования

Подведём итоги монографии. В результате проведённой работы удалось сформировать современную картину восточноевропейской цивилизации, которая находится в стадии зрелости, хотя и является сравнительно молодой цивилизацией по степени развития собственных оригинальных форм. Цивилизация народов ВЕ не является миражом, а представляет собой историческую реальность, важнейший компонент цивилизации России, которая по целой серии параметров выступает её центром.

ЦВЕ основывается на определённом типе личности с характерными социальными границами и связями, способами воспроизводства и общения, типом культуры, духовными и религиозными прообразами, соответствующим типом общественных групп. Он занимает срединное положение между западным деформированным типом личности, к которому относится меньшинство населения мира (800 млн — 1 млрд чел.), но большинство ресурсов, и абсолютным большинством людей и цивилизаций мира в Азии, Африке, Латинской Америке, принадлежащих к азиатскому кланово-коллективистскому типу личности (6,5 млрд чел.). Это не смешанный между Европой и Азией (как ошибочно считалось ранее), а абсолютно самостоятельный устойчивый, сильный и волевой тип, способный производить собственную науку, технику, культуру, философию, экономику, имеющий автохтонный прототип у прямых предков — ранних индоевропейцев. Только данный тип может выполнять соборную и реально духовно и социально прогрессивную роль в мировом развитии, выполнять роль стабилизирующего фактора традиции в потоке перемен, поэтому он назван осевым. Данный тип в наибольшей степени приближается к божественным прообразам антропоморфных религий, в первую очередь христианства, хотя и не является идеальным. Люди с осевым типом встречаются и в других цивилизациях, однако они не являются самым многочисленным и культурно и социально доминирующим типом.

На сегодняшний день цивилизация ВЕ является геополитически и культурно фрагментированной под воздействием диктата внешних сил Запада и внутреннего деструктивного национализма, русофобии, потери исторической перспективы. Главным и единственным мощным центром ЦВЕ выступает Россия и Русский мир. Цивилизация России является самодостаточным центром восточноевропейской цивилизации международного уровня, оказывающим влияние на мировой цивилизационный процесс. Неправильными являются схемы, отделяющие Россию от ВЕ, а также объединяющие её с другими, не восточноевропейскими странами Евразии в одну цивилизацию, равно как и объединяющие Россию с Западной Европой, Евросоюзом в одну Европу.

По мере развития и созревания степень взаимосвязанности народов и стран ЦВЕ увеличивается. Рост культурной, политической, экономической взаимосвя-

зи просматривается на протяжении всей истории: от распространения культур шнуровой керамики до социалистического (1917–1945–1991 гг.) и даже пост-социалистического периода (1991–2023), несмотря на войны и политические конфликты. Вместе с тем, несмотря на вестернизацию, растут различия человеческого и общественного типов Восточной и Западной Европы из-за того, что последняя всё больше скатывается в бездну трансгуманизма — ликвидации традиционного типа человека.

Следует отметить удручающе недостаточную проработанность темы Восточной Европы как цельного типа человека и общества с точки зрения единой истории в современной научной, философской, идеологической литературе, перенос центра тяжести исторического мышления на узконациональные, изоляционистско-островные или слишком размытые евразийские концепции, обращённые к народам иных языковых семей, не имеющим с Россией общего происхождения. Часто ВЕ рассматривается с точки зрения узкополитической и идеологической архитектуры. Огромной ошибкой является идейное и политические самоустранение России из ВЕ, а затем из восточнославянских стран, Украины, Белоруссии, Молдавии, попытки ограничиться газово-сырьевой общеевропейской дипломатией и формальными контактами, фиксация на сугубо государственно-страновом восприятии цивилизации России, противопоставленной соседям по ВЕ, игнорирование этнических, исторических, культурных и духовных корней, общих для России и восточноевропейских стран, панславянского движения и наследия, славянского языкового мировоззренческого богатства. В первую очередь это касается и адекватного научного понимания собственных истоков русского народа и ряда народов России, достижений социалистической цивилизации СССР и ВЕ, Старой России как базы для коллективного и личного самосознания. Восточная Европа нужна миру именно как цивилизация, это не задворки Запада и поднимающихся стран Востока и Юга. Необходимо срочное восполнение этих потерь, которые автор попытался компенсировать данной работой.

Прямое практическое значение данной работы — конструктивная идейно-мировоззренческая основа возвращения всей Восточной Европы на самостоятельный путь развития вне диктата Запада в стратегическом взаимовыгодном сотрудничестве с Россией, ликвидация барьеров и конфликтов для этого, которые часто зациклены на самосознании народов. Сегодня Россия втянута в масштабный конфликт почти со всей ВЕ по поводу наследия Украины и противопоставлена ей на уровне идей. Ведь главная проблема как России, так и её соседей по ВЕ — слабость и даже отсутствие собственной мировоззренческой идейной оптики (философии, теории социальных наук, идеологии и др.), которая была бы самостоятельной и оригинальной по отношению к Западу в контексте актуальной ситуации XXI века.

Научная новизна

Выдвинута и опробирована на материале гуманитарных наук (социологии, психологии, культурологии, славистики, философии) новая антропологически-персоналистская методология и концепция изучения отдельных цивилизаций. Автору не удалось найти в литературе аналогов подобного подхода

и определения вопреки очевидной значимости человека как предмета именно цивилизационного анализа. Возможно, это требует особого методологического историко-научного исследования имеющихся подходов к цивилизациям в других странах и изменения общеизвестных представлений о них, обогащения понимания культурно-исторического типа цивилизаций реальным антропологическим содержанием вместо произвольных философских и идеологических концептов и типологий. Цивилизация ВЕ исследована в плоскости различных дисциплин, именно синтеза и взаимодополнения их данных.

Впервые выдвинута и обоснована концепция особой цивилизации Восточной Европы как целого и как одной из существующих ныне разновидностей осевых цивилизаций (цивилизаций актуального осевого времени, находящего свои прорывы современности линейного времени).

Проведён критический анализ и переоценка научно-философской валидности имеющихся мировоззренческих и теоретических платформ в понимании цивилизации России и её ближайших соседей. Важным вкладом стал анализ теорий зарубежного и российского панславизма и русского славянофильства с позиций обоснования ими особой славянской цивилизации, особого типа общества и человека, отличающегося от остальной Европы (М. Орбини, Ю. Крижанич, А. Хомяков, Н. Данилевский и др.). Показана взаимосвязь мировоззренческих построений разных стран ВЕ.

Смоделирован тип личности человека ВЕ и, шире, осевой тип, социальные границы, способы воспроизводства в межличностном общении и культуре, особых группах, связь с мировоззренческими оптиками. Показана причина критики русскими мыслителями западного рационализма как разрушительной черты западной цивилизации и личности в основе западной философии, их детерминизма, материализма, отвлечённого идеализма, властолюбия, механицизма, в отличие от мировоззренческих практик ВЕ, опирающихся в мышлении на внерациональные функции: веру, интуицию, волю, первичность духовного соборного «Я» перед правилами и целерациональностью.

Смоделирован тип базовых низовых общественных групп и общества в целом, соответствующий ЦВЕ на основе понятия малой группы диффузного общения, восточноевропейской общины, трудового коллектива.

Проведён цивилизационный и личностно-антропологический анализ реального социализма ВЕ как попытки универсальной формы восточноевропейской цивилизации и варианта мировой цивилизационной формы.

Проанализирована связь типа личности и общества ЦВЕ с природно-климатическими, пространственно-климатическими, экономическими условиями и основными физико-антропологическими типами (расами) ВЕ.

Автор попытался на выборочном культурологическом, философском, искусствоведческом материале построить теорию осевого времени, опирающуюся на традиции ВЕ, как финально-циклического, противостоящего линейному времени модерна, характерному для Запада, и циклическому времени вечного возвращения Востока.

В итоге работы автором сделаны некоторые прогнозы и заключения о путях развития ЦВЕ в будущем с учётом оптимального сценария.

Авторский вклад в разработку данной проблематики

Прежде всего нужно сказать о принципиальной новизне методологии цивилизаций, изложенной во Введении, без которой непонятен смысл проведённого применительно к ВЕ цивилизационного анализа и синтеза. Автором впервые выдвинута антропологическая концепция цивилизаций как крупных типов человека, и в первую очередь личностей, основывающаяся на русской философии духовного персонализма, в которой личность рассматривается и как единственный, и как соборный феномен. Она соединена с критически переосмысленной социальной теорией цивилизаций Ф. Конечного — П. Сорокина — Ф. Броделя. Это позволило значительно обогатить культурологический и исторический подход к определению цивилизаций за счёт использования материала социальных и гуманитарных наук, в центре которых стоит человек, его повторяющиеся и типологические свойства, как и в центре используемого автором подхода к цивилизациям. Это ставит междисциплинарное исследование цивилизаций в фокус гуманитарных наук как средство и точку опоры их реального синтеза. По мысли автора, данный подход восходит к общегуманитарному стандарту методологии и конкретности предмета как человека и общества.

Теория цивилизаций как типа личности опробирована на материалах эмпирического социально-психологического исследования русского характера, с которыми удалось соединить общеизвестные представления о срединном положении русской души между людьми Европы и Азии, создав новый тип, сопоставив его с людьми предшествующих эпох истории в ВЕ и других регионах мира (Ближний Восток), а также соединить с ним разнообразные построения представителей русской философии о соборном типе личности. Данный подход встраивает методологию цивилизаций в контекст отечественной мировоззренческой традиции. Цивилизации рассматриваются автором не столько как геополитическое, сколько как культурное и антропологическое единство, скорее сближающее народы, чем подчиняющее их власти.

Автором была поставлена и в целом выполнена на обозримом поле монографии задача создания современной комплексной междисциплинарной версии теории славянской цивилизации, отличающейся большей полнотой и законченностью, по сравнению с концепциями поздних славянофилов, Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского, которые не обладали доступом к широкому кругу данных современных наук, накопленных за последующие полтора столетия, в частности популяционной генетики, археологии и древней истории, языкознания, этнопсихологии, физической антропологии, с учётом участия неславянских народов в этой цивилизации, доктрин и систем русской философии XX в., итогов восточноевропейского и мирового социализма и полицентричности развития мира в современную эпоху. Получилась довольно разнообразная и разнородная комбинация данных, обладающая эвристической ценностью для дальнейших исследований. Автору удалось доказать на примере истории, что ЦВЕ постепенно развивается, охватывая всё большие регионы мира и создавая всё более оригинальные формы.

Новизной автора является определение и обоснование исторически первой формы ЦВЕ, отличающей её от других цивилизаций индоевропейской

семьи, — общности культур шнуровой керамики, выступившей родовой формой для этногенеза большинства народов ВЕ. Атрибуция культур шнуровой керамики как предков преимущественно славян и народов ВЕ уже сложилась в науке, однако именно автор определил их как первую форму общества, культуры и цивилизации ВЕ, обладающую непрерывностью с последующими формами (праславянской, славянской общинной раннесредневековой, крестьянскими общинами позднего Средневековья и Нового времени), вплоть до настоящего времени, а личностный и антропологический тип их носителей как основу славянского типа. Отсюда следует и то, что земледельческая составляющая с её специфическими культами, несмотря на её важность, не была главной в культуре предков славян, в отличие от южных территорий, где при складывании индоевропейских цивилизаций преобладал и возобладал земледельческий субстрат, а не субстрат охотников и собирателей. Отсюда и склонность к скотоводству, промыслам, миграциям, охвату и захвату территорий, военное сознание, меньшая устойчивость кланово-родовых систем и их влияние на структуру личности, социальный динамизм, что обусловило средний, соборный индивидиуал-коллективистский характер личности, а не клановый, слабая кастовость сословность, склонность к эгалитаризму (социализму), что в сумме предопределило расселение славян и захват ими Северной Евразии, определённую цивилизационную совместимость (но не совпадение) с алтайскими (тюркскими) народами, особенно их северных ветвей. Имелись пересечения этих черт с чертами западных народов северного круга, инкорпорировавших в себя в ходе этногенеза группы культур шнуровой керамики — германцев. Германцы и славяне как носители нового типа человека и общества в постантичном мире стали ведущими движущими силами цивилизации Средневековья и Нового времени. Однако между ними постепенно сформировалась и чёткая граница, периодически сдвигаемая в обе стороны по линии Восток — Запад, которая обусловила два разных пути: капитализм и социализм.

Данные факторы начальной истории восточноевропейского типа привели к тому, что в ВЕ сложился особый устойчивый, но культурно открытый социальный и цивилизационный тип, оригинальность которого в последующие периоды истории усиливалась целенаправленным цивилизационным волевым отбором культурных, социальных, религиозных форм (так называемым цивилизационным выбором), верхушкой и массами усиливающих его особенности факторов: православие — восточное христианство, кирилло-мефодиевская традиция, борьба славянских народов с германским натиском и католицизмом (поморские славяне, гуситы, западнорусские братства), самодержавие в России, социализм, советизм, общинность, миграции на восток. Конструкция данной логики истории ВЕ и её цивилизации выстроена в данной работе в длительную цепочку на основе ранее высказывавшихся мыслителями фрагментарных мнений, что является заслугой автора. Именно эта логика показывает, почему ВЕ сохраняется под натиском Востока и Запада («между туранским кнутом и готским мечом», в названии картины из «Славянской эпопеи» А. Мухи), который происходит со II тыс. до н. э. Это также позволило отвергнуть ложные тезисы о якобы цивилизационной лимитрофности (пограничности, маргинальности) Восточной Европы или её

значительной части, хотя геополитическая промежуточность и культурная псевдоморфозность у многих стран и народов ВЕ присутствуют, особенно сегодня.

Естественно, полный комплекс сведений об истории ЦВЕ на всех этапах требует нескольких томов и трудов разных отраслевых институтов. Наиболее подходящим и академически нейтральным термином для определения этого комплекса автор считает «цивилизацию Восточной Европы».

Определённым вкладом в исследование русской и восточноевропейской цивилизационной мысли автор считает типологизацию и анализ семи основных направлений (платформ) в определении цивилизации России (раздел 1): славянофильство и панславизм, византизм и православная цивилизация, евразийство, советизм (социализм), русизм (страна-цивилизация), гиперборейство, западничество. Автор считает необходимым синтез этих направлений для преодоления их односторонности, но на основе этнического подхода к цивилизациям, которое можно определить как неославянофильство — неославизм. Конечно же, для создания этой теории необходима прежде всего своя специальная философия как мировоззренческая оптика цивилизации, которую автор попытался извлечь из русской философии XIX–XX вв. Её особенность и главный тезис — видение мира как мира духовных единиц — личностей.

Автор попытался синтезировать подходы славянской цивилизации в нечто новое — современную историческую и метафизическую философию славянства и соседних народов ВЕ, чья судьба связана со славянами, которая обладала надэтническим универсализмом и выходила бы за рамки чисто русской историсофии, имеющей больше внутринациональное значение. Также автор, придерживающийся позиции русской и восточноевропейской православной цивилизации, попытался выйти за рамки религиозной догматики на уровень общефилософской духовной метафизики традиционализма, не зависящий от принятия тех или иных религий.

Данный подход удалось осуществить с помощью развития и обобщения концепции осевого времени Ясперса — до следующего уровня теории оси истории и осевых цивилизаций. Осевые цивилизации представляют собой некое общемировое достояние, существующее в отдельных национальных духовных и социальных традициях. Ось истории — динамическая основа движущегося мира как духовного целого, состоящего из единиц различного уровня сложности и общности, к которым относятся и цивилизации как живые социальные общности людей определённого типа в их межвременном историческом единстве. Осевое время проходит через всю историю, проявляясь в отдельные периоды, в отдельных людях и странах как дух и воля.

Автором в разделе 5 проведён подробный анализ реального социализма в СССР и Восточной Европе (1917–1991) и подтверждён вывод, что он являлся прежде всего зрелой универсальной формой цивилизации ВЕ, а потом уже социально-экономической формацией, которая развивается через отдельные цивилизации. Наличие собственной оригинальной общемировой формы устройства общества, основанного на идеалах социальности, переданной другим цивилизациям, подтверждает общую гипотезу монографии о том, что ВЕ — отдельная оригинальная цивилизация, имеющая к тому же общемировое осевое значение,

как некий вектор развития человека в различных его типах от предчеловеческого до сверхчеловеческого уровня.

Главной новизной и центральным смысловым разделом данной монографии автор считает построение осевого типа личности на основе личности и характера человека ВЕ в разделе 3 (на примере русского характера В. Ф. Чесноковой), в отличие от личности кланового типа Азии и личности Запада. Из раздела вытекает, что данный тип является универсальным и перспективным типом нового человека, имеющим традиционную, но не архаичную структуру. Она сбалансирована между индивидуальностью Я и коллективом, рациональностью и сверхрациональностью. Она в наибольшей мере соответствует волевым качествам, несмотря на определённые недостатки и особенности. Наоборот, личность западного типа с чрезмерной рациональностью и индивидуалистической изоляцией является деградировавшим тупиковым вариантом личности.

Теория сверхрационального соборного устройства общества. Из теории осевой личности, одним из исторических вариантов которой является восточноевропейский тип, вытекает теория типа общества ВЕ, которую необходимо отнести к новизне монографии. Основой общества является малая группа, в которой происходит эмоциональное межличностное общение по душам для воспроизводства личности. Именно она и создаёт матрицу для «очищенных» типовых отношений в более крупных группах: общинах, трудовых коллективах, государстве и служит предпосылкой для социалистической формы общественного строя и соответствующего мировоззрения ВЕ.

К новизне можно отнести и трактовку ряда других тезисов: кирилло-мефодиевская традиция как непрерывный цивилизационный проект, концепция восточноевропейской восточнохристианской цивилизации, цивилизационные войны Запада против ВЕ, осевая роль ЦВЕ в будущем, состоящая в удержании мира от падения в пропасть трансгуманизма.

Итак, перечислим некоторые важнейшие выводы-рекомендации по практическому применению полученных результатов:

1. Научная и философская концепция ЦВЕ служит основой для построения реальной, а не искусственно сконструированной российской идентичности, истории России и русской философии. Сама теория ЦВЕ и междисциплинарный корпус сведений о ЦВЕ служат готовой мировоззренческой оптикой России и её соседей. Некоторые её элементы, касающиеся осевой природы цивилизации как сбалансированного традиционного и динамичного типа человека и общества, могут передаваться другими цивилизациям, помогая им в решении их проблем. Следовательно, необходимо включение понятия восточноевропейской цивилизации (цивилизации Восточной Европы) в определение самобытной цивилизации России, Русского мира, соседних государств, подходящих под это понятие.

2. Использование понятия и комплексной концепции цивилизации Восточной Европы в работе со странами Восточной Европы для расширения цивилизационного и геополитического пространства.

3. Развёртывание идеологической работы с общественностью этих стран, в том числе как компоненты Русского мира внутри восточнославянского ареала.

4. В экономике формирование нового социально-экономического и интенсивного технологического уклада России с учётом особенностей человеческого типа и типа общества, природных, демографических, географических условий.

5. Включение в систему образования и воспитания персоналистской духовной парадигмы, соответствующей нашей цивилизации; самобытной и автохтонной версии истории цивилизации России как первоначального центра возникновения цивилизаций Восточной Европы, Запада, индийского и иранского миров.

6. Развитие в сфере философии, мировоззрения, гуманитарных наук, общеславянского языка кирилло-мефодиевского цивилизационного проекта на основе русского и других славянских языков, а не заимствованной лексики из западной философии и науки.

Автору представляется, что ему удалось вдохнуть новую жизнь в тело старых славянофильских концепций, которые оказались на обочине науки и философии из-за политической конъюнктуры и табу, и построить систему мыслительной самоидентификации русских, славян и других народов ВЕ отдельно от Запада и стран Востока, и вместе с тем предложить универсальную версию истории и антропологии, альтернативную разрушительному глобализму мейнстрима Запада. Ведь люди Оси не только славяне, но и представители многих других народов и цивилизаций мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На иностранных языках

1. Ancient Western Eurasian DNA of the Copper and Bronze [Электронный ресурс] // Ancestral Journeys. <http://www.ancestraljourneys.org/ancientdna.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).
2. *Antony D. W.* The Horse, The Wheel and Language. Princeton, 2007. 553 p.
3. *Bátora J.* Študie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava, Petrus, 2006. Цит.: The Indo-European demic diffusion model, and the “R1b — Indo-European” association [Электронный ресурс] // Indo-European.eu. 26.01.2018. <https://indo-european.eu/2018/01/the-indo-european-demic-diffusion-model-and-the-r1b-indo-european-association/> (дата обращения: 30.01.2024).
4. *Borisoff C.* Russian — Sanskrit nouns [Электронный ресурс] // Personal site of Constantine Borisoff. 13.12.2012. <https://borisoff.wordpress.com/2012/12/13/russian-sanskrit-nouns/> (дата обращения: 17.09.2023).
5. *Borisoff C.* Was ‘Scythian’ an ‘Iranian’ language? [Электронный ресурс] // Personal site of Constantine Borisoff. 12.02.2013. <https://borisoff.wordpress.com/2013/02/12/was-scythian-an-iranian-language/> (дата обращения: 17.09.2023).
6. Cognate Words in Sanskrit and Russian / Indu Lekha. Delhi, Pratibha Prakashan, 2007. XVI, 228 p.
7. *Dunn C., Kawano Y., Brewer B. D.* Trade Globalization since 1795 // American Sociological Review. 2000. Vol. 65, № 2. P. 77–95.
8. *Eliade M.* Autobiography of Mircea Eliade. Chicago — London, 1990. Vol. I. IX, 335 p.
9. *Heinze W., Schreiber D.* Eine neue Kartierung der Winterhärtezonen für Gehölze in Europa // Mitteilungen der Deutschen Dendrologischen Gesellschaft. 1984. № 75. S. 11–56.
10. *Jantzen D., Brinker U., Orschiedt J.* et al. A Bronze Age battlefield? Weapons and trauma in the Tollense Valley, north-eastern Germany // Antiquity. 2011. № 85. P. 417–433.
11. *Keyser Ch., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T. & Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Hum Genet. 2009. № 126. P. 395–410 [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.1007/s00439-009-0683-0/> (дата обращения: 23.06.2023).
12. *Koneczny F.* On the Plurality of Civilizations / Polonica Series, № 2. Ed. by Jędrzej Giertych. L., Polonica Publications, 1962. 348 p.
13. *Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, DC, 1996. 266 p.
14. *Marcuse H.* Soviet Marxism: a critical analysis. N. Y., 1958. 271 p.
15. *Müller J.* Franken als Kommunikationsraum — von der Zeit des Gletschermannes bis zum Beginn der Bronzezeit // GERMANICA — Unsere Vorfahren von der Steinzeit bis zum Mittelalter / Freedon U., Schnurbein S. von (Hrsg.). Weltbild, 2006. 518 s.

16. *Quiles C.* The Tollense Valley battlefield: the North European ‘Trojan war’ that hints to western Balto-Slavic origins [Электронный ресурс] // *indo-european.eu*. № 10. 2017. <https://indo-european.eu/2017/10/the-tollense-valley-battlefield-the-north-european-trojan-war-that-hints-to-western-balto-slavic-origins/> (дата обращения: 03.03.2020).
17. *Rishi W. R.* India & Russia — Linguistic & Cultural Affinity. Chandigarh, 1982. 149 p. Цит.: http://vedic.su/Vedic/tur/IndiaRussia_Rishi_OCR.pdf.
18. *Shirokogorov S. M.* Psychomental complex of the Tungus. L., 1935. XVI + 469 p. Цит.: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/psychomental-complex-tungus-01>.
19. *Weber A.* Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Leiden, 1935. X, 423 p.
20. World Population Prospects 2022: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950–2100 [Электронный ресурс] // *population.un.org* (Total Population, as of 1 July (thousands)). United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Retrieved 17 July 2022. [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx) (дата обращения: 11.09.2023).

На русском языке

1. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
2. *Аверинцев С. С.* Русь и Византия: два типа духовности / Аверинцев С. С. Другой Рим. Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 366 с.
3. *Аверьянов В., Багдасарян В., Баранов С., Елисеев А., Калашников М., Кобяков А., Комогорцев А., Можегов В., Проханов А., Черемных К.* Аркаим XXI век — концепция геостратегического усиления России и её союзников. Доклад Изборского клуба под ред. В. В. Аверьянова [Электронный ресурс] // Изборский клуб. 30.12.2022. <https://izborsk-club.ru/23722> (дата обращения: 23.06.2023).
4. *Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В.* Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.
5. *Адорно Т. В., Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997. 312 с.
6. *Алалыкин-Извеков В. Н.* Феномен цивилизации через призму научных воззрений П. А. Сорокина // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 93–108. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsivilizatsii-cherez-prizmu-nauchnyh-vozzreniy-p-a-sorokina/viewer>.
7. *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — нач. XIX в.). М., 1976. 323 с. Цит.: <http://bookish.link/gosudarstva-prava-istoriya/selskaya-obschina-xvii-nachala-xix-russkoj-37987.html>.
8. *Алексеева Т. И.* (ред.) Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002. 342 с. Цит.: https://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Aleksееvoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/43.

9. *Алексеева Т. И.* Этногенез и история восточных славян по данным антропологии М.: МГУ, 1973. 332 с. Цит.: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/etnogenes_vost_slavyan/05.php.
10. *Алексеева Т. И., Алексеев В. П.* Антропология о происхождении славян // *Природа*. 1989. № 1.
11. *Амиров В. М., Антошин А. В., Бортников В. И.* [и др.] Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.
12. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. 326 с. Цит.: <http://www.booksshare.net/index.php?author=andreev-nd&book=1986&category=linguistics&id1=4>.
13. *Андреев Н. Ю.* Природа власти византийского василевса и московского царя: было ли прямое заимствование? [Электронный ресурс] // Школа-конференция молодых учёных ИРИ РАН. <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=56> (дата обращения: 14.09.2023).
14. *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus*. 2010. № 1. С. 99–136.
15. *Антонов К. М.* Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 235 с. Цит.: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/filosofija-i-v-kireevskogo-antropologicheskij-aspekt/.
16. *Багдасарян В. Э.* Россия как государство-цивилизация [Электронный ресурс] // Интелрос. http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11 (дата обращения: 15.09.2023).
17. *Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф.* (отв. ред.) Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 472 с. Цит.: <https://arheologija.ru/kulturyishnurovoy-keramiki-srednedneprovskaya-podkarpatskaya-gorodoksko-zdolbitskaya-stzhizhovskaya/>.
18. *Балановская Е. Б., Балановский О. П.* Русский генофонд на русской равнине. М.: Луч, 2007. 416 с.
19. *Балановский О. П.* Генофонд Европы. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2015. 354 с.
20. *Балановский О. П.* Изменчивость генофонда в пространстве и времени: синтез данных о геногеографии митохондриальной ДНК и у-хромосомы: автореф. дис. д-ра биол. наук. М., 2012. 45 с. Цит.: http://www.med-gen.ru/ar/ar_Balanovsky.pdf.
21. *Балановский О. П., Пшеничников А. С., Сычёв Р. С., Евсеева И. В., Балановская Е. В.* Y-base: частоты гаплогрупп Y хромосомы у народов мира, 2010 [Электронный ресурс] // Генофонд.ру (дата обращения: 01.11.2018).
22. *Балуев Б. П.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2001. 418 с.
23. *Балыкина Л. А.* К вопросу о значении литовского языка для исследований в области русского языка // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки. 2009. 285 с.

24. Баранов С. Мировой первопроходец. К 150-летию выхода «России и Европы Н. Я. Данилевского» [Электронный ресурс] // Изборский клуб. https://izborsk-club.ru/16559#_ftn64 (дата обращения: 15.09.2023).
25. Баранов С. Д. Тайнопись цивилизации. Код доступа в будущее России // Русские коды / Под ред. В. В. Аверьянова. М.: Наше завтра, 2022. С. 44–92. Цит.: <https://izborsk-club.ru/20615>.
26. Баранов С. Д. Цивилизация Восточной Европы: структурные черты, прошлое, настоящее [Электронный ресурс] // РНЛ. 12.05.2011. https://ruskline.ru/analitika/2011/05/02/vostochnoevropejskaya_civilizaciya_strukturnye_cherty_proshloe_nastoyayee/ (дата обращения: 01.03.2023).
27. Бахтияров О. Воля над хаосом. М.: Традиция, 2019. 184 с.
28. Бахтияров О. В. Размышления о цивилизации воли // Развитие и экономика. 2015. № 13. С. 108.
29. Бачинин В. А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма (Очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 363 с. Цит.: <http://uuchurch.ru/vizevan-gelizm.pdf>.
30. Беляков А., Матвейчев О. Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 436 с. Цит.: https://matveychev.ru/wp-content/uploads/2019/02/Matveychev_Hiperborea_obrez_123_200.pdf.
31. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. 224 с. / Репринтное издание. М.: Наука, 1990. Цит.: http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm#4.
32. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ: АСТ-Москва: Хранитель, 2007. 445 с.
33. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 445 с.
34. Бердяев Н. А. Я и мир объектов / Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 471 с.
35. Берсенева А. Польские корни идеологии русского единства [Электронный ресурс] // andreybersenev. Живой журнал. 21 марта 2015. <http://andreybersenev.livejournal.com/18721> (дата обращения: 11.11.2018).
36. Берсенева А. Польские этногенетические гипотезы происхождения славян и концепты этнополитического доминирования в ареале славянства // Суть времени. 2015. № 145. (16 сент.).
37. Бибихин В. В. Европейский нигилизм 1 (Обзор) // Бибихин В. В. Из творческого наследия. М.: ИНИОН, 2006. 191 с. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-nigilizm>.
38. Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 512 с.
39. Бовдунов А. Л. Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: ЯСК, 2022. 480 с.
40. Богданов А. В. Западничество в России: история и современность // Философия и общество. 2008. № 3 (51). С. 160–175. Цит.: https://www.socionauki.ru/journal/articles/130216/#_ftn4.

41. *Богданов А. П.* Прения с греками о вере: текст автографа Арсения Суханова 1650 г. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 80–99. Цит.: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28783.
42. *Бояров А.* Прародина и происхождение индоевропейцев, финно-угров и тюрков [Электронный ресурс]. <https://sites.google.com/site/destesaviran/prarodina-i-proishozdenie-indoevropcejev-finno-ugrov-i-turkov> (дата обращения: 14.10.2018).
43. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
44. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
45. *Булгаков С.* Трагедия философии. Прага, 1925 [Электронный ресурс] // filosoff.org. https://filosoff.org/bulgakov/wp-content/uploads/sites/93/2017/01/bulgakov-s.-tragedija-filosofii-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
46. *Бунак В. В.* (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М.: Наука, 1965. 414 с.
47. *Бунак В. В.* Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Института антропологии МГУ. Вып. 1. М.; Л., 1938.
48. *Вазюлин В. А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 328 с.
49. *Варлаам (Горохов).* Мирча Элиаде (1907–1986): интеллектуальная биография [Электронный ресурс] // Богослов.ру. 14.04.2023. https://bogoslov.ru/article/291497#_ftn11 (дата обращения: 11.06.2023).
50. *Вебб С., Вебб Б.* Советский коммунизм — новая цивилизация? Т. 1, 2. М.: Государственное социальное и экономическое издательство, 1937. 1045 с. Цит.: Сидней и Беатрис Вэбб. М.: Книга по Требованию, 2011.
51. *Вежбицкая А.* К скриптам русской культуры // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 412 с. Цит.: http://www.philologos.narod.ru/ling/wierz_rl/r11.htm.
52. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой; под ред. Б. А. Николаева. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1996. 448 с. Цит.: <https://mir-knigi.info/books/nauchno-obrazovatel'naya/istoriya/page-38-12416-kievskaya-rus-vernadskaa-georgii-vladimirovich.html>.
53. *Войтенко А. А.* «Перед богом справедливости». Антивизантизм Г. П. Федотова // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 3 (27). С. 53–64. Цит.: <https://vestnik-historicalsciences.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/2/2021/08/152.pdf>.
54. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 622 с. Цит.: https://vtoraya-literatura.com/pdf/voslensky_nomenklatura_vtoroe_izdanie_1990_text.pdf.
55. Восточно-христианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Правительство Москвы; [Отв. ред. М. Н. Громов]. М., 2001. 304 с.
56. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 548 с. Цит.: <https://litlife.club/books/196028/read?page=36>.

57. *Вышеславцев Б. П.* Русский национальный характер [Электронный ресурс]. http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/library/vopros/11.html#_edn1 (дата обращения: 14.09.2023).
58. *Вышеславцев Б. П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
59. *Галковский Д. В.* Бесконечный тупик: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во Дмитрия Галковского, 2008. 632 с. Цит.: <http://www.rulit.me/books/beskonechnyj-tupik-read-51426-5.html>.
60. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.
61. Гаплогруппы Ямной культуры [Электронный ресурс] // 30.01.2019. <https://aquilaaquilonis.livejournal.com/840658.html> (дата обращения: 14.09.2023).
62. *Генон Р.* Атлантида и Гиперборея // Генон Р. Традиционные формы и космические циклы. М.: Беловодье, 2004. 300 с.
63. *Генон Р.* Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 496 с. Цит.: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/genon-gene/simvoli-svyaschennoj-nauki/2>.
64. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сборник статей под ред. В. Д. Королюка. М.: Прогресс, 1965. 350 с.
65. *Гильфердинг.* О сродстве славянского языка с санскритским. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1853. 161 с. Цит.: <https://djvu.online/file/MWESjeKUWhL4B>.
66. *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007. 216 с.
67. *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 570 с. Цит.: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gimbatus_civ/09.aspx.
68. *Гиндин В. А., Цымбурский В. Л.* Прагреки в Трое // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 29–34. Цит.: http://Annales.info/mal_az/troy/pragreki.htm.
69. *Гиндин В. А., Цымбурский В. Л.* Троя и Пра-Аххиява // Вестник древней истории. 1995. № 3. Цит.: http://Annales.info/mal_az/small/praaahh.htm.
70. *Голенкова З. Т.* Славянские идеи Юрия Крижанича // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 7–21.
71. *Головин Е.* Приближение к Снежной Королеве. М.: Арктогея-Центр, 2003. 480 с. Цит.: <http://evrazia.org/FTP/golovin1.pdf>.
72. *Гольдберг А. Л.* «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Русская литература XI–XVIII вв. среди славянских литератур, труды отдела древнерусской литературы, т. XIX. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 454 с.
73. *Гофф Ле Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 372 с.
74. *Гранин Р. С.* Символика «Семирамиды» А. С. Хомякова // Философская мысль. 2013. № 6. С. 199–228. Цит.: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=420.
75. *Гранин Р. С.* Символика «Семирамиды» А. С. Хомякова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 4 (35). Человек в обществе глобального сверхпотребления. С. 142–162. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-semiramidy-a-s-homyakova/viewer>.
76. *Гранин Р. С.* Структурирование текста «Семирамиды» А. С. Хомякова в процессе формирования традиции её издания // Вестник славянских культур. 2009. № 4. С. 35–47. Цит.: <https://findpatent.ru/magazine/044/443043.html>.

77. *Грачёв М. Н.* Хрестоматия по геополитике: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 458 с. Цит.: <http://grachev62.narod.ru/geopolitics2019/chapter08.html#s0>.
78. *Греков В. Н.* «Вырваться из удручающих объятий времени» // *Филология*. 2012. № 3. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrvatsya-iz-udruchayuschih-obyatyi-vremeni-slavyanofily-i-p-ya-chaadaev-o-probleme-natsionalnoy-samobytnosti/viewer>.
79. *Гудзь-Марков А. В.* Индоевропейцы Евразии и славяне. М.: Вече, 2014. 445 с.
80. *Гумилёв Л. Н.* Из истории Евразии // *Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации*. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
81. *Гумилёв Л. Н., Иванов К. П.* Этнические процессы: два подхода к изучению // *Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации*. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
82. *Гусева Н.* Арьи, славяне: соседство или родство? // *Древность: Арьи. Славяне*. М.: Палея, 1996. 178 с.
83. *Гусева Н. Р.* Русский Север — прародина индославов. М.: Вече, 2010. 302 с.
84. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Издательство Родная страна, 2017. 1040 с.
85. *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2001. 799 с.
86. *Дебец В. Ф.* Физический тип людей днепро-донецкой культуры // *Советская археология*. 1966. № 1. С. 15–23. Цит.: https://www.archaeolog.ru/media/books_sov_archaeology/1966_book01.pdf.
87. Декларация и договор об образовании СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Цит.: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_об_образовании_Союза_Советских_Социалистических_Республик.
88. *Дёмин В. Н.* Дивный остров счастливых людей [Электронный ресурс] // [yperboreia.org](http://www.yperboreia.org). <http://www.yperboreia.org/demin32.asp> (дата обращения: 03.03.2023).
89. *Дёмин В. Н.* Гиперборейский ликбез [Электронный ресурс] // [ss69100](https://ss69100.livejournal.com/5359681.html). Живой журнал. <https://ss69100.livejournal.com/5359681.html> (дата обращения: 03.03.2020).
90. *Дергачёв В. А.* О скипетрах, лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас / *Ин-т культурного наследия АН Респ. Молдова, Ун-т «Высшая антропологическая школа»*. СПб.: Нестор-История, 2007. 486 с.
91. *Джемаль Г.* Ориентация — Север // *Волшебная гора*. 1997. № VI. Цит.: <http://www.fatuma.net/text/djema-orient12>.
92. *Джилас М.* Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1961. 248 с.
93. *Дианова М. В.* Идея славянского единства в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники // *Вече*. 2018. № 30. С. 68–79.
94. *Дневник наркома В. А. Малышева* [Электронный ресурс] // *Белорусский славянский комитет*. 21.12.2015. <https://www.beloslavkom.by/home/rech-stalina-o-soyuze-slavyanskikh-narodov/> (дата обращения: 23.06.2023).
95. *Дианова В. М.* Теория цивилизаций Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. 2015. Вып. 1 (6). С. 154–164. Цит.: https://en.wikipedia.org/wiki/Feliks_Konieczny.

96. *Досталь М. Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских представлениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 85–95. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanskiy-mir-i-slavyanskaya-ideya-v-filosofskih-postroeniyah-i-praktike-rannih-slavyanofilov/viewer>.
97. *Досталь М. Ю.* (отв. ред.). Славянские съезды XIX–XX вв. М.: ИСБ, 1994. 143 с. file:///C:/Users/Сергей/Downloads/1994_Slavjanskije_sjezdy.pdf.
98. *Дугин А. Г.* Знаки Великого Норда. Гиперборейская теория. М.: Вече, 2008. 320 с.
99. *Дугин А. Г.* Манифест Великого Пробуждения [Электронный ресурс] // Катехон. 03.03.2021. <https://katehon.com/ru/article/manifest-velikogo-probuzhdeniya> (дата обращения: 03.03.2023).
100. *Дугин А. Г.* Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. 800 с.
101. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
102. *Дяченко В. Д.* Антропологичний склад українського народу: порівняльне дослідження народів УРСР і суміжних територій. Київ: Наукова думка, 1965. 132 с.
103. *Егорова К. Б. Т. Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции»* // К истории идей на Западе: «Русская идея» / под ред. В. Е. Багно, М. Э. Маликова. СПб.: Петрополис, 2010. 648 с. Цит.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=F02Mzmki30M%3D&tabid=10459>.
104. *Епифанов П. П.* Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 18–36.
105. *Ерасов Б. С.* (сост.) Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 1999. 555 с. Цит.: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/05.php.
106. *Ермолин Е. А.* Русская культура: Персоналистская парадигма образовательного процесса: монография. М., 2005. [электронный ресурс]. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ermol/06.php. 38 (дата обращения: 14.09.2023).
107. *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры на Руси // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь) / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. 755 с. Цит.: https://historicus.ru/osobennosti_retseptsii_vizantiiskoi_kulturi_v_drevnei_rusi/.
108. Житие св. Константина [Электронный ресурс] // Православие.ру. <https://pravoslavie.ru/put/050520124441.htm> (дата обращения: 14.09.2023).
109. *Журавлёв В. К.* Наука о праславянском языке: эволюция идей, понятий и методов // Бирнбаум Х. Праславянский язык. М.: Прогресс, 1986. 512 с.
110. Журнал Восточная Европа [Электронный ресурс] // OSTEUROPA. <https://zeitschrift-osteuropa.de/>.
111. *Зайцев А. В.* Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 годах: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 404 с. Цит.: http://www2.ruh.ru/binary/2641506_64.1664278566.49454.pdf.
112. *Зализняк Л. Л.* Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных [Электронный ресурс] // Генофонд.рф. 02.03.2016. http://генофонд.рф/?page_id=7366 (дата обращения: 14.09.2023).

113. *Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык (XVII–XIX вв.). (Типология лингвистических представлений): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 300 с. Цит.: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/obwuj-slavjanskij-literaturnyj-jazyk.html>.
114. *Запольская Н. Н.* «Объяснение сводное о письме славянском»: графико-орфографические опыты Крижанича // Тверская рукопись Юрия Крижанича / сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь: Изд-во сатори, 2008. 224 с.
115. *Зиновьев А.* Несостоявшийся проект. М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2011. 542 с.
116. *Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.
117. *Зиновьев А. А.* Русская судьба: исповедь отщепенца. М.: Канон+ РООИ, 2021. 472 с.
118. *Зиновьев А. А.* Гомо советикус. Пара беллум. М.: Моск. рабочий, 1991. 412 с.
119. *Зубов А. Б.* История религий. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. М.: Планета детей, 1997. 344 с.
120. *Зюзев Н. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза // Философия и общество. 2000. № 3 (36). С. 143–155. Цит.: https://www.socionauki.ru/journal/articles/253079/#_ftn11.
121. Избранные Новеллы Юстиниана / В. А. Сметанин, введ. ст., пер., комм. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 340 с.
122. *Изотов А. И.* Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: учебное пособие. М.: Азбуковник, 2010. 200 с. Цит.: http://istina.msu.ru/media/publications/books/645/99d/1482066/staroslav_komp.pdf.
123. *Ильин Н. П.* Взлёт русской литературы неотделим от взлёта национальной философии [Электронный ресурс] // Молоко. 2004. № 5. <http://moloko.ruspole.info/node/889> (дата обращения: 14.09.2023).
124. *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 605 с. Цит.: http://www.hrono.info/statii/2005/ilin_moskvam0.php.
125. *Ионов И. Н.* Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. Вып. 40. М., 2012. С. 27–50.
126. История ободритов их господства [Электронный ресурс] /сост. В. Силантьев. http://old-earth.narod.ru/slav/balt/his/Istorija_obodritov.htm (дата обращения: 14.09.2023).
127. *Капица Ф. С.* Жизнь и труды Марии Гимбутас // Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 221 с.
128. *Каплин А.* Невспоминаемые предшественники евразийцев и их критики (или ещё раз о «мнимом «туранизме» русских»). Доклад на конференции «Идеология Евразийского Союза» (Санкт-Петербург, 15 мая 2012 г.) [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 25.05.12. https://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspominaemye_predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_o_mnimom_turanizme_russkih/ (дата обращения: 14.09.2023).
129. *Кара-Мурза С., Осипов Г.* СССР — цивилизация будущего. Инновации Сталина. М.: Эксмо, Яуза-пресс, 2010. 282 с.
130. *Карпец В.* Время Третьего Рима [Электронный ресурс] // varvar.ru. <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/karpez1.html> (дата обращения: 14.09.2023).

131. Карсавин Л. П. О личности / Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. LXXIII, 325 с.
132. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
133. Киреевский И. В. Избр. статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
134. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М.: Наука, 2014. 111 с.
135. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. 226 с. Цит.: http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf.
136. Клейн Л. С. Троянская война. Эпос и история. СПб.: Евразия, 2019. 192 с.
137. Клёсов А. А. Происхождение славян и других народов: Очерки ДНК-генеалогии. М.: Самоцвет; МИД «Осознание», 2014. 648 с.
138. Клесов А. А., Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории» [Электронный ресурс] // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ. 18039, 21.05.2013. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111146.htm> (дата обращения: 14.09.2023).
139. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.
140. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины; ход и последствия его разложения. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1879. VII, 231 с.
141. Ковалевский М. М. Экономический строй России. СПб., 1900. 240 с.
142. Ковалевский П. И. Характер русского народа // Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание. М.: Кн. мир, 2006. 259 с. Цит.: <http://gys-strategia.ru/publ/3-1-0-4897>.
143. Козинцев А. Г. Геном сибирского кроманьонца указывает на связь индейцев с европейцами [Электронный ресурс] // Антропогенез.ру. <http://antropogenez.ru/article/743/> (дата обращения: 14.09.2023).
144. Козинцев А. Г. Расовая классификация в сфере новых генетических данных // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 64–71. Цит.: <http://antropogenez.ru/article/644/>.
145. Козинцев А. Г. Расшифрован геном верхнепалеолитического человека со стоянки Костёнки XIV (Маркина гора) [Электронный ресурс] // Антропогенез.ру. <http://antropogenez.ru/article/809/> (дата обращения: 14.09.2023).
146. Козленко А. Древнейшая война. Первобытное поле битвы [Электронный ресурс]. <http://warspot.ru/5521-pervobytnaya-voyna-drevneyshee-pole-bitvy> (дата обращения: 14.09.2023).
147. Козырев Ф. О физической теории времени Николая Козырева. СПб.: Русская культура, 2021. 124 с.
148. Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018. 352 с.
149. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого со-

- зыка 7 октября 1977 г.) [Электронный ресурс] // Гарант.ру. https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 14.09.2023).
150. Кордонский С. Россия. Поместная Федерация. М.: Европа, 2010. 312 с.
 151. Крижанич Ю. Граматично исказанје об Руском језику (1666). М.: В Университетској Типографији, 1859. 276 с.
 152. Кудров В. М. Югославия: трудный путь. Докл. № 81. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. 83 с.
 153. Лабанов С. Владимир Ламанский — теоретик славянского единства [Электронный ресурс] // Православие.ру. 11.08.2003. <https://pravoslavie.ru/archiv/lamanskiy.htm> (дата обращения: 14.09.2023).
 154. Лазаревич А. Советия. Размышления о происхождении, истории и будущем советской цивилизации, её нынешнем кризисе и путях выхода из неё. М., 2001 [Электронный ресурс]. http://technocosm.narod.ru/k2f/Sovietia_1.htm (дата обращения: 14.09.2023).
 155. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка: посмертн. (второе) издание учеников автора с портретом его / под ред. и с предисл. Г. М. Князева. Петроград: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 152 с. Цит.: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/231158/1/MTM3OTlfVHJpIG1pcmEgQXppaXNrbY1FdnJvcGVpc2tvZ28gbWF0ZXJpa2EgcG9zbWVydG4ucGRm>.
 156. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: типо-хромолит. А. Траншель, 1892. 132 с.
 157. Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968. 608 с. Цит.: <http://lib.ru/LEM/summa/summtitl.htm>.
 158. Ленин В. И. О лозунге Соединённых Штатов Европы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Цит.: <http://uaio.ru/vil/26.htm#s13>.
 159. Леонтьев К. Византизм и славянство // Леонтьев К. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. 538 с.
 160. Леонтьев К. Н. Владимир Соловьёв против Данилевского [Электронный ресурс]. <https://www.livelib.ru/book/94180/read-vladimir-solovev-protiv-danilevskogo-konstantin-leontev/~3> (дата обращения: 14.09.2023).
 161. Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 254 с.
 162. Лозовая Л. Я. Пространство Владимира Стерлигова: от супрематизма к чаше-куполу [Электронный ресурс] // Научный электронный журнал Артикульт. 2013. № 10 (2). С. 3–18. Цит.: [cyberleninka.ru. file:///C:/Users/Сепрей/Downloads/prostranstvo-vladimira-sterligova-ot-suprematizma-k-chashe-kupolu.pdf](http://cyberleninka.ru/file:///C:/Users/Сепрей/Downloads/prostranstvo-vladimira-sterligova-ot-suprematizma-k-chashe-kupolu.pdf) (дата обращения: 14.09.2023).
 163. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
 164. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. 559 с.
 165. Лосский Н. О. Мир как органическое целое. М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 170 с. Цит.: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/11/21/27.pdf>.
 166. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт: Посев, 1957. 151 с. Цит.: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/1.

167. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
168. *Лябуда Г.* Историографический анализ так называемого германского «натиска на Восток» // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сборник статей под ред. В. Д. Королюка. М.: Прогресс, 1965. С. 42–43.
169. *Мадди С. Р.* Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. 538 с.
170. *Малинов А. В. В. И.* Ламанский и истоки русского византизма // Вестник ПСТГУ. Серия: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 100. С. 67–87. Цит.: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/pdf/article/7775>.
171. *Малиновска Н.* Regnum Sclavorum Святополка как источник средневековых славянских концепций Склавинии // Петербургские балканские славянские и балканские исследования. 2017. № 1 (21). С. 21–38. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/regnum-sclavorum-svyatopolka-kak-istochnik-srednevekovyh-slavyanskikh-kontseptsiy-sklavinii/viewer>.
172. *Мартынова Е. И., Шумихина Л. А.* Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации (на артефактах художественной культуры и письменности Киевской Руси) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 149–156.
173. *Масарик Т. Г.* Философия — социология — политика: Избр. тексты / сост.: М. Петрусек, Н. П. Нарбут; пер.: Л. С. Азарх, М. А. Едемская. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. 663 с.
174. *Матвеева Г. И.* Первые славяне на Средней Волге // Славянский альманах. 2004. С. 11–18. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-slavyane-na-sredney-volge/viewer>.
175. Межславянский язык, портал, посвящённый практике межславянского языка: [Электронный ресурс]. <http://steen.free.fr/interslavic/history.html> (дата обращения: 14.09.2023).
176. *Миллер А. Л.* Вульф. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 548 с. Цит.: <https://www.litmir.me/br/?b=196028&p=1>.
177. *Мошин В.* О периодизации русско-славянских литературных связей // Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.) Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. (Киевская и Московская Русь). М.: Языки русской культуры, 2002. 944 с. Цит.: http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/19_tom/Moshin/Moshin.pdf.
178. *Мунье Э.* Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с. Цит.: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/290911-36-emmanyuel-mune-manifest-personalizma.html#book>.
179. *Муравьёв В.* Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издание автора, 1924. 127 с. Цит.: http://nffedorov.ru/texts/kp/muraviev_ovladenie.pdf.
180. *Муха А.* «Славянская эпопея» [Электронный ресурс]. <http://www.balto-slavica.org/forum/index.php?showtopic=10840> (дата обращения: 14.09.2023).
181. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII вв. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 320 с.

182. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1.
183. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос Σ, 2001. 404 с. Цит.: <https://aitrus.info/node/2077>.
184. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 257 с.
185. Напольских В. В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке. Архивная копия от 7 ноября 2017 на Wayback Machine // Арт. 2007. № 4. С. 88–127.
186. Напольских В. В. Очерки по этнической истории. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2018. 648 с.
187. Напольских В. Ранний железный век в Европейской России [Электронный ресурс] // 2007. https://www.academia.edu/4940513/Ранний_железный_век_Европейской_России_2007 (дата обращения: 14.09.2023).
188. Нарочницкая Н. Споры вокруг Византии // Российская газета. 2008. № 26. 7 февр.
189. Научный коммунизм. Словарь / под ред. А. М. Румянцева. 4-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1983. 352 с. Цит.: <http://tapemark.narod.ru/kommunizm/v-dannyye.html>.
190. Ненашева З. С. Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 99–112. Цит.: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/2410-slavyanskij-s-ezd-1908-g-v-prage-i-ego-mesto-v-formirovanii-ideologii-i-programmy-neoslavizma.html>.
191. Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. 248 с. Цит.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/205529>.
192. Нефёдов С. А. 2004. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 22–52.
193. Ницше Ф. В. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2021. 320 с. Цит.: <https://nietzsche.ru/works/main-works/zaratustra/antonovsky/>.
194. Ницше Ф. В. Человеческое, слишком человеческое. М.: АСТ, 2020. 384 с.
195. Нолл Р. Арийский Христос = The aryuan Christ: тайная жизнь К. Юнга. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. 429 с.
196. Оболевич Т. Участие русских философов во втором польском философском конгрессе в 1927 г. // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 2. С. 145–149.
197. Овидий. Письма с Понта (Книга I) // Славянское царство: происхождение славян и распространение их господства: сочинение дона Мавро Орбини. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 574 с.
198. Окара А. Н. В окрестностях нового Константинополя. Восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосопорядка // Свободная мысль. 2012. № 1/2 (1631). С. 157–172.
199. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 174 с.
200. Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. Заселение мира. М.: Экмо, 2004. 640 с. Цит.: http://www.nnre.ru/biologija/izgnanie_iz_yedema/p5.php.

201. Орбини М. Славянское царство: происхождение славян и распространение их господства: сочинение дона Мавро Орбини. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 574 с.
202. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М.: Норма, 1998. 275 с.
203. Осипова О. С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000. 59 с.
204. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Иссл. по истории морали. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
205. Островский А. Кто поставил Горбачёва? М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 541 с.
206. Пайтс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 423 с.
207. Палеантропология культуры шнуrowой керамики [Электронный ресурс] // andvari5. Живой журнал. <https://andvari5.livejournal.com/153310.html> (дата обращения: 14.09.2023). На основе: Menk R. A SYNOPSIS OF THE PHYSICAL ANTHROPOLOGY OF THE CORDED WARE COMPLEX ON THE BACKGROUND OF THE EXPANSION OF THE KURGAN CULTURES // Journal of Indo-European Studies. 1980. № 8.
208. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными [Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1–10. Т. 10]. Санкт-Петербург: 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1851–1871.
209. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 541 с.
210. Паршев А. П. Почему Россия не Америка? М.: Алгоритм, 2018. 232 с. Цит.: <https://stockmagia.ru/wp-content/uploads/2021/12/Parshev-Andrej-Pochemu-Rossiya-Ne-Amerika-1999-2018.pdf>.
211. Паршин А. Н., Резвых Т. И. Время и пространство православного богослужения: [электронный ресурс] // <http://mahtalcar.narod.ru/history/losev/parshin.html> (дата обращения: 14.09.2023).
212. Паршин А. Н. «Богородица — мать сыра земля...» (о трёх лекциях в Московской духовной академии) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 5 (37). С. 71–82.
213. Патриарх Кирилл. Интервью телеканалу «Россия» (2010) [Электронный ресурс]. Патриархия.ру. 22.09.10. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1280323.html> (дата обращения: 14.09.2023).
214. Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): сборник статей. СПб.: Алетейя, 2007. 375 с. Цит.: http://macedonia.kroraina.com/chb2007/chb2007_perovich.htm.
215. Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 800 с.
216. Платонов О. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с. Цит.: <http://www.booksite.ru/fulltext/plat/onov/2.htm>.
217. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.

218. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.
219. Половинкин С. М. Русская религиозная философия: избранные статьи. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2010. 409 с. Цит.: <https://azbyka.ru/otechnik/6/russkaja-religioznaja-filosofija/>.
220. Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: Синтаксис, 2020. 1156 с.
221. Проблема общения в трудах Мясищева В. Н. [Электронный ресурс] // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 598 с. (дата обращения: 17.09.2023).
222. Прасолов М. А. Субъект и сущее в русском религиозном персонализме. СПб.: Астерион, 2007. 352 с.
223. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратева // Хрестоматия по истории СССР. Т. I / сост. В. Лебедев и др. М., 1940. Цит.: <https://history.wikireading.ru/300188>.
224. Пространство Стерлигова / Статьи М. Германа, И. Карасик, Л. Гуревич. СПб.: П.Р.П., 2001. 208 с.
225. Проханов А., Аверьянов В., Дугин А., Кобяков А., Платонов О. и др. Доктрина Русского мира / сост. В. В. Аверьянов. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016. 640 с. Цит.: <http://www.dynacon.ru/content/articles/10269/>.
226. Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015. 384 с.
227. Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом настоящем // Пыпин А. Н. М.: Книга по Требованию. М., 2021. Репринт Издания 1913 года. Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / А. Н. Пыпин; С предисл. и примеч. В. В. Водовозова. СПб.: Колос, 1913. V, [3]. 189 с.
228. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой. М.: Азбука, 2022. 608 с.
229. Риер Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилёв, 2000. 320 с.
230. Риер Я. Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2003. 154 с.
231. Риер Я. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. 2007. № 19–20. Цит.: <https://studopedia.org/11-84115.html>.
232. Рокитянский В. Р. Воплощённый персонализм Альберта Соболева. // Электронный философский журнал Vox. 2021. № 34 (сент.). С. 75–77.
233. Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 1. С. 51–56.
234. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
235. Савицкий П. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
236. Савицкий П. Н. Евразийство. Опыт систематического изложения // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
237. Салапагаров А. Численность населения тюркских государств и народов [Электронный ресурс] // Ризван Гусейнов. Информационно-аналитический сборник.

- 06.06.2011. https://www.rizvanhuseynov.com/2011/06/blog-post_8649.html (дата обращения: 17.09.2023).
238. Сапожников О. Я., Сапожникова И. Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006. 241 с.
239. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.
240. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. Официальный сайт Московского Патриархата. 8.09.2014. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 17.09.2023).
241. Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с. Цит.: https://scepis.net/library/id_1080.html.
242. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 157 с.
243. Седов В. В. Славяне в древности. М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. 343 с. Цит.: <https://arheologija.ru/sedov-slavyane-v-drevnosti/>.
244. Селезнев Р. С. Задруга и вестернизация: сербская община в условиях догоняющей модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 1, № 2. С. 55–60.
245. Серапионова Е. П. Славянский вопрос и Россия в идейных воззрениях и политике Карела Крамаржа: конец XIX — первая треть XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. 2006. Цит.: <https://www.dissercat.com/content/slavyanskii-vopros-i-rossiya-v-ideinykh-vozzreniyakh-i-politike-karela-kramarzha-konets-xix->
246. Сидаш Т. Г. Русский эллинизм // Сидаш Т. Г. Избранные статьи: в 2 т. Т. II. СПб.: Квадривиум, 2016. 1102 с.
247. Сидоров А. И. Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // Арх. Киприан(Керн). Антропология Св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 452 с. Цит.: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/54/19/page02.htm>.
248. Сидоров И. Рецензии: Л. Вульф. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 16.06.2003. <https://globalaffairs.ru/articles/izobretaya-vostochnuyu-evropu-karta-civilizaczii-v-soznanii-epohi-prosveshheniya/> (дата обращения: 17.09.2023).
249. Сикорский И. А. Психология русского народа и других народов славянской расы [Электронный ресурс] // 10.02.2015. <http://worldcrisis.ru/crisis/1812742> (дата обращения: 14.09.2023).
250. Сикорский И. А. Черты из психологии славян: речь, произнесенная в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1895. 15 с. Цит.: <https://studfile.net/preview/16717921/>.
251. Синеекий Д. А. Бореальная культура позднего палеолита как свидетельство первой европейской цивилизации. М.: Флинта: Наука, 2015. 117 с.
252. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства): коллективная монография / под

- ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. 532 с. Цит.: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2022/01/Sbornik_Kefeli.pdf.
253. Соловьёв В. Византизм и Россия // Владимир Соловьёв «Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1999. 860 с. Цит.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Sol_VizRoss.php.
254. Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика [Электронный ресурс]. М.: Вехи, 2004. <http://www.vehi.net/soloviev/spor/index.html> (дата обращения: 17.09.2023).
255. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с. https://imwerden.de/pdf/solovjev_sochineniya_v_dvukh_tomakh_tom2_1988__ocr.pdf.
256. Солопов Е. СССР: неополитаризм, государственный капитализм или социализм? // Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму: доклады и выступления на междунар. науч. конф. 22–23 мая 2003 г. в Рос. гос. б-ке / под ред. А. В. Бузгалина. М., 2003. С. 282–284. Цит.: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/Теория-СОВЕТСКОЕ-ОБЩЕСТВО-КАК-ФОРМАЦИЯ-И-ЦИВИЛИЗАЦИЯ>.
257. Сопин В. С. Эволюция русской крестьянской общины как неформального экономического института // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 414–418.
258. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
259. Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 121 с. Цит.: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2016/spiridonova/Spiridonova.pdf>.
260. Сталин И. В. ПСС / Под общ. ред. Р. И. Косолапова в 1997–2006 гг. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006 [Электронный ресурс]. <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/stalin/18.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).
261. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 93 с. Цит.: http://www.souz.info/library/stalin/ec_probl.htm.
262. Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 110–149. Цит.: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Civilization-3.html>.
263. Стерлигов Владимир Васильевич [Электронный ресурс] // Энциклопедия Всемирная история. https://w.histrf.ru/articles/article/show/stierligov_vladimir_vasilievich (дата обращения: 10.06.2023).
264. Страхов Н. Н. Борьба с Западом / Сост. и коммент. А. В. Белова; Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 576 с.
265. Стремоухов Д. Москва — Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Пер. И. И. Соколовой. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 425–441.
266. Судаков А. К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И. В. Киреевского / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2011. 191 с. Цит.: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2011/sudakov.pdf>.
267. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. Особенности российской цивилизации [Электронный ресурс] // Русрэнд. <http://rusrand.ru/analytics/osobennosti-rossijskoj-tsvivilizatsii> (дата обращения: 08.04.2020).

268. *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах / Пер. с англ. Н. Р. Гусевой. М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2001. 525 с.
269. *Глострианова М. В.* От философии мультикультурализма к философии транскulturации: учебное пособие. 2008. 306 с.
270. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории: избранное / А. Дж. Тойнби. М.: Айрис Пресс. 2010. 521 с.
271. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996. 477 с.
272. *Топоров В. Н.* Балтийские языки // Языки мира: Балтийские языки. Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; [редкол.: В. Н. Топоров и др.]. М.: Academia, 2006. 221 с. Цит.: http://www.lituanistica.ru/materials_intresting_toporov.html.
273. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда и он идёт? М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991. 254 с. [Электронный ресурс] // Марксистский интернет-архив. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl001.html#st00> (дата обращения: 12.04.2023).
274. *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2002. 488 с.
275. *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 318 с.
276. *Трубачёв О. Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988–1990. М., 1992. 204 с. Цит.: <http://philology.ru/linguistics3/trubachev-92.htm>.
277. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 732 с.
278. *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. 94 с.
279. *Трубецкой Н. С.* Общеевразийский национализм // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология / Рос. АН, Ин-т философии; Ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. 367 с.
280. *Трусов В. С.* (ред.) Русофобия на Западе [Электронный ресурс] // 19 июня — 2 июля 2003 г. <http://www.dorogadomoj.com/z142ist.html> (дата обращения: 10.03.2016).
281. *Трушков В.* Надо трезво представлять, где мы находимся // Правда. 10–16.06.2014. Цит.: <https://kprf.ru/pravda/issues/2014/61/article-47915/>.
282. *Уилкинсон Д. П.* Сорокин против цивилизационной теории А. Тойнби / Пер. Ю. И. Семёнов // Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради. 2003. 776 с. Цит.: https://scepis.net/library/id_1080.html.
283. *Усовский А.* Кирилло-Мефодиевская традиция, как базовая основа венгерского консерватизма [Электронный ресурс] // Украинский выбор. http://vybor.ua/article/vneshnjaja_politika/kirillo-mefodievskaya-tradiciya-kak-bazovaya-osnova-vengerskogo-konservatizma.html (дата обращения: 10.06.2013).
284. *Успенская Е. Н.* Антропология индийской касты. Российская акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 2010. 557 с.

285. Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб.: Изданием Славянского благотворительного комитета, 1872. 266, XII с. Цит.: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/67574-uspenskiy-f-i-pervyye-slavyanskiye-monarhii-na-severo-zapade-spb-1872>.
286. Файзуллин А. А. История изучения социальной структуры населения ямной культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Т. 1, № 1. С. 117–126. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-sotsialnoy-struktury-naseleniya-yamnoy-kultury/viewer>.
287. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. 352 с.
288. Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.
289. Флоренский П. У водоразделов мысли. Ч. 4. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. 621 с.
290. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
291. Флоря Б. Н. Славянский мир и его судьбы в древнейшую эпоху его истории в первой редакции «Хроники» Мартина Кромера // Slovene. 2017. № 1. С. 382–392. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanskiy-mir-i-ego-sudby-v-drevneyshuyu-epohu-ego-istorii-v-pervoy-redaktsii-hroniki-martina-kromera/viewer>.
292. Фролец В. Большая семья и её жилище в Западной Болгарии // Советская этнография. 1965. № 3. С. 40–58. Цит.: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1965/Frolets_1965_3.pdf.
293. Фролов А. А. Историсофия славянофильства: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков // История философии. № 9. М.: ИФ РАН, 2002. С. 23–42.
294. Фролов А. В. Новые космические технологии. Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. 198 с. Цит.: <https://tech.wikireading.ru/13075>.
295. Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. М.: Эксмо, 2002. 256 с. Цит.: https://royallib.com/read/froyanov_i/oktyabr_semnadtsatogo_glyadya_iz_nastoyashchego.html#368640.
296. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 512 с. Цит: http://historylib.org/historybooks/Igor-Froyanov_Rabstvo-i-dannichestvo-u-vostochnykh-slavyan/6.
297. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 476 с.
298. Фурсов А. И. Будущее русской государственности: НАЦИЯ? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? [Электронный ресурс] // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. <http://www.russiatoday.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkoj-gosudarstvennostinaciya-civilizaciya-inoe.html> (дата обращения: 10.03.2016).
299. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Ницше и пустота / Сост. О. В. Селин. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 302 с.
300. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. Сборник / Пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.
301. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. Сборник / Пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

302. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
303. Харин А. Н. История мировых цивилизаций: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 392 с.
304. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
305. Холодный В. И. Поисковая аксиологическая метафизика. Ч. 1. Синтез традиционного и соборного понимания истории. М.: НИУ МГСУ, 2016. 324 с.
306. Хомяков А. С. Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд, Изд-во «Медиум», 1994. 476 с.
307. Хомяков А. С. Семирамида (Исследование истины исторических идей) // Хомяков А. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Московский философский фонд, Изд-во «Медиум», 1994. 586 с.
308. Хоружий С. С. Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви // Богословские труды. Сборник тридцать седьмой. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. 344 с. Цит.: http://www.odinblago.ru/homakov_o_sobornosti.
309. Хоружий С. С. Очерки синэргийной антропологии. М.: Ин-т синерг. антропологии: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 407 с.
310. Хоружий С. С. Неопатристический синтез и русская философия [Электронный ресурс]. <https://studylib.ru/doc/4061506/horuzhij-s.s.-neopatrisheskij-sintez-i-russkaya-filosofiya> (дата обращения: 17.09.2023).
311. Хоружий С. С. Концепция неопатристического синтеза на новом этапе [Электронный ресурс]. https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/11/hor_neopatr_new_etap2013.pdf (дата обращения: 17.09.2023).
312. Хоружий С. С. исихазм как стержень православной духовности [Электронный ресурс]. https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/11/hor_neopatr_new_etap2013.pdf (дата обращения: 17.09.2023).
313. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
314. Цивилизация. Восхождение и слом / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2003. 453 с.
315. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. 273 с.
316. Цирель С. В. Миф о дефектности русской природы. Запоздавая рецензия на книгу А. П. Паршева «Почему Россия не Америка» [Электронный ресурс]. <http://www.ccas.ru/manbios/tsirel.html>. Февраль 2001 (дата обращения: 17.09.2023).
317. Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.
318. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
319. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 801 с.
320. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2008. 269 с.

321. Человек из Мальты [Электронный ресурс] // verenich. 24.11.2013. <https://verenich.wordpress.com/2013/11/24/человек-из-мальты/> (дата обращения: 17.09.2023).
322. Чугунова С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 75. С. 57–64. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/landshaft-vremeni-v-razlichnyh-kulturah/viewer>.
323. Чудинов В. А. Начало книги И. Деретича об истории сербов и русов [Электронный ресурс] // В. А. Чудинов. 27 сентября 2014 года. <http://chudinov.ru/deretich/> (дата обращения: 17.09.2023).
324. Чуркина И. В. Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2001. С. 106–119. Цит.: <https://cyberleninka.ru/article/n/vseslavjanskaya-model-matii-mayara-zil'skogo/viewer>.
325. Шапошников С. М. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.
326. Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919. 55 с. http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/opyt_issledovaniya_shamanstva_tungusov/02.
327. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с. <https://djvu.online/file/CbBdxjH7vctb9>.
328. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 240 с.
329. Штена В. Северный ветер. Новая цивилизация как национальный проект // Политический класс. 2006. № 9. Цит.: <http://home.onego.ru/~inache/sever/boreas.html>.
330. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Рус. идея, 2000. 446 с.
331. Эйзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъём духовных сословий // Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах. М.: Наука, 1992. 228 с.
332. Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. Вып. 3. М.: Наука, 1995. 234 с.
333. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3: От Магомета до Реформации. М.: Критерион, 2002. 352 с. Цит.: https://tdseminaria.ru/images/zfo/2%20курс/История%20древней%20Церкви/Дополнительная%20литература/eliade-hist_b-3l.pdf.
334. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. Т. 1: Изменение поведения в высших светских кругах Запада. М., СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
335. Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. 48 с. Цит.: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/85355-ern-v-f-vremya-slavyanofilstvuet-voyna-germaniya-evropa-i-rossiya-m-1915-voyna-i-kultura#mode/inspect/page/36/zoom/4>.
336. Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. 669 с.

337. Яковенко Б. В. История русской философии. М.: Республика, 2003. 509 с.
338. Якунин В. И. Россия — это государство-цивилизация [Электронный ресурс]. <http://rusmirzr.com/2012/09/28/category/society/3479>. 2012.09.28 (дата обращения: 30.11.2015).
339. Янин Е. П. Юрий Крижанич и его концепция рационального природопользования в России // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2018. № 7. С. 3–34.
340. Ясперс К. Истоки истории и её цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. 527 с. Цит.: <http://personnel.uapa.ru/courses/460>.

приложения

Приложение 1

Словарь имён⁷³⁸

Адальберт Пражский (Войтех Славниковец) (955–997) — чешский католический святой, миссионер среди народов ВЕ, мученик. Продолжатель кирилло-мефодиевского проекта; вместе с тем в условиях диктата западного епископата выступал за литургию на латинском языке. Автор концепции славянской империи во главе с Польшей в составе Священной Римской империи. Считался покровителем Польши.

Алексеева Татьяна Ивановна (1928–2007) — советский и российский физический антрополог, один из авторов концепции восточноевропейского комплекса, характерного для восточных славян, и современного взгляда на их происхождение.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский философ-персоналист и экзистенциалист, религиозный мыслитель религиозно-философского ренессанса, публицист, автор историософских концепций нового религиозного сознания (в одноимённой работе). Предложил собственное видение отдельной цивилизационной истории России от Запада, её этапов. В работе «Алексей Степанович Хомяков» для издательства «Путь» Б. сформулировал программу цивилизационного развития России как преодоление и соединение славянофильства и западничества, которой он следовал в течение жизни. Автор историософских концепции о России в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», «Судьба России» (1918) и ряде других.

Бродель Фернан (1902–1985) — историк школы Анналов, автор концепции «мир-экономики». Автор «Грамматики цивилизаций» — первого учебного пособия по множественности цивилизаций. Определение цивилизации Б. дал через перечисление признаков. Подход Б. Ф. к цивилизациям может считаться теоретически и эмпирически наиболее адекватным среди основных западных авторов прошлого века. Мир-экономика является замкнутой самостоятельной экономической системой и служит основой отдельной цивилизации. Б. считал Россию XVII века отдельным миром-экономикой, в отличие от Речи Посполитой, входившей в западный мир-экономику в качестве полупериферии. Автор концепции исторического времени, состоящего из трёх типов времени.

⁷³⁸ В словарь включены мыслители — авторы, труды и деятельность которых имеют прямое отношение к концепции цивилизации Восточной Европы или отдельных цивилизаций вообще. Их трактовка даётся в указанном направлении, что не исключает других заслуг. В статьях обозначены некоторые пояснения их позиций, которые не нашли места в основном тексте монографии.

- Бунак Виктор Валерианович (1891–1979)** — советский и русский физический антрополог, один из создателей современной научной картины восточно-европейских рас. Руководитель Русской антропологической экспедиции, создавший основной массив данных по расам Восточной Европы в восточнославянском ареале.
- Вебер Альфред (1868–1958)** — социолог, философ, экономист, географ, автор концепции осевого времени, начало которого он связывал с миграциями индоевропейцев.
- Восленский Михаил Сергеевич (1920–1997)** — советский социолог и философ, эмигрант-советолог, автор термина «номенклатура» и концепции правящего слоя при социализме в одноимённой книге «Номенклатура» (1980), созданной на основе концепции **Джиласа М.** Номенклатура как тип правящего и господствующего класса без крупной частной собственности и большого неравенства играет огромную роль в концепции социалистической цивилизации в ВЕ, несмотря на его негативные трактовки.
- Гизель Иннокентий (1600–1683)** — богослов, философ, историк, настоятель Киево-Печерской лавры, ректор Братско-Киевской коллегии (Киево-Могилянской), издатель и соавтор-составитель (с Ф. Сафоновичем) киевского «Синописа» (1674) — краткого изложения истории России и этногенеза славян на основе восточноевропейских источников. Сторонник автономии Киевской митрополии по отношению к РПЦ и ориентации на Константинопольский патриархат.
- Гимбутас (Гимбутене) Мария (1921–1994)** — историк, археолог, историософ. Автор современной версии курганной теории происхождения индоевропейских народов от культур кочевников-скотоводов востока Восточной Европы — ямной культуры и предшествующих ей культур (Средняя и Нижняя Волга — Средний и Нижний Дон), которая сегодня считается доказанной. Смогла обосновать курганную гипотезу на археологическом и историко-культурном материале. Курганная теория образует научную базу для концепций происхождения индоевропейских цивилизаций: западной, восточноевропейско-славянской, иранской, арийско-индийской. Также Г. — автор теории раннеземледельческой матриархальной коллективистской цивилизации Старой Европы и Ближнего Востока (см. «Цивилизация Великой Богини», часть трилогии), которая была ликвидирована нашествием индоевропейцев. Г. показала глубокие различия и противоположность индоевропейской и раннеземледельческой цивилизаций неолита, обращая внимание на преимущества второй. Автор работ по этногенезу древнего славянства («Славяне. Сыны Перуна») и балтов («Балты. Люди янтарного края»).
- Гофф Ле Жан (1924–2014)** — историк-медиевист школы Анналов, автор концепции цивилизации средневекового Запада в рамках мир-системного подхода в одноимённой работе.
- Гумплович Людвиг (1838–1909)** — социолог, политолог, этнолог, правовед, автор теории «расовой борьбы» (Rassenkampf), понимаемой как борьба социокультурных групп этнических семей, как движущей силы истории, в том числе и внутри государств. Один из источников концепта «борьбы цивилизаций»

как продукта крупных этнических групп. По сути, в теории Г. речь о социальной и духовной расе. Основой для идей Г. стала фактология борьбы народов и цивилизаций внутри Австро-Венгерской империи как борьбы Восточной Европы и Запада. Работы: «Раса и государство», «Борьба рас» и др.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — русский учёный — биолог, обществовед, экономист, философ, один из первых в мире авторов теории отдельных цивилизаций, возникающих на этнической основе крупных семей народов, а также теории особой славянской цивилизации и её борьбы с романо-германской цивилизацией. Теория цивилизаций Д. сочетает социоцентрический (Конечный, Сорокин) и культурно-исторический подходы (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон), однако она базируется на другой этнической основе. Теория цивилизаций сформулирована Д. в виде теории культурно-исторических типов, которые превращаются в цивилизации на развитой стадии развития. Отрицал, что цивилизации могут передаваться от одного культурно-исторического типа к другому. Культурно-исторические типы проходят стадии жизни, повторяющие стадии жизни живых существ, в которой стадия цивилизации занимает переломный период — от роста к старению, — фазу «цветения и плодоношения». Этнические типы имеют разную предрасположенность к разным видам деятельности, что выражается в разных «составах» типов, то есть степени развитости и удачности тех или иных направлений и сфер общества. Считал славянский тип наиболее многосторонним и перспективным «четырёхсоставным» культурно-историческим типом. Свою теорию изложил в труде «Россия и Европа» (1869), влияние которой на мировую цивилизационную мысль недооценено.

Джилас Милован (1911–1995) — политический деятель Компартии Югославии, вице-президент Югославии (СФРЮ), впоследствии диссидент, идеолог, публицист. Автор работы о сущности социалистического строя через призму его правящего класса бюрократии, отличающегося от олигархии в большинстве других стран (Джилас М. «Новый класс. Анализ коммунистической системы»).

Здзеховский Мариан Эдмундович (псевдоним Урсин М.) (1861–1938) — польский и российский филолог-славист, философ, автор трудов по сравнительному исследованию русской и польской мысли и литературы. Участник Славянского клуба. Одной из сходных черт славян считал русский и польский мессианизм. Однако у русских он совмещён с максимализмом, который ведёт к крайним формам, в частности к большевизму. Работы: «Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы» (1887), «Мессианисты и славянофилы» (1888), «Религиозно-политические идеалы польского общества» (1896), «Российское влияние на польские души» (1920) и др.

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) — философ, социолог, логик, автор оригинальных теорий советского коммунизма, западной глобальной цивилизации, сверхобщества. Главной заслугой З. является создание построенной на наблюдении и логическом методе критической теории советской социалистической цивилизации, которую он называл реальным коммунизмом («Коммунизм как реальность»). З. удалось выявить социаль-

ную природу социализма — преобладающие отношения коммунальности (борьбы индивидов друг с другом за социальные позиции в условиях ограниченной конкуренции в экономической сфере и сниженного неравенства), а также «клеточку» реального коммунизма — трудовой коллектив, содержащий внутри себя всю социальную структуру в миниатюре. Несмотря на большой вклад в антисоветскую пропаганду, З. пытался наметить особый цивилизационный тип и путь развития России и других стран, включавший положительные стороны социализма. Его можно условно отнести к представителям платформы советизма в трактовке цивилизации. Критик западной цивилизации, достигшей, по его мнению, уровня развития организации «сверхобщества».

Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — философ-персоналист, историк-медиевист, идеолог **евразийства** («Евразийство и монизм»), создавший его философскую платформу. Автор концепции симфонической личности («О личности», 1929), представляющий собой коллективистский вариант философии персонализма в духе всеединства. К. считал реальными коллективные личности общественных групп. Целью и смыслом личности по К. является преобразование (обожение).

Кирилл (Константин Философ), святой (827–869) — богослов, создатель первоначального варианта славянской письменности (глаголицы, по другим сведениям, также и кириллицы) и общеславянского литературного языка на основе македонского диалекта, переводчик богослужебных текстов с греческого на этот язык, проповедник и миссионер — креститель славянских народов; дипломат, мыслитель. Создатель **кирилло-мефодиевской традиции и цивилизационного проекта** в масштабе всей ВЕ, включая и неславянские народы. Глава и основатель, идеолог цивилизационной традиции ВЕ и школы. Один из **Седмочисленников**.

Климент Охридский, святой (ок. 840–916) — миссионер, переводчик богослужебных книг, епископ, предположительно создатель кириллицы (**кириллической письменности**) на основе предшествующих разработок **св. Кирилла (Константина Философа)**. Автор проповедей, поучений, похвальных слов, гимнов и житий. Один из Седмочисленников, ученик **свв. Кирилла и Мефодия**. Создатель Охридской школы — центра кирилло-мефодиевской традиции с большим количеством учеников в Первом Болгарском царстве.

Коллар Ян (1793–1852) — словацкий поэт, лютеранский богослов, учёный-славист, общественный деятель, автор концепции литературного панславизма (литературной взаимности), всеславянства. Произведения: «Дочь Славы» (1839), трактат «О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями» (1834–1837).

Конечный Феликс Кароль (1862–1949) — польский историк и философ, исследователь и теоретик цивилизаций, автор оригинальной теории и классификации цивилизаций на основе этики и права. Считал цивилизацию системой организации жизни общества. Автор концепции о борьбе цивилизаций как главной движущей силе истории (наряду с **А. Тойнби**), позднее заимствованного **С. Хантингтоном** Религия и культура, а также

раса не являются главными факторами для формирования большинства цивилизаций, согласно К. Выделил 20 цивилизационных типов. Редактор журнала «Славянский мир» Славянского клуба (Краков), но вместе с тем не поддерживал панславизм. К. не связывал цивилизационный тип с какой-либо определённой расой или нацией, но при этом считал, что цивилизации не могут смешиваться. К тому же К. допускал, что внутри одного народа могут быть разные цивилизационные типы, что приводило его к субъективистски парадоксальным и даже абсурдным трактовкам тех или иных лидеров или режимов. Он не выделял особого восточноевропейского славянского типа цивилизации, вместо него К. различал западный (поляки и другие), туранский типы. Основной труд: «О множественности цивилизаций» (1935).

Коперник Николай (1473–1543) — польский и немецкий астроном, математик, экономист. Научно обосновал гелиоцентрическую систему в работе «О вращении небесных сфер», альтернативную доминировавшей ранее геоцентрической, хтонической системе мироустройства. Гелиоцентрическая система является основой мировоззрения индоевропейских цивилизаций. Введение её означало революцию в науке и мировоззрении в целом.

Крижанич Юрий (ок. 1618–1683) — филолог-славист, политический мыслитель, литератор, агент Ватикана, панславист. Автор концепции славянства и общеславянского языка. Странник объединения славянского мира при ведущей роли русского царя. Работы: «Объяснение сводное о письме славянском» (1660–1661) и «Грамматично изказание об русском языке» (1666), «Политика».

Кромер Мартин (1512–1589) — польский историк, епископ, автор одной из первых научно обоснованных версий истории славянства. Среди работ выделяется «О происхождении и деяниях поляков». Странник славянской прародины на территории Руси на основе роксоланской гипотезы М. Меховского. К. решительно высказался «против спекулятивных попыток связать происхождение славян с тем или иным библейским персонажем».

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — историк, лингвист, славист, философ, автор теории «Среднего мира» Северной Евразии как особого исторического и цивилизационного ареала народов Восточной Европы. Наравне со славянами включал в него также другие народы (кроме Центральной Азии): финно-угров, румын, православных греков. Теория Л. изложена в работах: «Три мира Азийско-Европейского материка», «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Наряду с Н. Я. Данилевским Л. — крупнейшая фигура славянофильской цивилизационной теории XIX века. В отличие от Данилевского хорошо владел материалами славистики и контактировал со славянскими интеллектуалами других народов. Характерна доброжелательная позиция по отношению к византизму с позиции славизма. Вместе с тем его можно скорее отнести к славянофилам, чем к византистам.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, псевдоним Николай Ленин (1870–1924) — политический деятель, мыслитель, идеолог и стратег большевизма, лидер РСФСР и мирового коммунистического движения, один из проектиров-

щиков и создателей социалистической формы цивилизации в СССР. При решающем вкладе Л. коммунистам России и ряда стран удалось создать идеологическую версию марксизма — ленинизм и большевизм, приспособленную к задачам строительства реальной социалистической цивилизации, в том числе и в ВЕ и России. Важнейшим практическим достижением Л. является создание идеократического социалистического государства на основе диктатуры компартии (РКП(б)) и системы власти Советов. Наибольшее значение Л. придавал созданию коллективного субъекта строительства социализма и коммунизма — компартии и её опоры, а также управляемой ею политической системы Советов, которые и построят социализм в отдельной России или группе стран. Контуры социализма намечены им лишь в общих чертах или фрагментами. Л. исходил из возможности социализма в отдельной стране с многоукладной экономикой и влиятельными элементами старой культуры с помощью индустриализации, коллективизации крестьянства и культурной революции. Значительные работы: «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», «Империализм как высшая стадия развития капитализма. Популярный очерк», «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», «О кооперации», «Странички из дневника», «Лучше меньше да лучше», «О нашей революции» и др.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — русский философ, писатель и публицист, автор доктрины русского византизма как основы для консервативного мировоззрения, противостоящей западничеству и славянофильству. Цивилизацию православных народов Восточной Европы он считал прямой наследницей византийского государственного и церковного устройства. Отрицал цивилизационное значение славянской этничности помимо византизма. Критик славянофильства. Считал Запад цивилизацией, вступившей на путь разложения и деградации. Основная работа: «Византизм и славянство».

Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) — русский и французский философ и богослов, один из крупнейших представителей религиозно-философского неопатристического синтеза как современного варианта православного богословия (в широком смысле, так как он не был идеологом этого течения, в отличие от о. Г. Флоровского) на основе традиции патристики, исихазма и апофатической теологии. Участник критического пересмотра идей русского религиозно-философского возрождения, критики софиологии. Рядом современных философов (С. С. Хоружий и др.) рассматривался как магистральный вариант (один из вариантов) русской цивилизационной православной философии как духовной практики. Работы: «Спор о Софии», «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие» и др.

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — русский религиозный философ-персоналист Серебряного века. Автор монадологической доктрины устройства «Мира как органического целого» (в одноимённой работе) как

иерархического персонализма, альтернативы современным западным мировоззрениям. Мир состоит из субстанциальных деятелей — личностей и личностноподобных единиц, связанных друг с другом, развивающихся и соподчинённых. В теории познания разрабатывал концепцию интуитивизма как отражающего монадологическое мироустройство, в котором все предметы актуально даны другим, присутствуют в их сознании («Обоснование интуитивизма»), в этике — концепцию свободы воли («Свобода воли»). Разрабатывал теорию перерождения — перевоплощения «душ» — всех вечных духовных единиц мира, которая соответствовала монадологии персонализма — вечности и свободе всех единиц мира («Учение о перевоплощении. Интуитивизм»). Один из крупных представителей русской и славянской цивилизационной философии. Автор концепции психологии русского народа на основе анализа конфигурации воли.

Маккиндер Хелфорд Джон (1861–1947) — географ, геополитик, дипломат, автор концепции «географической оси истории» (в одноимённой работе, 1904) — осевой зоны мира, или осевой зоны мировой истории, которая в большей части совпадает с территорией цивилизации Восточной Европы, относящихся к ней народов и государств. Концепт осевой зоны выходит за рамки узкогеографических представлений и является подвижным геополитико-историософским понятием, сложившимся вокруг слов «ось» и «сердце». Большая часть «осевой зоны» входит в состав России, особенно Российской империи и СССР. Территориальные границы осевой зоны менялись М. в различные периоды его творчества. Первоначально она не включала большую часть Восточной Европы, а только её восток — Россию. Но в работе «Демократические идеалы и реальность» (1919) он включил в неё всю Центральную и Восточную Европу с некоторыми территориями западных государств. Изменился и термин осевой зоны на «Сердцевина Земли» («Хартлэнд»). В 1943 году Восточная Сибирь исключена им из осевой зоны. М. связал осевую зону с отрицательной изотермой января, которая во многом совпадает с зоной ВЭЦ в Европе, это также сближает его теорию с теорией ВЭЦ.

Малевич Казимир Северинович (1879–1935) — русский и советский художник польского происхождения, мыслитель, теоретик искусства авангарда, основатель супрематизма как особой экспериментальной практики моделирования пространства, творения из разрозненных элементов и цвета. Подходы и работы М. отражали в основном идею западной глобальной цивилизации в критическом видении. Многие из его работ носят характер манифестов, в частности «От кубизма и футуризма к супрематизму».

Массарик Томаш Гарриг (1850–1937) — чешский политик, политический философ, социолог, либерально-западнический идеолог славянства и ВЕ в период обретения независимости западнославянскими народами; создатель, идеолог чехословакизма и первый президент Чехословакии. Ставленник глобалистских кругов США. Произвёл критическую переоценку цивилизационного наследия России, в том числе славянофильского панславизма (в работе «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России», т. 1–3). Предложил вариант развития национальных славянских государств и народов в рам-

ках глобального либерального атлантического проекта под контролем США и Великобритании вне доминирования России и Германии. Выступал против русского царизма, большевизма, австрославизма. Активно взаимодействовал с российскими западническими деятелями, создатель Чехословацкого корпуса в России из военнопленных. Концепция М. в целом осуществлена в современном устройстве ВЕ за пределами Русского мира.

Мефодий, святой (815–885) — миссионер и богослов, создатель славянской письменности и церковнославянского богослужебного языка, переводчик Св. Писания и Номоканона, создатель кирилло-мефодиевского цивилизационного проекта, его лидер после смерти св. Кирилла, учитель моравских клириков. Архиепископ Моравский. До этого — военный начальник и администратор. Один из **Седмочисленников**.

Меховский Мачей (Матвей) (1457–1523) — польский историк, врач, географ, идеолог сарматизма (сарматского происхождения польской знати), представлений о московитах отдельно от русских. Автор «Трактата о двух Сарматиях», где ввёл различие двух частей востока ВЕ по границе р. Дон. Конкретизировал представления о ВЕ, её границах и народах для европейского образованного класса.

Мирабо Виктор Рекети (Старший) (1715–1789) — французский философ и экономист, ввёл понятие цивилизации как развитого типа общества, противоположного естественному состоянию. Тем самым термин «цивилизация» переведён из сферы права, в которой он обозначал перевод уголовного права в гражданское, связанное со статусом гражданина. Цивилизация, согласно М., содержит не только положительные, но и отрицательные черты в результате утраты естественности.

Муха Альфонс (1860–1939) — чешский художник-модернист, дизайнер, один из создателей стиля ар-нуво. Написал «Славянскую эпопею» — цикл больших картин об истории славянских народов и чехов, являющейся иллюстрацией славянской цивилизации и панславизма в живописи.

Нестор Летописец, святой (1056–1114) — русский монах, хронист и агиограф, автор Повести временных лет, первой истории России, содержащей этногенетические мифы славян и народов ВЕ.

Нидерле Любор (1865–1944) — чешский историк, археолог, этнограф, автор научной концепции древнего периода славянской истории на основе локализации славянской прародины между Днестром и Эльбой, которая в настоящее время является базовой. Работы: «Славянские древности» (т. 1–3), «Человечество в доисторические времена».

Орбини (Орбинич) Мавро (1563–1614) — далматинский священник, автор концепции единой истории славян, изложенной в книге «Славянское царство», написанной на основе многочисленных источников. О. относил к славянам и ряд неславянских народов. Прародиной славян О. считал Скандинавию, что сближает его взгляды с **гиперборейством**. О. считал славян ведущей силой истории Европы.

Палацкий Франтишек (1798–1876) — чешский национальный общественный деятель, историк Чехии, мыслитель, идеолог австрославизма, участник

международного движения славянской взаимности — представитель умеренного крыла.

Панарин Александр Сергеевич (1940–2003) — русский и советский философ, политолог, публицист, развил идеи российской и православной цивилизации. Работы: «Православная цивилизация в глобальном мире», «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)», «Глобальное политическое прогнозирование».

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — русский историк, писатель, издатель («Москвитянин»), деятель официальной народности, славянофильства и панславизма.

Прибоевич Винко (? — после 1532) — далматинский писатель и историк, идеолог славянства и иллиризма. Автор речи «О происхождении и успехах славян» (1525).

Прохор Сарский (? — после 1492) — русский епископ, предполагаемый автор «Пасхалии» 1492 года митрополита Зосимы в преддверии 7000-летия мира (с ним были сопряжены драматические ожидания кончины мира), в которой содержалась первая формулировка доктрины «Москва — Третий Рим», затем развитая **Филофеем Псковским**. Доктрина отодвигала кончину мира и создавала осевое понимание эсхатологии.

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — филолог-славист, литературовед, этнограф. Представитель либерального западнического панславизма. Работы: «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878), «Обзор славянских литератур» (1865), «История славянских литератур» (1881), «История русской этнографии» и др.

Ренувье Шарль (1815–1903) — французский философ-персоналист, автор одной из первых концепции цивилизаций как исторических и культурных типов, а также терминов «локальная цивилизация» (в ранней работе «Руководство к древней и философии», 1844) и «персонализм». Работы: «Новая монадология», «Персонализм». Р. рассматривал цивилизации как монады.

Савицкий Павел Николаевич (1895–1968) — русский географ и историк, идеолог евразийства, придавший ему специфический туранский оттенок. Работы: «Поворот к Востоку», «Евразийство как исторический замысел», «Евразийская концепция русской истории» и др.

Седов Валентин Васильевич (1924–2004) — историк, археолог, автор концепций славянского, балтского и русского этногенеза. Автор работ: «Славяне в древности», «Древнерусская народность» (базовая теория происхождения древнерусской народности на основе массива Левобережья Днепра) и др.

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский философ-мистик, поэт, публицист, автор доктрин всеединства и софиологии, единой историософии цивилизаций. Пытался создать новый религиозный синтез гностицизма и неоплатонизма с православием и католичеством как основу для развития цивилизаций России и Запада. Повлиял на ряд русских религиозных философов Серебряного века, ряд из которых отказались от его идей. В вопросе о цивилизационной принадлежности России и Восточной Европы придержи-

живался своеобразной западнической позиции. Оппонент неославянофилов и этнической теории цивилизаций.

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский социолог, теоретик социологии и цивилизаций, критик цивилизационной теории культурных типов.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) — политический деятель, лидер СССР и мирового коммунистического движения, практический политический мыслитель, автор ряда работ по проблемам строительства социализма и идеологии марксизма. Ключевая фигура в построении реального социализма как формы цивилизации. Стронник национальной версии социализма и большевизма (сталинизм) и панславизма. Организационное и идейное влияние С. было решающим в переходе советского государства к системным изменениям по строительству нового социалистического общества во второй половине 1920-х гг., выражавшегося в строительстве нового промышленного уклада, перетоком населения и ресурсов в него и демонтажом традиционной аграрной цивилизации России, зашедшей в социально-демографический тупик. Фактически С. в 1920–1930-е гг. также создал новый состав большевистской элиты, отличавшийся народным происхождением и более приспособленный для строительства социализма с национальными и традиционными чертами. Под руководством С. в СССР, а также в странах Восточной Европы создана новая, социалистическая цивилизация и сформирована мировая система социализма после победы в ВОВ и Второй мировой войне. Перенос реальной (не только теоретической) социалистической формы цивилизации в другие страны ВЕ, а также в Китай и Корею, превращение её в глобальную — в значительной степени заслуга С. С этой целью С. запустил неопанславистский проект на основе смягчённой и адаптированной, помимо СССР, к другим странам ВЕ коммунистической идеологии. Кроме того, С. также выступил теоретиком национального вопроса и нации в РСДРП(б), предлагая более централизованный вариант национально-государственного устройства, чем другие лидеры большевиков. Работы: «К вопросам ленинизма» (1926), «Об основах ленинизма» (1924), «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), «Марксизм и национальный вопрос» (1913) и др.

Стерлигов Владимир Васильевич (1904–1973) — художник-авангардист, ученик К. Малевича, сформулировавший в своих работах концепцию чашнокупольного пространства русской православной цивилизации, наиболее соответствующей осевому пониманию пространства как подвижной оси.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — русский философ, литературный критик, публицист неославянофильского и русско-почвеннического направлений. Способствовал формированию представлений о цивилизации России как в особом русском варианте («Роковой вопрос», 1863), русского почвенничества (поляризация и интерпретация творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого), так и неославянофильства (популяризация идей Н. Я. Данилевского). Интерпретировал русскую литературу и культуру в антизападном славянофильском духе («Борьба с Западом» в нашей литерату-

ре: исторические и критические очерки»). Основная философская работа: «Мир как целое: черты из науки о природе».

Суханов Арсений (1600–1668) — иеромонах, учёный-книжник, путешественник, знаток греческого Востока, собиравший греческие источники для Книжной Справы. Церковный деятель и администратор. Автор сочинения в пользу самостоятельности русской и славянской православной богословской книжной традиции по отношению к современной греческой. Работы: «Прения с греками о вере».

Тойнби Арнольд Джозеф (1889–1975) — английский историк, историософ, автор собственной теории цивилизаций и концепции мировой истории как развития цивилизаций. Благодаря влиянию Т. теория отдельных цивилизаций (цивилизационный подход) стала общепризнанным фактом западной и мировой науки. На основе смешанного религиозно-территориального и организационно-морфологического критериев (структурный подход) в своей классификации выделял 21 развившуюся цивилизацию. Преобладающим фактором идентификации цивилизации у Т. всё же выступают религии, что в дальнейшем стало мейнстримом в цивилизационном подходе, вопреки предшествующим этническим теориям, и привело ко многим ошибочным выводам. Но фактически Т. соединил религиозный и этнический подходы. Заслуга Т. в том, что он обобщил созданные к середине 1930-х гг. цивилизационные подходы в единую приемлемую для западной науки теорию, которая позволила признать множественность и несводимость цивилизаций друг к другу и дистанцироваться от западнцентрического подхода, и практически реализовал его в изложении истории человечества как истории цивилизаций. В частности, Т. выделял мировую православную византийскую цивилизацию, а также русскую православную цивилизацию как её особую разновидность, включая в неё и социализм СССР. Данный вывод Т. послужил основанием для подкрепления аргументации ошибочного византизма в подходе к русской и славянской цивилизации. Главный труд: «Постижение истории» (1934–1961).

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — российский и советский политический деятель, идеолог большевизма, основатель троцкизма как международного направления радикального марксизма и коммунизма («Четвёртый Интернационал»), один из создателей советского государства и социалистической цивилизации в СССР. Пытался, наряду с В. И. Лениным и И. О. Сталиным, создать свою альтернативную им версию большевизма, построенную на леворадикальном глобализме и перманентной революции как непрерывном процессе преобразований мира, вопреки отдельным цивилизациям и по их разрушению, включая и цивилизацию России. Подверг критике советский социализм 1930-х гг., однако не считал его несоциалистическим обществом. Работы: «Наша революция», «Новый курс», «История русской революции», «Преданная революция: что такое СССР и куда он идёт?».

Трубачёв Олег Николаевич (1930–2002) — лингвист-славист, исследователь славянских языков и праславянского языка, автор исследований и теорий

праславянской языковой общности с первичной локализацией на Дунае, индоиранской общности в Причерноморье как части балтославянского этногенеза. Теории в целом не подтвердились, но внесли значительный вклад в научную базу славянской восточноевропейской цивилизации. Главным вкладом Т. является создание собрания славянских этимологий. Большое значение для исследования темы ЦВЕ имеет его работа «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования».

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — лингвист-структуралист, философ, историк, идеолог евразийства. Способствовал интерпретации евразийства и цивилизации России в духе сочетания туранизма и славизма при лидерстве первого в работах: «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», «Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры)». Попыткам создания Т. концепции русского евразийского турано-славянского культурного и социального поля способствовал структуралистский подход. Вероятно, Т. понимал евразийскую цивилизацию в какой-то мере как новую господствующую семантическую структуру, сменявшую славяно-кириллически-византийскую платформу Старой России. Т. признавал и важность славянского языкового компонента российской евразийской культуры («Общеславянский элемент в русской культуре»); правда, считая русский язык лишь единственным славянским компонентом в русской культуре. В работе «Об истинном и ложном национализме» в ключевом сборнике евразийцев «Исход к Востоку» выступил против славянофильства. Основные труды: «Европа и человечество», «Основы фонологии».

Уилкинсон Дэвид Ормонд (р. 1939) — политолог, философ. Сторонник мир-системного подхода к цивилизациям. Автор работы «Срединная цивилизация». См.: <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/civ/wilkinsn.htm#table1>. Согласно У., все цивилизации постепенно включаются в срединную (западно-ближневосточную) цивилизацию, имеющую корни на Ближнем Востоке, но постепенно охватившую большую часть Евразии (за исключением Восточной Азии) и мира.

Филофей Псковский (1465–1542) — монах, публицист, автор подробного изложения доктрины «Москва — Третий Рим» в своих Посланиях дьяку Мисюрю-Мунехину и Василию III. Взгляды Ф. собственно являются доктриной Третьего Рима в узком смысле этого понятия. Ф. отождествил Великое княжество Московское с Римейским царством, а также связал конец истории с продолжительностью его существования.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1969) — русский богослов, философ, священник, историк русской мысли, историк Церкви, идеолог **неопатристического синтеза** — современного варианта православного богословия, евразиец. Рядом современных философов (С. С. Хоружий и др.) рассматривался как магистральный вариант (один из вариантов) русской цивилизационной православной философии как духовной практики. Сторонник и крупная фигура неовизантизма. Критик софиологии и русского религиозно-философского возрождения. Работы: «Пути русского богословия», «Восточные отцы IV века», «Византийские отцы V–VIII веков» и др.

- Хантингтон Самуэль (1927–2008)** — американский политолог, социолог, историк, философ. Работа Х. «Столкновение цивилизаций» (1992) содержит современное видение мировой истории как борьбы цивилизаций. Представляет собой развитие идей **Тойнби**, **Шпенглера**, Конечного. Данная работа, являясь по сути ликбезом для западного политического класса по цивилизационной теории, привлекла огромное внимание к полицентричному видению мира. Теория цивилизаций Х. основывается на одностороннем культурно-религиозном подходе. Вследствие этого содержит ряд серьёзных ошибок при определении границ цивилизаций. В частности, Х. делит ВЕ на две части — западную и православную цивилизации, в том числе отдельные государства, например выделяя Западную Украину и Западную Белоруссию, вопреки фактам конфессиональной принадлежности к православию. Работы: «Политический порядок в меняющихся обществах», «Кризис демократии» и др.
- Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922)** — поэт-футурист, автор концепции славянского языка будущего на основе общеславянской архаики, альтернативного современному искусственному русскому языку Санкт-Петербурга и Москвы, который он пытался создать в ранних поэтических циклах. Х. рассматривал его как магический сверхрациональный язык будущего (заумный язык, звёздный язык), преодолевающий ограниченность современной буржуазной цивилизации. Основатель русского футуризма. Автор нового мироустройства во главе с «председателями земного шара». Работы: «Путь к мировому заумному языку» («Свояси»), «Учитель и учение», «Доски судьбы».
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860)** — философ, поэт, публицист, лидер кружка ранних славянофилов, автор теории славянофильства как православной славянской цивилизации, один из основоположников русской философской мысли. Основные идеи своей философии истории изложил в незаконченной работе «Очерки о всемирной истории», известной также под названием «Семирамида» (издана под ред. А. Ф. Гильфердинга). Духовный смысл всемирной истории видел как борьбу двух духовных начал: иранства и кушитства у разных народов, которые становились преобладающими носителями того или другого начала, несмотря на их происхождение. Автор понятия соборности — системообразующего для славянской личности и общества.
- Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856)** — философ, публицист, автор проблематизирующей концепции русской истории как внеисторической. Ч. заложил основу вневременной дискуссии об особой цивилизации России. Будучи западником, Ч. поставил ряд проблем русской истории, которые имеют значение для других платформ понимания цивилизации.
- Чеснокова Валентина Фёдоровна (псевдоним Ксения Касьянова) (1934–2010)** — социолог, автор теории русского национального характера на основе диффузного общения (и малых групп диффузного общения), обоснованной на базе собственного эмпирического и сравнительного (с западными данными) исследования в работе «О русском национальном характере» (1994). Ч. использовала ряд других свойств характера, имеющих подтверждение

в русской и славянской антропологии и культуре: высокий уровень само-репрессии (сверх-я) и моральной требовательности к себе и другим, эпилептоидность. Модель личности Ч. может служить основой для славянской и восточноевропейской личности, шире осевой личности как цивилизационного типа человека и общества.

Шафарик Павел Йозеф (1795–1861) — словацкий филолог, историк-славист, участник панславистского движения. Автор «Славянских древностей» и «Славянской этнографии» («Славянское народописание»), «Истории славянских литератур». Создатель научной исторической и этнологической концепции славянства. Стронник карпато-балтийской прародины славян и их европейской автохтонности.

Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ, историк, публицист, автор оригинальной историософии «морфологии мировой истории» — цивилизационной теории на основе форм культурных типов, изложенной в работе «Закат Европы». То, что мы понимаем под цивилизациями, Ш. понимал как культуры, в основе которых лежит единая душа. Особое значение имеет прасимвол культуры, который передаёт суть её формы. Цивилизацию же Ш. считал четвёртой стадией развития культуры, на которой наступает её кризис и упрощение. Важным является введённое Ш. понятие псевдоморфоз чужих для культуры заимствованных форм. Ш. завершил реалистический переворот в понимании истории в западной мысли: от единой культуры и цивилизации мира — к многим. Однако взгляды Ш. на реальные цивилизации носили во многом умозрительный субъективный характер и противоречили фактам. Возможно, это связано с тем, что Ш. заложил основу культуроцентрической (религиоцентрической) теории цивилизаций, развитой позднее А. Тойнби, С. Хантингтоном и др.), которая неизбежно ведёт к таким ошибкам. Россию Ш., как ряд стран ВЕ, относил к магической — византийской и арабской культуре, однако считал, что она имеет собственную пробуждающуюся великую культуру — русско-сибирскую, которую можно рассматривать по аналогии с восточноевропейской или русско-евразийской (Россия — Азия). Возможно влияние на Ш. теории Н. Я. Данилевского; хотя, несмотря на некоторое сходство по ряду тезисов (культурные типы, психологизм — «душа», органический циклизм развития культур, оценка фазы цивилизации в цикле как «надлома»), в целом теория Данилевского скорее относится к социально-антропологической и персоналистской теории цивилизаций, чем к культурной. Отсюда ставка Данилевского на этнические семьи — славянство, а не на «формы» культуры. Работы: «Закат Европы», «Пруссачество и социализм», «Годы решений: Германия и всемирно-историческое развитие».

Штур Людевит Велислав (1815–1856) — словацкий поэт, публицист, политический и общественный деятель, филолог-кодификатор словацкого литературного языка, участник панславистского движения. Стронник радикальной версии панславизма — объединения славян во главе с Россией. Автор трактата «Славянство и мир будущего. Послание к славянам с берегов Дуная».

- Эйзенштадт (Айзенштадт) Шмуэль Ной (1923–2010)** — социолог, автор работ в области сравнительного исследования цивилизаций, модернизации структуры традиционных обществ по собственному пути, вводя модернизацию в полицивилизационный контекст. Автор концепта общей «современной цивилизации» (фактически западной). Выделил осевые цивилизации, восходящие к осевому времени как источнику развития и модернизации цивилизаций, тем самым вводя осевое время в эмпирические цивилизационные исследования. Одной из важнейших идей Э. является продолжение осевого времени в исторических процессах современных цивилизаций — «прорывы **осевого времени**». Трактовка осевого времени, по Э., приближается к трактовке динамичных западных обществ с высоким уровнем рациональности, равенства, прогресса, развития личности, динамичности и революционности, противостоящих традиционным обществам. Позиция Э. существенно отличается от трактовки **осевого времени**, человека и общества в данной монографии как прежде всего их нового традиционного типа. Работы: «Великие революции и цивилизации современности», «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций», «Европейская цивилизация в сравнительной перспективе». Составитель и основной автор сборника «Происхождение и разнообразие цивилизаций осевого времени».
- Элиас Норберт (1897–1990)** — немецкий и британский социолог, автор психологической теории цивилизаций, с позиции которой он трактовал возникновение западной цивилизации («О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования», 1939). Процесс цивилизации постулируется как изменение фигураций — внешних и внутренних культурных форм поведения, которое сопровождается ростом самоконтроля.
- Ясперс Карл (1883–1969)** — немецкий философ, психолог, психиатр, один из крупнейших мыслителей-экзистенциалистов, автор философии истории, основывающейся на понятии **осевого времени**, а также понятия кодового письма, которое может служить методологической основой для цивилизационных кодов. Работы: «Смысл и назначение истории», «Философия» (кн. 1–3), «Философская вера», «Экзистенциальная философия» и др.

Краткий словарь терминов

- Австрославизм** — политическое движение и идеология развития славянских народов в рамках Австро-Венгерской империи как третьего субъекта этого государства после немецкого и венгерского государств. Для А. характерна концепция национально-культурной автономии и самоуправления славянских народов в А.-В. империи (О. Бауэр, В. Адлер). Введена в 1846 г. К. Г. Боровским как альтернатива панславизму. Представители: Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Миклошич и др.
- Артель** — традиционная форма *коллектива трудового*, построенная на участии всех его членов в управлении (принятии решений).
- Базовый индоевропейский (раннеиндоевропейский) тип личности** — тип личности, характерный для ранних индоевропейцев на прародине в регионе Дон–Волга–Урал, носителей культур, предшествующих *ямным* (хвалынская, самарская), или раннеямных, культур *шнуровой керамики*. Отличался сбалансированностью черт: выраженной индивидуальностью, умеренным коллективизмом, возникновением неравенства при умеренном равенстве членов общества, умеренным развитием рациональности, динамизмом.
- Балтославянская проблема** — проблема определения момента и форм размежевания славянских и балтских диалектов из единого праязыка (или его отсутствия). Решение б. п. влияет на понимание ранних форм ЦВЕ — культур *шнуровой керамики* и последующих форм.
- Большевизм (советский коммунизм)** — политическое, партийное и идеологическое направление коммунизма и радикального марксизма, возникшее в России в социал-демократической и марксистской среде в начале XX в. и возглавлявшее Советскую Россию и СССР в 1917–1991 гг. Коллективный субъект реального социализма как формы ЦВЕ. Распространился за пределы СССР через коммунистическое движение, однако по мере изменений превратился в другие явления. Б. имел цивилизационные, культурные, политические особенности по отношению к коммунистическим партиям и идеологиям других направлений. Часть из них вызвана цивилизацией России. Официально назывался в СССР марксизмом-ленинизмом. Особой национально ориентированной формой б. стал сталинизм. Крупнейшие деятели: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий и др. В XXI в. б. в значительной мере утратил влияние.
- Бореальный человек (массив, язык) в палеолите** — первоначальный тип человека разумного, сложившийся в Северной Евразии и отчасти Северной Америке (мигрировавший из Евразии) в период оледенения. Его черты передались населению Северной Евразии в период мезолита и неолита. Выступил предшественником этногенеза ряда языковых семей народов.
- Варшавский блок (Варшавский договор)** — военно-политический союз ряда социалистических государств ВЕ во главе с СССР в 1955–1991 гг. В. д. (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи) заключён 14 мая

1955 между СССР, НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР, СРР, НСРА (до 1961 г.). Югославия в В. б. (В. д.) не входила. В. б. более 10 лет предшествовал военный союз государств ВЕ, освобождённых от германского нацизма. Управление В. б. осуществлялось через Организацию Варшавского договора (ОВД), включавшую в себя Объединённое командование вооружёнными силами и Политический консультативный комитет. Представлял собой геополитическое выражение социалистической формы цивилизации ВЕ. В. б. установил биполярное геополитическое мироустройство между капиталистическим Западом и мировым социалистическим блоком (мировая система социализма), который сложился вокруг него. Фактически биполярное мироустройство просуществовало более 45 лет (1945–1991).

Византизм — мировоззренческая платформа в России и некоторых странах ВЕ, возводящая важнейшие черты цивилизации к заимствованиям из Византии — *византийской цивилизации*. Формы и носители в.: доктрина «*Москва — Третий Рим*» (Филофей Псковский и др.), никонианство и идеология Книжной Справы, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, неовизантизм К. Н. Леонтьева, неовизантизм XX в. эмиграции (*Флоровский*), советский гуманитарно-культурный и постсоветский византизм, учение о *православной цивилизации*, эллинизм (языческое наследие античности в византийском наследстве).

Византийская цивилизация — развитая разновидность западной цивилизации, возникшая в Восточной Римской империи на основе наследия античной Греции, Рима, восточного христианства, эллинистической цивилизации Ближнего Востока. Наряду с Грецией и Малой Азией охватывала часть регионов Восточной Европы, включённых в состав Византии (часть Тавриды, Балканский полуостров, Фракию). Этнической основой в. ц. выступал греческий (древнегреческий, эллинистический) мир — древнегреческие народности и этнически родственные древним грекам народности палеобалканской группы на Балканах и Малой Азии; имевший признаки единой нации раннего типа (подобной древнеримской нации в Западной Римской империи). Особенностью в. ц. выступала государственная роль и всеобщность православия, влияние ближневосточных традиций и особенностей палеобалканской группы. Время существования: IV–XV вв. н. э.

Взаимности славянской принцип — идея взаимного обмена и взаимопомощи славян, *панславизм* в умеренной степени и в мягких формах. Проявление славянской цивилизации в культурном и политическом самосознании в ослабленной видоизменённой форме. Вместе с тем в. с. п. не означает признания особой славянской цивилизации, отличной от европейской или Запада.

Войны цивилизационные — войны, которые ведут государства одних цивилизаций против других с целью их поглощения и ликвидации как цивилизационных центров, полной или частичной. Крайняя форма столкновения цивилизаций. Типичными в. ц. являются войны государств *Запада* против государств, народов ВЕ. Примеры: войны германских государств Дранг нах Остен в IX–XVI вв., Северная война Швеции против России, нашествие

Наполеона в России в 1812 г. Первая мировая война Германии и Австро-Венгрии против Сербии и Российской империи. Вторая мировая война приобрела характер в. ц. нацистской Германии и ряда фашистских государств Оси (Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия) против славянских государств ВЕ: Чехословакии, Польши, Югославии, СССР; агрессия Запада против России на Украине (2014–2024). Антиславянская идеология открыто провозглашалась Гитлером и другими вождями фашистских государств. Участниками в. ц. могут быть представители обеих или нескольких цивилизаций на разной стороне. Так, Польша часто выступала против России на стороне Запада. Были и в. ц., в которых государства и народы ВЕ изначально выступали против *Запада* в качестве наступательной силы: войны славян против Византии в VI–X вв. Часто в. ц. имеют религиозные мотивы: агрессия католичества против православия и ислама (крестовые походы). В. ц. велись против ВЕ и азиатскими государствами: например, нашествие Батя и войны Золотой Орды против Руси (хотя евразийцы не считают их цивилизационными), экспансия Османской империи и её сателлитов (Крымское ханство) в ВЕ в XIV–XIX вв.

Волевой переход общества (V-переход) — переход общества в состояние, когда его стратегическое развитие и культурные формы цивилизации преимущественно определяются волей людей (верхних слоёв), а не объективными факторами и не внешним управлением.

Восточная Европа — 1) в географическом смысле — регион мира, между Центральной, Южной, Северной Европой и Азией; 2) в цивилизационном смысле — регион мира, включающий в себя страны и народы, преимущественно относящиеся к цивилизации Восточной Европы, например всю территорию России.

Восточноевропейский расовый (антропологический) тип (антропологическая зона) — малая раса и территориальная зона её распространения, включающая ряд территориальных антропологических комплексов в ВЕ. Является местным вариантом нордической расы. Характерна для основных групп восточных славян и соседних народов. Имеет похожие варианты у западных славян, балтов, восточных немцев, некоторых групп южных славян. Понятие восточноевропейский тип ввёл В. В. Бунак на основе данных антропологических экспедиций. О восточноевропейском расовом типе писали различные и зарубежные авторы: Т. И. Алексеева, В. П. Алексеев, Н. Н. Чебоксаров, В. Е. Дерябин, К. Кун, И. Деникер и др. В.-е. р. (а.) т. представляет собой физико-антропологический субстрат человеческого типа восточноевропейской цивилизации.

Восточной Европы цивилизация (ВЕЦ), или цивилизация Восточной Европы (ВЕЦ) — одна из четырёх крупных индоевропейских по происхождению и преобладающей этнической основе цивилизаций, имеющих общий доминирующий тип человека и общества. К ней относятся представители как славянских, так и других языковых групп. Включает государства остальной ВЕ и Россию. Дискуссионно, у некоторых авторов — в Северной и Южной Европе — Финляндию и Грецию.

Выбор цивилизационный — индивидуальное или коллективное решение о принятии и отвержении тех или иных форм цивилизаций, которое ведёт к формированию определённой цивилизации. Может быть как позитивным, так и негативным, ведущим к деструкции оригинальной цивилизации. В. ц. показывает творческую, волевую природу цивилизаций. В. ц., в случае волевого перехода общества, становится постоянной нормой его развития как целого. В прошлом в. ц. были сравнительно редкими и определяли жизнь народов на десятилетия и столетия. Однако фактически люди, тем более крупные социальные институты и их лидеры, вынуждены в повседневной жизни периодически делать в. ц. В XX–XXI вв. из-за духовной и политической ситуации перемен люди были поставлены перед непрерывной чередой выборов цивилизационных. В качестве примера в. ц. называют принятие христианства (Крещение Руси св. князем Владимиром и решения правителей других народов об их крещении), начало кирилло-мефодиевской миссии *Солунскими братьями*. К числу в. ц. принадлежат решения: Петра I о западной модернизации Русского царства, строительстве Санкт-Петербурга; ЦК РСДРП(б) летом-осенью 1917 г. об Октябрьской революции и свержении Временного правительства; И. В. Сталина и руководства ВКП(б) об ускоренном построении социализма в СССР в 1924–1925 гг.; Б. Н. Ельцина о ликвидации СССР после августовского переворота 1991 г.

Гаплогруппы маркер (значение для изучения цивилизаций) — метод исследования наследственных линий родства в больших популяциях, состоящий в определении у индивида наличия мутаций фрагмента генома, передающихся по наследству у представителей различных народов. Предполагается, что мутация — появление г. — произошла у прародителя (прародительницы) линии родства. Различаются г. м., передающиеся по мужской (Y-хромосомы, Y-ДНК) и по женской линии (МТ-ДНК), которые также тестируются у мужчин. Имеет большое значение для гуманитарных наук в сфере исследования этнических линий родства, происхождения народов и их субэтнических групп и популяций. Г. м. в целом показали высокую однородность происхождения народов от одного или 2–3 родов, вопреки стереотипу «всеобщего смешения», и подтвердили этническую теорию цивилизаций как крупных ветвей человеческого рода (цивилизации как развитые этнические типы человека). При «всеобщем смешении» и отсутствии упорядоченных линий родства цивилизации как упорядоченные типы общества и человека были бы, скорее всего, невозможными. В цивилизационных исследованиях, в частности г. м., подтвердили раздельное развитие и проживание восточных европейцев (R1a1) и западных европейцев (R1b1) более 7–8 тыс. лет.

Геополитическая общность (геополитический центр) — государство или союз государств, их столица или крупные центры, которые образуют самостоятельный геополитический субъект. Как правило, по фактическому статусу и составу являются империей в широком смысле этого слова. Выражает политическую и военную и геоэкономическую культурную сторону цивилизаций — международно-политическое выражение цивилизаций. Часто включают носителей одной и той же цивилизации. Примеры г. о. (г. ц.):

НАТО, Евросоюз, Варшавский договор, Древнеримская империя, Византийская империя, Священная Римская империя.

Гиперборейство — платформа цивилизационной оптики в определении природы цивилизации ряда народов Европы как на Западе, так и в ВЕ, которая трактуется как северная по своему происхождению и направленности. Г. как часть мировоззрения встречается не только у «северных» народов (западные европейцы и восточные европейцы), но и у народов Юга (Индия — Б. Тилак). Ключевой идеей г. является гиперборейский миф — сказание о предполагаемой родине и працивилизации, находившейся в полярной зоне («Гиперборея» древнегреческого мира).

Гомо советикус (советский человек) — по *А. А. Зиновьеву*, специфический тип человека в советской русской социалистической форме цивилизации ВЕ. Отличался коллективизмом, коммунальностью, жёсткостью характера и выносливостью, мессианством, диалогичностью, патриотизмом, квазирелигиозным верующим атеизмом (бытовым «агностицизмом») и другими чертами.

Государство-цивилизация (страна-цивилизация) — государство и страна, которая по объёму понятия (культура, общественное устройство, тип человека) и составу общественных и этнических групп совпадает или почти совпадает с отдельной цивилизацией. В 2023 г. Россия официально признана в «Основах внешней политики РФ» «самобытным государством-цивилизацией». Обычно г.-ц. также называют Китай. Впервые в научной и политической литературе термин г.-ц. (Civilization-State) применён по отношению к растущему Китаю в начале 2000-х гг. (Жак, 2008). Вместе с тем государства включали в более широкие цивилизационные общности, например Россию в славянскую, православную, евразийскую цивилизации, а Китай — в буддистскую или восточноазиатскую. Обе страны были центрами мировой социалистической цивилизации (КНР им остаётся в известной мере). Государство по научно-философской этимологии и значению представляет собой более узкую общность, чем общество или страна. Государство в социальных науках представляет собой небольшую часть общества — аппарат власти и управления, основу его политической системы. Более научно обоснованным синонимичным понятием г.-ц. является «страна-цивилизация».

Г.-ц. не следует путать с *геополитической общностью и геополитическим центром* какой-либо особой цивилизации, в которой крупных общностей и центров в лице «цивилизационных государств» и империй может быть несколько или даже много (как в западной цивилизации). Эта путаница носит логический характер некорректной операции с объёмами понятий в историческом контексте: часто объём цивилизации значительно шире объёма государства. Так, нередко писали о древнегреческой, древнеримской, византийской, французской цивилизациях, цивилизации средневекового Запада, капиталистической цивилизации в смысле отдельных цивилизаций, хотя это исторические разновидности западной цивилизации или её общности и центры.

Как правило, государства, даже крупные империи, включают лишь часть стран и народов одной ветви и одного типа человека. Исходя из этого,

научная валидность термина «г.-ц.» (и «страны-цивилизации») под вопросом, как и сам факт существования объекта г.-ц. Скорее он выражает идеологический запрос элиты на глубинную обособленность и суверенитет, которые доводятся до цивилизационной исключительности. Термин «г.-ц.» требует дополнительного конкретно-научного и методологического обоснования.

Диффузного общения группа малая — устойчивая неформальная малая группа духовно, культурно и психологически совместимых людей, в которой основной деятельностью является межличностное общение по душам для воспроизводства социальных границ личности участников. Диффузное общение не является целерациональным, то есть не имеет внешней полезной цели. Характерна для русского общества. Д. о. г. м. — основа теории восточноевропейского типа личности и русского, и славянского характера («О русском национальном характере» *В. Ф. Чесноковой*).

Дранг нах Остен (Нагиска на Восток) доктрина и практика — историческая и этнополитическая концепция германских империалистических кругов, обосновывающая экспансию в виде цивилизационных войн германских государств против народов ВЕ. Оправдывалась необходимостью католической христианизации восточноевропейского населения. Для реализации Д. н. О. д. п. создавались специальные военно-религиозные организации — Тевтонский и Ливонский ордена. Оформилась в середине XIX в. Активно развивалась до разгрома нацистской Германии в 1945 г. До этого с VIII в. существовала практика и идеология завоевания и германизации славянских и балтских земель, ставшая ответом на экспансию славян.

Духовность — одно из свойств личности восточноевропейского типа, предполагающее верховенство духовных черт человека, общества, культуры над материальными, социобиологическими и социальными. Д. психологически и социально возможна лишь как функция свободной воли человека, позволяющей выходить за рамки влияния внешних сил по отношению к личности и воспринимать другие личности и социальные общности как духовные единицы, обладающие сверхматериальной связью друг с другом. Через волю дух выступает как возможность творения нового. Д. выступает основой сверхчеловеческих черт всех типов людей, которые отличают человека от психики всех социобиологических существ. Основой д. в ЦВЕ выступает христианская вера. Термин д. употребляют как в христианском, так и в гностическом смысле (как свойство духовных людей, «пневматиков»). Д. формирует своеобразный тип межличностного общения и первичной группы, который строится на процессе неутилитарного общения людей (см. *Диффузного общения группа малая*).

Евразийство — оригинальная идеологическая и мировоззренческая платформа России и ВЕ по определению цивилизации России и ВЕ, течение идеологии, которая предполагает наличие единого евразийского типа человека, общества и культуры, объединяющего тюркские, славянские, финно-угорские и другие народы Северной Евразии. Либо в компромиссном варианте е. постулирует наличие существенных общих свойств общества и личности

разных типов разных этнических семей и групп. Предпосылкой е. является представление о мнимом туранизме русской культуры, опирающееся на реальные влияния тюркской цивилизации в ВЕ, и наличие смешанных тюркско-славянских регионов. Е. возникло в 1920-е гг. в среде русских эмигрантов либерально-национальной ориентации, лояльно относящихся к СССР и переоценивающих мировоззренческий опыт Старой России на основе представлений о влиянии на её цивилизацию тюркских народов и государств. В дальнейшем е. получило развитие в позднесоветский и постсоветский периоды, став в сокращённом и умеренном варианте официальной идеологией Российской Федерации и Евразийского союза. Е. нуждается в существенном терминологическом и научном уточнении в направлении надцивилизационной платформы, объединяющей разные цивилизации Евразии.

Евразия — 1) в широком смысле, континент, объединяющий Европу и Азию, мировая суша, Старый Свет; в узком смысле, который, как правило, подразумевается под геополитическим и цивилизационным значением слова «Е.»; 2) Северная Евразия, лежащая к северу от евразийского пояса гор и пустынь. Северная Е. в значительной мере совпадает с границами исторической России и Русского мира и территориями, входящими в его зону влияния. Е. включает несколько разных цивилизаций, по мнению Л. Н. Гумилёва. Тем не менее Е. обладает общностью культурных черт, общей историей и геополитикой. Ключевой концепт *евразийства*.

Задруга — родовая большесемейная община у югославянских и западнославянских народов. Отличается от передельной соседской общины восточных славян большим значением семейно-родственных связей членов. В бывшей Югославии — форма коллективного социалистического сельхозпредприятия. Одна из форм цивилизационного коллективизма, использовавшаяся в качестве символа славянской цивилизации.

Запад (западная цивилизация) — одна из четырёх крупных индоевропейских цивилизаций (наряду с ЦВЕ, иранской и индийской), сложившаяся на основе западной ветви индоевропейских народов начиная с IV–III тыс. до н. э. Одна из крупнейших мировых цивилизаций, обладающая глобальным доминированием в экономике, культуре, геополитике, военной силе. Имеется богатая палитра национальных разновидностей и исторических форм З. Руководство З. осуществляет межнациональный синдикат олигархии, контролирующей транснациональные корпорации. С середины XX в. создано западное сверхобщество (термин *Зиновьева А. А.*), объединяющее верхние слои З., участвующие в управлении. *Геополитическими центрами* З. выступают США, Великобритания, Швейцария, ряд стран ЕС. В древности З. был представлен двумя крупными ветвями народов: *палеобалканской группой* (юго-западная) и кельто-итало-германской (западная, так называемая романо-германская). После падения развитой античной цивилизации З. в период Великого переселения народов главная роль в цивилизации З. перешла к германским народам, при сохранении роли кельтских (романских) народов. Сегодня главную этническую опору цивилизации З. составляют германские

народы англосаксы и немцы, однако глобальная олигархия пытается избавиться от их особой роли в системе глобального З., как и вообще от роли индоевропейских народов, заменив их сконструированным смешанным обществом из иерархизированных меньшинств разного цивилизационного происхождения. В этом смысле З. представляет собой глобальную цивилизацию как новое сверхобщество, доминирующее над другими цивилизациями.

Западнизм — (термин *Зиновьева А. А.*) идеология, считающая необходимым прозападный курс и внедрение в Запад России и стран ВЕ, построение цивилизации по западному образцу. Отличается от *западничества* целенаправленностью.

Западничество русское — 1) в широком смысле — мировоззренческая платформа русской мировоззренческой мысли, характеризующая цивилизацию России и ВЕ как часть Запада («Европы» в значении Запада); 2) в узком смысле — идейное течение в России 1830–1860 гг. Н. Я. Данилевский различал з. («европейничанье») доброкачественное (искренних патриотов России) и злокачественное (аналог современных «иноагентов» Запада). З. имеет преимущество перед другими платформами в том, что *Запад* представляет собой глобальную матрицу по типу сверхцивилизации, надстроенной над другими отдельными цивилизациями, из-под влияния которой сложно выйти.

Кириллическая письменность — письменность на основе кириллического алфавита, главная часть *кирилло-мефодиевской традиции*. К. п. приспособлена к языковым особенностям славянских народов, в отличие от письменности, на основе латинского алфавита. Используется также и неславянскими народами ВЕ и Евразии, вовлечёнными в цивилизационный ареал ЦВЕ и контактирующими со славянами. Создателем кириллицы предположительно является св. *Климент Охридский*, хотя в основу к. п. положены разработки *св. Кирилла (Константина Философа)* и *св. Мефодия*.

Кирилло-мефодиевская традиция, проект — 1) создание *седмочисленниками* во главе со *свв. Кириллом (Константином Философом)* и *Мефодием* славянского алфавита, письменного богослужебного языка и переводов богослужебных текстов, проповеди и внедрение славянской литургии; 2) создание и развитие славянской восточноевропейской и евразийской письменной и мировоззренческой культуры. Предположительное начало к.-м. т., п. 853 г. н. э. в монастыре у горы Малый Олимп, где св. Кирилл (Константин) и св. Мефодий разработали первый вариант славянского алфавита (глаголицу), который затем использовался в ходе миссионерской деятельности в славянских государствах. В дальнейшем была создана кириллическая письменность, предположительно *Климентом Охридским*. К.-м. т., п. развиваются и продолжают до сих пор и требуют дальнейшего развития по мере расширения влияния ЦВЕ и её сфер. Например, создание философской традиции на славянской языковой основе, не являющейся кальками с западных философских понятий. К.-м. т., п. имеют не только языковое и более широкое культурно-мировоззренческое религиозно-философское направление.

Ось мировая — 1) в данной работе духовное единство и динамическая устойчивость мировой истории, проявляющаяся через посредство отдельных осевых

обществ и их цивилизаций и символов, личности людей; 2) ось, связывающая небо и землю в рамках геоцентрической духовной и космологической традиции. Реальной о. м. в христианском понимании может выступать только прообраз Бога, действующий через людей, их личности, образы, архетипы, «коды», который придаёт им бытийность или субстанциальность в качестве личностных духовных единиц. Однако о. м. не совпадает с ними, как это постулируется в оптике всеединства (или монизма материи). Таким образом, цивилизация Оси — это цивилизация божественного Прообраза, строящаяся в ориентации на него. Осевые цивилизации и тип личности — цивилизации, сформировавшиеся в период осевого времени в результате внутренних и внешних процессов; носители осевых культур в различные периоды мировой истории.

Палеобалканская группа (языковая) — в широком значении древняя группа языков народностей юго-западной ветви индоевропейцев, расселившихся к югу от Карпат и устья Дуная: гето-даки, фракийцы, иллирийцы, македоняне, древние греки, хетты, лувийцы, лидийцы, древние армяне, троянцы и др. Охватывала Балканский п-ов и Малую Азию. Возможно проникновение на Ближний Восток (филистимляне). Прямые потомки носителей п. г.: греки, армяне, албанцы, румыны, молдаване. Относились к группе изоглоссы кентум — западноиндоевропейских языков. Благодаря близости языков и происхождения южная часть народов п. г. постепенно интегрировалась в греческий суперэтнос под влиянием древнегреческой культуры и государственности; составили основу византийской нации раннего типа — этническую опору Византии. Антропологический тип п. г. повлиял на древнегреческую и византийскую цивилизации. Большое воздействие на этот тип оказал местный доиндоевропейский субстрат раннеземледельческой матриархальной цивилизации, которая существовала до прихода п. г. Постепенно субстрат усиливал влияние на культуру народов п. г. Язык гето-даков испытал в составе Римской империи раннюю романизацию, что повлияло на формирование румынского языка как романского.

Палеоевропейцы (палеоевропейские расы) — этническая и расовая ветвь человеческого рода, обитавшая на территории Европы с периода верхнего палеолита (ледникового периода) до примерно I тыс. до н. э., вплоть до завершения их ассимиляции индоевропейцами, финнами и народами других этнических семей. Также п. называют охотниками и собирателями. П. вошли в состав всех европейских народов в качестве субстрата, в виде первой или второй ведущей расы. Различались п. Центральной и Западной Европы и п. востока и севера Восточной Европы. Последние оказали наибольшее влияние на славянские народы и другие народы ВЕ. Язык п. не сохранился, лишь некоторые гидронимы и топонимы, в частности в Центре и на Севере Восточно-Европейской равнины. Последние п. — лапландцы, лопари в ВЕ, пикты — в ЗЕ. К п. относились носители волосовской культуры. П. могут рассматриваться как часть бореального массива Северной Евразии. В религии значительное влияние имели матриархальные магические культы.

Панславизм — международное идейное, культурное, общественное и политическое течение, выступающее за культурное и политическое объединение славян в тех или иных формах; мировоззренческая и идеологическая платформа осознания самости славянских народов, в том числе вплоть до славянской цивилизации; геополитическая панидея. Хотя отдельные идеи панславизма существовали с IX в., а в XVII в. возникли первые крупные работы панславистской идеологии (*Орбини, Крижанич*), окончательно п. оформился в первой половине XIX в. в Австрийской и Российской (славянофилы, *Погодин*, Кирилло-Мефодиевское братство) империях. П. организационно был закреплён в форме I и II общеславянских съездов. Исторически рассматривались различные формы п.: взаимной поддержки и культурного обмена, межславянского языка, взаимности славянской принципа, международного союза, федерации славянских государств (равных или во главе с Россией), славянского федеративного государства как части внутри другого государства (*австрославизм*). Несмотря на конфликты между славянскими народами и борьбу за доминирование в ВЕ или её части (Россия — Польша, Сербия — Хорватия и др.), п. оказал влияние на историческое развитие славянских народов и Европы в целом: привёл к созданию национальных государств славянских народов, способствовал освобождению их от немецкой колонизации и османского ига, позволил противостоять цивилизационным войнам Дранг нах Остен, привёл к формированию федеративных славянских государств из нескольких славянских народов (СССР, Югославия, Чехословакия), позволил создать мировую социалистическую систему на основе *Варшавского договора*. Слабые стороны п. — отсутствие собственной цивилизационной системы и *западничество*, зависимость от внешних сил, этнографичность славянского самосознания и узкий национализм.

Автором термина п. выступил *Я. Коллар* Однако первые произведения п. были созданы в XVI–XVII вв. В мягкой форме п. выступает в качестве взаимности славянской. К. Хаусхофер назвал п. одной из важнейших геополитических панидей.

Персонализм соборный — разновидность философии персонализма, признающая субстанциальную реальность как индивидуальных, так и коллективных личностей, а также связей между ними, образующих единство и целостность мира. В отличие от персонализма всеединства, признающего полную реальность только Бога, Софии, или других сверхличностей, и сводящим к ним духовную основу индивидуальных личностей и других единиц мира. Представляет собой среднее течение между крайними направлениями (всеединства и индивидуал-персонализма), характерное для большинства русских философов. Термин введён В. Муравьёвым (или С. М. Половинкиным в работе «Русский персонализм» для определения философии В. Муравьёва). Персонализм как мировоззрение по своему определению является соборным, то есть немислим без признания духовно-интуитивной общности с людьми и другими субстанциальными деятелями, а также объединяющей роли Бога в сотворении и поддержании мира как духовной системы. Соответствует мировоззренческой оптике ВЕЦ.

Полицентричность цивилизационная и геополитическая — свойство, присущее цивилизациям и устройству мира и истории, которое состоит в разделении человеческого рода на отдельные типы и виды и их подвиды и конкретные политические и культурные сообщества, сформированные по этническому, культурному, религиозному, политическому, историческому и другим признакам. Проистекает из множественной и персоналистской концепции мира, противостоящей монизму и всеединству; из признания реальности самостоятельных личностных волевых единиц, образующих коллективные структуры. То же, что и «многополярность», но более точное, поскольку многополярность является самопротиворечивым термином — оксюморон (так как полюсов не может быть более и менее двух и означает только разделение мира на две части, что было присуще биполярному мироустройству второй половины XX в.). П. ц. и г. не противоречит единству и целостности мира и человеческого рода, а существует наряду с ними.

Православие (восточное христианство) — конфессия христианства, охватывающая православные поместные церкви; церковь, претендующая на полноту истины христианства. К п. (в. х.) принадлежит большинство населения ВЕ, поэтому оно является духовной и метафизической основой ЦВЕ. П. (в. х.) выступает главной мировой осевой религией, в которой центром осевого времени выступает Рождество Христа. Богословие на основе ранней патристики и мистические практики п. (в. х.) (исихазм, имяславие) служат непосредственной мировоззренческой оптикой ЦВЕ, создавая основу для философии, духовной антропологии и других вторичных культурных форм. П. способствует духовной трансформации личности верующих людей в соответствии с Божественным Пробразом — обожению. Тем самым п. (в. х.) формирует свою мировую православную форму цивилизации. Влияние п. испытали и испытывают и народы ВЕ, у которых доминирует католичество (западные славяне) или протестантизм. Несмотря на то, что форма п. (в. х.) сформировалась под решающим влиянием греческой культуры западного типа, тем не менее главное содержание сложилось в рамках ближневосточной цивилизации в Иудее. К тому же в поместных церквях ВЕ на форму п. (в. х.) влияют местные восточноевропейские культуры, создавая свои версии *православной цивилизации*, например русская православная культура, как официальная РПЦ, так и «народного православия». В последнее десятилетие п. (в. х.) испытывает раскол по линии: греческие церкви — восточноевропейские церкви, в основе которого лежит отношение к доминированию антихристианской цивилизации современного Запада. Ряд церковных организаций и сообществ, относящихся к *православной цивилизации (восточнохристианской цивилизации)*, не относятся к Православной церкви в силу канонических разногласий.

Православная цивилизация (восточнохристианская цивилизация) — мировые форма и содержание цивилизации, сформировавшейся под решающим влиянием православия (восточного христианства). Распространена в странах ВЕ и Греции, где п. ц. (в. х.) является господствующей религией, в качестве цивилизации меньшинства — в других странах Ближнего и Среднего Вос-

тока и Запада. П. ц. (в. ц.) имеет различные варианты, соответствующие традициям макрорегионов, народов и поместных церквей. Формирует свой тип человека и общества под влиянием обожения, которое обретают не все члены общества. П. ц. (в. ц.) как Вселенскую церковь следует отличать от отдельных цивилизаций, сформировавшихся на основе этнических типов человека, в которых П. ц. (в. ц.) является особой духовной частью. В этом смысле п. ц. (в. ц.) не тождественна восточноевропейской цивилизации или её части (как считает ряд авторов, вслед за А. Тойнби и С. Хантингтоном), а служит своеобразным стержнем, осью.

Праславянский язык — общеславянский язык праславянской общности, существовавший на прародине (западные притоки Днепра — Висла — Одер) в период с начала II до н. э. — по V в. н. э. и некоторое время после расселения славян в V–X вв. н. э. до оформления первых национальных языков. Сложился на основе центрально-западных диалектов культур шнуrowой керамики (пробалтославянского языка?). Наследником п. я. может считаться церковнославянский язык кирилло-мефодиевской традиции.

Пространство и земля в ВЕ — особые традиционные структуры в образе жизни, обществе и культуре ВЕ, связанные с особенностями природы и хозяйства. К ним относятся: божественная природа земли, не позволяющая полностью считать её частной собственностью в полной мере; коллективное землепользование (передельная община); огромные пространства со слабыми путями сообщения; миграционизм, склонность к странствиям (образ странника, дороги); образ колеса, повозки; сакральные структуры пространства в мифологии (пуп земли и т. д.).

Псевдоморфо́за (культурная) — в культурно-исторической (цивилизационной) теории **О. Шпенглера** форма культуры, заимствованная отдельной цивилизацией у цивилизации с другим культурным типом и включённая в свою структуру, но с соответствующими изменениями. Термин представляет собой «творчески осмысленную» аналогию или метафору с геологическими породами, где применительно к п. речь идёт о старых структурах других пород минералов, включённых в новую породу. П. (к.) представляют собой цивилизационно чуждые внешние элементы культуры, деформирующие общий изначальный тип человека и общества, но вместе с тем расширяющие возможности его воспроизводства и конкуренции с другими цивилизациями. В результате глобализации и вестернизации современные культуры отдельных цивилизаций наполнены п. (к.). Огромное влияние п. (к.) западного происхождения испытывает и ЦВЕ.

Расселение славянства — в конце Великого переселения народов VI–VII и после него в VIII–X вв. процесс занятия славянскими этническими группами основных современных территорий проживания в ВЕ. Процесс р. с. продолжился в Евразии и далее за счёт русских — восточных славян вплоть до конца XX в. в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе в рамках СССР. Р. с. привело к формированию ранних славянских народностей и распаду праславянской общности, созданию государств и империй славянских раннесредневекового типа, трансформации родового строя

в соседско-общинный, кризису родового строя и социальному расслоению, первичной зрелости славянской восточноевропейской цивилизации, складыванию письменной культуры, возникновению сети городов. С. выступило новой мощной исторической силой Европы и мира (наряду с германцами) и вошло в осевое время. Славяне поселились в землях, где они ранее не проживали, в том числе в землях, где до них проживали западные народы (Балканы, Центральная Европа). Началась славянская ассимиляция автохтонного населения, включение других народов в ЦВЕ. Проходило как в мирной, так и в военной форме.

Рационализм европейский — важнейшая особенность цивилизации *Запада*, его общественного и личного типа, состоящая в превращении мыслительной функции личности в самостоятельную силу, формирующую личность и общество. Причина этого в превращении мышления в инструмент власти и институциализации рациональных форм культуры в качестве определяющих (право, здравый смысл, расчёт, бухгалтерия, математика, проектирование и проектное мышление). Рациональные формы культуры начинают формировать границы личности и дистанции с другими людьми, что ведёт к индивидуализму и мутации личностного типа, сильно отличающихся от типов личности других цивилизаций. Критика русскими *славянофилами* р. стала основой формирования цивилизационной оптики ЦВЕ.

Русский мир (также Русского мира цивилизация, русская, российская цивилизация) — цивилизационный ареал, общественный, личностный и культурный тип большой русской нации и русского суперэтнуса (российской и восточнославянской суперэтнической общности). Главный центр, геополитическая общность и зона распространения ЦВЕ. Р. м. иногда понимают как особую самобытную отдельную цивилизацию и даже *государство-цивилизацию*, что соответствует его самостоятельному оригинальному и центральному статусу. Однако в рамках научного подхода и философской отечественной и зарубежной традиции более правильным является понимание Р. м. как самодостаточной части восточноевропейского цивилизационного ареала, важнейшего центра ЦВЕ.

Сарматизм — 1) этногенетическое учение, возводящее происхождение славян к сарматам; 2) сословное этногенетическое учение и культурный комплекс, стиль польского феодального и политического сословия (шляхты) в XV–XVIII вв., возводящий её происхождение к сарматам, в отличие от других слоёв и народов. Стиль с. оказал влияние на формирование собственных славянских форм одежды и культуры, альтернативных западным, и собственного историософского мышления славянских элит. С научной точки зрения с. является искажённым и фактически неверным пониманием этногенеза славян и их элит; вместе с тем он отдалённо отражает ранние связи славянского этногенеза с восточными индоевропейцами в рамках формирования массива и близость славян к ранним индоевропейцам.

Сатем языки — языки, характеризующиеся вариантом сатем изоглоссы кентум-сатем, которая чаще присуща языкам восточноиндоевропейских народов: славянской, балтской, индоиранской групп, что служит одним из признаков

их большего родства между собой, чем с западными языками, и свидетельствует в пользу раннего возникновения ЦВЕ.

Сверхообщество (западное сверхообщество) — в социальной теории **А. А. Зиновьева** массовая многочисленная корпоративно-государственная и сетевая глобальная верхушка общества, образующая международную систему социальной власти и собственности в основных сферах общества под контролем глобальной олигархии. Социальная основа современной западной цивилизации. С. (з. с.) сформировалось в XX в. после Второй мировой войны на основе единого западного блока стран, новых технологий и систем управления, а также корпоративно-монополистических систем экономики и сетевых сообществ. Позиция с. отличается от более ранних элитных и субэлитных групп тем, что оно выступает субъектом истории, планирующим и осуществляющим её развёртывание. С. (з. с.) как носитель новейшего глобального типа человека и общества выступает господствующей надстройкой над другими отдельными незападными цивилизациями и остатками традиционных западных обществ. Попытка создания с. западного социалистического типа была предпринята в мировой системе социализма в СССР.

Седмочисленники — свв. **Кирилл (Константин Философ)** и **Мефодий** и их ученики, **Климент**, Наум, Савва, Горазд, Ангеларий, также причисленные к лику святых, всего семь человек. Основоположники кирилло-мефодиевской традиции, создатели и распространители славянской и восточноевропейской письменности, литературного межславянского богослужебного языка, переводчики богослужебных текстов, миссионеры крестители и духовные учителя славянских народов.

Славянская прародина — регион, в котором сложилась праславянская родоплеменная общность на базе части культур шнуровой керамики. Охватывает территорию к северу от Карпат по линии: Западные притоки Днестра — Висла — Одер в период с начала II до н. э. — по V в. н. э.

Славянская цивилизация — то же, что и **Восточной Европы цивилизация** (восточноевропейская цивилизация) в более узком этническом значении. С. ц. образует ядро восточноевропейской цивилизации и наиболее её массовый состав как по носителям, так и по странам, культурному, экономическому, политическому влиянию. Однако славянский тип далеко не исчерпывает саму цивилизацию ВЕ как с точки зрения состава народов, так и по качеству содержания типа человека, общества, культуры.

Славянофильство русское — в узком смысле течение русской цивилизационной мысли в XIX–XX; в более широком — платформа в определении цивилизации ВЕ наряду с панславизмом. С. признает славянство главным фактором цивилизации ВЕ. Различают ранее славянофильство (1830–1860 гг.), неославянофильство (1860–1910-х гг.).

Соборность — 1) в широком смысле — свойство типа человека и общества, а также мировоззренческий принцип, состоящие в гармоничном свободном единстве общества и индивида, личности и коллектива, «Я» и окружающих людей; 2) в узком, первоначальном смысле в философии **славянофильства русского** — свободное единение людей внутри единой Вселенской Церкви

вокруг Бога. Широкий общественный, межличностный и церковный смыслы с. образуют единство в его понимании.

СЭВ (Совет экономической взаимопомощи) — международный экономический союз стран ВЕ в 1949–1991 гг., входивших в социалистическую цивилизацию; форма управления социалистическим миром-экономикой. Доля стран СЭВ в мировой экономике составляла от 1/4 до 1/3.

Советизм — 1) платформа мировоззренческой мысли, определяющая цивилизацию России и ВЕ, их человеческий тип, как социалистическую по её сущности, особенно после реального социализма; 2) идеология, поддерживающая цивилизацию СССР и необходимость возврата к ней. Противостоит различным формам идеологии антисоветизма.

Софийность — в православных философии и богословии свойство мира или его частей, состоящее в гармоническом устройстве в соответствии с действием Премудрости Бога (Софии). С. наряду с *соборностью* и *справедливостью* служит одним из космических и социально-этических принципов в мировоззренческой оптике ЦВЕ. С. выражалась наглядно в архитектуре и убранстве софийских соборов. В софиологических и гностических ересь софийность возводилась в отдельную личность, божественную ипостась и эон (временной мир) мировой истории, в отличие от канонического православия, где с. — свойство Бога. В философских учениях с. иногда понималась в ипостасном гностическом смысле.

Социалистическая цивилизация СССР и ВЕ — зрелая форма ЦВЕ, приобретающая универсальную и глобальную форму в качестве реального социализма социалистической системы в 1917–1991 гг. Также рассматривается приверженцами коммунизма как первая фаза, региональная часть или первая попытка коммунистической общественно-экономической формации. Социалистическое устройство является изначальным свойством общественного и человеческого типа ЦВЕ, однако лишь в социалистической цивилизации он приобрёл зрелую развёрнутую социально-экономическую форму. С. ц. СССР и ВЕ была экспортирована (транслирована) в другие цивилизационные регионы мира: Китай, Корею, Индокитай, Африку, Запад (ГДР), Латинскую Америку (Куба, Никарагуа). Иногда с. ц. СССР и ВЕ называют реальным коммунизмом, чтобы отличать его от социал-демократии и социального государства (в частности, А. А. Зиновьев), однако реальный социализм как форма цивилизации не соответствовал коммунистическому типу общества и его принципам.

Справедливость — принцип этики и общественного устройства в восточноевропейской цивилизации, состоящий в равном и непредвзятом отношении к людям как личностям в соответствии с их духовной и физической природой и установленными законами и порядками независимо от их социального и этнического типа. Трактовка с. отличается от её правовой трактовки в цивилизации *Запада*: «каждому — своё», «воздаяние по заслугам» в соответствии со статусом человека. Также с. в ЦВЕ отличается от трактовки в родовых и кастовых системах Востока. В социалистической цивилизации СССР принцип с. формулировался: «от каждого — по способностям, каждому — по труду».

Судьбы изменяемости концепция в славянской языческой мифологии — представление о том, что судьба человека может быть изменена путём обращения к богам и собственным волевым усилиям. Объясняет отсутствие склонности славян и восточных европейцев к западной объективистско-детерминистской картине мира и одновременно склонность к волюнтаризму в историософии. Также связано с отсутствием неизбежности посмертной кары.

Суперэтнос — в теории этноса неоевразийства Л. Н. Гумилёва этническая общность — более широкая, чем этнос, возникающая вокруг него из представителей других различных этнических групп. С. часто является базой одного из цивилизационных и геополитических центров цивилизации. Так, русский с., сложившийся вокруг русской нации, является базой Русского мира как наиболее крупного и самостоятельного центра ВЕЦ.

Трансгуманизм — в узком смысле — идеологическое течение; в широком смысле — государственная и корпоративная политика цивилизации *Запада* в 1980–2020 гг., направленная на ликвидацию и замену традиционного биологического и духовного типа человека на воображаемого сверхчеловека, якобы обладающего превосходными свойствами, благодаря улучшению свойств организма и помощи искусственного интеллекта и других машинных устройств, преобразованию общества, народов и его систем, форм культуры, религии и т. д. Т. характеризует последнюю мутацию З. на основе механического рационализма и его самоликвидацию, превращение в глобальную антицивилизацию. Т. в значительной мере проник в *сверхобщество (западное сверхобщество)* и навязал ему своё мировоззрение в качестве частично эзотерической, но в основном экзотерической внешней доктрины для организации подвластной части мира.

Туранизм — идеологический принцип, учение, рассматривающее тип человека и общества, культуры ВЕ или её отдельных народов как производный от типа туранских народов (под туранцами понимаются народы алтайской языковой группы, тюркские народы; иногда вместе с ними финно-угорские народы). Характерен для польской, украинской, западной русофобии, старавшейся отделить русских от других народов ЦВЕ, приписав им тюркские этнические и культурные корни. В позитивном смысле как оригинальное качество рассматривался мыслителями платформы евразийства, а также его некоторыми предшественниками в рамках евразийского тюркско-славянского синтеза, в котором, однако, преобладал славянский элемент. Т. не имеет научных оснований, поскольку большинство народов алтайской языковой группы принадлежат к другой, преимущественно тюркской цивилизации, а их влияние на славян было ограниченным.

Уклад социально-экономический — форма организации хозяйственной жизни общества, производственных и экономических отношений в единстве с производительными силами. Важнейшая форма цивилизации. Включает в себя как производителями экономическую, так и международную и территориальную составляющие. Отличается от уклада технико-технологического как формы организации производительных сил. Реальный экономический уклад включает в себя в единстве все пять укладов: соци-

ально-экономический, *уклад технико-технологический*, международно-экономический, территориально-экономический. Ведущий у. с.-э. определяет социально-экономический строй общества и хозяйственную основу цивилизации, её текущую историческую форму. Для большинства обществ характерна многоукладность: сосуществование нескольких социально-экономических и технико-технологических укладов. Для ВЕ длительное время, вплоть до позднего Средневековья и Нового времени, был характерен общинный у. с.-э., который лишь дополнялся феодально-крепостническим. ВЕ в XX веке на основе СССР и ряда стран выработала государственно-социалистический с.-э. уклад. В настоящее время в мире доминирует развитый частнокапиталистический уклад, включающий крупные семейные и частные западные капиталы, объединённые в гигантские инвестиционные корпорации и ТНК.

Уклад технико-технологический — технологическая форма организации производительных сил общества в связи с социально-экономическими отношениями в данный исторический момент; также совокупность связанных производств. У. т.-т. определяет уровень развития производительных сил общества и цивилизации. Для большинства обществ характерна многоукладность: сосуществование нескольких социально-экономических и технико-технологических укладов.

Финно-угорские народы — народы уральской языковой семьи, изначально образовавшие *цивилизацию отдельную*, но в дальнейшем интегрированные в ЦВЕ в силу ряда процессов: этногенеза с компонентом групп культур шнуровой керамики (финны, эстонцы, эрзя и др.), русской ассимиляции, включения в свой состав в качестве ассимилированных палеоевропейских групп на раннем этапе, влияния славянских групп (венгры), влияния культурных форм ЦВЕ, общих условий жизни ВЕ, включения в империи (Российская империя, СССР).

Форма цивилизационная — исторически сложившаяся устойчивая и оригинальная разновидность *цивилизации отдельной*; форма организации жизни общества и человека в этой разновидности. В том числе в отдельных странах, зонах. Ф. ц. отличается от отдельной цивилизации как исторически сложившаяся структура, которая может меняться. Ф. ц., в отличие от самой *цивилизации отдельной*, может быть экспортирована (передана) в другие цивилизации как система форм культуры и социальной организации, личности, с определёнными поправками, в статусе псевдоморфозы. Например, многократно передавались такие ф. ц. в XX в.: западный капитализм, советский социализм. В античности — римский рабовладельческий строй. В ходе неолитической революции — раннеземледельческий уклад. Гибридный скотоводческо-земледельческий военный уклад культур шнуровой керамики в ВЕ. Часто передаваемым комплексом ф. ц. выступает *социально-экономический уклад* или *технико-технологический уклад*.

Формация социально-экономическая — крупная стадия развития человеческого общества, отличающаяся определённым социально-экономическим устройством и типом господствующих социально-экономических укладов. Понятие

ф. с.-э. сложилось в формационной и стадияльной теории исторического процесса, характерной для марксизма, и альтернативной *цивилизационной теории*. Вместе с тем обе парадигмы историософии могут быть совмещены, поскольку ф. с.-э. возникают, развиваются и существуют внутри цивилизаций в качестве *укладов социально-экономических*. В процессе глобализации и обмена формами культуры и динамики цивилизаций происходит становление общемировой ф. с.-э. Так капитализм стал глобальной ф. с.-э., изначально зародившись в ближневосточной цивилизации, затем развившись до некоторой степени в античной западной цивилизации Древнего Рима и получив мировое доминирование в Европе Нового времени и её колониальной системе, в Новейшее время охватил большинство стран мира.

Ценности цивилизации — крупные смысловые единицы, установленные обществами в качестве системообразующих для себя, обозначающие жизненно важные духовные черты типа человека и общества (цивилизации отдельной). Понятие ц. введено неокантианством в конце XIX в. в рамках своей философской парадигмы в качестве трансцендентальной формы и является специфически западным инструментом социального управления, проявлением цивилизационной воли индивидов и групп. Ц. воздействуют путём своего значения, «значат», образуя синтез смысловых единиц.

Согласно М. Хайдеггеру, утверждавшему вслед за Ф. Ницше, ценности являются не чем-то вечным, а всего лишь инструментом людей, поэтому они вводятся и разрушаются по своему усмотрению и служат проявлением европейского нигилизма как рационалистического субъективизма в осуществлении воли к власти («Европейский нигилизм»), разрушая традиционные основы. Вместе с тем основой ценностей часто выступают длительно существующие черты человека, личности и общества, трансцендентные прообразы религий. Поэтому хотя ц. не самостоятельны, они играют важную роль в цивилизационной динамике.

Центрально-Восточной Европы концепция — концепция, согласно которой ряд стран ВЕ (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия) образуют внутри восточноевропейского ареала особую зону, тяготеющую к Западу (входящую в западную цивилизацию). Целью Ц.-В. Е к. является отделение западной части ВЕ от Русского мира и фрагментация территории ВЭЦ.

Цивилизаций динамика (стадии развития) — исторический процесс изменения цивилизаций и его этапы в ходе их существования. Ц. д. обнаруживает определённые закономерности у разных цивилизаций, вместе с тем они не являются неизбежными по аналогии с органическими процессами у биологических существ (как утверждает «органицизм») или механическими у инструментов. Цивилизации являются преимущественно не социобиологическими, а социально-духовными объектами. Цивилизации как отдельные коллективные человеческие духовные единицы обладают волевым самоопределением (*выбор цивилизационный*), поэтому их зарождение, возникновение, первичная и вторичная зрелость, старение и умирание не являются неизбежными, хотя они могут наступать в результате последствий разных исторических процессов внутри цивилизаций и вне их. Ц. д. включает также

и взаимодействие цивилизаций между собой, обмен формами и населением. Цивилизации могут обладать теоретически вечным существованием.

Цивилизационная теория — философская, социальная и историческая теория, определяющая *цивилизации отдельные*, а также их разновидности и общие свойства, сущность, предмет. Ц. т. лежит в основе эмпирического исследования ц. о. Ряд ц. т. постулируют единство цивилизаций и наличие только одной цивилизации в мире — мировой цивилизации. Ц. т. можно рассматривать как часть историософии. Ц. т. иногда рассматривается как альтернатива в понимании истории и общества формационной теории, рассматривающей историю и общества как сменяющие друг друга *формации социально-экономические* и *уклады социально-экономические*. Однако более правильным является их взаимодополнение.

Цивилизация отдельная, локальная — крупный тип человека и общества, отличающийся от других типов, образующий собственный общественный, культурный и политический ареал и историческое единство. Ц. о., л. — не свойство и не отношение, а единичный коллективный предмет со своей духовной основой и свободой, состоящий из личностей и их общностей в исторической динамике. В качестве основы для ц. о., л. выступают этнические семьи и их ответвления, обладающие своим воспроизводимым антропологическим типом. На формирование ц. о., л. влияют также крупные (мировые) религии и их конфессии, политические центры, государства и империи, уклады социально-экономические и технологические, однако они не являются ц. о., л. и не заменяют их. Создавая свой мир, каждая ц. о., л. стремится тем самым к универсальности и содержит предпосылки к глобальной цивилизации, преодолевая свою этническую ограниченность. Однако глобальная цивилизация существует лишь через отдельные и локальные ц., а не самостоятельно. Мировой цивилизации как отдельного предмета не существует. Ц. о., л. существуют в своих исторических формах (*форма цивилизационная*), которые меняются по мере динамики и могут заимствоваться другими ц. Ц. о., л. не сводится к культуре, культурные формы являются средством самовыражения и воспроизводства ц. как человеческого типа и приспособлены именно к данной ц. Однако формы культуры и технологий передаются от одной ц. к другой, образуя *псевдоморфозы культурные*. Постепенно заимствованные формы культуры изменяют и человеческий тип, и цивилизацию в целом.

Чашно-купольная структура пространства — в творчестве В. В. Стерлигова устройство пространства, состоящее из разомкнутых и соприкасающихся кругов — куполов и чаш, образующих «пазухи» различных цивилизационных центров. Основой ч.-к. с. п. служит касание двух окружностей. Купол образует ось. Соответствует восточнохристианской и восточноевропейской идее пространства, выраженной в архитектуре храмов. Альтернативна линейной западной структуре и циклической восточной.

Шнуровой керамики культур общность — исторически первая форма восточноевропейской цивилизации в IV–II тыс. до н. э., сложившаяся на основе этнического культурно-исторического типа северо-восточной ветви индо-

европейцев на территории Восточной и Центральной Европы. Одна из трёх крупных ветвей индоевропейцев, сформировавшихся в процессе первичного расселения с территории прародины в регионе Средний Дон — Средняя Волга — Урал, наряду с западной (*ямных культур общность*) и индоиранской (катакомбная, срубная общности и их предки) ветвями. Первоначально до расселения в западном направлении входила в восточноиндоевропейской массив. Носители ш. к. к. о. ассимилировали *палеоевропейцев* ВЕ (днепродонецкая культура и др.). Центральная часть групп ш. к. к. о. — непосредственные предки славян и балтов. Маркируются мужской гаплогруппой R1a1. Также носители ш. к. к. о. участвовали в этногенезе некоторых народов ВЕ (финские народы) и Запада (германские народы).

Эллинизм русский — течение русской мысли, признающее главным в цивилизации России и ВЕ элемент заимствования греческой античной и эллинистической (смешанной ближневосточно-греческой) при посредстве православной культуры Византии. Может считаться разновидностью *византизма*, хотя противоречит ему как течение, считающее главным светский и античный языческий компоненты заимствования.

Югославизм — идейное и политическое течение, идеология объединения южных славян, народов Балкан в федеративное государство, югославскую нацию; разновидность *панславизма*. Цели и идеи ю. реализованы в государстве Югославия. Деятели: И. Гарашанин, Т. Павлович, Й. Штросмайер, Н. Пашич и др.

Ямных культур общность — одна из исторически первых форм цивилизации индоевропейцев в IV–III тыс. до н. э. Маркер гаплогруппы R1b1 показывает принадлежность я. к. о. к западной ветви, расселявшейся на запад по южному степному коридору от Каспия к Западному Причерноморью (предки народов *Запада*). Одна из трёх крупных ветвей индоевропейцев, сформировавшихся после расселения с территории прародины Средний Дон — Средняя Волга — Урал, наряду *со шнуровой керамики культур общностью* (предки славян, балтов и других народов ВЕ) и индоиранцами. Раннеямные культуры рассматривались в курганной теории в качестве общих предков индоевропейцев. Я. к. о. характеризуется выраженным социальным раслоением, но при сохранении элементов эгалитарности, что также говорит в пользу того, что я. к. о. не является раннеиндоевропейским, а продуктом вторичного расселения специфически западного массива.

АННОТАЦИЯ

О книге С. Д. Баранова

«Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси)»

Монография С. Д. Баранова «Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси)» посвящена раскрытию крупной и актуальной темы: исследованию одной из крупнейших в мире отдельных цивилизаций, к которой принадлежит Россия и другие страны Восточной Европы. Что такое Восточная Европа с цивилизационной точки зрения? Каково её место в мировой истории?

Книга построена на оригинальной авторской концепции цивилизационной принадлежности России, которая служит современным творческим развитием теории славянской цивилизации Н. Я. Данилевского. Понятие цивилизации строится на антропологическом факторе, связывая цивилизацию и общество с конкретной личностью, национальными характерами и их духовными прообразами. Цивилизация — это особый тип человека и общества, который формируется и существует на основе крупного этнического типа: семьи родственных народов (языковой семьи) или её ветви (языковой группы). На формирование цивилизации влияют факторы религии, общественного устройства, формы культуры, которые постепенно дают проявиться её универсальности, однако платформа остаётся прежней. С. Баранов критически пересмотрел ранее сложившиеся подходы к цивилизациям как к культурно-религиозному общественному типу А. Тойнби, С. Хантингтона, О. Шпенглера, П. Сорокина, Ф. Конечного, показав их эмпирическую несостоятельность и специфическую узость западного философского подхода.

Автор подвергает критическому анализу основные исторически сложившиеся мировоззренческие и идейные платформы по определению цивилизации России и соседних с ней регионов Восточной Европы: панславизм и славянофильство, византизм, евразийство, русизм (Русский мир), советизм, западничество, гиперборейство; показывает их односторонность. За основу синтеза направлений автор предлагает взять платформу славянофильства.

В разделе 2 подробно описывается исторический и этнологический контекст цивилизации ВЕ, который позволяет окончательно определить её предмет и границы: современный состав и место в этнической классификации цивилизаций (одна из четырёх индоевропейских цивилизаций), историю возникновения и развития цивилизации Восточной Европы, первую форму (общность культур шнуровой керамики), обретение зрелости, физико-антропологический тип и другие особенности. Автор включает в состав восточноевропейской цивилизации также и неславянские народы Восточной Европы, поскольку она вышла за пределы этнического типа.

Раздел 3 образует смысловой центр монографии: в нём на основе научной фактологии определяется социальный тип личности и общества Восточной Европы и в их взаимосвязи друг с другом, который и совпадает с понятием конкретно-научной антропологической сущности этой цивилизации. На основе психологической структуры личности и её связей с социальным окружением С. Д. Баранов сформулировал три основных типа личности: восточноевропейский (осевой) индивидуал-коллективистский тип, западный (индивидуал-рационалистический) и азиатский (кланово-коллективистский) типы.

Монография включает авторскую концепцию мировоззренческих форм самоописания цивилизации Восточной Европы. В качестве основной формы автор предлагает философию русского соборного персонализма второй половины XIX — середины XX в., который наряду с русской духовной антропологией и историософией отдельных цивилизаций и даёт основу для теории отдельных цивилизаций, поскольку их субстанциальность держится на субстанциальности типа человеческой личности.

Книга включает анализ оригинальной зрелой формы цивилизации Восточной Европы — реального социализма СССР и других стран ВЕ (1917–1991), которая выразила сущность цивилизации ВЕ как сохранившейся в реальной истории осевой цивилизации индивидуал-коллективного человека. Восточноевропейский социализм стал универсальной формой альтернативной цивилизации, которая передалась в другие регионы мира и цивилизации благодаря осевому характеру.

Раздел 6 содержит теорию историософии цивилизации Восточной Европы как цивилизации актуального «осевого времени» — цивилизации Оси, а также прогноз её перспектив на фоне развития глобальной цивилизации Запада. Список использованной литературы состоит из более чем 350 источников. В приложениях содержатся: 1) словарь имён авторов по теме отдельных цивилизаций и цивилизации Восточной Европы; 2) словарь терминов по теме цивилизаций и цивилизации ВЕ.

Работа является заметным междисциплинарным вкладом в цивилизационную теорию и практическое исследование цивилизаций, а также формирование цивилизационного самосознания народов ВЕ, их национально-государственного мышления и взаимной солидарности. Рекомендуются специалистам в областях философии, культурологии, антропологии, истории ВЕ, политики и геополитики, международных отношений.

Summary

The Civilization of Eastern Europe (Axis Civilization)

S. D. Baranov's monograph «The Civilization of Eastern Europe (Axis civilization)» is devoted to the disclosure of a major relevant topic: the study of one of the largest individual civilizations in the world, to which Russia and other Eastern European countries belong. What is Eastern Europe from a civilizational point of view? What is its place in world history?

The book is based on the original concept of the Russia's civilizational belonging, which serves as a modern creative development of N. Y. Danilevsky's theory of Slavic civilization. The concept of civilization is based on the anthropological factor, linking civilization and society with one's personality, national characters and their spiritual prototypes. A civilization is a large type of person and society that is formed and exists on the basis of a large ethnic type: a family of related peoples (a language family) or its separate branch (a language group). The formation of civilization is influenced by religion, social structure and culture, which gradually allow its versatility to reveal itself, although the basis remains the same. S. Baranov critically revised the previously established approaches to civilizations as a cultural and religious social type of A. Toynbee, S. Huntington, O. Spengler, P. Sorokin, F. Konechny, showing their empirical inconsistency and the specific narrowness of the Western philosophical approach.

The author critically examines the main historically established worldview and ideological platforms for defining civilization of Russia and its neighboring regions of Eastern Europe: Pan-Slavism and Slavophilism, Byzantism, Eurasianism, Russianism (Russian World), Sovietism, Westernism, Hyperboreism; shows their one-sidedness. The author suggests taking the Slavophilism as the basis for the synthesis of directions.

In chapter 2, author particularly describes the historical and ethnological context of the Eastern European civilization, which makes possible to determine its subject and limits: the current composition and place in the ethnic classification of civilizations (one of the 4 Indo-European civilizations), the history of the beginning and evolution of the Eastern-European civilizations, the first form (the community of Corded Ware cultures), the acquisition of maturity, physical-anthropological type and other characteristics. The author also includes the non-Slavic peoples of Eastern Europe as part of the Eastern European civilization, since it has gone beyond the ethnic type.

Chapter 3 forms the semantic core of the monograph: it defines the social type of personality and society of Eastern Europe in their interrelation with each other, which coincides with the concept of the concrete scientific anthropological essence of this civilization.

Based on the psychological structure of personality and its connections with the social environment, S. D. Baranov formulated three main ideal personality types: the Eastern European (axial) individual-collectivist type, the Western (individual-rationalistic atomized) and Asian initial (clan-collective) types.

The monograph includes original concept of ideological forms of self-description of Eastern European civilization. Russian collectivist («sobornyy») personalism of the second half of the XIX-mid-XX centuries, along with Russian spiritual anthropology and historiosophy of individual civilizations, provides the basis for the theory of individual civilizations, since their substantiality rests on the substantiality of the type of human personality.

This work includes an analysis of the original mature form of Eastern European civilization — the real socialism in the USSR and other Eastern European countries (1917–1991), which expressed the essence of the Eastern European civilization as preserved in the real history Axial Age civilization of individual-collective human. Eastern European socialism has become a universal form of alternative civilization,

which has been transmitted to other regions of the world and civilization due to its axial character.

Chapter 6 contains the theory of the historiosophy of the civilization of Eastern Europe as a civilization of the current «axial time» — the Axis civilization, as well as a prediction of its outlook in the background of the evolution of the global civilization of the West. A list of references alphabetically from more than 350 sources.

The appendix contains of: 1) a list of authors on the topic of particular civilizations and civilizations of Eastern Europe; 2) a list of terms on the topic of civilizations and civilizations of Eastern Europe

The work is a notable interdisciplinary contribution to the civilizational theory and practical study of civilizations, as well as the formation of the civilizational self-consciousness of people and their nation-and-state-wise thinking and mutual solidarity. Recommended to specialists in philosophy, cultural studies, anthropology, history of Eastern Europe, politics and geopolitics, international affairs.

Научное издание

Баранов Сергей Дмитриевич

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОСИ)

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков

Корректурa: Т. В. Соболева

Компьютерная верстка: О. В. Клюшenkова

*В оформлении обложки использована картина А. Мухи
«Апофеоз истории славянства» («Славянская эпопея»)*

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Галлея-Принт».

**Это и другие издания вы можете бесплатно скачать
на сайте Института Наследия –
www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»**